ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

ВЕКА СОВМЕСТНОЙ ИСТОРИИ: НАРОДЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ (1557–1917 гг.)

Нальчик ▪ 2017

Уважаемый читатель!

В 2017 г. исполняется 460 лет со времени установления официальных взаимоотношений Кабарды с Российским государством. С высоты сегодняшнего дня можно с уверенностью сказать, что процесс единения народов Кабардино-Балкарии с Россией, инициированный нашими предками, был единственно верным и мудрым решением. Связывая себя с Российским государством, кабардинцы, балкарцы, как и все народы Северного Кавказа, сохранили себя и получили возможность для саморазвития.

Историческое время соединяет в себе преемственность и изменения в формах и содержании жизни народов. Научная история народов Кабардино-Балкарии должна ставить вопросы и давать ответы о внутреннем единстве и внутреннем различии исторической традиции. Такие исследования позволяют осмыслить современное состояние общества и исторический опыт, накопленный нашими народами, определяют магистральное направление будущего развития.

Уверен, что создание обобщающего труда «Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.)» не только дает новое научное осмысление сложным проблемам истории XVI – начала XX в. и существенно обогащает российское кавказоведение, но и, в конечном итоге, будет способствовать дальнейшей консолидации и культурно-исторической общности народов, проживающих в современной России. Сегодня политика, проводимая Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, учитывает интересы и права народов в сфере сохранения своей этнической идентичности, языка и национального культурного наследия.

Научные дискуссии о конкретном политическом смысле акта 1557 г. в контексте той эпохи еще не завершены. Разумеется, необходимо в полной мере учитывать конкретно-исторические условия XVI века, но если смотреть на дело с позиций начала XXI века, становится неоспоримым, что события середины XVI века являются исходной точкой длительного пути совместного преемственного развития России и народов Кабардино-Балкарии. Таким образом, в фокусе исследования оказывается не отдельное историческое событие, имевшее место 460 лет назад, а весь процесс развертывания содержания и форм исторического взаимодействия и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией от истоков до 1917 года.

Авторскому коллективу удалось, на наш взгляд, на материалах истории народов Кабардино-Балкарии показать, что взаимодействие России и Северного Кавказа являлось прежде всего взаимодействием цивилизационным. В книге представлена широкая историческая панорама взаимоотношений России и народов Кабардино-Балкарии: дипломатия и военно-союзническое партнерство; включение в административно-политическую систему России и осуществление модернизирующих реформ; формирование полиэтничного населения и взаимовлияния в сфере материальной и духовной культуры; российско-северокавказская интеграция в культурно-просветительской практике и общественной мысли.

В свое время, известный английский историк и член Британской Академии наук Питер Ласлетт сказал: «Реконструкция прошлого и его интерпретация строятся для того, чтобы примирить некоторое общество (или какую-либо группу) с его прошлым и с тем, в чем его настоящее отличается от этого прошлого. Они нужны для того, чтобы сделать понятным каждому новому поколению положенное ему место во времени».

Историческая дата, которую Республика отмечает в 2017 г., связана с событием, поистине имеющим судьбоносное значение для наших народов. Оно вызывает у нас чувство большой ответственности за настоящее и будущее Республики и нашего Отечества, за сохранение своей национальной и российской идентичности.

Глава
Кабардино-Балкарской Республики **Ю.А. Коков**

ВВЕДЕНИЕ

Одна из фундаментальных проблем, стоящих перед отечественной исторической наукой – это проблема обобщения исторического опыта социальных и политических трансформаций в российском цивилизационном и государственном пространстве. Существенно важный аспект этой проблемы касается адекватного отражения культурно-исторической специфики российских регионов и задач реализации общественного потенциала истории в интересах устойчивого модернизационного развития современной России.

Предлагаемая работа направлена на системное исследование ключевых аспектов исторического процесса в регионе Центрального Кавказа в XVI – начале XX в., содержанием которого был постепенный и поэтапный процесс вхождения кабардинского и балкарского народов в состав Российского государства, и начало их интеграции в экономическую и социально-культурную жизнь российского общества.

Таким образом, предметом исследования стало масштабное явление, развитие которого прослеживается на протяжении почти трех с половиной столетий. Оно охватывает существенный аспект той эпохи северокавказской истории, которая демонстрирует как зрелость форм территориальной, социальной и политической организации традиционного мира народов Кабардино-Балкарии, так и автономность протекания процессов его социально-политического развития. Применительно к ней хорошо поддается вычленению и самостоятельному анализу сфера политических отношений кабардинского и балкарского обществ как форма их внутренней самоорганизации и как способ их активной адаптации к внешней социально-политической среде. Взаимное вхождение России и народов Кабардино-Балкарии в их сложившиеся к середине XVI в. исторические «миры» открывает новую эпоху их совместной истории. Выдвижение на первый план в политической истории народов Кабардино-Балкарии проблематики их взаимоотношений с Россией и анализ ее в общем контексте политики Российского государства на Кавказе объективно оправданы с позиций исторической ретроспективы. Важно, что русско-северокавказские отношения рассматриваются в рабо-

те в их реальной многогранности – как становление и развитие собственно двусторонних связей; как политическое взаимодействие в контексте сложной системы горизонтальных и вертикальных связей в масштабах региона; и наконец, в контексте международных отношений и «кавказской» политики ряда противоборствующих держав.

Системное представление основных этапов дальнейшего развертывания совместной истории народов Кабардино-Балкарии и России включает целый ряд аспектов: определение места этнополитического ареала Кабарды и Балкарии на политической карте изучаемого региона и установление характера его взаимосвязей с окружающей этнополитической средой; выявление и систематизация исторических фактов и событий, отражающих многосторонние политические отношения, в которые были включены народы Кабарды и Балкарии; установление внешних и внутренних факторов, определивших для народов Кабарды и Балкарии необходимость выбора внешнеполитической ориентации и их поворот к тесному сотрудничеству с Российским государством; выявление масштабов, особенностей и значения практики выезда кабардинских (адыгских) князей в Москву как характерной формы политического взаимодействия социальных верхов традиционного северокавказского общества с Российским государством; осуществление целостного анализа процесса сближения и военно-политического сотрудничества народов Кабарды и Балкарии с Россией с учетом внутренней и внешней политики обеих сторон; рассмотрение истории Кабарды и Балкарии во второй половине XVIII – середине XIX в. в контексте политики России и представление исторических судеб народов региона в условиях Кавказской войны; исследование факторов устойчивости и характера эволюции местных обществ во второй половине XIX – начале XX века в результате окончательного включения в административно-политическую систему России и осуществления модернизирующих реформ на Северном Кавказе; воссоздание основных этапов казачьей и крестьянской колонизации, формирования полиэтничного населения на территории Кабарды и комплексное изучение взаимовлияний в сфере материальной и духовной культуры восточнославянского и местного населения; отражение достижений российско-северокавказской интеграции в культурно-просветительской практике и общественной мысли кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX в.

Комплексный характер предмета влиял на выбор методологии исследования, которая должна обеспечивать решение проблемы синтеза в историческом повествовании, охватывающем разнородные явления и отношения, включенные в контекст различных исторических эпох. Авторы данной работы опирались на достижения современной историко-теоретической мысли, получившие конкретизацию применительно к истории Северного Кавказа и Кабардино-Балкарии, в частности[1]. Категориальный аппарат исследования строился с использованием концептуальных обобщений по проблемам

осмысления культурно-исторической специфики Северного Кавказа и периодизации российско-северокавказских отношений[2]. Логика исследования требовала учитывать итоговые характеристики последующего исторического развития народов региона, чтобы выявить общий исторический контекст рассматриваемых явлений[3]. В качестве основного концепта, позволяющего синтезировать методологические позиции авторов, содержание исследуемого материала и функции полученных результатов по формированию современной структуры исторической идентичности народов Кабардино-Балкарии, избрано понятие совместной истории.

Оно соответствует двум базовым характеристикам культурно-исторической специфики региона: во-первых, Северный Кавказ исторически представляет собой область устойчивого взаимодействия разных этносов, культур и цивилизаций, а во-вторых, он давно и прочно интегрирован в общероссийское социально-политическое пространство[4]. С одной стороны, эти особенности объективно сформированы всем ходом предшествующей истории, с другой – они принципиально неустранимы и будут сохранять свое доминирующее значение для народов региона и для России в целом на всю обозримую перспективу. Изучение реального исторического опыта, всесторонний анализ живых традиций взаимодействия северокавказского социально-культурного и этнополитического комплекса с российским обществом и государством в монографии прослеживается на примере отношений народов Кабардино-Балкарии и России.

В 2017 г. исполняется 460 лет со времени кабардинского посольства 1557 г. в Москву, положившего начало процессу сближения и последующего вхождения народов современной Кабардино-Балкарии, да и всего Северного Кавказа, в состав Российского государства. Привлечение к этим событиям широкого общественного внимания, утверждение в общественном сознании глубокого понимания их исторического и политического значения, чрезвычайно важно для окончательного преодоления негативных явлений и тенденций в социально-политической ситуации на Северном Кавказе.

Авторский коллектив настоящего исследования исходит из того, что общественно-политическое наполнение юбилея решающим образом определяется современным статусом и мировоззрением народов Кабардино-Балкарии, осознающих себя в качестве равноправной, органической и неотъемлемой части российского общества и государства.

Авторами отдельных глав и параграфов монографии являются:

Введение: *К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова*.

Глава 1: *К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова*.

Глава 2: 2.1.–2.4. – *К.Ф. Дзамихов*; 2.5. – *Н.В. Варивода*; 2.6. – *К.Ф. Дзамихов*; 2.7. – *Е.Г. Муратова*.

Глава 3: 3.1. – *К.Ф. Дзамихов*; 3.2. – *А.Х. Абазов*; 3.3. – *Д.Н. Прасолов*; 3.4.–3.5. – *Е.Г. Муратова*; 3.6. – *Н.В. Варивода, И.Х. Тхамокова*; 3.7. – *Н.В. Варивода*.

Глава 4: 4.1. – *А.Х. Абазов*; 4.2. – *Е.Г. Муратова*, *Д.Н. Прасолов*; 4.3. – *Д.Н. Прасолов*; 4.4.–4.5. – *Е.Г. Муратова*; 4.6. – *Н.В. Варивода, Р.Н. Дзагов, И.Х. Тхамокова*; 4.7. – *Н.В. Варивода*; 4.8. – *Д.Н. Прасолов*.

Заключение: *К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова*.

Примечания

1. *Боров А.Х.* Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 1996. Вып. 2. С. 83–92; *Боров А.Х.* Концептуальные основы обобщающих трудов по региональной истории: проблема синтеза в историческом изучении Северного Кавказа // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С. 296–314.

2. *Боров А.Х.* Современные подходы и актуальные проблемы концептуального представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 6 (44). С. 220–228; *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф.* Россия и Северный Кавказ: этапы взаимоотношений // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1998. № 1. С. 142–150.

3. *Боров А.Х.* Адыги в XX веке: на путях к современности // Кавказский сборник. Т. 1 (33) / под ред. Н.Ю. Силаева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. С. 186–200; *Боров А.Х.* Проблемы социально-культурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 2. С. 175–183; *Боров А.Х.* Кабардино-Балкария в XX в.: история и этнополитика // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 65–76.

4. *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 157–166.

ГЛАВА 1

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XVI – СЕРЕДИНА XVIII ВВ.)

1.1. Территории и население

В феодальную эпоху, к которой принадлежит рассматриваемый в данной работе отрезок совместной истории России и народов Кабарды и Балкарии, политический вес и влияние на окружающий мир тех или иных государств и владений определялись в первую очередь размерами контролируемой территории и численностью подвластного населения. Геополитика, как теория, отражающая влияние пространственного фактора на международную политику, оформилась только к концу этого периода. Но и в условиях XVI в. внешнеполитическая ситуация для государств и народов задавалась не только размерами, но и относительным положением их территории, ее физико-географическими особенностями, ее политическим окружением. Совокупность указанных позиционных факторов исторического развития кабардинцев и балкарцев сложилась к XVI в. таким образом, что во многом предопределила их место в общем процессе сближения и взаимодействия России с народами Северного Кавказа.

Кабарда. К XV–XVI вв. складывается в основных чертах современная этническая карта Северного Кавказа. На Северо-Западе весь район Прикубанья и Причерноморья до Сочи занимают адыги (черкесы). На значительной части плоскости и в предгорьях Центрального Кавказа размещаются восточные адыги – кабардинцы. Их соседями с запада стали близкородственные абазины. Южнее и восточнее этих народов в горах жили карачаевцы, балкарцы и осетины. На Северо-Восточном Кавказе были расселены вайнахи (чеченцы и ингуши) и многочисленные народы Дагестана. Здесь же, на Тереке, с XVI в. начинает формироваться гребенское (терское) казачество[1].

Территория феодальной Кабарды являлась восточной частью Черкесии. Первое упоминание термина «Кабарда» встречается в источнике середи-

ны XV в. Он приводится у венецианца Иосафато Барбаро в форме «Кевертей» уже как устоявшееся название восточных адыгов. Имеются основания считать, что первоначально название «Къэбэрдей» (Кабарда) относилось к одному из феодальных уделов восточной части адыгов и служило только в качестве его географического обозначения. Этот удел, или историческая Кабарда, по представлению самих кабардинцев, соответствует той территории, которая значительно позднее стала обозначаться в русских источниках как Большая Кабарда. Таким образом, с самого начала, этот термин обозначал территорию, а не жителей, ее населяющих, которые продолжали сами называть себя по-прежнему – адыгэ. На протяжении XVI–XVII вв. русские и зарубежные источники используют понятия, рисующие для окружающего мира образ особого социально-политического образования, распространившего свое влияние во всем регионе: «Кабардинская земля», «Кабардинская Черкасская земля», «Кабардинское княжество», «Пятигорское государство», «Пятигорские черкасы» и т.д.[2]

Московия и Европа первой половины XVI века

В период максимального расширения территории феодальной Кабарды в XVI–XVII вв. ее правители претендовали на военно-политический контроль и сюзеренитет над землями, включавшими предгорье и равнину от Кумы до

ее впадения в Соляные озера, и простиравшимися до устья Терека на востоке. На юге кабардинские земли вплотную примыкали к Большому Кавказскому хребту[3]. Таким образом, кабардинцы занимают в XVI–XVIII вв. равнины и предгорья Центрального Кавказа. Однако, представляя собой сплошной этно-социальный массив, территория Кабарды имела сложную внутреннюю территориально-политическую структуру.

Записанное Ш. Ногмовым предание относит разделение Кабарды на Большую и Малую ко времени правления князя Шолоха Таусултанова (Тапсарукова) к концу XVI – началу XVII в. Если рассматривать расположение кабардинских княжеств в середине XVII в. с запада на восток, они располагались следующим образом: удельные княжества потомков Кайтуки Бесланова (Алегуко Шеганукин и сыновья Казыя Пшеапшокова) – Большая Кабарда; далее пространство между правым берегом Терека и Сунжей – уделы Таусултановых и Гиляхстановых (Мударовы и Ахловы) – Малая Кабарда.

Большая Кабарда включала пространство от восточной границы бесленеевцев (р. Большой Зеленчук), урочище Бештау (Пятигорье) по обеим берегам р. Кумы, вверх до урочища Бургусант примерно на протяжении 150 верст, включая области бассейнов рек Малка, Баксан, Чегем, Нальчик, Черек и части Терека. В XVI в. территория Кабарды простиралась значительно севернее Кумы. В 1569 г. отступавшие от Астрахани к Азову крымско-турецкие войска по русским письменным источникам шли «Кабардынскою дорогою по безводным местом…», подверглись нападению и разгрому войск Темрюка Идарова. В первой половине XVII в. за урочищем Мекень находились владения Идаровой Кабарды. После основания Моздока в 1763 г. Большая Кабарда лишилась земель на левом берегу Терека. А строительство Кавказской (Азово-Моздокской) линии в 1788–1789 гг. ограничило ее северные рубежы р. Малкой.

Русский посол в Константинополе И.П. Новосильцев (1570 г.) свидетельствовал, что земля верховного князя Темрюка Айдаровича простирается «по Терке по реке и до моря». М. Броневский писал, что «область… пятигорцев простирается до Каспийского, или Гирканского моря» (1570-е гг.). Такие же сведения сообщает большая группа авторов XVII в. (Д. Лукка, А. Олеарий, Н. Витсен, Я. Стрейс и др.). Малокабардинские поселения располагались на правобережье и левобережье Терека, на левом берегу Сунжи, с юга – на р. Кумбелей, с запада – р. Лескен и до входа в горные ущелья.

Политические границы феодальной Кабарды были намного шире, чем этническая территория кабардинцев, где располагались их населенные пункты. Сюда входили земли (пахотные, пастбищные) или другие хозяйственные угодья, находившиеся вдалеке от кабардинских поселений.

В XVI–XVIII веках кабардинская равнина и предгорья были густо заселены. Пустопорожних земель у кабардинцев не было, но особенности хозяйствования и постоянная внешняя угроза способствовали выработке своео-

бразной, в тоже время практичной, системы землепользования: часть земель использовалась для распашки, а другая под пастбища, третья служила убежищем во время нападений врагов и феодальных междоусобиц.

В различные времена под влиянием внешних факторов (чаще крымских, ногайских и калмыцких нападений) и феодальных междоусобиц исторические документы фиксируют подвижность кабардинских населенных пунктов. Например, временные уходы с Кумы и Пятигорья или перемещения между Тереком и Сунжей не означали, что эти районы переставали быть кабардинскими. Встречающиеся в документах XVI–XVII веков сообщения о «кочевьях» кабардинцев нельзя понимать, по справедливому замечанию Е.Н. Кушевой, в буквальном смысле[4]. Тем более, что право переселения князей и первостепенных дворян традиционно ограничивалось территорией сравнительно небольших уделов и фамильных владений[5]. Так район Пятигорья, хотя и считался традиционным центром кабардинских земель, в отдельные периоды источники не фиксируют здесь постоянных населенных пунктов. Это объясняется близостью выхода к степи и опасностью нападений крымцев, ногайцев Малой Орды, а с 30-х годов XVII века и калмыков, что вынуждало население держаться ближе к горам. Земельное «утеснение», имевшее место у кабардинцев, свидетельствует о большой плотности населения. Когда в 1769 году русское правительство решило переселить из-за Кубани в Кабарду 100 абазинских дворов, принявших русское подданство, военное командование столкнулось с трудностями в их размещении. Посланный для решения вопроса капитан М. Гастоти в рапорте главнокомандующему отмечал: «По осмотре моем оказалось, что все лежащие около Кабарды, способные к поселению мест так равно и в Кашкатавском ущелье и по рекам Чегему, Череку и Урефу и около тех рек и урочищ как-то и на приложенной при сем карте значит, заняты селением Большой и Малой Кабарды народа, почему к поселению других народов удобных мест совсем не отыскалось»[6]. Именно из-за высокой плотности населения и нехватки земель возникали часто феодальные междоусобицы в адыгских княжествах[7].

Кабардинские поселения (хьэблэ, къуажэ, жылэ) в русских источниках XVI–XVII вв. назывались «кабаками», в XVIII в. – деревнями. Среди них встречались как компактно располагавшиеся родовые поселения, так и населенные пункты со смешанными и многофамильными родами. Наименование поселений соответствовало фамилиям их феодальных владельцев.

Основной социальной единицей кабардинского общества в XVI–XVIII вв. являлась вотчина, которая пространственно совпадала с традиционным селом (къуажэ). Все без исключения селения являлись вотчинами, имели своего владельца (къуажэпщ), фамилию которого носили, и по его титулу условно подразделялись на *пщы къуажэ* (княжеские села) и *уэркъ къуажэ* (дворянские села). Правами вотчинника обладали князья, а также представители сословий тлекотлеш, диженуго, беслан-уорк, уорк-шаотлугусо и даже отдельные

пшикеу. Каждый из них вплоть до 1820-х гг. оставался полноправным господином в своем владении и представлял подвластных жителей за его пределами: на хасах, княжеских или дворянских советах и т.п.

На карте 1744 г. были указаны 74 деревни в Большой Кабарде и 45 деревень в Малой Кабарде. Кроме того, в Большой Кабарде находилось еще 8 княжеских «дворов», обнесенных каменной стеной, а в Малой Кабарде таких дворов было два. Наибольшее число поселений Большой Кабарды располагалось по рекам Баксан (20 деревень 8 замков), Нальчик (24 деревни), Чегем (10 деревень), Куркужин (9 деревни и 2 замка), Шалушка (6 деревень и 2 замка) и т.д. На р. Кишпек было 2 поселения, на Урухе, Гунделене и Малке – по одному. Наиболее густонаселенными районами Большой Кабарды являлись центральные по Чегему, Шалушке и Нальчику; по Баксану и Пятигорье. Поселения Малой Кабарды располагались главным образом в западной части – по Тереку. Здесь находилось 34 деревни и замок Гелехстановых. В восточной части Малой Кабарды, вплоть до Сунжи, располагалось 11 деревень и замок князей Таусултановых. Если по карте 1744 г. и по объяснениям к ней, данным А. Киреевым в 1753 г., в Кабарде насчитывалось 129 поселений, то через сто лет их количество сократилось до 108.

Динамика естественного движения и общая численность кабардинского населения для XVI–XVIII вв. устанавливается по косвенным и фрагментарным данным, содержащимся в исторических материалах. В них отсутствуют прямые сведения о таких важных демографических параметрах как рождаемость, смертность, брачность, соотношение полов и т.д., характерных для западно-христианских обществ этого же периода. Анализ письменных источников позволяет выделить и учитывать такие критерии как тип и состав кабардинской нуклеарной семьи; количество выставляемого адыгами конного дворянского войска; численность крымских войск, участвовавших в походах на адыгские земли. Все это дает возможность выстроить картину функциональной связи народонаселения с численностью войска, вывести коэффициент их пропорционального соотношения. При оценке общей численности адыгов берется за основу объем и особенности базово-креационного или жилищно-поселенческого пространства, где адыги проживали постоянно и воспроизводили этническую общность.

Господствующим типом семейной ячейки у кабардинцев (как и у других народов Северного Кавказа) в исследуемый период являлась большая патриархальная семья или семейная община, которая насчитывала от 20 до 100 человек. По свидетельству П.С. Потемкина, у кабардинцев «каждое семейство от прадеда и до позднего поколения живет нераздельно и пищу употребляет из одного, и по сему самому здесь народ не говорит «сколько семей или дворов», но сколько «котлов». Т.А. Лапинский, живший долгое время среди адыгов, отмечал, что «в одном фамильном дворе (унэ) живут, кроме родителей, все их женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери; такие семьи

очень многочисленны, так как часто вместе живут несколько братьев со своими семействами; часто в одном унэ живет до 100 душ обоего пола».

В подавляющем большинстве случаев в одном кабардинском дворе проживало несколько семейств. В частности, характерным явлением для кабардинских феодальных семей являлось то, что они вместе со своими крепостными крестьянами проживали в одном и том же дворе[8].

В документах встречаются указания на разное количество дворов в кабардинских населенных пунктах. Учитывая такую единицу их социальной организации как семейная община, едва ли будет правильным при подсчетах возможного количества населения отождествление таких структур как «двор» и «семья». Обычно на территории традиционных кабардинских дворов проживало множество (несколько) семей, а в усадьбах феодальных владельцев располагались и семьи крепостных.

В описываемый период у кабардинцев не было регулярного войска и в случае военной необходимости обычно собиралась дворянская «панцырная» конница. Данные о ее численности, соотносимые с удельным весом дворянского сословия в общей структуре населения, позволяют определить примерную численность населения. Выше уже указывалась необходимость учета того урона, который имел место в ходе многочисленных нападений крымских татар, когда истреблялась живая сила и захватывались тысячи пленных.

В 1567 г. крымский хан Магмет-Гирей, хвалясь в грамоте Ивану IV успехами своего набега на «кабардинских черкес», писал: «полону взяли больше дватцати тысяч». Эта цифра говорит о многочисленности кабардинского населения в рассматриваемый период. На 1640-е годы документы приводят данные о количестве «кабаков», т.е. населенных пунктов: «кабаков 112» (сюда не входят селения удельного княжества Клехстана в Малой Кабарде. Е.Н. Кушева считала эти данные довольно заниженными. Более реальную картину народонаселения Кабарды дают документы XVIII в. По данным 1711 г., кабардинцы могли выставить в течение суток войско в 30 тысяч человек, половину которых составляла княжеско-дворянская конница. Такие мобилизационные возможности, несмотря на кровопролитные междоусобицы, удавалось поддерживать до середины этого столетия.

С 1804 по 1825 гг. вследствие чумы и войны население Кабарды уменьшилось в 10 раз. Но численное соотношение сословий оставалось прежним. Согласно «Спискам узденей» 1825 г., удельный вес дворянства по отношению ко всему другому населению выступал как 1:4,68. По этим же данным в дворянской семье проживало в среднем 5 человек. Значит, в середине XVIII в. по самым минимальным расчетам за 15-ю тыс. вооруженных дворян стояло 75-ти тыс. уоркское (дворянское) сословие. Умножив эту цифру на 4,68 получим численность всех кабардинцев – 351 тыс. чел.

Определенные данные имеются в документах XVIII в. и о количестве кабардинских населенных пунктов и составлявших их дворов. В 1729 г. в Боль-

шой Кабарде был убит крымский хан Бахты-Гирей. За его кровь с кабардинцев потребовали «1700 ясырей (по одному с пяти дворов)». Следовательно, в Большой Кабарде насчитывалось в первой трети XVIII в. 8500 дворов. Если население Малой Кабарды взять за половину от указанной цифры, то во всей Кабарде имелось 13000 дворов. Князь Касай Атажукин в своем сообщении астраханскому губернатору в 1747 г. писал, что в кабардинских дворах проживало «женска и мужска полу душ по 30–40 и 50…». Если взять самый нижний показатель (30 душ в одном дворе), то совокупное население 13000 дворов должно быть соответственно 390 тыс. человек.

Таким образом, численность населения Кабарды ко второй половине XVIII в. могла ограничиваться рамками от 350 до 390-ти тыс. человек.

Материально-ресурсное пространство Кабарды на протяжении XVI–XVIII вв. оставалось относительно постоянным. Отмечается устойчивость демографического состояния адыгской общности в рассматриваемый период[9]. Она обеспечивалась следующими факторами:

а) постоянным сокращением численности населения от набегов крымских татар; феодальными междоусобицами; имевшими место крупными эпидемиями и неурожайными годами;

б) достаточно высокой плотностью населения, сравнительно благоприятной среде обитания и здоровому образу жизни, которые способствовали стабильному воспроизводству населения.

Результатом сосуществования перечисленных факторов стал на первый взгляд парадоксальный демографический процесс: компенсация неестественной убыли населения воссозданием его прежнего количества. Для большинства традиционных средневековых феодальных обществ был характерен едва заметный рост численности населения. Поэтому неизменность количества жителей Кабарды на протяжении нескольких столетий является вполне закономерной. Изменение этой тенденции в сторону невосполнения населения произошло с конца XVIII в., когда кабардинская общность подверглась колониальной экспансии самодержавия и пережила в Кабарде невиданную до этого по своим масштабам эпидемию чумы.

Балкария. Этническая территория балкарцев формировалась к северу от центральной части Главного Кавказского хребта. К северо-востоку от Главного Кавказского хребта нагорная полоса понижается гигантскими уступами, которые образуются рядом параллельных хребтов, идущих с северо-запада на юго-восток. Четыре большие реки – Баксан, Чегем, Хуламский и Балкарский Черек прорезали в Скалистом хребте глубокие каньонообразные теснины. Труднодоступные ущелья этих рек, ограниченные высокими водораздельными хребтами (отрогами Главного хребта), упирающимися в Скалистый хребет, стали местом формирования балкарских обществ. Согласно преданию, ущелье р. Восточный Черек считается первоначальным местом поселения балкарцев. Сначала в этом лесистом ущелье существовал только один посе-

лок, населенный народом «таулу» (горцами), других указаний на их этническую принадлежность предание не дает. Затем там поселились охотник иного племени – Малкар, от имени которого предание выводит название народа, проживавшего в этом ущелье; затем вероломный Мисака, хитростью завладевший имуществом Малкаровых и превративший местных жителей в своих данников; и, наконец, выходец из Венгрии или Крыма воин Басият, который со своим братом Бадилятом поселился сначала в Дигории, а затем переселился в Черекское ущелье и стал родоначальником балкарских таубиев. Потомство всех этих людей как будто бы и составило население Балкарского ущелья или «Малкар-эль»[10], откуда балкарцы, согласно этногенетическим преданиям, расселились по другим ущельям.

Кабардинцы были их северными соседями. На востоке балкарцы граничили с дигорцами (самое западное подразделение осетин), размещавшимися в ущелье реки Урух. Главный Кавказский хребет являлся естественным южным рубежом Балкарии, отделявшим ее от Грузии. Из Черекского ущелья туда вели перевалы – Гезе-вцик, Шари, Штулу, из Чегемского – Твибер, из Баксанского – Донгуз-Орун, Азау, Бечо. На западе к балкарцам примыкали близкородственные карачаевцы.

Внутри этого труднодоступного микрорегиона имелось множество горных дорог, троп, перевалов, нарушавших естественную изоляцию балкарцев и задававших определенный вектор их социокультурного развития. Карачаевцы и балкарцы были связаны горными тропами через перевалы между собой, а также с Горной Рачей, Дигорией, Сванетией[11].

Эти тропы служили путями, по которым осуществлялось сообщение с Грузией и для северных соседей Балкарии: «А в Дидьянскою землю из Олегукиной Кабарды путь тесен, горы непроходимые, а конной дороги отнют нет, а пешия ходят з горям», – писали русские путешественники XVII века[12]. Описывая свои впечатления от увиденного, русский посол XVII в. Федот Елчин отмечал: «А промеж гребней лежит снег от зачатья свету; каторой год снег идет, и тот себе слоем обледенев и лежит, а которые снеги старые от прежних лет, и те лежат позеленев, аки турской купороской»[13].

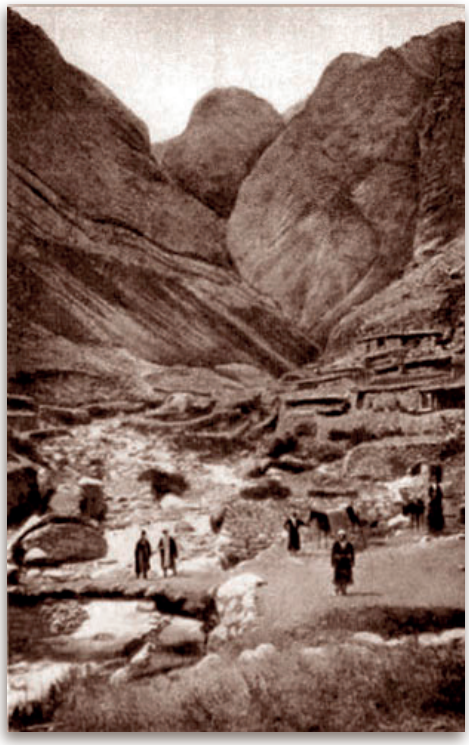
Природно-географические факторы во многом определили морфологическую структуру, социокультурный облик и хозяйственный тип балкарских обществ XVII–XVIII вв., наложили зримый отпечаток на характер, темпы и направление их этнокультурного развития, обусловили природу их общинного устройства и общественной власти. «Хвали плоскость – возьми горы» учила балкарская пословица[14], как нельзя точно задавая географические рамки социокультурного и хозяйственного развития.

Общее самоназвание балкарцев и карачаевцев (*таулу* – горцы) большинство исследователей справедливо связывают с их пространственно-географическим положением[15]. Наряду с общим эндоэтнонимом существовало несколько имен локальных групп народа: *къарачайлыла* (карачаевцы), *малкъар-*

лыла (балкарцы), *бызынгылыла* (безенгиевцы), *холамлыла* (хуламцы), *чегемлиле* (чегемцы) и *баксханчыла* (баксанцы) или *уруспилыла* (урусбиевцы). Первый этноним обозначал карачаевцев, остальные балкарцев, причем названия давались по ущельям, в которых локализовались указанные субэтнические группы, за исключением последнего этнонима – урусбиевцы, дублировавшего «баксанцы» и происходившего от княжеской фамилии Урусбиевых.

Несмотря на формирование этнической целостности балкарцев, обусловленной единством природной среды, общностью социокультурной традиции и хозяйственной жизни, пять разновеликих балкарских обществ представляли собой особые историко-географические образования, каждое из которых имело свою собственную генетическую историю, территориальную завершенность, нередко, заметные особенности в социальном развитии.

Одно из самых ранних и достоверных известий о Балкарии встречается в русском делопроизводстве в связи с поисками в 1628–1629 годах на Северном Кавказе серебряной руды. Сообщение о месторождении полезных ископаемых в местечке Табиста (в другом месте – Абаста) близ Ибаковых кабаков, что в шести днях езды от Терки, привез в Москву в 1628 году кабардинец Каншов-мурза Битемрюков, действовавший по поручению князя Пшемахо Камбулатовича Черкасского, что зафиксировано в его расспросных речах в Посольском приказе[16]. В результате поиска, предпринятого терским воеводой И.А. Дашковым, из его отписки в Посольский приказ от 11 января 1629 года выяснилось, что «живут де в тех горах ясачные люди кабардинских мурз Илдара з братьею Ибаковых детей, да из *Баркаркар,* и тем де *местом Балкары* владеет его, Коншов-мурзы, племянник Абшита Взреков...»[17].



Черекское ущелье

В середине XVII века месторасположение балкарских поселений не изменилось. В 1643 году упоминание о «*Балхарских кабаках*» встречается в челобитной мурзы Муцала Сунчалеевича Черкасского[18]. *Болхары* «на Черехе реке» в полутора днях пути от «зозорукиных кабаков», т.е. поселений кабардинцев Анзоровых, называет статейный список послов стольника Н.М. Толочанова и дьяка А.И. Иевлева, проходивших в начале 50-х годов XVII в. по ущелью рр. Псыган-су («Суен-су») и Череку («Крех») балкарскому в Имеретию[19]. 14 апреля 1655 года через «*Болха-*

ры» в Грузию проходило посольство, возглавляемое В. Жидовиным и Ф. Порошиным. В местность «*Малкари*», лежащую между Имеретией и Терками, просил послать войско кахетинский царь Теймураз, чтобы обезопасить свой путь в Москву[20].

Среди приведенных известий XVII в. о Балкаре, Малкаре, Басиане нет ни одного, о котором можно было бы утверждать, что оно относится не к ущелью реки Восточный Черек, а ко всей территории современной Балкарии. Эта историческая область расселения балкарского этноса сохраняла относительную стабильность и на протяжении XVIII в., но и здесь процессы этнической консолидации, как полагают специалисты, нельзя считать завершенными. В качестве основания они указывают на то обстоятельство, что и в 40-х годах XVIII в. западная граница осетин-дигорцев с балкарцами была еще не устойчива, а местное население находилось в состоянии свободного двуязычья[21]. В описании «пятого народа» (так документ 1743 года называет балкарцев) сообщается, что «язык у них особливой, они ж употребляют и татарский язык»[22]. В то же время население соседнего Дигорского общества, расположенного к востоку от балкарцев, говорило на особом диалекте осетинского языка. Этот диалект именуют дигорским в отличие от иронского, на котором говорит большинство осетин[23]. Грузинский историк XVIII в. Вахушти Багратиони называет ущелье «Басиани» среди владений овских царей, помещает его по соседству с Дигорией, Рачей, Сванией и Черкесией[24]. Исторические предания, собранные в ходе многочисленных этнографических экспедиций советского времени, также говорят о тесных этнических контактах балкарцев с осетинами и, прежде всего с дигорцами, что отражает реальные особенности этногенетического развития жителей Черекского ущелья[25].

Современные исследования по исторической географии и этнической истории Северного Кавказа указывают на интенсивные процессы консолидации и ассимиляции народов, подчеркивают зыбкость и неустойчивость этнических границ в XVII–XVIII вв. На протяжении всего этого периода в условиях длительного исторического выживания в динамичной полиэтничной среде, в определенной экологической нише – нескольких глубоких ущельях Центрального Кавказа – складывались балкарские общества.

Другие общества (кроме Балкарии и Карачая) в источниках до XVIII в. не упоминаются. Лишь в XVIII в. становятся известны чегемцы, безенгиевцы и хуламцы. Самое раннее известие о чегемцах относится к 1718 году. «Татары чегемские» упоминаются среди иных народов Северного Кавказа лейб-медиком Петра I Г. Шобером. В 1724 году о чегемцах упоминает французский консул в Крыму К. Главани. Он называет Чегем как «первый округ между черкесами», состоящий из 500 дворов[26]. А кизлярский дворянин Тузов, посетивший «чегемскую деревню» в 1736 году, насчитал около 300 дворов[27]. В записке 1753 года, составленной в Коллегии иностранных дел, «в горах сверх кабардинцов» упоминаются «*чегемцы* и другие им подобные»[28].

Однако наиболее цельную картину расселения балкарцев дает документ 1743 года, составленный в Коллегии иностранных дел на основе сведений, полученных от северокавказских владельцев. «Пятой народ (так обобщенно названы балкарцы в этом документе) состоит в разных пяти волостях и по оным свое имеет, а общаго всему народу звания нет, из оных: 1. Волость Чегем – лежит в вершинах реки Чегема, от Баксану разстояние день езды, особливых малых владельцов имеют, и все дают дань старшему кабардинскому владельцу Магомед Кургокину. 2. Волость Безенге. 3. Волость Хулам. 4. Волость Хусырь. 5. Волость Малкарь лежит в вершинах реки Черека, и некоторые из оных дают малую подать вышеписанному Магомету Кургокину и Арасламбеку Каитукину»[29].

В сведениях моздокского ротмистра Шелкова, переданных в Коллегию иностранных дел в 1768 году, не только перечислены «разного звания народы» «начиная от вершины реки Кумы внутри Кавказских гор даже до Осети», но и указана их приблизительная численность: «1. Карачаи – 400, 2. Чегем – 700, 3. Караджау – 100, 4. Балкар – 50, 5. Дюгер – 150, 6. Балсу – 40». А. Шелков считает, что «хотя они о себе объявляют, что до 20000, однако не будет более 12000»[30].

Со второй половины XVIII в. можно говорить о формировании в Баксанском ущелье Урусбиевского общества, получившего свое название от владельческой фамилии Урусбиевых, которые выводят свой род от безенгиевских таубиев Суюнчевых. Л.И. Лавров считает, что старейшим письменным известием об Урусбиевых является эпиграфическая надпись 1715 года, зафиксировавшая предоставление некой территории Исмаилу Урусбиеву. Возможно, это была «волость Хусыр», упоминавшаяся в документе 1743 года между «волостями «Хулам» и «Малкар». Между 1743 и 1780 гг. вместе «с Урусбиевыми прибыли сюда и две семьи каракишей или подчиненных им вассалов, также незначительное число крестьян (чагар) и рабов (касаков). Позднейшие переселенцы должны были просить земли у Урусбиевых»[31]. Примечательно, что в более поздних документах выходцы из Безенги называются «природными баксанцами». Население Баксанского ущелья быстро увеличивалось. Вероятно, что вскоре возникший конфликт между урусбиевцами, с одной стороны, и кабардинскими князьями Атажукиными и чегемскими таубиями – с другой, заставил, по крайней мере, часть из урусбиевцев переселиться с Баксана в Карачай[32]. Но страшная эпидемия чумы 1804–1812 гг. не только вызвала резкое сокращение численности населения в этом районе, но, по-видимому, способствовала и обратному переселению карачаевских урусбиевцев обратно на р. Баксан. Эта миграция, возможно, захватила и некоторую часть природных карачаевцев.

Факт вторичного заселения Баксана подтверждается и более поздними документальными материалами. Из 70 опрошенных в 1867 году жителей Баксанского ущелья 61 человек назвал свое прежнее место жительства. 25 % составили потомки тех, кто три поколения назад перешел на Баксан, 18 % –

переселенцы во втором поколении, остальные – сравнительно недавно обосновались на Баксане. Из документа выясняется, что местное население образовалось из переселенцев из Безенги (23 %), из Карачая (21,1 %), из Чегема (11,5 %), Балкарии (9,2 %), Холама (8,3 %), что в целом составляло 73,1 %. Остальная часть – это выходцы из других мест Кавказа – Сванетии, Черкесии, Цебельды, Ногая, Чечни, Дагестана[33].

Вс. Миллер, побывавший в 80-х годах XIX в. в горских обществах и решавший для себя вопрос о расселении балкарцев, заключил: «Нет возможности точно определить, в какое время татары заняли верховья Черека, Чегема и Баксана; но местные предания указывают, по крайней мере, на то, что занятие этих мест шло последовательно с востока на запад. Самое раннее татарское поселение было на реке Черек, где живет Балкарское общество. Отсюда впоследствии заняты были верховья Чегема и Баксана. Основатель самого позднего горского общества, предок Урусбиевых, был выходец из аула Безенги. Таким образом, татарская колонизация от пределов дигорцев-осетин (на реке Урух) достигла на западе Эльбруса, близ которого живет Урусбиевское общество»[34].

К концу XVIII в. в источниках обозначены уже все пять подразделений балкарского народа. Балкарцы жили оседло в труднодоступных ущельях на северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта и занимали все горные котловины, заключавшиеся между Дигорией и Карачаем, площадью около 2800 кв. верст[35].

Балкарские общества были сложносоставными и объединяли несколько аулов, замкнутых в одном ущелье. Для самих балкарцев границы общины определялись ущельями, и жители каждого ущелья носили то же название, что и объединяющее их общество. Население разделялось на пять горских обществ. Собственно Балкарское общество занимало верховья р. Черек и ее притоки, Хуламское – среднее течение левого притока Черека, а Безенгиевское общество – верховья этой реки, Чегемское общество находилось на р. Чегем, под главным перевалом в Сванетию, а Урусбиевское или Баксанское – на реке Баксан под Эльбрусом.

Самодостаточность естественной изоляции горских общин и ограниченность связи балкарских обществ между собой, конечно, препятствовали складыванию их этнополитического единства. Однако источники не сводят балкарское общество к локальным общинам. Несмотря на то, что документ 1743 г. сообщает, что «общаго всему народу звания нет», он объединяет все балкарские общества под собирательным названием «пятый народ»[36]. В сочинении И. Гюльденштедта описание всех балкарских обществ дается в одной главе под общим названием «О Базиании и басианцах»[37], что является индикатором их общности более высокого порядка. В документах русской администрации население Балкарии чаще всего называли «горные» или «горские общества», хотя отмечали, что «одного общего названия общества эти не име-

ют ни на официальном языке, ни в науке, соседи называют их асс (осетины), кушха (кабардинцы) и таулу (горцы). Общества этого населения по именам занимаемых ими мест называются»[38]. Вероятно, в рамках отдельных социальных единиц все жизненно важные функции легитимизировались именно этносоциальной традицией и отнесением к единому балкаро-карачаевскому миру, отличному от окружающей социокультурной среды.

Данные о количестве населения в балкарских обществах не точны и достаточно противоречивы. Первые сведения о численности населения в горских ущельях содержатся в трудах авторов последней четверти XVIII – начала XIX в. В конце XVIII в. профессор Гюльденштедт насчитал во всех балкарских обществах 1560 дворов, из них в Балкарском обществе – около 1000 семейств, в Безенги – 100, в Хуламе приблизительно столько же, а в Чегеме проживало 360 семей в 10 аулах[39]. Г.Ю. Клапрот, путешествовавший по Кавказу и Грузии в 1807–1808 гг., показывал сведения, близкие к данным Гюльденштедта, при этом добавил, что Урусбиевское общество насчитывало в этот период до 150 семей[40].

Очень интересные сведения о двух крупных общинах, Балкарской и Чегемской, содержатся в описании П.Г. Буткова, относящемся к рубежу XVIII–XIX вв. Ученый сообщает, что «в 1770 г. кабардинцы полагали чегемов до 1000 семей, профессор Ренних считал 300 семей. Селений у них считают 11. А балкарцы обитают в вершинах реки Черека. Население его племени простирается до 2000 домов. Главное селение их называется Басиат, носит их владетелей фамилии... Зависящие от главного прочие селения суть: Малкар, Ишканты, Шау-арда, Хурдан, Гобсарт, Адшалга, Мохаул и Холлам»[41]. По предположениям исследователей, специально занимавшихся демографическими процессами в горских обществах, для того времени и условий горной местности Балкария имела достаточно высокую плотность населения, тогда как сведения о населении, имеющиеся в источниках первой половины XIX в., показывают скорее не его прирост, а убыль[42]. Это обстоятельство во многом связано с моровыми болезнями начала XIX века, уничтожившими жителей целых аулов. В одном из донесений от 1809 года говорилось: «Оказалось, что язва, во многих местах действуя, свирепствует в сильной степени в горах называемых Чегемскими. Владелец Джанхотов сознался.., что зараза хотя слабее прежнего, но существовала в течение зимы почти беспрерывно в отдаленных к горам селениях»[43].

Каждое поселение в горах Балкарии составляло особый мир, ограниченный от соседей высокими труднодоступными хребтами. Соответственно рельефу сложился и горный тип поселений. Горные селения в силу ряда исторических обстоятельств и особенностей рельефа отличались скученной застройкой, развернутой в вертикальном плане, террасообразно. Большинство населенных мест было расположено по берегам многочисленных рек, на солнечной стороне ущелий, на естественных террасах, созданных речным наносом.

Е.З. Баранов так описывал свои впечатления о балкарских аулах: «Группы небольших сакль, почти громоздящихся одна на другую, строятся они так тесно, что с крыши одной сакли можно переходить на крыши соседних. Дворы часто расположены по скатам отлогого холма и по карнизам отрывистых скал, так что на путника они, с первого взгляда на них, производят впечатление скорее орлиных гнезд, чем человеческих жилищ. Горский аул состоит часто из многих небольших аульчиков, в 2–3 двора, расположенных от центра аула на несколько верст. Улицы в ауле так тесны и кривы, что в них с трудом проезжает воловья арба»[44]. Такая застройка объяснялась тем, что в горах было мало удобной земли, и дома строились на скалистых малопригодных для пользования участках. До конца XIX в. сохранились родовые кварталы: из-за острого малоземелья родственники, не имея возможности селиться в другом месте, оставались на территории родового квартала, тесня друг друга.

1.2. Общественный строй, системы власти и управления

Кабарда. На протяжении XV–XVIII вв. общественная эволюция не привнесла существенных изменений в общественный строй адыгов.

Население Кабарды, как и других многочисленных адыгских княжений, делилось на сословия, связанные жесткими иерархическими отношениями. На вершине феодальной лестницы стояли князья (пши), которые считались «естественными и прямыми покровителями народа». Многочисленные княжеские династии вели свое происхождение от единого родоначальника – легендарного Инала, объединившего всю Черкесию[45].

Адыгская историография, предания арабо-турецкой письменной традиции и русские письменные источники позволяют говорить о двух точках зрения на время правления князя Инала. Согласно одной, он правил в VIII веке, согласно другой – на рубеже XIV–XV вв.[46]

Во всех памятниках устной и письменной традиции князь Инал рисуется идеальным правителем, долго и мудро управлявшим адыгами. Он был удачлив в войнах, проводил активную внутреннюю и внешнюю политику. Его реформы по внутреннему управлению адыгской конфедерацией, введение института 40 судей и др. способствовали дальнейшей консолидации адыгской общности. Князь Инал присоединил к адыгам родственных им абхазов и абазин. Предания говорят о «раздорах» и «смутах» в адыгском обществе, которые в конечном итоге привели к переселению потомков князя Инала на Северный Кавказ.

Князь Инал, вероятно, личность историческая, происходившая от легендарного Кеса. Отцом его предания называют Хурофатлая. В пользу этого определенным аргументом служат родословные князей Черкасских (потомки

князя Идара), составленные в Москве на рубеже XVI–XVII вв. Например, в них князь Темрюк Идаров – верховный князь Кабарды середины XVI в. и будущий тесть царя Ивана IV (Грозного), – обозначается как правнук князя Инала.

После смерти Инала его сыновья Жанхот, Минболат, Беслан, Унармес и Кирмиш разделили Черкесию на уделы: один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду. Потомки Инала правили жанеевцами и хегаками (Зановы), кемиргоевцами (Болотоковы), кабардинцами (Казыевы, Идаровы, Шогенуковы, Мисостовы, Жамболатовы, Бекмурзины, Атажуковы, Гилястановы, Таусултановы и др.). Бжедугами и махошевцами правили представители самостоятельных княжеских династий, происходивших по преданию от четырех братьев – Черчана (бжедугами-черченеевцами), Химиша (бжедугами-хамышеевцами), Богорсоко (махошевцами) и Бастеко (частью бжедугов, осевшей у Черного моря на реке Вепсне)[47].

Кабардинские князья и дворяне

Многочисленное адыгское дворянство (уорк) делилось на потомственное (*тлекотлеши* и *дижинуго*) – «великих» княжеских вассалов, и служилое (*беслан-уорки*, *уорк-шаотлугусы* и *пшикеу*). Первая группа дворян в европейских документах часто обозначается как «благородные», в русских – как «именитые». Они, как и князья, могли поступать на службу к «оттоманскому падишаху, крымскому хану или московскому царю». Беслан-уорки и пшикеу были обязаны непосредственной вассальной службой своим князьям, за что получали «дворянский подарок» (уорктын), состоявший из крепостных кре-

стьян, скота, ценного оружия и пр. На таких же основах строились отношения между уоркшаотлугусами и их сеньорами-тлекотлешами и дижинуго. Традиционное обычное право адыгов гарантировало любому уорку возможность разрыва вассальных отношений со своим сюзереном, что, однако, редко случалось. Выработанный веками рыцарский моральный кодекс «уэркъ хабзэ» осуждал такой разрыв. Адыгское дворянство являлось той силой и опорой, на которой держалась политическая власть и авторитет князей.

Дж. Интериано, автор конца XV – начала XVI века, писал: «Благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом»[48]. В этом плане Черкесия не претерпела каких-либо кардинальных изменений в течение трех последующих столетий. По-прежнему, военно-политическая деятельность составляет все содержание жизни князей и дворян[49].

Кабардинское крестьянство в феодальную эпоху было разделено на отдельные и относительно замкнутые социальные группы. Основными крестьянскими категориями в кабардинском феодальном обществе были вольноотпущенники и крепостные.

Кабардинское военно-служивое сословие

В Кабарде, в отличие от княжеских владений Черкесии, сословие «вольных земледельцев» отсутствовало, а «тлхукотлы» являлись разновидностью крепостных крестьян.

Общими определениями всех вольноотпущенников являлись адыгский термин *щхьэщэхуж*, а также иранское слово *азат*. Получив формальную свободу, вольноотпущенники продолжали пользоваться землей, находящейся в собственности феодалов, не могли переселяться без их разрешения в другие населенные пункты, а потому оставались в экономической и личной зависимости от бывших владельцев.

Исторически более ранними наименованиями крепостных сословий *лагуноут* и *ог* (чагар) являлись, соответственно, *тлхукотлы* и *тлхукошао*. Они составляли слой так называемых «обрядных холопов», обладавших по адату личными и имущественными правами. Их объединяли общим названием «пшитль».

Возникновение категории *тлхукошао* было связано с выделением из лагуноутов особой разновидности крестьян, которых знатные владельцы привлекали к исполнению «благородных» обязанностей, сопряженных, главным образом, с военным делом или участием в охране господина. В экстремальных ситуациях представители этой категории составляли пешее войско, которое в традиционной военной стратегии адыгов имело вспомогательное значение.

В общественной жизни Кабарды XVIII в. оги являлись наиболее социально активными из зависимых сословий: главной движущей силой восстаний, разнообразных акций неповиновения и массовых побегов крестьян за пределы кабардинских феодальных владений. По этим причинам, а также в связи с переходом значительной части тлхукошао в разряд вольноотпущенников, их численность неуклонно сокращалась.

Низшую ступень социальной иерархии занимали безобрядные холопы – *унауты*, которые делились на категории, занятые определенными работами по дому: приготовлением пищи, обслуживанием гостей и застолий, уходом за женой владельца и ее сопровождением за пределами двора. Среди унаутов преобладали женщины-горничные. Немногочисленные мужчины-унауты выполняли сельскохозяйственные работы только в случае отсутствия у господина достаточного количества лагуноутов.

При том, что унауты являлись не субъектами, а объектами обычного права, одним из немногих прав мужчин этого разряда являлась возможность по достижении совершеннолетия требовать от владельца покупки им жен-лагуноуток. Заключение брака сопровождалось переводом унаута в сословие лагуноут. Таким образом, даже наиболее бесправная часть адыгского общества обладала правом на повышение социального статуса, что для владельцев стало одним из средств удовлетворения все возрастающей потребности в крепостных крестьянах[50].

Социально-политический строй адыгских княжений характеризуется весьма сложившимися структурами феодального типа. Здесь существовала развитая социальная иерархия, но отсутствовала политическая централизация. Вместе с тем феодальная раздробленность сочеталась с наличием

институтов, осуществлявших функции политического регулирования общественных дел: верховный князь («пщышхуэ», «пщыуалий»), сословно-представительное собрание («хасэ»), и высшая судебная инстанция («хей»).

Историческая традиция неизменно говорит о том, что Кабарда первоначально находилась под властью одного князя. Единоначалие сохранялось приблизительно до начала XVI в., когда произошло разделение страны между потомками князя Инала. Под номинальной властью «пщышхуэ» – «верховного князя» к XVI в. оформились четыре княжеских удела: собственно «Къэбардей» во главе с князем Бесланом Джанхотовым, «Идарей», «Талъостаней» и «Джылахъстаней», возглавляемые соответственно князьями Идаром, Талъостаном и Джылахъстаном. На рубеже XVIII в. произошло размежевание Большой и Малой Кабарды. В дальнейшем Малая Кабарда функционировала как самостоятельное политическое образование, состоявшее из княжеских уделов двух ветвей рода Клехстана – Мударовых и Ахловых и удела рода Талостана[51].

Русские источники конца XVI–XVII вв., опубликованные в сборнике «Кабардино-русские отношения», четко показывают, что верховного кабардинского князя избирали на «совете всей кабардинской земли с соблюдением «ряда», т.е. очередности между отдельными княжескими линиями, возводившими свой род к легендарному Иналу. В.Х. Кажаров специально рассмотрел в динамике полномочия и функции хасы во взаимосвязи с властью верховного князя – «пщышхуэ». Пщышхуэ возглавлял исполнительную власть, председательствовал на хасе и в верховном суде, осуществлял надзор за выполнением их решений, пресекал нарушения, организовывал взимание пошлины и налогов. Одновременно верховный князь выступал в роли главнокомандующего объединенными вооруженными силами. Верховный князь избирался пожизненно. После его смерти политическая власть наследовалась по боковой линии – братьями. Если в рамках данного княжеского рода не оказывалось претендентов на великокняжескую власть, то Большая хасэ проводила выборы пщышхуэ, избирая кандидата из другого княжеского дома Иналовичей[52].

Документы рисуют картину ожесточенной и кровопролитной борьбы между претендентами на великое княжение, которые часто за поддержкой обращались к другим государствам. В XVI – первой половине XVIII в. особую роль в этих процессах играли Русское государство и Крымское ханство. Политическая раздробленность, сопровождавшаяся постоянными княжескими междоусобицами, вела к перманентной дезинтеграции политической системы и оставалась сущностным признаком адыгского феодализма, начиная с XV в.[53]

Особенностью государственно-политического устройства этого периода являлась также совмещенность военной организации и социальной структуры традиционного адыгского общества. Эта особенность обуславливалась активной геополитической зоной, в которой проживали адыги. Нестабиль-

ность региона, постоянные «внешние» вызовы привели к высокой степени развития военной организации с чрезвычайно развитыми формами тактических способов ведения военных действий, когда практически все части совокупной культуры общества военизируются. Такая высокая степень развития военной организации определяла в данных условиях способность этноса к биоэтническому выживанию. В этом процессе участвовала вся система общественных связей, и все социальные ниши в той или иной степени были заполнены элементами военной организации. Но, в конечном итоге, адыги не создали централизованной системы государственно-политического устройства. Наиболее развитые феодальные структуры и соответствующая им политическая организация существовали в Кабарде. В адыгских феодальных княжениях господствующий класс организуется политически в основанную на договорно-служебных отношениях феодальную иерархию. Расчлененной форме земельной собственности соответствует раздробленная структура власти. Здесь закрепляется так называемая ацентрическая система, которой присуща «консервативная» и «дезинтегрированная» структура, не имеющая сколько-нибудь развитого центрального комплекса и аппарата государственной регуляции автономных социальных организмов. Тенденции государственной централизации в Кабарде и других адыгских княжениях XV–XVIII вв. не просматриваются. Развитие адыгских феодальных обществ сводилось к бесконечному воспроизводству одних и тех же социальных образцов, исключающих самообновление и движение к прогрессу.

Государственно-политический строй феодальной Кабарды считается наиболее типичным для всей группы адыгских «аристократических» этнополитических образований. Она, в отличие от западно-адыгских княжений, являлась полиэтническим государственным образованием, куда входили собственно кабардинский политический центр и иноязычная периферия (абазины, карачаевцы, балкарцы и определенная часть осетин, ингушей и западных чеченцев). Кабарда в XVI–XVIII вв. имела прочные горизонтальные связи со всеми северо-кавказскими политическими образованиями, Грузией, кочевыми народами степного Предкавказья. С другой стороны, за исключением феодальных образований Дагестана, Кабарда находилась в отношениях вертикальной связи в форме сюзеренно-вассальных, с названными выше соседними горскими феодальными обществами. На них распространялась власть кабардинских князей, которые не только к собственно кабардинским землям и их населению, но и по отношению к соседним феодальным владениям выступали как верховные правители и защитники, за что получали налоги в форме натуральных выплат.

К середине XVI века кабардинская господствующая верхушка контролировала значительные районы Северного Кавказа. Кабардинские населенные пункты располагались на равнине и предгорьях с Большого Зеленчука, Пятигорья до Сунжи по правому берегу Терека. Стремление феодалов Кабарды к

Карта границ Турции и России между Каспийским и Азовским морями, включая Кубань и Малую Кабарду. 1770 г.

дальнейшему распространению своей власти на востоке столкнулось в бассейне р. Сунжи и нижнего течения Терека с интересами северо-дагестанских владетелей – шамхальства, стремившегося также к расширению сферы своего влияния в регионе. Занимая плоскостные и предгорные земли Центрального и Восточного Кавказа, имея более благоприятные условия хозяйствования кабардинцы, кумыки, лакцы сформировали более сложные и устойчивые социально-политические структуры феодального типа по сравнению с теми народами, которые жили в горах сельскими общинами в Горном Дагестане и Чечне, отдаленных местах Осетии и Ингушетии, Балкарии и Карачая[54].

Самым острым вопросом во взаимоотношениях северо-кавказских народов во все времена являлся вопрос о земле. И всегда горцы пользовались любым удобным случаем для переселения на равнину или на плоскость. В XVI–XVIII вв. ингуши, чеченцы, осетины, балкарцы и карачаевцы еще не вышли из труднодоступных горных мест на равнину, занятую населенными пунктами кабардинцев. Но уже с конца XVI века небольшая часть аккинцев-вайнахов оказалась связанной с русским Терским городом, около которой возникло небольшое поселение «служилых окочан». В XVIII веке чеченские поселения продвигаются по Сунже и ее притокам, приходя в соприкосновение с поселениями терских и гребенских казаков. Поселения малокабардинских феодалов подходили к выходу из Дарьяльского ущелья, сталкиваясь с осетинами-тагаурцами за право контроля над перевальными путями в Грузию. Вплоть до второй половины XVIII века основная масса горских народов оставалась в труднодоступных горных ущельях. Хотя горы были богаты летними пастбищами и удобны для обороны, здесь очень трудно было зимой содержать скот (главное богатство горцев), а малоземелье и бездорожье ограничивали возможности экономического обмена и других связей с соседями. В этом заключалась главная причина экономических трудностей для горских народов и поэтому они часто попадали и находились в зависимости от тех, кто владел предгорьем и равнинными землями[55].

Еще задолго до Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года, т.е. до того, как царизм начал направлять процесс выселения горских народов на плоскость, многие из представителей ингушской, осетинской, балкарской и карачаевской знати, пользуясь личными и аталыческими связями с кабардинскими князьями, начали самостоятельно выселяться с гор.

Таким образом, природно-экологические особенности Северного Кавказа, связанные с ними основы хозяйственно-экономической деятельности плоскостного и горного населения, наряду со спецификой этно-демографической ситуации в регионе, обусловили системный характер этносоциальных отношений, сложившихся задолго до XVIII в. и связывавших кабардинцев со многими народами Северного Кавказа.

Обладание значительным фондом плоскостных земель, необходимых для нормального функционирования земледелия и отгонного скотоводства, – ос-

новных отраслей экономики народов региона, – а также превосходство социальной организации кабардинцев, ставило горские общества Центрального Кавказа в довольно жесткую экономическую и политическую зависимость от последних[56]. Учитывая, что вассалитет был основным структурообразующим институтом кабардинского общества, он становится главным регулятором взаимоотношений между феодальной знатью Кабарды и соседними горскими народами.

Балкария. Вековой опыт приспособления к центрально-кавказскому высокогорью позволил достичь высокого уровня хозяйственной специализации. В результате у балкарцев сложилось наиболее целесообразное в этих условиях отгонно-пастбищное скотоводство. Оно являлось ведущей отраслью хозяйства. Однако балкарцы с древнейших времен занимались и земледелием. В условиях высокогорья речь могла идти только о трудоемком террасном земледелии на рукотворных участках. Но суровый горный климат делал земледелие занятием достаточно рискованным, а получение урожая – негарантированным. Своего хлеба горцам хватало на 2–3 месяца, и они покупали его у соседних народов на плоскости. В условиях практически натурального хозяйства распространение получили: выделка войлоков, бурок, изготовление грубого домашнего сукна, обработка кож, солеварение, добыча серы и свинца. Созданная деятельностью всего населения хозяйственная среда: хуторная система, террасирование полей, нормативное регулирование хозяйственной деятельности и водопользования – имела структурообразующее воздействие на саму горскую общину, на систему землевладения и землепользования. Все земли в районе горских обществ составляли собственность или целых обществ, или частных лиц. К 1-й категории земель, т.е. к общественной собственности, преимущественно относились пастбищные и частью сенокосные места, а также лесные угодья, а ко второй категории – пахотные и поливные покосные места, а также земли, находящиеся под усадебными местами. Реализация общинной собственности происходила как пастбищная доля, на практике ее имели лишь те, кто владел скотом. В формировании частновладельческих участков важным механизмом выступало захватное право. Оно представляло собой удобное средство для концентрации земли в руках привилегированного сословия.

В традиционную эпоху именно горская община выступила основной социальной единицей, местом сгущения всех социальных связей и средоточием отправления почти всей полноты функций социокультурного воспроизводства. Там осуществлялась трансляция традиций, и поддерживались ценностно-нормативные образцы этнической культуры. В рамках этой системной структуры реализовывались сословные отношения, а традиция задавала пределы возможных инноваций и критерии социальной активности людей, определяла тип развития балкарского общества вплоть до середины XIX в.

Селение Думала. Натуральная зарисовка. Э.Б. Бернштейн

Сельская община балкарцев традиционного периода была сословно неравноправной. Права и обязанности каждого сословия определялись адатом (обычным правом).

Археологические памятники позднего средневековья зафиксировали социальное неравенство, пространственное обособление княжеских фамилий, имевших семейные мавзолеи, башни, замки и крепости. Эти архитектурные сооружения сохранили имена своих знатных владельцев[57]. Не последнюю роль здесь играл фактор престижности. В карачаево-балкарском эпосе укрепленная, возвышающаяся над местностью резиденция – символ социального и политического лидерства: богатырь Ёрюзмек, возмужав «построил себе крепость и стал главой страны нартов»[58].

Генеалогические предания о происхождении балкарских влиятельных фамилий, создававшиеся с целью обоснования привилегий знати, зафиксировали исторические факты в связи с определенной мировоззренческой моделью. Они связывали родоначальников таубиев с выходцами из стран с аристократическим строем, и деятельностью выдающихся предков объясняли разделение общества на сословия[59]. По сведениям Н.П. Тульчинского, родоначальником чегемских таубиев Балкаруковых, Барасбиевых и Кучуковых был Анероко, выходец из Абадзехии; Келеметовых и хуламских таубиев Шакмановых – выходцы из Дигории; безенгиевских Суюнчевых – Алтуд, выходец из Крыма; балкарских таубиев Басиат и Мисака – выходцы из Маджар, и баксанских таубиев Урусбиевых – Чепеллеу Суюнчев, – выходец из Безенги[60]. Мифы гарантировали существовавшую в обществе систему распределения власти, привилегий и собственности, они оправдывали и обосновывали

политические функции аристократических фамилий, когда те стремились контролировать решения, касающиеся общественных дел.

Русские источники XVII в. по-разному именуют высшее сословие балкарского общества: мурзы, старшины, владельцы, горские князья, помещики, уздени и др. В документе 1629 года названы «Апши да Абдауллы *мурзы болкарских князей*»[61], по источнику 1643 года известен «*балхарских кабаков уздень* Касбулат»[62]. В материалах московского посольства 1651 среди балкарских *владельцев и мурз* встречаются Айдабулла, Алибек, Бута, Хабим, Чеполов[63]. Имена «*балкарских владельцев*» также называет посольская документация В. Жидовинова и Ф. Порошина (1655 г.)[64]. По сведениям, относящимся к 1743 году, жители Чегемского и Балкарского ущелий «имеют *особливых малых своих владельцов*»[65]. Царевич Вахушти писал, что в Басиани имеются «*знатные*», которых он в другом месте называет «*помещиками*»[66]. И.А. Гюльденштедт относит «семейство Базиат» к «*княжеским*, каковым признается оно и черкесами»[67]. Более полные сведения об этой династии содержатся в труде П.Г. Буткова, давшего описание административного деления и управления Кавказом за период 1796–1803 гг. В частности, он отмечал, что балкарцы имеют древних собственных владельцев фамилии Басиат. В 1794 г. в этой фамилии насчитывалось до 26 человек и старший между ними был Солтан-мит-Коншаев, а после него Муса Ахматов, Девлетуко Алаганов и Бингор Гургокаев[68]. В 1780-х годах Я. Рейнеггс также назвал в Балкарии владетельные фамилии Шакмановых («племени Шакмена») и Урусбиевых («племя Оруспи»), правда, сам он посчитал их племенными названиями жителей у подножья Кавказских гор[69].

В самой Балкарии привилегированное сословие именовалось бий, секельт, басият, аксюек (белая кость). Часто по отношению к высшему сословию балкарского общества встречается обозначение таубий, что в переводе значит «горский князь». В русских источниках конца XVIII – первой половины XIX в. они еще известны под названием «горские старшины». В официальных документах название таубий стало употребляться с 1852 г., т.е. со времени принятия императором Николаем I депутации от балкарских обществ[70].

Число княжеских династий было ограничено, и распределялись они неравномерно между балкарскими обществами. Ф.И. Леонтовичем названы следующие фамилии старшин: у балкарцев – Абаевы, Айдебуловы, Джанхотовы, Мисаковы; у Хуламцев – Шакмановы; у безенгиевцев – Суншевы; у чегемцев – Балкороковы, Келеметовы, Битовы; у урусбиевцев – Урусбиевы[71]. Впоследствии число фамилий таубиев достигло 13.

В горском обществе важными индикаторами принадлежности индивида к определенной социальной страте были: плата за кровь, возможность заключения брачного союза и выкупной взнос за невесту.

Так, в среде балкарцев правонарушения, направленные против членов старшинских фамилий, вели за собой уплату обидчиком виры в 3–4 боль-

Балкарские старейшины

шей против обыкновенной[72]. В адатах балкарцев, собранных в 1844 г. под руководством начальника центра Кавказской линии князя Голицина, за кровь старшины полагалось 15 штук предметов, тогда как «цена крови» каракиши была в 5 раз меньше, чем «цена крови» таубия. Еще меньше было возмещение за убийство рабов: оно равнялось цене, уплаченной владельцем при их покупке[73].

Таубии могли заключить браки только между собой или с представителями соседних народов, равных с ними по социальному статусу. Общественное сознание не допускало мезальянс. Калым таубия значительно превышал выкупной взнос за невесту у других сословий. В различные исторические эпохи он варьировался в широком диапазоне, но существенная разница в плате за невесту у различных сословий неизменно сохранялась.

В своих обществах балкарские таубии обладали большими правами. Члены этих фамилий стояли во главе соседских общин, были их покровителями и фактически руководителями. Особенности политической жизни народов Кавказа той эпохи – распри, набеги, бесконечные столкновения с соседними народами, – выдвинули на первое место необходимость охраны территории общины, ее земельного фонда и прочего имущества, а также обеспечение безопасности семей общинников. От умения таубиев наладить отношения с другими владельцами, организовать отпор неприятелю, оградить жителей от набегов зависели спокойствие и благополучие общества. Все это немало способствовало повышению авторитета таубиев

и возникновению зависимых отношений между старшинским и другими свободными сословиями.

Источники XVII–XVIII вв. уже фиксируют сословную неполноправность, определенную степень зависимости основной массы населения балкарских обществ. В противоположность мурзам, князьям и владельцам, они упоминаются в источниках под именем «мужиков», «горских людей», «крепостных».

Свободные крестьяне-общинники (каракиши) распадались на несколько категорий. Крепостные крестьяне (чагары) и домашние рабы (казаки и караваши) не считались членами общины, границы между этими социальными категориями были весьма подвижны. Часто источники указывают на их иноплеменное происхождение. В XVI–XVIII вв. балкарское общество не оставалось статичным, оно эволюционировало. Процессы дифференциации общины продолжались вплоть до середины XIX века и привели к появлению привилегированных и неполноправных сословий. Первые постепенно сосредоточивали в своих руках функции управления и защиты в отношении всего населения и обретали, в большей или в меньшей степени, право эксплуатировать зависимых от них производителей – крестьян и рабов.

Можно отметить некоторые отличия в социальном развитии отдельных балкарских обществ. Они разнятся не только по числу владельческих фамилий. В Чегемском обществе, например, сохранилась такая социальная категория, как чанка (происходившая от неравных браков горских князей), не обнаруженная по источникам XIX века в других ущельях. В Урусбиевском обществе чрезвычайно важную роль в формировании социальной иерархии сыграли связи искусственного родства. Более того, сопоставление адатов различных балкарских обществ указывает на заметные расхождения в определении прав и обязанностей всех сословий.

Важная роль народного собрания как высшего органа самоуправления и ограничение им власти правителей – наиболее характерная черта общественного строя, сложившегося на основе частной формы земельной собственности (при верховной собственности общины на всю занимаемую территорию), когда ни один из полноправных общинников не мог оставаться в стороне от публичной власти. Большой вес на собраниях имели воины, известные своей храбростью, знатоки народных обычаев и традиций, народные сказители, а также ораторы, славившиеся своим красноречием.

Эволюция балкарского общества не могла не отразиться на деятельности этого древнего института, который постепенно терял черты патриархального демократизма. Авторитет старейшин и народного собрания, несомненно, был велик, однако традиционная элита вместе с ростом экономического могущества узурпировала право влиять на принятие решений, во многом предопределяя их. Круг вопросов, которые решало народное собрание, со временем сужался. В его компетенции, главным образом, оставались вопросы внутреннего распорядка и хозяйственной жизни общины. На собрании решали,

когда и на какие пастбища отгонять скот на лето, сколько скота можно оставить на аульных выгонах. Обсуждали дела, связанные с оросительной системой. Назначение опекунов в случае сиротства, наем общественных пастухов и кузнецов, спорные дела между поселками общества или родственными группами также выносились на общий сход. Кроме того, споры между общинами из-за границ их владений находились в компетенции народного собрания[74].

Народное собрание могло принять решение об изгнании из общества человека, опозорившего себя каким-либо антиобщественным поступком или нанесшего урон всему населению ущелья. В этом реализовались его судебная и воспитательная функции. Меры наказания предусматривали: изгнание из общины (на время или навсегда), штраф в пользу общества, общественные работы. Община могла призвать к порядку своих членов, которые выказывали свое неповиновение обрядам в решении различных дел или не следовали указаниям стариков этого общества[75].

Ранняя русская историография о системе управления в балкарских обществах высказывалась достаточно единодушно. Исследователи считали, что реальная власть в каждом ущелье принадлежала старейшим *представителям княжеских династий*[76]. Однако управленческая верхушка, состоявшая из знатных родов, не выделяясь из традиционного социума и не противопоставляя себя ему, являлась его органической составной частью, что демонстрировало прочность социальных связей. Такое положение, если судить по работам отечественных историков, не было чем-то исключительным в истории горской общины. Подобную картину можно наблюдать у карачаевцев[77], абазин[78], в сельских общинах Нагорного Дагестана[79] и у других народов Кавказа. При отсутствии дифференцированной политической власти, превосходство, престиж и политическое влияние вытекали из соединения минимальных неравенств, выраставших из происхождения, экономического и социального статуса.

Таубии имели ряд преимуществ перед остальными сословиями. Им было дано право выбора лучших общинных земель, право решающего голоса при решении всех общественных дел, им принадлежало исключительное право взимания пошлины с приходящих торговцев и получения подарков за проводнические услуги, в пользу таубиев шли штрафы, взимаемые за различные беспорядки и преступления, совершенные на территории общества. Обычное право строго регламентировало права и обязанности других сословий по отношению к владельцам.

В кратком обзоре А.П. Берже зафиксировано: «Балкарцы всех четырех обществ и урусбиевцы имеют своих старшин, которые управляют ими посредством мирских сходок»[80]. Таким образом, до включения Балкарии в состав России управление отдельным горским обществом осуществлял старший представитель самой знатной фамилии того ущелья, где находилась община. Вс. Миллер и М. Ковалевский справедливо замечали, что «В эпоху

своей независимости горские татары (балкарцы) не знали других старшин, кроме старейших представителей княжеских династий. Они предводительствовали на войне и начальствовали во время мира. Власть их, однако, не была неограниченной: важнейшие дела решались ими не единолично, а при участии совета старейшин»[81]. Давая оценку власти таубиев, эти авторы подчеркивали, прежде всего, ее исполнительный характер. Они считали административно-полицейские функции старшины определяющими, это: надзор за исполнением приговоров или непосредственное приведение их в исполнение.

По народным обычаям старшина-таубий всегда выступал в качестве покровителя общины и ее заступника, а в случае необходимости выступал от имени своего народа, выполняя представительские функции.

Зачастую таубиям приходилось выполнять функции военачальников. Силовая коммуникация как тип социальных отношений играла важную роль в традиционных обществах. Она служила структурированию общественных коллективов, способствовала снятию в них внутреннего напряжения, содействовала повышению их качества с точки зрения борьбы за выживание.

Одна из важных функций общины в этот период состояла в защите своей территории и населения. В случае военной опасности балкарцы создавали народное ополчение. «Каждый мужчина из таубиев, узденей и эмчеков должен был иметь оружие и коня и по первому требованию олия явится готовым к походу и войне с неприятелем»[82].

В мирное время балкарские общества не собирали вооруженные отряды. Только весной и осенью, когда скот перегоняли на новые пастбища, молодые таубии с узденями выезжали на плоскость и становились лагерем для охраны скота и пастухов. В остальное время все общества содержали караулы по ущельям и на перевалах в Имеретию, Сванетию и Осетию.

Оборонительная система была хорошо развита в Балкарии. Каменные фортификационные сооружения представлены укреплениями трех типов: дозорными башнями, боевыми башнями и крепостями. Дозорные башни располагались за пределами общей оборонительной системы на господствующих высотах. Группы караульных, несших службу на дозорных башнях, были призваны выявить появление неприятеля и с помощью сигнальной системы оповестить население, находящееся внизу[83].

Именно горская община являлась первоосновой и автономной единицей потестарно-политической организации балкарского народа. Здесь был сосредоточен весь набор традиционных органов самоуправления, таких как народное собрание, совет старейшин, система различных судов, институт княжеской власти. Определение границ территории, которую осваивало население, обеспечение защиты этой территории от нашествия врагов и притязаний соседей, установление норм, регулирующих общественную и хозяйственную жизнь самой общины, решение судебных споров и т.п. – все

Балкарские жилища. Зарисовка Э.Б. Бернштейна

это являлось функцией указанных выше институтов общинной власти. При этом следует подчеркнуть синкретизм, нерасчлененность социорегулятивных функций всех этнополитических институтов традиционного балкарского общества.

Но сводить традиционное балкарское общество только к общине было бы неправомерно. Будучи фактором более высокого порядка, этническая общность населения всех горских обществ обеспечивала поддержание устойчивых социальных, хозяйственных и политических отношений межобщинного и надобщинного уровня (родства, хозяйственного обмена, военных союзов). С другой стороны, нельзя забывать, что речь здесь идет не о родовой или соседской (крестьянской) общине, а об иерархическом, стратифицированном, сословно-классовом обществе, в котором систему властных отношений следует характеризовать как позднепотестарную или предполитическую.

В XVII–XVIII вв. балкарские общества были включены в этнорегиональную экономическую, политическую и социокультурную систему Центрального Кавказа. Место балкарских общин в этой системе изначально определялось соотношением политических сил весьма разных по своим возможностям этносоциальных образований, а особенности хозяйственных и социокультурных взаимодействий с соседями в наибольшей степени обусловливались дихотомией «горы-равнина». В XVII–XVIII вв. в регионе сложился такой баланс сил феодализированных этнополитических образований, который обеспечивал преобладание Кабарды на Центральном Кавказе и обусловил определенную степень и специфические формы зависимости от нее соседних горских обществ, в том числе балкарских. Такой тип коллективных отношений зави-

симости вырастал во многом из неравномерного распределения производственных угодий на равнине и в горах. При отгонной системе животноводства горные общества были вынуждены вносить собственникам земли натуральную плату за зимние пастбища на плоскости. С другой стороны, оппозиция «горы» – «плоскость» структурировала мир, делая его цельным, устойчивым и жизнеспособным.

Другими факторами складывания специфических форм взаимодействия балкарцев с соседними народами являлись проницаемость социокультурных границ для межэтнических контактов и наличие элементов единой соционормативной инфраструктуры, сформированной на основе традиций и обычаев отдельных народов региона и признававшейся всеми этническими группами. При всей пестроте этнической карты Центрального Кавказа, здесь существовал своего рода социально-правовой континуум, обеспечивающий устойчивое и «регулируемое» взаимодействие местных традиционных обществ.

Так, обычай аталычества играл немалую роль в складывании вассально-сюзеренных отношений между представителями различных этносов и в формировании иерархической структуры самой элиты балкарского общества. Суть обычая аталычества заключалась в передаче сыновей знатных владельцев на воспитание в семьи служилых людей, вассалов.

Велика роль этого института в политической жизни и внешних сношениях народов. Например, русское посольство в середине XVII в. было поручено заботам «балхарского мурзы Алибека да Чеполова Джанбулатова *дядьке* (т.е. аталыка) Черкасского», который проводил послов до Имеретии[84]. В 1643 году в конфликте кабардинских князей был задействован аталык кабардинского князя Канбулата «Балхарских кабаков уздень Касбулат»[85]. Документы XVIII в. упоминают емчеков (молочных братьев) кабардинских князей Касая Атажукина и Казыя Кайсынова – «балгарца Азамата Абаева» и Майхамата Биева[86]. Эти свидетельства позволяют обозначить принадлежность указанных в документах балкарских аталыков и емчеков к привилегированному общественному слою, они связывают носителей этих социальных ролей с традиционной элитой соседних народов.

Весьма интересны встречающиеся в исторических преданиях балкарцев коллективные формы побратимства между представителями социальных верхов разных горских народов. В одном из таких преданий рассказывается, что кабардинцы Куденетовы и балкарские таубии – потомки Басиата, поклялись быть братьями и защищать друг друга до самой смерти. Такое побратимство называлось «присяжное фамильное братство», причем оно имело силу, пока существовали побратавшиеся роды[87]. Оформление общественных отношений по типу родственных сохраняется на протяжении всей традиционной эпохи. Это касается как форм искусственного родства, так и кровного.

Жители балкарских селений имели тесные связи с соседними народами: кабардинцами, осетинами, сванами, карачаевцами, грузинами-рачинцами,

с которыми устанавливали родственные, куначеские и аталыческие отношения, поддерживали постоянные экономические контакты.

Что касается более широкого, геополитического контекста то, в XVII–XVIII вв. Кавказ был объектом соперничества крупных государств: Османской империи и Сефевидского Ирана. До середины XVIII в. Российское государство в силу ограниченных военных и экономических возможностей не могло выступать как полноценный соперник этих держав. В этот период оно в большей степени стремилось играть на ирано-турецких противоречиях. Вместе с тем, Россия постепенно укрепляла свое влияние в Кавказском регионе с помощью военно-союзнических отношений, в первую очередь с адыгской знатью. Балкарские общества, располагавшиеся за Кабардой, в глубоких ущельях Центрального Кавказа, на перевальных путях, ведущих в Грузию, постепенно попадали в поле зрения могущественных держав.

Примечания

1. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в 18 – начале 19 в. М., 1974; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их Связи с Россией. М., 1963.

2. *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001. С. 344.

3. *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 4–21.

4. *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 102.

5. *Кажаров В.Х.* Указ. соч. С. 41.

6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы / Сост. В.М. Букалова. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 294.

7. *Гарданов В.К.* Указ. соч. С. 142–143.

8. *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 23.

9. *Дзамихов К.Ф.* Традиционный адыгский мир: территориально-демографическое измерение // Мир этноса (аспекты и методы исследования). Нальчик, 1999. С. 299–312.

10. *Абаев М.К.* Балкария // Мусульманин. Париж. 1911. № 14–17.

11. *Волкова Н.Г.* Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX в.) // КЭС. М., 1989. Вып. IX. С. 175; КРО. М., 1957. Т. 1. С. 121.

12. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.–Л., 1954. С. 225.

13. Путешествия русских послов… С. 225.

14. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / Сост. А.И. Алиева. Нальчик, 1983. С. 287.

15. *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // КЭС. М., 1969. Вып. IV. С. 55.

16. КРО. М., 1957. Т. 1. С. 113.

17. Там же. С. 120.

18. Там же. С. 242.

19. *Полиевктов М.А.* Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650–1652. Тифлис, 1926. С. 31–36, 117.

20. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями с 1639 по 1770 г. СПб., 1861. С. 73.

21. *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Этническая история Северного Кавказа в XVI–XIX вв. Серия «Народы Кавказа». М., 1993. Кн. I. Вып. 27. С. 48.

22. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. док. В 2-х т. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 37.

23. История Осетии с древнейших времен до конца XIX века. Владикавказ, 2000. С. 158.

24. *Вахушти.* География Грузии // ЗКОИРГО. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. С. 138, 141–150.

25. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 105–106.

26. *Ксаверио Главани.* Описание Черкесии // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 17. С. 155.

27. *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 81.

28. КРО. Т. 2. С. 188.

29. Русско-осетинские отношения… Т. 1. С. 37.

30. КРО. Т. 1. С. 281.

31. *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 133.

32. *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 82.

33. *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Указ. соч. С. 44.

34. *Миллер Вс.* Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года // ИКОИРГО. Тифлис, 1883. Т. 8. № 1. С. 200.

35. *Забудский Н.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1851. С. 129.

36. Русско-осетинские отношения… Т. 1. С. 37.

37. *Гюльденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 147–148.

38. *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч. 1. С. 122.

39. *Гюльденштедт И.А.* Указ соч. С. 147–148.

40. АБКИЕА. С. 254.

41. РГВИА. Ф. 482. *Д.* 192. *Л.* 136, 140.

42. *Гераев Х.К.* Этнодемография Балкарии XIX – нач. XX века: автореф. дис… к.и.н. Нальчик, 2003. С. 16.

43. АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 845.

44. *Баранов Е.З.* Очерки из жизни горских татар Кабарды // Терские ведомости. 1894. № 141. С. 3.

45. *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001. С. 344.

46. Кабардинский фольклор (вступительная статья, комментарии и словарь М.Е. Талпа). М.–*Л.*, 1936. С. 140–144, 594–595, 628–629; *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа. Нальчик, 1982. С. 65; *Гадло А.В.* Князь Инал – адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. *Л.*, 1978. С. 25–33; *Он же.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 23–26, 73, 75, 151–152; *Хотко С.Х.* Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XIII–XVIII вв. Майкоп, 1995. С. 113–131.

47. *Ногмов Ш.Б.* Указ соч. С. 96; *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 156–160.

48. *Интериано Дж.* Быт и страны зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (в дальнейшем: АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 49.

49. *Бгажноков Б.Х.* Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 78–104.

50. См. Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 133–134.

51. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.) М., 1963. С. 88–133.

52. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 250–251.

53. *Моков Б.М.* Феодальные группировки, междоусобная борьба в Кабарде в XVII в. и отношение к ней русского правительства // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 63–86; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 303.

54. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца 18 в. М., 1988. Т. 1. С. 276–279, 290–301, 366–372.

55. Там же.

56. *Кожев З.А.* Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI–XVIII вв.) // Исторический вестник. Нальчик, 2005. С. 118–145.

57. *Мизиев И.М.* Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Нальчик, 1991. С. 103–104.

58. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994. С. 310.

59. Карачаево-балкарский фольклор... С. 106–108, 268–272.

60. *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский календарь. Вып. 5. Владикавказ, 1903. С. 164.

61. КРО. Т. 1. С. 125.

62. Там же. С. 242.

63. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650–1652. Тифлис, 1926. С. 33, 35, 36, 86, 105–107, 117, 119–121.

64. *Виноградов В.Б.* Балкарцы в русско-кавказских отношениях XVII века // Вопросы истории. 1985. № 6. С. 176.

65. Русско-осетинские отношения… Т. 1. С. 37.

66. *Вахушти.* Указ. соч. С. 141, 150.

67. АБКИЕА. С. 207.

68. РГВИА. Ф. 482. *Д.* 192. *Л.* 140.

69. АБКИЕА. С. 21–213.

70. РГИА. Ф. 1268. Оп. 6. *Д.* 223. *Л.* 1.

71. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 273–274.

72. *Миллер Вс., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4. Т. 2. С. 573.

73. *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. С. 284.

74. *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 77.

75. ЦГА КБР. Ф. 31. Оп. 1. *Д.* 1. *Л.* 39.

76. *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежавшего России, и сопредельных оному земель. СПб., 1835. С. 136; *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем его положении. М., 1846. С. 154; *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч. I. С. 123.

77. *Невская В.П., Невская Т.А.* Сельская община у карачаевцев в XIX в. // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978. С. 29.
78. *Данилова Е.Н.* Абазины. М., 1984. С. 96.
79. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начало XIX в. М., 1988. С. 137.
80. *Берже А.П.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 26.
81. *Миллер Вс., Ковалевский М.* Указ. соч. С. 547.
82. *Абаев М.К.* Указ. соч. С. 590.
83. *Мизиев И.М.* Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Нальчик, 1991. С. 34–35.
84. *Волкова Н.Г.* Этнокультурные контакты … С. 187.
85. КРО. Т. 1. С. 125.
86. КРО. Т. 2. С. 141, 286.
87. Там же. С. 198.

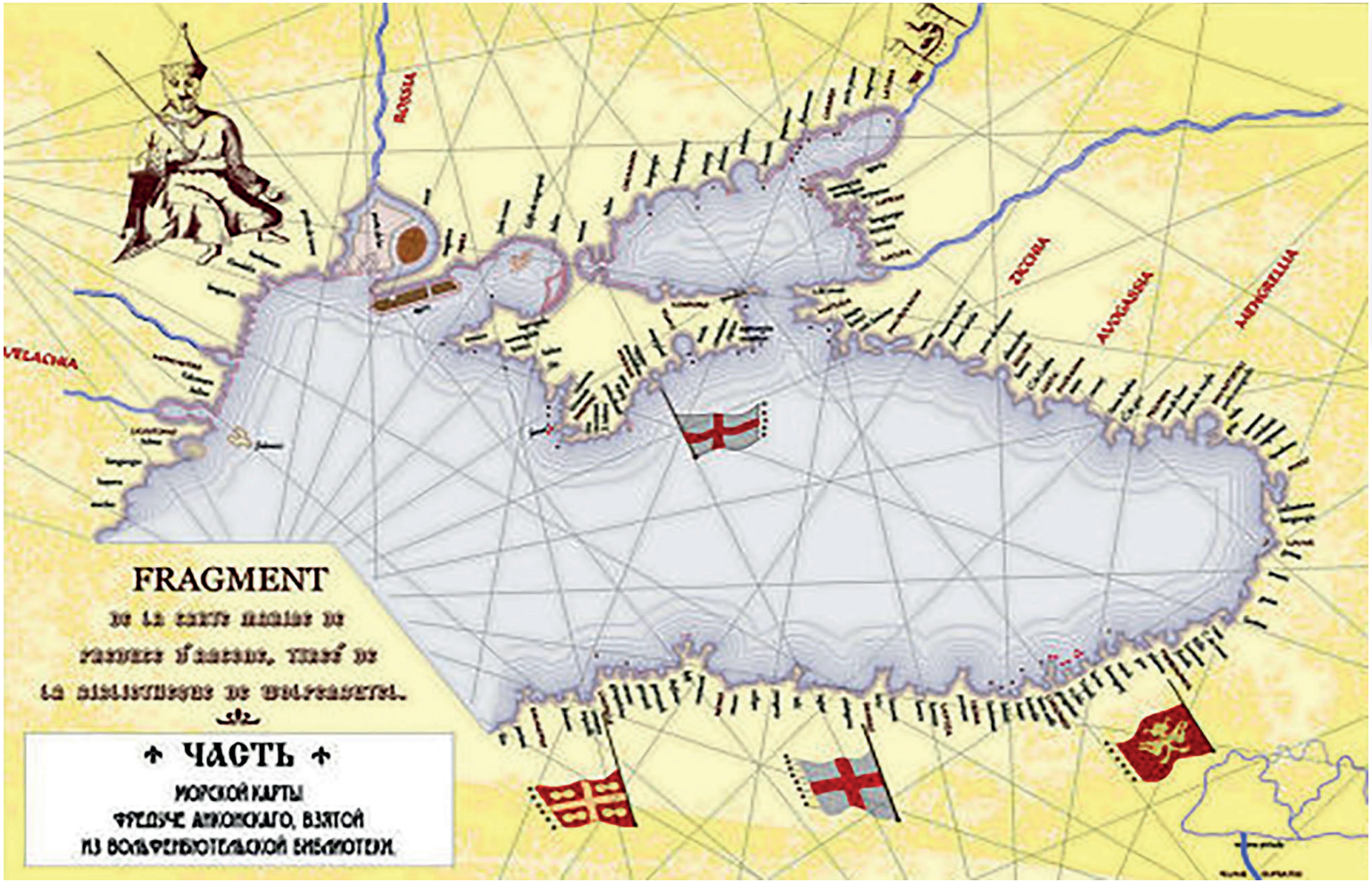
ГЛАВА 2

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ С НАРОДАМИ КАВКАЗА (XVI–XVIII ВВ.): ИСТОКИ СОЮЗА И ЕДИНЕНИЯ

2.1. Исторические предпосылки сближения Русского государства и Кабарды

Со второй половины XV века вокруг кавказского региона возник своеобразный силовой треугольник в лице Османской Турции и ее вассала – Крымского ханства, Сефевидского Ирана и Русского государства. Результатом складывания устойчивой, но разновекторной структуры международных отношений вокруг региона стало усложнение набора внешних воздействий на внутренние социально-политические процессы. Интенсивность и плотность воздействия отдельных держав на те или иные части региона была неодинакова. С определенными оговорками можно утверждать, что Иран имел более тесное взаимодействие с южным Дагестаном, Турция и Крым – с Черноморским побережьем Кавказа, а Россия имела более постоянные контакты с центральным Кавказом, прежде всего с Кабардой, и отчасти с северным Дагестаном через Терский город. Более важным обстоятельством является то, что складывание вокруг региона такой равновесной системы международных отношений означало появление реальных альтернатив политического поведения для северокавказских этнополитических образований той эпохи. Возможность маневрирования, выбора союзников позволяла им во взаимоотношениях с несравненно более могущественными государствами выступать в качестве самостоятельных политических субъектов[1].

Во второй половине XV века международная ситуация в Восточной Европе существенно меняется. Это было связано с распространением на данный регион захватнических замыслов Османской Турции. Особой внешнеполитической активностью пользуется политика османских султанов по отношению к Северному Причерноморью, где в 1475 году ими были захвачены последние генуэзские колонии с центром в Кафе[2]. В этот период окончательно



Фрагмент «Портолана Черного моря» Фредуче Анконского. (1497)

под властью султанов оказалось и Крымское ханство, которое после распада Золотой Орды являлось самостоятельной политической единицей. Проникновение османского влияния в Северное Причерноморье сразу же сказалось на адыгских народах, первыми попавших в сферу интересов султанов и крымских ханов.

Для крымских ханов набеги на соседние земли – русские, адыгские, украинские, литовские – были важнейшим источником богатств. Во время регулярных походов захватывалось имущество, скот и многочисленные пленные для продажи в рабство. Постоянный приток добычи был одной из основ экономики Крымского ханства и определял могущество господствующего класса – татарских феодалов[3].

С начала XVI века начинается серия османо-иранских войн за господство на Ближнем Востоке. Войны султанов с шахами Сефевидского Ирана длились с перерывами в XVI–XVII веках. Одним из главных театров военных действий было Закавказье, на которое претендовали обе стороны. Исключительно важное значение для султанов имело обладание северокавказским путем, связывавшим османские владения в Причерноморье с Закавказьем. Путь шел через адыгов и Дагестан к Дербенту.

Иранские шахи, в свою очередь, стремились укрепить свои позиции в Дагестане. Таким образом, османо-иранская борьба на Северном Кавказе непосредственно влияла на политику обеих могущественных держав в этом регионе.

Как показывают специальные исследования[4], проникновение османов на Северо-Западный Кавказ, территорию, населяемую адыгами, начинается одновременно с подчинением Крымского ханства. Уже во второй половине 1475 года османы захватили Тану, Матрегу, Копу. А.М. Некрасов на основе скрупулезного анализа сочинений османских историков XV века Мехмеда Нешри («Зеркало мира»), Ибн Кемаля («История дома османов»), Турсун-бека («история Мехмеда-завоевателя») приходит к выводу, что османы в 1475 году ограничивались захватом крепостей и не предпринимали походов вглубь адыгских земель. Центром османских владений на северо-восточном побережье Черного моря стала Кафа, где с этого времени находился султанский наместник. О характере османских походов на адыгские земли подробное представление дает упоминавшийся труд Ибн Кемаля: «По приказу государя – завоевателя мира люди победоносного войска прошли горы, во множестве пересекли Черное море и достигли страны черкесов. В этой стране каждый день храбрецы своими острыми мечами снимали головы мятежникам, тщетно боровшимся против газиев; изрубив на куски тех нечестивцев, бросали их на съедение воронам; опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край подобно океанской волне. В каждом селении страны черкесов пленили по 50–100 красавиц, обратили в рабство множество пленников. Пришедшие в ту страну храбрецы

неожиданно нанесли удар, устроили охоту, собрав добычу. Захватив Кубу, которая является одной из знаменитых крепостей, со всеми окружающими землями, разгромили владения черкесов, очистили саблей ту страну, уничтожив бунтовщиков. Присоединив к Кубе также и Анабу, уничтожили врагов, испытывавших ненависть к находившимся в тех краях сыновьям ислама и татарам. С покорением указанных краев вырвав у мира неверных много областей, возвысили в тех краях знамя истиной веры Мухаммеда. Для поднимающихся на газават та земля стала передним краем…»[5].

Приведенный материал свидетельствует, что важнейшим средством укрепления крымско-османского влияния среди западных адыгов было насильственное распространение ислама. Адыги в этот период оставались полуязычниками, среди которых были сильны христианские культы греческого толка.

Со второй половины XV века наблюдается активный интерес и представителей рода Сефевидов к проникновению на Северный Кавказ, а именно в бассейны Терека и Кубани. В этот период Сефевиды являлись еще только правителями г. Ардебиля и небольшой прилегающей к нему территории, а не всего иранского государства. Речь идет о четырех походах в промежутке между 1459 и 1488 гг. главы ордена сафавия шейха Джунайды Сефеви и его сына Хаыдара Сефеви. Богатый эпиграфический материал, опубликованный Т.М. Айтберовым, позволяет считать главной задачей отмеченных походов «… ведение священной войны с неверными черкесами» и рассматривать их как первоначальное звено в начавшемся османо-иранском противоборстве за сферы влияния на Северном Кавказе[6].

Постоянным объектом ирано-турецкого соперничества был контроль над связывающими Европу с Азией традиционными торговыми путями, по которым шла караванная торговля шелком и пряностями. Войны Османской империи с Ираном одновременно имели и религиозную окраску, так как господствующей религией в Иране был ислам шиитского толка, османские же султаны исповедовали суннизм. На протяжении всего XVI века шиизм представлял для османских властей и значительную внутреннюю опасность, поскольку в Анатолии, особенно восточной, он был весьма распространен и стал лозунгом борьбы с османским владычеством.

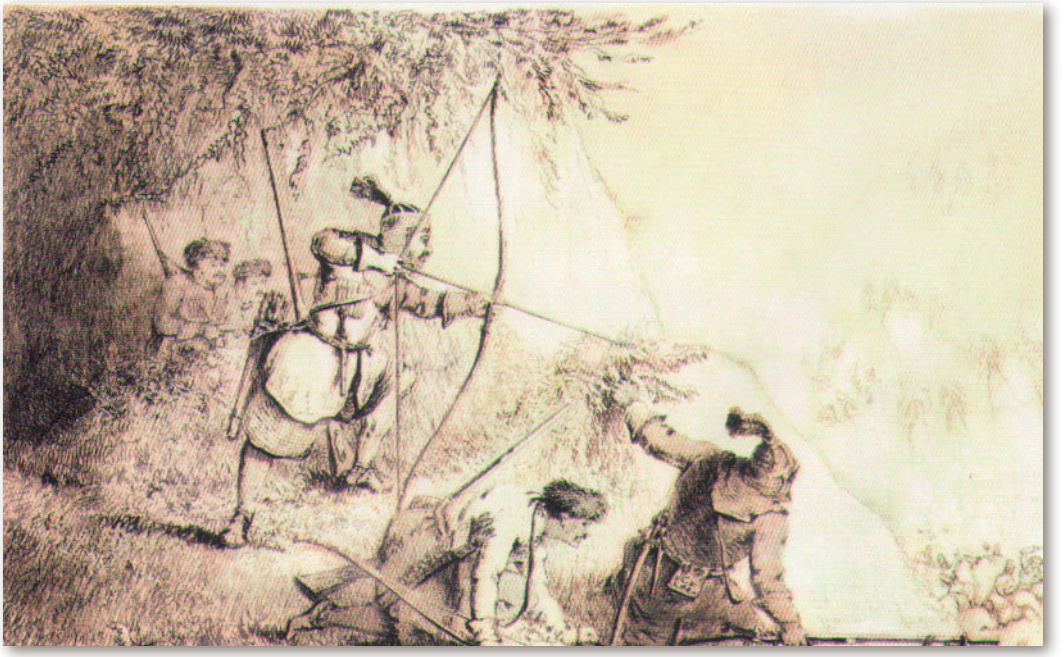
События 70-х годов XV века открывают серию завоевательных крымско-османских походов на земли адыгов, в которых участие крымских войск с этого времени становилось регулярным.

В конце XV века главным опорным пунктом Османской Турции на черкесском берегу стала крепость Тамань, для укрепления которой были использованы крепостные сооружения прежней генуэзской колонии Матреги. В 1519 году с крымской стороны Кубанского лимана вблизи берега Азовского моря была построена турками крепость Темрюк[7]. Походы крымских и турецких войск на черкесов совершались именно со стороны

Таманского полуострова. Войска чаще всего перевозились на кораблях через Керченский пролив. В зимнее время, судя по источникам, переходили они по льду[8].

В конце XV века и Русское государство, и адыги активно участвовали в борьбе с Большой Ордой. Они непосредственно не контактировали в этой борьбе и не координировали своих действий, однако их интересы объективно совпадали. Русь в это время заключила антиордынский союз с Крымским ханством. Об адыгском факторе как значительном в борьбе с Ордой говорит донесение русского посла в Крыму Василия Ромодановского в Москву. Посол убеждал крымского хана Менгли-Гирея отправить войско на Литву[9].

На рубеже XV–XVI веков возобновляется крымско-османское наступление на адыгов. Осенью 1498 года состоялся крымский поход на западно-адыгские земли. Опорным пунктом походов становится вновь отстроенная на месте Матреги крепость Тамань, которая являлась с этого времени «главным местом переправы крымцев в пределы черкесские». В свою очередь, русские посольские книги по взаимоотношениям Руси с Крымом и Ногаями фиксируют разгром османов адыгами в 1501 году дважды[10].



Из военного быта черкесов

Во втором десятилетии XVI века происходит первое открытое османо-иранское столкновение. Одновременно с этим возобновляется крымско-османское наступление на адыгские земли. Несмотря на неоднократные разгромы крымско-османских войск, последние проводили интенсивные

мероприятия по усилению своего влияния среди причерноморских адыгов, на землях которых были построены ряд османских крепостей. По-видимому, многие адыгские правители сочли в это время более безопасным переход под сюзеренитет Крыма, полагая, что это гарантирует им защиту от грабительских набегов. Теперь они должны были откупаться от ханов богатыми подарками[11].

В 20-х годах XVI века определенная часть западных адыгов сохраняет установившуюся номинальную зависимость от Крымского ханства. Однако, уже в начале 30-х годов крымские правители возвращаются к политике наступления против адыгов. В указанный период отмечается резкий перелом и в русско-крымских отношениях. Так, в июне-июле 1521 года русские земли подверглись нападению огромного крымского войска. Нашествие было самым большим со времени похода хана Ахмада в 1480 году. Грабежу подвергся самый центр страны, ближайшие к столице села и монастыри. По времени это совпало с переворотом в Казани: московский ставленник, касимовский хан Шах-Али был свергнут, трон занял Сахиб-Гирей, младший брат крымского хана Мухаммед-Гирея.

Как мы видим, и на Руси, и у адыгов была общая проблема, которая вызывалась крымско-османской агрессией.

Новый этап агрессии крымских ханов в союзе с ногаями был вызван активизацией внешнеполитической деятельности адыгов, в частности, вмешательством кабардинцев в астраханские дела в 1530-х годах[12].

В 1533–1536 годах османы осуществили широкое наступление на Иран, захватив обширные территории. Сефевидское государство не могло противостоять натиску османов, но как только наступала мирная передышка, само вело завоевательные войны в Закавказье. В 1538 году войска шаха, захватив Ширван, оказались в непосредственной близости к Дербенту, который являлся ключевым местом на северокавказском пути от Черного до Каспийского морей.

В этот период на крымский престол османами был поставлен Сахиб-Гирей, бывший казанский хан. Турецкий султан оказал ему крупную военную помощь, предоставив тысячу янычар, а также пушки и пищали. Период правления Сахиб-Гирея характеризуется агрессивной наступательной политикой Крыма против адыгов и Руси. В мае-июне 1539 года крымцы численностью 40 тысяч человек, среди которых были и турецкие янычары, совершали поход от Тамани через Кубань, от горы Тхаб вдоль горы *Эльбрус*, где воевали против жанеевцев, кемиргоевцев, бесленеевцев. Возможно, они дошли и до Кабарды. С самого начала эта экспедиция была санкционирована султаном Сулейманом I, который кроме подчинения адыгов хотел иметь свободным для османо-крымских войск путь на Дагестан и Закавказье. Через несколько месяцев после возвращения из Черкесии, крымский хан осенью 1539 года организовал нападение на Русь[13].

О приезде Черкасских князей. В августе приехали из Черкас князья черкасские – Сибок-князь да брат его Ацымгук-князь, Жаженские черкасские государи, да Тутарык-князь, сын князя Езбулуя; да с Сибоком-князем приехал сын его Куданек.

а их людей с ними полтораста человек; да царя и великого князя посол пришел, Андрей Щепотев. И били челом князья черкасские ото всей земли Черкасской, чтобы государь пожаловал, дал им помощь на Турецкого царя города и на Азов, и на иные города, и на Крымского царя, а они холопы царя и великого князя с женами и с детьми навеки. А Андрей Щепотев царю и великому князю сказывал то же, что дали клятву всею землею — быть им неотступными от царя и великого князя, и служить им вовеки, как им государь велит.

Я з другую сторону черкасы пятиго-
рскіе взяли два города. Темрюкъ.
Датоманъ. А приходилъ черкаскіи

А с другой стороны пятигорские черкасы взяли два города, Темрюк и Тамань, и приходили черкасские

князья Таздруй и Сибок с братьями, которые побывали у царя и великого князя в Москве; и когда царь узнал о том, что царь и великий князь не идет на Крым в этом году, то захотел помириться с царем и великим князем, не обманывая, и пословде хочет прислать, князя Кангалу или Мурат-мурзу, сына Сулешева. И пленник Игнатий Блудов с товарищами то же сказывали.

Новые широкомасштабные наступления на адыгов и Русь предпринимаются в 1540-х годах. За один только 1545 год крымское войско дважды ходило воевать в Черкесию: весной на западных адыгов, осенью на кабардинцев. Поводом для похода на жанеевцев послужил отказ жанеевского князя Кансаука прислать султану в подарок невольников.

В походах на Русь и Черкесию крымцы широко применяли артиллерию и пищали, предоставленные османами. Например, именно с помощью артиллерии Сахиб-Гирей рассеял жанеевское войско. Успешность крымских походов объясняется не только отсутствием равнозначного огнестрельного оружия у адыгов, но, главное, на наш взгляд, это несогласованность действий различных адыгских народностей (в 1545 году жанеевцы выставили 10 тысяч войска, а крымцев было в несколько раз больше). Уже с этого периода в различных письменных источниках находит отражение междоусобная борьба в адыгских княжествах, когда представители враждующих сторон просили помощь в Крыму. В 1551 году по данным Реммал-хаджи состоялся поход Сахиб-Гирея на хатукаевцев и бжедугов, по возвращении из которого он был убит. Престол занял присланный из Стамбула Давлет-Гирей.

Таким образом, можно сказать, что на протяжении всего рассмотренного периода давление на адыгские народы со стороны крымского хана и османских султанов неуклонно усиливалось. Оно брало начало с 70-х годов XV и к середине XVI века выросло в крупномасштабное наступление. Исследование этого периода исключительно важно для понимания исторических предпосылок складывания прорусской ориентации адыгов. На наш взгляд, можно сделать чрезвычайно важный для адыгской историографии вывод: с конца XV века основные цели внешней политики Руси и адыгов объективно сближались в борьбе с Большой Ордой и Крымским ханством. Это сближение, в конечном счете, и подготовило почву для состоявшихся в 50-х годах XVI века русско-адыгских переговоров. Дошедшие до нас материалы показывают, что в Москве достаточно отчетливо представляли картину противостояния адыгов крымско-османской агрессии, примерный объем военно-людских ресурсов Черкесии и, конечно, военно-стратегическое положение адыгских земель на Северном Кавказе. Адыги, в свою очередь, осознавали значительное укрепление Русского государства, представлявшего силу, способную противостоять наступлению крымских ханов и османских султанов.

В 1552, 1555 гг. господствующая феодальная верхушка отдельных адыгских княжений (Жанетия, Бесланей) через официальные посольства обратилась за помощью и покровительством к Московскому государю, что положило начало официальному сближению с Россией. Они явились актами сознательного и самостоятельного выбора наших предков. Показательно, что настойчивые обращения адыгов к Москве следовали за покорением Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств. После этих побед Русское государство уже могло рассматриваться как союзник и покровитель, способный

оказать вооруженную помощь в борьбе с общим врагом. Этот выбор был в определенной степени обусловлен и исторической традицией: Северо-Западный Кавказ имел давние связи со славянским миром. Академик Б.А. Рыбаков на основе изучения адыгского эпоса, славянских сказаний и византийских источников полагает, что в северо-западной части Кавказа в середине I тыс. н.э. находились значительные массы славян, которые сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии они растворились среди протоадыгских племен и привнесли в эту среду русский эпос. А тесные контакты предков современных адыгов с Тмутараканской Русью в XI в. являются общеизвестными.

Первое известие об обращении адыгских (черкесских) правителей в Москву дошло до нас в Никоновской летописи, в которой говорится, что в ноябре 1552 г. «приехали к государю царю и великому князю черкасские князи Маашук-князь да князь Иван Езбозлуков до Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»[14]. Возглавлявшие посольство князь Маашук Кануков был бесланеевским владельцем, а Иван Езбозлуков – кабардинским. Они просили принять адыгов в русское подданство и оказать помощь в борьбе с Крымским ханством.

Известия о начале русско-адыгских переговоров вызвали гнев крымского хана Девлет-Гирея, считавшего Черкесию своей вотчиной. Планируемый на лето 1553 г. крымский поход на русское государство не состоялся. Вместо этого крымское войско двинулось на Черкесию, разгромило владения отца Ивана Езбозлукова князя Албоздуя, захватив его самого в плен.

В Москве в ожидании крымского похода Иван IV, собрав значительные силы, куда вошли и представители черкесского посольства, ожидал врага у Коломны. После известий о крымском набеге на Черкесию посольство было отпущено на родину. С адыгскими князьями был послан боярский сын Андрей Щепотьев для выяснения на месте подлинных намерений адыгов.

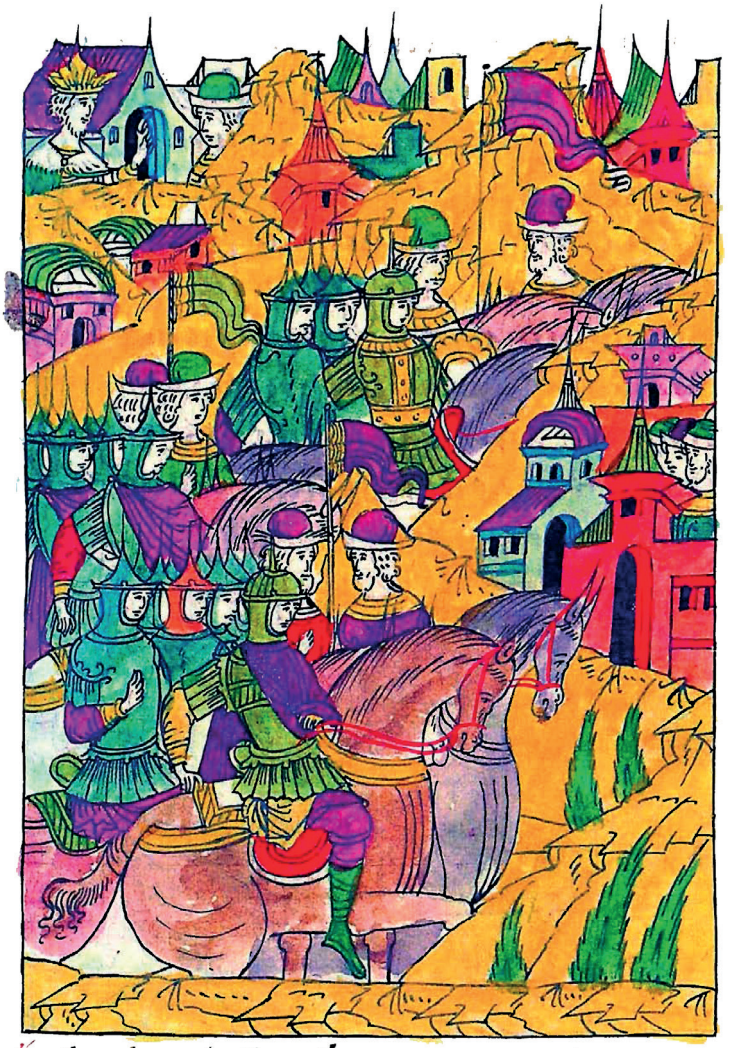
1554 год прошел под знаком ожидания крупного похода Девлет-Гирея на Русское государство. Однако хан и на этот раз был вынужден идти на черкесов.

В августе 1555 года в Москву прибыло адыгское посольство. Оно возглавлялось жанеевскими князьями Сибоком, его сыном Кудадеком и братом Ацымгуком, а также абазинским князем Тутарыком Езбозлуковым. Андрей Щепотьев свидетельствовал царю, что черкесы «дали правду всею землею»[15].

Посольству было оказано большое внимание. Предложения о союзнических отношениях в борьбе с Крымом, поставленные адыгскими дипломатическими посольствами, встретили в Москве с большим вниманием. Здесь уже имели реальное представление о том, какие крымские силы на себя регулярно оттягивали адыги. Царь пожаловал его «великим своим жалованием» и черкасским князьям «во свои им земли учинил отъезд и приезд добровольный»[16]. Тутарык и Кудадек по их челобитию были крещены, получив

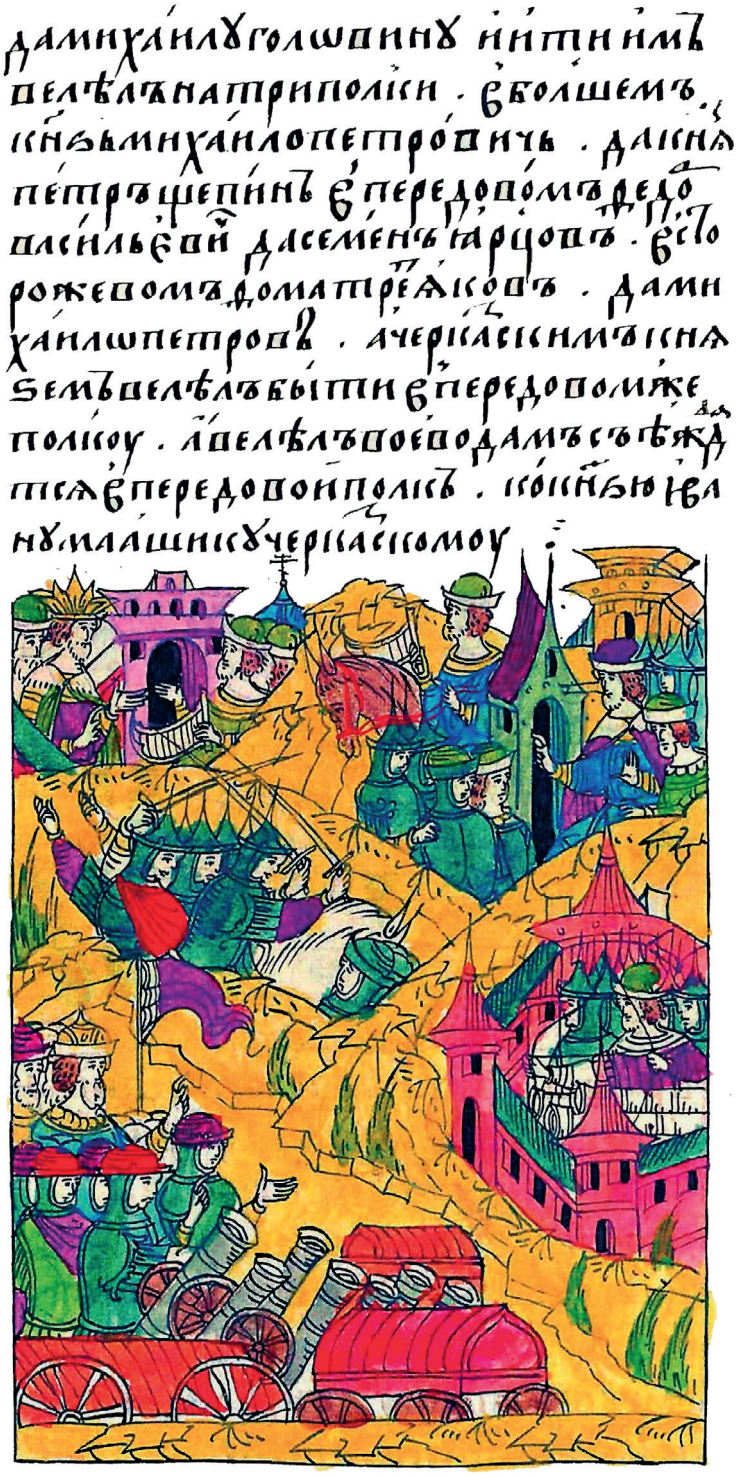
О приезде черкасских князей служить государю. В том же месяце приехали черкасские князья

служить государю и били челом впрок себе об устроении. Машук-князь Кануков и Чугук-мурза, и Тохта-мурза, и Татар-мурза, который служил у Крымского царя, шурин царя Крымского, так как старшая царица царя Девлет-Гирея была его родная сестра и дочь Тарзатык-мурзы, а с ним их люди. И направляясь к государю, приходили на улусы беглых ногайских мурз на Дону и взяли у Них Биичей-мурзу, сына Биерючей-мурзы, и привели к государю. И царь и государь их пожаловал и устроил их.



И царь и великий князь велел идти к Рынголу из Ракобора князю Михаилу и Семену, а из Пскова – черкасским князьям князю Ивану Маашику и князю Василию Сибоку с братьями, а из Вышгорода – Федору Шереметеву, а из Красной – Фоме Третьякову, а из Юрьева государь велел идти князю Петру Щепину

и Михаилу Головину; и велел идти им на три полка: в большом – князь Михаил Петрович и князь Петр Щепин, в передовом – Федор Васильевич и Семен Ярцов, в сторожевом – Фома Третьяков и Михаил Петров; а черкасским князьям велел быть в передовом же полку, и велел воеводам съезжаться в передовой полк к черкасскому князю Ивану Мамшику.



Отпустил государь Вишневецкого на государство в Черкасы. В месяце феврале отпустил царь и великий князь в Черкасы по их челобитью воеводу своего князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, а вместе с ним отпустил князей черкасских: князя Ивана Омашука, да князя Василия Сибока с братьями, и попов с ним христианских отпустил, и велел их крестить по их челобитью и обещанию воевать с Крымским царем.

О приезде Вишневецкого с Дона.

В том же месяце пришел Вишневецкий с Дона, а с ним черкасы прислали Ѩнурка-мурзу черкасского. Все черкасы били челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестить.

соответственно имена Ивана и Александра. Западным адыгам, которые обязались служить Русскому государству, была обещана помощь против крымского хана, но в отношении Турции Иван IV не дал каких-либо гарантий. По итогам переговоров были оформлены союзнические отношения рядя западноадыгских княжений (жанеевцев, бесленеевцев, возможно, и кемиргоевцев) с Москвой. Адыгские князья могли свободно «отъезжать», т.е. служить и другим государям. Союзнические отношения не предусматривали включения Черкесии в государственные границы Русского государства. Понятие «холопство» не означало вхождения черкесов в число российских подданных.

Установление тесных политических связей Российского государства с адыгами было использовано Москвой в дипломатических целях. В 1555 г. в наказе русскому гонцу к польскому королю предписывалось сообщить о приезде черкесских князей в Москву, вступлении их в российское подданство и данных ими обязательствах ежегодно платить дань в I тыс. аргамаков, а в случае войны выставлять 20 тыс. конницу.

Установление дружеских отношений Москвы с западными адыгами, страдавшими в первую очередь от крымцев, создавало для Русского государства выгодную позицию в будущих отношениях с Крымом. Поэтому сразу при получении известий о крымском походе на Северный Кавказ в 1555 г. было принято решение о посылке на «крымские улусы» 13-тысячного войска во главе с И.В. Шереметьевым, чтобы отвлечь татар от своих новых союзников и от Астрахани. Это событие стало первым зафиксированным фактом осуществления на практике соглашения адыгов и Русского государства о взаимной помощи в борьбе с Крымом.

В 1556 г. крымский хан «пошел был на Черкасы на пятигорские», но получил известие о появлении на Днепре под Ислам-Керменом русского отряда воеводы Ржевского и вернулся в Крым. Осенью этого года черкесские князья Сибок Кансауков и Таздруй захватили Темрюк и Тамань[17].

Действия русских войск, со стороны Днепра и адыгов – с Таманского полуострова, принесли конкретные результаты в военных действиях против Крыма. Установившиеся дружеские взаимоотношения ряда адыгских княжеств с Русским государством препятствовали замыслам османского султана в отношении северокавказского региона, по которому обычно шли с войском крымские ханы в Закавказье, где Порта вела войну с Ираном. Е.Н. Кушева полагает, что наряду с взятием Казани и Астрахани русскими, приведенные события в Западной Черкесии были в числе причин, побудивших султана Сулеймана к заключению мира с шахом Тахмаспом[18].

Османы и крымцы вскоре смогли вернуть утраченные крепости. Но их силы были теперь скованы в западной Черкесии и на Днепре. В Ногайской Орде к власти пришел Исмаил, придерживающийся промосковской позиции. Все это благоприятствовало окончательному разгрому и включению в состав русских владений Астраханского ханства. На данном этапе не был

реализован план создания большой антимосковской коалиции, в которой Крымское ханство стало главной ударной силой.

В 1557 г. жанеевские и бесланеевские князья во главе с Сибоком и Маашуком, уступая нажиму противников, были вынуждены покинуть родину и выехать в Москву. Здесь они крестились – Сибок под именем Василия, а Маашук под именем Ивана и были приняты на службу. С этого времени ведет свое начало институт «выезжих» адыгских князей в Москву. В том же 1557 г. названные адыгские князья со своими людьми были направлены в составе русского войска в Ливонию, где принимали участие в военных действиях под Псковом, Раковором, Дерптом, Мильтеном, Аллусте и т.д. Обычно они воевали в составе передовых полков[19].

Политическая позиция большей части населения Западной Черкесии в 1557–1559 гг. в целом была нейтральной. Адыги оставались враждебными османам и крымцам, а определенные круги черкесского общества не поддерживали линию Сибока и Маашука.

В конце 1550-х годов намечается новый этап русско-черкесского взаимодействия против Крыма. Создаются условия для проведения широких антикрымских акций с Днепра, с Дона и из Западной Черкесии. Реализация антикрымских акций была возможна только при условии нейтралитета со стороны Польско-Литовского государства. Иван IV и его окружение намерены были продолжать военно-политическое давление на Крым и в условиях начавшейся в январе 1558 г. Ливонской войны.

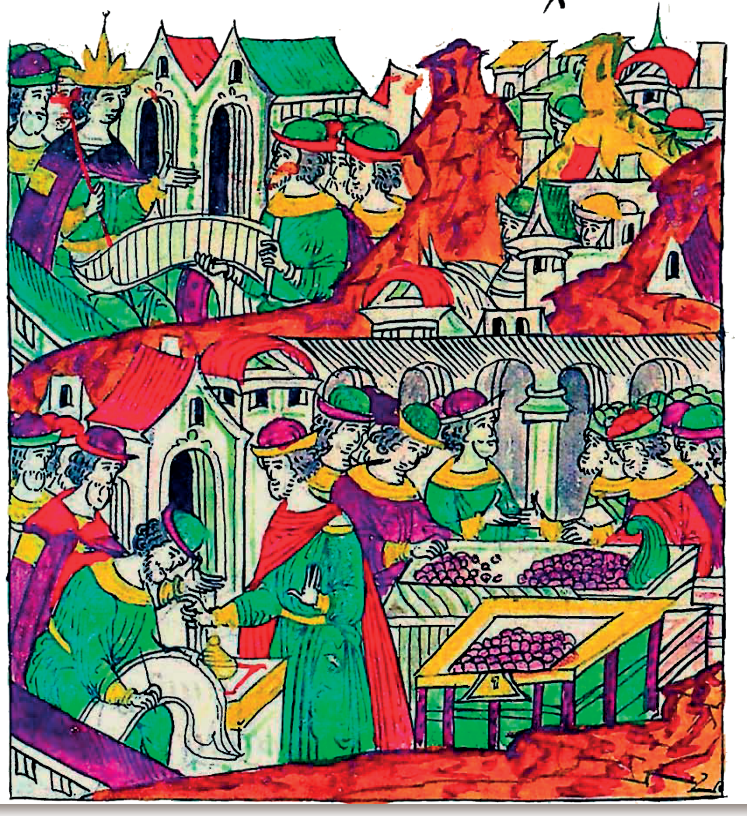
Удачные действия русских войск в 1558–1559 гг. со стороны Днепра и Дона под руководством воевод Дмитрия Вишневецкого и Данилы Адашева способствовали обращению западных адыгов в Москву, чтобы царь «дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы всех крестити». В 1560 г. в Черкесию был отправлен князь Дмитрий Вишневецкий с Иваном Маашуком и жанеевским князем Сибоком Кансауковым. Им было велено «промышляти над Крымским царем»[20].

Как мы видим, определенная часть черкесской элиты рассчитывала, что, опираясь на союзнические отношения с Москвой, сохранит свое независимое существование от Крыма и Турции. Вопрос о крещении скорее ставился и должен был укрепить позиции промосковской партии западно-адыгской знати.

Скоординированные военные действия русских и адыгских отрядов в течении 1560–1561 гг. позволили осуществить ряд удачных операций против крымцев и османов. Так, в начале 1561 г. их объединенный отряд спустился по Дону мимо Азова, овладел несколькими крепостями и достиг Кафы. Османы на двадцати галерах поспешили на помощь татарам, но потерпели поражение и вернулись в Константинополь[21]. Все это вызвало беспокойство в Турции и в Польско-Литовском государстве. Польский король Сигизмунд-Август прямо указывал крымскому хану на опасность союза Москвы

О присылке из Асторохани. В том же году в июле прислали из Асторохани Иван Черемисинов и Михаил Колупаев Ваську Вражского с черкасским мурзой Кавклычем Кануковым. А пришел он от братьев, черкасских кабардинских князей Темгрюка и Тазрюта, бить челом, чтобы их государь пожаловал, велел им себе служить и в холопстве их учинил, а Шавкал бы

им государь пожаловал, астраханским воеводам велел помощь оказать. И говорил черкасский Кавклыч-мурза: как только их государь пожалует, возьмет к себе в холопство и помощь им даст против недругов, так же как и их братьев пожаловал, черкасских жаженских князей Мащука и Сибока с братьями их, с кабардинскими черкасами в одной клятве, то и Иверский князь, и вся земля Иверская будет бить челом государю, чтобы государь царь и великий князь их так же пожаловал, как и тех всех.



Тогоⷨ҇ мц҃а . приѣхали изчеркаⷭ҇ коцр҃ю
і великомоу кн҃зю темирюкові кнѧ
жїа дѣти волшовокн҃зѧ изкарба
ты . коулгероукъ моурза дасалноу

В том же месяце приехали из Черкасс к царю и великому князю дети старшего князя Темрюка из Кабарды: Булгерук-мурза и Салнук-

О крещении черкасских князей. И царь и великий князь согласно их челобитью велел Салтан-мурзе жить у себя на дворе и велел его крестить, и назвали его князем Михаилом, и велел государь учить его грамоте; а Булгар-мурзе велел сказать государь, что устроит им оборону от Шевкал, как только будет возможность.

с западными адыгами. Он неоднократно побуждал Давлет-Гирея к набегам на адыгские и русские земли. И, как известно, именно совместные действия польского короля и крымского хана привели к постепенной утрате Москвой своих позиций в Западной Черкесии.

Вскоре князь Дмитрий Вишневецкий, с которым царское правительство связывало особые надежды на укрепление русских позиций в Западной Черкесии (может быть, даже в форме создания им здесь особого вассального княжества под покровительством Москвы), отъехал к королю Сигизмунду-Августу. Через него приглашались на службу «до великого княжества Литовского» и «князи Черкасские, которые этого пожелают». Откликнувшись на это приглашение, сын князя Сибока Александр и сын князя Тазрута (Камбулата) Гаврила Черкасские, жанеевские князья, находившиеся на московской службе, отъехали в «Литву». Здесь к этому времени служил их близкий родственник – «Сибоков брат». Описанные события безусловно являются следствием политики польского короля и усиливавшегося натиска Крымского ханства на Западную Черкесию. В конце 1562 г. уже известные нам князья Сибок и Кануко прислали в Крым Сибокова брата Чубука «на Черкасское государство царевича просити»[22].

В переговорах с Московскими послами в Крыму в 60-х гг. западные адыги делятся на тех, кто под влиянием «турского», и на «царевых», т.е. крымского царя или хана. Понятие «всей Черкасской земли», употреблявшееся западно-адыгскими посольствами в 50-х гг., постепенно было утрачено. Жанеевцы и другие западно-адыгские подразделения, жившие недалеко от Таманского полуострова, признают номинальную зависимость от Крыма и Турции. Но основная часть населения Западной Черкесии сохраняет самостоятельность.

2.2. Кабардинское посольство 1557 г. и политико-правовое оформление русско-кабардинских отношений

К середине XVI в. Кабарда, являвшаяся восточным пределом Черкесии, испытывала крайне неблагоприятную внутриполитическую обстановку, которая была вызвана междоусобной борьбой удельных княжеств. Ситуацией пользовались внешние враги, активизировавшие военные действия против кабардинцев. Необходимость военной защиты от Османской Турции, Крымского ханства, Шамхальства Тарковского и ногаев, а также представителей княжеского дома Кайтукиных, придерживавшихся прокрымской ориентации, вынуждают верховного князя Темрюка Идарова обратиться к московскому царю Ивану IV. Кабардинское посольство во главе с Канклычем Кануковым, прибывшее в Москву летом 1557 г., просило помощи против Шамхала. Кабарда, в лице своих представителей, предлагала строить будущие

Мария Темрюковна. Рис. С.Т. Бичоева

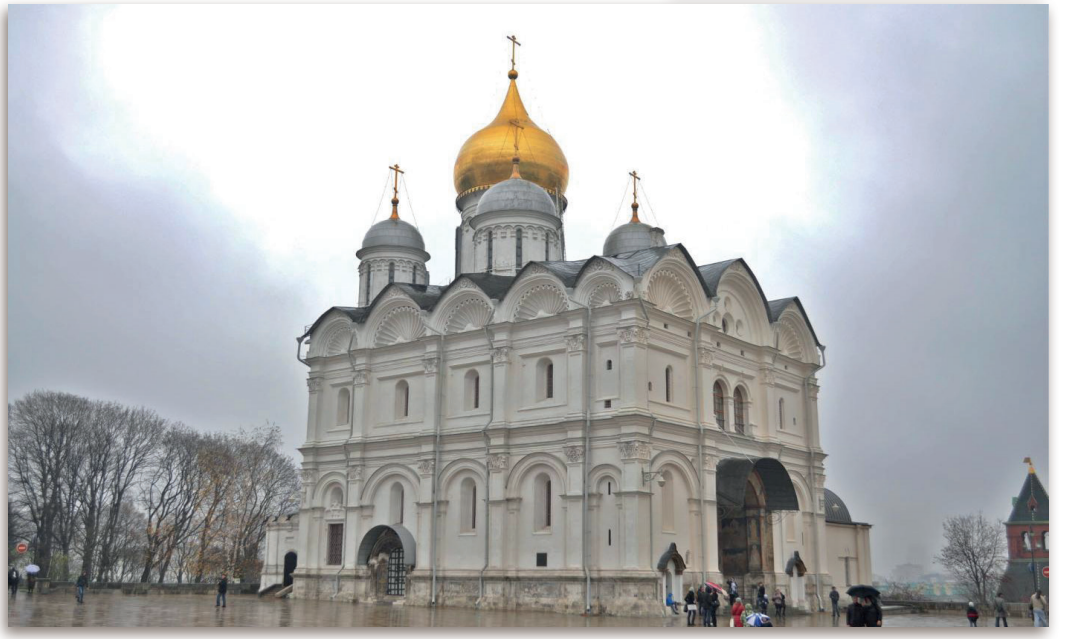
Иван Грозный. Рис. С.Т. Бичоева

взаимоотношения на тех же условиях, что между Русским государством и западно-адыгским государством, и западно-адыгскими князьями-жанеевцами и бесленеевцами. Одновременно кабардинское посольство выступало от имени восточно-грузинских царств: Картли и Кахетии («Иверской земли»), которые при посредничестве кабардинцев пытались установить политические контакты с единоверным русским государством[23]. В этом же 1557 г. в Москву с просьбами о защите и покровительстве прибыли посольства из Шамхальства и Тюменского княжества, чьими соперниками в регионе выступала Кабарда.

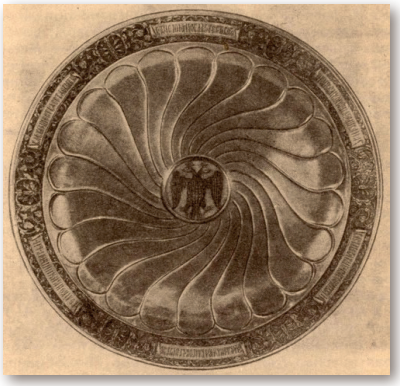
В 1558 г. князь Темрюк Идаров прислал в Москву сына Салнука (Салтанука), который был крещен под именем Михаила, обучен при царском дворе русской грамоте и стал одним из видных бояр. Его братья Доманук, Мамстрюк, Булгайрук тоже неоднократно бывали с различными поручениями в русской столице в 1560-х гг.

Османо-крымская ориентация шамхала и его вражда с союзными Москве кабардинцами не устраивали царское правительство. Уже в 1560 г. воевода И.С. Черемесинов совершил из Астрахани морской поход на шамхала, который был вынужден покинуть свою резиденцию в Тарках и временно прекратить набеги на кабардинские владения[24].

После смерти царицы Анастасии Романовны в августе 1560 г. у царя Ивана IV созрел план – в политических интересах России заключить брак с одним из царствующих домов Европы или одним из адыгских княжеских домов. Это свидетельствовало о важном значении, придаваемом Москвой сохранению и упро-



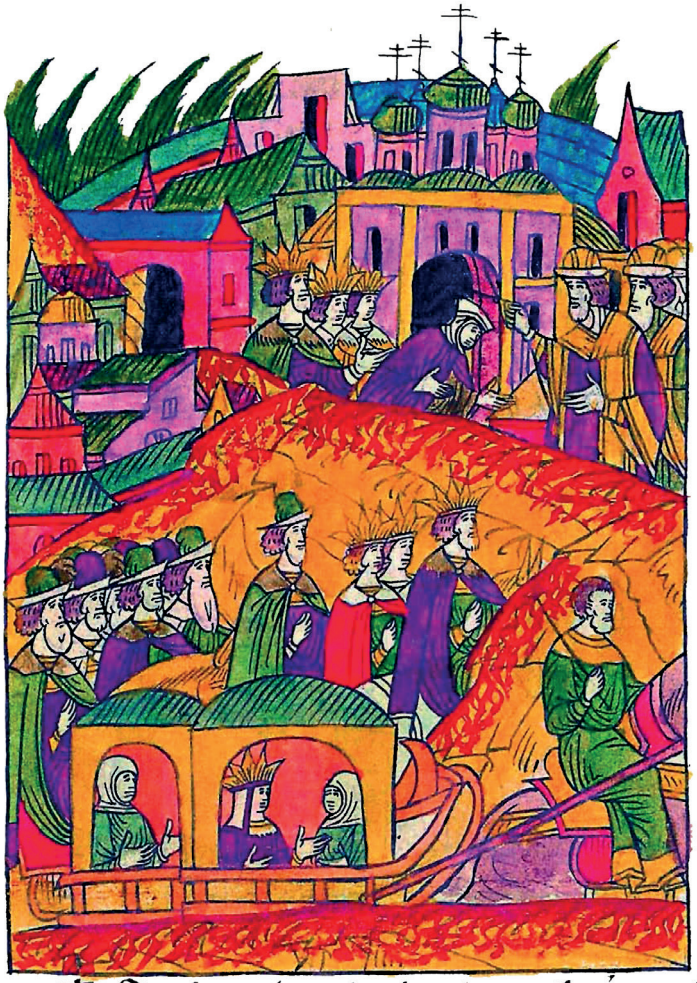
Архангельский собор



Золотое блюдо царицы Марии Темрюковны

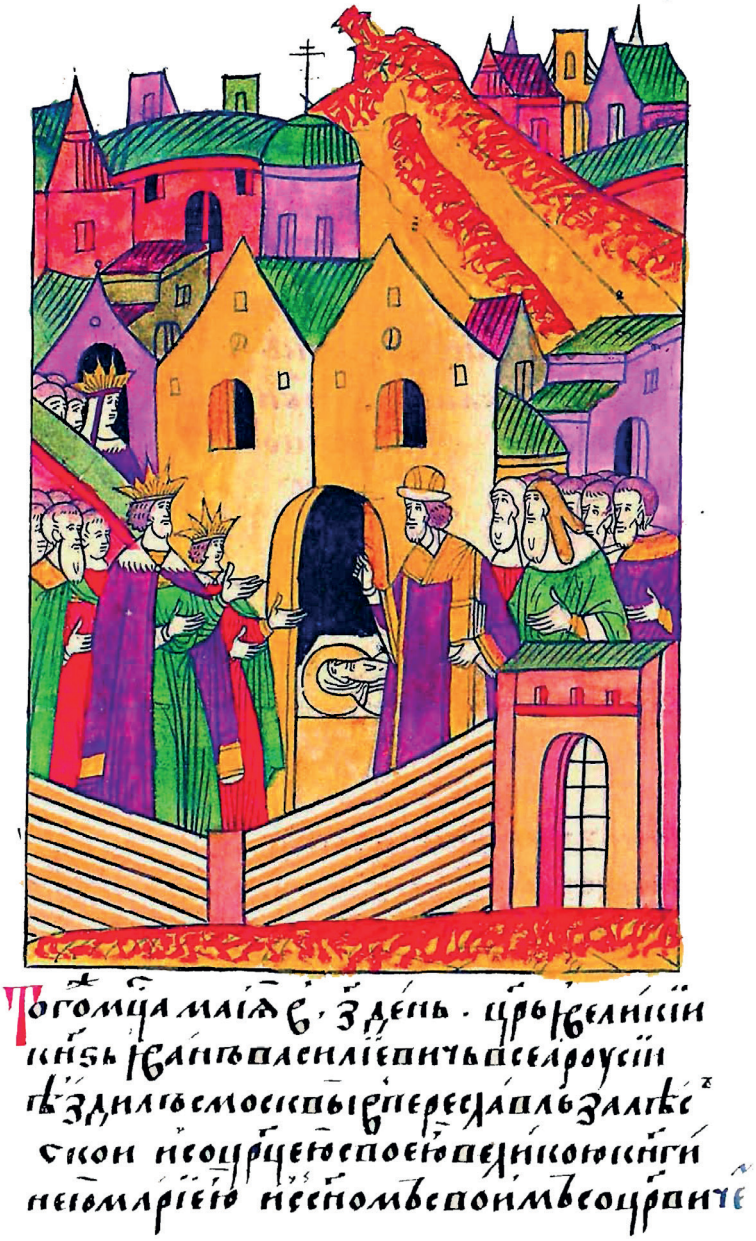
Печать Марии Темрюковны

Волосник Марии Темрюковны



В том же месяце апреле в 30 день царя и великого князя брата князя Юрия Васильевича княгиня Ульяна изволила постричься в Новом девичьем монастыре; а до монастыря княгиню Ульяну провожал царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич, царица и великая княгиня Мария и царевич Иван, и князь Владимир

Тогожмца априлѧв. а день црва ѥвели
кого кнѧзѧ брата кнѧже юрїева васи
лїевича кнѧгини оулїана. произволи
ласѧ постричи. оупрчтыїе ѡди гитри
в новомъ девичемонастырѣ. а домо
настырѧ кнѧгиню оулїанꙋ провожа
црь ѥвеликїи кнѧзь ѥванъ василїевичь
всеа роусїи. и црца ѥвеликаѧ кнѧгини
марїа. и црвичь ѥванъ и кнѧзь володи



В том же месяце мае в 7 день царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич ездил из Москвы в Переславль Залесский с царицей своей великой княгиней Марией и с сыном своим, с царевичем

В том же месяце октябре в 7 день царь и великий князь царице своей и великой княгине Марье и детям своим царевичу Ивану и царевичу Федору повелел ехать из Александровской слободы к Москве.

чению связей с многочисленными адыгскими княжествами. В царской семье браки были делом не частного, а политического характера, они подчинялись династическим целям.

Свадебные посольства были отправлены: в Польшу свататься за сестру короля Сигизмунда-Августа; в Швецию – сватовство за одну из дочерей короля Густава; в «Черкасы у черкасских князей дочерей смотрети и привести к Москве». В Кабарду были отправлены к верховному князю Темрюку Идарову посол Федор Вокшерин и подьячий Семен Мякинин. В Западную Черкесию к Жанеевскому князю Сибоку (Василию) отправился посол Борис Сукин[25].

Печать князя Михаила Темрюковича Черкасского с его изображением

Известно, что только сватовство в Кабарде увенчалось успехом, и в 1561 г. Иван Грозный закрепил политические взаимоотношения с Кабардой и с князем Идаровым женитьбой на его дочери Гуащэней, в крещении – Марии Темрюковне.

В эпоху средневековья, когда в международных отношениях государство персонифицировалось в лице государя, особое значение имели династические браки: они часто скрепляли межгосударственные договоры. В данном случае, брак Ивана IV и Марии Темрюковны имел большие последствия для истории русско-кабардинских отношений.

«Сей поступок, – указывал С. Броневский, – был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел по тогдашним обстоятельствам, весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, которые в походах царя Ивана на Лифляндию, Польшу, против крымских татар, отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростью, им свойственною, много способствовали его победам»[26]. Русский посол Афанасий Нагой сообщал хану Давлет-Гирею, что после брака царь «Темгрюка князя и землю Черкасскую пожаловал, велел ему служити, и ныне Темгрюк князь и Черкасская земля в государя нашего воля»[27].

Взаимоотношения Кабарды с Россией оформляются присягами («шертью»). Нельзя сказать, что промосковская позиция Идаровичей отражала намерения и политические интересы всей правящей кабардинской элиты. Большой группе кабардинской знати во главе с Темрюком Идаровым противостояла группировка во главе с князем Пшеапшоко Кайтукиным, которая ориентировалась на Крым.

А определенная часть кабардинской феодальной знати, по всей вероятности, проявляла готовность к политическому маневрированию между Мо-

сквой и Бахчисараем, стремясь использовать складывающиеся обстоятельства для дальнейшего сохранения своего суверенитета.

В сложное и трудное для Кабарды время князь Темрюк Идаров проявил себя мудрым и дальновидным государственным деятелем. За десятилетие 1558–1567 гг. в ответ на посольства Темрюка Идарова в Москву, в Кабарде шесть раз побывали русские послы и посланники, и четыре раза ему была оказана сильная военная помощь, в которой особое значение имели стрельцы – ратные люди «с вогненным боем»[28]. В своей внешней политике князь Темрюк Идаров, враждуя с дагестанским шамхалом, установил дружественные отношения с Грузией. В борьбе с Крымским ханством и его союзницей Малой Ногайской ордой, Темрюк опирался на князей Большой Ногайской Орды, с которыми был связан родственными отношениями. Установление союзнических отношений Кабарды, наверное, прежде всего, Идаровой Кабарды с Москвой, сделало верховного кабардинского князя Темрюка Идарова тем правителем среди Иналовичей, с которыми не только многие кабардинские удельные князья, но и правители соседних государств хотели установить связи.

В 1562–1563 годы Темрюк Идаров вместе с русскими воеводами совершил ряд крупных походов против кабардинских князей во главе с Пшеапшоко Кайтукиным и его союзником шамхалом Будаем. Одновременно эти походы способствовали обеспечению беспрепятственных связей Кабарды и России с Грузией через перевалы Центрального Кавказа. Благодаря внешней и внутренней политике Темрюка Идарова, Кабарда стала более консолидированной и утвердила свой авторитет в кавказском крае и за его пределами. Свидетельством этого является заявление русского посла в Турции И.П. Новосильцева, что земля князя Темрюка Идарова простирается «по Терке по реке и до моря»[29].

В 1567 году по просьбе Темрюка Идарова, которому противостояли, с одной стороны, князья Кайтукины, с другой – Шамхал, был поставлен русский город в устье Сунжи – притока Терека[30]. Со стратегической точки зрения место для постройки на Северном Кавказе в 1567 году русского города было выбрано исключительно удачно, потому что оно перекрывало и контролировало пути сношений Крыма и Турции через Северный Кавказ и через Астрахань со Средней Азией, а также с шамхальством. Кабардинские князья, противники русской ориентации, еще в 1564 году обращались с крымскому хану о недопустимости возведения русских укреплений во владениях Темрюка Идарова: «Если там будет поставлен город, то не только им пропасть, но и Тюмень и Шемкал будут за Москвою»[31].

Крымцы сознавали себя объединяющим центром всех татар (в том числе Больших Ногаев и казанских людей), а также определенной части «горских» черкес, которые просят заступничества и принятия мер против постепенного утверждения русских на Тереке.

Постройка русского города вызвала резкое обострение русско-крымских отношений. Хан Давлет-Гирей дал понять на переговорах с русскими послами, что в этом вопросе он никогда не пойдет на уступки. Вскоре осенью 1567 года три крымских царевича совершили поход на адыгов.

Необходимо отметить, что в 1550-х–1560-х гг. в Крыму оказались представители многочисленных черкесских князей, настроенных против союзников Москвы на Северном Кавказе. Они вместе с казанской эмиграцией из татарской знати, ногайскими мурзами, враждебными Исмаилу, составили влиятельный общественный слой, кровно заинтересованный в борьбе с Русским государством.

А между тем отношения между османами и персами оставались в тот период весьма напряженными, и северокавказские пути сохраняли свое стратегическое значение для проникновения в Закавказье. В турецкой и крымской дипломатической переписке второй половины XVI века неоднократно перед русской стороной ставится вопрос, чтобы сделать для себя безопасной дорогу через Кабарду[32].

С этим же вопросом был связан большой, но неудачный поход крымско-турецких войск на Астрахань в 1569 году, имевший целью «открыть» дорогу Турции в Закавказье и в Ширван, в обход Северного Кавказа по Дону через Переволоку в Волгу и Каспийское море. В широком плане предполагалось наладить связи Турции с мусульманскими странами Средней Азии. Наряду с отмеченными мотивами, поход должен был положить предел распространению влияния Москвы на Предкавказье.

Летом 1569 года начинается война Турции против России. Надо отметить, что это была первая война в череде войн между этими державами. Огромная объединенная 130-тысячная турецко-крымская армия во главе с Касим-беем выступила в поход на Астрахань. Главными причинами похода были: «астраханскую дорогу отперети», а город, построенный на Тереке (Терки. – *Ред.*) «оставити». Этому походу Турция и Крым придавали огромное значение, ставя его целью нарушить связь России с Кавказом и Средней Азией, вытеснить русских с Предкавказья и нижнего течения Волги, что дало бы Турции и Крыму колоссальные стратегические преимущества в дальнейшей борьбе с Ираном и Россией[33]. Однако тщательно подготовленный «поход закончился неудачно и в его разгроме приняла участие и кабардинская конница»[34].

Астрахань взять не удалось, и Касим-бею пришлось готовиться к зимовке. Однако, как отмечал Н.А. Смирнов, янычары и другие турецкие войска отказались оставаться на зиму в низовьях Волги[35]. К Астрахани стягивались русские войска и войска их союзников. Первым сюда подошел князь Серебряный с 30-тысячным войском, за ним «подошел Иван Дмитриевич Бельской, имея 100 тысяч; с ним же идут ногайские племена». 26 сентября турки сожгли все, что было под Астраханью и двинулись в обратный путь. Турецкие войска шли от Волги до Азова целый месяц. Крымский хан вел турок

«кабардинской дорогой» по безводным местам (по так называемой «Можарской дороге»). Ссылаясь на Ш.Б. Ногмова, В.Б. Вилинбахов писал, что во время отступления турецко-крымской армии ее атаковала и нанесла значительный урон кабардинская конница во главе с Темрюком и его сыновьями. Кабардинцы «без труда разбили утомленных неприятелей, взяли богатую добычу и много пленных»[36].

Источники отмечают, что отступление стоило туркам во много раз больших потерь, чем сама война. В результате лишь одна треть турок добралась к 24 октября до Азова. Остатки турецких войск были погружены на морские суда и отправлены в Каффу, но во время шторма многие суда были разбиты и значительное количество людей утонуло. Как свидетельствует русский посол в Турции И.П. Новосильцев, в Константинополь вернулось не больше 700 человек из турецкого войска[37].

Когда кабардинские отряды Темрюка Идарова громили отступавшие крымско-турецкие войска, крымский царевич Адиль(Алди)-Гирей неожиданно воспользовался удобным моментом и совершил нападение на западных адыгов. С небольшим отрядом Темрюк бросился им на помощь. Бой был ожесточенным. Темрюка Идаровича тяжело ранило, а два его сына Мамстрюк и Булгайрук попали в плен*. Но Адиль-Гирей, понеся большие потери, не рискнул двинуться в глубь Черкесии и вынужден был отступить в Крым[38].

Наличие русских отрядов на Тереке и военный союз с кабардинцами помешали распространить начатую Турцией в 1569 году войну за захват низовьев Волги и Астрахани на весь Северный Кавказ[39]. Таковы в основном были итоги первой русско-турецкой войны 1569 года.

И после смерти царицы Марии Темрюковны, а позже и ее отца, царь Иван IV придавал важное значение сохранению союзнических отношений с Кабардой. Он неизменно поддерживал княжеский дом Идаровых. Получив известие о битве на Ахупсе и пленении братьев, царь для их вызволения посылает в Бахчисарай Богдана Шапкина. Сведений о том, что князей Мамстрюка и Биберюка выкупила русская сторона в документах Посольского приказа нет. Благодаря усилиям родственников, судя по документам 1578, 1580–1590-х годов, Мамстрюк опять в Кабарде и последовательно занимает пророссийскую ориентацию[40].

Борьба кабардинцев и их военно-политическое сотрудничество с Москвой против крымско-турецких сил продолжались и в последней трети XVI века. Политику Темрюка Идарова продолжил его брат Камбулат, ставший верховным князем. В 1578 году он прибыл в Москву во главе посольства от Идаровых, Кайтукиных и Таусултановых. Оно било челом «ото всее черкаские Кабарды» и предложило строительство русского города в устье Сунжи и присылке на Терек воеводы и стрельцов[41]. В том же году воеводой Новосильцевым город был поставлен, хотя позже, после обострения отно-

* Позже Мамстрюку удалось вырваться из плена и вернуться в Кабарду.

Тогожмцадекабрѧв кв. деньприѣхалкоцрю
ивеликомоукнзю. ичеркаматлоукнзь
темгрюковичь. шоуринъцрѧивеликоѿ
кнзѧ. алюдейсним л. члкъ. битичелѡ
гдрюцрюивеликомоукнзю. ѿоцасвоего
темгрюкакнзѧ аидаровича. чтобгдрь
пожаловалдлѧбреженїаѿнедроуговъего
велѣлъгоро. нарекѣтеркѣоустьсюю
чиреки поставити :—.

В том же месяце декабре в 22 день приехал к царю и великому князю из Черкас Матлов-князь Темрюкович, шурин царя и великого князя, и людей с ним тридцать человек, бить челом государю царю и великому князю от отца своего Темрюка-князя Айдаровича о том, чтобы государь пожаловал и для бережения от недругов его велел поставить город на реке Терке в устье Сююнчи-реки.

Тогожмцафевраляво в днь. ѿпоустилъ
црь и великій кнзь в черкасы. мазлова
кнзя темрюковича. а с нимъ по темрю
ву челобитью послалъ. црь и великій кнѧ
для городового дѣла кнзя ѡндрѣя кнѧ

В том же месяце феврале во 2 день отпустил царь и великий князь в Черкасы Мазлова-князя Темрюковича, а с ним по Темрюкову челобитью послал царь и великий князь для городового дела князя Андрея, сына князя

шений с Крымом, он был снесен. Но фактически русский контроль над северокавказским путем сохранялся.

В начале 70-х годов, в связи с неудачами в Ливонской войне и сложностями в международных отношениях, русское правительство отозвало свои войска из Кабарды, а возведенное укрепление было срыто. На некоторое время связи России с Кабардой прерываются. «Эти годы были тяжелыми для Кабарды, которая подвергалась частым набегам со стороны крымских татар»[42]. Однако срытие Терской (Сунженской) крепости не означало отказа Русского государства от дружеских взаимоотношений с Кабардой. Это было временной уступкой Порте[43].

В это время крымский калга Адиль-Гирей двинулся через Северный Кавказ в Прикаспий. Кабардинские князья и воевода Л. Новосильцев пропустили его через Кабарду. Затем, когда потрепанные в боях с персами крымские отряды возвращались назад, они были наголову разбиты кабардинцами и русскими стрельцами Новосильцева[44].

К этому времени относится и призыв царя из Москвы к двум наиболее влиятельным кабардинским князьям, чтобы: «Мамстрюк-мурза с Казы-мурзою с Шикапшуковым, шли на нашу службу, а взяли бы есте с собой черкес до трехсот человек и были б есть в Астрахани к Семену дню. А из Астрахани бы вам пойти ... на нашу Украйну прити к Темрюкову до заморозков»[45]. В этой грамоте князьям Мамстрюку Темрюкову и Кази Пшеапшокову предлагалось двинуть свои отряды к южным границам России для несения пограничной службы, чтобы крымцы не прорвались неожиданно во внутренние районы России. Таким образом, можно говорить, что тесные контакты Кабарды и России, прерванные в 1570–1571 годах, восстанавливаются с 1578 года после посещения Москвы старшим князем Кабарды Камбулатом Идаровым[46].

Россия в борьбе с Крымом и Турцией действует теперь, как и раньше, сообща с кабардинцами. «Вскоре представился и новый случай нанести сильное поражение турецкому войску, следовавшему – как пишет Н.Ф. Смирнов, – из Дербента в Крым для низложения мятежного хана Магомет-Гирея. Эту миссию султан возложил на правителя Ширвана Осман-пашу, который со значительными силами двинулся осенью 1583 года на Сунжу, чтобы оттуда через Северный Кавказ проникнуть в Крым через Темрюк и Тамань»[47]. По пути его следования «гребенцы и кабардинцы подстерегли [пашу] у переправы Сунжи, напали, завязался сильнейший бой. Осман-паша сумел прорваться, – пишет А.А. Новосельский, – переправиться через Терек, но его три дня преследовали казаки и кабардинцы. Осман-паша расположился лагерем у горы Бештау, но и здесь он под ударами не удержался и с жалкими остатками бежал»[48].

В дальнейшем турки и крымские татары продолжали предпринимать попытки пройти через Северный Кавказ в Закавказье.

В 1593 году был подготовлен большой поход крымским ханом на Терский городок. Во главе войск был поставлен царевич Муборек-Гирей. Узнав

об этом походе, кабардинские князья подготовились, и царевич не решился двинуть свои войска на Терский городок, хотя силы его были весьма значительные. В материалах КРО приводится по этому случаю следующий документ: В распоряжении Муборек-Гирея турки дали 18 пушек, «велено было двинуться янычарам из Кафы, да ногаям Казыева улуса, да черкасам, которые за турским (имеются ввиду западные адыги. – *Ред.*)»[49]. В дальнейшем, как отмечает Е.Н. Кушева, взаимоотношения Кабарды с Крымом еще более осложнились[50].

Общая международная обстановка, переговоры персидского правительства с русским по вопросу о совместной борьбе с Турцией, регулярный обмен посольствами с Кабардой и Грузией – все это позволяло российскому государству расширять свое влияние в регионе, что в конечном итоге, имело большое значение в совместном противостоянии адыгов и русских против османо-крымского натиска. В январе 1588 года кабардинское посольство во главе с Мамстрюком и Куденетом, представлявших, по их заявлению, «всю кабардинскую землю», подтвердило русское подданство кабардинцев. Кабардинское посольство оформило «шертную запись на верность Кабардинской земли Русскому государству»[51].

Шертные грамоты (как и крестоцеловальные для христианских стран, например, Грузии) содержали присягу («шерть») нехристианских (азиатских и кавказских) владетелей (татарских, ногайских, кабардинских, дагестанских, вайнахских, калмыцких) в верности России. Эта практика имела место с конца XV до начала XVIII века. Долгое время взаимоотношения Москвы с Крымским ханством и Ногайской Ордой тоже оформлялись в виде шертных записей. Проекты последних могли исходить как с одной, так и с другой стороны.

Указанный выше договор 1588 года предусматривал, что кабардинская феодальная знать во главе с верховным князем Камбулатом Идаровым вступает в подданство русского царя и получает от него защиту против недругов.

Наряду с шертной записью политико-правовые взаимоотношения сторон оформлялись дачей царем Федором Ивановичем кабардинскому князю Камбулату Идарову и всей кабардинской земле «царской жаловальной з золотой печатью» грамоты. Она была по своему виду договорной и повторяла основные положения шертной присяги.

В 1588–1589 годах по просьбе кабардинского посольства вновь был поставлен новый русский город в устье Терека, на одном из его протоков – Тюменьке, откуда легче было иметь связь с Астраханью.

Документы конца 80-х годов XVI века позволяют говорить об окончательном складывании в ходе междоусобной борьбы двух основных феодальных партий, ориентировавшихся на русскую и османо-крымскую внешние силы[52]. Княжескому дому Идаровых противостояли Кайтукины и Таусултановы. Посольства от них приезжали в Москву порознь. В шертные записи, оформлявшие эти переговоры, вносились по просьбам кабардинской стороны формулы

Григорий Вражской, а с ним стрельцов 500 человек, да пять атаманов казачьих с казаками; а казаков с ними 500 человек.

И Темрюк с государскими людьми с недругом своим вражду прекратил и в свою волю их привел, и воевал Шепшуковы улусы, да воевал татцкие земли близ Скиньских городков.

и взяли три городка: город Мохань, город Енгирь, город Кавань; мирзу Телишку убили и людей многих побили. А те городки были Шепшуковы, княжие;

и люди тех городков добили челом Темрюку-князю, и дань Темрюк-князь на них положил; и воевали землю их одиннадцать дней. И взяли селений

о помощи «ратными людьми» в борьбе с «недругами» против тех «черкаских князей», которые служат «крымскому и шевкальскому». Каждое из кабардинских удельных княжеств имело собственные интересы и пыталось, благодаря своим связям с Русским государством или Крымом, усилить свои позиции. Феодальная борьба в Кабарде, если только противоборствующие группировки обращались к российской стороне и подтверждали российское «подданство», или же к Крымскому хану, была выгодна правительствам этих государств. Это давало в их руки инструмент для закрепления своего политического влияния на Центральном Кавказе.

Летом 1589 года терский воевода А.И. Хворостинин отписал в Посольский приказ о смерти кабардинского князя Камбулата Идарова и о борьбе между мурзами за княжение. В августе скоропостижно скончался князь Асланбек Кайтукин[53]. В Кабарде был съезд и на место верховного князя заступил Янсох Кайтукин. К концу 1589 года можно говорить об установлении в Кабарде преобладающего влияния князей прорусской ориентации.

В этот период проявляется стремление кабардинских князей к овладению контролем над переправами у слияния Сунжи с Тереком, для чего они пытаются учредить здесь заставы и взимать пошлины с проезжающих[54].

Русское правительство, выполняя неоднократные просьбы грузинского царя Александра, предпринимает шаги к тому, чтобы обезопасить дорогу через шамхальство в Кахетию. Весной 1591 года планируется совместный поход терских воевод с князем Григорием Засекиным и кабардинских князей, для чего царская грамота отправляется Мамстрюку Идаровичу[55]. В 1580–1590-х годах русское присутствие на Северном Кавказе вместе с союзническими отношениями с кабардинцами и другими горскими владельцами, по справедливому мнению Е.Н. Кушевой, еще более прочно, чем в 60-х годах XVI века[56]. Результатом этого стало закрытие для османских войск дороги к Дербенту. Это значительно подняло престиж России и усиливало ориентацию северокавказских народов на Москву. Свои успехи в регионе русское правительство стремилось сделать достоянием международной дипломатии. Именно в начале 1590-х годов в полный титул русского царя было внесено добавление: «государь Иверские земли Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей… государь». Но фактически Кабарда XVI–XVIII гг. никогда не включалась в большой царский титул. Москва не могла расценивать историческую Кабарду как часть подвластного царства, в отличие от бывших казанских владений, территорий астраханских и сибирских татар, перечисленных в большом титуле.

Усиление русского влияния в Предкавказье вызвало резкое обострение отношений Турции и Крыма с московским правительством. В 1592–1594 годах во время нахождения в Турции русских послов Г. Нащокина и А. Иванова, прибывших к османскому двору с мирными предложениями, ими было сделано резкое заявление: «ходили государя вашего люди в Кабардинскую

землю на шевкала-князя, а шевкал служит государю нашему… город де в Черкасах государя вашего люди поставили… А на Терке де и по Дону государь ваш поставил новых четыре города и государя нашего людям в Темиркапе (т.е. Дербенте) дорогу отняли»[57]. Великий визирь Синан-паша в письме к царю Федору Ивановичу обозначил целый ряд претензий о построении городов на Тереке и в Кабарде, о нападении донских казаков на Азов, о контактах Москвы с грузинским царем Александром, и требовал сведения с Дона казаков и даже возвращения Астрахани и Казани. Во время переговоров с османцами и крымцами, русские дипломаты пользуются аргументацией об «исконной» принадлежности «пятигорских черкес» России. Она в форме легенды была создана в недрах Посольского приказа и доказывала, что адыги-черкесы в давние времена являлись не кем иным, как рязанцами, переселившимися на Кавказ, но позже, при Иване IV вступили в русское подданство; по их челобитию и даже для их «бережения» был поставлен «в Кабардинской земле на Терке город, что без города быть черкесам невозможно»[58]. Эта версия стала широко использоваться в дипломатических документах, несмотря на то, что в Стамбуле и Бахчисарае он не производила должного эффекта.

Турецкая и крымская дипломатия, в свою очередь, пытались тоже обосновать «подданство» адыгов мусульманским государствам.

В конце XVI века турецкий султан и крымский хан попытались организовать большой поход на Северный Кавказ для взятия Терского города и покорения черкесов. В Керчь было переброшено 18 пушек. Крымский царевич Мубарек-Гирей должен был объединить янычар Анатолии, Кафы и определенную часть причерноморских черкесов. Была опасность посылки крымского войска на Россию. Начавшиеся вскоре военные действия в Европе в ходе австро-турецкой войны за обладание Венгрией, смерть Мубарек-Гирея отвлекли османо-крымцев от северокавказских проблем.

Историки давали различные интерпретации содержания и значения акта 1557 г. Видимо, и дальше продолжатся научные дискуссии о его конкретном политическом смысле в терминах феодального «договорного права», о наличии или отсутствии изначально одинакового и однозначного толкования этого акта обеими сторонами и т.п. Но если смотреть на дело с позиции не только XVI века, но и наших дней, то главные аспекты представляются бесспорными.

Прежде всего, это была собственная политическая инициатива Кабарды в лице наиболее влиятельной группировки господствующей феодальной элиты. Иными словами, это был акт сознательного и самостоятельного выбора наших предков, основанный на понимании своих жизненных интересов и на трезвой оценке реальной обстановки, складывающейся вокруг Кабарды.

Оформившийся в 1557 г. союз с Русским государством не прервал линию независимого политического развития Кабарды, не ограничил ее самостоя-

тельности в решении своих внутренних, да и внешнеполитических вопросов. Напротив, он укрепил ее позиции и способствовал повышению ее политического веса в регионе.

В свете последующего политического развития те взаимные обязательства, которые были приняты на себя политическими верхами России и Кабарды в 1557 г., рассматриваются иногда как недостаточное правовое основание вхождения Кабарды в состав Российского государства. Но они открыли собой эпоху прочного, хотя порой и трагически неоднозначного соединения исторических судеб России и Кабарды, России и всех адыгов. Вот почему, когда мы порой привычно повторяем формулу о «добровольном присоединении», это не вызывает у нашего народа чувства отторжения.

Исторически место выдвинутой в работе концепции определяется тем, что она противостоит двум политико-идеологическим мифам: мифу об одномоментном добровольном присоединении Кабарды к Русскому государству, уже к середине XVI в., и мифу о перманентной 400-летней войне России с народами Северного Кавказа[59]. Поэтому выяснение юридической природы кабардино-русского договора 1557 года и политико-правового содержания адыго-русских взаимоотношений XVI–XVIII веков будет неправильным без учета значения ключевых понятий «сюзеренитет», «протекторат», «подданство», «покровительство», «вассалитет» и «холопство» в европейской и российской международно-правовой практике.

В XVI–XVIII веках европейская теория и практика международного права различали, прежде всего, два вида зависимости: сюзеренитет и покровительство. В первом случае верховная власть принадлежит сюзерену, а вассал сидит на его земле «по соглашению» с ним. Здесь право верховной собственности на землю неразрывно связано с обладанием политической властью, что является непреложной формулой феодальной эпохи. Но в этих условиях положение вассала может оставаться суверенным, если налицо внутриполитическая и внешнеполитическая автономия. Формы покровительства были более многообразны, чем формы сюзеренитета: данничество, вассалитет (но только по форме, т.е. инвеститура, служба против «всех и каждого» и т.д.), просто союзник в неравноправном договоре о покровительстве. При «покровительстве» мог иметь место союз, в котором слабая сторона (протеже) в поисках защиты от врагов связывала себя с сильной (протектором), согласившейся защитить ее, беря на себя ряд обязательств как данничество, близкое к вассальному по форме, до обязательств военной помощи и ограничения своей внешней дееспособности.

Классики европейского международного права (Ж. Боден, Г. Гроций и др.) различали абсолютно независимые (суверенные) государства и государства, связанные неравноправными союзными договорами. Они отмечали, «что одна сторона обязана оказывать поддержку власти и величию другой стороны», ибо в дружбе между неравными сторонами на долю «сильнейше-

го выпадает больше чести, на долю слабейшего – больше обязанностей оказывать содействие первому»[60]. В известном труде Э. Ваттеля четко разграничиваются субъекты международного права: а) государства, находящиеся под покровительством, б) государства-данники, и в) вассальные государства[61]. Он обращал внимание, что «подчиненное на некоторых условиях» государство может еще оставаться субъектом международного права, но в форме ограниченной суверенности, если его внешняя дееспособность не ликвидирована полностью. Ваттель специально оговаривает, что если покровитель не требует от протеже отказа от прерогатив верховной власти, ограничиваясь требованием уплаты дани, предоставления войск, даже разделения общей с протектором судьбы во всех войнах, то протеже остается независимым.

Благодаря указанным и другим авторам в международно-правовой практике XVI–XVIII веков сложилась так называемая феодальная концепция «свободы». Она заключалась в совокупности прав верховного законодательства и управления (суд, сбор налогов и т.д.) внутри общества, и право войны и мира (т.е. заключение договоров и союзов вовне). Если государство (народ, этнополитическая общность) сохраняет за собой вышеуказанные права и обязывается только к определенным услугам, обусловленным договором, то такой народ считается «зависимым» и «подданным», но остается «свободным» и «примкнувшим», а не «подчиненным». «Подданным» в собственном смысле протеже становится при инкорпорации, но даже в этом случае подданство было договорным, условным, нарушение его протектором возвращало протеже статус независимости.

Важным общественно-политическим и научным моментом проблемы складывания Российского многонационального государства является определение времени и критериев того, когда то или иное национально-государственное образование стало частью Российского государства. В исторической науке разработаны определенные критерии, правда, они достаточно условны и не могут быть приложены ко всем территориям:

1. Обозначение территорий в высшей государственной символике.

2. Компетенция ведомств (т.е. какое ведомство – внутри – или внешнеполитическое занимается делами, связанными с данной территорией).

3. Выплата налогов в общероссийскую казну.

4. Распространение действий общероссийского законодательства и учреждение российской администрации на присоединенных территориях[62].

Таким образом, здесь присутствуют четыре основных критерия: государственная символика, компетенция ведомств, налоги и законодательство.

Международная правовая практика Российского государства выработала в течение второй половины XVI века ряд видов зависимости государств. С момента покорения Казани (1552) любой вид и форма зависимости толкуется Москвой как «холопство» и «подданство» на манер золотоордынской дипломатии. Известный историк В.В. Устюгов писал, что политика московского пра-

вительства по отношению к нерусским народностям была вполне определенной и достаточно суровой: все население вновь присоединенных территорий (Казанское ханство, Башкирская земля, Сибирское царство и др.) облагалось ясаком[63].

С середины XVI века из всех национальных окраин, которые взаимодействовали с Москвой, статус Кабарды был особый. Она находилась «в службе и обороне»[64], что означало покровительственный характер союза 1557 года. Он не укладывался в обычные нормы сюзеренитета, принятого на Востоке с его ярко выраженной формой «покорности и условности инвеституры». Хотя по форме договор и был наделен атрибутами вассалитета, установившиеся отношения были защитно-покровительственные, базирующиеся на признании взаимных прав и обязанностей. Кабарда «служит», но служит, будучи «в обороне». Москва обязана ее оборонять, в противном случае договор может быть расторгнут. Даже после перестройки российской дипломатии в начале XVIII века на европейский лад и заимствования многих западноевропейских терминов и понятий, в грамоте Петра I «кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу» (март 1711) говорится: «…изволяем вас к себе в подданство и оборону приняти»[65].

Вступление Кабарды в подданство оформлялось международным договором, форма которого специально была выработана в Посольском приказе. Оригинал договора 1557 г. не сохранился, до нас дошли только те его части, которые были использованы при составлении общерусского летописного свода. Косвенным свидетельством имевшей место в 1557 году «шертной» («клятвенной») присяги – «тхьэрыIуэ-псалъэ» («договор» или «соглашение» на кабардинском языке) со стороны кабардинского посольства являются памятники устной традиции, приводимые Ш.Б. Ногмовым «В истории адыхейского народа»[66].

Кабардино-русский договор 1588 года состоял из двух частей: «шертной» («клятвенной записи») и «жалованной грамоты с золотой печатью», которая приравнивалась к докончальной грамоте[67]. Указанный и последующие кабардино-русские договоры (как и кахетинско-русский договор 1587–1589 гг.) обусловили складывание в русском праве нового вида договора: договор об учинении в подданстве, призванного регулировать отношения между вступающими в зависимость от Москвы государственными образованиями, которые сохранили внутреннюю автономию и имели ограниченную внешнеполитическую дееспособность. Основные формулы шертных записей и жалованных грамот кабардинских князей содержали военно-политические обязательства, связывающие суверенные стороны. Они носили оборонно-наступательный характер. В посылаемых в Кабарду грамотах цари, Посольский приказ и Коллегия иностранных дел, терские и астраханские воеводы требуют «показать службу», «служить». На кабардинских князей возлагались прежде всего военные обязательства в виде платы за «защиту и покровительство», а также

приведение других северокавказских владельцев в российское подданство. В отличие от так называемых «новоприбылых» в анализируемых публично-правовых актах нигде не говорится о плате «за защиту и покровительство» в форме «ясака», «дани» или «поминок». Таким образом, наличие защитных отношений, основанных на полной договоренности сторон и не выходящих за пределы союза, рождало новую форму взаимоотношений, принципиально отличных от сюзеренно-вассальных. Кабарда с точки зрения указанной практики оставалась суверенной – в отношении с Крымским ханством она выступала внешне как данник, откупающийся от набегов, а в отношении Российского государства, с чьей стороны получала покровительство, как клиент, берущий на себя обязательства, аналогичные по форме («клятва верности», служба и обязанность «вассала» по отношению к «сеньору»). «Стереотипность шерти», а тем более факт составления их образцов в Посольском приказе, ни в коей мере не снижают их научную и практическую ценность, как пытаются представить отдельные авторы. Наоборот, они свидетельствуют о том, какое значение придавала центральная власть документальному оформлению актов подданства. Периодическое возобновление присяг при восшествии на престол каждого нового царя в России или избрании нового верховного князя в Кабарде являлось показателем прочности, а главное, продолжительности этих сложившихся отношений. Такого рода практика имела место не только на Северном Кавказе или в Поволжье, но и в самом Российском государстве.

Здесь необходимо специально оговорить, что не следует абсолютизировать и осовременивать значение шертных договоренностей XVI или XVII вв., принимать их за неукоснительные обязательства для всех сторон (северокавказских, ногайских, калмыцких владетелей и Москвы), по аналогии с международными пактами новейшего времени. На основе документальных источников русско-кабардинских отношений можно заключить, что шерть действовала, во-первых, официально – пока были живы или находились у власти заключившие ее правители; во-вторых, фактически – пока сохранялась политическая обстановка, вызвавшая ее заключение.

В изучении характера и политико-правового содержания кабардино-русских отношений многое дает посольский обряд (протокол) обеих сторон, ибо в XVI–XVII веках международное право отражало и закрепляло градацию в достоинстве и ранге государств, учредив целую систему дипломатического церемониала, которому придавалось исключительно важное значение. Московский двор был особенно щепетильным в посольских делах и добивался признания за собой ранга первостепенной державы. При нем в XVI–XVIII веках существовало два посольских обряда: один применялся в отношении западноевропейских и ряда азиатских государств (Иран, Турция, Крымское ханство), и был основан на началах взаимного признания равенства, другой – в отношении владетелей малых азиатских государств. В этой связи большой интерес представляет прием и отпуск кабардинских послов

во второй половине XVI–XVIII веке. Анализ показывает, что в отношении кабардинских послов, в основном, применяется более или менее стабильный протокол. Кабардинские посольства, как и посольства многих независимых держав Запада и Востока, удостаивались «встречи» на основных этапах своего пребывания в России; «чести» сидеть на скамье, «что и литовским послам»; «быти у руки царя», «быти у стола царя» и т.д. Если взять посылку русских послов в Кабарду, мы увидим среди них дипломатов разных рангов: от послов («сынов» боярских, дворян «думных» или «окольничих», «а с ними товарищи дьяки») до «посланников» и «гонцов».

«Посольский обычай» дает основание ставить Кабарду в ряд субъектов международного права, и она не считается составной частью Российского государства в XVI – начале XVIII веках.

Встречающееся в летописных известиях и актовых документах понятие «холопство» в правовой практике Москвы второй половины XVI в. по отношению к Кабарде и другим адыгам надо трактовать как подданство, своеобразное и условное. Но понималось оно обеими сторонами в разное время по-разному.

Неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и самодержавной властью имело место изначально. Шертные грамоты (присяги), оформлявшие подчинение горских народов царю, понимались Москвой как «вечное подчинение», не допускавшее никакого отхода или отделения, которые в последнем случае трактовались как «измена». «Москва с ее патримониальным мышлением, характерным для оседлых народов, – считает А. Капеллер, – выводила из этого претензии на свое полное господство на территории соседей, на их объединение под своим началом»[68]. Со своей стороны, северокавказские «партнеры» Москвы рассматривали свои отношения с Россией как союзнические, что охотно закреплялось в шертных договорах и присягах, предполагавших взаимные обязательства. В их глазах было естественным право на смену коалиций и союзников.

Кабардинская правящая элита, именуя себя в грамотах иногда «холопами», следовала существующей в то время российской приказной терминологии и использовала это понятие в признательность российской стороне за согласие покровительства. Обстоятельную характеристику «холопства» в понимании правящего российского двора XVI–XVII вв. дает Г. Котошихин[69]. По нему видим, «холопство» действительно в правоотношениях Кабарды с Россией приравнивалось московской стороной к подданству в форме зависимости. Но и в этом случае «принятие подданства или, вернее, признание своего служебного положения по отношению к русскому царю со стороны того или иного феодала еще не является, – как отмечал М.Н. Тихомиров, – показателем того, что вся страна, в которой жил этот феодал вошла в состав России»[70]. О полном подданстве, т.е. инкорпорации Кабарды в состав России, можно говорить только по отношению к XIX в.

В XVI в., как и в последующие столетия (вплоть до завоевания в ходе Кавказской войны), на адыгов не распространялось российское законодательство: положения Судебников, царских указов, боярских и соборных приговоров и т.д. Вместе с тем, адыги с 1580-х гг. причислялись к статусу «новоприбылых» и со второй половины XVI века русский царь стал номинально называться «государем кабардинских горских черкасских князей…». Но фактически адыги (черкесы) и, конкретно Кабарда, не включались в большой царский титул и Москва не расценивала их как часть подвластного населения, что, например, имело место в отношении завоеванных Астраханского, Казанского и Сибирского ханств. Правящие верхи Российского государства и Кабарды общались и имели официальные взаимоотношения друг с другом только через государственные структуры, представляющие внешнеполитическую сферу: в XVI–XVII вв. – Посольский приказ, в XVIII в. – Коллегия иностранных дел. Между этими государственными образованиями сохранились таможенные барьеры, и представители кабардинской феодальной знати, вывозя свою продукцию в Россию (породистых лошадей, холодное оружие и др.), или закупая там необходимые товары (огнестрельное оружие, предметы роскоши), всегда платили пошлины.

Таким образом, специальный анализ политико-правового содержания документов, оформлявших двусторонние отношения и его результаты, во-первых, не подтверждают положения о присоединении Кабарды к Российскому государству уже в середине XVI в., а во-вторых, не противоречат трактовке их взаимных отношений в исследуемый период как союзнических.

Как мы видим, с XVI до конца XVII в. доминирующим процессом в рамках противостояния держав в регионе было ирано-турецкое соперничество, сопровождавшееся войнами и периодическими переделами сфер влияния. Русское государство поначалу не включалось напрямую в военно-политическое противоборство с другими державами, но реализовало политику, позволившую ей постепенно наращивать влияние и укреплять свое присутствие на Северном Кавказе. Успехи Русского государства с середины XVI в., связанные с переходом под его контроль Нижнего Поволжья, установлением союзных отношений Москвы с частью правящей элиты ногаев и адыгов, вызывали озабоченность Османской Турции и ее вассала – Крымского ханства. На протяжении длительного времени (с середины 70-х гг. XV в.) в адыгской и русской истории взаимоотношения с Крымом приобретают характер перманентной военно-политической конфронтации и ставятся ведущим фактором их внешней политики. В этих условиях происходит объективное сближение сил, враждебных Крыму.

С момента первых политических контактов (1552 г.) начнется длительный исторический процесс, закончившийся окончательным включением Северного Кавказа в состав Российской империи. В рамки этого периода уместились противоречивые события: политическое и военное сотрудничество

в борьбе с общими врагами, покровительство с одной стороны и служба – с другой; внутренние кризисы и временные отступления в развитии отношений, а в последующем военно-колонизационный натиск и вооруженное сопротивление.

Вместе с тем, на этом длительном историческом отрезке прослеживается определенная направленность эволюции русско-кавказских отношений и выделяются несколько крупных этапов, которые различаются объемом, характером и интенсивностью установившихся связей.

В дальнейшем динамика развития кабардино-русских отношений (XVII–XVIII вв.) была часто противоречивой: от союзнических отношений к вассально-подданническим.

2.3. Институт выезда кабардинских князей как форма политического взаимодействия

Составной частью гибкой и прагматичной политики московских правителей в «собирании русских земель» и освоении новых территорий в XV–XVIII веках было сотрудничество с лояльными нерусскими элитами. Кооптация местных политических, экономических и даже религиозных элит в областях, являвшихся объектом устремлений или даже завоеванных Московским государством, по мнению специалистов, представляет собой давнюю стратегию, воспроизводящую частью византийскую и частью монгольскую традицию. Она применялась с большим успехом в XIV–XV веках по отношению к татарской феодальной знати Золотой Орды и наследовавших ей Крымского, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. С тех пор кооптация элит стала константой российской дипломатии в мусульманском мире[71].

Специальные исследования показывают, что любая элитарная группа или класс местного общества могла стать объектом кооптации – кочевая или земельная аристократия, торговцы, различные служители, интеллектуальная элита и т.д. В различные исторические периоды российская администрация в разных регионах вступала в контакт и обхаживала все эти группы[72]. Так, раньше других стали попадать в состав российской правящей знати правители татарской аристократии, связавшие свою судьбу с Москвой. По мнению А. Каппелера, они как бы предвосхитили позднейшую русскую практику кооптировать иноземные элиты и передавать им комплиментарные, престижные функции[73].

Кооптация являлась сложной стратегией, которая проявлялась в самых разнообразных формах. Она предполагала предоставление экономических и политических преимуществ отдельным лицам, социальным группам и даже целым этническим общностям; делегирование власти местному правителю,

который становится представителем российского суверена; культурную и языковую ассимиляцию с обращением или без обращения в православие; даже матримониальную (брачную) стратегию – практику, неизвестную монголам, но широко применявшуюся византийцами[74].

Известно, что институт выезда на службу для изучаемой эпохи был универсальным явлением и получил широкое распространение на Ближнем Востоке, в Западной и Восточной Европе, включая Московское государство. Адыгская правящая знать практиковала выезды на службу к правителям Египта, Золотой Орды, Османской Турции и Крымского ханства, Грузии, Речи Посполитой и Российского государства[75]. Известный западный исследователь Пол Хенце считает, что сколь ни были адыги привержены своим традициям, «черкесские мужчины всегда были готовы ринуться в более широкий мир в качестве воинов…, египетские мамлюки были большей частью черкесами…, а традиция воинской службы в южных землях сохранялась ими до XVIII века включительно»[76]. Причины выезда адыгской знати на службу в другие государства были следующие: в первую очередь, военно-аристократический образ жизни, целиком посвященный воспитанию военного духа; неразвитость государственных институтов и соперничество ведущих княжеских родов за верховное княжение, получить которое было легче, имея поддержку извне; возможность найти больший простор, чем у себя дома, где царила полная феодальная анархия и не сложилась централизованная государственная власть[77].

Выезжие адыги легко вписывались в структуру соседних государств и, выполняя в основном военно-командные функции, оставили заметный след в истории многих стран. Учитывая, что адыгская масса вплоть до конца XVII века оставалась языческой с элементами христианства и мусульманства, у мигрантов не было какого-либо религиозного барьера, и они быстро адаптировались в любой конфессиональной среде. Шанталь Лемерсье-Келькеже считает, что более старшие представители княжеских родов оставались на Кавказе, тогда как более молодые отправлялись в чужие края искать удачи. «Некоторые направлялись в Бахчисарай или Стамбул, другие в Москву или даже в Польшу и Литву. Те, кто оставался в Кабарде или служил султану и крымскому хану, становились мусульманами, тогда как те, кто служил царю, принимали православие»[78].

В процессе сближения адыгских народов с Россией со второй половины XVI века позитивную роль сыграла деятельность Черкасских – княжеских родов, сложившихся из выезжавших на русскую службу представителей адыгской аристократии. С этого времени они в ранге служилых князей влились в состав правящего класса Московского государства, и многие из них заметно проявили себя на политическом и военном поприще. Наиболее известными были кабардинские Черкасские (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи, Бековичи) – потомки сыновей кабардинского князя

Идара, которые после женитьбы царя Ивана IV на Марии Темрюковне в 1561 году стали во множестве выезжать на службу в Москву. Кроме того существовали ветви Черкасских, которые принадлежали другим адыгским этническим подразделениям: бесланеевцам и жанеевцам, а именно Ахамашуковы, Егуповы и Чюмаховы Черкасские[79].

Выезды на царскую службу в Москву происходили в строгом соответствии со специальными правилами. Решение об отправке принимал специальный совет пши-уорков – Хасэ. Обычно в число выезжающих попадали молодые княжичи 16–20 лет, которых сопровождала свита в составе ближнего узденя (къуэдз), воспитателя (быфыкъуэадэ), телохранителей (пшэрыхь)[80].

Так, вместе с Михаилом (Салнуком) Темрюковичем и его двоюродными братьями Семеном (Уардащао) и Федором Жилеготовичем в опричнине служили «ближние уздени» братья Даутоковы (Таутоковы). По переписным книгам 1577–1578 годов в одной Коломне в 54 бывших посадских черных дворах жили «черкашене», которых академик М.Н. Тихомиров считал «кабардинцами», сопровождавшими Михаила Темрюковича и его сестру Гущэней (Марию)[81]. Или в 1626 году князь Каншао Битемрюкович просился в Москву для крещения вместе со своими людьми в 139 человек, в т.ч. 112 уорков, которые «с ним садились на конь».

В Москве выезжих князей царю представляли ответственные чины Посольского приказа и кто-нибудь из влиятельных родственников. На первой аудиенции у царя рассматривалось прошение выезжего князя и определяли его в один из монастырей сроком на шесть недель, в течение которого его готовили к обряду крещения[82].

К середине XVI века, когда начался процесс выезда адыгских князей в Москву, сформировался совершенно новый состав русской аристократии, включавшей в себя фамилии бывших великих и удельных князей. Они претендовали на особое положение в государстве, потеснив старую московскую боярскую верхушку (в основном нетитулованную). Меняется в этой связи и состав Боярской Думы. Стремясь удержать свое преимущественное положение в государстве, этот слой, по мнению А.Н. Медушевского, консолидировался и сумел оградить себя на довольно долгое время особой системой гарантий – местничеством[83].

Черкасские, кооптируясь в среду российской высшей знати, оказываются в составе боярской аристократии, которая заседала в Думе и принадлежала к потомкам князей – Рюриковичей или Гедиминовичей (князья Воротынские, Мстиславские, Голицыны, Куракины) и старинных московских боярских родов (Романовы, Морозовы, Шереметьевы, Шеины, Салтыковы). Кабардинские Черкасские заняли высокое положение в государственном управлении, руководя многочисленными приказами, а также командные должности в русской армии. Они состояли в тесных родственных отношениях с царствующими династиями и ведущими боярскими родами.

Их привилегированное положение состояло в том, что в бояре они выходили минуя чин окольничего и являлись ближними боярами, в отсутствие царя нередко замещая его в столице.

При всех царях – от Ивана IV (Грозного) до Петра I – по два представителя рода Черкасских входили в Боярскую Думу: при Иване IV – Михаил Темрюкович и Семен Ардасович; при Федоре Иоановиче и Борисе Годунове – Борис Камбулатович и Василий Карданукович; при Михаиле Федоровиче Романове – Иван Борисович и Дмитрий Мамстрюкович; при Алексее Михайловиче – Яков Куденетович и Григорий Сунчалеевич; при Петре I – Михаил Алегукович и Михаил Яковлевич. Со смертью великого канцлера Алексея Михайловича Черкасского в 1742 году фактическое присутствие Черкасских в российском руководстве прекратилось.

В Дворцовой тетради 1550-х годов и в Списке чинов 1588–1589 годов, дающих наиболее полную картину состава служилых князей, в этом ранге называют следующих лиц: Борис Камбулатович Черкасский, Андрей Васильевич Трубецкой, Афанасий Шейдяков, Роман и Василий Агишевич Тюменские, Михаил Никитич Одоевский, Василий Карданукович Черкасский, Иван и Дмитрий Михайлович Воротынские[84].

М.Е. Бычкова обращала внимание, что кабардинские Черкасские, называясь служилыми князьями, в качестве земельных владений получали лишь вотчины[85].

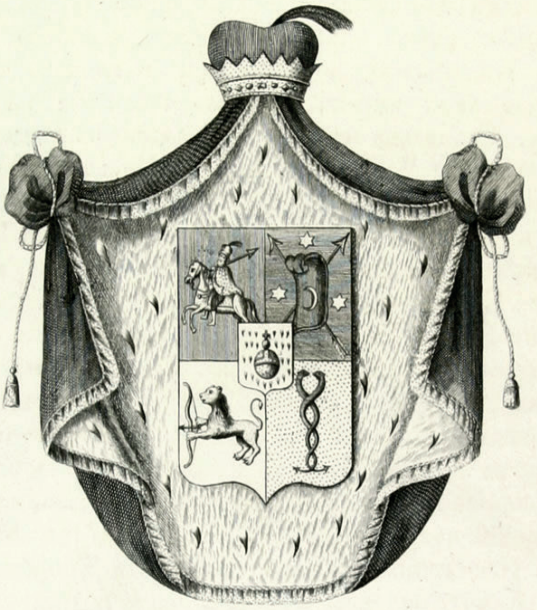
С.П. Мордовина, в свою очередь, прослеживает, как царское правительство переводит на положение служилых князей иностранных выходцев, но это не сопровождалось их непременным наделением уделами, а поместья, которые им жаловались в разных уездах, «не идут в сравнение с владениями Мстиславских и Глинских»[86].

Уже в 1568–1569 гг. кн. М.Т. Черкасскому принадлежал удельный город Городец, а московский двор находился по соседству с опричным двором царя на Воздвиженке. В 1573–1574 гг. боярин Б.К. Черкасский владел крупным поместьем вблизи столицы в Сурожском стане Московского уезда с 1924 десятинами земли. Обширное поместье в соседнем Горетове стане имелось у князя С.А. Черкасского размером 594 десятины с лесными угодьями[87].

В период наибольшего расцвета сословно-представительной монархии в России в XVII веке представителей рода Черкасских в составе российской правящей верхушки (Боярской Думы) насчитывалось 7–8 человек[88].

Я.Е. Водарский приводил сводные сведения о размерах владения крестьянскими дворами за XVII в. среди родов, входивших в Боярскую думу. Князья Черкасские входили в тройку самых состоятельных из них, уступая в отдельные годы только Романовым и Морозовым. В 1638 г. за ними числился 3031 крестьянский двор, в 1647 г. – 5173, в 1653 г. – 6790, в 1696 г. – 9083, в 1700 г. – 9628[89]. В 1696 и 1700 гг. они занимали в данном рейтинге первое место. Черкасские имели вотчины в Дмитровском, Нижегородском, Муромском, Суздальском и

Гербъ рода князей Черкаскихъ.



Въ щитѣ раздѣленномъ на четыре части по срединѣ находится малый горностаевый щитокъ съ Державою означенною золотомъ. Въ первой части въ красномъ полѣ Черкасъ въ золотой епанчѣ и въ Княжеской шапкѣ съ перомъ, скачущій на бѣломъ конѣ съ золотою збруею имѣющій на плечѣ золотое копье. Во второй части въ голубомъ полѣ между трехъ шестиугольныхъ Звѣздъ серебреныхъ, изображены крестообразно двѣ серебреныя Стрѣлы, остроконечіемъ вверхъ подъятыя, на которыхъ поставленъ щитъ краснаго цвѣта съ серебренымъ на немъ Полумѣсяцомъ. Въ третьей части въ серебреномъ полѣ натураль-

др. уездах. В 1638 г. за князьями Черкасскими было учтено в их поместьях и вотчинах 2759 крестьянских дворов с 16 тыс. душ обоего пола. В 1646 г. они владели в 20 своих имениях уже 4805 дворами, 11 855 душами мужского пола или 45 тыс. душ обоего пола. К 1678 г. их землевладение насчитывало 63 вотчины, 9018 дворов, 29 953 душ мужского пола или 116 тыс. душ обоего пола[90]. Например, князь Яков Куденетович имел 20 тыс. десятин земли и свыше 15 тыс. крепостных, его сын Михаил Яковлевич удвоил это богатство и к концу жизни за ним числилось 44 тыс. десятин земли и 55 тыс. крепостных.

Царь Михаил Романов.
Слева князь, боярин Иван Борисович Черкасский

Значительная часть вотчинных владений Черкасских (наряду с боярами Романовыми, Шереметевыми и др.), как и высшего духовенства, была расположена в Москве и других городах. После самого государя Алексея Михайловича такие деятели, как боярин Никита Иванович Романов и боярин князь Яков Куденетович Черкасский, были первыми «городовладельцами» и «дворовладельцами». Группировка возглавляемых ими бояр-вотчинников в штыки встретила реформу Б.И. Морозова и соответственно XIX главу Соборного Уложения 1648 г., в которой был сформулирован закон об отобрании слобод и закладчиков. Н.И. Романов и Я.К. Черкасский, видные сторонники, как князья И.А. Голицын и Д.М. Черкасский, а также представители Шереметевых, Куракиных и др., не поставили свои подписи к списку Уложения. В конце 1648 г. победа Б.И. Морозова и его сторонников привела к конфискации в пользу городских посадов 1031 двора крупных вотчинников. Из них 700 дворов отобраны у Романовых, 92 дома и свыше 200 людей у князя Я.К. Черкасского; у кн. Д.М. Черкасского отчужден был огромный земельный участок в Москве. Я.К. Черкасский потерял основную часть дворов и людей в селах Марьино и Останкино.

Серебряная братина –
чаша кн. И.Б. Черкасского

Иерархия правящей аристократии во второй половине XVII века, по свидетельству Г.К. Котошихина, располагалась следующим образом: князья Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы и Урусовы. На следующую ступень социальной иерархии Котошихин поместил «роды, меньше тех, которые бывают и в окольничих и в боярах: князей Куракиных, Долгоруковых, Бутурлиных, Ромодановских, Пожарских, Волконских, Лобановых, Стрешневых, Пушкиных, Измайловых, Плещеевых, Львовых»[91].

Обнаруженные в «Дворцовых разрядах» многочисленные «местнические дела» свидетельствуют, что «сословная честь» Черкасских была достаточно высокой в иерархической структуре российского феодального общества[92].

Известно, что большинство генеалогических легенд из родословных российских аристократов (потомков князей Рюриковичей и Гедиминовичей), а также выезжих аристократов из числа нерусских народов выводили часто происхождение своих родов из-за рубежа. Все они отражали одну тенденцию: закрепить знатность происхождения и давность службы представителей рода при дворе великих князей (московских, тверских и т.д.). Не стали исключением и представители рода Черкасских. Этногенетическое предание об их царском происхождении от мамлюкского (египетского) султана Инала вошло в их генеалогические росписи и получило признание правящей верхушки российского общества. Указанный момент нашел свое отражение и в гербе Черкасских, где изображена чалма с пером, надетая на золотую корону.

Князь Яков Куденетович Черкасский

В многочисленных местнических спорах (кн. Б.К. Черкасского с В.В. Голицыным; В.К. Черкасского с А.И. Голицыным; Д.М. Черкасского с А.И. Голицыным, Ф.Н. Куракиным, Б.М. Лыковым, Н.И. Одоевским, М.Б. Шеиным; И.Б. Черкасского с И.М. Воротынским, В.П. Морозовым; М.А. Черкасского с М.А. Голицыным; Я.К. Черкасского с Г.Г. Ромодановским и др.) судебные дела за редким исключением выиграны Черкасскими. Например, в 1632 году кн. Б.М. Лыков не захотел быть вторым воеводою после князя Дм.М. Черкасского (за 30 лет князь Лыков привык быть самостоятельным воеводой – «ходить со своим набатом»). После разбо-

ра местнического спора «государь царь и великий князь Михайло Федорович указали боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому на боярина князя Бориса Лыкова доправити бесчестье оклад князя … 1200 рублев; и деньги на боярине Борисе Лыковы взяты и по их государеву указу отданы боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу…»[93].

А.Н. Медушевский показывает, что хотя с отменой местничества древность рода и знатность происхождения перестали играть прежнюю роль, однако в среде боярства они сохранили свое значение. И считает, что с помощью родственных связей между родами крупные бояре обеспечивали свое положение в Думе, составляя замкнутую группу, не допускающую в свой состав новых людей. Этой группе была присуща определенная психология, традиция поведения, отношение к реформам[94].

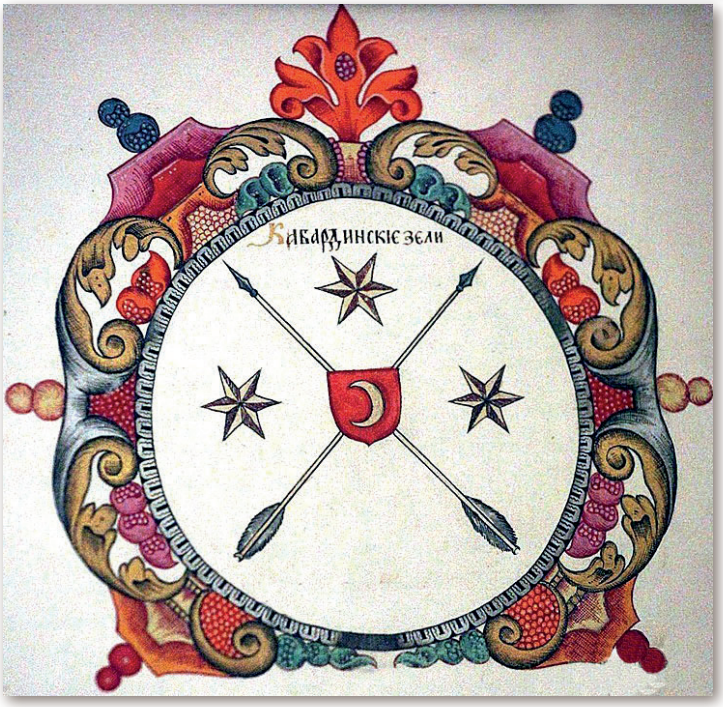
Несмотря на формирование в России в петровский период нового правящего класса и связанной с ним бюрократии и размывание традиционного слоя старой аристократии, представители рода Черкасских все еще занимают высокое положение в государстве. Со второй половины XVIII века число ветвей рода Черкасских в России начинает постепенно сокращаться.

Отдельного и специального изучения требует вопрос о трансформации образа жизни, психологии и быта адыгских горских князей различных поколений в представителей высшей русской феодальной верхушки. Политическое, идеологическое и социокультурное сближение представителей адыгской правящей аристократии с русской, тесные личные и матримониальные отношения и унифицирующее воздействие христианства быстро ослабляли, размывали традиционное самосознание адыгской выезжей знати.

2.4. Военно-политическое партнерство Кабарды и России в XVII – первой половине XVIII в.

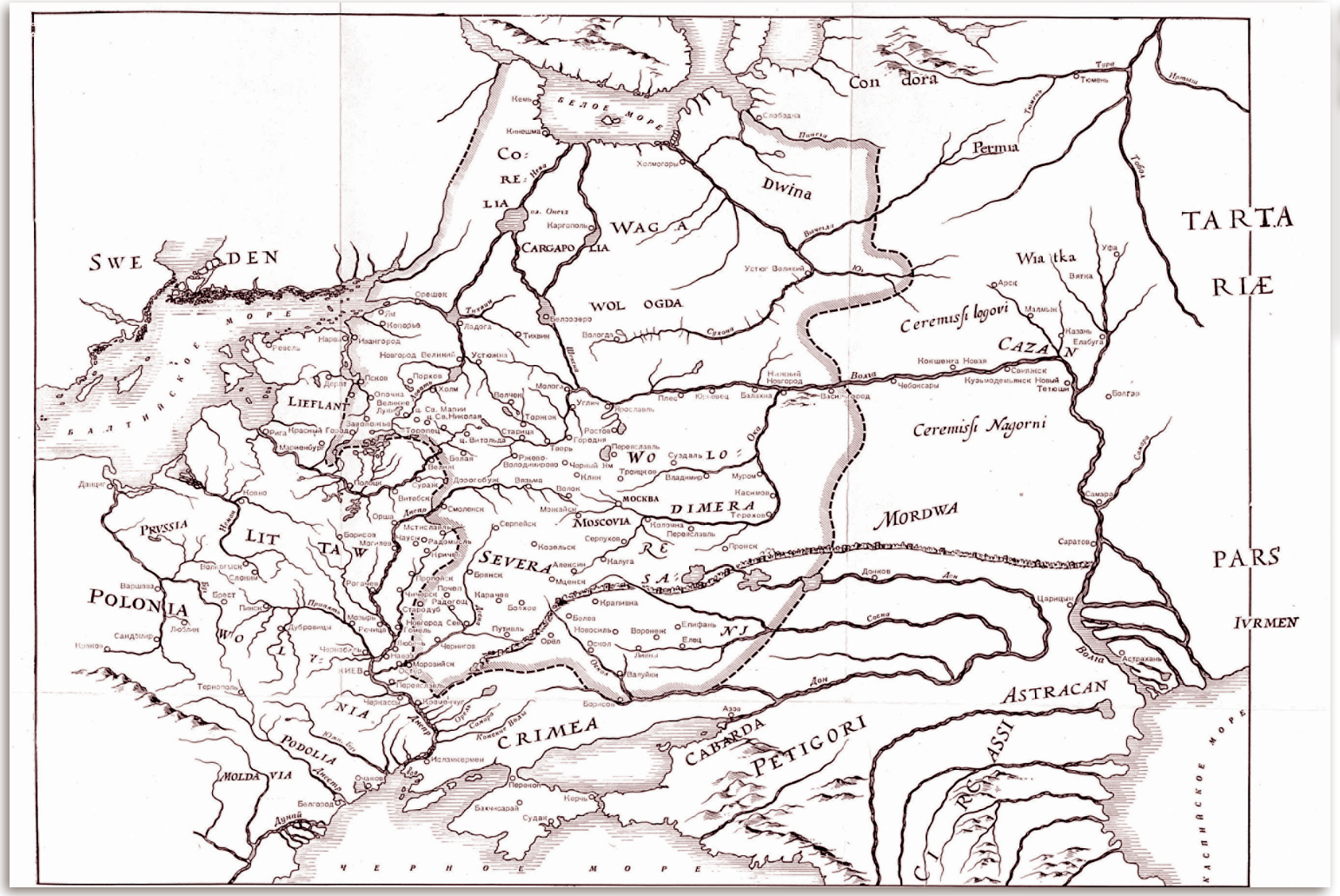
В начале XVII века Северный Кавказ стал приобретать все возрастающее значение в международных отношениях. В политике таких государств, как Россия, Иран и Османская империя, северокавказский регион с народами, его населяющими, занял немаловажное место и как выгодный плацдарм для ведения военных действий, и как источник материальных и людских ресурсов[95].

В течении почти всей первой половины XVII века продолжалась турецко-иранская война. Главным театром военных действий был Северо-Восточный Кавказ. Многочисленные попытки армии крымских татар проникнуть в Закавказье предпринимались по северо-кавказскому пути (этот путь проходил через Черкесию и Кабарду). Подобное происходило в 1606, 1608, 1616, 1635 годах. Например: «В 1607–1608 годах крымский хан Кизи-Гирей проводит всю зиму в Черкесии, стараясь вовлечь ее в орбиту Турции или привлечь



Герб Кабардинской земли XVII в. из «Ца́рского титуля́рника» 1672 г.

г. Терки



Карта Московии Гесселя Герритса. 1613 г.

на свою сторону»[96]. Все эти походы сопровождались разрушениями, тяжелыми боями, уничтожением поселений и уводом тысяч пленных, скота и т.д. Эти времена для черкесов были наиболее тяжелыми. Фактически Черкесия вынуждена была одна вести неравную борьбу с превосходящими силами Крымского ханства, которому часто на помощь приходили турки.

Характерной чертой русской внешней политики в XVII веке, по мнению В.А. Прокофьева и А.А. Новосельского, была ее последовательность, продуманность в установлении очередности и упорство в достижении внешнеполитических задач[97]. Одной из таковых оставалось соперничество с Турцией и Крымом, а также Ираном за влияние в северокавказском регионе и защита своих южных рубежей.

Несмотря на сложную международную обстановку и в России, и на Северном Кавказе, кабардино-русские отношения в XVII веке развивались в сторону углубления и расширения. Кабардинские отряды совместно с гарнизонами Астрахани и Терского города участвовали в военных действиях против дагестанского шамхала. Кабардинские владельцы берут под свой контроль стратегически важную дорогу в Грузию. Уже к 1604 году населенные пункты кабардинцев располагались в Дарьяльском ущелье: князь Айтек овладел «дорогою в горах к Сонской земле»[98].

Внутреннее положение Кабарды в начале 1600-х годов осложнялось междоусобной борьбой князей. Так, Казий Пшеапшуков со своими сторонниками добился гибели двух сыновей Темрюка Идарова – Доманuки и Мамстрюки, «зазвав их к себе меду пить держав их у себя два дня скованными и на третий день убили»[99].

Гибель Темрюковичей побудила их двоюродных братьев Куденета Камбулатовича и Сунчалея Янглычевича спастись от «недругов» уходом в Терский город. С 1603 года князь Сунчалей по разрешению из Москвы стал служить и остался со своими детьми в Терском городе. В дальнейшем потомки Сунчалея неизменно получали царскую поддержку.

Терский город в этот период был не только крепостью, но и центром политических и экономических связей России с Северным Кавказом и Закавказьем. Возле него постепенно возникали поселения северокавказцев. За рекой Тюменкой образовалась Заречная или Черкасская слобода, укрепленная острогом. Принявшие крещение и служившие в городе горцы обосновались в слободе Новокрещенской. От притеснений кумыцких мурз сюда переселились окохи (акухи), племенное подразделение вайнахов, которые образовали Окоцкую слободу[100]. Согласно переписи 1640 года, в Черкасской слободе насчитывалось более 1000 дворов кабардинцев, одних дворянских (уоркских или узденских) семей, зависимых от князя Муцала Сунчалеевича было 175 дворов[101].

Русские документы начала XVII века позволяют считать, что в 1602–1604 годах крымский хан Казы-Гирей находился в неприязненных отношениях с горскими черкесами[102]. После неудачного похода Ивана Михайловича

Бутурлина в 1604–1605 году в Тарки положение Терского города как опорного пункта России в регионе сильно осложнилось. Терские воеводы вынуждены были сжечь Сунженский острог, а его гарнизон перебросить в Терский город. События на Кавказе совпали по времени с началом Смутного времени, что во многом ослабило русские позиции в Предкавказье. Со стороны мусульманских держав увеличивались благоприятные условия своего воздействия на политические процессы в северокавказском регионе[103].

В наибольшей зависимости от Турции и Крыма по-прежнему находились отдельные западно-адыгские народности. Для османов и крымцев особенно важным было сохранение господства на северо-восточном берегу Черного моря, и особенно на Таманском полуострове, прикрывавшем Азов[104]. Турецкие гарнизоны находились в Анапе, Тамани, Темрюке и крепости Копыл на Кубани, построенной в 1607–1608 году крымским ханом Казы-Гиреем[105]. В первый год постройки, зимуя в новом городе, хан «приводил к шерти черкас на турского имя». Степень зависимости от османов и крымцев различных западно-адыгских народностей в разное время была неодинаковой: в большей степени это касалось Жанэ, живших на Тамани. По отношению к другим зависимость была чисто номинальной. От крымских набегов адыги были вынуждены откупаться данью, которая чаще по настоянию ханов уплачивалась невольниками. В XVII – начале XVIII века черкесская дань каждому из вновь вступающих на престол крымских ханов состояла из 300 невольников[106].

Несмотря на «смуту», связи Кабарды с Россией не прервались. Основная масса кабардинских владетелей сохранила дружеские отношения с Москвой. В декабре 1605 года в Москве побывал кабардинский князь Сунчалей Янглычевич. Лжедмитрий I принял его и дал «жалование». В 1609 году посол старшего кабардинского князя Шолоха Тапсарукова Кардан Индароков пытался проехать в Москву, но попал туда лишь в 1614 году после занятия престола Михаилом Романовичем[107]. В 1608 году в Терский город дали аманатов известные кабардинские князья Шолох, Казый, Айтек, Янсох, Идар[108]. В 1613 году в Астрахани обосновался сторонник уже погибшего тогда Лжедмитрия II атаман А.И. Заруцкий. Он попытался поднять казаков и «кабардинских князей и черкес итти на Русь войною», а также захватить Терский город и расправиться со сторонниками М. Романова. В этот период большую поддержку терским воеводам оказывал князь Сунчалей Янглычевич[109], который вместе с воеводой П. Головиным сформировал отряд из терских казаков, кабардинцев и окочан и отправил в Астрахань, где они храбро сражались против Заруцкого[110].

Благодаря активной посреднической деятельности Сунчалея в Терском городе большая часть феодальных владетелей Кабарды и Дагестана присягнула на верность новому русскому правительству. В Кабарде, например, приняли присягу на верность России старший кабардинский князь Шолох Таусултанов, князья Гиляхстановы (Клехстановы), Алдаровы (Айдаровы) и Казый Пшеапшоков.

Эти заслуги были высоко оценены русским правительством. В 1615 году царь Михаил Федорович выдал жалованную грамоту и назначил Сунчалея над всеми слободами, расположенными под Терским городом. Он получил право правления над ними, а также суда и военного предводительства[111]. Е.Н. Кушева считает, что такого рода жалованными грамотами рядом с воеводами и подчиненными ему русскими людьми на Тереке создавалось «особое вассальное княжество, несколько напоминающее владения касимовских царей»[112]. Документы показывают, что в дальнейшем оно переходило по прямой линии потомкам Сунчалея Янглычевича – его старшему сыну Шолоху, умершему бездетным; второму сыну Муцалу, затем Каспулату Муцаловичу, впоследствии их близкому родственнику Салтан-беку Канбулатовичу. Со смертью последнего в начале XVIII века своеобразное вассальное княжество прекратило свое существование. Огромное количество документальных материалов показывает, что на протяжении всего XVII века Сунчалевичи оказывали большое влияние на терских воевод, по отношению к которым держались независимо. Они выступали посредниками в переговорах терских воевод с различными северокавказскими владельцами. В условиях не прекращавшихся межфеодальных войн, когда враждующие группировки обращались к терской администрации за поддержкой ратными людьми «с вогненным боем», часто от протекции Сунчалевичей зависело решение вопроса.

Сохранявшееся в течение XVII века влияние Москвы в Кабарде и на северокавказском пути давало большое преимущество России во взаимоотношениях с Турцией, Крымом и Ираном. За счет этого значительно облегчалось решение восточного вопроса русским правительством. В первой половине XVII века турецко-персидские войны продолжались, и шли они с перевесом Ирана. Шах Аббас постепенно вытеснил османов в первые десятилетия XVII века из Восточной Грузии, Азербайджана и Дербента. Он первым из иранских правителей предпринял попытку захвата Дарьяльского прохода и завоевания «многих кабардинских мест, которые подошли к Иверской земле близко»[113]. Шахские войска намеревались пройти через земли князей Алкасовых и Айтековых. Малокабардинский князь Мудар Алкасов, чьи владения располагались при выходе из Дарьяльского ущелья, вступил в вассально-подданические отношения с шахом. Вероятно, он рассчитывал на иранскую помощь в борьбе с другими кабардинскими феодалами. Он ездил в 1614–1615 году в «Кызылбаши», вернулся оттуда «с шаховыми людьми» и начал укреплять свои кабаки «надолобами», чтобы «перенять грузинскую дорогу», «а шах басовым бы людям тою дорогою ездити было бесстрашно»[114].

Напротив, князья Айтек и Шолох удалились в горы к князю Казыю. Несмотря на предпринятые усилия, шахские войска не смогли выйти на северокавказскую плоскость – «и шах на Кабарду не нашел дороги».

В ходе ирано-турецких войн в 17 столетии, как и в предыдущую эпоху, северокавказский путь оставался важнейшим для прохождения крымских войск.

В сообщении терского воеводы весной 1615 года говорится о том, что «турский царь» собрал «ратных турских и крымских многих людей» и хочет идти на шаха Аббаса: «а итти де турскому царю из Азова подом на Бесланей, а от Бесланей на Кабарду, а ис Кабарды Османовскою старою дорогою подле гор мимо Горячего колодезя через Суншу, а от Сунши мима Тарков, а от тарков на шах Аббасов на город… на Дербень»[115]. В Кабарду различным владельцам были направлены султанские грамоты и жалование. Но кроме Казы Пшеапшокова никто не выразил согласия на поддержку «турского»[116]. В сложившихся условиях основная масса кабардинской знати и их подвластного населения оставалась в «русском подданстве»: «и ныне де у кабардинских князей и мурз и у черкас положено на том: как Крымский царь и царевичи пойдут на шах Баса мимо их Кабардинскую землю и захочет их имати с собою или под свою руку захочет их приводити, и им де с ним не хаживати и под его рукою не бывати, а бежати … хотят от него все в горы…»[117]. Ни один из предполагавшихся в 1606, 1608, 1616, 1629 и 1637 годах походов крымских войск в Закавказье северокавказским путем не состоялся сухопутным путем. Каждый раз турецкое правительство перевозило крымцев морским путем в Синоп. И главными факторами того, что крымские войска не могли пользоваться северокавказским путем, являлось наличие сильного гарнизона Терского города и союзнические отношения Кабарды и части северокавказских владельцев с Россией.

Московское правительство предпринимало шаги к возобновлению прежних дружеских отношений с Большой Ногайской Ордой. В этих делах определенное место отводилось Кабарде. В 1613 году орда во главе с князем Иштереком кочевала в «Черкасских горах», и была разбита кабардинцами, и ногайцы были вынуждены отойти в степные кочевья между Тереком и Астраханью. Отправленный к Иштереку послом Иван Кондырев считал, что ногайцев «посылками и жалованьем» «не удобрить». На его взгляд, их необходимо «войною смирить», для чего направить горских черкес и донских казаков, которые «втопчут их в море»[118].

К 1619 году на Северном Кавказе складывается антиногайская коалиция горцев, чьи хозяйственные интересы нарушались вследствие занятия ногайцами притеречных степей. Многие известные кабардинские князья как Алегука Шогенуков, приводивший в 1616 году крымцев в Кабарду, а также Мудар Алкасов и Ахлов Айтеков (чьи владения находились в Дарьяльском ущелье), просили русской помощи. Кабардинцы обратились за помощью даже к западно-адыгским народностям[119]. В последующем (1619–1620) Большая Ногайская Орда распалась в ходе междоусобиц, значительно ослабла и вынуждена была примириться с Россией и перекочевать из Предкавказья в Поволжье[120].

В XVII веке произошло условное разделение Кабарды на Большую и Малую, что еще больше обособило политически различные феодальные владения. По-прежнему, в Большой Кабарде наибольшее влияние имели княжеские дома Идаровых и Кайтукиных, а в Малой Кабарде – Гиляхстановых

и Таусултановых. По сравнению с XVI веком, когда крупные феодальные фамилии в междоусобной борьбе выступали сплоченно, теперь наблюдается тенденция раскола феодальных семей одного княжеского рода. С 20-х по 60-е годы XVII века в Большой Кабарде лидирующее положение занимали князья, двоюродные братья Алегука Шегануков и Хотокшуко Казиев. Они возглавили группу родственных феодалов после долгих лет ожесточенной борьбы с близким им потомством Асламбека и Ясоха Кайтукиных, в прошлом старших князей Кабарды.

Разделение Кабарды на Большую и Малую, фактическое прекращение выборов старшего князя для всей Кабарды, появление новых влиятельных княжеских фамилий и потеря отсюда своего положения другими, все это, естественно, оказывало влияние на образование феодальных группировок, их взаимоотношения и различную внешнеполитическую ориентацию, что проходит через все столетие, на фоне которого развивались кабардино-русские отношения[121].

Документы конца XVI – начала XVII века позволяют считать, что феодальные столкновения между ведущими княжескими родами (например, Идаровичами и Кайтукиными) происходили в большей степени за право на «старшее княжение», когда в нарушение обычая (не «по ряду») отдельные княжеские фамилии пытались удержать верховную власть и стремились превратить ее в наследственную. С 30-х годов XVII века документы, наряду с борьбой за старшее княжение, постоянно отмечают борьбу феодальной знати за населенные пункты («кабаки») и подвластное население, особенно за «лучших кабацких узденей», т.е. дворян, владеющих землями и зависимым населением. С самого начала становления кабардино-русских отношений российское правительство столкнулось в Кабарде с ожесточенной борьбой феодальных группировок. Москва через терских воевод вмешивалась в нее, часто пользуясь челобитиями кабардинских князей о предоставлении ратных людей на «недругов». Обещание или реальная военная помощь одним феодальным группировкам против других являлись действенным инструментом политики на Северном Кавказе. Е.Н. Кушева считает, что политика Посольского приказа в вопросе междоусобной борьбы в Кабарде не была устойчивой: в одних случаях терским воеводам давались наказы поддерживать состоявшиеся примирения враждующих сторон при условии их «верности», обеспеченной «закладами» (т.е. выдачей аманатов), в другом – посылались категорические приказания «однолично промышлять неоплошно», чтобы не дать врагам «помиритца и в соединении быти»[122]. На этом этапе главное содержание политики Российского государства по отношению к Кабарде состояло в том, чтобы удержать кабардинские владения в сфере своего влияния и не допускать их союза с османской Турцией и Крымским ханством.

Кабардино-русские отношения в XVII веке, как и прежде, оформлялись на основе феодальной присяги – шерти. Задача приведения «под царскую

руку», т.е. к «подданству», возлагалась Посольским приказом на терских воевод и кабардинских князей пророссийской ориентации – чаще это были Черкасские из рода Идаровых. Присяги закреплялись выдачей «закладов», т.е аманатов (заложников) в Терский город, где они содержались под охраной, получая от казны «корм» и «платье»: «А приведчи их, государь, к шерти, заклад взяли Канбулатова сына Анкячу; а быти ему у нас до осени, осеневати и зимовати в Терском городе Мамстрюку. А Мамстрюк оставил узденя своего лутчего аталыка Елтэку, а Хотов пришлет сына своего Адаруку»[123].

По количеству наличествующих заложников от Кабарды и других северокавказских владений в аманатских дворах Терского города можно было судить о степени русского влияния в регионе. Российские власти в лице терских воевод стремились в качестве аманатов иметь детей непосредственно дающих присягу владельцев. Часто ее нарушение они видели в том, что князья и мурзы давали в аманаты детей «не от прямых жен и в дядьках с ними присылали холопей, а не родственных людей и не узденей»[124]. Вопросу об аманатах обе стороны – и русская, и северокавказская, придавали очень важное значение.

Российское правительство, желая укрепить влияние в Кабарде, стремилось прежде всего обеспечить подданство «старшего» или «верховного» кабардинского князя путем принятия от него не только шертной присяги, но и путем выдачи ему жалованной грамоты с золотой печатью на «большое княжение». Им также обеспечивались ежегодные посылки денежного и хлебного жалования в размере 100 руб. денег и 50 четей хлеба[225]. С середины XVI по XVII век Москва традиционно в этих вопросах поддерживала представителей рода Идаровых. Вмешательство русского правительства в важнейший внутриполитический вопрос как выборы «старшего» князя и попытки не «сажать на княжение» без «государева указа» встречали отпор в Кабарде и обостряли еще больше междоусобицы кабардинских княжеских родов. В родословной кабардинских князей и мурз XVII века (по А.И. Лобанову-Ростовскому) имеются следующие свидетельства **по Идаровичам**: «…Мамстрюк князь, княжеством кабардинским пожаловал его государь, а в Кабарде княжества ему не дано было»; «Наршов (Елбузлуков, 1631. – *Ред.*) мурза, государь пожаловал ево княжеством, а в Кабарде княжества ему не дано было»; «Куденет-князь (Камбулатович, 1616. – *Ред.*) от государя пожалован княжеством Кабардинским, и в Кабарде ему княжества дано было»; «Пшимахо-князь (Камбулатович, 1624. – *Ред.*) от государя пожалован, а Кабардинского княжества ему не было»; **по Кайтукиным:** «…Янсох-князь (Кайтукин, 1602. – *Ред.*), княжество дано ему на Москве при царе Федоре Ивановиче всеа руси, как был на Москве, а в Кабарде княжества ему не давывали» и т.д.[126] Попытки России утверждать «старшего» или «верховного» князя в Москве путем выдачи царской грамоты на княжение в Кабарде, не привели к ожидаемым результатам и постепенно со второй половины XVII века царское правительство отказывается от этой практики.

В XVII веке продолжаются острые противоречия между феодальными родами Идаровичей и Казыевичей; с последними часто в союзе выступают и Шолоховы. Терские и астраханские воеводы помогают «ратными людьми» Идаровым. В 1614 году в Терском городе подтвердили свои отношения с Москвой и принесли присягу царю Михаилу Романову представители ведущих кабардинских княжеских родов: Шолох Тапсаруков, Мудар Алкасов и Айтековы – из Малой Кабарды; Куденет Камбулатович и Нарчов Езбузлуков (Идаровичи); Казый Пшеапшуков (Кайтукины)[227]. Учитывая, что позиция Идаровичей была последовательно прорусской, царское правительство стремилось обеспечить свое влияние в Шолоховой и Казыевой Кабарде. Эти феодальные уделы или находились на большом расстоянии от Терского города, или с указанными фамилиями в тесной связи, отношениями родства или аталычества были связаны крымские ханы.

В 1615 году князь Шолох Тапсаруков в союзе с ногайцами и кумыками ходил походом на Казыя Пшеапшокова. Казый был убит и через два года его родственники Дадарука и Кулмурза Канукины, «да Казыева дети Шепшуковы с Черкасскими ж с Шолоховыми племянники з Беком да с Сурбеком, с Пыштыными детьми, мирятца, чтобы им быти межсобя в соединенье по-прежнему»[128]. Хроника междоусобной борьбы развивалась стремительно. В 1621 году «Казыевы дети и племянники, сложась с Шолоховыми племянники с Сугурбеком и со всеми Шолоховыми кабаками», напали на владения князя Куденета Камбулатовича и его братьев и разгромили их кабаки. Конкретная раскладка в противоборствующих лагерях приводила часто к тому, что бывшие враги оказывались в одной группировке. Например, князь Сунчалей Янглычевич вместе с русскими войсками в 1622 году ходил против Казыевых, Шолоховых, Пыштовых, Ибакиных, у которых воевал «кабаки их и по полем хлеб и сена пожгли»[129]. Царское правительство, поддерживая Идаровых, старалось с их помощью получать периодические подтверждения русского подданства князей Большой Кабарды. Пророссийские князья после указанных походов сообщали, что «…под твою государскую высокую руку в холопство их привели и аманаты на Терек у них взяли».

На складывание феодальных группировок, их неустойчивый характер часто влияли особенности средневековых традиционных соционормативных институтов адыгов. Например, наряду с институтом аталыческих связей важное влияние на эти процессы оказывал институт родственных отношений «благъагъэ». Так, князья Сунчалеевичи из Идаровых сблизились со своими кровными врагами после того, как Шолох Сунчалевич, а после него брат Муцал вступили в брак с сестрой князя Алегуки Шеганукова. Кабардинское феодальное общество XVI–XVIII веков придавало большое значение институту родственных отношений и в плане внешнеполитических связей. В конце XVI века князь Шолох Тапсаруков, разъясняя своим дворянам невозможность его содействия русскому посольству в Кахетию, указывал, что он не может

отстать «от Крымского и Шевкальского кумыков», «а в Крыму де у меня две дочери и многой мой род и племя; а в Шевкалех у Кумыках таково же»[130]. Брачные узы на определенный период могли усилить позицию той или иной мусульманской державы в отдельных уделах Кабарды. Например, крымский царевич Шагин-Гирей, чье имя несколько десятилетий не сходило со страниц русских дипломатических документов, и который вместе с братом Магомет-Гиреем был активно задействован в крымских, персидских, турецких и черкесских делах 1616–1640-х годов, на пути из Ирана походом через Северный Кавказ в Крым в апреле 1623 года женился на сестре Алегуки Шогенукова и усилил тем свое влияние в Казыевой Кабарде[131].

Уже в первой половине XVII века Идаровичи, получая неизменно поддержку российского правительства, все же постепенно утрачивают прежние позиции в борьбе за власть и феодальные владения. Они не выступают уже консолидировано. В результате феодальных столкновений их владения и зависимое население значительно сокращаются. В 30-х годах XVII века у князя Нарчова Езбузлукова с братьями и детьми оставалось только «7 кабаков, а в них 70 человек узденей»; у наследников Камбулата Идарова, бывшего верховного князя – «4 кабака небольшие, узденей в них с 30 с 5 человек»; к Будачею Сунчалеевичу перешли кабаки Мамстрюки и Домануки Темрюковичей – кабаков 11, «а людей в них 250 человек с лишком, оприч черних люди добры»[132].

Влияние Казыевых в Большой Кабарде в 30–40-х годах XVII века настолько усиливается, что Сунчалеевичи вынуждены были считаться с изменившимися обстоятельствами[133]. Тем более, что кабаки Будачея и Алегуки Сунчалеевичей находились вблизи Казыевой Кабарды. В многочисленных наказах терским воеводам и кабардинским служилым князьям царское правительство проявляло большую заинтересованность в приведении к шерти Казыевой Кабарды. Серьезным фактором, определившим окончательно раскладку политических сил и взаимоотношения близких родственников Сунчалеевичей и Куденетовичей, являлся захват в конце 1630 года Нарчовым Езбузлоковичем, Кельмаметом и Ильдаром Куденетовичами кабацких узденей, принадлежавших Сунчалеевичам[134]. Все это привело к примирению бывших кровных врагов (Сунчалеевичей и Казыевых), и окончательно рассорило близких родственников. Князь Кельмамет Куденетович жалуется царю Михаилу Федоровичу на Шолоха Сунчалеевича, что у него «дружба и совет с Алегукою да с Хотоужукою и с их братьею, которые издавна вам, государям, недоброхоты… вели мне дать на князь Шолоха оборонь…»[135]. Обращения такого рода во множестве поступают в Посольский приказ в конце 1630 – начале 1640-х годов[136].

Апеллируют к царской власти и князья Казыевой Кабарды, которые летом 1640 года в грамоте Алегуки Шеганукова «с родственниками» царю Михаилу Федоровичу высказывают обиды на ущемление их прав в содержании аманатов и даче жалования в сравнении с Идаровичами. Документ показывает, что эта

группа кабардинской феодальной знати понимала свое «подданство» России своеобразно, на условиях права «свободного вассалитета», когда в ходе междоусобной борьбы они обращаются к царской власти как высшему «сюзерену» с категоричным требованием «прислать доброго дворянина с своим государевым повелением» для рассмотрения спорных дел, а также указанием, что «мы холопи ваши государские, а не Канбулатовы сына Кельмаметя да и Нарчововы и не ваших воевод и князей, холопи ваши, государевы»[137]. Князья настаивают на своем независимом положении в решении внутриполитических вопросов, когда право «сильного» традиционно приводит к подчинению остальных: «…у нас искони у отцов наших и у дедов меж нами, черкасы повелось: за сердце друг друга побивают досмерти»[138]. Они в ультимативной форме ставят вопрос перед российской властью об определении ею своей позиции в ходе междоусобной борьбы: «А только вы, государь, учнете их жаловать лутче нас, и мы будем в холопстве мусульманскому государю»[139]. То есть, если царская власть как высший сюзерен и в качестве третейского судьи не разрешит феодальный спор, то князья Казыевой Кабарды оставляют за собой право выбора внешнеполитической ориентации.

Полагаем, что противоборствующие кабардинские князья обращались за поддержкой и вовлекали в решение своих проблем высокопоставленных родственников, видных российских сановников: Ивана Борисовича, Якова Куденетовича и Дмитрия Мамстрюковича Черкасских. Косвенным свидетельством такого участия служит уже приведенная грамота 1640 года, в которой Алегуко Шегануков говорит о праве Дмитрия Мамстрюковича решать, кому он хочет передать отцовские кабаки, полученные им в наследство в Кабарде[140]. В ответной грамоте Посольского приказа российская власть указывает на неправомочность передачи решения вопроса о наследовании кабаков Мамстрюка его сыну, так как «князь Дмитрий холоп …государского повеления, а без …государского указу кабаков своих отдавать никому не мочно»[141].

В сложившейся конкретной исторической ситуации Россию, заинтересованную в дальнейшем укреплении своего влияния в Кабарде и в регионе в целом, не могла устроить чересчур независимая и ультимативная позиция князей Казыевой Кабарды, и она оказывает по-прежнему поддержку Идаровичам. Вышеуказанное обращение мурз Казыевой Кабарды к Дмитрию Мамстрюковичу могло состояться при посредничестве породнившихся с Алегукой Шогенуковым князя Муцала Сунчалеевича с братьями. После событий конца 1630 – начала 1640-х годов князья Муцал и Будачей были обвинены Москвой «в воровстве и измене» и подвергнуты опале. Е.Н. Кушева излагает другую версию в изменении отношения российских властей к Сунчалеевичам. Она считает, что влиятельное положение этих князей на Северном Кавказе вызвало к ним в тот период особое внимание со стороны персидских шахов. С разрешения Москвы князь Муцал выдал в 1636 году за шаха Сефи свою сестру. Но обнаруженная в 1640 году переписка Муцала с шахом, кото-

рую первый старался скрыть, была сочтена за измену и вызвала обширное следственное дело. В ходе него был вскрыт ряд злоупотреблений Сунчалеевичей, что привело к ссылке Муцала и его брата Будачея в Вологду и Галич[142]. Распросные речи в Сыскном приказе Муцала и Будачея Черкасских в апреле 1641 года позволяют установить еще другое обвинение – им вменялось предупреждение князей Казыевой Кабарды о готовящемся против них походе воеводы Т. Аладьина[143]. Позже, в августе 1642 года, по ходатайству Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, следствие было прекращено. Муцал и Будачей получили прощение и были отпущены в Кабарду[144].

В конечном итоге, как мы видим, в политическую борьбу различных кабардинских феодальных групп была втянута не только вся Кабарда, феодальные образования Дагестана и Ногайской Орды, но и Крымское ханство и Российское централизованное государство. На стороне Сунчалеевичей выступали Казыевы с Малыми Ногаями. На стороне Куденетовичей оказались терские ратные люди во главе со стрелецким головой Артемием Шишмаревым, малокабардинские князья Мудар Алкасов, Илдар Ибаков с братьями, Большие Ногаи во главе с Салтанашем Аксаковым и Хорошаем Чюбюрмаметевым, кумыцкий Айдемир-шевкал с братьями. Своей кульминации вышеописанное противостояние достигло в июле 1641 года в ходе кровопролитной битвы на р. Малке («Балк»). Она закончилась крупным поражением Куденетовичей и их союзников. В отписке терского и астраханского воевод С.И. Шаховского и Н.И. Одоевского в Посольский приказ, подробно излагающей ход Малкинской битвы, говорится: «И Кельмаметя де мурзу Куденетовича Черкасского с товарищи и с ратными людьми, которые были у него под знаменем, Алегукины люди разорвали порознь, и ополчитца им не дали, и притеснили де, государь, их к крутому и к глубокому яру меж гор к реке к Балку. И тут де, государь, учинился гневом божиим на твоих государевых и на кумыцких и на черкасских людей побой. А убили, государь, на том бою начальных людей Айдемир-шавкала кумыцкого, да Кельмаметя-мурзу Куденетовича Черкасского, да Илдара-мурзу Ибакова, да голову стрелецкого Ортемия Шишмарева и иных многих мелких кумыцких мурз и их людей побили»[145]. В дальнейшем продолжаются острые противоречия между удельными княжествами Шолоховой, Мундаровой и Анзоровой Кабарды с одной стороны, с другой – Казыевыми и Сунчалеевичами, чьи владения располагались в Большой Кабарде. В отписках терских воевод содержатся сведения о подготовке совместных действий Ибаковыми, Мундаровыми и Куденетовичами с эндерейским мурзой Казаналпом (Дагестан) против мурз Казыевых, Будачея и Муцала Сунчалеевичей. С ними «заодно стояли» Урускан-мурза Янсохов «изстари недруг» Алегуки и Хотождуки, женатый на родной сестре Кельмамета Куденетовича. Столкновения интересов кабардинских феодалов происходили не только в самой Кабарде, но и среди служилых князей и мурз в Терском городе. Малокабардинские князья Гилях-

становы («Келехстановы») в челобитной обвиняли Сунчалеевичей в том, что они «во всех государевых службах и с полков и с уздени нашими выбывают, и многих наших узденей называют своими узденями»[146]. Если в Малкинской битве Илдар Ибаков принимал участие на стороне пророссийской группировки, выступающей против Казыевых, то некоторое время спустя, его брат Келмамет Ибаков отходит от подданства России и уезжает в Крым. По возвращению оттуда он «соединачась с Канбулатом-мурзою Черкасским да с Казый-мурзою Мундаровым да с козларом с Созоруком, посылали де к твоему государеву непослушнику к Ондреевскому к Казаналпу-мурзе, чтоб он к ним приехал на съезд и, договорясь, шол бы с ним войною на Нарчово-князя Черкасского воевать ево кабаки»[147]. В результате действий Келмамета Ибакова в 40-х годах XVII века Малая Кабарда стала постепенно выходить из-под контроля России и крепить связь с Крымом. Терский воевода М.П. Волынский сообщал летом 1643 года в Посольский приказ, что «Кельмамет-мурза Ибаков, и шерть брата своего и правду Илдара-мурзы нарушил, учинился тебе, государю, непослушен, и ныне де отпустил в Крым х крымскаму царю матерь свою Казета. А слышел де он, Муцал-мурза, что послал он мать свою х крымскому царю просить ратних людей на кабардинских на Алегуку да на Хотогжоку мурз Казыевых и брата ево на Будачеева кабаки Черкасского, чтобы их разорить, и под твою государеву высокую руку в холопство и кабаков их на прежние их кочевные места не отпустить. А князь Куденетовская де, государь, княгиня Черкасского Бобасупх, ведая то, что той Келмамет-мурза Ибаков крымскому царю шурин и учинился свой, и тому де ныне с месяц выдала за него дочь свою Кельмаметя-мурзы княж, Куденетова сына Черкаского сестру родную без твоего государеву указу»[148].

В этих условиях для российского правительства важное значение имела проблема возвращения Казыевой Кабарды на прежнюю территорию и приведение ее к шертной присяге. Для достижения этого выгодно были использованы родственные отношения Сунчалеевичей с князем Алегуко Шогенуковым. После длительных переговоров Муцалу Сунчалеевичу удалось договориться о приезде князей Казыевой Кабарды в Терский город[149]. Российская сторона осознавала, что удачное решение данной проблемы значительно ослабило бы крымское влияние в регионе. Усилия Посольского приказа, терских воевод и служилых князей Сунчалеевичей увенчались успехом. «И майя ж, государь, в 20 день приехал в Терский город кабардинской Алегук-мурза Шагануков, а с ним тое ж Казыевы Кабарды Бутак-мурза Такмышев да абазинской Саралп-мурза Левов, да Алегук-мурзы козлар Батыр Чеполовов, а с ними кабацких узденей 20 человек да выборных их лутчих узденей 32 человека, да Малого Ногаю от Асланбек да от Урак-мурзы Каспулатовых з братею аталыки Куат да Тотауп с товарыщи 5 человек»[150]. Лидер князей Большой Кабарды вместе с вассальными абазинскими и ногайскими мурзами дал шерть за себя, всех родственников и за ногайских мурз, «которые с ним в

одиначестве» и обязались «служить и прямити» царю и «перейти кочевать на прежние свои кочевые места ближе к Терскому городу». Переселение состоялось к августу 1644 года, когда князья Казыевой Кабарды перешли «с улусы своими по Куме-реке подле старого своего кочевья, от Терского города всего в четырех днищах»[151].

Активизация российской политики в Кабарде вызвала беспокойство Османской Турции и Крымского ханства. Последнее неоднократно угрожало кабардинским князьям и пыталось воспрепятствовать их переселению с Кубани в Пятигорье: «…и будет де они, Алегука и Хотождука мурзы, письма его (т.е. крымского хана. – *Ред.*) не послушают … и он де крымский царь, придет на них с ратными людьми войною и их развоюет»[152].

В 1645 году, после смерти царя Михаила Федоровича, терские воеводы приводили к присяге новому царю Алексею Михайловичу население Терского города, нерусских слобод, а также кабардинских и дагестанских владельцев. С этой миссией в Кабарду прибыли стрелецкие головы Иван Кошкин и Борис Малыгин. В Малой Кабарде присягнули на «подданство» России Шолоховы, Мударовы, Ахловы и Анзоровы; в Большой – Муцал Сунчалеевич с племянниками и феодальная группировка во главе с Алегуко Шогенуковым. Это означало, что новому российскому государю присягнули почти все кабардинские уделы[153].

С начала 1640-х годов начинается особенно энергичный нажим Турции и крымского хана на Северный Кавказ и на всю южную границу Русского государства. В той ситуации Кабарда продолжает соизмерять свою политику с Россией, выступая как ее союзник. Осенью 1645 года крымские татары подошли к Черкасску на Дону и осадили город. На помощь донцам двинулись 3000 «охочих людей» (из Серпухова, Тулы, Воронежа, Ельца и других городов). Из Астрахани выступил воевода князь Семен Пожарский. К нему присоединились 1200 терских казаков и кабардинцев, которых возглавлял князь Муцал Сунчалеевич Черкасский[154].

Военные действия развернулись близ Азова[155]. Крымский калга Нурадин-Гирей «сидевший» на Кубани быстро подошел сюда с 7000 всадников, где, соединившись с турецким пашой Мустафой-беем, у которого было 3000 человек, совершил нападение на российские войска. Первый и наиболее сильный удар врага пришелся на терских казаков и кабардинцев князя Муцала и «учинил он, князь Муцал, с ними бой»[156] и «бился долгое время»[157] и при помощи подоспевших отрядов Пожарского к вечеру противник был отброшен, понеся большие потери. «Казалось бы, – пишет В.А. Потто, – что после больших потерь, понесенных обеими сторонами, военные действия должны были приостановиться. Задача наша была исполнена. Черкасск освобожден, и если мы не пошли на Перекоп, как желал царь Алексей Михайлович, зато разбили враждебные нам татарские улусы, да и самим крымцам нанесли большие потери. Но казаки не хотели возвращаться домой; им

не давала покоя мысль, что татары, заставшие из врасплох, будут похвалять-ся своими успехами...»[158].

Собрав около 6000 стрельцов, казаков и кабардинцев, князья Пожарский и Черкасский пошли вслед крымцам. 7 августа 1646 года объединенный отряд неожиданно напал на лагерь калги Нурадин-Гирея. Татары, не ждавшие нападения, были разгромлены. Сам Нурадин едва успел ускакать[159].

Эта военная акция, в которой активную роль играли кабардинцы во главе с Муцалом Черкасским, не только защитила донских казаков, но и сорвала намеченный противником поход на Русь. Стамбул был вынужден отдать приказ хану Ислам-Гирею держаться оборонительной тактики, прекратить нападения на русские «украины»[160]. По мнению В.Д. Смирнова и А.А. Новосельского следствием описанных событий стало смещение крымского хана Магмет-Гирея и казнь кафинского Ислам-паши[161].

Однако турки при помощи Крыма в 50–60-х годах XVII века не оставляли надежду на покорение северного и центрального районов Кавказа, и в первую очередь Кабарды. Эмиссары Турции и Крыма вели большую подрывную пропаганду в среде кабардинских феодалов. Натравливали одних на других, оказывали военную помощь одним против других, использовали родственные связи и т.д.

Князьям Большой Кабарды Алегуко Шогенукову и его двоюродному брату Хатохшоко Казиеву (внуки знаменитого Пшеапшоко Кайтукина) была направлена царская грамота быть готовыми выступить против крымского хана. Однако князья в ответ сообщили, что «выставить 1 тысячу ратных людей» им «мочи нет», но обещали оказать русским войскам всякое содействие...»[162].

Это объяснялось тем, что женой крымского хана была сестра Хатохшоко (Атажуко), которая приехала домой в Кабарду из Крыма в 1653 году «на плач своего брата Ислама-мурзы*»[163]. С нею тогда прибыл в Кабарду воинский отряд, имевший задание кроме охраны крымской царицы, собрать здесь ясак (дань). Учитывая политическую ситуацию Алегуко, Хатохшоко и другие кабардинские князья не решились противиться крымцам и разрешили им увести 130 человек в плен вместе с большим числом захваченных лошадей, панцирей, оружия, скота и другого имущества[164].

Русские власти убеждали кабардинских князей не позволять посланникам крымского хана собирать ясак. Но добиться этого оказалось не так легко. Объясняя свою нерешительность, кабардинские князья обычно говорили, что «ни они сами, ни их деды, ни прадеды», не считают себя подданными крымского хана, но платят хану ясак «на всякий раз душ по двадцать, по тридцать, так как опасаются разорения их кабаков»[165].

Русское государство уже не могло уделять должного внимания Северному Кавказу, связанное обороной западных и юго-западных рубежей, а также неурядицами в самой России. Это полностью развязало руки крымским ханам,

* Ислам Казиев – младший сын князя Большой Кабарды Кази Пшеапшокова.

тем более, что в их грабительских намерениях им способствовали усиливавшиеся феодальные распри внутри самой Кабарды.

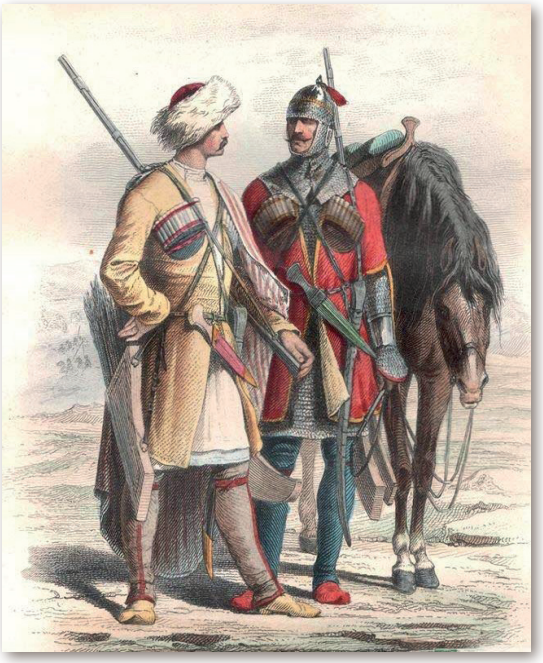
Аналогичная ситуация возникла и в 1654 году. После решения Переяславской рады и воссоединения Украины с Россией резко изменилась ситуация как в Восточной Европе, так и в Причерноморье. Обострение отношений с Польшей, чьим союзником выступало Крымское ханство, требовало от Москвы решительных действий по укреплению южных рубежей и организации антикрымских действий со стороны Дона и Северного Кавказа.

К середине XVII века Северо-Западный Кавказ по-прежнему имел стратегическое значение для многих государств Восточной Европы: России, Османской Турции и Крымского ханства, Речи Посполитой. На протяжении рассматриваемого периода положение, степень влияния и политика перечисленных стран в Западной Черкесии менялись, как менялась и ориентация западноадыгских народностей. Эти вопросы во всем их разнообразии и сложности подлежат специальному изучению с привлечением обширного круга источников (русских, восточных, европейских, памятников адыгской устной традиции).

Как и в предыдущий период, Османская Турция и Крымское ханство пытались по прежнему установить свое господство в Западной Черкесии. Для османов и крымцев особенно важным было сохранение влияния на северо-восточном берегу Черного моря и, особенно, на Таманском полуострове, прикрывавшем Азов. Турецкие гарнизоны находились в Анапе, Тамани, Темрюке и крепости Копыл на Кубани. Степень зависимости от османо-крымцев разных западно-адыгских народностей в разное время была неодинаковой: в большей степени это касалось Жанэ, живших на Тамани[166]. По отношению к другим эта зависимость была чисто номинальной. Историк XVII века Гезар-Фенн писал: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от высокой державы (т.е. Турции. – *Ред.*) судьи, составляют черкесы-жанэ; у них еще действуют постановления шариата. Брать у них невольников не позволительно. А от жанэ вплоть до черкесов Кабарды это места войны: брать у них полоняников позволительно»[167].

Отдельные западноадыгские народности стремились восстановить отношения с Россией. В августе 1643 года верховный темиргоевский («кумургейский») князь Мурзабек Канмурзин прислал в Терский город своего младшего брата Базруку, который принес шерть «за всех мурз и узденей и за всех людей Кумургейские землицы» о принятии вновь российского подданства: «…чтоб …государь их пожаловал, велел приняти под свою государеву высокую руку в холопство попрежнему, а прежде того под твоею государевою высокою рукою оне в холопстве были и тебе, государю, шертовали и то позадавнело»[168].

Адыги, жившие вблизи турецких крепостей Темрюка и Тамани, обозначались в русских документах как «темрюцкие» и «таманские» черкесы и, в большей степени, они были часто вынуждены принимать участие в военных



Представители кабардинской и крымской феодальной знати

Эпизод военных действий. Пятигорские хоругви

мероприятиях османов и крымцев. Например, в июле 1647 года азовский бей Мустафа с азовскими, ногайскими и крымскими татарами и темрюцкими черкесами осаждал Черкасский городок[169]. Особенно много таких упоминаний в «донских» делах, которые кроме военных действий в районе Азова дают картину выполнения «темрюцкими» и «таманскими» черкесами определенных повинностей (предоставление подвод, заготовка дров и т.д.)[170].

Стамбул и Бахчисарай предпринимали неоднократные попытки привлечения населения Западной Черкесии в крупные походы на Польшу, Украину, Россию и Иран. Так, весной 1634 года султан прислал крымскому хану жалование с распоряжением, чтобы он «с крымскими и горскими людьми, с бесленейцы и с жанцы, с хутунцы, с кумиргейцы был вскоре готов» в поход против Польши[171]. В отдельные конкретные моменты они добивались своих целей. По свидетельству Эвлия Челяби, в 1641 году по призыву беглербея Кафы Бекир-паши в осаде Азова принимали участие следующие адыгские подразделения: «шегаке, жанэ, мамшуг, такаку, бузудук, болоткай, катукай, бесней»[172]. Такая ситуация скорее была исключением, чем обыденным делом. В русских документах имеются многочисленные примеры участия западных адыгов в антикрымских акциях донских казаков[173].

В 1644–1645 годах наблюдается совпадение турецких и крымских интересов в усиленном спросе на полон, вылившийся в набеги на Россию и Западную Черкесию. Поход нового крымского хана Ислам-Гирея на адыгов произошел в декабре – январе 1643–1645 года, на русские земли – в декабре 1645 года. «В нонешнем во 153 г. ходил з дворовыми своими людьми в войну на черкасы и в черкасах они ясырю взяли много, а то де мурзы Караш мурза с товарищи, ходили на Валуйку по государеву казну и тое казну в Крым к царю привезли здорово, и те де ево царевы дворовые люди им мурзам того черкесский ясырю не поделили»[174].

В конце 1640-х годов возник союз между Крымом и запорожскими казаками во главе с Б. Хмельницким, что привело к новой раскладке политических сил в Восточной Европе. В водоворот этих международных событий оказалась вовлечена и определенная часть Западной Черкесии. Крымцы и запорожцы пытаются привлечь черкесов к борьбе с Речью Посполитой. Летом 1648 года на казацкой раде в Чигирине присутствуют черкесские послы. В реляции П. Ласки, посланца А. Киселя к Б. Хмельницкому говорится, что «на той же раде были черкесские послы, предлагая прийти к Хмельницкому с 7 тыс. войска, приняты с благодарностью, но как будут отправлены еще не известно»[175]. Но союзнические отношения упомянутых сторон не были реальными из-за постоянных войн крымцев и адыгов. Статейный список Г. Волкова и В. Старкова (русских послов в Крыму, январь–ноябрь 1650 года) содержит сведения, что «Калга царевич идет на черкас на деревню Бестеней потому: что они учинились непослушны, дани царю и ему не прислали...»[176]. Уже весной и летом 1650 года крымский хан Ислам-Гирей просит Б. Хмельницкого принять уча-

стие в походе крымских татар на черкес[177]. Согласно существующего между крымцами и запорожцами соглашения, Б. Хмельницкий в июле отправил против черкес 3 000 казаков, которых возглавили сын гетмана и генеральский есаул Д. Лисовций. Они пришли на р. Миус, где простояв до начала августа, получили известие от хана, что черкесы покорились[178].

Москва внимательно следила за этими событиями. Русские послы в Крыму И. Еляков и Т. Кузьмин должны были в 1651 году, наряду с другими вопросами выяснить: «…и х крымскому запорожских черкас или гетман отпустил на горских черкас… и скольких человек, и хто у них полковники...»[179]. Послы в донесении сообщали о запорожском отряде, не состоявшемся походе на адыгов и давали заключение: «А нынешнего лета у царя и у калги и у нурадына з запорожскими черкасы на Московской государство войны не чаять»[180]. Позже, сам Б. Хмельницкий в специальном письме российскому царю заверял его, что поход 1650 года не скрывал никаких недоброжелательных намерений против России[181].

Речь Посполитая, в свою очередь, намеревалась использовать черкесов Западного Кавказа в своих политических интересах. В XVII веке имелся определенный опыт политической разведки поляков в регионе. Осенью 1620 года под видом купцов Черкесию посетили дипломаты Абгарович и Серебкович, которые привезли от «черкесских ханов» некие обещания военной помощи в борьбе с Крымом. Через 4 года польские агенты имеют в Крыму переговоры с находящимися здесь черкесскими сановниками по вопросу военной помощи против Турции. В конце 30-х годов XVII века активную деятельность развернул на Северном Кавказе польский агент Шомберг, который погиб в стычке с горцами. В 1640-х годах в Черкесии находился польский военный инженер Сабастьян Адерс, тщательно изучавший возможности использования местных жителей в войне с Турцией. В период национально-освободительного восстания на Украине, в середине XVII века, когда Хмельницкий пытался использовать военную помощь черкесов, на Северный Кавказ несколько раз посылались польские агенты, литовские татары Минбулатович и Шухманцев с целью парализовать дипломатическую акцию Киева[182].

Польское руководство, поддерживая в XVI–XVII веке тесные отношения с Крымом, постоянно указывало крымским ханам на опасность для ханства дружбы и союза московского царя с «пятигорскими черкесами»[183]. Польша, испытывающая потребность в высокопрофессиональных военных кадрах, стимулировала военную эмиграцию с Кавказа, особенно с территории адыгов. Широко практиковался институт выезда адыгской аристократии на службу в Польско-Литовское государство. Судя по документам, в исследуемый период, здесь хорошо были известны рода князей Пятигорских и Черкесских, а в польско-литовском войске служили отряды конницы – так называемые «пятигорские хоругви». Их заслуги были велики в борьбе с османами, татарами и особенно со шведами. Специалисты считают возмож-

ным говорить о влиянии черкесского военного искусства на польское[184]. Многочисленные примеры говорят, что Речь Посполитая всегда пользовалась возможностью политического влияния на адыгские дела и складывавшуюся вокруг Северо-Западного Кавказа международную обстановку.

Русско-польская война требовала усиленного производства холодного оружия, для чего Москва обращается к опыту «черкесских», т.е. кабардинских мастеров панцирного и сабельного дела. В 1660 году такие мастера уже работали в Астрахани и обучали учеников. В 1661 году был получен в Астрахани указ о присылке в Москву «черкас пансирного дела самых добрых мастеров да булатного сабельного дела сварщиков самых добрых мастеров»[185].

Россия выступила с обращением к князьям Большой Кабарды и союзным им ногайцам выставить трехтысячную конницу[186]. Последние ответили отказом, сославшись. что сами нуждаются в военной помощи. В Кабарде в это время находились крымские представители, существовала угроза нашествия калмыков, и хан обещал оказать кабардинцам помощь. Князья заявили, что «мы, Алиук (Алегуко. – *Ред.*) и Атагожук (Хотокшуко. – *Ред.*), по вашей государской милости присягали на куране на том: что услышим со всех четырех сторон какие вести и умысел на ваше государство или какую недружбу многих татар и нагай и горских черкас, государя и обладателя великого царя крымского и вам, великому государю, какую недружбу и войну уведаем, и нам про то учинить вам, великому государю, ведомо в правду, а не на том, что нам вам, великому государю, людей давать»[187]. В большинстве случаев такая позиция вызывалась отдаленностью Большой Кабарды от Терского города и постоянной реальной угрозой со стороны Крымского ханства и Османской Турции. Наряду с неоднократными нашествиями и принудительными поборами, крымские ханы, в свою очередь, требовали участия кабардинских отрядов в военных действиях крымцев на Украине[188].

В сложившихся условиях российское правительство предпринимает действия по переводу кабардинских населенных пунктов из Пятигорья на Баксан[189]. Астраханский губернатор Григорий Сунчалеевич Черкасский отправил специальное посольство в составе Семена Ищеина, князя Каспулата Муцаловича и его дядьки Бикши Алеева в Большую Кабарду и Малую Ногайскую Орду, где были приняты верховным кабардинским князем Хотокшуко Казиевым. Ответное посольство прибыло в Астрахань в августе 1662 года, где согласилось на условия российского правительства в обмен на защиту от «недругов». Посольство заявило, что все 67 совместно «кочующих» и пребывающих «во одиначестве» кабардинских и ногайских мурз хотят служить русскому государю, просят пожаловать и впредь оберечь их от недругов*[190]. В грамоте, подписанной князьями Казыевыми – Хотокшуко, Джамбулатом и Мисостом, – а также Темирбулатом Алегуковым, говорится о стремлении их сохранять русское подданство: «…отцы наши и деды наши у великого государя холопи

* Моздок – в переводе с кабардинского «дремучий лес» или «глухой лес».

были, и мы потому ж прямые холопи, одного бога знаем другого великого государя»[191]. Привлечение части Малой Ногайской Орды через кабардинских князей к сотрудничеству с Россией, предотвращение ее консолидации с Крымом существенно меняло соотношение сил в регионе и значительно облегчало московскому правительству оборону своих южных рубежей.

Внутриполитическая обстановка в Большой Кабарде в 1660–1670-х годах оставалась не стабильной. После смерти Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева междоусобная борьба привела к разъединению групп родственных феодалов Казыевой Кабарды, которые целое столетие (с середины XVI века до 1659-х годов) выступали совместно против Идаровых. Документы свидетельствуют о вражде Мисоста Казыева с сыновьями Алегуки Шогенукова. Противоречия идут еще дальше, в среде самих Казыевых, о чем свидетельствует отказ Мисоста Казыева в 1675 году дать шерть «за племянников своих, за Бекмурзу з братьями Жанбулатовых детей»[192].

И в дальнейшем политика России на Северном Кавказе осуществлялась традиционными методами, путем систематического приведения феодальных владельцев к шертной присяге на «подданство», за что последние получали жалование и подарки. К началу 70-х годов XVII века по таким признакам в российском подданстве, помимо служилых князей Черкасских, состояли известные кабардинские князья: Мисост Казиев, Адильгирей Хотокшоков, Тенгизбей Алегуков, Куцмимурза Хапыков, Бекмурза и Кайтуко Джамбулатовы, Алчагыр Исламов и Клычуко[193].

Обострение русско-турецких отношений в 1670-х годах из-за Украины привело к необходимости организации целого ряда военных мероприятий против турок и крымцев в 1672–1673, 1674–1676, 1677–1678 и 1679–1689 годах со стороны Предкавказья и Дона. Самое деятельное участие в них принимали кабардинцы и казаки под руководством Каспулата Муцаловича Черкасского.

После смерти отца в 1661 году князь Каспулат, получив царскую грамоту и княжение над нерусским населением Терского города, продолжил традицию в деле укрепления связей Кабарды и других северокавказских народов с Россией. В Москве высоко оценивали воинский опыт кабардинского полководца и неизменно приглашали в Посольский приказ для обсуждения предполагаемых военных кампаний на южных рубежах государства. В одной из грамот царя Алексея Михайловича по поводу очередного удачного похода Каспулата Муцаловича говорилось: «…а служба твоя и радение у нас, великого государя… никогда забвенны не будут»[194].

Известную поддержку военно-политической деятельности Каспулата Муцаловича Черкасского оказывали астраханский воевода, боярин Григорий Сунчалеевич Черкасский, который приходился ему дядей, а также воевода и боярин Михаил Алегукович Черкасский, который занимал очень высокое место в российской иерархии и был его двоюродным братом.

Каспулат Муцалович имел особые заслуги в стабилизации взаимоотношений России с Калмыцким ханством и организации совместной борьбы кабардинцев и калмыков в совместной борьбе против Крыма[195]. Во многом этому благоприятствовали его родственные отношения с ханом Аюкой[196].

Царское правительство поручало руководство главными наступательными операциями объединенных войск на юге страны в 1670-х годах Каспулату Муцаловичу Черкасскому. В июне 1674 года ему было указано «итти на его, великого государя, службу с своими узденями и с калмыцкими улусными людьми на крымские улусы и на Азов»[197]. Оно было получено им на пути в Москву, и сразу же отправившись в приволжские степи, Каспулат Муцалович сформировал совместный отряд с правителем калмыков Аюкою[198]. Двумя колоннами отряд двинулся в сторону Крыма. В августе объединившись с донскими казаками атамана Корнилы Яковлева, было принято решение о походе на турецкую крепость Азов. «А в том походе было с князем Касбулатом Муцаловичем узденей его 159 человек, калмыков 5000, великого государя ратных людей и донских казаков 3000 человек»[199]. 1 сентября 1674 года на подступах к Азову объединенный отряд Каспулата Муцаловича разгромил высланный против него полуторатысячный турецкий отряд. Успешно начатые действия были прерваны вестью из Кабарды о том, что некоторые кабардинские владельцы хотят «разоря ево, князя Каспулатово владение, уйтить в Крым»[200].

В 1675 году, усмирив враждебных ему кабардинских феодалов, Каспулат Муцалович выехал в Москву, куда он был вновь вызван. По прибытии князь был принят А.С. Матвеевым, руководителем Посольского приказа. Был выработан план большого похода на Крым силами кабардинских, калмыцких, терских, астраханских и уфимских ратных сил под командованием К.М. Черкасского. Кабардинский князь хорошо знал театр предстоящих военных действий. Он полагал, что над крымцами «чинить промысел» лучше: «1-е – весною, как вода вскроется, а трава еще не вырастет, и в то время бывает в Крыму великая во всем нужда, а им над ними промысел чинить способно; 2-е время зимою в декабре месяце перед рождеством, когда бывают морозы великие, и топлые места, где перелазить в тепло нельзя, замерзнут, а в Крыму по тому же бывает великая нужда, кони их от стужи зело худы и противитись им будет не на чем»[201]. Правительство обращало внимание, что основная масса крымских сил находится на Украине, многие «отягчаны осадами» в Польше, поэтому в Крыму «большое малолюдство»[202]. Было принято решение использовать удобное стечение обстоятельств. В августе Каспулат Муцалович с отрядом в 800 всадников выступил в направлении Крымского полуострова. По пути он завернул в Запорожскую Сечь, где к отряду присоединились запорожские казаки под предводительством атамана Ивана Серко. 23 сентября объединенные силы кабардинской конницы, калмыков и казаков перешли Гнилое море – Сиваш и на «заре на крымские улусы были» и громили их. Возвращался отряд через Перекоп, где во время прорыва из

Крыма в степь произошел бой: «Три султана Крымских с ратными людьми пришли на нас… и мы бой им дали и их побили»[203]. В конце сентября князь Каспулат Муцалович с «ратными людьми, и с калмыками, и с запорожскими казаками, и с крымских улусов пришли к Запорогам все в целости»[204].

Усиление российских позиций в борьбе за Украину привело к обострению русско-турецких отношений, вылившихся к лету 1677 года в большую войну. Сводный полк К.М. Черкасского в составе кабардинцев, кумыков и калмык, в количестве 3800 человек принимал активное участие в сражениях под Харьковом, Чугуевым, Чигириным в передовых частях русской армии[205]. Летом 1679 года отряды Каспулата Муцаловича вновь на Украине и сражаются с крымцами на реке Береклейке[206]. В ноябре 1679 года следует новый царский указ «О посылке на Украину кабардинского отряда князя Каспулата Муцаловича Черкасского для охраны переправ через Днепр»[207].

Заслуги К.М. Черкасского перед Россией были исключительно высоки и соответственно оценены царским правительством. За крымский поход ему сшили «ферязь бархатную с аламами, а чтобы вышить аламы жемчугом, посылали к иноземцам, и принимала их сама царица Наталья Кирилловна; шили в государственной мастерской…». Одного жемчуга закупили «на 658 рублей на 28 алтын на 2 деньги». В числе подаренных вещей были кафтаны, шапка соболья, особо расписанное оружие, денег 300 рублей, соболей на 200 рублей[208]. Высокие награды и жалование получили многие из узденей (дворян) К.М. Черкасского[209]. В декабре 1678 года Каспулат Муцалович получил жалованную грамоту от царя Федора Алексеевича[210]. Князь получил право кроме Терского города поставить свой «городок» (видимо, подворье с иммунными правами. – *Ред.*) в Астрахани[211], право беспошлинного провоза любых товаров в русские города и самое главное – право сбора в свою пользу таможенных пошлин в Терском городе. Заслуги К.М. Черкасского способствовали в свое время дальнейшему возвышению Михаила Алегуковича Черкасского. В царском указе 1676 года (после известного крымского похода К.М. Черкасского. – *Ред.*) есть положение: «А брата ево стольника князя Михайла Алегуковича сына Черкасского взять с воеводства из Великого Новгорода к Москве и о том и в грамоте великого государя ко князю Каспулату Муцаловичу написать…»[212].

Российское правительство в 1679 году поручило К.М. Черкасскому вести предварительные переговоры с крымским ханом относительно мирного договора между Россией и Турцией. Его положение в этих дипломатических событиях, по мнению Я. Ахмадова, более соответствовало роли независимого государя, чем главы автономного феодального «лена» в системе Терского города[213]. В начале 1681 года в Бахчисарае был заключен мирный договор, по условиям которого Турция признала за Россией левобережную Украину вместе с Киевом. Но этого уже не суждено было увидеть Каспулату Муцаловичу Черкасскому (умер в декабре 1680 года), сделавшему очень много на во-

енном и дипломатическом поприще в деле окончательного воссоединения Украины с Россией.

В послевоенные годы российское правительство сооружает «Новую» (Изюмскую) укрепленную черту, южнее Белгородской, которая прикрывала Слободскую Украину. Тем самым российская граница медленно, но последовательно продвигалась в южном направлении, к Северному Кавказу[214].

Как мы видим, кабардино-русские отношения в XVII веке развивались в сложных международных и внутриполитических условиях. Османская Турция и Крымское ханство делали неоднократные попытки, используя внутриполитическое положение в Кабарде, оторвать последнюю от дружественных отношений с Россией. Исторические факты свидетельствуют, что эти старания не увенчались успехом и в условиях политической альтернативности Кабарда, в конечном итоге, выбрала союзнические отношения с Москвой.

В конце XVII – начале XVIII века северокавказские народы, как и прежде, оставались в орбите международных интересов Османской Турции, Ирана и России, но в соотношении указанных стран произошли определенные изменения. Тяжелое экономическое и политическое положение вывело на определенный период из реальной борьбы Иран. Сложившаяся ситуация благоприятствовала османам, которые пользуясь ослаблением своего давнего противника, стремились вытеснить шаха из закавказских владений, Дагестана и через активизацию действий Крымского ханства против адыгов хотели утвердиться в кавказском регионе. Эти планы стали особо актуальными после поражения исламской экспансии в Европе и в последних войнах с Россией[215].

Азовские походы России в 1695–1696 годах привели к падению важнейшего плацдарма османо-крымской агрессии против русских, украинских и адыгских земель. Присоединение Азова к России по Константинопольскому договору 1700 года значительно повышало влияние последней на кавказские народы и особенно на Кабарду. В стремлении России укрепиться на Черном море и побережье Каспия отмеченные моменты вносили новые возможности. Но Керчь и Еникале все еще были турецкими укреплениями и мешали продвижению русского флота в черноморский бассейн[216].

Поэтому Петром I был задуман план создания общеевропейской коалиции против Турции, к которой он планировал привлечь и Кабарду. Хотя не удалось организовать антитурецкий военный блок и внешнеполитический курс России сместился с юга на запад, российское правительство учитывало имевшуюся в регионе пророссийскую ориентацию и предпринимало усилия в использовании северокавказцев в обеспечении безопасности своих южных границ.

С самого начала XVIII века спор из-за Кабарды между Россией и Турцией принял особо острый характер[217]. В ответ на укрепление русских позиций в Азове Турция неоднократно пыталась оккупировать Кабарду в 1705–1708 годах.

По требованию султана Ахмеда III крымский хан Каплан-Гирей (с 1707 г.) вторгся в пределы Кабарды. В том походе хана поддерживал правитель Каффы. Об этом крупном нашествии крымцев писали многие авторы: Энгельберт Кемпфер, Анри де ла Матрэ, Мехмед Фундуклулу, Дмитрий Кантемир, Ксаверио Главани, Иоган Густав Гербер, Симеон Броневский, Шора Ногмов и другие. Особое место среди этих и более поздних авторов занимает Ш.Б. Ногмов, «который выявил и опубликовал, правда, в своем пересказе, основные фольклорные памятники о борьбе кабардинцев с крымско-турецкой агрессией»[218].

В ходе нашествия Каплан-Гирея произошла Канжальская битва – самое значительное событие за почти трехсотлетнюю борьбу кабардинского народа с крымско-турецкими захватчиками. Она имела большое политическое значение как для кабардинцев, в первую очередь, так и других народов Северного Кавказа.

По прямому указанию турецкого султана огромное войско крымского хана вторглось в Кабарду в 1708 году и потерпело сокрушительное поражение. «Никогда не слыхано было такого избиения», – писал османский историк Фундуклу. В сообщении Г.И. Головину молдавского господаря Михайло Раковицы об этих событиях давалась такая оценка: «хан какой срам, урон и напасть воспринял от черкезов, есть дело сие достойное слышанию, естли напредь сего от кого иного о сем вы не слыхали истинно, что уж пострадал то. чего или никогда или от веку не видел Крым …»[219]. Несмотря на такой исход крымские ханы не оставляли своих агрессивных планов в отношении Кабарды и неоднократно в течение последующих десятилетий пытались взять реванш.

В Крыму на ханский престол вместо Каплан-Гирея был поставлен Давлет-Гирей. Крымские же мурзы, оправдывая свое поражение в Кабарде, уверяли в Константинополе, будто в той битве на стороне кабардинцев были калмыки и астраханские казаки, т.е. победа одержана с помощью России[220]. Новый крымский хан Давлет-Гирей, не считаясь с предупреждениями России, подстрекаемый Портой, совершает беспрерывные набеги на Северный Кавказ, что приносило его народам разорения и неисчислимые бедствия[221].

Поражение крымского войска в Кабарде в 1708 году было выгодно России. Воевавший с ней шведский король Карл XII не мог уже в этих условиях привлечь к себе на помощь крымское войско, что было важно в условиях многолетней Северной войны.

Горские народы, и в первую очередь адыги, не могли одни противостоять агрессии османских султанов и крымских ханов. В силу этого многие адыгские феодалы «стремились под его царского величества высокодержавную монаршескую руку поддаться, и тем себя и подданных своих из-под ига султана турецкого и от налог и разорения хана крымского освободить»[222].

Весной 1711 года Османская Турция оказалась в состоянии войны с Россией. Кабардинцы обратились к азовскому губернатору с предложением со-

вместных действий против Крыма. Был выработан план разгрома Кубанской Орды – с севера русскими полками под командованием П.М. Апраксина, с юга адыгами и со стороны Тамани десантом с Азовского флота[223]. В марте 1711 года царь Петр I обращается с грамотой к кабардинскому народу и владельцам, где пишет: «Только желаем, дабы вы показали к нам ныне свою дружбу и верность против салтана турецкого и хана крымского, которые против нас войну начали, наруша мир неправедно против данных многих обещаний»[224]. На Кубань отправляется 9-тысячный военный корпус под командованием генерала П.М. Апраксина, а на Терек в Кабарду со специальной миссией – особый уполномоченный царя офицер гвардии Александр Бекович-Черкасский[225].

Александру Черкасскому удалось убедить часть кабардинских князей принять участие в русско-турецкой войне. Был организован поход кабардинской конницы на Кубань, где они разгромили крымцев, «что де августа 30 числа у горских черкес с кубанцами, которыми командовал Нурадин салтан, был бой, на котором оных кубанцев черкесы побили 359, да в полон взяли 40 человек, а других потопили в реке Кубану»[226].

Князь Александр Бекович-Черкасский

Правительство Петра I обещало за такое содействие принять на выгодных условиях Кабарду в состав России на правах отдельного княжества. В грамоте Петра I кабардинскому народу от 4 марта 1711 года были изложены договорные начала предлагаемого союза: «… и мы, великий государь наше царское величество, то ваше желание приемлем милостиво и изволяем вас к себе в подданство и оборону приняти. Только желаем, дабы вы показали к нам нынче свою службу и верность против салтана турского и хана крымского, которые против нам войну всчали, наруша мир неправедно против данных многих обещаний. И ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалование давать определим, как то получает от нас подданной наш Аюка-хан и как вы прежде сего бывали у предков наших в подданстве и получали у них жалованье…»[227]. Условия союза, предлагаемые российским правительством, отвечали интересам кабардинского общества и являлись продолжением политико-правовой традиции во взаимоотношениях сторон с середины XVI века. Со своей стороны, кабардинскими князьями были выдвинуты следующие требования: «оставить» и «не забыть» кабардинцев в случаях заключения Россией мирного трактата с Турцией; не давать Кабарду «в разорение

и оборонить от неприятеля»; не посылать кабардинцев в дальние походы на службу – наделять погодным жалованьем[228]. Таким образом, князю А. Бековичу-Черкасскому удалось заключить очередной договор, закрепленной с обеих сторон присягой. Он обеспечивал кабардинцам покровительство со стороны России, военно-политическое сотрудничество с которой укрепило бы российские позиции на Кавказе. Давая определение политике Петра I в отношении Кабарды, С.К. Бушуев считал, что петровская дипломатия стремилась парализовать турецкое влияние в Кабарде и консолидировать ее как государственную единицу в составе России[229].

Летом 1711 года в ходе кубанского похода кабардинские отряды атаковали Крым с востока, оказывая значительную поддержку воеводе П.М. Апраксину, наступавшему с севера. 20 октября этого же года кабардинцы нанесли поражение войску Мурад-Салтана, «побили 359, да полон взяли 40 человек, а других потопили и лошадей взято многое число»[230]. Указанные действия сковывали значительное количество османо-крымских войск на Кубани и тем облегчали положение русской армии на главном театре военных действий в ходе русско-турецкой войны 1711 года. Османское правительство выступило с резкой угрозой в адрес Кабарды: «Кабардинские владельцы князья Черкасские, чего ради вы московскому государю войску пристав, наших подданных кубанских жителей разорили и войско их разбили, если бы вы, и мы бы [в] разорении не были, для чего вы на своего государя и на веру свою руку подняли. Ныне вы придите и принесите повинную, и отпустится ваша пригрешение и не разоритеся до конца, и во всякой будете милости. А буде того не учините, и в нашей воли не будете, князей ваших и узденей ни едина до вас не спасется»[231].

Заключение невыгодного для России Прутского мира предусматривало возвращение Азова Турции. В договоре ничего не говорилось о Кабарде, но Россия, связанная им и продолжающейся Северной войной, не могла официально выполнять свои обещания перед кабардинцами, не рискуя обострить вновь свои отношения с Османской Портой.

В 1712 году вместе с Александром Бековичем-Черкасским в Москву прибыло кабардинское посольство. Многие из приехавших получили награды. Петр I прислал кабардинскому народу грамоту, в которой благодарил за службу и отмечал его храбрость. Кабарде вновь была обещана помощь на случай нападения Турции и Крыма. Специальное указание об этом было послано и астраханскому губернатору Артемию Волынскому[232]. Многочисленные обращения кабардинских владельцев к царскому правительству с просьбой о помощи являются свидетельствами чрезвычайного положения Кабарды в связи с усилением агрессии Крыма[233]. Поступали они и в адрес князя А. Бековича-Черкасского[234]. Александр Бекович представил царю специальные проект, предусматривающий необходимость привлечения северокавказских народов на русскую сторону и формирования единого фронта против турецко-крымской агрессии на Кавказе. Он рекомендо-

вал с этой целью ввести русские войска в Кабарду и Северный Дагестан[235]. В мае 1714 года Петр I одобрил эти предложения и предписал Сенату продумать вопрос о том, «каким образом лучше при нашей стороне удержать» северокавказских владетелей[236].

В 1717 году кабардинский князь Атажука Мисостов вместе с другими владетельными князьями обращается с письмом к Петру I с просьбой выдавать «жалование» за службу, защищать от врагов и возвращать беглых крестьян[237]. Царь ответил на это письмо специальной грамотой, где сообщал о направлении им «жалованья», «о помощи войсками при нападении на них врагов»[238]. И в 1719 году Петр I отвечает на очередное обращение князей Кабарды с просьбой о защите. В грамоте, отправленной с кабардинским послом Салтан-Али Абашевым, он писал, что «в нужном случае вам от нашествия непрятельского крымского и кубанских и татарских орд вспоможение чинить и до разорения не допустить»[239].

Непрекращавшиеся набеги крымских и кубанских татар, активизация Турции, получившей назад Азов после Прутского договора, способствовали еще большему сближению России с кабардинскими князьями, об этом говорят и приведенные выше документы.

Между тем, угроза крымско-турецкой агрессии на Кабарду нарастала. В начале 1720 года крымский хан Саадат-Гирей отправил в Большую Кабарду своих посланцев с требованием прекратить всякие сношения с Россией и присягнуть Турции и Крыму. Получив отказ, он вторгся в Кабарду[240]. Часто бывало, что Россия не успевала оказывать своевременную помощь Кабарде. Это происходило во многом и из-за того, что военный гарнизон в Астрахани находился далеко. Так, весной 1720 года огромное крымское войско разорило большинство кабардинских селений и принудило население отказаться от дружественных связей с Россией.

Крымский хан Саадат-Гирей во главе 40-тысячного войска предъявил Кабарде ультиматум, содержавший следующие пункты: возобновить плату дани Крыма и признания подданства Порты Оттоманской; выдача «4000 ясырей за бесчестье» прежнего хана, разбитого в Кабарде; плата за все военные трофеи, захваченные у крымцев[241].

Для обсуждения создавшегося положения в Большой Кабарде был созван Большой Совет (Хасэ) с участием представителей всех сословий кабардинского общества. Он выдвинул компромиссное решение о возобновлении платы дани Крыму и выдачи «за бесчестие хана 1000 ясырей», но и поставил крымцам жесткое требование: границу Кабарды «реку Кубань не переходить», «а ежели пойдет к их жилищам, то ничего не дадут, только будут борониться, пока живота их не станет»[242].

Вопрос об отношениях с Крымским ханством расколол правящую элиту Большой Кабарды – княжеские рода Атажукиных и Мисостовых во главе с верховным князем Исламбеком заняли капитулянтскую позицию, а род

Джамбулатовых (Жамболатовых) во главе с Арсланбеком Кайтукиным выступили сторонниками активной борьбы с крымцами. Крымский царевич Салих-Гирей, чьим аталыком были Мисостовы, организовал заговор с целью истребления прорусски настроенных кабардинских князей. Описанные события привели к окончательному расколу Большой Кабарды на два политических лагеря, которые по местам своего территориального расположения получили в русских документах условные названия «баксанской» и «кашкатавской» партий. Это было логическое завершение междоусобной борьбы княжеского дома Кайтукиных, в которой к борьбе за политическое лидерство и лучшие земельные угодья в последней четверти XVII века тесно вплелся в начале 20-х годов XVIII века и вопрос о внешнеполитической ориентации.

Однако уже летом того же года кабардинские князья во главе с князем Арасланбеком Кайтукиным вместе с донскими казаками храбро сражались против Крыма. Между тем угроза неприятельского нашествия постоянно сохранялась. Кабардинские князья постоянно добивались от Петра I возобновить на р. Терек город, который бы служил целям обороны от нападений Ирана, Турции и Крымского ханства.

Царь Петр I подписывает указ во время Персидского похода

В вопросе о Кабарде российское правительство в начале 1720-х годов оказалось в трудном положении: с одной стороны на юге необходимо было поддерживать мир в условиях войны со шведами, с другой – оно не хотело терять свое влияние на Центральном Кавказе, прерывая традиционное военно-политическое сотрудничество с кабардинцами. Отсутствие юридических

прав открыто заступаться за нее при наличии определенных обязательств и серьезных планов в ней, толкало русскую дипломатию, по мнению Е.Н. Налоевой, на сложную, двойственную игру, когда она старалась всячески рассеять сомнения Порты о вмешательстве в дела кабардинцев и в то же время постоянно обнадеживая последних обещанием защиты от неприятелей[243].

После успешного завершения Северной войны Россия вплотную приступила к присоединению прикаспийских владений Кавказа. Накануне, чтобы нейтрализовать Турцию, Петр I заключил с ней договор, по которому Кабарда была признана сферой влияния Крыма[244]. Грамота от 20 марта 1722 года и премория турецкому послу 24 мая 1724 года, в которых была оформлена указанная позиция, являлись «тонким дипломатическим ходом, призванным скрыть истинные цели России на Кавказе, где в то время происходили сложные события»[245].

В начале 1720-х годов вследствие ослабления Сефевидского Ирана, стала реальной угроза поглощения ее кавказских владений Турцией. Установление турецкого господства на Каспии создавало прямую угрозу восточным рубежам России. Изменения в расстановке сил соперничающих держав привели к тому, что острые столкновения переместились из Кабарды в Прикаспий. В июле 1722 года русские войска высадились на побережье Дагестана. Активное участие в этом походе приняли кабардинские князья Арсланбек Кайтукин и Асланбек Келеметов со своими отрядами. В составе регулярной русской армии находилось воинское формирование, возглавляемое князем Эльмурзой Бековичем-Черкасским. В этот период на реке Сулаке была заложена крепость Святой Крест, куда были переведены гарнизон и жители Терского города. Это

На картине «Утро стрелецкой казни» В.И. Суриков изобразил М.А. Черкасского рядом с Петром I в образе старца с белой бородой

значительно укрепляло российские позиции в крае. В русском лагере на Сулаке Петр I заключил с князем Арсланбеком Кайтукиным договор о взаимной помощи, несмотря на существующее русско-турецкое соглашение[246].

В заявлениях А. Кайтукина на имя российского государя от 19 и 22 сентября 1722 года ставился ряд принципиальных вопросов, от решения которых зависел юридический статус Кабарды и дальнейшее развитие кабардино-русских отношений. Кабардинский князь, ссылаясь на историческое прошлое, что Кабарда с «древних лет» находится под протекцией России, считал рубежом османо-крымского влияния среди адыгов реку Кубань, «а по сю сторону – вашего величества»[247]. Исходя из этого, он считал: «Понеже у вашего величества с турками вечной мир заключен, – и притчиня, как турки, так и хан до нас не имеют… Однако ж татарские народы нас зело теснят и обижают, от чего в конечное разорение пришли»[248]. Кайтукин просил Петра I, чтобы российская сторона заявила решительный протест османскому правительству по поводу крымских нападений на Кабарду. Далее, он ставил вопрос о необходимости переселения кабардинцев на Терек из-за постоянной крымской угрозы. В случае агрессии крымцев, князь просил «помочи себе калмык и донских казаков для переселения подданных своих от Баксана на реку Терек… и дать ему послушной указ о том к ним»[249]. Следующий вопрос, поднятый А. Кайтукиным касался наследственного права кабардинских князей на княжение в Терках[250]. Со времен последних Сунчалеевичей в конце XVII – начале XVIII века на право княжения над нерусским населением Терского города начали претендовать кумыкские феодалы. Царь обещал, что «О правлении на Терках впредь рассмотрение учинено будет и, яко принадлежащее им, отдана будет одному из них, кабардинским владельцам». Последний вопрос касался «погодного жалованья кабардинским князьям» в соответствии с грамотой Петра I еще от 4 марта 1711 года. Вероятно, наряду с финансовой стороной кабардинская знать, в данном случае, преследовала политическую задачу – поднятие своего престижа среди других северокавказских владетелей. Хотя на все вопросы, поставленные Арсланбеком Кайтукиным, были получены положительные ответы, основная цель об официальном объявлении Кабарды под защитой и покровительством России не была достигнута. Российское правительство боялось осложнений на международном уровне и ограничивалось пока решением прикаспийской проблемы[251]. В последующем пророссийская партия в Кабарде во главе с Арсланбеком Кайтукиным, испытывая большой урон от крымских походов, обращаясь неоднократно к российскому правительству, не получила от него никакой реальной помощи, кроме заверений дружественного расположения[252].

Политический кризис в российском руководстве после смерти Петра I, а также заступление на крымский престол Давлет-Гирея II, с которым был заключен Арсланбеком Кайтукиным династический союз, изменили внутриполитическую раскладку сил в Кабарде и ослабили значительно ее

связи с Россией. С конца первой четверти XVIII века Кабарда становится вновь ареной ожесточенной междоусобной борьбы, в которую вовлечены две внешнеполитические силы – российская и османо-крымская. Для российского государства главная задача была достигнута. Оно сформировало свою программу в отношении Кавказа, предполагавшую распространение влияния в основных направлениях: от Азова до Кубани, от Астрахани к центральным шелковым путям Ирана. По заключению специалистов, фактически Петербургский договор, заключенный осенью 1723 года между Россией и Ираном и подводивший итог военным мероприятиям Петра I на юге, отражал эту программу[253].

В 1729 году в Кабарде вновь появился из-за Кубани султан Бахты-Гирей. С. Броневский описал картину сражения кабардинцев с крымцами, которые не могли смириться с тремя поражениями подряд. Приведем фрагмент из его описания: «В 1729 году с намерениями взять рабов приходил кубанский сераскир Бахты-Гирей, который был убит в бою с кабардинцами и много людей потерял. С этого времени избавились черкесы (вернее кабардинцы. – *Ред.*) от постоянной дани, которую обязаны были ежегодно платить крымскому хану мальчиками и девицами моложе 20 лет»[254].

Однако на этом далеко не завершается борьба адыгского народа против Порты и ее вассала крымского хана. В 1730 году по требованию султана Ахмеда III был смещен крымский хан Саадат-Гирей. На его место был поставлен Каплан-Гирей. Боясь кровавых репрессий, сын свергнутого хана царевич Салих-Гирей бежал в Кабарду к своему тестю Исламу Мисостову[255].

На следующий год 7-тысячный отряд крымцев подошел к границам Кабарды, это был авангард крымского войска, а основные силы до «двухсот тысяч с ханским сыном» во главе шли следом[256]. Крымцы предъявили ультиматум – выдать беглого Салих-Гирея, как и тех, кто ранее убил Дели-Салтана и Шабат-Гирея во время их набега на Кабарду, а за «кровь» двух убитых салтанов дать выкуп из расчета по одному ясырю от каждого двора Большой Кабарды[257].

Не испугавшись врага, кабардинцы организовали оборону, а заодно обратились к русскому правительству за помощью. Правительство Анны Иоанновны, учитывая стратегическое значение Кабарды, решило взять кабардинцев под защиту России. Эта позиция оказала огромное влияние на Турцию и крымские войска были отозваны из Кабарды.

Видимо не последнюю роль в их уходе сыграло и то, что из крепости Святого Креста выступили главные силы русского корпуса «о чем уведав, крымцы и кубанцы, убоясь оных, тотчас от Кабарды назад пошли»[258].

Россия, оказавая помощь Кабарде, действовала часто совместно с кабардинскими отрядами против Крымского ханства, но «нужно заметить, – писал Н.Ф. Грабовский, – что в описанный период времени, когда Россия не имела еще достаточной силы, чтобы поддержать на Кавказе свое владыче-

ство, кабардинцы стояли на стороне последней совершенно добровольно и оказывали помощь русским из простого чувства дружелюбия, не требуя за это никакого возмездия и даже не пользуясь, в свою очередь, в трудных обстоятельствах помощью со стороны русских войск»[259].

Все это говорит о том, что кабардинцы в основном рассчитывали на свои силы в борьбе с Крымским ханством и помощь России в данный момент была явно недостаточной, тем более, что в 30-е годы XVIII века Кабарда становится ареной ожесточенной борьбы между Турцией и Россией. Вице-канцлер А.И. Остерман писал верховному визирю Турции в ноте от 12 апреля 1736 года: «И в 1731, 1732 годах... на древний российский народ и подданных кабардинцев не токмо от татар, но и от самих турков и азовских бешлеев такие же неприятельские нападения, убиением и пленением многочисленных подданных российских, разорением и опустошением сел и деревень, отогнанием лошадей и скота и грабежом пожитков, ученены и произведены»[260]. Но и все это трудное время кабардинцы оставались верными России.

В начале 30-х годов XVIII века государственная консолидация Ирана и укрепление его позиций в международных делах, привели к возвращению ему Россией некоторых прикаспийских территорий. Во многом это было результатом дипломатических промахов А.И. Остермана, пытавшегося привлечь на сторону России нового властителя Ирана Надир-шаха. Рештский договор 1732 года, оформивший новую политическую ситуацию на Кавказе был воспринят Турцией как ослабление российского влияния в регионе. Она активизировала свои действия и через Крымское ханство усилила натиск на народы Северо-Западного и Центрального Кавказа[261]. В сентябре 1731 года специальное заседание «Тайного совета» с участием императрицы Анны Иоановны обсуждало кабардинские дела и приняло решение о взятии Кабарды «под защиту России», а также оказании ей военной помощи. Через русского резидента И.И. Неплюева был выражен протест османскому правительству по поводу многочисленных нападений крымского хана и кубанского сераскира на кабардинцев[262]. Турецкая сторона настаивала, что «обе Кабарды – Большая и Малая – суть турецкие, принадлежащие ханам крымским», и пыталась уже тогда провести идею «нейтрализации» Кабарды, чтобы иметь здесь свободу действий[263]. Российская сторона представила Порте историческую справку «О Кабарде Большой и Малой, о пребывании их в протекции, или же в подданстве Российской империи», подготовленную Коллегией иностранных дел[264]. Таким образом, в начале первой трети XVIII века русско-турецкие противоречия по Кабарде приобретают особо острый характер.

В 1731–1733 году крымский хан совершает регулярные нападения на кабардинцев. Несмотря на угрозы и различные обещания Турция не смогла привлечь Кабарду на свою сторону. Не давала результатов и политика исламизации населения, которая с самого начала XVIII века была возведена в ранг государственной политики Турции и осуществлялась через крымских ханов.

В 1733 году «при походе с Дону на Сулак Ивана Фролова с донской командою, крымцы... оную донскую команду окружили и взяли в плен атамана Фролова. А команду несколько дней при Куме содержали в осаде и могли бы ее взять, но кабардинцы, получа о том известие, всеми силами выходили к тем казакам на помочь и их оборонили, а потом и атамана Фролова из полону выручили»[265]. Летом этого же года отряд русских войск под командованием атамана Краснощекова направился с Дона в крепость Святой Крест. Узнав об этом, крымское войско атаковало русских. Последние стали обороняться, но неприятель превосходил их силой. Тогда русский отряд обратился за помощью в Кабарду. Через три дня к месту столкновения подошло кабардинское войско во главе с князем Боматом Кургокиным и крымцы спешно отступили[266].

Неоднократные вторжения крымских отрядов в районы Северного Кавказа и вопрос о Кабарде вскоре стали одним из непосредственных поводов к русско-турецкой войне 1735–1739 годов. В манифесте, отправленном в Турцию 12 апреля 1736 года говорилось об объявлении войны. В ответ султан решил двинуть войска в Кабарду. 15 мая 1736 года, крымский хан выступил в поход с 60-тысячным войском и артиллерией[267]. В конце августа, увеличив свою армию до 80-ти тысяч человек Каплан-Гирей вступил в Кабарду. Российские власть, чтобы ослабить Крым, решили спешно вернуть в пределы России Дондук-Омбо. Учитывая, что он с 1731 года находился в пределах Крыма, его возврат представлялся проблематичным. Однако шурин Дондук-Омбо кабардинский князь Магомед (Бомат) Кургокин и его родственник Касай Атажукин, используя свое родство, уговорили Дондук-Омбо вернуться в Россию и вступить в войну с Крымом с 20-тысячным войском[268].

Генерал В.Я. Левашов сообщал в июне 1736 года в Астрахань, что «кабардинцев в первом кубанском походе было: баксанской партии 1500 человек, кашкатавской – 500». Кроме них был отряд Малой Кабарды. В ходе войны кабардинские формирования ходили в поход против закубанских татар, участвовали во взятии Азова и сыграли важную роль в деле охраны от неприятеля новой крепости Кизляр. С весны 1738 года отряды князей М. Кургокина и К. Алеева сдерживали натиск крупной ногайской орды мурзы Мусы с остатками наврузовцев и западных адыгов[269].

В ходе военной кампании 1738–1739 годов в Кабарду были возвращены абазинцы, насильственно уведенные на Кубань еще ханом Саадет-Гиреем. На территории проживания бесленеевцев и темиргоевцев укрепилось российское влияние[270]. В августе 1739 года объединенное войско кабардинцев и калмыков под командованием Арсланбека Кайтукина разбили крымское войско на Лабе: «тех татар разбили и погнали … иного до смерти побито… и в полон взято…, а салтана Кази-Гирея раненого до смерти побили ж…»[271].

Война закончилась Белградским договором 1739 года. За всю историю русско-турецких противоречий впервые специальная статья договора затра-

гивала спорный вопрос о Кабарде. Шестой пункт договора гласил: «О обеих Кабардах, т.е. Большой и Малой – и кабардинском народе со обеих соглашенность, чтобы быть тем Кабардам вольными и не быти под владением ни одной, ни другой империи, а токмо за барьеру между обеими империями служить имеют. И что от другой стороны Блистательной Порты туркам и татарам в оные не вступать и оных не обеспокоивать також и от Всероссийской империи оныя в покое оставлены будут. Но что, однакож, по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую империю от них, от кабардинцев, для спокойного их пребывания аманаты. Оттоманской Порте тококже позволяется для такой же причины брать от них также аманатов. А ежели помянутые кабардинцы притчину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать»[272]. Как мы видим, предоставляемая Кабарде «независимость» была не более чем фикцией, сделавшей Кабарду беззащитной перед любой агрессией. Договор не только не урегулировал, но еще больше обострил русско-турецкое соперничество из-за Кабарды. Эти державы, выступая как бы гарантами «независимости» Кабарды, получали теперь право контроля над внутренним положением кабардинцев и их внешними связями.

И после заключения указанного договора Кабарда постоянно вовлекалась в борьбу между Россией – с одной стороны, Турцией и Крымом – с другой. Они сюда засылали своих агентов, которые для привлечения на свою сторону раздавали подарки и деньги феодальной знати.

После 1739 года Турция, чтобы показать, что она официально находится в стороне от кабардинских дел, более чем это было ранее, перепоручает кабардинские дела крымскому хану, который стал действовать в это период по отношению к Кабарде более самостоятельно. Россия, – как отмечал Н.Ф. Грабовский», – по крайней мере на первое время, держалась строго заключенного условия, и когда в следующем 1740 году кабардинцам грозил кубанский сераскир, наше правительство не признало возможным защитить их и решило, что если бы кабардинцы обратились с просьбой о войске для помощи им, то уклоняться молчанием и разными причинами»[273].

Формально же, пытаясь показать видимость соблюдения условий Белградского договора, русское правительство фактически никогда не упускало своих видов на Кабарду, тем более, что большинство кабардинских князей по прежнему придерживались русской ориентации. В начале 1940-х годов в связи с нависшей угрозой со стороны иранского шаха Надира, угрожавшего Северному Кавказу, русское правительство вошло в сношение с кабардинскими князьями, хотя это и нарушало условия договора 1739 года, стремясь «расположить» их к России[274].

В 1740-х годах в Кабарду с полномочиями правительства направляется грузинский царевич генерал-поручик Бакар Вахтангович, состоявший в близком родстве с некоторыми кабардинскими владетельными князьями.

Князь. Великий канцлер Алексей Михайлович Черкасский (1680–1742)

От имени русского правительства он обратился к ним с призывом о подготовке к совместной обороне против предполагаемого похода Надир-шаха. Пропаганда Бакара Вахтанговича была не безуспешной, что подтверждается отправкой в Москву посла Магомеда Сидакова*, князя из рода Мисостовых, для участия в коронации императрицы Елизаветы Петровны[275].

Русское правительство внимательно следило за событиями на Северном Кавказе. Активизируя свою деятельность по примирению враждовавших кабардинских феодалов, оно направляет в Кабарду своих эмиссаров – бригадира Петра Кольцова с отрядом в 400 солдат, за ним были посланы майоры И. Барковский и П. Татаров. Помимо основной своей миссии, эти эмиссары внимательно изучали Кабарду, как один из важнейших театров военных действий в случае войны с Турцией и Ираном. А в 1744 году геодезист Степан Чичагов составил первую подробную карту Большой и Малой Кабарды[276].

В 40–50-х годах XVIII века обстановка на Северном Кавказе оставалась сложной и «во многом зависела от кабардинских князей, у которых были наиболее широкие внешние связи с Россией, Крымом, Турцией и даже с Персией»[277]. Изменение юридического статуса Кабарды неминуемо отразилось бы на зависимых от кабардинских князей горских народах: Осетии, Ингушетии, Балкарии и Карачая.

Российская дипломатия учитывала фактор сюзерено-вассальных отношений Кабарды с горскими народами и проявляла гибкость в общении с последними. Коллегия иностранных дел в инструкции своему консулу в Крыму В. Никифорову указывала, что «кабардинский народ, почитаемый в тамошней стороне за превосходно храбрый, был всегда предметом ревностного старания ханов крымских иметь оный себе подчиненным. Нужда в этом для них превеликая; кабардинцы имеют еще и тамошних горцев многих в свое послушание, поэтому мог бы он старание свое распространить о приобретении уже в свое подданство и других горских народов, а тем сделать себя сильным и во

* Послом в России был Магомед Атажукин из Мисостовского рода (АВПР. Кабардинские дела, 1742. Д. 7. Л. 206). Значит Магомед Сидаков не кто иной как Магомед Атажукин. Об этом есть прямое указание и у П.Г. Буткова. В «Материалах для новой истории Кавказа» (Ч. 1. С. 297) он пишет: «Джанхот Сидаков – посол ко двору в 1769 г. – сын Магомета Сидакова – бывшего послом-депутатом в Петербурге в 1743 г.».

всех горах»[278]. Многочисленные документы и специальные исследования показывают, что Россия отрицательно относилась к неконтролируемым междоусобицам кабардинских феодалов, считая, что они дают повод крымскому хану для вмешательства в кабардинские дела и наносят вред русским интересам на Северном Кавказе[279].

В 1742 году в Петербург прибыло кабардинское посольство, которое заявило, что Кабарда не порывает с Россией и, как и прежде, будет вместе с ней бороться против общего врага. Русское правительство, понимая важность вопроса, продолжало уделять Кабарде пристальное внимание. Благодаря ее активному вмешательству были предотвращены угрозы нашествия на кабардинцев иранского шаха в 1744-м и крымского хана в 1755 году. Она также посылала в Кабарду своих представителей для примирения враждующих княжеских группировок[280].

Тем временем крымцы вновь напали на Кабарду, о чем в Москву в экстренном порядке доносил комендант Кизляра князь В.Е. Оболенский. В этом бою Асланбеку Кайтукину удалось разбить кубанского сераскира и «на реке Лабе и с ним, сераскиром, и с командою своею учинили бой, на котором де бою убили со стороны сераскировой Большого Ногаю мурзу Касая Сыртканова да со сто человек»[281].

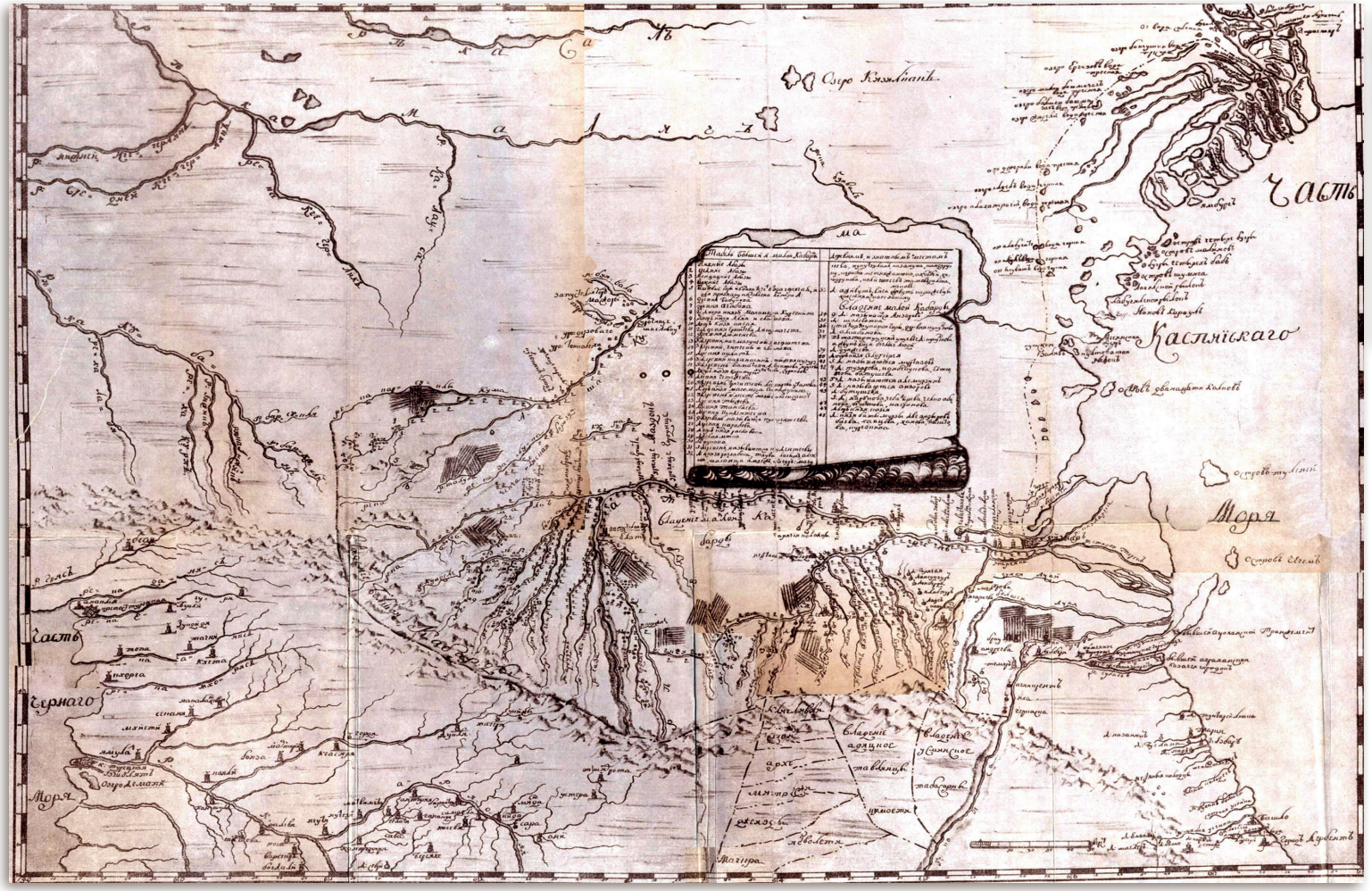
Не имея возможности прямого вмешательства в кабардинские дела правительство России направляет кабардинским князьям послания, в которых предлагает те или иные способы для примирения враждовавших между собою феодалов, стремясь при этом, чтобы недовольная сторона не обращалась за помощью к Турции и Крыму. О том, что Россия придавала большое значение вопросу о Кабарде свидетельствуют обращения к ним императрицы Елизаветы Петровны (грамоты, указы) и канцлера А.П. Бестужева-Рюмина[282].

Междоусобица тем временем продолжалась и, как правило, Кашкатавскую партию поддерживал крымский хан, а Баксанскую – Россия.

В июле 1747 года произошло вновь столкновение между крымцами и кабардинцами, о чем кабардинские князья сообщили кизлярскому коменданту князю В.Е. Оболенскому[283]. В 1749 году крымцы вновь приходили в Кабарду «для взятия... ясырей», с ними «приехал владелец Мамбет»[284].

Между тем активно проводится на дипломатическом уровне борьба за влияние в Кабарде между Турцией и Крымом с одной стороны и Россией с другой. В конце 1740-х годов крымский хан Селим-Гирей неоднократно «жаловался» на кабардинцев, принимавших к себе беглецов из Прикубанья. При этом кубанский сераскир сам всячески старался, по приказу крымского хана, подчинить себе кабардинцев. Присутствие же в Кабарде И. Барковского и П. Татарова крымцами было расценено как активная вербовка в Кабарде добровольцев для войны против Швеции и Пруссии[285].

В 1750 году из Петербурга направляется турецкому правительству протест в связи с постоянным вмешательством кубанского сераскира в кабардинские



Карта Кабарды 1744 г., составленная геодезистом Степаном Чичаговым

дела. В записке, врученной резидентом А.И. Неплюевым туркам, он писал от имени русского правительства: «Сверх всего уведомляется о кабардинских делах, что эмиссары сераскир султана кубанского беспрестанно в делах того от обоих сторон независящего народа мешаются, возбуждают их ссоры и подбивают оных в Оттоманскую область перейти с разрешением о разрыве»[286]. В том же 1750 году Турции была передана нота о «желательности невмешательства хана крымского и сераскира кубанского в кабардинские дела», где отмечают что крымский хан и кубанский сераскер «не перестают под разными предлогами в кабардинские дела мешаются, употребляя иногда ласкания, а иногда угрозу и силу к приведению тамошних жителей к тому, чтоб оставя свое отечество к ним перешли, на то несклонных из жилищ выгоняют, иных берегут в неволю, других грабят, и все в непорядок приводят»[287].

В 1753 году И. Барковскому и П. Татарову удалось временно примирить враждовавшие кабардинские феодальные группировки, что дало сразу же повод крымцам и туркам обвинить Россию во вмешательстве в дела Кабарды и ведении агитации с целью склонения кабардинцев вступить в российское «подданство»[288].

Действительно, значительная часть кабардинских князей все больше и больше начинает тяготеть к России и уже в 1758 году они добровольно приняли участие в походе русских войск в район Прикаспия для восстановления нормальных связей России с Закавказьем[289].

Однако вскоре русско-кабардинские отношения вступили в полосу серьезных затруднений. Положение на Северном Кавказе осложнялось вновь разгоравшейся борьбой между Россией с одной стороны и Турцией и Крымом – с другой, вновь вспыхивает феодальная борьба между князьями теперь уже Большой и Малой Кабарды, не затухала междоусобица между представителями Кашкатавской и Баксанской партий.

Полагая, что укрепить позиции России на Кавказе одними военными мероприятиями нельзя, царское правительство обращает внимание на развитие экономических связей с Кавказом. Расширяется ввоз на Кавказ различных товаров.

Тогда же с помощью генерала Эльмурзы Бековича Черкасского было сформировано ополчение из северокавказских горцев для отправления в русскую армию, которая действовала в Пруссии. Поход не состоялся по ряду причин. Но это говорит о сближении России и различных феодальных кругов Северного Кавказа, несмотря на проблемы, возникавшие в связи с недовольством определенной части феодальной Кабарды, вызванных благосклонным отношением России к князьям, обратившимся к правительству за помощью и разрешением переселиться в местечко называемое кабардинцами Моздок*[290].

Россия стремилась укрепить свои позиции в Кабарде и на Северном Кавказе не только военно-политическими связями, но и экономическими

* Моздок – в переводе с кабардинского «дремучий лес» или «глухой лес».

предприятиями. В 60-е годы XVIII века на Кавказ, в том числе и в Кабарду, начинают завозиться различные товары. Российское правительство отменило пошлину, которую уплачивали кабардинцы и кумыки при продаже своих изделий и скота в Кизляре. Но торговля не носила в тот период таких масштабов, чтобы влиять на политическую ситуацию, которая существенно обострилась после строительства на кабардинских землях крепости Моздок (1763), что вызвало резкое недовольство кабардинских князей. Они осознавали, что крепость, являясь форпостом царизма, будет ограничивать их политическую независимость. С момента основания Моздока сюда начали бежать кабардинские крестьяне, чтобы, приняв христианство и российское подданство, получить свободу. На многочисленные требования кабардинских феодалов выдать беглецов и срыть крепость, царское правительство отвечало отказом, и часть кабардинской верхушки в результате этого заняла антирусские позиции[291]. Князья начали нападать на укрепления, возводимые на кабардинской земле. В такой обстановке Турция и Крым стремились привлечь их на свою сторону. Во время очередной русско-турецкой войны 1768–1774 года, многие знатные кабардинские князья: Джанхот Татарханов, Касай Атажукин, Джанхот Сидаков, Карамурзины и знатные дворяне Куденетовы и Тамбиевы со своими подвластными поддерживали Россию. Против другой части феодалов, уклонившихся от русского подданства, в 1769 году была направлена военная экспедиция во главе с генералом Медемом. Но при всех обстоятельствах кабардинское зависимое население отказывалось занимать протурецкую или прокрымскую ориентацию. Так астраханский губернатор сообщал начальству, что «черный (т.е. трудовой. – *Ред.*) народ о подданстве Крыму и слышать не хочет»[292].

Кабардинцы принимают активное участие в военных действиях в Прикубанье против турецких войск. Когда летом 1774 года турецко-крымское войско вторглось в Кабарду, оно было разбито объединенными силами кабардинцев и российских войск.

Русское правительство считало необходимым «владельцев тамошних, которые к здешней стороне усердствовали, предохранять и подкреплять искусным образом от поисков тех из них, которые имели мысли противные»[293]. Успеху русской политики в исследуемый период (конец 1730-х – начало 1770-х) способствовало ясное понимание политической ситуации в регионе, учет конъюнктуры, вмешательство в междоусобную борьбу для подчинения ее своему контролю, в условиях конфронтации и военного противостояния с Турцией и Крымом, умение гибкими мерами воздействия добиваться поддержки значительной части кабардинского общества. Четкое представление обо всем этом дает обширная записка кизлярского капитана М. Гостотти, представленная в Коллегию иностранных дел и предлагавшая анализ будущей политики царизма в Кабарде. Отмечая особое положение Кабарды на Северном Кавказе, когда даже «независимые горские народы во

всем следуют великой Кабарде», он считал необходимым «привести ныне Кабарду в такое состояние, чтобы впредь, а особенно в этой войне, можно было некоторым образом ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно, и чтобы ненадобно было опасаться каких-либо с ее стороны хлопот и беспокойств на границах»[294]. Как показывают специальные исследования, предложения капитана Гостотти были учтены российским правительством при подготовке многих решений по «кабардинскому вопросу»[295].

Так, в докладе Коллегии иностранных дел Екатерине II, в июле 1771 года, который являлся программой будущего экономического и политического освоения центральной части Северного Кавказа, признавая Кабарду ведущей силой в регионе, отмечалась необходимость введения ее территории в состав Российской империи. Коллегия полагала «повиновением кабардинцев своевольство и всех тамошних варваров воздерживать», чтобы «повиновение их» было «с собственно их пользою соединено». А чтобы «они с охотой вникали в должности подданства, как к независимости привыкшие», им необходимо оказывать «снисхождения», но только такие, каковые «с пользою и безопасностию кизлярской стороны совместны»[296].

В результате Кючук-Кайнарджийского мира (1774) Турция признала Кабарду как окончательно состоящую в подданстве России. Результаты войны и вышеназванный договор обеспечивали России свободу действий на Северном Кавказе и значительное укрепление ее южных рубежей. Договор укрепил русское влияние среди горских народов Северного Кавказа. Например, с укреплением российских позиций в Кабарде балкарские таубии и осетинские феодалы надеялись освободиться от политической зависимости кабардинской феодальной знати. Царское правительство поощряло эти настроения и использовало их для подрыва мощи кабардинских князей, разрешая им взимать подати только с тех соседних народов, которые не присягнули на верность России. Несмотря на то, что в последней четверти XVIII века интересы кабардинской господствующей верхушки и царской администрации часто сталкивались, а в Кабарде набирало силу антиколониальное движение, кабардинское общество неизменно выступало союзником России, когда вопрос касался международных проблем того времени. Это очередной раз проявилось в период русско-турецкой войны 1787–1791 года, в которой кабардинские отряды сражались на стороне русской армии. С заключением же в 1798 году русско-турецкого договора кабардинский вопрос перестал существовать как международная проблема.

2.5. Формирование казачьих общин на Тереке (вторая половина XVI – середина XVIII в.)

Начало формированию первых казачьих общин на Тереке положили терские казаки. Первым слоем казачества на Тереке явились гребенцы. Причины образования их поселений здесь, были связаны с развитием русского средневекового общества в период перехода от раздробленности к политическому единству страны и носили социально-политический характер. Появление казачества на окраинах государства связано с утверждением в стране феодального способа производства, с появлением на исторической арене нового служилого класса-дворянства, с его стремлением к земельным захватам и усилением феодальной эксплуатации, что приводило к бегству русских крестьян в поисках свободы на Дон, по Волге и по Каспийскому морю на Терек – в предгорья Кавказа.

Так, в документе «Описание гребенских казаков», относящемуся к середине XVIII в., указывается: «…Гребенские казаки по Терку начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов…»[297].

Предпосылки возникновения казачества на Тереке были связаны и с политическим развитием России. Одно из последствий объединения русских земель вокруг Москвы – установление деспотического самодержавия и всеобщей несвободы – было мотивом бегства из страны дворян и служилых людей на «вольные» земли. Поэтому источники свидетельствуют о том, что в рядах казачества находилось немало выходцев из дворян и мелких служилых людей[298].

Не менее важной предпосылкой было стремление населения южных русских окраин в конце XV–XVI вв. к плодородным землям юга, вызванное тем, что в XII–XIII вв. русские землевладельцы под воздействием половецких набегов, а затем ордынских «ратей», вынуждены были уходить из плодородной лесостепи в малопригодные для земледелия места.

Имелись, наконец, международные предпосылки. Распад Орды и возрастание силы Великого княжества Московского, а затем ликвидация власти хана Большой Орды Ахмета над русскими землями в 1480 г. создали благоприятные условия для проникновения и утверждения в южных степях беглых людей из русских земель, становившихся казаками.

Во второй половине XVI в. российское влияние в регионе усиливается. После покорения Казанского, а затем и Астраханского ханств, границы России вплотную приблизились к территории Кабарды. В результате визитов представителей кабардинских князей в Москву в 1557 г. был заключен военно-политический союз России с Кабардой, после чего Иван IV неоднократно находил формальные поводы для вмешательства в дела Кабарды, посылая туда отряды стрельцов и казаков в помощь своему тестю Темрюку Идарову. В 1567 г. царь «…велел на Терке-реке Темгрюку-князю по его челобитью город поставити»[299]. То есть, была построена первая русская кре-

пость на Тереке в устье р. Сунжи. По требованию Крымского ханства и Турции крепость неоднократно сносили. Окончательно русская крепость на Тереке была отстроена лишь в 1588–1589 гг. и стала «опорным сторожевым пунктом и одновременно центром, вокруг которого объединились уже существовавшие по Тереку поселения русской вольницы»[300]. До конца XVII в. Россия ограничивалась обороной достигнутых рубежей. Крепости пока осуществляли лишь оборонительные функции.

По вопросу происхождения терского казачества не существует единства взглядов. Учитывая различные мнения, можно сделать вывод, что первые казачьи сообщества на Тереке появились в середине XVI в. и состояли из выходцев с Дона и других районов России. Основной поток беглых людей шел на Терек по Волге и Каспийскому морю. В XVI в. район Терека представлял собой пример единичной миграции, при которой метрополия отделена от заселяемых областей значительными расстояниями, а между метрополией и колонией переселенцев, как правило, находится промежуточный транзитный район. При заселении Терека транзитным центром стал Дон.

Место первоначального расселения гребенских казаков на Тереке окончательно не определено. Однако если учесть все существующие точки зрения о местах первоначальной локализации гребенцов, то можно предположить, что формирование терско-гребенского казачества происходило в достаточно широком ареале – от урочищ Голого гребня на юге и до междуречья Терека и Сунжи на северо-западе[301]. Не исключена также возможность, что до своего окончательного обоснования гребенцы, как и другие группы казачества, порой меняли места своих поселений, правда, не покидая районов своего постоянного обитания. Причем среди терско-гребенского казачества особенно популярны были в качестве наиболее безопасных мест для поселений привычные им устья, а также верховья малых рек с их готовыми природными «твердями» – речными мысами и островами, которые легко можно было превратить в неприступные крепости. Формирование гребенского казачества происходило на территориях, принадлежавших кабардинским князьям.

На новых местах, облюбованных гребенцами, появились первые городки. Они назывались по имени первооснователей, или выборных атаманов, или по местам выхода переселенцев, а так же в связи с местной топонимикой края: Курдюковский, Шевелев, Шадрин, Степанов, Семенов, Червленый, Наурский и т.д.[302]

Помимо гребенских казаков в середине XVI в. в дельте нижнего течения Терека начинает складываться еще одно северокавказское казачество – терское низовое. Терские казаки формировались из числа беглых, разрозненных групп русских людей и горских народов. Вот что об этом передают из поколения в поколение сами казаки: «Предки наши наперед сего, в давних временах, были из разных мест и народов, как-то: Донские и Волжские казаки, поляки, грузины, черкесы, и другие, пришедшие по разным обстоятельствам и случайно-

стям к Каспийскому морю, на устье реки Терека»[303]. В состав терско-низовой казачьей вольницы входили выходцы из местных народов, поселившиеся слободами около Терека. Особый интерес представляет группа новокрещенов, выделившаяся из кавказских горцев и принявшая христианство. Позже они входили как особый служилый разряд в состав терско-низового войска. Поэтому терско-низовое казачье войско отличалось от гребенского большей примесью кавказского этнического элемента на протяжении всей своей истории и большей подвижностью.

В начале 70-х гг. XVI в. терско-низовые казаки поставили в урочище Баклакове Трехстенный городок[304]. Но он был только опорным и сборным пунктом терских казаков, а сами они жили разбросанными юртами в Терском заболоченном приустье, держались сплоченными ватагами. Терские низовые казаки мало интересовались сельским хозяйством, в основном они тяготели к морским и речным промыслам, охоте, занимались и морским разбоем.

Начало образования терского низового казачества происходило, безусловно, до прихода воеводы Плещеева на Северный Кавказ в 1563 г. Известно, например, что в 1559 г. эти казаки овладели городом Терколте или Тюмень, расположенном на одном из рукавов Терека[305].

Приток русских на Терек усилился после 1576 года, когда стольник Мурашкин разгромил на Дону многие поселения вольных казаков, часть из которых он казнил, а часть отправил на каторгу. Напуганные такими мерами

правительств, волжские казаки стали уходить с Волги. Одна часть с атаманом Ермаком ушла служить к купцам Строгановым и приняла участие в покорении Сибирского ханства, другая – с атаманом Нечаем перебралась на реку Яик и положила начало Яицкому казачеству, а третья – с атаманом Андреем Шадрой ушла на Терек[306].

После Смуты начала XVII в. происходило возрождение и постепенное упрочение феодального государства и крепостнических порядков. Увеличились сроки сыска крестьян: в 1634–1635 гг. – до 10 лет для беглых, в 1641 г. – 10 лет для беглых и 15 – для вывезенных[307]. Возрос и налоговый гнет. Все это усиливало значимость социальных предпосылок для бегства на «казачьи реки» крестьян и холопов, что позволяло казачеству восполнять свои потери в людях.

С наибольшей силой социальный фактор проявился во второй половине XVII в., когда Соборным уложением 1649 г. завершился процесс юридического оформления крепостного права и в пределах Засечной черты сложилась эффективная система сыска беглых.

В связи с этим XVII век ознаменовался притоком в гребенские и терские станицы беглых крестьян. Во многом это было связано с внутриполитическими факторами. «Великий голод» 1601–1603 гг. и последовавшие вскоре события Смутного времени привели к многочисленному оттоку с центра в казачьи общины на Дону и Волге, Яике и Тереке беглых холопов и крестьян, обнищавших дворян.

Казачьи сообщества на Тереке «умножились» после разгрома в 1614 г. царскими войсками под Астраханью «воровских» отрядов Ивана Заруцкого[308].

Гребенские казаки

Приток беглых из России и казаков усилился на Тереке во время и после окончания крестьянских войн под предводительством И.И. Болотникова в 1606–1607 гг. и С.Т. Разина в 1667–1671 гг.

Закрепощаемое крестьянство стало готовой и плодородной почвой для раскола. Одним из желанных уголков беглых старообрядцев стал Терек. «Многие из них, спасаясь от преследований, убегали с донскими казаками, а оттуда подходили и к Тереку, селясь в безопасных местах»[309]. Но в

это время на Тереке уже был ряд городов-крепостей, в частности и крепость Терки – резиденция царских воевод. Поэтому старообрядцы стали скапливаться в гребенских городках. Описывая гребенцов, Л.Н. Толстой в повести «Казаки», отмечал: «Очень, очень давно предки их (гребенцов. – Прим. *ред.*), староверы, бежали из России и поселились за Тереком, между чеченцами на Гребне…»[310].

Гребенские казаки

В XVII в. одним из источников пополнения русского казачества на Тереке продолжили оставаться периодически появлявшиеся на Северном Кавказе казачьи отряды с разных «запольных рек». В документах неоднократно сообщалось о пребывании на Тереке с различными целями вольных казаков с Дона и Волги, Днепра и Яика[311].

Население терских и гребенских станиц росло и за счет беглых стрельцов, служилых людей Терского города, убегавших к казакам по разным причинам: тяжелое продовольственное положение, конфликты с царской администрацией. Так, воеводы неоднократно сообщали в Москву, что «на Терке, государь, твоих государевых терских ратных людей мало, и те всеконечно бедны, наги, и босы и голодни...»[312].

Находили приют и убежище в казачьих городках на Тереке и бывшие полоняники, т.е. пленные, захватываемые северокавказскими владетелями.

Казачьи общины на Тереке значительно пополнились за счет притока беглецов-горцев, в силу разных причин покидавших свои сообщества. Чаще всего это были беглые холопы, которые прибывали в Терки в надежде на защиту от набегов и притеснений со стороны феодалов. Горцы, как правило, крестились в православную христианскую веру, тем самым они получали покровительство и защиту со стороны царской администрации, которая предписывала терским воеводам не отдавать крещеных их бывшим владетелям. В документах такие казаки назывались новокрещеными. Об этом свидетельствуют имена и фамилии казаков: Байтерек, Евлаш, Агрыжан, Тагайпс, Кардавил, Яхдаш, Бармата, Остай, Досай, Асанко, Ураков, Иван и Андрей Новокрещеновы[313].

Динамика роста численности населения вольных казачьих сообществ на Тереке в XVII в. была крайне неустойчивой: заметное возрастание общин казаков в 30-е г. XVII в. сменилось во второй его половине спадом и уменьшением

числа терско-гребенских городков, что было связано с нашествием персидских войск в 1653 г., когда все казачьи городки были разорены. Вновь относительная стабилизация и заметный количественный рост казачьих групп наметился в конце столетия.

Таким образом, основу терского казачества составляли казачьи отряды с «разных рек» и «беглые сходцы» из России. Это более активные, подвижные элементы, которые по разным причинам оставляли Родину и уходили на свободные от феодального гнета земли. Общины гребенских и терских казаков формировались из различных этнических, религиозных и социальных компонентов, но ядро составляли русские.

В XVII в. терцы и гребенцы уже вовлекаются в орбиту деятельности России на Северном Кавказе. С началом строительства русских городов-крепостей на Северном Кавказе – Терки и Сунженский городок – установились непосредственные контакты царской администрации с вольными казачьими группами на Тереке. Русское правительство оценило военные качества казаков. Казаки несли разнообразные службы: держали сторожевые посты, высылали разъезды, сопровождали посольства, ходили в походы вместе с регулярными войсками. Их привлекали к борьбе России с Османской империей и Крымским ханством. В свою очередь в сотрудничестве с государством было заинтересовано и вольное казачество. Казаки постоянно нуждались в порохе и оружии из России, продовольствии, а также в надежном покровителе и союзнике.

К концу XVII в. вольные казаки использовались уже для несения службы в самом Терском городке. Все более отлаженным становится механизм поощрения государством вольного казачества на Тереке за службу. Если в начале XVII в. пожалования казакам носили временный характер, то в документах второй четверти XVII в. уже упоминается о постоянном жаловании терцам и гребенцам[314].

Вольные казаки постепенно утрачивают свою политическую самостоятельность. В 1668 г. из-за затопления Трехстенного городка, казакам пришлось переселиться в старый город (Тюмень), находившийся почти рядом с Терками. Зависимость от царских воевод устанавливается сама собой, и терские казаки включаются в состав Терского гарнизона под именем Терского казачьего войска. Гребенские казаки еще сохраняли свою самостоятельность, хотя они, по неписаному соглашению, находились в номинальной подчиненности Терскому воеводе и принадлежали к местному гарнизону.

В 1711 г. генерал П.М. Апраксин побывал на Тереке, где ознакомился с положением дел в Кабарде и в крепости Терки – резиденции воеводы. Чтобы установить более тесную связь между Кабардой и Терками П.М. Апраксин организовал переселение гребенских казаков на левый берег Терека в 1712 г. Там они образовали на протяжении 80 верст линию из пяти станиц: Червленая, Шадринская, Новогладковская, Старогладковская, Курдюковская. Эти станицы и в дальнейшем являлись основными поселениями гребенцов.

В дальнейшем, указом Сената от 3 марта 1721 г. они были подчинены военной коллегии, и им определено было постоянное жалованье по строевому составу в 500 конных воинов. Терцы к этому времени насчитывали 500 конных и 500 пеших воинов[315]. С подчинением военной администрации заканчивается первый период в истории Терско-Гребенского казачества – период вольной колонизации Предкавказья и начинается второй – превращение казаков в особое военно-служилое сословие.

В XVIII в. Россия превращается в крупнейшую континентальную империю, что изменяет ее геополитическую роль на Юге и Востоке. В это время Российская империя переходит от политики постепенного развития союзно-вассальных отношений с народами Северного Кавказа к их присоединению и установлению русской администрации. В связи с этим усиливается казачья колонизация Северного Кавказа.

В XVIII в. с активизацией политики Российской империи на Кавказе и усилением ее противоборства с Ираном и Турцией расширяется приток сюда переселенцев. С именем Петра Великого связывается обширная его деятельность на Кавказе. В ходе Персидского похода Петр I «изволил заложить новую крепость под именем Святого Креста» вместо Терки, где от реки Сулак отделялась р. Аграхань[316]. В 1722 г. сюда была переселена часть терских казаков, из них создали Аграханское казачье войско. В 1724 г. в состав войска вошла и 1000 семей донских казаков[317], переселенных сюда в три станицы: Каменка, Прорва, Кузьминка, из которых послали «...на Аграхань 500 семей, в Гребени 500 же семей…» [318].

Указ Петра I от 29 августа 1723 г. «О населении гребенских казаков у кр. Святого Креста» вызвал смуту в среде гребенцов, не желавших подчиняться царской власти и покидать освоенные места[319]. Это вынудило правительство отказаться от плана переселения гребенских казаков в указанную крепость.

Численность терских казаков, поселившихся вблизи Св. Креста, определялась П.Г. Бутковым, Г.А. Ткачевым и др. исследователями в 1000 и более человек[320].

В образовании Аграханского войска мы видим один из первых опытов правительственной колонизации Северного Кавказа. Однако он был неудачным. Места поселения войска оказались непригодными для постоянного жительства, в результате чего из 1000 семей донских казаков к 1735 г. осталось всего 452[321].

Крепость Святого Креста была уничтожена в 1735 г. вследствие обострившихся отношений между Россией и Персией. В 1736 г. остатки донских (аграханских) казаков были поселены недалеко от крепости Кизляр и составили Терско-Семейное казачье войско. Казаки были названы «семейными», потому что получали пособие на вдов и сирот казаков, погибших во время службы на Аграханской линии. Они обосновались тремя станицами: Бороздинской, Дубовской, Каргалинской[322]. Численность войска доходила до 850 человек, но

половину составляли казачьи жены и дети. Положение войска оказалось на первых порах очень тяжелым.

В 1745 г. российское правительство принимает неожиданное решение о слиянии Терского Семейного войска с Гребенским[323]. Гребенское войско по-прежнему сохраняло многие казачьи привилегии, оставалось относительно независимым от государственной власти. При этом казаки не скрывали, что в их станицах живут беглые люди. Государство стремилось пресечь проникновение на Терек беглых, но выслать их было невозможно, т.к. гребенские казаки являлись наиболее боеспособной силой в регионе. В ответ на это правительство ограничивало Гребенское войско в денежном жалованьи, которое было в два раза меньше, по сравнению с другими казачьими войсками. Но сложившаяся в результате успешного хозяйственного освоения терско-сунженского бассейна относительная экономическая независимость гребенцов от России не позволяла царской администрации эффективно использовать для мирного подчинения их своей власти такой важный рычаг как жалованье. В этой ситуации правительство стремилось подчинить Гребенское войско своей власти путем «размывания» его состава верными казачьими отрядами, в данном случае это терское семейное казачество. Объединением двух войск царская администрация хотела не только подчинить своей власти гребенцов, но и повысить боеспособность Терского Семейного войска. Отныне новое объединенное войско называли Гребенским. Однако между терскими семейными и гребенскими казаками постоянными были трения и противоречия, даже после уравнения казаков в жалованьи. Это яростное противостояние вынудило Сенат в 1754 г. издать указ о разделении войска на Гребенское и Терское Семейное[324].

Другая казачья группа, поселившаяся в Кизляре, Терское Кизлярское войско, состояла из представителей кавказских народов и отряда служилых казаков, переселившихся сюда из крепости Святого Креста и названных «Терскими». По сравнению с Гребенским и Терским Семейным, Кизлярское войско было малочисленным и не превышало 170 человек. Среди них были 27 представителей военных чинов, новокрещен насчитывалось 24, окочен 18, терских казаков около 100[325]. Терское Кизлярское войско состояло под начальством кабардинского князя Эльмурзы Бековича-Черкасского. С образованием Терского Кизлярского войска царская администрация пыталась придать своей политике на Северном Кавказе новое направление. Отныне, наряду с созданием казачьих войск за счет переселения служилых казаков из России, государство стремится опереться на горцев, привлечь их на российскую службу. «Разноплеменное и разноязычное» Кизлярское войско было для царской власти противовесом, как слишком независимому Гребенскому войску, так и «пришлым» и плохо ориентировавшимся в северокавказских «конъюнктурах» служилым казакам с Дона, составлявшим Терское Семейное войско. По подсчетам В.М. Кабузана к 1763 г. всех казаков на Тереке было 1335 человек[326].

2.6. Кабарда во взаимоотношениях России с народами Северного Кавказа и Грузией

Северный Кавказ является одним из самых многонациональных регионов в нашей стране. Здесь проживают десятки народов, каждый из которых обладает древней и самобытной культурой, уникальным историческим опытом, пронесенным сквозь столетия. Полиэтничность является существенным фактором, оказывающим непосредственное влияние на основные тенденции общерегионального развития. Полиэтничность на Северном Кавказе имеет вековые корни, а межнациональные контакты всегда составляли важнейшую сторону этнической истории народов региона.

Кавказ на протяжении всей истории играл роль своеобразного моста между Восточной Европой и Передней Азией. Главный Кавказский хребет являлся непреодолимым препятствием для иноземных нашествий с юга и с севера. Горные хребты служили условными этническими и политическими границами.

Наука объединила коренные народы Кавказа и их языки в отдельную группу, включающую автохтонные народы – это иберийско-кавказская языковая семья. Ученые-лингвисты полагают, что начиная с глубокой древности можно говорить о некотором генетическом родстве языка таких народов как адыго-абхазы, грузины, чеченцы, ингуши и дагестанцы. Археологи считают, что окончательный распад кавказского этнолингвистического единства на три группы этнических общностей – западную (абхазо-адыгскую), восточную (нахско-дагестанскую) и южную (картвельскую) в основном завершился к середине IV тыс. до н.э.

Являясь связующим мостом между Азией и Европой, данный регион всегда являлся ареной столкновения и переплетения политических и экономических интересов различных государств и народов. Общность внешнеполитических интересов приводила к тому, что Северо-Кавказские племена периодически сообща противостояли внешней угрозе как в период арабского, так и позже монголо-татарского нашествий. Частые миграции и военные столкновения приводили и к тому, что среди северо-кавказских народов растворялись и ассимилировались пришлые этнические группы. Очень показателен в этом плане адыгский этнос. В разные времена в адыгской среде растворились определенные группы греков, ираноязычных и тюркоязычных племен, древних славян и армян. Адыгское население сумело, тем не менее, сохранить свою этническую самостоятельность. В периоды агрессий мощных кочевнических объединений (гуннов, сарматов, монголов, позже крымских татар) адыги, покидая насиженные места, отходили в предгорные и горные зоны (как впрочем и вайнахские племена). В данном исследовании невозможно охватить всю сложную и пеструю картину этнической эволюции различных районов Северного Кавказа вследствии притока разновременных

волн иноязычного населения. Внешнеполитические события, связанные с перемещениями аланов, гуннов, монголо-татар, вызвали перемещения кавказских этнических групп, и они явились определенными историческими рубежами не только в политической жизни, но и в дальнейшем этногенезе автохтонов Северного Кавказа.

Winkles Henry. Народы Кавказа

К середине XVI века относится начало формирования русского населения Северного Кавказа. Желая избавиться от крепостной неволи на Кавказ бежали люди с Дона, Волги, Украины и других мест. Их всех постепенно стали называть одним именем – «Казаки», что означало «вольные люди». Многие казачьи поселения располагались на склонах гор, т.е. на «гребнях», поэтому они вошли в историю и как гребенские и как терские казаки. До последней четверти XVIII века общее количество русского населения на Северном Кавказе было незначительным.

* * *

Дружеские взаимоотношения между Кабардой и народами Дагестана имеют многовековую историю. Особенно прочными они становятся с середины XVI века, когда через посредство кабардинских мурз в более тесные контакты с Россией вступают дагестанские владельцы. Сразу после присоединения в 1556 году Астрахани сюда прибыли «гости» из Дербента, шамхальства и других владений Дагестана[327]. Строительство Терского городка (Тюменского острога) в 1588 году способствовало тесным политическим и экономическим контактам Русского государства и Дагестана. По мнению профессора В.Г. Гаджиева наличие русских войск и крепости не позволяло туркам расширять агрессию на Северном Кавказе и в Дагестане. Это поднимало престиж России и усиливало ориентацию народов региона на Москву[328].

С конца XVI века регулярно представители Аварии, Лакии, Кумыкии, Табасарана, Дербента, Кайтага посещали Терский город и Астрахань с просьбами о «покровительстве», а также по торговым делам[329]. Русско-дагестанские связи росли и крепли в XVII веке, в течении которого из Дагестана в Москву прибыло 18 посольств. В 1610 году в Терском городе приняли присягу на верность Русскому государству кумыцкие князья Гирей, Эльдар и Сурхай, Махди Аварский, Алибек Казикумухский, Сурхай Карабудагский и Будачи Эрпелинский. Москва постоянно оказывала помощь представителям дагестанской феодальной знати, которые придерживались русской ориентации. Так, в 1615 году терские воеводы оказывали содействие Гирею Тарковскому в его борьбе с Султан-Махмутом Эндерейским. Последнему дали понять, что он может быть принят в русское подданство, если на то будет согласие Гирея и кабардинского князя Сунчалея Черкасского[330]. В 1616 году установил связи с Терским городом уцмий Рустем-хан[331].

Документы показывают, что на протяжении XVII века при посреднической роли кабардинских князей в подданство России были приведены крупные владельцы Дагестана. Особую роль в улучшении русско-дагестанских и кабардино-дагестанских отношений в этот период сыграл известный кабардинский князь Сунчалей Канклычевич Черкасский. «В течении XVII века Сунчалей и его потомки, пользуясь покровительством кабардинских князей, вошедших в круг московской феодальной знати, и поддерживая непосредственную связь с Посольским приказом, оказывали значительное влияние на решение вопросов, касающихся народов Северного Кавказа»[332].

В 30-х годах XVII века эндерейский владетель Султан-Махмут, обращаясь в Москву с просьбой принять его в Российское подданство, писал, что «Сунчалей великому князю и белому царю холоп*, а нам он друг, а до каких мест Сунчалей будет, и мы до тех мест шерть учиним»[333]. Кайтагский же правитель Рустем-хан по данному вопросу обращается с грамотами и к царю и к Сунчалею[334]. В 1634 году благодаря содействию кабардинского князя Шолоха Сунчалеевича Черкасского были проведены переговоры между терскими воеводами и эндерейским феодалом Султан-Махмутом и кумыкским шамхалом Ильдаром[335]. Спустя четыре года терский воевода И.О. Хохлов доносил в Посольский приказ, что с помощью Муцала Сунчалеевича Черкасского «учинили шерть» Сурхай Мурза Тарковский, Казаналп-Мурза Эндерейский, Чупан-Мурза Казикумухский, Салтанбек Карабудагский и др.[336] Влияние Муцала Сунчалеевича среди дагестанских владельцев было особо значительным. Благодаря этому в 1645 году на реке Аксай принесли присягу на верность русскому правительству тарковский шамхал Сурхай, кумыцкий правитель Кадыр, и около 150 дагестанских узденей[337].

* Подобная формулировка в русских документах XVI–XVII веков имела ввиду службу, подданство.

В большинстве случаев сами дагестанские владетели требовали, чтобы к ним для участия в переговорах, касающихся их взаимоотношений с Русским государством, приезжали влиятельные кабардинские князья, которые находились на службе в Терском городе. Так, эндерейский мурза Ахматхан Магдеев в 1648 году считал, что успех решения вопроса о переходе его владений в подданство России будет зависеть от участия в нем князя Камбулата Пшемаховича Черкасского[338]. В своем письме к терским воеводам он писал, что «как де Камбулат-мурза к ним приедет, они де перед ним тебе, великому государю, на куране шерть учинят на том, что им быть у тебя, великого государя, со всем своим владением в вечном неотступном холопстве и аманата на Терек пришлют с ним Камбулатом»[339]. Отписка астраханского воеводы И.П. Пронского в Посольский приказ в 1653 году свидетельствовала о переговорах узденей кабардинского мурзы Тонжехана Арасланова с дагестанским шамхалом Сурхаем и эндерейским мурзой Казаналпом и о возвращении их владений в русское подданство[340].

Дербент. Крепостная стена

Долго и безуспешно велись переговоры между терскими воеводами и джегутанским владельцем Ахматханом Махтеевым. Последний отказывался вести их и писал, что «он де русским князьям не верит, а будет де придет к нему Касбулат-мурза Черкасский и Казаналп-мурза и с ним договорятца, и он даст аманата им на руки»[341]. В 1658 году эти переговоры были успеш-

но завершены. Как видно из приведенных документов посредническая роль Кабарды во многом способствовала сближению и присоединению народов Дагестана к России в XVI–XVII веках. В последней трети XVII века вплоть до начала XVIII века, Кабарда и Дагестан оставались для России важнейшим стратегическим плацдармом, обеспечивающим связь по наиболее удобным путям с народами Закавказья[342].

В конце XVII – начале XVIII века северокавказские народы оказались в орбите международных интересов Турции, Ирана и России. Русское правительство твердо отстаивало свои интересы в этом регионе, что было непосредственным образом связано с необходимостью обеспечения военно-политической и экономической безопасности страны на юге. Особое значение приобретало утверждение России на Каспийском море. Это дало бы возможность вести всю европейскую торговлю с Востоком через русскую территорию.

Для решения этой задачи Петр I предпринял ряд дипломатических шагов. В 1700 году он приказал астраханскому губернатору Мусину-Пушкину «завести дружественные и торговые сношения с дагестанскими горцами»[343]. Для того, чтобы подорвать турецкое и крымское влияние на Северном Кавказе в 1711 году в Кабарду и Дагестан был направлен кабардинский князь, офицер русской гвардии Александр Бекович Черкасский[344]. Он призывал горских владельцев «собрать войска свои, итти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск»[345]. В этой ситуации Турция и ее союзник Крымское ханство стремились разобщить народы Дагестана и Кабарды, противопоставить их друг другу. Например, осенью 1712 года кабардинские владельцы доносили князю А.Б. Черкасскому о попытках крымского хана склонить дагестанских владельцев Салтана Мамута и Альдигирея Тарковского к совместному нападению на Кабарду для приведения кабардинцев в подданство Крымскому хану[346].

В мае 1714 года Петр I предложил Сенату рассмотреть вопрос, «каким образом горных народов к нашей стороне приклонить». На рассмотрение Сената было вынесено «Доношение» князя Бековича Черкасского, в котором давалась картина турецких происков на Северном Кавказе и, в частности, в Кабарде и Дагестане, и предлагалось, не упуская времени, присоединить прикаспийские области к России[347].

В сложившейся обстановке, когда северокавказские народы оказались в сфере межгосударственных интересов различных держав, Россия продолжала укреплять свои связи с Кавказом. Проводимая ею политика приносила положительные результаты. В 1717–1719 годах к России с просьбой о принятии в подданство обратились тарковский шамхал Магомед-бег Аликпачев[348]. С аналогичными просьбами выступали в этот период аксаевские, костековские владетели, кайтгский уцмий и др[349]. В августе 1720 года кабардинские князья во главе с Асланбеком Кайтукиным сообщали Петру I о совместных боевых походах с донскими казаками[350]. Учитывая близость неприятеля, они

предлагали русскому царю «построить на реке Терек город, который служил бы целям обороны от нападения Ирана, Турции и Крымского ханства»[351].

В отличии от Турции и Ирана, стремившихся разжечь национальную вражду и натравить кавказские народы друг на друга, Россия укрепляя свои связи с Дагестаном и Кабардой, одновременно принимала меры, направленные на то, чтобы они жили в мирном согласии. Например, русское правительство требовало от дагестанских владельцев не допускать никаких нападений на Кабарду: «дабы никакой противности и никаких нападений братьям нашим [т.е. кабардинцам] не чинили»[352].

27 июля 1722 года Петр I во главе русских войск высадился в Аграханском заливе. Реакция наиболее крупных владетелей Кабарды и Дагестана на появление русских войск в 1722 года во главе с Петром I на Каспийском побережье была различной.

Дауд-бек и Сурхай, опасаясь активных действий царских властей против них, стали более активно добиваться протекции Турции. Часть владетелей, находясь под покровительством России готова была оказывать содействие Петру I.

Отдельные феодалы, как эндерейский правитель Айдемир, выступавшие против русских войск были разбиты. Остальные северокумыкские владетели–аксаевский, костековский шамхал Адиль-Гирей, а также некоторые кабардинские князья выразили готовность быть на русской службе. «6 августа, – пишет Н.А. Сотавов, – на Сулаке 100-тысячную русскую армию встречали шамхал Адиль-Гирей, аксаевский владетель Султан-Махмуд и кабардинский князь Арсланбек Кайтукин»[353].

По указанию Петра I на реке Сулаке была заложена крепость Святой Крест, куда были переведены гарнизон и жители города Терки. Строительство крепости, завершенное к 1724 году, значительно укрепило русские позиции в присоединенном крае. В сентябре 1723 года между Россией и Ираном был подписан договор, согласно которому шах «уступил» России прикаспийские территории. Это привело к обострению русско-турецких отношений. Турция усилила антирусскую пропаганду среди горских народов. Она стремилась поднять на выступления отдельных феодалов, обещая им всяческую поддержку. Еще в декабре 1722 года турецкие послы потребовали в Петербурге прекращения военных действий против лезгин и вывода русских войск из Дагестана, а также прекратить покровительство кабардинским владельцам «Ислам-бею и Арслан-бею»[354]. Но все попытки Турции помешать укреплению русско-северокавказских отношений оказались безуспешными. В 1727 году были окончательно разграничены владения России и Турции на Кавказе, которые еще были утверждены условиями Константинопольского договора 1724 года.

С начала 20-х годов XVIII века ведущее место в кавказской политике России занял Дагестан. Ослабление отношений с Кабардой, в связи с демаршем

Турции, отразилось и в решении царского правительства в 1722 году признать эти земли под влиянием Крыма[355]. Вместе с тем, когда коллегия иностранных дел в своем указе от 11 мая 1733 года уведомляла командующего войсками, расположенными между Курою и Тереком, В.Я. Левашова о предполагаемом прохождением крымских войск через Кабарду и Дагестан в Иран, то ему приписывалось в соответствии с указом от 4 апреля 1733 года при приближении крымских войск пытаться убедить их командование не проходить через русские владения. В противном случае применить оружие[356].

Разгром иранских полчищ Надир-шаха в 1724 году усилил тяготение феодалов Дагестана к России. Под влиянием этого процесса, а также внешнеполитических обстоятельств, большинство владетелей Дагестана стремилось заручиться ее поддержкой.

По мнению Н.А. Сотавова, к середине XVIII века обстановка на Северном Кавказе была такова, что наряду с Кабардой важное место во внешнеполитических планах держав-соперниц (России, Османской империи) по-прежнему занимал Дагестан[357]. В 1750–1751 годах шамхал Тарковский «искал быть под покровительством России», преемник его шамхал Муртазали в 1764 году «уверял Российский двор в своем к оному усердии». В 1753 году владетель Аварии Магомед-Мусохан «просил о принятии его в Российское подданство». Немного ранее Маметхан-Сурхай, владетель Казикумухский, также просил о «принятии его в Российское подданство». В 1757 году к России с просьбой о подданстве обратилось Андийское общество[358]. Русское командование на Кавказе оказывало помощь сторонникам российской ориентации. Так, в 70-х годах XVIII века благодаря этому значительно возвысился кубинский Фатали-хан[359].

В 60–70-х годах XVIII века Россия продолжала успешно укреплять свои позиции на Кавказе. На реке Сулак было намечено возобновление строительства крепости Святого Креста[360]. Успехи России в войне с Турцией в 1768–774 годах благоприятно сказались на положение русско-кавказских взаимоотношений. Еще больше способствовало сближению горцев с русским народом заключение выгодного для России и кавказских народов Кючук-Кайнарджийского договора. В одном из документов этого периода говорилось: «Владельцы Малой Кабарды и кумыкского народа этим известием (т.е. заключением Кючук-Кайнарджийского договора. – *Ред.*) были обрадованы»[361]. В.Г. Городищев отмечает, что «присоединение Кабарды и продвижение России на Кавказ способствовали дальнейшему развитию и укреплению экономических и политических связей Дагестана с Россией»[362].

Создание в XVIII веке на Северном Кавказе крупных русских военно-административных центров Кизляра и Моздока, а также укрепленных линий значительно усилило позиции Русского государства в этом регионе. Одновременно это ослабило власть кабардинских и кумыкских феодалов над другими соседними горскими народами, которые находили теперь надежную поддержку со стороны русских властей[363].

Кабардинские и дагестанские феодалы часто вмешивались во внутренние междоусобные распри той или иной стороны. В апреле 1782 года для разбора спорных дел аксайских владетелей с гиркеевцами был послан князь Александр Эльмурзович Бекович-Черкасский, который в этот период был предводителем Кизлярского дворянства[364]. Но в целом, взаимоотношения народов Дагестана и Кабарды развивались в мирном русле и определялись добрососедскими отношениями. Особенно это проявлялось в период тяжелых для горцев испытаний, когда они совместно, при поддержке России, выступали единым фронтом против внешних захватчиков.

В 80–90-х годах XVIII века Турция и Иран предпринимали, как и раньше, энергичные меры для разжигания вооруженной борьбы горцев против России под религиозными лозунгами. С этой целью в июне 1790 года в Кабарду прибыл турецкий чиновник от сераскира Батал-паши[365]. Через три года здесь появился другой турецкий агент – «дервиш Фрез-оглы, который привез фирман султана Сулеймана к кабардинским и дагестанским владельцам, эфендиям, хаджиям и ко всем обитающим от Черного моря до Дербента магометанским народам»[366]. Султан сообщал, что Турция потребовала от России отказа от Крыма и Кабарды, и в случае несогласия намерена объявить русским войну. Накануне нашествия иранского шаха Ага-Мухамед-хана на Закавказье весной 1795 года, турецкий султан обращался с призывом к владетелям Кабарды и Дагестана, чтобы они «вошли в сношение с Ага-Магомед-ханом и чтобы они были бы готовы к войне с Россией»[367].

В августе 1785 года кизлярский гарнизон, в состав которого входили терские казаки, дагестанцы, кабардинцы и другие жители города, под руководством коменданта, кабардинского князя Александра Эльмурзовича Бековича-Черкасского отразил нападение шейха Мансура[368].

Учитывая неспокойную обстановку, в 1786 году на Центральном Кавказе были организованы «военные команды», в которые наряду с русскими войсками вошли воинские формирования горцев[369]. Так в русских войсках под командованием генерала Горича (кабардинца по происхождению) находились 36 князей и 5 тысяч воинов-кабардинцев[370].

Воинские формирования из Дагестана и Кабарды, входя в состав русского корпуса, особо проявили себя в 1790 году, когда на Северном Кавказе была разбита 30-ти тысячная турецкая армия во главе с Батал-пашой[371]. В штурме крепости Анапы отличились отряды кабардинцев под командованием князя Атажуко Хамурзина. Правительство отметило ряд кабардинцев и дагестанцев наградами и чинами[372]. Так, дагестанцы Гирей-хан Чепалов, Муртузали Ахматханов, Ибрагим Албюрю Аджиев, Али Алхасов, два узденя эндерейских – Даций Таймасханов получили чин капитана, а Хамза Алишев – чин подполковника[373].

* * *

Военно-политический союз Кабарды и России, сложившийся в середине XVI века, сыграл важную роль в установлении политических и экономических связей чеченцев и ингушей с русским народом. Во второй половине XVI века в Притеречье существовали казачьи поселения, были также построены русские крепости (Терский город – 1567 г. и Сунженский острог – 1651 г.), жители которых имели тесные контакты с местным горским населением, в том числе и с вайнахскими обществами. Эти связи носили разносторонний характер и хорошо отражаются в русских документах XVI–XVII веков[374].

Установившиеся в этот период прочные связи Кабарды с Русским государством оказали положительное влияние в ориентации горских обществ Чечни и Ингушетии на Россию. Например, владельцы аккинцев-ауховцев, многие из которых служили в Терском городе, под влиянием кабардинских князей Сунчалеевичей (Черкасских) обращаются в конце XVI – начале XVII веков к русскому правительству с просьбой о «подданстве». В 1605 году во время поездки кабардинского князя Сунчалея Канклычевича в Москву его сопровождал известный окоцкий владелец Батай Шихмурзин[375]. Другой вайнахский владелец Салтан-мурза, обращаясь к терским воеводам писал, что слышал от узденей и брата своего Ших-мурзы Окоцкого, что «кабардинские все князи били челом в службу государю вашему, а яз ныне хочу государю ж служити по свою смерть, кака государю вашему служил брат мой Ших-мурза Окоцкий»[376]. В русских документах XVII века называются имена многих окочан, которые служили в Терском городе: Кохостров Бийтемирев, Айбирь-мурза Костров (или Кохостров), Чербаш Даврукoв, Чербаш Айбеков и другие[377].

Успешная деятельность князей Сунчалеевичей (Черкасских) по распространению русского влияния среди горских обществ находила высокую оценку в Москве[378]. В 1614 году Сунчалей Канклычевич был пожалован царем Михаилом Федоровичем за службу «княжим именем, велел ему быть над Окочаны надо всеми и над Черкасы, которые государю на Тереке служат, князем, судить и в ратном строении и во всяких делах ведать... и на свою государеву службу с ними самому князю Сунчалею ходить и в поход их з государевыми людьми... посылать»[379].

В октябре 1640-го – июне 1641 года из Терского города в Москву отправились посланцы Келемета (Кельмамета) Черкасского – уздень Румуков и окоченец Чербаш[380]. Спустя шесть лет терский воевода В.А. Оболенский сообщал в Посольский приказ о приведении чеченцев в русское подданство князем Муцалом Сунчалеевичем Черкасским – «... в прошлом де во 154 году ехали из Мичкиския земли ясычные мичкизеня с ясаком в твою государеву отчину в Терский город... а тех де, государь, мичкизень по твоему государеву указу призвал он, князь Муцал, под твою государеву высокую руку в вечное неотступное холопство...»[381].

Средневековый чеченский башенный комплекс

В проектах о таможенных привилегиях для горских народов, составленном кизлярским комендантом Н.А. Потаповым в 1764 году, упоминаются «гораздо зажиточные люди из кабардинцев, осетин, киштинцев и других наций»[382]. В 1747 году жители общества и одноименного аула Герменчук пригласили на княжение офицера русской службы Давлет-Гирея Черкасского[383]. В том же году жители деревни Чебутли согласились быть в российском подданстве в «ведомстве князя Давлет-Гирея» За этим последовали присяги Алдинского общества и аула Шали[384].

По мнению Ш.Б. Ахмадова, главные торговые пути, по которым чеченцы и ингуши поддерживали экономические связи с Россией и соседними народами Северного Кавказа и Закавказья являлись сухопутные магистрали. Один из торговых путей начинался от г. Астрахани и пролегал через степь в Терский городок, а оттуда шел в город Тарки, находящийся на земле кумыков. Другая дорога вела от г. Тарки до Сунженского городка, затем шла вверх по реке Сунже и через владения малокабардинских феодалов уходила в Восточную Грузию. Ш.Б. Ахмадов считает, что существовала и более древняя дорога, которая шла от берегов Черного моря и генуэзских колоний через земли западных адыгов, карачаевцев, кабардинцев и далее по Тереку через территорию Юго-Западной Чечни в Дербент и страны Востока[385].

Как видим, все пути пролегали через город Терки или шли по реке Терек. Н.П. Гриценко отмечал: «Терек в свое время сыграл почти ту же роль для народов Северного Кавказа, как и Волга для Среднего и Нижнего Поволжья. Терек являлся связующим звеном русского и кавказского народов»[386]. С момента своего осно-

Ингушские средневековые башни

вания Кизляр и Моздок стали главными пунктами обменной торговли на Северном Кавказе. В Моздоке кроме ежедневной городской торговли, понедельник и суббота являлись постоянными базарными днями, а с 25 апреля и с 19 сентября ежегодно в течение недели здесь организовывались большие ярмарки, куда доставлялись товары со всего Северного Кавказа[387].

В 1743 году «начальный чеченский владелец Айдемир верности службы засвидетельствовал России и обещал в случае приближения неприятеля выступить против него»[388]. А в апреле 1744 года руководители Осетинской духовной комиссии сообщали в канцелярию Синода, что «чеченский владелец Айдемир с племянниками своими Алибеком и Султаном получают от Ея Императорского Величества жалование и с Россиею в союзе, для чего и сына ево имеется в Кизляре аманатом»[389].

Как было уже сказано выше, благодаря усилиям Давлет-Гирея Черкасского в 1747–1748 годах в российское подданство вступили Герменчук, Чебутли, Шали, Алди и другие чеченские общества. В 1756 году «старейшины и прочей народ» этих обществ «учинили присягу, просили, чтоб под протекцию России приняты были»[390]. С 1756 года другие вайнахские общества тоже ставят вопрос о принятии их в подданство России[391]. Чеченские владельцы Арсланбек, Бартыхан и Магомед Айдемировы в письме к кизлярскому коменданту И.Л. фон Фрауендорфу в 1756 году, ссылаясь на пример кабардинских владельцев, обращались с ходатайством принять их на русскую службу[392]. В тот период в подданство России вступили и карабулаки. В 1762 году в присутствии официального российского представителя решение об этом было принято на массовом сходе двадцати двух старейшин, которые представляли восемь наиболее крупных фамилий[393].

В 1768 году для приведения принятия присяги в Чечню из Кизляра был направлен ротмистр Адиль Черкасский. В его донесении кизлярскому коменданту Н.А. Потапову говорилось: «Все старшины и народ, вследствии вашего превосходительства письма и моего объяснения согласно объявили, что они... надеятся на высочайшую Ея Императорского Величества милость и благоволение, имеют состоять в прежней верности своей и данную от себя при Червленском горячем колодце присягу навсегда сохранять будут без нарушения, в подтверждении которой, собравшись в мечети, весь народ через алкуран выговаривал, что оне во всякой верности к Российской стороне быть имеют и не только Алисолтану последовать не хотят, но ежели настоящий их владелец Росланбек Айдамиров на какие-либо предерзости поступит, то и его за владельца не считать и с ним не будут сообщаться...

А бывшие в собрании при нас чеченские и алдынские старейшины... сказали, что они Россиею весьма довольны...»[394].

В феврале 1770 года 24 ингушских старейшины «присланные от всего народа их общества» в Кизляр изъявили «усердное желание поступить в вечное... подданство» России[395].

Кизлярский комендант А.М. Куроедов в донесению к князю Г.А. Потемкину говорил о большой работе, проведенной капитаном князем Бековичем-Черкасским и подпоручиком Зориным – «достойных и справных офицеров» в выработке и проведении церемонии договорного оформления вхождения в состав России части чеченских обществ, подписанного 21 января 1781 года[396]. Четвертый пункт текста договора гласил: «Быть нам старейшинам и всему народу с верноподданными кумыками, кабардинским, осетинским народами в добром согласии, так как одной державы и Отечества, и ни под каким видом неприятельских дел не начинать каковые произойти могут»[397].

Ингушский и чеченский народы всегда оказывали братскую помощь кабардинцам в их борьбе с турецко-крымскими вторжениями. На основе анализа русских документов XVII века можно привести многочисленные примеры (в 1615, 1619, 1641, 1646, 1651, 1675, 1678 и т.д.) совместных выступлений горцев по охране пограничных рубежей России, их активного участия в дипломатических мероприятиях по улучшению взаимоотношений Русского государства с другими горскими народами[398]. В 1640–1670 годах объединенные отряды чеченцев, ингушей и кабардинцев, возглавляемые Муцалом Сунчалеевичем и Казбулатом Муцаловичем Черкасскими совместно с русскими войсками нанесли ряд поражений Крымскому ханству. Это значительно стабилизировало политическую обстановку в южных районах России[399].

Совместная борьба против общих врагов имела место и в XVIII веке. В 1736 году, затем в 1787–1791 годах, кабардинцы совместно с чеченцами и ингушами принимали активное участие на стороне России в войнах против Турции и Крыма[400].

* * *

Присоединение Осетии к России явилось закономерным процессом, в котором немаловажную роль сыграла огромная предварительная работа, проведенная Осетинской духовной комиссией. По мнению М.М. Блиева, российское правительство стремилось превратить ее в инструмент, с помощью которого пыталось реализовать свои планы на Центральном Кавказе[401]. Комиссия, развернув свою деятельность с 1745 года, опиралась на поддержку кабардинских князей. Еще до ее отправки в Осетию канцлер А.П. Бестужев-Рюмин предложил воспользоваться услугами таких влиятельных кабардинских князей как Магомед Атажукин и Адильгирей Гиляхстанов, которые могли обеспечить безопасность миссионеров[402]. В декабре 1744 года Синодом были выданы членам духовной комиссии рекомендательные письма к кабардинским владельцам Адильгирею Гиляхстанову, Мудару Жангерову и Батырмирзе Мударову[403].

В начале мая 1745 года кизлярский комендант князь В. Оболенский сообщал в Синод о пропуске миссионеров в Кабарду[404]. Здесь члены комиссии

остановились у кабардинского князя А. Гиляхстанова, у которого находились несколько дней. Архимандрит Пахомий в своем донесении сообщал, что, «... владелец Альдигирей нас принял с почтением..., а по трех днях поехал с нами и провел нас даже в свое Татартупское владение..., и 15 мая повел нас оный князь Альдигирей к Осетии»[405]. «Татартупское владение» князя А. Гиляхстанова благодаря своему географическому расположению играло важное военно-стратегическое и торговое значение в крае. Поэтому его владелец являлся одним из наиболее влиятельных северокавказских феодалов в середине XVIII века.

О том, что Осетинская духовная комиссия получала с самого начала существенную поддержку со стороны кабардинцев свидетельствует и такой примечательный факт, как основание миссионерского учреждения («подворья») на территории Малой Кабарды при «Баруковом кабаке»[406]. В 1765 году Турция выразила протест указав, что расположение Осетинского подворья в Кабарде противоречит условиям Белградского договора[407].

Русские документальные материалы XVIII века, в которых отражаются русско-осетинские отношения, показывают, что кабардинские владельцы играли в них регулярную активную посредническую роль. Поручик Осетинской духовной комиссии А. Бибирюлев в декабре 1747 года доносил в Синод об отправлении из Кизлярской крепости конвоя для препровождения архимандрита Пахомия из Осетии в Кизляр и о возможной помощи со стороны князя Адильгирея Гиляхстанова в присылке туда же игумена Николая и его брата Кайхосро Махотелова[408].

С просьбами о содействии и помощи руководители комиссии обращались и к владельцам Большой Кабарды, в частности к влиятельному князю Магомеду Кургокину[409].

В упрочении русско-осетинских отношений важную роль сыграла поездка представителей осетинских обществ в Петербург в середине XVIII века. Их посольство на пути следования в Кизляр остановилось в Малой Кабарде у узденей Анзоровых[410].

Материалы переговоров первого осетинского посольства с русским правительством хорошо отражают состояние кабардино-осетинских взаимоотношений в XVIII веке. В записи беседы, прошедшей 29 октября 1751 года между статс-секретарем и советником Коллегии иностранных дел В.М. Бакуниным и осетинскими старшинами, входившими в посольство, был затронут вопрос о внешнеполитическом положении Осетии. В ней говорилось: «... они со всеми кабардинскими владельцами, а паче с Альдигиреем Гилаксановым издавна имеют дружбу и соседство, и во время неприятельских на Кабарду приходов оные владельцы малолетних своих детей для лучшего охранения присылают к ним в Осетию. И поэтому они от кабардинцев опасений не имеют»[411]. Как на своего главного противника, от которого терпят урон, послы указали на Крымское ханство[412].

Посольство пыталось в переговорах решить вопрос о переселении осетин на плоскость, в связи с чем осетинские старшины просили содействия правительства России о переходе их селений на предгорные равнины Центрального Кавказа по течениям рек Фиагдон и Ардон, «выше кабардинских Али Мурзиных и Анзоровых деревень от 10 до 15 верст»[413]. Учитывая тогдашние сложные взаимоотношения России с Турцией, русское правительство не могло удовлетворить просьбу осетин о переселении на плоскость. Им были даны лишь льготы в отношении торговли в Кизляре и Астрахани, в частности, они были освобождены от торговых пошлин, и в Кизляре им выдавались «кормовые деньги»[414].

Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин считал, что в развитии русско-осетинских отношений важное значение будет играть дальнейшее покровительство осетинам со стороны кабардинских князей. 29 января 1752 года он обратился с посланием к известному владельцу Малой Кабарды князю Адильгирею Гиляхстанову. В нем говорилось: «... оные осетины по ближнему их с вами соседству через ваше владение в Кизляр для торгов и прочих своих нужд ездить имеют, ...я вам рекомендую и впредь с оными жить в дружбе и в добром согласии, и в случае их проезда давать им до городка Червленного проводников...»[415]. Архимандрит Пахомий, возглавляющий Осетинскую духовную комиссию, в свою очередь предлагал в случае положительного решения вопроса о переселении определить к осетинам «для надзирания князя черкесского Елимирзы (т.е. Эльмурзы Бековича-Черкасского) генерала сын ротмистр Довлат-Гирей...»[416].

Представители осетинских владетелей видя, что правительство России в сложившейся ситуации не может решить вопрос об их переселении на плоскость, начали самостоятельно, пользуясь личными связями с кабардинскими феодалами, выходить со своими селениями из горных ущелий. Донесение архимандрита Пахомия свидетельствовало об этом следующим образом: «... один из дигорских владельцев, в Кашкатове, живший в Кабарде, и у тамошнего кабардинского князя Кисинова сына Каззы друг был одному дигорскому владельцу, у оного Каззы взял сына и привез во свое жилище и потом поселился на ровном своем месте, где малая текущая река именуемая Дурдурий, промеж двумя текущими реками Урас, Хвас и Урас-Донс»[417].

Таким образом, русско-осетинские связи приобрели в тот период разносторонний характер как в экономическом, так и в политическом плане. Возможность решения в перспективе такого важного вопроса, как наделение землей на плоскости, рождало у осетин большие надежды в укреплении их экономического положения. Хотя юридически не было еще возможным обеспечение внешней безопасности Осетии, сам факт установления русско-осетинских отношений и их развитие в 50–60 годы XVIII века создавали для осетин благоприятную обстановку. В этом отношении, по мнению М.М. Блиева, определенное значение также имели попытки русского правительства привлечь кабардинских князей к «охране» Осетии[418].

Осетинское посольство в Санкт-Петербурге

Основание в 1763 году г. Моздока значительно усилило военно-политические позиции России в этом регионе. Это обеспечивало утверждение русского влияния не только на Северном Кавказе, но и давало возможность более прочных связей с Грузией. Во всех этих процессах Кабарда по прежнему продолжала играть весьма положительную роль.

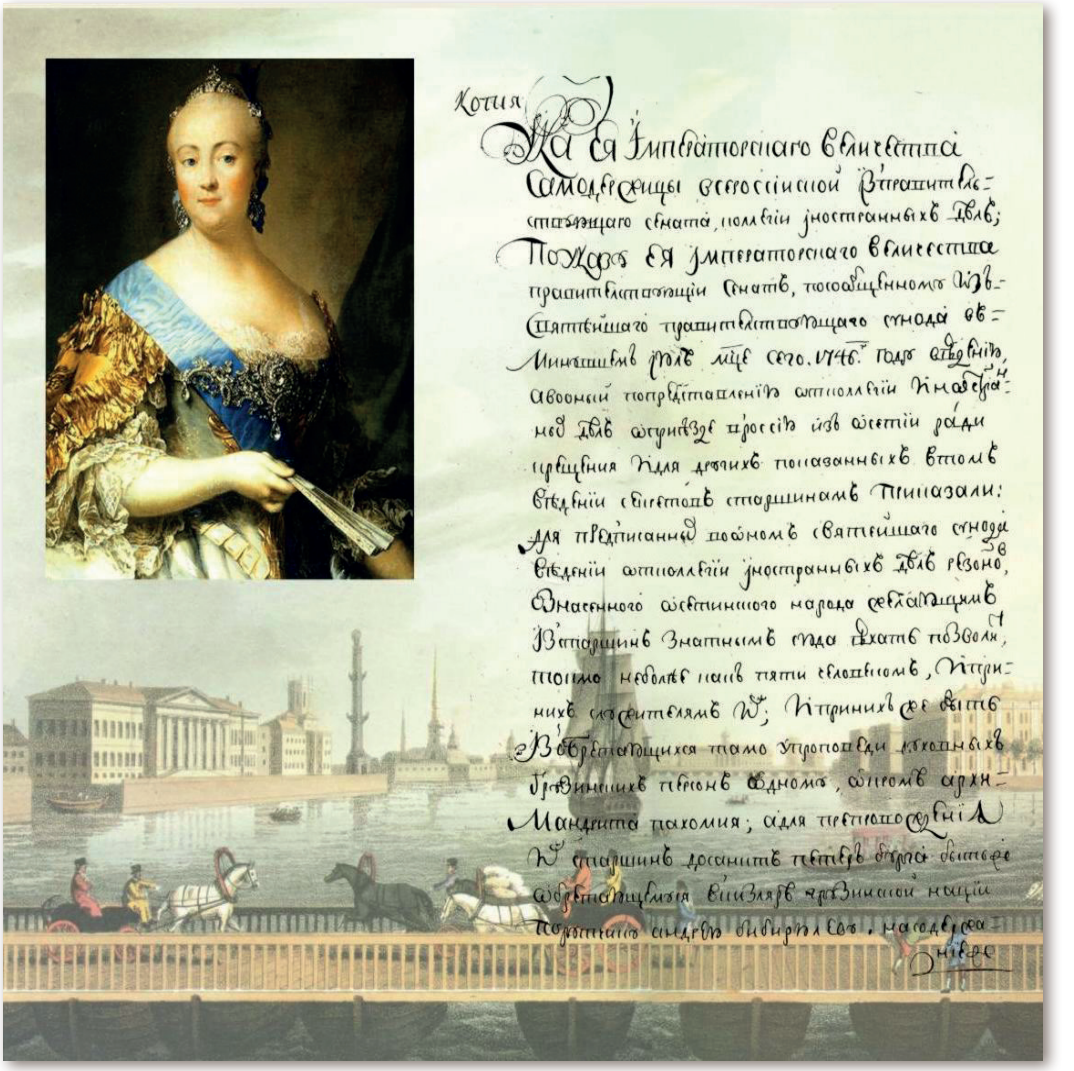
Как показывают документы, в описываемое время, малокабардинскому владельцу Асланбеку Талостанову, за налаживание отношений с осетинами, «живущими на дороге в Грузию», русское правительство определило ежегодное жалование[419].

Кабардинцы оказали значительную помощь геологическим экспедициям в Осетию, организованным правительством России в 60-е – начале 70-х годов XVIII века. Коллегия иностранных дел испытывала затруднения в организации разведки залежей цветных металлов на ее территории из-за сложных политических событий. В рескрипте, направленном ею астраханскому губернатору Н.А. Бекетову в декабре 1767 году говорилось: «Щастливая только война с Портою Оттоманскою, начинаемая когда либо со здешней стороны по важным причинам или с ее стороны объявляемая по каким-либо намерениям может облегчить предприятие горных работ как в Осетии, так потом и в других тамошенных местах. Ибо для того надобно будет при воспоследуемом мире употребить все старание выговорить в здешнее подданство кабардинский народ как в тамошней стороне знатнейшим почитаемой и примеру которого и другие следуют»[420].

Одним из членов первой геологической экспедиции ротмистр А. Киреев в докладной записке от 21 июля 1768 года о поездке в Осетию писал: «... во-первых, заехали в жилище Малой Кабарды владельца Росломбека Таусултанова, но, не получа ево в доме, явились той же Кабарды ко владельцу Ботоке Таусултанову, коим приняты ласково, и под провожанием ево проезжали во осетинское подворье. А оттуда в Куртатинский уезд, где оной владелец Боток остался...»[421].

Следующая экспедиция в Осетию была направлена в 1771 году под начальством ротмистра А. Батырева и горного мастера А. Кирхнера. Сопровождали экспедицию кабардинские уздени Давлатуко и Ботоко Анзоровы, Мисост Дыкинов[422]. Рапорт Батырева от 2 декабря 1771 года о результатах его

экспедиции в Осетию наглядно раскрывает ту большую роль, которую играли кабардинские владельцы в налаживании и упрочении русско-осетинских отношений. Члены этой экспедиции были задержаны куртатинским влиятельным осетинским феодалом Бахтыгиреем Есиевым, у которого осенью 1769 года в стычке с военной командой казаков был убит брат.



Указ Елизаветы Петровны о русско-осетинских переговорах (*1746*)

В этой сложной ситуации когда работа экспедиции могла прерваться в переговоры с Б. Есиевым вступил Ботоко Анзоров. В указанном документе говорится: «Почему он (т.е. Анзоров. – *Ред.*) поехав к нему, и уговаривал и чрез то не стал препятствовать, потому что оной уздень убитому казаками доводился в емчекстве и при том же он, объявляя тому старшине Есиеву, что

де о сем нечаянном убивстве Россия поныне не ведает, ныне как он, так де и я о сем главной команде донесть имеем может и оставлен монаршескою милостию не будешь. А оной узден Ботока в сем нужном случае услужил и впредь а Российской стороне служить в нужных необходимых случаях будет»[423]. Таким образом, благодаря усилиям кабардинского первостепенного узденя Б. Анзорова, экспедиция смогла продолжить свою работу.

В результате успешного завершения для России войны с Турцией (1768–1774 годов) был заключен Кючук-Кайнарджийский договор, который ликвидировал все препятствия политического характера в деле присоединения Осетии к России. Это стало возможным благодаря 21 статье договора, согласно которой был ликвидирован так называемый «нейтралитет» Кабарды. Учитывая существовавшую определенную связь осетин с кабардинцами, русское правительство считало уже решенным вопрос присоединения Осетии к России.

В своем рапорте правительству астраханский губернатор отмечал: «Как Кабарда почитает осетинский народ своим подданным, то и оный, с нею соединенный подлежит к здешней стороне»[424].

Глава Коллегии иностранных дел России Н.И. Панин сообщал князю Г.А. Потемкину, что осетины «с управлением Кабардинского народа губернатором астраханским находятся в связи и соответствии неразрывных, и дело имея с одним народом, надобно иметь уже и с другим»[425]. Таким образом, в 1774 году основная часть Северной Осетии вошла в состав России, что имело объективно прогрессивное значение для политической, экономической и культурной жизни осетинского народа[426].

Соседние горские народы неоднократно выступали совместно против иноземных захватчиков. В 1770 году была создана «Горская команда» из кабардинцев и осетин в количестве 206 человек[427]. Она вошла в состав военного гарнизона Моздока, и в период русско-турецкой войны приняла в ней активное участие.

Кабардинцы и осетины вместе с русскими войсками участвовали 3 июня 1774 года в сражении под Моздоком против крымско-турецкого войска[428]. В 1780-х годах по указу Г.А. Потемкина были созданы боевые команды из кабардинцев, осетин и ингушей[429]. Приказ Потемкина от 26 декабря 1786 года устанавливал относительно Кабарды: «Обе Кабарды должны составлять общество военное, по примеру прочих легких войск. Князьям и узденям отворяется путь по службе их». В Большой Кабарде предполагалось организовать 6 сотен, в Малой Кабарде – 3 сотни[430].

Под командованием генерал-майора Горича (кабардинца по происхождению) эти команды приняли активное участие в русско-турецкой войне 1787–1791 годов, впоследствии они служили «с отличием и против шведов»[431]. Большое количество особо отличившихся из числа горцев были представлены к награждению. Среди особо отличившихся первый владелец

кубатийский Кирман Кубатиев, которому был присвоен чин секунд-майора, владелец Айтек Туганов и старшина Кайтук Байгириев были пожалованы в капитаны[432].

Одним из важнейших последствий присоединения Осетии к России являлось возникновение осетинской письменности, распространение грамотности и усвоение осетинами русского образования и культуры[433]. Во многом этому способствовала деятельность Осетинской духовной комиссии. 24 апреля 1775 года астраханский губернатор П.Н. Кречетников отмечал: «Как уже от 2 декабря 1774 года Вашему Императорскому Величеству реляциею моею донесено, что, сами Малой Кабарды два владельца Кайтука и Келемет Ахловы, и потом все осетинские старшины двадцать человек письменно просили Осетинское подворье возобновить и в том строении помогать обещались защищением от разных нападений и сами вышед из гор, около оного поселитца»[434].

* * *

В середине XVI века северокавказские абазины вместе с адыгами обратились к русскому царю за помощью в борьбе против агрессии турецко-крымских войск. Прибывшие в Москву к царю Ивану IV «черкасские государи князи Маашук-князь да князь Иван Езбозлуков да Танашук князь били челом, чтобы их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»[435]. В 1555 году в Москву «приезжал «Тутарык-князь, Езболуев княжий сын», здесь он крестился, «и в крещении Тутарыку дали имя князь Иван»[436] Е.Н. Кушева и Ч.Э. Карданов считают, что Иван Езболуев был абазинским князем[437]. По мнению Е.Н. Кушевой, именно Тутарык упоминается под именем абазинского мурзы Додоруко «в родословной Черкасских князей», составленной в XVII веке[438].

Впоследствии внук Додорука (Тутарык) Кази был крещен под именем Василия Кардануковича Черкасского, и остался в России. Он женился на дочери влиятельного боярина Ивана Мстиславского. В 1598 году Василий Карданукович был возведен в боярский сан.

В одном из документов за 1591 год упоминается, что князья Борис (Хорошай) Камбулатович и Василий Карданукович Черкасские встречали посланцев Мамстрюка Темрюковича Черкасского в Москве, где ему «они помогли купить и подарили в общей сложности – 36 панцырей»[439].

Князь Василий Карданукович участвовал в Ливонской войне, а также возглавлял полк во время отражения нашествия крымского хана на Москву в 1591 году. Многие годы он нес охранную службу на южных рубежах страны, был воеводой в Смоленске и Переяславле-Рязанском. В 1607 он году был убит сторонниками Лжепетра[440].

В то же время взаимоотношения кабардинцев и абазин продолжали укрепляться. В 1614 году родной брат боярина Василия Кардануковича Чер-

касского Алкас Карданукова вместе с Кулмурзой Кайтукиным (двоюродный брат Кази Пшеапшокова) ездили в Терки в качестве личных представителей Кази Пшеапшокова с прошением на имя царя Михаила Федоровича о присылке ратных людей против «недругов» Кази[441].

В следующем 1615 году, как упоминает документ, предупредить Казия Пшеапшокова о походе крымского хана на адыгов приезжал уздень абазинского князя Арзубека[442].

Взаимоотношения кабардинцев и абазин вытекали из сложного комплекса отношений между Россией, Крымским ханством и народами Северного Кавказа. Будучи союзниками, они в зависимости от политической ситуации иногда занимали противоположные стороны. Известны случаи и набегов друг на друга[443].

Абазины Северного Кавказа вместе с адыгами вели многовековую борьбу с крымской агрессией, но не всегда могли противостоять экспансии ханов и их вассала Малого Ногая и вынуждены были временами подчиняться диктату. Так, в отписке Терского воеводы от 6 августа 1616 года, где говорится о приготовлениях крымского хана к походу через Северный Кавказ в Закавказье в числе народов, участвовавших в этом походе, упоминаются и абазины[444]. Но в целом в борьбе с турецко-крымской агрессией абазины, как и кабардинцы, ищут поддержки и покровительства Москвы.

Удаленность абазин от русских пределов препятствовала тогда установлению прочных связей с Русским государством, которые во многом зависели от позиции Кабарды, находившейся между абазинами и ближайшими русскими укреплениями[445].

В 1634 году абазинский князь (мурза) Кумургука Отлепшукин Лоов в Терской крепости сообщал: «брат его большой Цека-мурза абазинской владелец, с ними, з братьею своей 12 человек, и с со всеми своими абазинскими людьми... прислали ево, Кумургуку, бити челом тебе, государю... чтобы ты, государь, их пожаловал, велел им, Цеке з братьею, и со всеми своими людьми быть под твоею государевою высокою рукою»[446].

Отношения кабардинцев и абазин, как мы отмечали, периодами осложнялись. Одной из причин этого, наряду с другими, была феодальная раздробленность обеих народов, и различные политические ориентиры феодальных группировок. Турецкий султан и крымский хан, недовольные укреплением русско-кабардинских связей, настраивали против сторонников русской ориентации на Северном Кавказе шамхала Тарковского, а также группировку кабардинских князей, придерживавшихся крымской ориентации. Москва, в свою очередь, оказывала прорусски настроенным феодалам существенную помощь[447].

О раздробленности абазин свидетельствует тот факт, что на верность России в 1634 году присягал только один абазинский князь: Лоов Кумургуко. Но уже в 1643 году абазинские князья Хачмка Джантемиров, Саралп Лоов,

Казый Доруков, Кансох Бибердов, Алкас Бегишев и Джаным вместе с кабардинскими князьями Алегуком и Хатохшоко (Атажуко) присягнули на верность России[448]. Здесь следует добавить, что кабардинские князья Алегуко Шогенуков и Хатохшоко Казиев после разгрома своих противников в Малкинской битве 1641 года, боясь последующих нападений феодальной группировки, которую поддерживало русское правительство, ушли «за Кубань реку под Абазы»[449].

Некоторые абазинские князья находились в феодальной зависимости от князей кабардинского рода Кайтукиных. Поэтому, когда Алегуко и Хатохшоко, чтобы дать присягу России, приехали в Терский город из абазинских земель, где скрывались от своих противников, их сопровождали и абазинские владетели. Можно сказать, что абазинские князья присягнули России под влиянием и при непосредственном участии кабардинских князей[450].

Во время беседы в Коллегии иностранных дел Магомед Атажукин (он был послом от кабардинских феодалов в российской столице) говорил, что «абазинский народ из древних лет еще у предков их, кабардинцев, во владении были»[451]. В качестве давнего местожительства абазин Атажукин указал левую сторону реки Баксан, где до 1723 года находилось, по его утверждению, 800 абазинских дворов, которые могли бы выставить 2000 воинов[452].

Крымско-турецкая агрессия, вне всякого сомнения, была одной из важнейших причин переселения части абазин с реки Кубани ближе к кабардинцам, к реке Баксан. Ведя борьбу за независимость, абазины всегда вынуждены были учитывать военно-политическую обстановку и прибегали к тактике лавирования. Когда в 1745 году на абазинские селения напал кубанский сераскир с целью взятия у них ясака, то ему объявили, что абазины – подданные российские, «а ведомства владельца Араслан-бека Кайтукина», и отказались платить дань. Тогда произошел бой на реке Лабе, со стороны сераскира были убиты 100 ногайских воинов и мурза Кагай Сыртланов. Абазины также понесли большие потери, погиб абазинский владелец Касай Лоов и 80 его знатных узденей»[453].

В 1748 году Турция жаловалась в Петербург на кабардинцев, которые укрывают у себя абазинских беглецов из Закубанья и сами «сильно уводят и внезапными на Кубань побегами» причиняют вред турецким подданным[454]. В ответ на «жалобу» Турции России, кабардинские князья сообщили русскому правительству, что «абазинский народ точно издревле наш, и деды и прадеды их нам были послушны, и хану крымскому никакого до них дела нет[455].

Эти «жалобы» турок были очередным поводом для их вмешательства в дела кабардинцев, которые после Белградского мира 1739 года получили «независимость»; кабардинские же феодалы считали, несмотря на превращение реки Кубань в границу, абазинов своими подданными, и поэтому переходили границу, которую без них установили во время заключения мирного договора в 1739 году. Так, в 1764 году «баксанские владельцы отъехали

за Кубань, ради усмирения и приведения под свою власть подвластных им абазинцев, алтыкесек называемых»[456].

Абазины (тапанта) обитали как по реке Куме, так и по обеим берегам Кубани, что являлось источником многих дополнительных споров между Россией и Турцией. Российское правительство решительно отвергало притязания крымского хана на абазинов-алтыкесеков. При этом пресечены были старания хана Арслан-Гирея распространить свою власть и на Кабарду. Россия указала турецкому правительству, «что кабардинцы, как древние покровители абазинцев, при заключении Белградского договора получили подтверждение прежних своих прав; следовательно, притязания крымского хана на абазинцев нарушают свободу кабардинцев»[457].

Абазины, особенно тапанта, тяготились зависимостью от кабардинских князей, и искали случая с помощью России освободиться от этого зависимого положения. Но абазинский вопрос был частью другого, более важного в то время для России – кабардинского. В силу этого и политика России в отношении абазинов зависела от событий вокруг Кабарды[458].

В 1767 году кто-то из абазин (тапанта) убил кабардинского князя, последние немедленно предприняли меры и стали разорять абазин. В такой ситуации абазины (тапанта), не получая поддержки от России, ищут ее у крымского хана[459]. В 1774 году в лагере крымского хана на реке Малке находились тапантовцы и другие абазины. Этот поход не имел успеха, но нас в данный момент интересует позиция некоторых абазинских феодалов, которые, не находя поддержки у России в борьбе с кабардинскими феодалами, стали на сторону Крыма, который в свою очередь, использует их в борьбе с Россией.

После Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года Россия создает укрепленную линию от Азова до Моздока. Через десять лет возникают русские укрепления по соседству с абазинами: Прочный Окоп и Преградный Стан, а также ряд редутов: Невинномысский, Убеженский, Григориполис и Темишбек[460].

В русско-турецкой войне 1787–1791 годов на Северо-Западном Кавказе активно действовал отряд в девять кабардинских сотен под командованием Ивана Горича Большого (Бегидова) – кабардинца по происхождению. На сторону России перешли и некоторые абазинские и бесланеевские владетели с их подвластными[461], принимавшие участие в войне с Турцией. Надо думать, что это произошло не без влияния кабардинских князей.

* * *

Издавна во внешнеполитических связях Грузии важное место занимали северокавказские народы, в частности кабардинцы. Грузины, являясь их непосредственными соседями, поддерживали с ними тесные экономические, политические и культурные контакты. Как показывают исторические источники, начиная с XVI века взаимоотношения Грузии и Кабарды были обу-

словлены общностью политических интересов – с одной стороны, они диктовались борьбой против ирано-турецких захватчиков, с другой – оба народа стремились к сближению с Россией. Учитывая, что именно через Кабарду, которая занимала центральное положение на Северном Кавказе, пролегал путь из Грузии в Россию, становится понятным огромное значение кабардино-грузинских связей в развитии русско-грузинских отношений.

С 1557 года и на протяжении XVI–XVII веков кабардинские и грузинские посольства совместно представляли в Москве интересы своих народов. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные документальные материалы[462] и специальные исследования, посвященные русско-кабардинским, грузино-русским и грузино-кабардинским взаимоотношениям[463].

Особенно тесными были связи между Восточной Грузией (Картли и Кахети) и Кабардой. Прибывшее летом 1557 года в Москву кабардинское посольство, обращаясь за покровительством к московскому царю и прося его о помощи в борьбе с врагами, заявило, «что с кабардинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверский князь и вся земля Иверская (Кахети. – *Ред.*) и государю с ним же бьют челом, чтоб государь царь и великий князь их потому же пожаловал, как и тех всех»[464].

Документы Посольского приказа отражают большую роль, которую сыграл в развитии связей с Кахети во второй половине XVI века один из первых кабардинских дипломатов Хуршит. В этот период он служил при кахетинском дворе и принимал активное участие в переговорах с Россией в 1586 году[465]. Спустя год, Хуршит сопровождал русских послов Р. Биркина и П. Пивова в Грузию. 27 июля 1587 года по пути в Кахети посольство прибыло в Кабарду, где ему было оказано всяческое содействие кабардинским князем Алкасом[466]. В 1589 году упомянутый кабардинский владелец оказывал содействие посольству Семена Звенигородского и Торха Антонова в Кахети.

Правительство кахетинского царя Александра придавало важное значение дружественным взаимоотношениям с Кабардой, успешное развитие которых способствовало налаживанию благоприятных связей с Россией. Учитывая, что наиболее удобные пути сообщения проходили через территорию кабардинцев, кахетинские послы обратились в 1598 году к русскому правительству с просьбой о построении военной крепости на границе между Грузией и Кабардой[467].

Контакты Кабарды с Западной Грузией (Имеретия) обеспечивались через «Анзорову Кабарду», непосредственно граничившую с грузинскими областями, и через территорию Балкарии. В мае 1650 года в Имеретию к царю Александру и поселившемуся у него кахетинскому царю Теймуразу I было направлено русское посольство во главе с Н. Толочановым и А. Иевлевым для ведения переговоров. Русские послы прошли путь из Большой Кабарды, поднимаясь по рекам Псыгансу и Черек вверх по ущелью. Преодолев перевал Гезевцек, посольство вышло в Имеретию. Среди балкарских

феодалов, оказавших содействие русско-грузинским переговорам 1650 году, в документах упоминаются Айдабулла, Алибек, Бута, Хабим, Чеполов[468]. Путь, проходивший по рекам Псыгансу и Черек через ущелье, стал постоянно использоваться русскими и грузинскими посольствами. Например, в 1655 году через территорию Кабарды и Балкарии в Имеретию прибыло русское посольство во главе с В. Жидовиным и Ф. Прошиным[469]. Они привезли денежные средства («... 600 ефимков, много соболей...»), выделенные русским правительством кахетинскому царю Теймуразу I в его борьбе с иранскими захватчиками.

Важное значение во взаимосвязях Грузии с Северным Кавказом и Россией имели пути, проходившие через Дарьяльское ущелье и Мамисонский перевал. Путь от Москвы до Грузии различные посольства совершали обычно в один конец за 3–4 месяца, если им не мешали какие-либо обстоятельства. Как свидетельствуют документы, «одна дорога, или скорее тропа из России шла через кавказские горы в Восточную Грузию, Кахетию, куда из города Терки через землю шамхала можно было добраться за 14 дней; а другая такая же тропа шла через Кабарду и спускалась с среднюю Грузию, Карталинию, через Ксанское или Арагвское ущелье, – эта последняя дорога была менее опасна»[470].

В XVIII веке важное значение приобрел путь через Дарьяльское ущелье, известный впоследствии как Военно-Грузинская дорога. Когда в 1733 году русское правительство предложило Вахтангу VI представить письменно свои соображения о путях из России в Грузию, по которым могли выступить войска, картлийский царь назвал две дороги: одна – через Шемаху и вторая – через «Хеви», ущелье, в котором брал свое начало Терек. Давая характеристику второму пути, Вахтанг VI писал: «Другою дорогою, которою течет Терек река, Хевинскою, от черкесского князя Хазы (Кази. – *Ред.*), коему дается Ея Императорского Величества жалование, до которого от гребенских казаков в сутки езда, а от Хазы до Чимита верст с тридцать»[471].

По указанным выше дорогам из Грузии в Малую Кабарду можно было попасть за несколько дней[472]. Наиболее благоприятным для сообщений между Грузией, народами Северного Кавказа и Россией являлось летнее время[473]. С 1774 года, когда были упразднены Арагвское и Ксантское эриставства, стало более свободным движение через Дарьяльское ущелье.

Говоря о политических связях Грузии, Кабарды и России в XVI–XVIII веках, надо указать на роль института проводничества в этих взаимоотношениях. По мнению В.Н. Гамрекели, который отвел этому вопросу специальное место в своем исследовании, проводничество являлось феодальным институтом, имевшим форму покровительства, подарков, услуг по взаимности[474].

Обильный документальный материал XVIII века, связанный с этой традицией, относится к кабардинским феодалам. На дорогах, ведущих из Грузии в Россию и обратно, они обеспечивали безопасность государственных

Город-крепость в Восточной Грузии XVII в. Рис. Хр. Кастелли

Царь Таймураз I с женой. Хр. Кастелли

Русский воин в Грузии. Хр. Кастелли

деятелей, посольств и различных должностных лиц. Известно много случаев, когда проирански и протурецки настроенные горские феодалы нападали на членов русских и грузинских посольств. В таких ситуациях последние всегда находили неизменную поддержку со стороны кабардинцев. Так, в 1653 году они защитили внука кахетинского царя Теймураза Николая, в 1680-х годах – имеретинского царя Арчила, в 20-х годах XVIII века – картлийского царя Вахтанга VI и т.д.

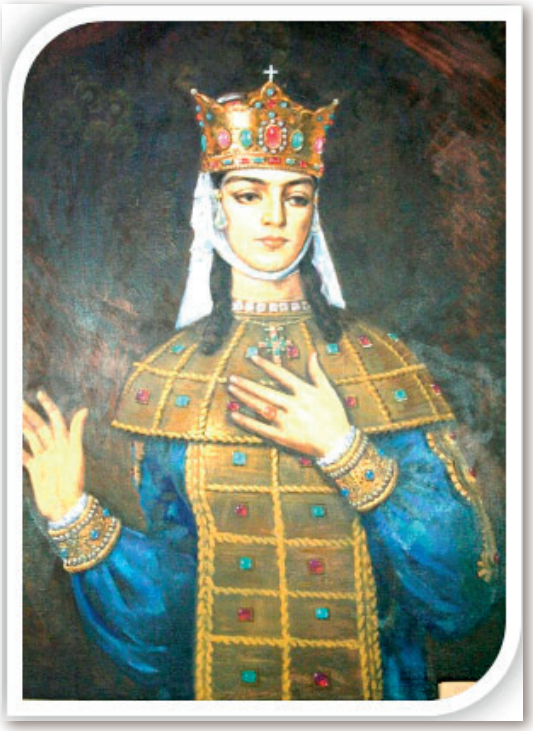
В первой трети XVIII века на этом поприще заметной фигурой был кабардинский владелец Адильгирей Гиляхстанов. Так в 20-е годы, во время перехода Вахтанга VI со свитой через перевал в Дигорском ущелье, он был задержан осетинами. Когда об этом сообщили А. Гиляхстанову, он выехал в тот район «и, когда дигоры его, Алдигирея, увидели, немедленно разошлись и царя грузинского оставили в покое»[475]. Вахтанг VI, будучи в Петербурге в 1725 году, рекомендовал русскому правительству выдавать жалование кабардинским владельцам «Казы, Канчо, Алдигирею», через владения которых проходила дорога в Грузию[476]. Другой малокабардинский владелец Асламбек Талостанов за налаживание отношений с осетинами, живущими на дороге в Грузию, получал от русского правительства ежегодное жалование[477]. Можно обратиться и к более поздним документам. В апреле 1760 года генерал-майор И.Л. Фрауендорф в донесении к астраханскому губернатору А.С. Жилину о прибытии грузинского царя Теймураза на границу с Россией, сообщал, что при нем для препровождения находился князь Малой Кабарды Батоко Алиев с сыном и свитой в 100 кабардинцев[478]. За заслуги, оказанные Грузии и России, многие кабардинцы получали вознаграждения от русского правительства и грузинских царей. Часто им выдавались различного рода жалованные грамоты, дающие право на владение имением и зависимым населением[479].

Хотя на протяжении XVI–XVII веков связи России с Грузией расширялись и крепли, русское правительство в этот период не могло оказывать военной помощи грузинам в их борьбе за свою независимость. Поэтому эти взаимосвязи носили характер дипломатической, а в некоторых случаях финансовой поддержки Грузии со стороны России. В XVIII веках внешние связи и взаимоотношения России с народами Северного Кавказа и Грузией приобретали новый качественный характер. К этому времени Россия выработала новый политический курс в своей восточной политике, и, в частности, по отношению к Кавказу. Если в XVI–XVII веках она ограничивалась укреплением своих позиций на Северном Кавказе и особенно в Кабарде, то теперь сложившаяся международная обстановка требовала ее присутствия в Закавказье.

В этот период на Ближнем Востоке произошла определенная перегруппировка сил. Феодальные распри и удары афганских племен привели к значительному ослаблению Сефевидской империи. Турция, пользуясь создавшимся положением, стремилась захватить иранские владения на Кавказе.

Россия, которая успешно решила в начале XVIII века прибалтийскую проблему, могла активизировать свою восточную политику. С этой целью русское правительство во главе с Петром I организовало поход в Прикаспий, который должен был воспрепятствовать захвату этих территорий Турцией и Ираном и завершиться присоединением к России Дагестана и других районов Восточного Кавказа. В этой борьбе на стороне России активное участие приняли кавказские народы, подвергавшиеся постоянной угрозе со стороны Турции и Ирана.

Русские власти довольно отчетливо представляли, что от позиции, занимаемой кабардинскими владельцами, во многом зависит безопасность коммуникационных связей России с Грузией. В инструкции надворному советнику князю Мауравову от 27 мая 1769 году говорилось: «... Большой Кабарды владельцы, имеющие во всех горских народах инфлюэнцию, считают их себе подвластными, а важные причины были и теперь настоях сих владельцев не раздражать. Вы можете получить обстоятельное известие от кизлярского коменданта о состоянии и обстоятельствах всех тамошних народов, о взаимном их соответствии, о сопряжении их дел и с грузинскими и о здешних в рассуждении их правилах; но без сомнения, ни жители Малой Кабарды, ни осетинцы в проезде вашем с архиереем никакого препятствия не сделают, а охотно вас от места до места проводят и всякое способствование делать будут, к чему однако же кизлярский же комендант подготовить их должен»[480].



Дочь малокабардинского князя Джиляхстана Татарханова. Супруга царя Картли Вахтанга

О большой роли Кабарды в связях России с Грузией говорит и тот факт, что в апреле 1775 года астраханский губернатор П. Кречетников предлагал в Малой Кабарде построить «город» для защиты «лучшей дороги в Грузию»[481].

В первой четверти XVIII века Турция совершила ряд опустошительных походов в Центральное Предкавказье с целью закрепления в Кабарде (1707, 1720). Она стремилась захватить Хевско-Кабардинскую дорогу, которая являлась важной стратегической коммуникацией, соединявшей Грузию с Россией и игравшей важную роль в борьбе России против Турции и Крымского ханства[482]. В 1729 году грузинский царь Вахтанг VI известил генерал-фельдмаршала В.В. Долгоруко-

ва о планах турок построить крепость на Северном Кавказе, в частности, «в Хеви... близ Кабарды и Чеченя». Он писал: «... мое мнение на сие вам доношу, что которые места они требуют под крепости, то место, где Кази бывает, которому от Его Императорского Величества определено жалование. И ежели места оне получат и крепости поставят, то по здешней стране чачан, зурзун, гличви и лезгинцы у них будут. А с той стороны все осети, Большая и Малая Кабарда Черкесская, Крым и Кубань все сообщатся и их будут. И ежели сие так сделается, то я чаю не без обиды российскому государству будет»[483].

Учитывая эти предостережения, русское правительство решило прежде всего укрепить свои позиции в Кабарде. Было принято решение предупредить кабардинцев о намерениях Турции, о грозящей им опасности с ее стороны[484]. В данной ситуации Россия решила уделить особое внимание влиятельным кабардинским владельцам Исламбеку Мисостову и Кази Минбулатову. Причем указывалось: «... помянутой Кази живет в самом ущелье, где проход в Грузию, и тавлинцы в его послушании. Иною дорогою, кроме того ущелья, никак проче не можно. И когда посылаемые от нас провожатых от помянутого Кази, понеже живущие в том ущелье, все ему послушны»[485]. Генерал-фельдмаршал В.В. Долгоруков выделял две основные причины, ради которых России было необходимо усилить свое влияние в Кабарде; так как «... и сначалу и нынче кабардинцы весьма желают быть в нашей протекции»[486]. Одновременно Россия стремилась с помощью Кабарды воздействовать на лезгин, чтобы как-то воспрепятствовать их набегам на Грузию.

В 30-х годах XVIII века российско-турецкие противоречия в отношении Кабарды и Дагестана настолько обострились, что привели к войне между указанными державами. Русская дипломатия в этот период пошла на определенное сближение с Ираном, чтобы иметь в лице последнего союзника или заручиться его нейтралитетом. В декабре 1734 года С. Голицын на конференции с Хулефом Мирзой Кафи – представителем иранского правительства, сообщил ему о намерении крымских и кубанских татар напасть на Кабарду, чтобы, пройдя через Северный Кавказ, соединиться с Сурхай-ханом и произвести нападение на Иран. Представитель иранского правительства выразил надежду, что Россия может помешать турецким планам[487].

В 1735 году Россия и Иран заключили Ганджинский договор, по которому Россия признала власть персидского шаха над Дагестаном. Заключенное соглашение, а также политика, проводимая Россией по отношению к Северному Кавказу, Грузии, вызывали раздражение Турции и обусловили ее разрыв с Петербургом. Правительство России в спешном порядке начало усиливать свои военные укрепления на Северном Кавказе. В Кабарду был направлен грузинский царевич Бакар Вахтангович, состоявший в родственных отношениях с кабардинскими владельческими семьями[488].

В сложившейся ситуации Грузия по-прежнему настойчиво обращалась к России с просьбой о возведении крепости на кабардинской территории.

Так, в 1739 году кутаисский митрополит Тимофей Габашвили, являющийся имеретинским послом в России, напоминал в одном из своих писем вице-канцлеру А.И. Остерману о том, что имеретинский царь Александр просил, чтобы «на пути от российской империи к милетийскому царству между обоими поданными российскими Кабардами горских черкес на реке Терках близ вершин построить российскую крепость, чрез которую крепость все тамошние российские поданные черкесские и горские народы в совершенном подданстве утверждены быть и всякие касающиеся до российской империи от милетийского царства ведомости пересылаться»[489]. Готовясь к отъезду из России в Имеретию, митрополит Тимофей, опасаясь происков турецкой агентуры на Северном Кавказе, ходатайствовал перед русским правительством, чтобы находившийся на русской военной службе полковник Эльмурза Бекович Черкасский специально написал своим родственникам в Кабарду об обеспечении безопасности его проезда[490].

Русско-турецкая война 1736–1739 годов развязала руки Ирану, стремившемуся разрешить проблему Закавказья и Северо-Восточного Кавказа в свою пользу. Надир-шах имел далеко идущие планы. С покорением Грузии и Дагестана, он намеревался захватить Кабарду и выйти к Волжско-Астраханской водной магистрали, создавая непосредственную угрозу южным границам России[491]. Таким образом, сложившаяся политическая ситуация требовала объединения усилий России, Грузии и народов Северного Кавказа и выступления единым фронтом против турецкой и иранской экспансий.

Грабительская эксплуатация Грузии в период господства иранцев привела к экономическому упадку страны. В Восточной Грузии было введено новое административное деление, насаждались иранские порядки управления и налоговая система. Грузинский социально-политический строй («картвелоба») заменялся иранским («кызылбашоба»). Сельское и городское хозяйство были значительно подорваны. Грузия, и в особенности Картли, подверглась беспощадному грабежу[492]. По сведениям грузинского историка XVIII века Папуна Орбелиани в Картли в 1741 году начались выступления против иранцев. Возглавлял их эристав Шанше Эристави. Шах отобрал у него эриставство и передал его карталинскому наибу (наместнику края) Гиви Амилахвари (Амилахори). Последний возглавил освободительную борьбу в Картли в 1742–1745 годах. Гиви Амилахвари придерживался в своих действиях российской ориентации. Как свидетельствует П. Орбелиани, значительную помощь ему оказывали черкесы и осетины[493]. Восстание под руководством Г. Амилахвари служило общим интересам антииранской борьбы кавказских народов и способствовало подрыву широких захватнических намерений Надир-шаха (подчинение Дагестана, нападение на Россию и т.д.). По мнению Д.И. Ломидзе, оно во многом содействовало успеху глубоко продуманной политики Теймураза II, его воцарению в Картли и восстановлению суверенитета картлийского царства[494].

Междуусобия, охватившие Иран после смерти Надир-шаха в 1747 году, значительно ослабили его позиции на международной арене. В тоже время, в этот период Турция упрочила свое положение в Западной Грузии и Картли, она наводняла своими агентами Кабарду и Дагестан, стремясь их настроить против России. Все это приводило к дальнейшему обострению русско-турецких отношений.

40-е годы XVIII века ознаменовались существенными изменениями и во внутриполитической жизни Грузии. Через многие годы, почти сто лет спустя, в Восточной Грузии престол заняли христиане-монархи: в Картли – Теймураз II, в Кахети – Ираклий II. Указанный факт сыграл важную роль в деле сплочения и организации народных масс в борьбе за свою независимость. Ослабление Ирана позволило восточно-грузинским царям установить свое покровительство над Ереванским и Нахичеванским ханствами[495].

Цари картлийский Теймураз II и кахетинский Ираклий II в своей борьбе с иранцами, а также владетели пограничных с востоком Грузии ханств (Ганджинского, Ереванского и Нахичеванского) в 40-х – начале 50-х годов XVIII века начинают проводить политику широкой опоры на вооруженные силы Кабарды. В 1750 году ганджинский хан Шеверди, по сообщениям источников, обратился за помощью к Ираклию II. Объединенное войско грузин и северокавказских горцев выступило из Тбилиси в феврале 1750 года. Оно нанесло жестокое поражение персам в Самшадило. После чего, по словам П. Орбелиани, «царь отпустил черкесского повелителя, дал много чего ему и его войску, а также войску потусторонних осетин и отправил в свои страны»[496]. Ираклий II вновь воспользовался помощью кабардинцев в 1751 году, когда он одержал блестящую победу над владетелем Тавриза Азат-ханом, совершившим поход на Ереван[497].

Особое значение для Восточной Грузии имела поддержка, оказываемая ей Кабардой в борьбе с Чар-Белаканами, которая являлась очагом постоянных набегов на грузинские земли. Прибывшее в ноябре 1752 году в Москву совместное карталийско-имеретинское посольство просило содействия русского правительства в борьбе с дагестанскими феодалами. Послы добивались присылки в Грузию вооруженного отряда казаков или же военных отрядов из Кабарды[498]. Подчеркивая на переговорах значение вооруженной помощи кабардинцев для грузин, один из послов кахетинский князь С. Макашвили отмечал, что дагестанские феодалы, узнав о привлечении грузинскими царями черкесов, были повергнуты в страх, решив, что последние были посланы русским правительством, и оно взяло под свою защиту Грузию[499].

П. Орбелиани писал об одном из таких совместных походов против сторонников Ирана: «сразились, одержали над леками большую победу..., преследовали их до подножия горы Орбодзли; возвратились с победой и большой добычей черкесы и грузины»[500].

Неустойчивая международная обстановка, отсутствие собственных достаточных сил для отпора внешним агрессорам обуславливали неоднократное обращение грузинских царей к северокавказским народам, в частности, в кабардинцам. Особенно часто Ираклий II обращался к князьям Малой Кабарды. Его успехи в борьбе с врагами вызывали тревогу правящих кругов Турции, которые считали их плодом помощи со стороны России.

В 1752 году возникла угроза нашествия хана Шеки-Шервана Аджи-Чалаба на Грузию. В связи с этим в Кабарду было направлено грузинское посольство во главе с Мерабом Зедгинидзе[501]. Ответное посольство из Кабарды в Грузию возглавляли мало-кабардинские дворяне Тахушино Качбекинов и Догжи Качажоков[502]. Результаты переговоров были положительными.

Ввиду вражеской угрозы, Ираклий II направился в сторону Кабарды и остановился в Хеви[503]. Сюда, в Арагвское ущелье, подошло войско из Кабарды, к которому присоединились осетины (тагаур-картаули). Источники называют разные цифры о количестве кабардинского войска – от двух до четырех тысяч человек[504]. Пока объединенное войско горцев во главе с царем Ираклием II двигалось к Картли, враг успел уже занять грузинские земли от Шамшадило до Алгети[505]. Тогда царь Теймураз II собрал кахетинцев и карталинцев и напал на противника, стоявшего лагерем в Байдаре. Неприятель начал отступать. Решающее сражение произошло на р. Загли на границе Казах-Шамшадилу. В нем особенно отличились кизикские крестьяне и кабардинское войско[506]. Вообще надо отметить, что грузинские источники, повествуя об этих событиях, выделяли храбрость и высокие боевые качества кабардинцев. П. Орбелиани писал: «Обратили в бегство сына Аджи-Чалаба и хана ганджинского, врезались черкесы (в ряды противника) и, как кошек, рубили кизилбашей, сын правителя Большой Черкесии (Кабарды) по имени Керуко вторгся в ряды кизилбашских войск с таким видом, словно шел на пир. Он проявил такую львиную отвагу, что и перехвалить его нельзя. Там и все черкесское войско сражалось доблестно и хорошо поработало мечом»[507].

Таким образом, благодаря умелой политике, энергичным военным действиям Теймураза II и Ираклия II, а также помощи, оказанной Грузии со стороны Кабарды и других горских народов, коалиция проиранских ханств, угрожавшая юго-восточным границам Картли – Кахети, была разгромлена.

Россия в этот период не могла оказывать реальной помощи Грузии в ее борьбе за независимость. Как видно из послания императрицы Елизаветы Петровны, в марте 1754 года Теймуразу II и Ираклию II, русское правительство, ограниченное в своих внешнеполитических действиях условиями Белградского мира, не могло также официально санкционировать помощь Грузии и со стороны Кабарды[508]. В этих условиях Ираклий II начинает самостоятельно через своих эмиссаров вербовать военные отряды в Малой Кабарде. Об этом поступают сообщения в Коллегию иностранных дел от капитана О. Туманова в июле 1754 года и в мае 1755 года[509]. Военные отряды

кабардинцев приняли активное участие в борьбе с хунзахским повелителем Нурсалбегом, который подвергал бесчисленным нападениям Картли и Кахети в 1754–1755 годах[510]. Теймураз II решил совершить поездку в Россию, чтобы придать новый импульс русско-грузинским отношениям. 30 апреля 1760 года генерал-майор И.Л. Фрауендорф в письме к астраханскому губернатору А.С. Жилину сообщал о прибытии грузинского царя на русскую границу. По его словам, грузинского царя сопровождал князь Малой Кабарды Батоко Алиев[511]. В Петербурге Теймураз II просил у русского правительства военной или финансовой поддержки, а также предлагал совершить совместный поход против Ирана[512]. Но переговоры оказались бесплодными. На данном этапе внешнеполитические интересы России и Грузии не совпадали. По мнению Т.Д. Боцвадзе, «Россия, которая на Северном Кавказе и в Прикаспии на протяжении всего отмеченного периода фактически осуществляла оборонительную политику как в отношении Турции, так и в отношении Ирана, не могла, естественно, откликнуться решительно на внешнеполитические запросы Грузии, поскольку эта последняя требовала от нее открытого выступления против Турции и Ирана»[513].

После смерти Теймураза II в 1762 году картлийский престол перешел к его сыну, царю Кахети Ираклию II. В результате этого политического акта завершилось объединение Картли и Кахети. В 60-х годах XVIII века в числе наиболее острых среди внутренних и внешнеполитических проблем Восточной Грузии оставалась по-прежнему угроза со стороны проиранских феодалов Дагестана. Прапорщик Дж. Мангов сообщал, что летом 1762 года в Тифлис прибыл малокабардинский князь Батоко с многочисленным отрядом[514]. Упомянутый князь был «свойственником» покойному царю Теймуразу II. Кабардинцы приняли активное участие в войне с Джаром[515]. Ираклию II удалось нормализовать в этот период отношения с Джаром и Дагестаном, также были заключены договоры с Турцией и Ираном.

Но, несмотря на мирную передышку, международное положение Восточной Грузии оставалось неустойчивым. Об этом свидетельствовало и сообщение ротмистра А. Киреева кизлярскому коменданту в июле 1768 года, где говорилось о намерении Ираклия II построить дорогу через Куртатинское ущелье. С этой целью грузинским царем были направлены эмиссары к осетинским старшинам и владельцам Малой Кабарды, которых намеревались привлечь для осуществления данного мероприятия. А. Киреев писал: «Но один кресченой старшина Андрей, а по их названию Алегука, секретно мне сказывал, что хотя он, Ираклий, и призывает их якобы для совету о проложении новой дороги к безопасному проезду караванам, но, как он примечает, и у них есть известие, что перситской Векиль Керим-хан и с ним высланной из России грузинской князь Александр Бакаров приближаются с войском к Тефлизу для заставления со стороны Керим хана Тефлиза оному князь Александру Бакарову. То Ираклий будучи от сего в опасности, якоже все тефлиские жители имеют

большую склонность к князь Александре, видно желает проложа такую дорогу при неудачливом ему времени оною сам с фамилию укрытца во осетинския пределы и по призыву ево старшины и Малой Кабарды владельцы ехать к нему, Ираклию, намерены...»[516].

Русско-турецкая война 1768–1774 годов и ее итоги ознаменовали новый этап во взаимоотношениях Кавказа с Россией. Кавказские народы приняли в ней активное участие, видя в то время в России свою покровительницу. В тех условиях грузинские цари Ираклий II и Соломон I надеялись с ее помощью добиться освобождения Грузии. Чтобы сделать более реальным участие грузин в войне с Турцией, русское правительство направило к ним в 1769 году военный отряд. В последующем русские военные силы в Грузии наращивались и пробыли здесь до 1772 года. Кабарда в этот период оказывала всяческое содействие в налаживании русско-грузинских отношений. Кабардинские князья способствовали беспрепятственному прохождению русских войск в Грузию[517].

В тоже время кабардинские владельцы, по-прежнему, как это было и ранее, обеспечивали безопасность грузинских дипломатических миссий, направлявшихся в Россию. В январе 1769 года кизлярский комендант Н.А. Потапов рапортовал о посольстве имеретинского митрополита Максима в Петербург. Он писал: «Сверх того упросил я Малой Кабарды владельца Росланбека Таусултанова, бывшего у меня в приезде, чтобы он, охранив их, взял на свое попечение, которой по усердию своему на то согласился и вслед за ними от меня отправился...»[518].

Кючук-Кайнарджийский мирный договор, заключенный в 1774 году между Россией и Турцией фактически не обеспечил независимость Грузии. Вместе с тем, на основании 21-го параграфа договором был решен вопрос о присоединении Кабарды к России. Но, в целом, по справедливому мнению исследователей, договор 1774 года «не только обеспечил России влияние на Северо-Западном и Центральном Кавказе, но и дал ей надежный ключ к проникновению в Закавказье»[519]. По словам Т.Д. Боцвадзе, «отныне начался необратимый процесс присоединения Грузии к России»[520].

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира русское правительство отводит Кабарде особое место в своей политике по отношению к Грузии. Астраханский губернатор П. Кречетников в своем донесении на имя императрицы от 24 апреля 1775 году обращал внимание на необходимость устройства поселения около Татартупского городища в Малой Кабарде как очень удобного в географическом и стратегическом плане населенного пункта, откуда можно было влиять на грузинские дела. В частности, он писал: «Сей же город лежит в самом сердце гор, прикрывает Малую Кабарду от Большой и делает лутчую дорогу в Грузию, то и неоспоримо, что Малая Кабарда будет совсем в наших руках, да и Большая в лучшее по соседству обуздание неминуемо придет. Тогда ближней способ возимеем и о Грузии

помыслить, как ей быть, и от терпимых ею несносных от разных народов разорений охранить, ибо от Татартупа до Меретинских границ только два дня езды, бесприкословное есть дело, что сие предприятие важного труда и прилежания требует»[521].

Грузинский царь Ираклий II

Конец 70-х – начало 80-х годов XVIII века был периодом относительного благополучия для Грузии. Во многом это стало возможным благодаря политике царя Ираклия II. Он изыскивал различные пути для быстрейшего экономического возрождения страны и стремился провести прогрессивные реформы в Картли-Кахетинском царстве. Среди мероприятий, осуществлявшихся в стране, важное место занимал вопрос об организации регулярной грузинской армии – «мориге джари» («дежурное войско»). С этой целью Ираклий II дважды (в 1778 и 1782 годах) предпринимал попытку переселения кабардинцев в Грузию[522]. Он предполагал расселить их в опустошенных нашествием врагов провинциях Картли, и использовать как основную боевую силу в «дежурном войске». Но, как видно из документов, Россию никак не устраивала деятельность Ираклия II по переселению кабардинцев[523].

В конце 70-х годов XVIII века внутриполитическое положение Восточной Грузии осложнилось. Оно было вызвано новыми происками Ирана. Иранский правитель Керим-хан Зенд готовил в 1778–1779 годах большой поход против Грузии. Он привлек к этому дагестанских феодалов, а также внука Вахтанга II царевича Александра Бакаровича, претендовавшего на грузинский престол и ориентировавшегося на Иран. Внезапная смерть Керим-хана сорвала этот поход. Александр Бакарович пытался найти поддержку среди северокавказских горцев и направился в Кабарду. Однако он здесь не получил никакой помощи и удалился в Дагестан[524].

Начиная с 80-х годов XVIII века международная ситуация на Востоке существенно изменилась. По мнению Т.Д. Боцвадзе, Грузия в этот период оказалась перед неизбежной альтернативой: «или с одной стороны быть поглощенной Турцией и Ираном, или оказаться под властью дагестано-джавских феодалов, или же с другой стороны, вступить под протекторат царской России»[525]. Выбор был остановлен на последнем. В 1783 году между Россией и Грузией был заключен Георгиевский трактат. Окончательное юридическое оформление процесса присоединения Грузии к России было достигнуто в 1801 году. Оно было

предопределено внутренним социально-экономическим положением Грузии, сложной международной обстановкой и явилось логическим завершением многовековых исторических связей грузинского и русского народов.

Как и прежде, все это время контакты между обоими государствами осуществлялись через Кабарду. В 1783 году Ираклий II вновь предложил построить дорогу через Главный Кавказский хребет (по Дарьяльскому ущелью) и военную крепость у его северных склонов, т.е. на границе с Кабардой[526].

Таким образом, подводя итоги надо сказать, что в течение XVI–XVIII веков роль Кабарды являлась существенной во взаимоотношениях Грузии с Россией. Она «явилась тем связующим звеном, посредством которого Грузия, – как отмечает Т.Д. Боцвадзе, – смогла вырваться из указанного окружения (т.е. Турции, Крымского ханства и Ирана. – *Ред.*), сблизиться и в конечном итоге связать свою судьбу с Россией, а через нее установить связи с Западной Европой»[527].

2.7. Исторические связи и взаимоотношения балкарских обществ с соседними народами и Россией в XVI–XVIII вв.

Исторические связи Балкарии с Российским государством имеют четырехсотлетнюю историю. На протяжении XVII–XVIII веков эти контакты оставались эпизодическими, имели ознакомительную направленность и, в целом, носили дружественный характер. Тогда же в русском делопроизводстве появляются краткие упоминания о балкарцах.

Первое знакомство российских посланцев с населением балкарских обществ произошло в 20-х годах XVII века в связи с разведкой залежей серебряной руды в горах Северного Кавказа. Сообщение о месторождении полезных ископаемых в местечке Табиста (в другом месте – Абаста) близ Ибаковых кабаков, что в шести днях езды от Терки, привез в Москву в 1628 году кабардинец Каншов-мурза Битемрюков, действовавший по поручению князя Пшемахо Камбулатовича Черкасского, что зафиксировано в его расспросных речах в Посольском приказе[528].

Русский царь Михаил Федорович приказал отправить туда «немецкого рудознатца и золотознатца именем Самуниа Фрича, а с ним вместе лозохотца или рудокопца Ивана Геральда»[529]. Экспедиция прибыла на место 21 августа 1628 года. Ее курировали терские воеводы И.А. Дашков и Б.Г. Приклонский.

В отписке терского воеводы И.А. Дашкова в Посольский приказ сообщалось, что были взяты пробы серебряной руды «*в горы в Балкары*»[530]. Выяснилось, что местные жители с давних времен добывают серебряную и свинцовую руду в предгорьях между реками Черек и Хазнидон, т.е. в пограничье Балкарии, Кабарды и Осетии. Дорога туда чрезвычайно трудна и составля-

ла шесть дней конного пути от Терского города по левым притокам Терека. «А шестой день до той руды по Сюгунсу реке по поду в одну лошадь версты с три, а будет ехати до той же руды в Кабу по Черехе-реке версты с три в одну ж лошадь, а только ехати по Хазыне реке до тое же руды версты с три ж в одну лошадь. А опричь тех дорог к тем рудам иных дорог нет. А от тое руды большие реки и дрова версты по две и полуторе, а меж тех больших рек текут ручейки малые»[531].

Осведомители не были вполне уверены в беспрекословном подчинении балкарских мурз требованию владельца Казыевой Кабарды Алегуки Шеганукова, чьи заклады находились в Терском городе. Они лишь предполагали, что Алегука-мурза может выступить посредником в переговорах с балкарскими мурзами о разведке серебряных руд в их владениях. «... А подлинно того сказать не умеют, послушают ли те мурзы Алегука – мурзы и дадут ли в том месте руды искать или нет, того они не ведают»[532].

Проведенные изыскания были не вполне успешны, и вскоре разведка месторождений серебра в этих труднодоступных местах была прекращена, поскольку, согласно заключению опытных рудознатцев, «прибыли нам вперед не чаяти»[533]. В одном уверены терские воеводы, что без военного присутствия «государевых ратных людей» в этом деле не обойтись. Поэтому в то время разработка предполагаемого месторождения серебра не состоялась.

Башня Абаевых

В середине XVII века горские общества, располагавшиеся за Кабардой, в глубоких ущельях Центрального Кавказа, на перевальных путях, ведущих в Грузию, вновь попали в поле зрения Российского государства. Безусловно, в это время балкарцы играли определенную роль в развитии русско-грузинских отношений, в частности, через Черекское ущелье осуществлялись русско-имеретинские политические связи. Перевальные дороги через Главный Кавказский хребет тогда представляли значительные трудности для посольств и неизбежно приводили их в тесное соприкосновение с окрестным горским населением. Самым надежным средством обеспечения безопасного проезда в зоне Большого Кавказа был наем проводников. Главной обязанностью проводников, помимо хорошего знания местности, являлось обеспечение неприкосновенности провожаемого лица или посольства, охрана находившихся при путниках материальных ценностей и подыскание ночлега. Институт «проводничества», восприни-

мавшийся как услуга, вытекающая из вассальных и личностных отношений и компенсируемая жалованием или подарками, играл важную роль в традиционном обществе и способствовал развитию политических контактов.

Статейный список послов стольника Н.М. Толочанова и дьяка А.И. Иевлева засвидетельствовал, что русская дипломатическая миссия в начале 50-х годов XVII в. проходила по ущелью рр. Псыган-су («Суен-су») и Черек («Крех») балкарскому в Имеретию[534]. 240 «пеших людей», собранных по приказу царя Александра Имеретинского, помогали тогда русскому посольству нести вьюки и преодолевать один из самых трудных перевалов – перевал Гезевцек (3435 м) на Главном Кавказском хребте. Среди балкарских владетелей, оказавших содействие русско-грузинским переговорам, в документах упоминаются Айдабулла, Алибек, Бута, Хабим Чеполов[535]. Важным для определения характера русско-балкарских отношений в этот период представляется сообщение о том, что «горские мурзы», «Чапалов с братьею» «не под государевой рукою живут, сами о себе»[536]. Обратно посольство Толочанова и Иевлева возвращалось той же дорогой, его сопровождали уже 300 «пеших людей», которые «рухлядь несли через горы до Балхары». Путь, проходивший по рекам Псыгансу и Черек через ущелье, стал постоянно использоваться русскими и грузинскими дипломатическими миссиями.

В 1655 году из Москвы в Имеретию отправилось новое посольство, возглавляемое В. Жидовиным и Ф. Порошиным. 25 марта послы выехали из Терского городка и в начале апреля были в Кабарде у мурзы Камбулата Пшемаховича, откуда 14 апреля двинулись в «*Болхары*». До «*Болхарской щели*» (Черекского ущелья) их провожала мать Камбулата – Бабасупх. Там послов приняли «болхарского владельца Еидабуловы дети Енбулат да Тазы да болхарский владелец Ян...» (имя последнего в источнике неразборчиво). Они стали проводниками на дальнейшем пути к Главному Кавказскому хребту. Через горы посольство провожал Енбулат (Женбулат), «сын болхарского владельца Айбабула»[537]. Посольская документация, согласуясь с имеющимися грузинскими источниками[538], сообщает, что, собираясь в обратный путь, молодой балкарский таубий был крещен в Кутаиси Имеретинским царем Александром. Жидовинов и Порошин были приглашены на торжество и смотрели, как царь Александр крестил «Женбулата, сына балкарского владельца Айдарбулова. Послы худо видели сей церковный обряд, по причине отдаления от того места, где совершалось крещение, и многолюдной толпы любопытных»[539].

В XVII в. балкарцы исповедовали синкретическую (языческо-христианскую) религию, поэтому в глазах истинных христиан (какими являлись грузины) они считались язычниками. Факт крещения члена влиятельной балкарской фамилии имеретинским царем можно расценивать как серьезный политический шаг, рассчитанный на перспективу балкаро-грузинского союза. С этой точки зрения, можно говорить о собственном содержании балкаро-грузинских контактов, далеко не всегда зависящем от «русского» и «кабардинского» факторов.

Дружественный характер балкаро-грузинских контактов хорошо прослеживается и в последующий период: балкарцы не раз оказывали важные услуги грузинским царям, ориентирующимся на Россию. Так, осенью 1657 года из Имеретии в Москву собирался выехать, гостивший там кахетинский царь Теймураз, чтобы просить у России военной помощи в борьбе против шаха Ирана. Его путь проходил через Балкарию, где он был принят очень гостеприимно. Опасаясь своих недругов, Теймураз писал царю Алексею Михайловичу: «Пусть придет войско в *Малкари* отвести меня в Терки, чтобы я не погиб от агарян, и не было бы греха перед богом и перед людьми»[540]. По письменным источникам известно, что в Балкарии к царскому кортежу Теймураза присоединился один из представителей знатной балкарской фамилии Артутай Айдабулов, аталык кабардинского князя Камбулата Пшемаховича Черкасского.

Согласно русским документам, в марте 1658 года царь Теймураз с большой свитой, девять тушин (горцы Восточной Грузии) и трое шибутян (чеченцы Аргунского ущелья), а также «*балхарский владелец*» Артутай Айдабулов «со своим человеком» выехали из Астрахани и 20 июня того же года прибыли в российскую столицу. Пребывание Артутая в Москве очень скупо отражено в русских источниках, известно лишь, что он был представлен ко двору царя Алексея Михайловича и на отпуске грузинского царя Теймураза наряду с другими посланцами Кавказа был богато одарен. В документе говорится: «Пожаловал великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, подданного своего грузинского царя Теймураза Давидовича, и митрополита, и архимарита, и игумнов, и чиновных ево людей, и *болхарского*, и Тушинские, и Шибутцкие земли владельцев, велел им дать своего государева жалованья на отпуске при себе, великом государе... Да при себе же, великом государе, дати своего государева жалованья *болхарскому владельцу*, да Тушинские земли владельцем дву человеком, шибутцкому одному человеку по сороку соболей по 40 рублев человеку, да от казны достальным тушинцом шти человеком и шибутцким дву человеком по сороку соболей по 20 рублев сорок человеку»[541]. Приведенный документ позволяет говорить, по крайней мере, о двух важных моментах. Во-первых, о достаточно высоком политическом статусе балкарского посланца, который был одарен наряду с кахетинским царем (еще в 1639 году присягнувшим на подданство русскому царю) и представителями тушин и шибутян, просивших о принятии жителей Тушинской земли и Шибутского джамаата в русское подданство. Во-вторых, документ определяет «*владельческий*» социальный статус Артутая, в отличие, например, от чеченских посланцев, чьи имена в письме джамаата названы вообще без какого-либо определения[542], а в тексте приведенного выше документа им дано обозначение «шибутцкий *человек*». «Владельческий» социальный статус Артутая обозначает принадлежность его носителя к

привилегированной общественной страте и вводит в круг лиц с тем же индексом ранга. К сожалению, в выявленных документах нет свидетельства о том, что Артутай был принят русским царем; во всяком случае, его имя не встречается ни в «Церемониале приема царем Алексеем Михайловичем тушин Наума Иванова и Петра Наумова и шибутянина Алхана от 21 сентября 1658 года», ни в «Памяти» из Посольского приказа о выдаче деньгами за дорожный корм посланцам кавказских народов, с которыми Артутай прибыл в Москву[543]. Поэтому говорить о налаживании русско-балкарских дипломатических отношений и о принесении присяги русскому царю от имени балкарцев в середине XVII века можно лишь гипотетически[544]. Тем не менее, отдельные свидетельства о политических контактах позволяют заключить, что отношения Российского государства с балкарской знатью строились на тех же принципах, что и с другими северокавказскими владельцами. Эти отношения обставлялись различными атрибутами феодального этикета – наградами, пожалованиями и знаками отличия.

Черекская теснина, урочище Уштулу

С середины XVII в. мирные контакты жителей балкарских обществ, как и других народов Северного Кавказа, с русскими, в основном осуществлялись через Терский город. Сохранилось случайное известие от 1643 года о пребывании «*балхарских кабаков* узденя Каспулата» в русском городе Терки[545].

В конце XVII века в связи с осложнением внешнеполитической и внутриполитической обстановки в России и Грузии интенсивность контактов России с северокавказскими народами, в том числе и с балкарцами, несколько

ослабла. Тем не менее, в 80–90-х гг. XVII в. грузинские посольства неоднократно проезжали через Кабарду в Терский городок, Астрахань и Москву[546]. Понятно, что без дружественного содействия балкарцев, занимавших перевальные пути, это вряд ли могло быть возможным. Источники несколько раз упоминают «Басян» или «Балкар, т.е. страну в истоках Малки», где имеретинскому царю Арчилу и его сыновьям в последнем десятилетии XVII века приходилось искать убежище, скрываясь от северокавказских владетелей, придерживавшихся персидской или крымско-турецкой ориентации[547]. Находясь в затруднительных обстоятельствах, 15 апреля 1694 г. Арчил писал Терскому воеводе, «что он находится *в Балкаре* и чтоб его оттуда вывели»[548]. Таким образом, еще в XVII в. балкарцы играли определенную роль в становлении и развитии грузино-российских отношений.

Взаимоотношения балкарцев с соседними народами и Россией в XVIII в. во многом были обусловлены внешнеполитическими факторами.

В донесении грузинского царя Вахтанга VI российским министрам от 29 июня 1725 г. сообщалось о планах турецкого султана, который «…горские места и народ Тушети, Гливи, Кисти, Дидо, Зурзуки, Хевсуры, Хеви, Тагаур, Куртаул, Касри-Двали, Дигори, Басияни, Сванетии, Апхази желает всех соединить к себе, а черкесы уже где могут ему противитися»[549]. Поэтому Вахтанг предлагает «вышепомянутым горским людям по сю сторону Сванетии» «тем главным людям по 5 рублев, а иным по 10 по 20 и по тридцети рублев в жалованье давать. А оне в горских местах где нам будет потребно городы дадут построить. А в них серебреные руды есть и то может человек в дело производить. А которые горские люди жалованные будут, их можно в службу употребить»[550]. В ряде документов XVIII в. и исторических исследованиях имеются данные о военном сотрудничестве грузин «с горскими народами» в антитурецкой и антииранской коалиции[551].

Борьба великих держав – России и Турции – за обладание Кабардой закончилась в 1739 году заключением Белградского трактата, который формально декларировал «суверенитет» Кабарды. И если для упрочения международной независимости Кабарды Белградский трактат мало что значил, то для внутреннего развития он сыграл известную положительную роль. Он дал Кабарде возможность укрепить и расширить свое политическое и экономическое влияние среди соседних горских народов, многие из которых и до этого трактата находились в полной или частичной зависимости от кабардинских князей. Признание Кабарды «независимой», как бы санкционировало за ней свободу действий в отношении горцев Центрального Кавказа и привело к усиленной колонизации предгорий до самых ущелий[552].

В записке, составленной в Коллегии иностранных дел в 1753 году, также говорится, что «чегемцы и другие им подобные у Всероссийской империи не в подданстве, а напротиву того многие из них во владении у тех же кабардинских владельцов»[553]. Занимая предгорные равнины Центрального

Кавказа, используя свое выгодное геополитическое положение, имея значительное численное превосходство, кабардинцы контролировали выходы из горных ущелий, связывавших балкарцев с остальным миром. Вероятно, что политическая составляющая этих взаимоотношений также занимала не последнее место в структуре балкаро-кабардинских связей. В одном из русских документов, относящемся ко второй половине XVIII в., относительно всех горских обществ говорится: «Сии народы крайне притеснены от владельцев Большой Кабарды, кои гораздо их сильнее и не в дальном расстоянии живут, и, набегая на них, жительства разоряют или принуждают себе дань платить и быть под их властью»[554].

Характер взаимоотношений традиционного балкарского общества с соседними кабардинскими владениями не поддается однозначной характеристике. Наряду с явлениями зависимости и данничества здесь присутствовал и взаимный экономический интерес. Наиболее очевидный экономический фактор этой зависимости хорошо озвучен уже в ранней кавказской историографии первой половины XIX в., «ибо живя в местах гористых и бесплодных, они (балкарцы) должны для содержания многочисленных стад своих, пользоваться пастбищами в землях кабардинских и платить за то подать»[555].

Источники XVIII в. дают некоторое представление и о контактах жителей балкарских обществ с царской военной администрацией, основные опорные пункты которой в это время находились в Астрахани, Кизляре и Моздоке. В 30-х годах XVIII несколько посланников кавказской администрации: кондуктор Яков Колударов, кизлярский дворянин Алексей Тузов и казак войска Донского, – сообщали о христианских древностях, увиденных в Чегемском ущелье, и доносили о своих контактах с представителями местных владельческих фамилий[556]. Институт приставов, впервые введенный в 1769 году в Кабарде, позволял российскому правительству в обстановке политической нестабильности изучать социально-политические процессы, происходившие в горских обществах, осуществлять «присмотр за поведением кабардинцев»[557] и существенно влиять на их взаимоотношения с зависимыми народами. Так, Астраханский губернатор Иван Якоби, имея в виду горских владельцев соседних народов Кабарды (среди которых были и балкарцы), в 1777 году писал приставу при кабардинцах Дмитрию Тоганову: «С соседними здешними народами обходиться сколь можно ласковее, не подавая ни малого вида к негодованию их и неудовольствию, а старатца по всем их просьбам доставить сходное с прошением их удовлетворение, подтвердить всем наистрожайше, чтобы ни от кого им обид, притеснения и приметок не было»[558]. Контакты с горской знатью и защита ее владельческих прав – это одно из направлений прагматичной российской политики в регионе. Так, в делопроизводственной документации зафиксировано, что в 1771 году в Кизлярскую комендатуру под конвоем доставлен «балкарец горской житель», бежавший к русским поселенцам. Судьба беглеца была ре-

шена в соответствии с проводимой политикой. В журнале имеется об этом отметка: «балкарца, в приласкание к здешней стороне, прибывшего сюда с письмом... владельца вернуть ево хозяину»[559].

В середине XVIII в. вновь обнаруживается интерес российского правительства к рудным богатствам Северного Кавказа. В русских документах неоднократно упоминается об обследовании залежей руды в Кабарде, Балкарии, Осетии, о посылке рудознатцев для осмотра «рудных мест» и о том, что полезные ископаемые были сысканы «в 4-х местах, от Кабарды день езды, в горах в щели, направе и налеве, и в другом месте в горах же». Упоминается о том, как делались пробы серебряной и свинцовой руд, использовались минеральные воды и горячие колодези[560]. Сведения о месторождениях цветных металлов в горах Центрального Кавказа поступали и от кабардинских князей, посетивших Петербург в 1743 г., и от грузинских эмигрантов, информация о рудах с содержанием серебра, свинца и золота содержалась в докладах Осетинской духовной комиссии. Весной 1768 года в Осетию была отправлена геологическая экспедиция под руководством Степана Вонявина. Хотя эта экспедиция не побывала в горах Балкарии, в своем отчете в Берг-коллегию С. Вонявин сообщал, что в предгорьях он обнаружил геологические признаки дорогих металлов, лучшие места для приисков которых находятся «в вершинах рек Малка и в нее впадающих других потом Баксана, Чегема и Ургофа»[561]. Несмотря на то что в течение XVII–XVIII вв. в России было накоплено много сведений о природных богатствах и залежах руд в балкарских обществах, к практической разработке полезных ископаемых российское правительство так и не приступило, поскольку на повестке дня стояли более важные политические вопросы.

Башня Малкаруковых

Когда в середине XVIII в. возросла активность православной духовной миссии на Центральном Кавказе, то применительно к балкарцам у России были все основания рассчитывать на успех в деле их христианизации. В XVIII в. русским правительством был собран определенный материал о вероисповедании балкарцев. Так, в 1743 году кабардинские князья М. Атажукин и А. Гиляксанов сообщали о балкарцах, что «оные были христианского закона, который и ныне многие из них содержут и для того весною 7 недель

и при окончании лета 2 недели постятся и никаких мяс, молока и масла не едят, а владельцы их в махометанском законе»[562]. В то же время в Коллегию иностранных дел поступило сообщение о наличии в Чегеме христианских памятников от побывавшего там еще в 1736 году кизлярского дворянина Алексея Тузова. «В той Чегемской деревне, в одной лощине имеется жителей около трех сот дворов и есть тамо две христианские церкви каменные, во всякой целостности, токмо без глав и стоят впусте. Жители чегемские никакого закона не имеют, токмо весной семь недель постятся и во время окончания поста сходятся в церковь и во оной зарежут быка и, сварившы, разгавляются... В том же Чегеме есть несколько фундаментов и стен бывших часовен каменных, на тех стенах значит иконное писание... Имеются и христианские книги, и содержут оные на превысокой горе, на которую и проход весьма трудной и страшной»[563]. Во время этого визита чегемские старшины водили гостей «в полугоре на уступ, открыли имеющийся там сундук сосновый и показывали» Тузову и сопровождавшему его донскому казаку пергаменные книги и другой инвентарь для богослужения. А еще раньше, когда Тузов был толмачом при генерал-лейтенанте Еропкине, одна из таких книг была доставлена в расположение русских войск и идентифицирована как «евангелие на греческом языке»[564].

В 60-х годах XVIII в. сведения о христианских памятниках в Чегемском ущелье не раз поступали в Правительственный Синод от различных чинов Кавказской администрации в Кизляре и Моздоке[565]. И так называемая Осетинская духовная комиссия по его заданию развернула деятельную пропаганду христианства среди горцев Центрального Кавказа. Об успешности ее деятельности на территории Балкарии в этот период письменных свидетельств не обнаружено. Но в соседней Дигории Осетинская духовная комиссия имела немалый успех: некоторые влиятельные фамилии приняли христианство и взялись строить церковь.

В ходе кавказских академических экспедиций последней четверти XVIII в. сведения о многочисленных памятниках христианства в горах Балкарии были подтверждены. По мнению И.А. Гюльденштедта, «все базианцы (балкарцы) были прежде подданные грузинских владетелей. Они тогда сделались христианами греческого исповедания, что доказывает несколько старых церквей, находящихся в сих округах, празднование воскресных дней, наблюдение великих постов и употребление в пищу свиного мяса... Не знают тут никакого кумирослужения или многобожия, а веруют в единого бога, подателя всех благ»[566]. П.С. Паллас, говоря о балкарцах, отмечает, что «они были христианами и имеют у себя церкви, среди которых особенно замечательна одна на Чегеме... Здесь еще сохраняются остатки книг»; кроме церквей балкарцы «имеют священные источники, в окрестностях которых они не смеют срубить ни одного дерева»[567]. Подобные известия содержатся и в военно-топографическом описании подполковника Буцковского: «Чегемы исповедовали прежде

христианский закон, что доказывается существующею в занимаемом ими ущелье церковью, в скале выделанной. В оной церкви находят церковные книги и как сказывают много примечательного…»[568]. Г.Ю. Клапрот в описании своего путешествия подтверждает сведения И.А. Гюльденштедта и П.С. Палласа и приходит к выводу, что «простой народ не имеет... никакой определенной религии; они почитают бога, называемого не Аллах, а Тегри, который является творцом, а также пророка Илью...»[569]. По данным П.Г. Буткова, «веру магометанскую содержат в Балкарии одни владельцы для приобретения узденей себе, но простой народ с древних времен находится в христианском законе»[570]. Им также были представлены сведения о развалинах церквей, о посте, о пережитках языческих верований.

Средневековые склепы Чегемского ущелья

Эволюция религиозной системы предков балкарцев связана не столько с эволюцией их общественного строя, сколько с экзогенными факторами – спорадическим распространением христианства на Центральном Кавказе сначала византийскими, а позднее грузинскими миссионерами. Но, как представляется, христианство не пустило глубоких корней в собственно балкарской культуре, оно никогда не было очищено от древних тюркских и кавказских верований, а сочеталось с ними в едином, трудноразделимом комплексе, отразившем в своей структуре несколько различных пластов. Христианизация ограничилась сооружением нескольких храмов, поверхностным усвоением некоторых религиозных обрядов и названий отдельных святых. На религиозный синкретизм балкарцев указывают практически все источники, при этом авторы XVII–XVIII вв., как правило, считают их язычниками[571].

В середине XIX в. полковник Генерального штаба Ракинт, обобщив все имеющиеся свидетельства по этому вопросу, составил по распоряжению Александра II «Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев». По заключению этого автора, до середины XV в. Кавказской митрополии наряду с осетинами подчинялись «*и татары, жившие с древних веков в горных ущельях между вершинами рек Терека и Кубани*», затем оттесненные кабардинцами в XV столетии «в ущелья главного Кавказского хребта, между Эльбрусом и Казбеком», они сохранили «некоторые христианские обряды до последнего времени». Развитие мусульманской религии Ракинт относит к

рубежу XVIII–XIX вв., когда старшины этих народов приняли ислам[572]. К началу XIX в. основная масса балкарцев, несмотря на начавшееся распространение ислама, не строго следовала его догматам, имело место причудливое переплетение различных религиозных обрядов, широко были распространены древние родоплеменные культы.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. закончилась победой России. Она добилась у Турции признания независимости Крымского ханства и отмены любых ограничений на Северном Кавказе. Статья 21 Кючук-Кайнарджийского мирного договора подводила правовую основу присоединения Кабарды к России. Активизация политики России на Северном Кавказе после 1774 г. привела к тому, что ряд горских народов, до этого плативших дань кабардинским князьям за политическое покровительство и пользование зимними пастбищами, отказался от прежних обязательств. В 1783 году кабардинские князья и уздени обратились к князю Потемкину с ходатайством, чтобы русские войска не препятствовали им по-старому взимать дань с разных народов Северного Кавказа. Однако Потемкин разрешил взимать плату только с тех соседей, которые еще не присягнули на верность России. Видимо, это обстоятельство инициировало процесс перехода балкарцев в русское подданство. По сведениям П.С. Палласа, относящимся к последним десятилетиям XVIII в., балкарцы «ищут способа прийти под русское покровительство, чему черкесы всеми силами стараются препятствовать и поэтому никого не пропускают на Линию. В 1783 г. несколько базиан (балкарцев), посланных искать этого покровительства, пробились окольными путями к обер-лейтенанту Л.Л. Штедеру. Но возвратились они лишь с голыми обещаниями»[573].

В 1787 г. пристав Кабарды Ураков сообщал о прибытии к нему четырех представителей Черекского общества, которые в обмен на защиту от притеснений кабардинских владельцев соглашались принести присягу на российское подданство. Ураков доносил, что встретил балкарских послов благосклонно и отправил их к генералу Потемкину. Россия в тот период особенно нуждалась в лояльности жителей горских обществ, поскольку «кабардинцы при случаях тесных всегда находят у них свое убежище и укрывательство имений». Далее Ураков писал: «Узнав о сем, кабардинцы сделались недовольными; но между сим временем июня 25-го числа балкарцы с кабардинцами умышленно помирились вскоре после того в отмщенье обид, кабардинцами им нанесенных, у владельца Адиль-Гирея Татарханова отогнали великое число овец и убили одного узденя. Потом балкарцы, согласясь с прочими горскими соседними народами, именуемыми чегемы, халыми и безынчы, поставили по всем дорогам, лежащим от кабардинцев, караулы, чем и принуждены были сами кабардинцы просить у балкарцев вторичного миру и поступать с ними по прежнем их обычаям»[574].

Таким образом, горские территории, безусловно, находились в орбите политического влияния Кабарды, вместе с тем имели место строго фиксиро-

ванные обычаем правила взаимоотношений, признаваемые всеми этнополитическими образованиями, нарушать которые не могла ни одна из сторон. Имеется известие, что в 1785 году кабардинские князья проводили собрание для решения общественных дел «при речке Гонделене, в жилищах чегемцев, в присутствии нарочито отправленного в оное российского офицера»[575].

Анализируя положение на Кавказской линии в 80-х годах XVIII в. в связи с подготовкой очередной военной экспедиции за Кубань и привлечением для этих целей кабардинцев, П.Г. Бутков сделал интересное замечание. Участие кабардинских владельцев в закубанской экспедиции было продиктовано их стремлением «под видом услуги России вновь обязать древних данников своих» и восстановить пошатнувшееся влияние среди зависимых народов. Таким образом, очевидно, что в сложившемся историческом контексте Кабарда стремилась к сохранению статус-кво, в то время как народы Центрального Кавказа, воспользовавшись политической ситуацией, постепенно уходили из-под ее влияния. К концу XVIII в. традиционная система этнополитического равновесия в этом регионе была полностью нарушена установлением военно-политического контроля России над Северным Кавказом.

Тем не менее, поход за Кубань, организованный Горичами против турок осенью 1787 года, был вполне успешным. В нем участвовало 5 тысяч кабардинских всадников, среди которых, по мнению О.Л. Опрышко, находилось и несколько сот балкарцев. В рапорте бригадира Горича сказано, что он с кабардинскими князьями и 500 лучшими панцырными наездниками преследовал турок и 2 татарских султанов, везущих в Суджук-Кале 2 медных пушки и партию пленных. В том бою участвовало 22 кабардинских князя, а также «татарский мурза Атахшук»[576]. О.Л. Опрышко предполагает, что Атахшук был балкарским мурзой, ибо в русских документах и литературе вплоть до начала XX в. жителей Балкарии часто называли «горскими татарами», а в сведениях за 1768 год моздокского ротмистра А. Шелкова при перечислении горских народов (среди которых названы карачаевцы, чегемцы и балкарцы) указывалось, что кабардинские князья «в поход их наряжают».

Новая попытка получить покровительство России была предпринята балкарцами, когда, по сведениям П.Г. Буткова, «в 1787 году балкарские народные владельцы Исса, Карыулз, Мауст и Сколты явились генерал поручику Потемкину с просьбой о подданстве, с тем, чтобы дано им было защищение от нападения кабардинцев»[577]. Объясняя характер зависимости горских обществ от кабардинских князей не только экономическими факторами (замкнутость в ущельях и недостаток пастбищ), но и политическими, П.Г. Бутков писал: «чтобы быть менее тревожимы от воинственных кабардинцев, балкарцы дают с давних времен в виде дани по одному барану Большой Кабарды владельцам». Без такого рода покровительства обойтись им было невозможно, «однако по неспокойному духу кабардинцев, они нередко простирали претензии свои на балкарцев», о чем те жаловались рос-

сийскому правительству в 1787–1794 годах, «предоставив себя в Российское подданство»[578]. Эти обращения балкарцев судьбоносных последствий для них не имели. В начале 1790-х годов кабардинцы сообщили русским военачальникам о появлении в Балкарии эпидемии чумы, и отряд войск, став лагерем у Кызбуруна, «угрожал расстрелом всякому, кто намеревался перейти Кабарду». В результате, пишет свидетель этих событий П.С. Паллас, «сношения балкар с нами прекратилось»[579]. Таким образом, процесс присоединения балкарских обществ к России проходил в сложных условиях Кавказской войны и растянулся на сорок лет.

Примечания

1. *Дзамихов К.Ф.* Этнос в точке бифуркации: адыги между Россией, Крымом и Османской Турцией // Мир этноса. Процессы самоорганизации социальных и этнических систем. Нальчик, 2005. С. 79.

2. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV вв. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 128.

3. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами. М., 1948.

4. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 36–53.

5. Там же. С. 52.

6. *Айтберов Т.М.* Надгробия Сефевидов второй половины XV в. на территории Дагестана (К истории шиизма на Северном Кавказе) // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сборник научных трудов северокавказского регионального отделения. МНАБ. Махачкала, 2004. Вып. 2 (9). С. 17–27.

7. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 827.

8. *Дзамихов К.Ф., Иваноков Н.Р.* Мехмед Синай «История Ислам-Гирея III». К историко-лингвистической характеристике неизвестной крымской хронике XVII в. // Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1997. С. 111–114.

9. Сборник Русского исторического общества (в дальнейшем РИО). Т. 41. С. 111–112.

10. Там же. С. 357, 381.

11. *Некрасов А.М.* Указ. соч. С. 88.

12. *Дзамихов К.Ф.* К характеристике русских письменных источников по истории Кабарды (XI – конец XVIII вв.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 7–9.

13. *Некрасов А.М.* Указ. соч. С. 104–105.

14. Полное собрание русских летописей (в дальнейшем ПСРЛ). СПб., 1904. Т. 13. Первая половина. С. 228.

15. Там же. С. 259.

16. Там же.

17. Там же. С. 267–277.

18. *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 210–211.

19. ПСР*Л*. Т. 13. Первая половина. С. 283–284; *Дзамихов К.Ф.* К генеалогии западно-адыгских Черкесских княжеских родов в XVI–XVII вв. // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Ростов н/*Д*., 1990. № 2.

20. ПСР*Л*. Т. 13. Первая половина. С. 320, 324.

21. История Адыгеи (С древнейших времен до конца XIX в.). Майкоп, 1991. С. 89.

22. РИО. Т. 71. С. 94, 156; Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 235; Кабардино-русские отношения (в дальнейшем: КРО). М., 1957. Т. 1. С. 9.

23. ПСР*Л*. Т. 13. Первая половина. С. 284–288; КРО. Т. 1. С. 5.

24. ПСР*Л*. Т. 13. Вторая половина. С. 324, 330.

25. ПСР*Л*. Т. 13. Вторая половина. С. 332.

26. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 80.

27. РГАДА. Ф. Крымские дела. Кн. 10. *Л*. 59–59 об.

28. *Милюков М.Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 263; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа… С. 237–239.

29. КРО. Т. 1. С. 13.

30. Там же. С. 14–15.

31. *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 25.

32. КРО. Т. 1. С. 14–15, 16–17, 18–20; *Садиков П.А*. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. М., 1947. № 22. С. 144–147.

33. Там же. С. 100–115; *Вилинбахов В.Б.* Указ. соч. С. 54–55.

34. *Вилинбахов В.Б.* Указ. соч. С. 55.

35. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. С. 113.

36. *Вилинбахов В.Б*. Указ. соч. С. 55.

37. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. С. 115.

38. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. XVIII; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 318–319.

39. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 31.

40. КРО. Т. 1. С. 27–28, 31, 396.

41. Там же. С. 34–35.

42. *Вилинбахов В.Б.* Указ. соч. С. 58.

43. История народов Северного Кавказа... С. 319.

44. Там же.

45. РГАДА. Ф. Кабардинские дела. *Д*. 1. *Л*. 1 об.

46. *Белокуров С.А.* Указ. соч. Вып. 1. С. LXXXVII.

47. *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях. Нальчик, 1948, С. 20.

48. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.–*Л*., 1948. С. 33–34.

49. КРО. Т. 1. С. 68–69.

50. *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 285.

51. Там же. С. 50–51.

52. КРО. Т. 1. *Д*. № 31–34.

53. Там же. С. 56.

54. Там же. С. 59.

55. Там же. С. 65.

56. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа… С. 278.

57. КРО. Т. 1. С. 65–66.

58. РГАДА. Ф. Сношения России с Турцией. Кн. 3. *Л.* 288 об.–296; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2. (1533–1560). Изд. подг. Г.Ф. Карпов // Русское историческое общество (в дальнейшем: РИО). СПб., 1887. Т. 59. С. 449; *Броневский С.М.* Исторические выписки. С. 44–45; КРО. Т. 1. С. 71.

59. См. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: Вехи истории. Нальчик, 2008.

60. *Bodin Jean.* Les six livres de la Piepubligue. 1608; *Гроций Гуго.* О праве войны и мира. М., 1957. Кн. 1. Гл. 3.

61. *Ваттель Эммер де.* Право народов. М., 1960. Кн. 1. Гл. 1, 12, 16.

62. *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 45; *Кочекаев Б.-А.Б.* К вопросу присоединения Ногайской Орды к России // Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук. 1969. № 6. С. 58–59; *Он же.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 97–98; *Трепавлов В.В.* Формирование системы отношений между центром и национальными окраинами в России (XVI–XX века) // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 115–120; *Он же.* «Под государевой высокою рукою»: Проблема российского подданства кочевников в историографии и источниках // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию член-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. М., 2000. С. 398–412.

63. *Устюгов В.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 30.

64. КРО. Т. 1. С. 51.

65. Там же. Т. 2. С. 3.

66. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 143.

67. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. XVI–XVII вв. (в дальнейшем КРО) / Ред. Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. С. 50–54.

68. *Каппелер Андреас.* Россия. Многонациональная империя (возникновение, история, распад). М., 1996. С. 36.

69. *Котошихин Г.О.* Россия в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 27, 40.

70. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 518.

71. *Lemercie Quelquejay Ch.* Cooptation of the Elites of Kabarda and Daghestan in the Sixteenth Century // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L., 1992. P. 18–44; *Каппелер Андреас.* Россия. Многонациональная империя (возникновение, история, распад). М., 1996. С. 18–53.

72. *Lemercie Quelquejay Ch.* Op. cit. P. 18.

73. *Каппелер А.* Указ. соч. С. 21.

74. *Lemercie Quelquejay Ch.* Op. cit. P. 18.

75. *Дзамихов К.Ф.* Адыги – вехи истории. Нальчик, 1994. С. 41–57; *Хотко С.Х.* Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XIII–XVIII вв. Майкоп, 1995. С. 113–131; *Сокуров В.Н.* Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус. Нальчик, 1999. С. 97–119; *Дзамихов К.Ф.* Западная Черкессия, Крымское ханство и Речь Посполитая: характер политических взаимоотношений в XVII веке // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. Тезисы конференции 30–31 мая 2000 г. Пятигорск, 2000. С. 50–53; *Хафицэ М.* Разбросаны адыги по белому свету. Нальчик, 2000.

76. *Henze P.B.* Circassian Resistance to Russia // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L., 1992. P. 69.

77. *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 97–98.

78. *Lemercie Quelquejay Ch.* Op. cit. P. 26, 27.

79. *Дзамихов К.Ф.* К генеалогии западноадыгских Черкасских княжеских родов в XVI–XVII вв. // Известия СКНЦВШ. 1990. № 2. С. 58.

80. *Сокуров В.* Н. Указ. соч. С. 104–105.

81. *Тихомиров В.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 149.

82. *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 105.

83. *Медушевский А.Н.* Формирование государства: власть и сословия // Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. С. 61–62.

84. РГАДА. Ф. 20. Столпцы Московского стола. № 751. Столпик 3. *Л.* 19, 21.

85. *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С. 73.

86. *Мордовина С.П.* Служилые князья в конце XVI века // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28. С. 327–328.

87. *Шватченко О.А.* Вотчинное и поместное землевладение князей Черкасских в России XVI – начала XVIII века // Народы Северного Кавказа и Россия (к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией). Нальчик, 2007. С. 72.

88. *Водарский Я.Е.* Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVII вв. М., 1975. С. 76–77, 78–79, 103, 107.

89. Там же.

90. *Шватченко О.А.* Указ. раб. С. 73.

91. Цит. по: *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С. 96–97.

92. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его Императорского величества канцелярии. Т. 1. (1612–1628). СПб., 1850. С. 96, 322, 324, 393, 630, 710, 886; Т. 2. (1628–1645). СПб., 1851. С. 124, 128, 170, 256, 269, 350, 443, 679; Т. 4. (1676–1701). СПб., 1855. С. 120, 647; ДРВ. XIV. С. 487, 490.

93. Дворцовые разряды. Т. 2. С. 269; Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 7. С. 65–66.

94. *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С. 94.

95. *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 61.

96. *Трахо Р.* Указ. соч. С. 31.

97. Очерки истории СССР XVII в. М., 1955. С. 461.

98. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 453–456, 476.

99. Там же. С. 350; КРО. Т. 1. С. 385.

100. РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1640. № 1. *Л.* 230–247; КРО. Т. 1. С. 192–197.

101. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 553–561.

102. Акты времен правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 169, 177; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 47–48.

103. *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 68.

104. Очерки истории СССР XVII в. М., 1955. С. 919.

105. *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях. С. 26.

106. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 225, 247, 347–398.

107. История народов Северного Кавказа. М., 1988. Т. 1. С. 336; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 138–140.

108. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 528.

109. КРО. Т. 1. № 44–48; *Юдин П.* Мурза Сунчалей Янглычевич (один из деятелей Смутного времени) // Русский архив. М., 1913. № 2.

110. Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. № 248, 257, 269; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 140–156.

111. КРО. Т. 1. С. 84–85; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 558.

112. *Кушева Е.Н.* Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. // Исторический журнал. М., 1943. № 1. С. 67.

113. *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 223, 262, 381; СПб., 1898. Т. 3. С. 125; КРО. Т. 1. С. 88; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 151–152.

114. Там же.

115. КРО. Т. 1. С. 89, 162.

116. Там же.

117. Там же. С. 90.

118. *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 89–91.

119. КРО. Т. 1. С. 97–98.

120. *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 83.

121. *Моков Б.М.* Феодальные группировки, междоусобная борьба в Кабарде в XVII в. и отношение к ней русского правительства // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 63–86.

122. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа… С. 303.

123. КРО. Т. 1. С. 58.

124. Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. С. 160.

125. КРО. Т. 1. С. 49–50, 73, 84–85, 106, 165.

126. Там же. С. 384–387.

127. Там же. С. 80–81.

128. РГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1616–1617. Б/№. *Л.* 76; РГАДА. Ф. Крымские дела. Кн. 13. *Л.* 49–50; Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 55–58.

129. КРО. Т. 1. С. 102–103.

130. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 137.

131. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 95–96; Акты Московского государства. Под ред. Н.А. Попова. Т. 1. Разрядный приказ (1571–1634). СПб., 1890. С. 210–211; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 143; *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 85.

132. КРО. Т. 1. С. 384–385.

133. *Моков Б.М.* Указ. соч. С. 76–78.

134. КРО. Т. 1. С. 179–180, 210, 203–205.

135. Там же. С. 153.

136. Там же. № 99, 103, 104, 117; Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. Т. 2. (1635–1659). СПб., 1894. С. 50–53; Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 185–187.

137. КРО. Т. 1. С. 181.

138. Там же. С. 182.

139. Там же.

140. Там же.

141. Там же. С. 190.

142. *Кушева Е.Н.* Северный Кавказ и международные отношения. С. 68.

143. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 146–148.

144. Там же. *Л.* 169–173; Акты XVI–XVIII вв., извлеченные А.Н. Зерцаловым. М., 1897. С. 75–80; КРО. Т. 1. С. 143–145, 183, 209–213.

145. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 149–153; КРО. Т. 1. С. 205.

146. Там же. *Л.* 106.

147. КРО. Т. 1. С. 240.

148. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 167; КРО. Т. 1. С. 241.

149. КРО. Т. 1. С. 198–199, 207, 222–223, 226–227.
150. Там же. С. 227.
151. Там же. С. 250.
152. Там же. С. 249.
153. История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 338; *Моков Б.М.* Указ. соч. С. 83.
154. КРО. Т. 1. С. 207, 273.
155. *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 380.
156. Донские дела. СПб., 1906. Т. 2. С. 908–909.
157. КРО. Т. 1. С. 275.
158. *Поттo В.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 72–73.
159. *Вилинбахов В.Б.* Указ. соч. С. 82.
160. *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 108.
161. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 527; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 333.
162. История народов Северного Кавказа... С. 325.
163. Там же. *Белокуров С.А.* Указ. соч. Вып. 1. Ч. 3. С. 251–256, 391–405.
164. История народов Северного Кавказа... С. 325.
165. Там же. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 253, 255–256.
166. *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. С. 62–63.
167. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 247, 347–348, 717.
168. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 91–92.
169. *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 387.
170. Российская историческая библиотека (в дальнейшем: РиБ). Кн. 1. Т. 18. С. 569; Кн. 2. Т. 24. С. 615–619, 913–917; Кн. 4. Т. 29. С. 17, 44, 442, 877; Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. (Собр. г-м А.А. Лишиным). Новочеркасск, 1894. С. 22, 54; *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского // Дон. Ростов н/Д., 1989. № 1. С. 147; № 3. С. 144; № 4. С. 150; № 5. С. 135–136, 142–144; 1989. № 6. С. 136–138, 146, 150–151; № 7. С. 145, 148–153.
171. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 89–90; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 316.
172. *Челяби Эвлия.* Книга путешествия в Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 28.
173. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 42–43; *Лашков Ф.Ф.* Указ. соч. С. 106.
174. *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 345–347.
175. Воссоединение Украины с Россией (Документы и материалы). М., 1954. Т. 2. С. 46.
176. Там же. С. 329.
177. Там же. С. 361.
178. Там же. С. 508.
179. Там же. С. 483.
180. Там же. С. 485.
181. Там же. С. 508.
182. *Барановский Б.* Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 249–251.
183. КРО. Т. 1. С. 6, 15, 393–394; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 212, 217.
184. *Барановский Б.* Указ. соч. С. 259; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа. С. 146.

185. Акты исторические. Т. 4. С. 291–292, 301–302; КРО. Т. 1. С. 322–325; Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 267–269.

186. КРО. Т. 1. С. 320–321.

187. Там же. С. 320.

188. РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1658. Ед. хр. 1. *Л.* 1–2.

189. Там же. Ф. Ногайские дела, 1662. Ед. хр. 1. *Л.* 1–41.

190. Там же. *Л.* 23–27.

191. Там же. Ф. Сношения России с Крымом, 1672–1674. Оп. 1. Ед. хр. 58. *Л.* 168 об.; *Сокуров В.Н.* О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 8.

192. КРО. Т. 1. С. 181, 334–335, 345.

193. РГАДА. Ф. Сношения России с Крымом, 1672–1674. Оп. 1. Ед. хр. 58. *Л.* 168 об.; *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 8.

194. КРО. Т. 1. С. 329.

195. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 70–72; *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Указ. соч. С. 52–59.

196. РГАДА. Ф. Калмыцкие дела, 1661. *Д.* 4. *Л.* 8, 14; Архив ЛОИИ. Ф. Астраханской приказной палаты, 1681. *Д.* 8360. *Л.* 1–10; *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей родины. Элиста, 1965. С. 18.

197. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственного его Императорского Величества канцелярии. Т. 3. (1645–1670 гг.). СПб., 1852. С. 915, 1015; КРО. Т. 1. С. 336.

198. Дворцовые разряды. Т. 3. (1645–1670 гг.). С. 1388, 1372–1374; Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 70–72; КРО. Т. 1. С. 337–342.

199. КРО. Т. 1. С. 337–342.

200. Там же. С. 344.

201. Там же. С. 348–349.

202. Дворцовые разряды. Т. 3. (1645–1670 гг.). С. 1433–1434; Там же. С. 349.

203. КРО. Т. 1. С. 353.

204. Там же.

205. Там же. С. 369–371; *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Указ. соч. С. 58–59.

206. КРО. Т. 1. С. 370–371.

207. РГАДА. Ф. Калмыкские дела, 1679. *Д.* 1. *Л.* 11–12; *Лихачев Е.К.* М. Черкасский // Русский биографический словарь (в дальнейшем: РБС). СПб., 1905. С. 216–217.

208. РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1675. *Д.* 1. *Л.* 382 об., 431 об., 434, 487 об.; КРО. Т. 1. С. 359.

209. КРО. Т. 1. С. 354–355, 356–357, 368–369.

210. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 297–299; КРО. Т. 1. С. 364–365.

211. Там же. С. 360.

212. Там же. С. 360–361.

213. *Ахмадов Я.З.* Указ. соч. С. 159.

214. Там же. С. 160.

215. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVII веке. М., 1991. С. 38–45.

216. История России с начала XVIII до конца XIX века. Отв. редактор А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 85–91; *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 15–19; *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. С. 24–29.

217. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 160–161; История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 407–411.

218. *Сокуров В.Н.* Канжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные вопросы Кабардино-Балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 48.

219. Исторические связи народов СССР с Румынией в XV – начале XVIII века. М., 1970. Т. 3. С. 298–299.

220. РГАДА. Ф. Сношения России с Турцией, 1708. *Д.* 2. *Л.* 434, 356, 437.

221. История народов Северного Кавказа... С. 408.

222. РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1711. *Д.* 1. *Л.* 2.

223. *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 81.

224. Там же. *Д.* 1. *Л.* 1 об.

225. История Кабардино-Балкарской АССР... С. 162.

226. РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1711. *Д.* 3. *Л.* 20 об.

227. РГАДА. Ф. 115. Посольский приказ; Кабардинские дела, 1711. *Д.* 1. *Л.* 1–1 об.; КРО. Т. 2. С. 3.

228. РГАДА. Ф. Кабинет Петра. I отд. Оп. 3. Кн. 13. Ч. 1. *Л.* 1036–1037.

229. *Бушуев С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 79.

230. КРО. Т. 2. С. 6.

231. Там же. С. 13.

232. РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1719. *Д.* 2. *Л.* 36–43 об.; *Броневский С.М.* Исторические выписки о сношении России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен Ивана Васильевича доныне. СПб., 1996. С. 48–49, 74–75.

233. РГАДА. Ф. 115. 1714. *Д.* 1. *Л.* 1–1 об.; КРО. Т. 2. С. 13–22.

234. РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1714. *Д.* 1. *Л.* 1–3.

235. *Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I 1722–1723. М., 1951. С. 100–101.

236. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 163–164.

237. РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1717. *Д.* б/№. *Л.* 1–4.

238. Там же. Ф. Кабардинские дела, 1718. *Д.* 1. *Л.* 32–33.

239. Там же. Ф. Кабардинские дела, 1719. *Д.* 1. *Л.* 29; КРО. Т. 2. С. 22.

240. История Кабарды. М., 1957. С. 58.

241. Архив внешней политики России (в дальнейшем: АВПРИ). Ф. Крымские дела, 1720. *Д.* 1. *Л.* 96.

242. Там же.

243. *Налоева Е.Е.* К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки КБГУ. Нальчик, 1969. Вып. 40. С. 22.

244. АВПРИ. Ф. Крымские дела, 1722. *Д.* 6. *Л.* 8–12.

245. *Налоева Е.Н.* Указ. соч. С. 28.

246. *Броневский С.М.* Исторические выписки. С. 48–49, 68–69, 74–75.

247. АВПРИ. Ф. Крымские дела, 1722. *Д.* 3. *Л.* 18.

248. Там же. Ф. Сношения России с Персией. *Д.* 13. *Л.* 113.

249. Там же. *Д.* 7. *Л.* 124.

250. Там же. Ф. Крымские дела. *Д.* 3. *Л.* 18.

251. *Налоева Е.Н.* Указ. соч. С. 33.

252. АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией, 1723. *Д.* 5. *Л.* 23–26.

253. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 17.

254. *Броневский С.* Указ. соч. С. 83.

255. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1730–1733. Оп. 1. *Д.* 1. *Л.* 65.

256. Там же. Оп. 1. *Д.* 1. *Л.* 7–8, 13, 14.

257. История народов Северного Кавказа... С. 427.

258. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1731–1732. *Д.* 2. *Л.* 215.

259. *Грабовский Н.* Присоединение к России Кабарды и борьба за ее независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 118.

260. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1. С. 374.

261. Там же. С. 19.

262. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1731. Оп. 1. *Д.* 1. *Л.* 13–14 об.

263. Там же. С. 23.

264. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1730–1733. *Д.* 1. *Л.* 25–32; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 161–166, 166–170; КРО. Т. 2. С. 72–76, 77–78, 147–151.

265. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1748. *Д.* 6. *Л.* 19.

266. *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Указ. соч. С. 211.

267. ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. *Д.* 45. *Л.* 47.

268. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1734. *Д.* 2. *Л.* 4–5; *Д.* 3. *Л.* 1, 2, 20–21; *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 184–185; *Байов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны, война с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. С. 209.

269. Там же. С. 432.

270. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1739. *Д.* 1. *Л.* 15, 24–25.

271. Российский государственный военно-исторический архив (в дальнейшем: РГВИА). Ф. ВУА. Оп. 1. *Д.* 47. *Л.* 90.

272. Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем: ПСЗ). СПб., 1830. Т. 10. № 7900. С. 899–900.

273. Там же. С. 120.

274. *Вилинбахов В.Б.* Указ. соч. С. 169.

275. *Грабовский Н.* Указ. соч. С. 120; АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1742. *Д.* 7. *Л.* 110–111, 215–220, 224.

276. История Кабардино-Балкарской АССР... С. 168.

277. *Блиев М.М.* Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в). Орджоникидзе, 1970. С. 171.

278. РИО. Т. 48. С. 513.

279. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Ч. 2. С. 685–694; КРО. Т. 2. Раздел 2. С. 101–276; *Якубова И.И.* Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40–70-е годы XVIII века. Нальчик, 1993.

280. КРО. Т. 2. Раздел 2; *Дзамихов К.Ф.* Кабарда в системе международных отношений XVIII века // История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 100–101; Дневник майора Татарова, веденый в Кабарде в 1761 г. // *Кобяков В.Д.* Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850–1859). Тифлис, 1879. С. 168–224.

281. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1745. *Д.* 3. *Л.* 15 об. (КРО. Т. 2. С. 129).

282. Там же. Ф. Кабардинские дела, 1742. *Д.* 7. *Л.* 210–211, 236; Там же. 1744. *Д.* 4. *Л.* 1–8; Там же. 1745. *Д.* 5. *Л.* 94–95, 103–104. 1747. *Д.* 2. *Л.* 5–7. 1749. *Д.* 1. *Л.* 2–3.

283. Там же. Ф. Кабардинские дела, 1747. *Д.* 8. *Л.* 41 об.–43.

284. Там же. Ф. Кабардинские дела, 1749. *Д.* 4. *Л.* 118–119.

285. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. С. 81.

286. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1750. *Д.* 3. *Л.* 21 об.

287. Там же. Ф. Кабардинские дела, 1750. *Д.* 3. *Л.* 30–30 об.

288. *Грабовский Н.* Указ. соч. С. 122–123; *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 81; История Кабардино-Балкарской АССР... С. 168.

289. *Вилинбахов В.Б.* Указ. соч. С. 170; *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 85.

290. Там же. С. 84–85; *Вилинбахов В.Б.* Указ. соч. С. 170–171; История Кабардино-Балкарской АССР... С. 168–169; РГАДА. Ф. Госархив. разряд XXIII. *Д.* 7. *Л.* 1–5; АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1759–1765. *Д.* 5. *Л.* 91–96.

291. КРО. Т. 2. № 162–164, 167–170, 173–179; *Дзамихов К.Ф.* Кабарда в системе международных отношений XVIII века. С. 101–102.

292. Акты Кавказской археологической комиссии (в дальнейшем: АКАК). Тифлис, 1866. Т. 1. С. 82.

293. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1770. Оп. 115/1. *Д.* 2. *Л.* 10.

294. КРО. Т. 2. С. 296–297.

295. *Якубова И.И.* Указ. соч. С. 106–107.

296. Там же. С. 106.

297. Цит. по: Описание гребенских казаков в XVIII веке // *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 246.

298. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. / Под ред. А.И. Нарежного, Н.В. Самариной. Ростов н/Д., 2001. С. 85.

299. КРО. Т. 1. С. 13.

300. *Куприянова Л.В.* Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М., 1981. С. 22.

301. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (историко-этнографические очерки). М., 1974. С. 187; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. В.Б. Пиотровского. М., 1981. С. 329.

302. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 329.

303. *Потто В.А.* Два века терского казачества. Ставрополь, 1991. С. 34.

304. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 61.

305. Там же. С. 59.

306. *Омельченко И.Л.* Указ. соч. С. 60; *Кравцов И.* Очерк о начале Терского Казачьего Войска. Харьков, 1882. С. 80.

307. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. / Под ред. А.И. Нарежного, Н.В. Самариной. Ростов н/Д., 2001. С. 84.

308. *Ткачев Г.А.* Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911. С. 36.

309. *Востриков П.А.* Станица Наурская // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 104.

310. *Толстой Л.Н.* Казаки. Повести и рассказы. М., 1981. С. 157.

311. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. СПб., 1996. С. 17.

312. КРО. Т. I. С. 94.

313. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 330.

314. *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 39.

315. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.,1869. Ч. 1. С. 14–15.

316. Там же. С. 32–33.

317. *Заседателева Л.Б.* Указ. соч. С. 197.

318. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. С. 286. (№ 4509).

319. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988. С. 51.

320. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 78; *Козлов С.А.* Указ соч. С. 59.

321. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 193.

322. *Караулов М.А.* Терское казачество. М., 2007. С. 110.

323. ЦГА РСО-Алания. Ф. 13. Оп. 1. *Д.* 580. *Л.* 74–74 об.

324. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/*Д.*, 2001. С. 77.

325. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 154–155.

326. *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. СПб., 1996. С. 29.

327. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 340.

328. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 75.

329. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX веков. Сб. документов под ред. В.Г. Гаджиева. (В дальнейшем РДО). М., 1988. С. 8–11; *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 152–153.

330. РДО. С. 152–153.

331. *Магомедов Р.М.* Указ. соч. С. 178–179.

332. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 188.

333. РДО. С. 59, 67–70, 151–154.

334. КРО. Т. 1. С. 153.

335. РДО. С. 88.

336. Там же. С. 117–119.

337. Там же. С. 146–149.

338. КРО. Т. 1. С. 261–270.

339. *Крикунова Е.О., Павлова И.М.* К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке // Ученые записки КБПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 91–94.

340. Там же. С. 92.

341. Там же. С. 97–100, 100–103.

342. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 37.

343. Исторические сведения о местах, на которых основан город Петровск // Кавказ. 14 декабря 1869. № 147.

344. РГАДА. Ф. Посольский приказ, 1711. *Д.* 3. *Л.* 1–5.

345. Там же. *Д.* 1. *Л.* 2–3.

346. Там же. Кабардинские дела, 1712. *Д.* 1. *Л.* 32–34.

347. РДО. С. 223.

348. История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 339.

349. Там же.

350. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1720–1721. *Д.* 5. *Л.* 91–94.

351. Там же.

352. *Мамбетов Г.Х.* К истории взаимоотношений кабардинцев с народами Дагестана в XVI–XVIII веках // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 50.

353. *Сотавов Н.А.* Указ. соч. С. 59.

354. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 67.

355. *Сотавов Н.А.* Указ. соч. С. 43.

356. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1730–1733. *Д.* 1. *Л.* 41 об.

357. *Сотавов Н.А.* Указ. соч. С. 127.

358. *Гаджиев А-Г.С.* Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. С. 10.
359. История Дагестана. Т. 1. С. 375–380.
360. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 352.
361. АКАК. С. 89.
362. *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 140.
363. *Мамбетов Г.Х.* Указ. соч. С. 51.
364. РДО. С. 170–171.
365. *Грабовский Н.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССОКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 171.
366. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. 1–3. С. 226.
367. Там же. С. 297.
368. *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 141–142.
369. *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 206–207. Ч. 3. С. 198.
370. *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 158; История Кабарды. М., 1957. С. 64.
371. История Дагестана. Т. 1. С. 399.
372. КРО. Т. 2. С. 375–378.
373. Цит.: *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 158–159.
374. *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 59–60.
375. *Юдин П.Л.* Мурза Сюнчалей Янгалычев // Русский Архив. М., 1913. № 2. С. 152.
376. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 150.
377. РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1616. Д. б/№. Л. 27; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 81.
378. *Юдин П.Л.* Указ. соч. С. 160.
379. *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 81.
380. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 156.
381. *Крикунова Е.О., Павлова И.Н.* К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке // Ученые записки КБПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 83.
382. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1761. Д. 15. Л. 407–408.
383. *Ахмадов Я.З.* Политическое взаимоотношение Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XIX века // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XIX вв. Грозный, 1981. С. 64.
384. Там же.
385. *Ахмадов Ш.Б.* Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVI – начале XIX вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XIX вв. Грозный, 1981. С. 76–77.
386. *Мамбетов Г.Х.* К вопросу о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией в XVI–XVIII веках // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1970. Вып. 4. С. 21–22.
387. Там же.
388. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 68.
389. РГИА. Ф. 796. Оп. 26. Д. 373. Л. 43–43 об.
390. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 24.
391. РОО. Т. 1. С. 393–451.
392. *Оразаев Г.М., Ахмадов Я.З.* К истории политических связей чеченского феодального владения с Россией в XVII–XVIII веках. Публикация источника // Роль России в

исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX века). Грозный. 1983. С. 35–36.

393. *Виноградов В.Б., Умаров С.Ц.* Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979. С. 41–42.

394. Там же. С. 43.

395. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 28.

396. *Виноградов В.Б., Умаров С.Ц.* Указ. соч. С. 44.

397. Там же.

398. *Мамбетов Г.Х.* К вопросу о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией. С. 40–43.

399. *Исаева Т.А.* Военно-политический союз народов северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вторая половина XVI–XVIII века) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX века). Грозный. 1983. С. 47–50.

400. *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 205–208; *Потто В.А.* Указ. соч. С. 48.

401. РОО. Орджоникидзе, 1984. Т. 2. С. 10.

402. АВПРИ. Ф. Осетинские дела, 1743–1452. Оп. 128/11. *Д.* 3. *Л.* 103–104.

403. РГИА. Ф. 796. Оп. 26. *Д.* 373. *Л.* 79.

404. Там же. *Л.* 182.

405. Там же. *Л.* 219 об.; КРО. Т. 2. С. 133–134.

406. РОО. Т. 2. С. 10, 137, 142, 163.

407. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 25.

408. РОО. Т. 1. С. 118–120.

409. РОО. Т. 1. С. 201–202.

410. *Блиев М.М.* Русско-осетинские отношения (40-е годы XVIII в. – 30-е годы XIX в.) Орджоникидзе, 1970. С. 120.

411. РОО. Т. 1. С. 304.

412. Там же.

413. Там же. С. 303.

414. История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 131.

415. АВПРИ. Ф. Осетинские дела, 1743–1452. Оп. 128/11. *Д.* 3. *Л.* 288.

416. РОО. Т. 1. С. 379.

417. Там же. С. 378.

418. *Блиев М.М.* Русско-осетинские отношения... С. 180–181.

419. *Тогошвили Г.Д.* Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов СОИЭЯиЛ. Орджоникидзе, 1976. Т. 31. С. 114.

420. РОО. Т. 2. С. 123.

421. Там же. С. 182.

422. Там же. С. 247, 248, 249, 262.

423. Там же. С. 249.

424. Там же. С. 339.

425. Там же. С. 394.

426. История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 136–137.

427. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 32.

428. История Кабардино-Балкарской АССР... М., 1967. Т. 1. С. 170.

429. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 68.

430. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 76–78.

431. *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 207.

432. КРО. Т. 2. С. 375–378.
433. История Северо-Осетинской АССР... Т. 1. С. 136–137.
434. РОО. Т. 2. С. 354; КРО. Т. 2. С. 310.
435. ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. 1-я пол. С. 228.
436. Там же. С. 259.
437. *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 155; *Карданов Ч.Э.* Из истории отношения между адыгскими народами и Россией в XVI веке. Нальчик, 1972. С. 25.
438. *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 155; *Она же.* Из истории сношений западных адыгов и северокавказских абазин с русским государством в XVI–XVII веках // Труды КЧ-НИИ. 1964. Серия историческая. Вып. 4. С. 139.
439. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. С. 237.
440. *Бенешевич В.* Черкасский, князь Василий Карданукович // РБС. СПб., 1905. Т. 9. С. 196; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 155.
441. КРО. Т. 1. С. 82.
442. Там же. С. 90.
443. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 2.
444. КРО. Т. 1. С. 93.
445. Абазины. Историко-этнографический очерк. С. 17.
446. *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 156.
447. История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 114.
448. КРО. Т. 1. С. 224.
449. Там же. С. 208.
450. Там же. С. 217–234.
451. Там же. Л. 131 об.
452. Там же.
453. Там же. С. 129.
454. Там же. С. 138.
455. Там же. С. 164.
456. Очерки истории Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1967. Т. 1. С. 260.
457. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. С. 82.
458. Абазины. Историко-этнографический очерк. С. 20.
459. Там же.
460. *Толстов В.* История Кубанского казачьего войска. Тифлис, 1900. С. 62–63.
461. История народов Северного Кавказа древнейших времен до конца XVIII века. С. 457.
462. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского архива Министерства иностранных дел. (1578–1613). М., 1889. Вып.1; Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг. СПб., 1861; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1–2.
463. См. подр. библиографию: *Боцвадзе Т.Д.* Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974. С. 7–11; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI в. – 30-е годы XVIII в.). М., 1963.
464. КРО. Т. 1. С. 5.
465. Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 217–218.
466. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями... С. 2.
467. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 324–327.

468. *Азаматов К.Г., Рехвиашвили И.* Истоки уходят в прошлое // Кабардино-Балкарская правда, 1982 г. 18 октября.

469. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями... С. 61.

470. *Цагарели А.А.* Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII вв. СПб., 1891. С. 27.

471. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией, 1733. *Д.* 1. *Л.* 1–4.

472. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1742–1762. Т. 1. С. 38.

473. Там же.

474. Там же. С. 40.

475. Русско-осетинские отношения. Сборник документов. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 39.

476. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 107–108.

477. *Тогошвили Г.Д.* Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов Северо Осетинского института истории, экономики, языка и литературы. Орджоникидзе, 1976. Т. 31. С. 114.

478. *Мачарадзе В.Г.* Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в. Посольство Теймураза в Россию. Тбилиси, 1968. Ч. 2. С. 236–237.

479. См.: История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до конца XVII в.). Цхинвали, 1962. Т. 1. С. 104.

480. Грамоты и другие исторические документы 18 столетия, относящиеся к Грузии / Под ред. А.А. Цагарели. СПб., 1891. Т. 1. (С 1768 по 1774 гг.). С. 43.

481. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. *Д.* 12. *Л.* 346.

482. *Вилинбахов В.Б.* Совместные русско-кабардинские военные действия (со второй половины XVI в. до 1791г.) // Сборник статей КБНИИ. Нальчик, 1959. Т. 14.

483. Цит: *Пайчадзе Г.Г.* Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970. С. 159.

484. КРО. Т. 2. С. 40–41.

485. Там же. С. 40.

486. КРО. Т. 2. С. 40–41.

487. *Пайчадзе Г.Г.* Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970. С. 174.

488. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XVIII вв. М., 1958. С. 79.

489. *Пайчадзе Г.Г.* Указ. соч. С. 226.

490. Там же. С. 233.

491. *Боцвадзе Т.Д.* Указ. соч. С. 54.

492. История Грузии. Тбилиси, 1962. Т. 1. С. 346–347.

493. История Осетии в документах и материалах... Т. 1. С. 71–77.

494. *Ломидзе Д.И.* Восточная Грузия в 1735–1749 гг. («Кызылбашоба»). Автореф. Тбилиси, 1986. С. 20.

495. *Сургуладзе А.* Прогрессивные последствия присоединения Грузии к Росии. Тбилиси, 1982. С. 26–27.

496. История Осетии в документах и материалах... Т. 1. С. 71–77.

497. Там же.

498. *Пайчадзе Г.Г.* Указ. соч. С. 246–247.

499. Там же.

500. Грамоты и другие исторические документы 18 столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1. С. 7.

501. История Осетии в документах и материалах... С. 71–77.
502. КРО. Т. 2. С. 179.
503. История Осетии в документах и материалах... Т. 1. С. 77.
504. *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 391; *Кикодзе Г.* Ираклий II. Тбилиси, 1948. С. 65.
505. История Осетии в документах и материалах... Т. 1. С. 241–242.
506. История Грузии. Тбилиси, 1962. С. 359.
507. История Осетии в документах и материалах... Т. 1. С. 71–77.
508. *Пайчадзе Г.Г.* Указ. соч. С. 258.
509. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 134–135, 141–142.
510. История Осетии в документах и материалах... С. 71–77; *Тогошвили Г.Д.* Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений // Труды Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1964. Т. 5. Вып. 1. С. 152.
511. *Мачарадзе В.Г.* Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в. Тбилиси, 1968. Ч. 2. С. 236–237.
512. Там же. С. 91, 189.
513. *Боцвадзе Т.Д.* Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. С. 58.
514. *Мачарадзе В.Г.* Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в. Тбилиси, 1968. Ч. 2. С. 551–554.
515. Там же.
516. РОО. Т. 2. С. 183.
517. Грамоты и другие исторические документы 18 столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1. С. 35.
518. Там же. С. 26.
519. *Боцвадзе Т.Д.* Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. С. 67.
520. Там же.
521. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. *Д.* 12. *Л.* 346.
522. КРО. Т. 2. С. 334, 342.
523. Там же.
524. *Маркова О.П.* Феодальная реакция на прогрессивную политику единодержавия в Грузии (выступление князя Александра Грузинского, 1766–1783) // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 373–374.
525. *Боцвадзе Т.Д.* Указ. соч. С. 74.
526. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 53.
527. *Боцвадзе Т.Д.* Указ. соч. С. 4.
528. КРО. Т. 1. М., 1957. С. 113.
529. *Гамель.* Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 г. по приказанию царя Михаила Федоровича для отыскания серебряной руды. СПб., 1829. С. 57.
530. КРО. Т. 1. С. 125.
531. Там же. С. 121.
532. Там же. С. 126.
533. Там же. С. 121.
534. *Полиевктов М.А.* Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650–1652. Тифлис, 1926. С. 31–36, 117.
535. *Азаматов К.Г., Рехвиашвили И.* Истоки уходят в прошлое // Кабардино-Балкарская правда, 1982. 18 октября.
536. *Полиевктов М.А.* Указ. соч. С. 120.

537. *Виноградов В.Б.* Балкарцы в русско-кавказских отношениях XVII века // Вопросы истории, 1985. № 6. С. 176.

538. *Накашидзе Н.Т.* Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1968.

539. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг. СПб., 1861. С. 61.

540. *Азаматов К.Г., Рехвиашвили И.* Указ. соч.

541. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сборник документов. М., 1997. С. 194.

542. *Кушева Е.Н., Усманов М.А.* К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. 1978. № 6. С. 99–110.

543. Русско-чеченские отношения… С. 195, 196.

544. См. *Азаматов К.Г.* К вопросу о русско-балкарских отношениях в XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах на родов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 275; *Виноградов В.Б.* Указ. соч.

545. КРО. Т. 1. С. 242.

546. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). Тбилиси, 1974. Т. 1. С. 6.

547. О грузинском письме царя Арчила к шведскому королю Карлу XII, от 2 февраля 1706 г. и о пребывании Арчила в России академика Броссе // Ученые записки императорской Академии наук по I и III отд. СПб., 1854. Т. 2. С. 572.

548. Там же. С. 573.

549. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 105.

550. Там же. С. 106.

551. Там же. С. 106, 140–142; *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Россия (формы исторического взаимодействия). М., 2000. С. 179–180.

552. *Кокиев Г.А.* Из истории сношений России с Кавказом (IX–XIX вв.) // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1946. Т. 1. С. 65.

553. КРО. Т. 2. С. 188.

554. *Кокиев Г.А.* Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними народами // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940. 10–12 декабря.

555. *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 154.

556. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) Т. 1 / Сост. Г. Кокиев // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1934. Т. VI. С. 34–36.

557. Кавказ. 1867. № 6.

558. *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй балкарцев в XVIII в. // УЗКБГУ. Нальчик, 1965. Вып. 27. С. 30.

559. Там же. С. 33.

560. КРО. Т. 2. С. 18.

561. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х т. Орджоникидзе, 1984. Т. 2. С. 184–193.

562. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х т. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 37.

563. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) Т. 1 // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1934. Т. VI. С. 34–35.

564. Там же. С. 35–36.
565. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. 2. С. 82–84.
566. АБКИЕА. С. 207–208.
567. *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 113.
568. РГВИА. Ф. 414. *Д*. 300. *Л*. 77 об.
569. АБКИЕА. С. 245.
570. РГВИА. Ф. 482. *Д*. 192. *Л*. 141.
571. АБКИЕА. С. 59, 107, 226.
572. Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Россия и Северный Кавказ. М., 2000. С. 24, 26–27.
573. *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 92.
574. АКАК. Т. 2. С. 1117.
575. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Извлечение. Нальчик, 2001. С. 197.
576. *Опрышко О.Л.* Через века и судьбы. Нальчик, 1982. С. 200.
577. РГВИА. Ф. 482. *Д*. 192. *Л*. 135 об.
578. Там же. *Л*. 140 об.–141.
579. *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 92.

ГЛАВА 3

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.: КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАРОДОВ РЕГИОНА

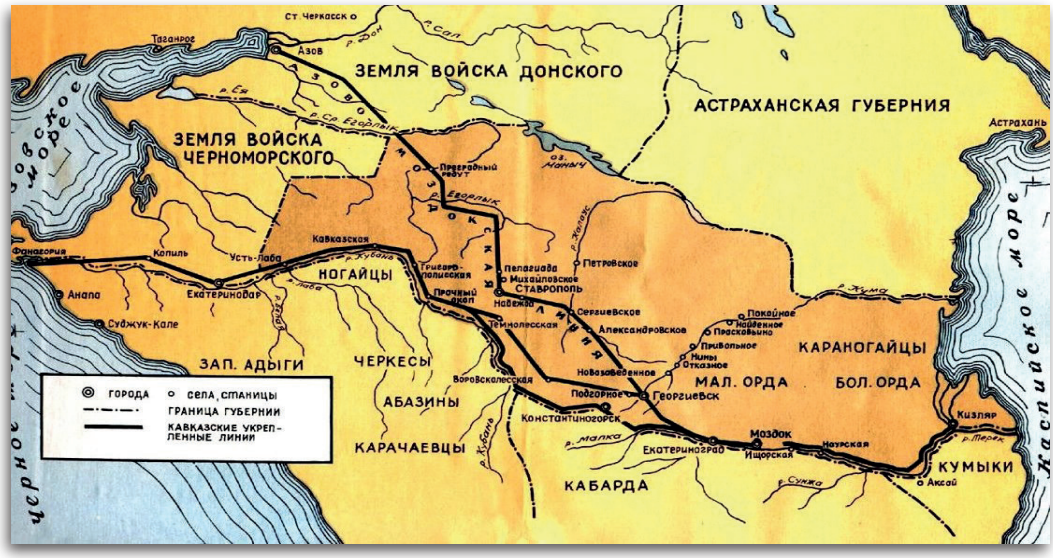
3.1. Антиколониальная борьба Кабарды в конце XVIII – первой трети XIX века

Во второй половине XVIII в. Россия значительно окрепла и утвердила свой международный авторитет. В ее восточной политике происходят изменения по отношению к Кавказу. После ликвидации автономного существования запорожского и донского казачества, а в последующем и Крымского ханства в российских правительственных кругах начинают разрабатываться широкие планы колонизации южных степей и Предкавказья. Укрепив свои позиции в бассейне р. Терек, царизм своей первоочередной стратегической и политической задачей ставит завоевание Центрального Кавказа, и в первую очередь Кабарды. Только при условии полного завоевания Кабарды царизм мог подчинить Центральный Кавказ и через это удержать свои позиции в Закавказье.

В 60-х гг. XVIII в. в крае появляется сплошная линия военных укреплений – от Кизляра, заложенного еще в 1736 г., до Моздока (1763 г.), что явилось началом возведения «Кавказской линии». Для сооружения крепостей отбирались земли кабардинцев и других горских народов. Одновременно расширялась сфера военно-казачьей колонизации[1]. В официальных документах, излагающих правительственную программу, довольно ясно говорилось, что «единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества на Западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением»[2]. В практике царизма, по справедливому замечанию А.В. Фадеева, эта установка применялась и по отношению к Центральному и Восточному Кавказу. Появление новых казачьих станиц в верховьях Кумы, по Лабе и Урупу, Малке и Сунже сопровождалось

оттеснением в горы местного населения. Из центральных областей России на Северный Кавказ начинается переселение крепостных крестьян. Поощряя эти процессы, царизм использовал их как рычаги своей завоевательной политики на Кавказе.

Военные крепости, о которых идет речь, являлись форпостами царизма и имели теперь больше не оборонительное значение, как в XVI–XVII вв., а наступательное против горских народов. Кабардинская господствующая верхушка хорошо осознавала, что военные укрепления будут ограничивать ее политическую и экономическую независимость, и стала занимать резко враждебную позицию по отношению к России.



Азово-Моздокская укрепленная линия

Строительство крепости Моздок в 1763 г. на восточных рубежах Кабарды, по своей сути, являлось началом планомерного захвата кабардинских земель. С 1769 г. русская военная администрация, назначив приставом в Кабарду секунд-майора Дм. Тоганова, открыто вмешивается во внутренние дела кабардинского общества. Вооруженные выступления кабардинских князей, а также их попытки через свои депутации в Петербург решить вопросы о срытии Моздока, возвращении беглых подвластных, упразднении приставства закончились безрезультатно.

В 1760–1770-х гг. царское командование окончательно разработало план военного утверждения империи на Центральном Кавказе. Основополагающими документами в этом плане являлись:

1) Рапорт кизлярского коменданта генерал-майора Н.А. Потапова в Коллегию иностранных дел с изложением мер «по принятию в покорность» кавказских народов в условиях войны с Турцией (2 декабря 1768г.).

2) «Представление капитана Гастотти в коллегию иностранных дел о поведении кабардинских феодалов в период Русско-турецкой войны с изложением его мнения о той политике, которую следует проводить царскому правительству в Кабарде» (ранее 15 октября 1770 г.).

3) «Представление астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде…» от 24 апреля 1775 г.

Н.А. Потапов считал необходимым: «Первоначально, кажется, надлежит кабардинцов и кубанцов оголодить. Отогнать их скотские и конские табуны з здешней и донской стороны… Весною ж истребить их хлеб, о котором оне начнут пещись, и потому останутся оне голодны и негодны будут ко всем предприятиям, тем больше, что не имеючи скота и хлеба, совсем обнищают, а без лошадей что могут предпринять?». Гастотти обращал внимание, что «в независимости живущие горские народы во всем следуют Великой Кабарде, то нужно привести ныне Кабарду в такое состояние, чтоб … можно было ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно, и чтоб для переду не надобно было опасаться каких-либо с ее стороны хлопот и безпокойств на границах». Он рекомендовал продолжать практику дипломатического заложничества-аманатства, «возбуждать распри и несогласия между кабардинцами», шантажировать кабардинцев реквизицией имущества и т.д. Астраханский губернатор П. Кречетников обосновал в своем проекте необходимость широкой ассимиляции кабардинцев и других северокавказцев: «ассимиляция через христианизацию», через русско-кавказские браки и совместные поселения с казачеством, через устройство школ «для владельческих детей» и т.д.

В результате Кючук-Кайнарджийского договора между Россией и Османской Турцией в 1774 г. Кабарда была объявлена составной частью России. Как и в период Белградского договора, в данном случае Россия и Турция, определяя сферы своего влияния, делили не принадлежавшие им территории и суверенные народы[3].

Отмеченный договор одновременно должен был укрепить русское влияние среди тех горских народов, которые были связаны вассально-подданническими отношениями с Кабардой – горских обществ Балкарии, Осетии, Карачая, Ингушетии. С укреплением русских позиций в Кабарде перечисленные народы надеялись освободиться от политической и экономической зависимости со стороны кабардинских феодалов. Царское правительство поощряло эти настроения и использовало их для подрыва мощи кабардинских князей. Но оно не вмешивалось и не препятствовало, когда правители Кабарды взимали подати с соседних горских народов, не присягнувших еще на верность России.

Кючук-Кайнарджийский договор окончательно развязал руки царизму в отношении Центрального Предкавказья. Теперь Россия предпринимает практические шаги к тому, чтобы Кабарда считалась ее составной частью не только де-юре, но и де-факто. С 1777 г. ведется расширенное строительство

новых кордонных линий и крепостей между Моздоком и Азовом – Екатериноградская (1777 г.), Георгиевская (1777 г.), Солдатская (1779 г.), Владикавказская (1784 г.) и др.[4] Помимо своего прямого назначения, эта цепь укреплений должна была отделить Кабарду от Чечни и тем затруднить непосредственное влияние друг на друга. Еще при назначении генерала Медема в 1769 г. на Кавказ ему была дана инструкция «остерегаться больше всего объединения горцев и возжигать между ними огонь внутреннего несогласия»[5].

Аннексия все новых и новых кабардинских земель привела к тому, что на следующий год, т.е. в 1778 г., кабардинские князья начинают военные действия против русских войск для уничтожения военных укреплений Марьинского, Павловского, Георгиевского и Ставропольского[6]. На начавшуюся антиколониальную борьбу царизм отвечал жестокими карательными экспедициями и контрибуциями. Так, после отмеченных событий генерал Якоби заставил кабардинцев выплатить 10 тыс. рублей, выдать более 2 тыс. лошадей, около 5 тыс. голов крупного рогатого скота и свыше 4,5 тыс. овец[7]. Это был военный грабеж населения. От таких поборов страдал весь кабардинский народ, и в особенности трудовые массы.

Антиколониальная борьба достигла своего апогея в 1779 г., когда кабардинцы поставили жестко вопрос срытия всех крепостей Моздокской линии.

Основные военные действия развернулись в сентябре на реках Малка и Малая Кума (Подкумок). Царские войска под руководством генералов Якоби Фабрициана включали 2 батальона Томского и I Кабардинского пехотного полков, 10 эскадронов Владимирского драгунского полка, Моздокский казачий полк, 2 батальона егерей, 2 роты полевого моздокского батальона, 1000 казаков, 1000 калмыков с соответствующим количеством артиллерии. В сражениях погибло свыше 3000 кабардинцев, в том числе цвет кабардинской аристократии – 300 молодых князей и дворян. Результатом военного поражения стали аннексии обширных земель в центре Кабарды: Прикумья, районов Пятигорья и озера Тамбукан. В результате этого поражения кабар-

Возвращение воинов из похода

Эпизод военных действий

динские князья были вынуждены признать себя не конаками, т.е. союзниками русских монархов, а их подданными.

Царская администрация для достижения своих колониальных целей часто провоцировала народ. Ярыми проводниками такой политики в Кабарде были генералы Медем, Потапов, Якоби и др., которые прославились жестокостью и вероломством. Чтобы не допустить независимого существования Кабарды и иметь повод для вмешательства в ее внутренние дела, они специально натравливали группировки господствующей знати друг на друга, а также пользовались социальным антагонизмом кабардинского общества. Чтобы держать феодальную знать в повиновении и зависимости, царизм заигрывал с феодально-зависимым населением. Последним было дозволено в случае притеснений со стороны владельцев переселяться на Кавказскую линию. На самом же деле царизму было глубоко безразлично положение простого народа, который, в конечном итоге, им оставлялся на произвол своих угнетателей. Особенно широко пользовался такой политикой генерал П.С. Потемкин, назначенный в 1782 г. командующим войсками на Северном Кавказе. Он считал, что «не худо держать» кабардинских владельцев и «подлый народ» «в некоторой друг ко другу зависти».

Военно-административная система, которую устанавливал царизм в Кабарде, вызывала протест со стороны народа. Русские военные власти, приставы и другие чиновники не учитывали сложную обстановку в крае. Они подозрительно относились к местному населению, допускали по отношению к нему грубый произвол и не считались с обычаями и образом жизни, которые складывались здесь веками. Для проезда через укрепленные сооружения Кавказской линии кабардинцам каждый раз необходимо было получать специальные пропуска или «билеты» у представителей царской администрации. Хозяйственная деятельность кабардинского общества нарушалась не только в результате сокращения пастбищных и пахотных земель, на которых возводились крепости и казачьи станицы. Но ощущалась и экономическая блокада, которой часто пользовался царизм в своей колониальной политике. Следствием ее становилось лишение жителей Кабарды доступа к соляным озерам по р. Куме и за Тереком. Учитывая, что скотоводство было основным видом хозяйственной деятельности горцев, потребность в соли была значительной. Такие ограничения, а также регулярные военные экспедиции осложняли развитие экономики края. Описанная объективная реальность повседневной жизни часто толкала кабардинцев к нападениям на укрепления Кавказской линии. Официально-охранительная историография дооктябрьского периода в лице апологетов колониальной политики царизма (В. Потто, Н. Дубровин, А. Зайончковский, Ад. Берже, Р. Фадеев и др.) изобразит позже борьбу кабардинцев как «хищничество» и «разбои». А в публикациях отдельных новейших авторов освободительная борьба будет обозначена как «экспансионистское» движение «отсталых слоев населения» по отношению к России.

В описываемое время Османская Турция не упускала ни одного случая, чтобы в периоды обострения кабардино-русских взаимоотношений не засылать в Кабарду своих агентов для антирусской пропаганды, а также использовать для своих целей и местное духовенство.

Мусульманская религия, которая окончательно утвердилась в Кабарде во второй половине XVIII в., становилась не только учением, обосновывающим феодальные порядки общества, но и идеологическим знаменем в антиколониальной борьбе горцев. Таковым было и антиколониальное движение в Чечне под руководством шейха Мансура в конце XVIII в., в котором принимала участие определенная часть кабардинцев[8].

С 90-х гг. XVIII в. царизм вводит на территории Кабарды российскую административно-судебную систему управления, следствием которой явился военно-оккупационный режим. С этого периода ликвидация фактической независимости Кабарды, сопровождавшаяся ломкой традиционной экономической и социально-политической структуры и многовекового уклада жизни, вступила в решающую фазу. Даже в такой обстановке царизм был вынужден, как это видно из указа Павла I от 28 мая 1800 г., признать, что кабардинцы и другие горцы «находятся более в вассальной зависимости, чем в подданстве»[9].

В 1793 г. в Кабарде были учреждены так называемые «родовые суды» и «расправы», которые непосредственно подчинялись моздокскому коменданту. Фактически, это была реформа судопроизводства, укреплявшая колониальный режим и нарушавшая традиционный порядок кабардинского общества. Основу своих судебных преобразований власти стремились построить на нормах обычного права, т.е. на древнем народном судопроизводстве. Оно, по их мнению, как наиболее близкое и понятное трудовым массам, должно было ослабить власть и влияние феодально-клерикальной знати, враждебной России. Царизм справедливо остерегался и видел в шариате ту реальную силу, которая могла способствовать объединению и сплочению всех слоев кабардинского общества в их антиколониальной борьбе. «В то время как туземные приверженцы шариата стремились к полной отмене действий адатов, – писал Ф.И. Леонтович, – русское управление во многих случаях становилось на сторону адата в борьбе с шариатом, прежде всего старалось ослабить действие шариата, а с ним парализовать и силу мусульманского духовенства, всегда представлявшего один из главных тормозов в деле умиротворения края»[10].

В 1794 г. в Кабарде началось крупное восстание, в котором принимали участие все слои кабардинского общества: феодальная знать, представители духовенства, феодально-зависимое население. Последняя категория выступала за освобождение не только от колониального режима, но и от социального гнета. Восстание возглавлялось Измаилом и Адильгиреем Атажукиными, Атажуко Хамурзиным из рода Кайтукиных и другими князьями. Как

свидетельствуют источники, в схватках с царскими войсками участвовало до нескольких тысяч человек. Оно было жестоко подавлено, и его руководители отправлены в ссылку[11].

На первом этапе, т.е. в 1778–1790 гг., антиколониальная борьба возглавлялась в Кабарде в основном представителями светской феодальной знати. На втором этапе, после бегства Адильгирея Атажукина из ссылки и появления его в Кабарде в 1799 г., здесь разворачивается мощное освободительное движение под религиозными лозунгами. Вокруг Адиль-гирея Атажукина начинают группироваться представители мусульманского духовенства во главе с эфендием Исхаком Абуковым. С их именами связано особое направление в антиколониальной борьбе кабардинцев в конце XVIII – начале XIX в. – это шариатское движение. Адиль-гирей Атажукин и его сторонники достигли определенных успехов по объединению всех общественных слоев кабардинского общества, а также превращению отдельных и разрозненных выступлений кабардинцев (в некоторых случаях в союзе с абазинами, бесленеевцами и карачаевцами) против царизма в массовое движение[12]. Особый интерес представляет привлечение Адильгиреем Атажукиным на свою сторону широких слоев среднего и мелкопоместного дворянства, среди которых большой популярностью пользовалась идея социального равенства.

В рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга сообщалось о том, что «сторонники Адильгирея Атажукина присягнули на Коране поступать единодушно в сем новом начинании, на тот конец, дабы потом способнее приступить ко введению равенства между владельцами и узденями, разглашая: «Почему де нам онаго между собою не иметь, когда оное существует во Франции, что многие узденья, обольщаясь сими видами, обещавшими им мнимые выгоды, отходят от своих благонамеренных владельцев и со злоумышленниками соединяются»[13]. Это направление освободительного движения последовательно боролось за учреждение в Кабарде духовного суда вместо родовых судов. Исламские лозунги Адильгирея Атажукина и Исхака Абукова о всеобщем равенстве во имя религии и священной войны против неверных одновременно служили для защиты интересов господствующих классов.

Шариатское движение 1799–1807 гг. под их руководством подготовило необходимые условия для введения в Кабарде духовного суда – мехкеме. Ранняя смерть лидеров кабардинского шариатского движения в 1807 г., сокращение численности кабардинского общества в этот период в десять раз (с 350 тыс. до 33–35 тыс.) и ослабление вследствие этого антиколониальной борьбы помешали созданию здесь теократического режима в форме имамата, как позже на Восточном Кавказе или Западной Черкесии. Мусульманские лозунги кабардинского шариатского движения, сплачивая в войне против военно-оккупационного режима, не привели к призывам борьбы со своей феодальной знатью или же со своими единоверцами-мусульманами, покорившимися царской власти, как это было в Дагестане и Чечне при имаме Шамиле.

К началу XIX в. вся горная полоса Северного Кавказа, простиравшаяся к югу от линии Кубань – Терек, фактически еще не находилась под контролем русской военной администрации.

В 1803 г. царизм начал строительство Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в Пятигорье. По времени это совпало с очередными выборами в родовые суды и расправы. Это послужило поводом для очередного крупного восстания в Кабарде, основным требованием которого являлось уничтожение Кисловодской крепости и ликвидация кордонной линии. Восстание охватило почти все населенные пункты Кабарды. Командующий войсками на Кавказе князь Цицианов в своей прокламации к восставшим писал: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все во мне трясутся от жадности напоить земли ваши кровью... Ждите, говорю вам, по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная»[14]. Несмотря на такие угрозы, восстание разрасталось. В это же время восстание в Тагаурии прервало единственную коммуникацию, связывавшую Грузию с Россией. Генерал Глазенап с трудом подавил восстание в Кабарде, разорив полностью свыше 80 населенных пунктов и принудив многих кабардинцев переселиться за Кубань[15].

В Кабарде и других горских землях продолжалось строительство укреплений, сопровождавшееся уничтожением населенных пунктов местных жителей и вырубкой лесов. Для удержания кабардинцев в покорности главные военные укрепления царизма располагались вблизи аулов, причем линией передовых военных укреплений занимались плодородные равнины. Эти меры должны были поставить порабощаемое население в полнейшую зависимость от представителей царской администрации и «не дозволять непокорным собирать хлеб и пасти свои стада».

Борьба против колониальной политики царизма продолжалась в Кабарде в 1809–1810-х гг. Возглавлявшие ее кабардинские феодалы намеревались переселить подвластное им население из прилегавшей к Кавказской линии равнины в горные ущелья. Феодально-зависимое население отказалось следовать за владельцами, чем сразу же воспользовалась царская администрация, чтобы лишить князей и дворян возможности продолжить сопротивление. Перспектива потери своих подданных встревожила кабардинских феодалов, и они начали срочно формировать депутацию в Петербург с просьбой сохранить их политические и экономические привилегии. Как и в предыдущий период (т.е. во второй половине – XVIII в.), царская администрация довольно умело воспользовалась внутренними социальными противоречиями кабардинского общества и для дальнейшего раскола общекабардинского движения. Результатом такой политики в очередной раз явился спад антиколониальных выступлений. Несмотря на это, в апреле 1810 г. в Кабарду была отправлена карательная экспедиция во главе с генералом

Эпизод военных действий

Булгаковым. Ожесточенные сражения произошли в верховьях рек Баксана, Шалушки, Чегема и Нальчика. В конце апреля карательный отряд Булгакова соединился с отрядом генерала Дельпоццо, спешно прибывшим из Екатеринограда. Итогом карательной экспедиции было сожжение 200 населенных пунктов. В своем донесении генерал Булгаков писал: «... кабардинский народ доселе никогда такой чувствительной не имел потери, и никогда еще войска не доходили туда, где ныне чинили поиски, и что они потеряли много имущества, которое сожжено с двумястами селений»[16].

Представители кабардинского общества, обращаясь с прошением к центральным властям, сообщали, что генерал Булгаков «истребил огнем наши дома, имущество разграбил, скот отнял, людей побил, а именно: ... 6150 рогатой скотины, 515 лошадей, 125 буйволов, 44 015 овец, 6310 пудов медной посуды, 5895 пудов меду, 52 панцыря, 180 ружей, 300 шашек, 145 сабель, 2900 серебряной монеты, на 5800 разного товару по цене серебряной монеты, 1420 ароб проса; убито Куденетовой и Танбиевой фамилии узденей и протчи 31 человек, позжено домов – 9585, панцырных шишаков – 31, мечетей – 111, хуторов – 1000, в плен взято 41 душа, сверх того много захвачено нарукавников панцырни и разного имущества...»[17]. Даже официальные власти были вынуждены указать командующему войсками генералу Тормасову, что генерал Булгаков «употреблением непомерных жестокостей и бесчеловечия превзошел границы своей обязанности». «Если верить известиям, – писал во-

Кабардинская дворянская (панцирная) конница

енный министр Барклай де Толли, – то экспедиции против кабардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ: жестокий сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависти их, и вообще обращение его со соседственными сими народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том краю спокойствия»[18].

Экспедиции Булгакова в 1810 г., различные карательные ограничения кавказской администрации, лишавшие кабардинцев доступа к соляным озерам, вызвали массовый падеж скота, что усугубило и без того свирепствовавшую в крае эпидемию. Генерал Савельев в своем рапорте (ноябрь 1810 г.) отмечал, что «кабардинцы лошадей своих и баранов беспрестанно пригоняют на земли чеченские и продают за бесценок. Говорят, что лучшую кобылу можно достать за десять рублей, а барана менее рубля; это они делают для спасения от гибели их достояния, когда им отказано начисто в перегонах скота на здешнюю сторону», т.е. на их пастбищные равнинные земли[19].

С 1816 г. в истории завоевания царизмом северокавказских народов наступает эпоха, связанная с именем генерала А. Ермолова. В завоевательные планы ермоловского командования входило прежде всего насильственное покорение горцев, причем сам Ермолов неоднократно указывал, что это «должно производиться постепенно, но настоятельно, занимая лишь то, что удержать за собою можно, и не распространяясь иначе как став твердою ногой и обеспечив занятое пространство от покушений неприязненных»[20]. О стратегии и тактике этой политики четкое представление дает план, изложенный генерал-лейтенантом А. Вельяминовым командиру Кавказского корпуса барону Розену (20 мая 1833 г.):

«1) Главное и надежнейшее средство к прочному овладению горами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографических отношениях мест.

2) Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселении оных казачьими станицами.

3) Истребление полей их в продолжении пяти лет сряду даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшие действия.

4) Полезнее всего, по моему мнению, начать с истребления полей. Овладев плоскостями, поселить на оных казачьи станицы. Наконец, по поселении станиц устроить в приличных местах укрепления»[21].

Черкесский военный лагерь

В 1821–1822 гг. левое крыло Кавказской линии было продвинуто в глубь кабардинской земли до самого подножия гор и новые укрепления по р. Малке, Баксан, Чегем, Нальчик, Черек и Урух заперли выходы на равнину из горных ущелий. Тем самым кабардинцы окончательно лишались равнинных земель и степных пастбищ. На восточные территории Кабардинской равнины царское командование переселяет жителей ингушского и осетинского обществ. В письме владикавказскому коменданту генерал А.П. Ермолов писал: «Старшины дигорские приезжали ко мне и по желанию их позволяю я им выселиться из гор на равнину, лежащую от вершины речки Психуж, или Белой, до устья оной и вверх по левому берегу Терека». Он считал, что «...осетинские жители других ущельев равно пожелают воспользоваться тем же позволением и выгодами» и предписывал осуществить раздел земель на Кабардинской равнине между жителями «тагаурскими, куртатинскими, алагирскими и дигорскими»[22].

В своем докладе о Кабардинской линии А.П. Ермолов сообщал начальнику главного штаба от 28 июля 1822 г., что она «должна окружить собою кабардинскую землю, малое кое население, оградил я несколько теснейши-

ми противу прежнего пределами и между р. Малкою и Кубани оставил пространство, которое впоследствии должно было занять русскими селениями или преимущественно линейными казаками»[23]. Кабардинская линия включала в себя пять главных укреплений и многочисленные посты и располагалась от Владикавказа до верховьев Кубани. Тохтамышевский редут был связан с Кисловодской крепостью тремя постами и являлся крайним, примыкая к горам. Далее укрепленная линия шла от Кисловодска к редутам Каменный Мост на р. Малке и Куркужинский; после следовали пять укреплений контролировавшие выходы из всех ущелий по рр. Баксану, Чегему, Нальчику, Череку и Уруху. Урухское укрепление было связано на юге с Владикавказской крепостью, а на севере через укрепления Пришибское, Минаретское и Ардонское с крепостью Екатериноградской.

Наряду с дальнейшим завоеванием кабардинских земель А.П. Ермолов продолжил политику своих предшественников по внедрению в общественную жизнь кабардинского общества русского административно-судебного управления. Им был создан «Временный кабардинский суд», из компетенции которого было изъято рассмотрение уголовных дел. Духовные власти не имели права по законоположению вмешиваться в решение гражданских дел. По шариату рассматривались лишь дела, касающиеся семейно-бытовых вопросов. Одновременно Временный кабардинский суд имел и административные функции. Действуя под непосредственным контролем русских военных властей, суд в их руках стал фактически важнейшим исполнительным органом внутреннего управления[24]. Таким образом, проведенная Ермоловым реформа судопроизводства окончательно ограничивала политические и экономические права различных общественных слоев в Кабарде. Например, с дальнейшим распространением российского административно-судебного управления должны были последовать изменения в области земельно-правовых отношений, что приводило к ограничению земельной собственности и иммунитетных привилегий кабардинских феодалов. Мусульманское духовенство либо вообще должно было отстраниться от власти, либо поступить под полный контроль царских военных властей.

В 1822 г. в связи со строительством названной выше укрепленной линии и выселением многих кабардинских аулов, расположенных между Малкою и Кубанью, началось мощное антиколониальное движение в Кабарде, возглавляемое феодальной знатью и мусульманским духовенством. Был организован ряд крупных нападений на военную линию, в результате которых были уничтожены в 1823 г. станица Круглолесская, в 1825 г. – Солдатская[25]. Ермолов предпринял карательные походы в Кабарду, уничтожая большое количество населенных пунктов. Вместе с тем в порядке репрессий против отложившихся от России феодалов он объявил, что все подвластные им крестьяне могут считать себя свободными от всяких повинностей и распоряжаться землей по своему усмотрению. По мнению профессора Т.Х. Кумы-

кова, царизм в данном случае «бил по самому уязвимому месту феодалов, постоянно просивших представителей царской администрации возвратить их беглых крестьян»[26].

Ермолов понимал, что участвующие в антиколониальном движении общественные слои кабардинского общества, имея общие политические устремления, преследовали в своей борьбе различные социальные цели. Играя на их внутренних противоречиях, он рассчитывал ослабить сопротивление повстанцев и внести разложение в их ряды. Вышеназванная ермоловская декларация об освобождении кабардинских крестьян являлась лишь тактическим маневром. Об этом свидетельствует его прокламация к мятежным кабардинским феодалам, в которой он выражал готовность восстановить их «прежние права над подвластными» в случае прекращения ими борьбы против царизма. Отдельные крестьяне, принадлежавшие мятежным феодалам, воспользовались ермоловской декларацией и выселились с гор, получив от русской администрации земельные наделы. Таким образом, возле крепости Нальчик возник новый населенный пункт – Вольный Аул, в котором насчитывалось 200 дворов. Аналогичные методы использовались генералом Эммануэлем в Западной Черкесии в 1828 г.[27]

Зато не желавшие примириться с русским царизмом кабардинские князья ушли за Кубань и поселились в ущельях Зеленчука и Урупа. Впоследствии они были известны под именем «беглых» кабардинцев. Возглавляемые князьями Джембулатом Айтековым и Измаилом Касаевым военные отряды продолжали в 1825 г. совершать набеги на новые казачьи станицы по верхнему течению Кубани – Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинномысскую и др.[28] Итогом рассмотренных событий явилось реальное присоединение Кабарды к России военным путем в конце первой четверти XIX в.

В результате опустошительных карательных экспедиций царских войск, продолжавшихся до 1825 г., эпидемии чумы и переселения части не покорившихся феодалов с подданными за Кубань, население Кабарды сократилось в 10 раз и в 1830-е гг. не превышало 35-ти тыс. чел. Неоднократные земельные отчуждения под строительство крепостей и поселений Кавказской линии существенно уменьшили земельный фонд Кабарды. Ее территория стала определяться не исторически сложившимися границами, а системой военных линий, возведенных в ходе военной колонизации края. С этого времени Кабарда лишилась территории Пятигорья, практически всей исторической Малой Кабарды и части территории т.н. Кабардинской плоскости на востоке.

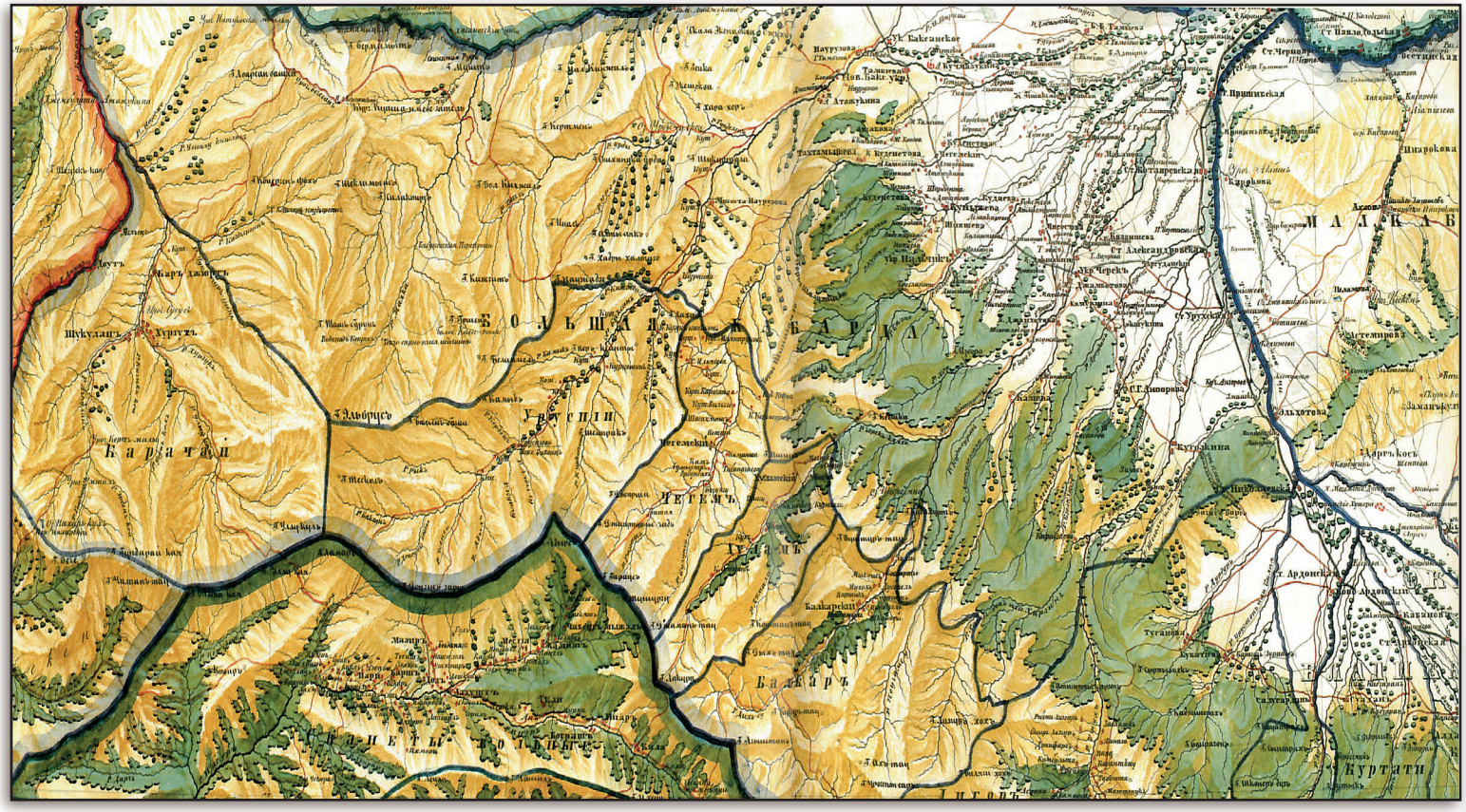
Последний этап участия Кабарды в антиколониальном движении северокавказских народов против царизма относится к 40-м гг. XIX в.

Царское правительство хорошо сознавало, что, как и во второй половине XVIII в. Кабарда сохраняла важное стратегическое и политическое значение в ходе освободительного движения горцев первой половины XIX столетия.

«Хотя теперешняя Кабарда, – отмечала военная администрация в своих донесениях 1841 г., – не так сильна, чтобы могла быть опасна собственными силами, но связями родственными с князьями и дворянами других кавказских племен, уважением к их происхождению и гордым характером, кабардинцы и до сего времени удержали еще значительное влияние на других горцев, каким пользовались во времена своего могущества. И потому-то сохранение спокойствия в Кабарде весьма важно в настоящую эпоху для Кавказа, тем более, что малейшая ошибка местного начальства, управляющего Кабардой, может произвести открытое восстание и сделать опасною Военно-Грузинскую дорогу»[29].

Не случайно, в апреле 1846 г. с войском 20 тыс. человек и 8 пушками имам Дагестана и Чечни Шамиль предпринял поход в направлении Кабарды с целью перерезать Военно-Грузинскую дорогу, соединиться с закубанскими адыгами и тем самым расширить фронт освободительной борьбы на Северном Кавказе. Русская военная администрация стянула к центру Кавказской линии крупные военные формирования. Боясь быть отрезанным, Шамиль, не дожидаясь ополчения от западных адыгов, отступил в Чечню. Вместе с ним ушло большое количество кабардинских крестьян, 37 князей и дворян, из которых Магомет-Мирза Анзоров был назначен Шамилем наибом Малой Чечни[30]. Царизм был обеспокоен участием кабардинцев в освободительной борьбе на Восточном Кавказе. Об этом свидетельствует создание в 1847 г. специальной военно-судебной комиссии, применявшей самые строгие репрессивные меры против кабардинцев, поддерживающих борьбу под руководством имама Шамиля.

Таким образом, борьба Кабарды против царизма в конце XVIII – первой половине XIX в. имела антиколониальную направленность так же как на Восточном и Западном Кавказе в последующий период. Основными ее причинами являлись занятие царизмом кабардинских земель, на которых возводились крепости и кордонные линии с казачьими поселениями, постоянные мобилизации местного населения на строительство военных коммуникаций и обременительные подати, вмешательство во внутреннюю жизнь кабардинского общества и насильственное насаждение российской административно-судебной системы управления.


Большая Кабарда
Малая Кабарда
Уруспи
Чегемцы
Чегем
Карачай
Балкарцы
Балкарцы
Малые Долинцы
Шукуланъ
Хурухъ
Эльборусъ
Кутюкина
Куртати
Ст. Ардонская
Ст. Алексиевская
Ст. Черекская
Ст. Павлодольская
Ст. Осетинская
Ширококова
Ст. Урухская
Ст. Дзинорская
Ст. Тугановская
Ст. Бутырская
Ст. Сунженская
Ст. Тахтамышевская
Ст. Кудинетовская
Ст. Шишкинская
Ст. Кабардинская
Ст. Ново-Баксанская
Ст. Баксанская
Ст. Атажукинская
Ст. Нижне-Баксанская
Ст. Нижне-Черекская
Ст. Кашхатауская
Ст. Нижне-Акбашевская
Ст. Нижне-Куркужинская
Ст. Нижне-Куркужинская
Ст. Нижне-Куркужин

3.2. Статус Кабарды в российской административно-политической системе (конец XVIII в. – середина XIX в.)

В 1769 г. в Кабарде было введено приставское управление. Введение приставства вполне можно рассматривать как начальный этап интеграции кабардинцев в административную систему Российской империи, носившую, в большей степени черты военного, нежели гражданского управления. Приставы – военные чиновники – первоначально назначались для надзора за жизнью внутри горских обществ, не допуская всплеска враждебных настроений, направленных против русского правительства. 3 ноября 1769 г. высочайшим указом «для наблюдения за кабардинскими князьями» сюда был назначен приставом секунд-майор Дмитрий Тоганов. С введением приставского управления кабардинские владельцы, в том числе и старший князь, должны были согласовывать свои действия с приставом, который как было сказано выше, осуществлял контроль за их деятельностью.

Для обеспечения безопасности новых границ российское правительство приняло решение о строительстве Азово-Моздокской кордонной линии, которая должна была состоять из цепи укреплений. Было признано необходимым создать особую пограничную укрепленную линию из 10 крепостей с промежуточными редутами. Линия должна была пройти от Моздока на Тереке по рекам Малке, Куре, Золке, Подкумку, Карамыку и Калаусу до границ войска Донского, оттуда через крепость Святого Дмитрия (позже город Ростов-на-Дону) до Азова. Доклад князя Г.А. Потемкина «Об учреждении линии от Моздока до Азова» был утвержден Екатериной II 24 апреля 1777 г.

Административно-территориальные преобразования в Кабарде на рубеже 10–20-х гг. XIX в. связываются с деятельностью генерала А.П. Ермолова. После строительства Кавказской линии в 1777–1778 гг., а затем продвижения ее к югу и заселения района Пятигорья новыми станицами, генерал А.П. Ермолов возводит в 1822 г. цепь крепостей уже внутри самой Кабарды. Летом и осенью 1822 г. началось строительство укреплений Кабардинской линии, запиравших ущелья Баксана, Чегема, Нальчика, Черека, Уруха и др. Цепь крепостей, построенная на территории Кабарды в 1822 г., стала называться Центром Кавказской линии. Административный и чиновничий аппараты Центра Кавказской линии было решено разместить в крепости Нальчик. Здесь же расположились суд и некоторые российские военные ведомства.

Формирование многоуровневой судебной системы в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – середине XIX в. проходило в несколько этапов, каждый из которых был связан с военно-политическими событиями и административными преобразованиями в северокавказском регионе. При этом, в это время одни и те же учреждения были наделены и административными, и судебными функциями (например, Моздокский верхний пограничный суд, родовые

суды и родовые расправы, Кабардинский временный суд). В конце XVIII – первой половине XIX в. создание в Кабарде специальных судебных учреждений являлось одним из важных направлений интеграции кабардинцев в судебную систему Российской империи. Таковыми судами были Моздокский верхний пограничный суд (1793–1822), родовые суды и расправы (1793–1807), духовные суды «мехкеме» (1807–1822), Кабардинский временный суд (1822–1858).

Моздокский верхний пограничный суд. Моздокский верхний пограничный суд был создан в 1793 г. В этом же году в Большой и Малой Кабарде были учреждены родовые суды и расправы.

Моздокский верхний пограничный суд являлся вышестоящей инстанцией по отношению к родовым судам и расправам. Их учреждение в 1793 г. проходило в рамках административно-судебной реформы, поэтапно осуществляемой правительством Екатерины II после 1775 г. в регионах, присоединяемых к Российской империи. При этом центральная власть стремилась во многом сохранить права коренных народов, посредством адаптации их важнейших традиционных соционормативных институтов к правовой системе России. Местные элиты включались в социальное и правовое пространство России, получая право на участие в выборах заседателей в судебные коллегии I и II инстанций[31]. Эти принципы построения вертикали власти применялись царскими военными начальниками и в Кабарде в конце XVIII в. Моздокскому суду было предоставлено право «суждения по российским законам всех без изъятия кабардинских уголовных дел, касающихся до измены, явного ослушания начальства, разбоя, грабежа, воровства, учиненных насильственно вооруженною рукой, и убийства; а также апелляция на решения родовых судов и расправ по гражданским искам, позволенная тяжущимся в случае неудобства на решения тех судов и расправ»[32]. Помимо этого, Пограничный суд должен был осуществлять надзор за деятельностью родовых судов и расправ[33]. Дела же о тяжких преступлениях направлялись «для дальнейшего поступления по законам или военному начальнику, на Линии поставленному, или ген-губернатору Кавказского наместничества»[34].

Для проведения этой реформы на Кавказ были командированы Оренбургский муфтий Мамед-Джан-Хусейн и несколько духовных лиц[35]. Следует отметить, что генерал Гудович просил об этом разрешения у Екатерины II еще 13 апреля 1792 г. Свою просьбу он объяснял тем, что «кабардинские народы к таковым людям (представителям мусульманского духовенства. – *Ред.*) особливую доверенность имеют»[36]. На что И.В. Гудович получил одобрение Екатерины II в «Высочайшем повелении» от 9 мая 1792 г.[37]

Важное значение в этой реформе отводилось вопросам по разграничению предметов ведения между Верхним пограничным судом и родовыми судами и расправами по делам, одной из сторон в которых выступали представители соседних с кабардинцами народов (абазины, ногайцы, балкарцы и т.п.). Анализ источников показывает, что в Моздокском пограничном суде долж-

ны были приниматься жалобы от «всех вообще азиатцев, под зависимостью военного губернатора в сей губернии обитающих»[38]. В «Наставлении для наблюдения и исполнения Верхнему пограничному суду, по Высочайшему Ея И.В. учрежденному» было определено, что к его подсудности относились и тяжбы как между кабардинцами и «не записавшимися по городскому положению армянами и грузинами, так и между татарами разных родов, на Линии живущими около Бештовых гор и впереди оных и на р. Калаусе, осетинами и другими горскими и затерскими народами, как между сих народов людьми по каковым делам жалобы и просьбы как от кабардинцев на прочих вышеизъясненных людей, так и между сими людьми от одних на других приноситься должны прямо в сей суд»[39]. После «открытия в Моздоке верхнего пограничного суда, здесь стали разбираться тяжбы и уголовные преступления не русского населения Моздока и его окрестностей, в том числе и осетин»[40]. В правоприменительной практике Моздокского пограничного суда отражены и факты участия в процессе жителей горных осетинских районов[41]. А их исковые заявления по делам, в которых обеими сторонами являлись кабардинцы, должны были поступать в тот кабардинский родовой суд или в ту родовую расправу, в подведомственности которых состоял ответчик.

Учрежденные в 1793 г. Верхний пограничный суд в Моздоке и родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарды после административной реформы 1802 г. продолжали функционировать в прежнем виде[42]. До административной реформы 1802 г. решения Моздокского суда утверждал астраханский генерал-губернатор[43], а после 1802 г. – губернатор Кавказской губернии. Следует также отметить, что эта реформа на системе судоустройства региона не отразилась. Согласно п. 17 Указа от 1 ноября 1802 г., «Верхний пограничный суд в Моздоке, родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде и вообще пограничные расходы, по сим губерниям положенные, остаются до времени на прежнем основании, доколи управляющий сими губерниями сделает о них особенно ему порученное соображение и представит мнение его как о действительной потребности сих судов и расходов, так и о положении, на коем они состоять должны»[44]. Более того, К.Ф. Кнорринг считал, что Моздокский суд «имеет полезнейшее действие и течению дел доставляет поспешнейшее производство, имея в руках своих власть судопроизводственную и исполнительную»[45], определяя тем самым статус и предназначение этого учреждения в структуре органов государственной власти в регионе.

Состав и структура Моздокского верхнего пограничного суда были определены в нормативно-правовых актах. Он состоял из председательствующего (Моздокского коменданта), двух российских офицеров, шести кабардинских князей и шести дворян, одного армянина, одного грузина, одного мурзы от ногайцев, проживавших в то время в районе Пятигорья, трех переводчиков, секретаря суда, протоколиста, регистратора и архивариуса[46]. Своего представителя в этом суде имело и мусульманское духовенство. В нем предусма-

тривались должности муллы для делопроизводства и помощников муллы – для переписок. Как в родовых судах и расправах, состав Пограничного суда переизбирался через каждые три года[47].

Согласно донесению Моздокского коменданта полковника Тоганова, по состоянию на 23 сентября 1793 г. штат Верхнего пограничного суда был уже полностью укомплектован и судьи были готовы приступить к исполнению своих обязанностей[48]. Первый состав Верхнего пограничного суда был представлен следующим образом: Председателем был назначен Моздокский комендант, полковник Дмитрий Таганов. Судьями стали российские офицеры подполковник князь Афанасий Ураков и секунд-майор Протопопов. От Большой Кабарды в Моздокский суд были избраны: князья секунд-майор Росланбек Мисостов, секунд-майор Магомет Мисостов, секунд-майор Татархан Кайтукин и Давлет-Мурза Касаев и уорки – Жангет Елтаров, Тембек Бабуков, Давлетгирей Отпанов и Асланбек Буков. От Малой Кабарды – князья секунд-майор Канчой Келеметов и Дударука Таусултанов, уорки – Жамбулат Астемиров и Мисост Анзоров. Также судьями стали армянин Степан Арутюнов, грузин Андрей Курупоков и «из мурз, живущих около Бештовых гор по р. Калаусу Маытовской фамилии» Касай Кельмамбетов. Переводчиками были назначены поручик Угpаов и поручик Чегерин. Обязанности муллы исполнял Ирмухамет Кутлуев[49]. За совмещение должности председателя Моздокского пограничного суда полковник Тоганов получал надбавку к своему окладу еще 500 рублей серебром в год. Князь Ураков, назначенный на должность пристава Кабарды, за работу в этом суде получал еще 200 руб. в год. Такую же зарплату получал и второй российский штаб-офицер. Кабардинским князьям за работу в Пограничном суде был назначен оклад в 250 руб. в год, а знатным уоркам – 150 руб. По 150 руб. в год получали и судьи от армян, грузин и ногайцев. Зарплата секретаря суда составляла 250 руб. в год, протоколиста – 200 руб., регистратора, архивариуса, переводчиков и муллы – по 80 руб., переводчиков на армянский и грузинский языки – по 60 руб. Всего на содержание Моздокского верхнего пограничного суда тратилось 6280 руб. в год[50], включая дорожные расходы членов суда и стоимость канцелярских принадлежностей.

При вступлении в должность выборные от кабардинцев судьи должны были дать присягу. Присяга оформлялась в письменном виде на русском языке с обязательным переводом на родной язык присягающего. Присягу проводил кадий, входивший в состав суда.

После образования в Большой и Малой Кабарде духовных судов «мехкеме» в 1807 г. порядок комплектования кадров Моздокского верхнего пограничного суда не претерпел существенных изменений. Так, в 1809 г. были проведены выборы судей в Моздокский верхний пограничный суд на очередной трехлетний срок. Эти выборы регламентировались Указом Его Императорского величества от 20 августа 1802 г.[51] В рапорте председателя Моздокского верхнего погра-

ничного суда на имя И.В. Гудовича от 6 апреля 1809 г. со ссылкой на нормативно-правовые акты высших органов власти Российской империи отмечалось, что «Его Императорскому Величеству весьма приятно будет, если дворянство и граждане соберутся и станут к их выборам и с возможным беспристрастием по их законам удостаивать лучших людей к определению в должности – от Большой Кабарды из фамилии Бекмурзиной и Кайтукиной владельцев двух, Мисостовой и Атажукиной владельцев двух, Малой Кабарды Гилястановой и Таусултановой владельцев двух, да и из их родов узденей первой степени пять, из мурз татарских, живущих около Бештовых гор – одного, и делать распоряжение к их должности немедленно прислать в сей суд, о чем главноуправляющему Большой Кабарды господину генерал-майору Дельпоццо сообщить, а начальнику ногайского и абазинского народа господину генерал-майору Султану Менгли-гирею дать знать, чтобы он на место находящегося в сем суде из ногайским мурз заседателем вновь другого на ныне текущее трехлетие избрал и для допущения к должности немедленно прислал в сей суд»[52]. В 1807–1822 гг. избираемые от этих народов судьи принимали активное участие в деятельности Моздокского верхнего пограничного суда.

Моздокский верхний пограничный суд был упразднён в 1822 г. на основании указа Правительствующего Сената от 24 июля 1822 г. «О переименовании Кавказской губернии областью и о назначении уездного города Ставрополя Областным городом»[53]. Остававшиеся в его производстве нерешенные дела подлежали передаче в уездные суды и решению по законам Российской империи.

Родовые суды и родовые расправы (1793–1807). Проекты судебных преобразований в Кабарде стали обсуждаться российскими чиновниками еще с самого начала 90-х гг. XVIII в. Так, например, в 1791 г. И.В. Гудович считал необходимым «как в Большой, так и в Малой Кабарде учредить между ими самими (кабардинцами. – *Ред.*) суд, выбрав из четырех родов их владельцев по 2 лучших человека, тоже по 2 между ими узденя или рода дворян, принадлежащих владельцам»[54]. Поначалу И.В. Гудович предлагал ввести в штат этих судов двух российских штаб-офицеров для исполнения надзорных функций[55]. В одном из своих рапортов Екатерине II он писал: «На первое время признано полезным учредить между ими (кабардинцами. – *Ред.*) по числу родов суды, – для владельцев по имени *Кабардинский такого то рода суд*, а для узденей *Родовые расправы* (курсив наш. – *Ред.*), составя и те, и другие из лучших людей, выбранных самими ими»[56]. На этапах подготовки этой реформы рассматривались также и варианты учреждения родовых судов и расправ в каждой из кабардинских княжеских фамилий. Однако впоследствии И.В. Гудович отказался от этой идеи, мотивируя свое решение тем, что «открытие по родам судов и расправ будет неудобным и для казны менее выгодным»[57]. Было решено в рамках одного суда и расправы объединить по 2 княжеские фамилии.

Реформа была проведена в Кабарде летом 1793 г. Тогда в Большой Кабарде было учреждено два родовых суда, в которых рассматривались дела князей с их подвластными, и две родовые расправы – для узденей с их подвластными (первые суд и расправа для Атажукиной и Мисостовой княжеских фамилий, вторые – соответственно для Кайтукиной и Бекмурзиной). В Малой Кабарде по такому же принципу были созданы один родовой суд и одна расправа (для Гилястановых и Таусултановых). По своему статусу и объему полномочий родовые суды приравнивались к российским уездным судам, а родовые расправы – к нижним земским судам.

Родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде были учреждены по такому же сценарию, что и созданные в 1786–1787 гг. в Оренбурге «между киргизцами расправы»[58]. Тогда в «Малой Орде» было учреждено три расправы, наделенные судебно-полицейскими полномочиями[59], и вышестоящая по отношению к ним инстанция – Пограничный суд в Оренбурге[60]. Российское правительство рассчитывало прекратить существовавшие там межэтнические конфликты, вовлекая местных жителей в правовые отношения с россиянами. Гражданские и мелкие уголовные дела разбирались в расправах по нормам обычного права народов, проживавших в то время на территории Оренбуржья. Тем самым, самодержавие «сделало попытку перевода кочевых лидеров на службу с ответственностью за исполнение властных полномочий, совершенствуя общественные связи и правоотношения»[61]. Эту же модель российское правительство решило апробировать и на Центральном Кавказе.

Состав родовых судов и расправ формировался из кабардинцев. Следует обратить внимание и на то, что немаловажное значение в вопросах комплектации кадров в этих судах уделялось конфессиональному принципу. Для ведения делопроизводства в родовых судах предусматривались должности муллы (кадия) и его помощников, а в родовых расправах они избирались еще и в расправные заседатели[62]. Скорее всего, на них возлагалась обязанность толкования норм шариата, применявшихся для решения некоторых дел.

Присяга к началу выборов в Атажукиной и Мисостовой фамилиях состоялась 30 июня 1793 г. в лагере, разбитом на р. Баксане у горы Кыз-бурун. Сами выборы проходили с 1 по 3 августа 1793 г., после чего списки судей были представлены российским чиновникам на утверждение[63]. Через некоторое время на р. Чегеме были проведены выборы в Кайтукиной и Бекмурзиной фамилиях. Всего в выборах в родовые расправы принимали участие представители 5 дворянских фамилий, принадлежавших князьям Атажукиным, 14 фамилий – Мисостовым и 32 – Кайтукиным и Бекмурзиным. Общее число избирателей по выборным спискам составляло 248 человек. Однако фактически в выборах приняло участие 171 человек[64].

Первым председателем родового суда Мисостовой и Атажукиной фамилий стал князь Джанхот Сидаков. Заседателями были избраны Мусса Карамурзин и Садилистри Темрюк Аджиев, муллою – Хази Нареддин, его

помощником – Аис Курманаев. Председателем Мисостовой и Атажукиной родовой расправы (расправным судьей) был избран Канбулат Куденетов, расправными заседателями – Ислам Тамбиев, Бекмурза Безиров (в некоторых документах – Безиев), Давлетука Акубеков, Маматгирей Жентемиров, Канбулат Пшицухов, Шумахо Ашабов, кадиями – Хазий Исхан и Хази Мустафин, муллою Измаил Каитов, их помощниками – мулла Амира Абулин и мулла Сулейман Еземирзов.

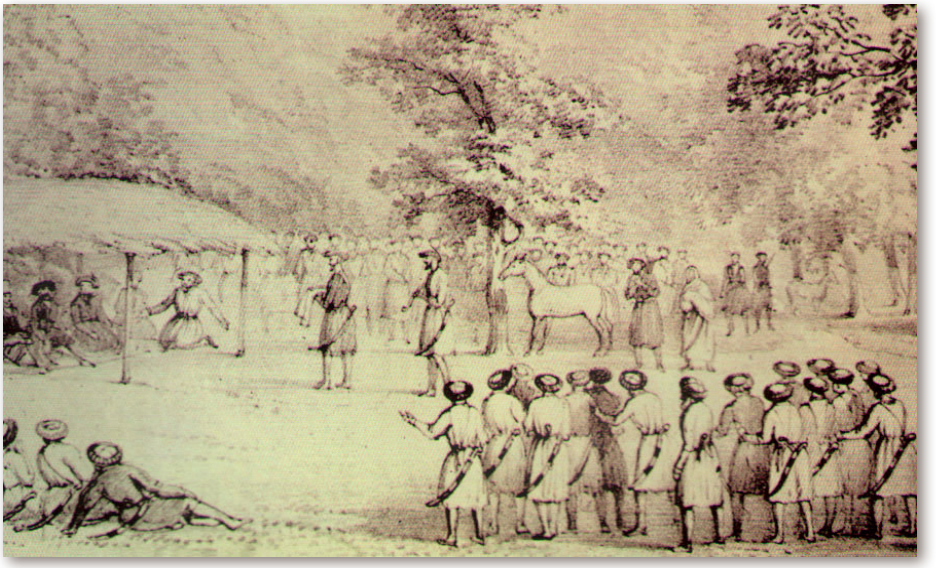
Родовой суд в Бекмурзиной и Кайтукиной фамилиях возглавил Али Салитгиреев, судьями были избраны князья полковник Атажука Хамурзин и Атажука Казиев, муллою стал – Шедрин Хаджи, его помощником – Алий Измаилов. Главою Бекмурзиной и Кайтукиной родовой расправы стал Шабаз-Гирей Куденетов, расправными заседателями – Дударука Куденетов, Касай Даужуков, Кантемир Докшукин, Али Кожиков, Албек Шахланов, Исмаил Бабуков, кадием – Мусса Мамталов, муллою – Русман Тавов, его помощниками – Мусса Магометов и Умар Тарашаев.

Председателем родового суда в Малой Кабарде был избран князь Мусса Таусултанов, заседателями – князья Дол Мударов и Давлетука Ахлов, муллою – Усман Карданукo, его помощником – Ибраил Желевазов. Первой состав родовой расправы в Малой Кабарде был укомплектован следующим образом: расправный судья (председатель родовой расправы) – Гилистан Исламов, расправные заседатели – Шумах Гинаруков, Мирза Ашапшов, Мусса Баташев, Аслан Мурза Анзоров и кади Темрюк Актулов, муллою – Абдула Ефенди Тонуков, помощники мулы – Гусеин Масанов и Сан Тонтусов[65].

Выборные (голосовые) листы подписали генерал-майор И.Д. Савельев и приглашенный из Оренбурга муфтий Мамед-Джан Хусейн[66]. Списки судей были утверждены специальным указом Екатерины II в начале декабря 1793 г.[67]

В компетенции родовых судов и расправ находился разбор гражданских дел и мелких уголовных преступлений[68]. К подсудности этих учреждений относился и разбор дел, касающихся семейных и «холопских» вопросов. «Родовым судам и расправам предоставлено судить тяжебные дела и малые проступки, подсудным кабардинцам по их обыкновениям»[69]. На эти органы была возложена и полицейская обязанность по раскрытию, «отысканию» и доставлению в суд для разбирательства людей, совершивших преступления. Для координации и контроля за деятельностью родовых судов и расправ заседатели должны были один раз в две недели информировать Моздокский суд «о благополучии или о случившихся происшествиях» в Кабарде[70]. Специальным предписанием И.В. Гудовича от 24 октября 1793 г. чиновникам вменялось в обязанность собрать сведения об обычаях народов, проживавших в то время на территории Кабарды[71]. Об этом в своей работе упоминает и А.М. Ладыженский, который, исследуя памятники обычного права горских народов Северного Кавказа, писал, что «первые сборники адатов кабардинцев появились еще в конце XVIII в., когда Верхний пограничный

Черкесы ожидающие решения судебного спора



Черкесский суд

суд, состоявший из местных представителей и русских чиновников, в 1793 г. записал так называемые «Древние обряды кабардинцев»[72]. Однако до настоящего времени еще не удалось обнаружить упоминаемый документ. Можно предположить, что он составлен на основе известного «Постановления о сословиях в Кабарде», составленного П.Г. Потемкиным[73]. Однако это обстоятельство еще подлежит установлению.

Учрежденные в Кабарде родовые суды и расправы в своей деятельности были независимы друг от друга. Апелляционные жалобы на решения родовых расправ, минуя родовые суды, поступали в Моздокский верхний пограничный суд[74].

Судебная реформа 1793 г. повлекла за собой ряд изменений в функционировании традиционной системы институтов общественной саморегуляции у кабардинцев. С учреждением родовых судов и расправ им было запрещено: самовольно мстить убийцам, барантовать имущество подвластных без разрешения суда, укрывать преступников под видом обычая гостеприимства, организовывать вооруженные группы для проведения наездниических мероприятий, созывать общественные собрания (хаса) без специального распоряжения родовых судов и расправ[75].

Такая система судоустройства региона показала первые признаки своей несостоятельности еще в 1794–1795 гг. Некоторые чиновники в то время считали, что кабардинцы воспринимали родовые суды и расправы как «противные магометанскому закону»[76]. Еще 21 мая 1795 г. генерал-майор И.Д. Савельев в рапорте И.В. Гудовичу доносил, что на р. Баксане были сожжены дома, в которых располагались родовой суд и расправа Мисостовой и Атажукиной фамилий[77]. Протесты местного населения против новой системы судоустройства принимали и другие формы: отказ местного населения разбирать споры и конфликты в родовых судах и расправах, бойкотирование выборов и т.п.

Одним из методов стабилизации общественно-политической ситуации в середине 90-х гг. XVIII в. со стороны российских властей являлась временная ссылка из Кабарды «неблагомеренных кабардинцев». Так, в 1795 г. по распоряжению Екатерины II в Екатеринославль для содержания под стражей были сосланы лидеры вооруженного мятежа Атажуко Хамурзин, Исмаил Атажукин и Адиль-Гирей Атажукин[78].

С учреждением родовых судов и расправ в Кабарде более четко обозначился раскол социальной элиты на два лагеря. Так, в середине 90-х гг. XVIII в. пророссийской ориентации придерживались князья Атажуко Хамурзин, Рослан-бек Мисостов и Кучук Джанхотов[79]. Однако значительная часть кабардинцев требовала от российских властей ликвидировать родовые суды и расправы и учредить для них один духовный суд[80]. Здесь следует отметить, что вопросы о месте духовных судов в системе правосудия Кабарды обсуждались еще в начале лета 1793 г. Тогда российским военным чиновникам

стало известно, что значительная часть кабардинской элиты при участии духовенства принудила население Кабарды принять присягу в том, что они обязуются решать возникавшие у них тяжебные дела духовным судом[81]. Спустя месяц, кабардинская знать на встрече с И.Д. Савельевым пояснила, что эта присяга относится лишь к духовным делам и не противоречит проектам российских чиновников об учреждении родовых судов и расправ в Кабарде[82]. А уже в 1800 г. генерал-лейтенант Кнорринг решительно выступал против учреждения в Кабарде духовных судов. В одном из своих писем он рекомендовал представителям кабардинской элиты, чтобы они, «истребив вовсе из памяти своей учреждение в Кабарде духовного суда, родовым судам и расправам, в Кабарде учрежденным, были послушны»[83]. Но вопрос об учреждении в Кабарде духовных судов на протяжении всего периода функционирования родовых судов и расправ с повестки дня не снимался.

Признаки кризиса новой судебной системы обострились в 1796 г., когда кабардинцы пытались всячески проигнорировать необходимость проведения выборов в суды и расправы на следующее трехлетие[84]. Однако эти выборы состоялись в сентябре-октябре 1796 г.[85] после ввода в Кабарду российских вооруженных отрядов.

В начале XIX в. просьбы кабардинцев учредить у них духовные суды не прекратились. В рапорте генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа князю П.Д. Цицианову от 31 марта 1805 г. отмечалось: «Суды, выпрашиваемые ими (кабардинцами. – *Ред.*), если на то будет воля Вашего Сиятельства из 8 лучших владельцев, 12 узденей и 20 бегульев, в которых *духовенство не имеет место* (курсив наш. – *Ред.*)»[86]. Преимущество новых судов, по мнению российских генералов, заключалось в том, что судьи в них будут назначаемыми, а не избираемыми, как это было в родовых судах и расправах[87].

Реорганизация системы правосудия Кабарды началась еще весной 1806 г. Так, 1 апреля 1806 г. новый суд начал функционировать в Бекмурзиной и Кайтукиной фамилиях (на р. Черек в Докшукиных кабаках[88]), 1 мая – у Гелетановых (в Ахловых кабаках), 1 июня – в Мисостовой и Атажукиной фамилиях (в Кучмазуковых кабаках на р. Баксан у горы Кызбурун)[89]. Спустя месяц было объявлено о возобновлении работы суда и расправы в Малой Кабарде. Однако в них не получили представительства Таусултановы[90].

Принято считать, что родовые суды и расправы просуществовали до 1807 г. Здесь следует обратить внимание на то, что судебные преобразования Екатерины II в последней четверти XVIII в. оказались достаточно непродуктивными и по стране в целом. Создаваемые в разных регионах Российской империи родовые расправы функционировали от 12 до 20 лет. Так, прототип Моздокского верхнего пограничного суда Оренбургский пограничный суд (кстати, в то время так и не получивший признания степного населения) в 1799 г. был включен в состав Комиссии пограничных дел, а казахские расправы были упразднены в 1803 г.[91]

Духовные суды – мехкеме (1807–1822). Духовные суды («мехкеме») существовали с 1807 г. Они действовали в том же количестве, что и родовые суды и расправы: 2 – в Большой, и 1 – в Малой Кабарде[92]. Н.Ф. Грабовский определял сущность духовных судов «мехкеме» в Кабарде, как учреждений сугубо сословных и созданных исключительно для представителей привилегированных сословий. Он отмечал, что «народ же, к сожалению, не принимал в них участия, не пользовался благодетельным значением их, ограждавшим от произвола жадных мулл, и был вполне предоставлен на волю этих последних, которые до того, вероятно, злоупотребляли своим правом»[93]. В ст. 20 «Народного условия» устанавливалось, что «дела, оказавшиеся нерешенными с учреждения мехкеме, разобрать для оказания обиженным удовлетворения, исключая дел черни, которые обязан решить без замедления один валий и депутат, а на будущее время всякое дело в народе решать по шариату, за исключением претензий князя с узденями, узденей с их крепостными, так как они, по желанию их, предоставлены разбирательству по древним обрядам»[94]. В своей деятельности мехкеме руководствовались, в основном, нормами шариата.

С появлением «новых мехкеме в 1807 г. как бы возрождались прежние судебные институты, действовавшие на основе шариата»[95]. Функционирование духовных судов «мехкеме» в Кабарде до учреждения родовых судов и расправ косвенно подтверждает и ст. 10 «Народного условия…», в которой отмечается, что «прежде было в Кабарде два мехкеме, то есть «суда»: один в Мисостовой и Атажукиной фамилиях, другой в Бекмурзиной и Кайтукиной, и один другому не препятствовал в разбирательствах, а всякий судил свой народ, исключая просьб, по которым решалось дело по просьбе одного просителя, при неимении ответчика»[96]. В целом, факт существования духовных судов у кабардинцев до 1793 г. не вызывает больших сомнений. Однако, остается открытым вопрос, насколько обосновано отождествлять их с «мехкеме», учрежденными в 1807 г.

Основы судопроизводства были закреплены в документе под названием «Народное условие, сделанное 1807 года, июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев». Есть мнение, что в разработке этого документа принимал участие А.-Г. Атажукин[97]. Однако история создания этого документа до настоящего времени остается не выясненной.

В начале XIX в. в регионе продолжался процесс формирования многоуровневой судебной системы. Первую ступень в этой иерархии занимали аульные суды, правосудие в которых отправляли представители мусульманского духовенства. Следующая ступень была представлена собственно духовными судами «мехкеме». В это же время были предприняты попытки по определению предметов ведения между судами разных уровней. Так, например, ст. 16 «Народного условия» устанавливает, что «если мулла решит дело в ауле, то решение это считается равным решению в мехкеме, и никто оному противиться и перерешать не может»[98]. Принципы функционирова-

ния судебной иерархии определялись и в ст. 15 «Народного условия…», по которой «эфенди и мулл, живущих в аулах, в случае обид, обязан во всем защищать главный эфенди, в мехкеме присутствующий»[99]. Эта формулировка позволяет предположить, что по апелляционной инстанцией по отношению к аульным духовным судам были главные «мехкеме» под председательством валия. Кроме того, в этот период с сохранением прежних полномочий продолжал функционировать Моздокский верхний пограничный суд. Однако доступные источники не позволяют установить формы его интеграции с духовными судами, созданными в Кабарде.

Согласно ст. 27 «Народного условия…», мехкеме – это «суд, в котором старший судья – валий; членами два или три князя, прочие ж члены из узденей, очередующихся каждый на три месяца, всех вообще 12 членов, в том числе секретарь и кадий»[100]. В состав мехкеме входили кадий и секретарь, и каждый член духовного суда выбирался сроком на три месяца[101]. В другом документе отмечается, что «мехкеме, состоявшее из духовенства и уорков, при участии валия и кодза, чинило суд и расправу, а также согласием своим узаконивало постановления валия касательно введения новых и отмены старых обычаев»[102]. В историографии проблемы сохранилось описание судов «мехкеме», составленное неизвестным автором, который побывал на Кавказской линии примерно в 1815–1818 гг. Считаем целесообразным привести полный отрывок из данной работы. Так, он писал: «Теперь по согласию народа учреждено нами в Кабарде настоящее правление. При каждом из трех упомянутых родов составлен духовный суд (мехкема), имеющий власть судопроизводную. Он состоит из одного первосвященника и из нескольких при нем находящихся духовных особ, они судят по Алкорану. Для исполнительной власти при оном же составлено собрание из нескольких князей, в нем председательствует старший летами князь и именуется тогда уали. И так дела каждого семейства рассматривают в суде, при главном роде его учрежденном. Когда же дело касается до двух семейств, не к одному роду принадлежащих, тогда собираются оба суда в одно место и оканчивают оное. Когда же до всех трех касается, то все собираются»[103]. Все это характеризует «мехкеме», как шариатские суды, территориальная организация которых совпадала с ликвидированными в 1807 г. родовыми судами и расправами.

В «Народном условии…» устанавливался запрет на подачу «скрытых» жалоб и исков в духовные суды. Ст. 6 анализируемого документа определяла, что «истец и ответчик обязаны просьбы свои и жалобы приносить оба, в чем только в состоянии разрешить их кадий»[104]. За нарушение этого правила в данном документе предусматривались определенные санкции в отношении нарушителей. Штрафы определялись в размере 20 рублей серебром, причем штрафу подлежали все нарушители в равной мере независимо от того, в каком качестве они принимали участие в процессе (истец, ответчик, духовный судья). Получателем штрафа был главный князь (валий), который

одновременно являлся и председателем мехкеме[105]. Устанавливался и порядок взыскания штрафов. В ст. 11 «Народного условия» отмечалось, что «по решению шариата виновный обязан платой претендателю в назначенный срок, в противном случае долг этот взыскивается через продажу имущества и сверх этого берется с виновного 20 руб. серебром штрафа»[106]. Кроме того, запрещалось подавать повторные жалобы по тем спорам, которые однажды уже были решены духовным судьей. За нарушение этого правила определялся штраф в размере 10 рублей серебром.

Духовные суды «мехкеме» были упразднены в 1822 г.

Кабардинский временный суд (*1822–1858*). Кабардинский временный суд занимал важное место в структуре судебных и административных органов Российской империи в регионе. При исследовании данного аспекта проблемы следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, Кабардинский временный суд не являлся правопреемником действовавших до этого времени судебных учреждений в регионе, а был самостоятельным, вновь образованным судом. Во-вторых, несмотря на то, что он был учрежден в 1822 г., это событие не связывается с преобразованием Кавказской губернии в Кавказскую область, а воспринимается как отдельная судебная реформа. В-третьих, с 1827 г. вступило в силу «Учреждение для управления Кавказской областью», и с этого времени российскими чиновниками стали предприниматься некоторые попытки по приведению в соответствие с этим документом локальную нормативную базу, регламентировавшую деятельность Кабардинского временного суда.

Кабардинский временный суд был учрежден в 1822 г. Его деятельность была подконтрольна начальнику Кабарды полковнику артиллерии Кацареву (в некоторых документах – Коцареву)[107]. Первым председателем был назначен «владелец подполковник Кучук Джанхотов, судьями: кадий по выбору владельцев и узденей, владельцы – Гаджи Мурзабек Хамурзин, капитан Темир-Болат Атажукин, Касай Картулов, из узденей – от Малой Кабарды – Али-Мирза Коголко, Беслан Куденетов, Али Конов; секретарем – капитан Якуб Шарданов»[108]. Во второй половине 40-х гг. XIX в. должности секретаря Кабардинского временного суда занимали сначала поручик Анзор Анзоров, затем есаул Дадымов[109]. В составе суда служили несколько российских чиновников, обязанности которых заключались в подготовке и принятии исковых заявлений от населения, а также – в проверке судебных журналов и текущей документации.

В 1822 г. основы этой судебной реформы были закреплены в пяти прокламациях, изданных генералом от инфантерии А.П. Ермоловым. Учреждение Кабардинского временного суда непосредственно регламентировалось прокламацией от 29 августа 1822 г.[110] К прокламациям прилагалось «Наставление временному суду, учреждаемому в Кабарде для разбора дел между кабардинцами, впредь до издания собственных правил» (далее – «Наставление»). Впоследствии линейное начальство вносило некоторые дополнения

и поправки в текст «Наставления»[111]. Однако это, как правило, качественно не меняло сформулированных А.П. Ермоловым принципов функционирования Кабардинского временного суда.

Кабардинский временный суд выполнял не только судебные, но и некоторые административные функции. К его подведомственности относилось «принятие мер для исполнения всех относящихся до народа распоряжений правительства, надзор за благосостоянием и нравственностью кабардинцев и разбирательство тяжебных дел между ними»[112]. Суд имел право наделять определенными полномочиями жителей аулов, располагавшихся на подведомственной ему территории. Например, предписанием от 21 февраля 1853 г. за № 211 суд возложил на штаб-ротмистра Кизильбека Кармова «обязанность в наблюдении за местностью от Известного брода до Агубекова аула»[113]. Кроме того, судьям вменялось в обязанность собрать сведения о повинностях, которые несли крестьяне в пользу своих владельцев и духовенства, составить сборник норм обычного права и шариата, выдавать письменные разрешения (билеты) на выезд за пределы Кавказской линии, хранить денежные средства, поступавшие от уплаты штрафов и т.п.

Уголовные дела не подлежали разбирательству в Кабардинском временном суде. Они были отнесены к компетенции российских военных судов и рассматривались по законам Российской империи. Согласно «Наставлению…», преступлениями считались: убийство, измена, возмущение в народе, участие в вооруженных столкновениях с российскими войсками, воровство и грабеж в пределах Кавказской «линии», причинение ран и телесных повреждений с применением оружия. Однако некоторые неумышленные убийства и ранения, которые не представляли особой важности, с дозволения властей могли быть приняты к разбирательству по нормам обычного права кабардинцев в Кабардинском временном суде[114]. Кабардинцам позволили разбирать по адату главным образом неумышленные убийства, при чем под строгим присмотром военного начальства[115]. При этом обе стороны должны были быть кабардинцами.

К подсудности Кабардинского временного суда относились: «все дела гражданские и споры между кабардинцами, равно и претензиям на них людей иногородних»[116]. Решение «сего суда в делах тяжебных имеет полную силу и не подвергается рассмотрению начальника, буде дела тяжбы не превышают 200 рублей»[117]. Для рассмотрения дел, предмет спора в которых превышал указанную сумму, необходимо было специальное разрешение полковника Коцарева[118]. Кроме того, «Наставление…» относило к рассмотрению Кабардинским временным судом проступки, не заключающие в себе особой важности и ответственность по которым определялась в виде штрафа или телесных наказаний, не превышающих 100 ударов розгами[119]. В исключительных случаях подсудность Кабардинского временного суда могла быть изменена по решению вышестоящего линейного начальства.

Офицеры и нижние чины Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона

Большинство дел подлежали рассмотрению «по кабардинским древним обрядам, *приспосабливая оные поелику важность случая дозволит к правам российским* (курсив наш. – *Ред.*)»[120]. Поэтому судьям разрешалось применять только те обычаи и традиции кабардинцев, которые «не противны русским законам и прокламациям, данным Кабардинскому временному суду от генерала от инфантерии Ермолова»[121]. С учреждением Кабардинского временного суда область применения норм шариата была существенно ограничена по сравнению с предыдущим периодом. Шариат в качестве источника права применялся, главным образом, «по делам религиозным (до веры и совести касающихся), семейных (несогласия между мужем и женой, родителями и детьми) и вообще, по делам, не имеющим улик, ясных доказательств и письменных свидетельств»[122]. Однако Кабардинский временный суд принимал к рассмотрению по шариату лишь дела о тех проступках, которые совершались на подведомственной этому учреждению территории[123]. Несоблюдение этого принципа являлось основанием для отказов принятии жалобы к про-

изводству. Кроме того, в этот период стали появляться нормы, определявшие меры наказания за преступления, совершенные против духовных лиц. Несмотря на то, что судебные разбирательства по этой категории дел не выделялись в особое производство, решения по ним выносились по общим для привилегированных слоев общества принципам. Сами же представители мусульманского духовенства за совершенные ими проступки и правонарушения подлежали суду по нормам шариата. Было установлено общее правило для подобных случаев. Оно заключалось в том, что за совершенные проступки духовное лицо лишалось своего сана и приговаривалось к штрафу[124]. Это было новым явлением в правовой культуре кабардинцев второй четверти XIX в.

В 40-е гг. XIX в. одной из функций Кабардинского временного суда являлось проведение определенных следственных мероприятий по делам, относящимся к подсудности, например, комиссии Военного суда, учрежденной при Кабардинском егерском полку[125], в Кавказском линейном батальоне[126] или в Полковом правлении Кавказского линейного казачьего войска, в значимости о той категории населения, к которой принадлежали стороны разбирательства[127]. Поэтому координация работы Кабардинского временного суда с другими инстанциями и учреждениями входила в компетенцию начальника Центра Кавказской линии.

В середине 40-х гг. XIX в. вновь возникла необходимость повышения качества работы Кабардинского временного суда. Власти предполагали решить эту проблему за счет особой организации судебного процесса, максимально приближенного к российским образцам. Для этого кордонный командир полковник Н.Д. Подпрятов сделал ряд распоряжений, регламентировавших рабочее время суда[128]. Кроме того, в этот период военное начальство в регионе ввело определенные меры наказания судей за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Так, если кто-нибудь из судей не являлся в течение двух дней на судебное разбирательство без уважительной причины в первый раз подвергался штрафу «20-ю, на 2-й раз – 30-ю, на 3-й 60-ю рублями серебром и сверх сего арестован»[129]. Эти правила в последующем часто пересматривались и дополнялись[130]. С 1848 г. судьям вменялось в обязанность в своей работе наряду с «Наставлением…» руководствоваться и «Общими правилами работы судов», содержащимися в общеимперском Своде гражданских постановлений.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. военными властями в регионе был принят новый порядок комплектования состава Кабардинского временного суда. На общественных собраниях кабардинцев от представителей 4 княжеских фамилий выдвигалось по 2 кандидата в члены Кабардинского временного суда. Из них начальник Центра Кавказской линии выбирал 4 человека, в основном, по одному представителю от каждой фамилии[131]. Экзекуторов назначал и утверждал в должностях начальник Центра Кавказской линии по

своему усмотрению[132]. Такой принцип комплектования состава суда в данном субрегионе Центрального Кавказа сохранялся вплоть до 1918 г.

В некоторых случаях Кабардинский временный суд исполнял функции по удостоверению сделок и соглашений, заключаемых кабардинцами. Особо активно эти функции вводились в его компетенцию в середине 40-х гг. XIX в. Это делалось с целью координации и учета сделок по купле-продаже «холопьев» и «чагаров», предоставления им свободы, возвращения «узденьской дани» (княжеских подарков), получения калымов и т.п. Власти считали, что большинство споров и конфликтов на этой почве возникали из-за того, что эти сделки заключались в устной форме или эфендиями в простой письменной форме, и в спорных ситуациях было практически невозможно установить обстоятельства дела ввиду отсутствия свидетелей. В 1844 г. эта ситуация дала начальнику Центра Кавказской линии основания принять ряд решений, направленных на упорядочение и учет сделок в этой области. В частности, в предписании Кабардинскому временному суду от 22 февраля 1844 г. он предлагал «для прекращения этого беспорядка положить отныне за непременное прочное правило, чтобы при продажах людей и прочих сделках делающие их являлись в суд и объявляли, в чем оные заключаются»[133]. С этого времени в случаях продажи «холопьев» и «чагаров» Суд был обязан делать соответствующие записи в специальных книгах[134]. Кроме того, во время заключения этих сделок стороны должны были обеспечить присутствие как минимум двух свидетелей. Покупателю выдавался заверенный членами суда акт, который являлся правоустанавливающим документом и мог применяться в судебном процессе в качестве доказательства легитимности совершенной сделки. Также регистрации в книге подлежали факты передачи наследства, установления опекунства и т.п. При этом, начальник Центра Кавказской линии устанавливал определенные ограничения в отношении лиц, имевших право заключать подобные сделки. В частности, было запрещено регистрировать сделки, одной из сторон в которых выступали малолетние или «ненадежные» люди[135]. Кроме того, устанавливалось, что все сделки, зарегистрированные эфендиями до принятия вышеперечисленных правил, также подлежали регистрации в Кабардинском временном суде «по удостоверении в справедливости»[136] и внесению соответствующих записей в книги учета. Незаверенные и незарегистрированные в установленном порядке в Кабардинском временном суде сделки признавались ничтожными[137]. Следует отметить, что для этих целей были установлены сроки давности, в рамках которых применялись эти правила. Так, начальник Центра Кавказской линии в предписании Кабардинскому временному суду от 22 февраля 1844 г. устанавливал, что «все дела, которым минуло пятнадцать лет, считать кончеными и никаких просьб по суду не принимать, и вместе подтверждается всем членам временного суда, что принимание ими под покровительство истца или просителя, а также ответчика, есть дело противозаконное, кото-

рое подвергнет виновного строжайшей ответственности»[138]. Анализ дальнейшей практики Кабардинского временного суда показал, что введение этих правил имело определенный положительный эффект при решении споров и конфликтов, возникавших на этой почве.

В ходе анализируемых судебных преобразований были также введены некоторые неизвестные до этого местному населению виды исполнительного производства. Например, в составе Кабардинского временного суда была учреждена должность экзекутора для исполнения его решений, применялись телесные наказания, заключение под стражу и ссылка в арестантские роты. Также власти стали использовать труд арестантов.

Офицер Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона

Остановимся подробнее на характеристике отдельных видов исполнения наказаний в Кабардинском временном суде. Так, в 1822 г. в штат Кабардинского временного суда была введена специальная должность экзекутора «для получения в исполнении определения по [судебным] делам… по назначении начальства»[139]. Экзекутора получали в год 250 рублей серебром, и в их распоряжении находился целый отряд казаков[140]. Первыми экзекуторами стали кабардинцы поручик Джамбулат Кучуков и князь Беслан Хамурзин[141]. Однако уже к середине XIX в. экзекуторский штат требовал значительного расширения[142]. В результате, помощниками экзекуторов для исполнения наказаний в Бекмурзиной и Кайтукиной фамилиях были назначены князь Магомед Джамботов, а в Атажукиной и Мисостовой – прапорщик Хажели Кошев[143]. А уже в 1851 г. в составе Кабардинского временного суда работали: «Экзекутора из князей: штабс-ротмистр Адиль-Гирей Иналов и поручик Бек-Мурза Казиев; помощники экзекуторов: корнет Барок Конов и прапорщик Исмаил Анзоров; письмоводители экзекуторов: штабс-ротмистр Заурбек Дударов и капитан Кайсын Анзоров»[144]. Как видим, экзекуторами и их помощниками в этот период становились кабардинцы, принадлежащие к привилегированным сословиям и состоящие на российской военной службе.

До введения российских судебных органов у народов Центрального Кавказа не существовало наказаний за преступления, связанных с лишением свободы. В 20-е гг. XIX в. для этих целей при Нальчикском военном укреплении

было построено несколько специальных зданий (гауптвахт), где содержались заключенные. Решение о заключении под стражу принимали как члены Кабардинского временного суда, так и начальник Центра кавказской линии[145]. Основанием для этого было совершение преступления, причем сословная принадлежность преступника, как правило, не учитывалась. Так, например, в списке арестантов, содержавшихся в Нальчикской крепости в 1841 г. было отражено, что «Уздень Т. был посажен за воровство и разбой до окончания следствия; Уздень. Б. – за убийство узденя Э. из пистолета; вольный кабардинец Г. за нанесение телесных повреждений кинжалом узденю Ж.; холоп Д. за побег в Чечню от своего господина и за воровство лошадей; холоп аула узденя Докшукина Н. за неповиновение своему господину узденю З., по просьбе которого посажен на некоторое время для наказания»[146]. Знания о системе исполнения наказаний существенно дополняют сведения о применении Кабардинским временным судом ссылок в арестантские роты как особой меры наказания за преступления.

Телесные наказания в виде 100 ударов розгами были закреплены еще в «Народном условии, сделанном после отмены в Кабарде заразы июля 10-го, 1807 года». В «Наставлении» 1822 г. этот вид наказания предусматривался за проступки, не представляющие «особой важности» (п. 17). К числу таких нарушений относились, например, оскорбления князей и узденей их подвластными, превышающие меру домашнего исправления[147]. В практике Кабардинского временного суда были случаи, когда подобные виды наказания применялись в качестве дополнительной меры ответственности. Например, по делу «о нанесении побоев узденю Хамурзе Аджиеву его вольноотпущенником Ибрагимом Х.», также в качестве дополнительной меры было определено подвергнуть виновного наказанию розгами в количестве 100 ударов[148]. Тем не менее, как полагает В.К. Гарданов, введение ермоловским «Наставлением…» телесных наказаний за различные преступления «являлось чуждым кабардинскому обычному праву и потому в практике Кабардинского временного суда значительного распространения не получило»[149]. Однако, все же эта мера наказания в деятельности Кабардинского временного суда широкого распространения не получила.

Новым для системы исполнения наказаний в Кабарде во второй четверти XIX в. стало привлечение заключенных к принудительным работам. Одно из первых упоминаний об этом можно отнести к 1842 г., когда на ремонт стен Нальчикского укрепления было решено «употребить труд арестантов»[150]. Помимо прочего, труд арестантов позволял экономить значительные средства казны.

В 1858 г. с образованием Кабардинского округа Кабардинский временный суд был упразднён. Вместо него был создан Кабардинский окружной народный суд. Эти преобразования были проведены на основании Высочайше утвержденного положения «Об управлении Кавказской армией» от

1 апреля 1858 г. Таким образом, в 20–50-х гг. XIX в. Кабардинский временный суд был одним из важных административных и судебных органов Российской империи на Центральном Кавказе. Кабардинская элита, поступая на службу в суд, приобретала статус и привилегии российских чиновников. Учреждение Кабардинского временного суда было одним из основных этапов в формировании здесь многоуровневой судебной системы по российскому образцу.

3.3. Экономическая и общественная ситуация в Кабарде во второй четверти XIX в.

В условиях многолетнего противостояния военно-колонизационным мероприятиям российского правительства значительное сокращение населения в результате эпидемии чумы начала XIX в. и переселения части кабардинских владельцев с подданными за Кубань произошла убыль трудоспособного населения. Последствия напряженных боевых действий, сопровождавшихся уничтожением и реквизицией у кабардинцев движимого и недвижимого имущества, карантинными мероприятиями по предотвращению распространения чумы, а фактически являвшимися экономической блокадой и существенное ограничение территории традиционного хозяйственного землепользования привели к упадку экономики.

Экономическое развитие Кабарды в 20–50-х годах XIX века было подчинено задаче преодоления деструктивных последствий военного противостояния с Российской империей в конце XVIII – начале XIX века.

Потеря значительной части материальных и человеческих ресурсов, ограничение многих традиционных хозяйственных связей с соседними народами, продолжавшими сопротивление царизму, и режим всесторонних социально-политических запретов поставили внутренние экономические процессы в Кабарде в зависимость от распорядков, установленных царскими властями. Характерным воплощением колониальной экономической политики России в Центральном Предкавказье являлась система меновой торговли, действовавшая с 1811 года. Она стала средством осуществления царскими властями контроля и координации торговых связей коренного населения за пределами Кавказской линии.

Государственные управляющие меновыми дворами монопольно регулировали цены, ассортимент и объемы товарооборота. Своеобразие такой торговли заключалось в необходимости сбыта местной продукции только путем натурального обмена. Приобретение же привозных изделий допускалось и за деньги. Этот режим ограничивал поступление в Кабарду соли, зерна и муки, металлического инвентаря и других необходимых товаров, искусствен-

но сдерживал расширение денежного обращения и, сопровождаясь злоупотреблениями чиновников, вызывал недовольство местных жителей. Пренебрегая ограничительными условиями, кабардинцы в обход казенных учреждений предпочитали поддерживать прямые контакты с русским и казачьим населением, а также приезжими купцами, и избегали посредничества государства. Не выдерживая подобной конкуренции, правительство в 1846 году расширило сеть меновых пунктов, разнообразив ассортимент предлагаемых товаров. Тем не менее, повышение товарооборота оказалось кратковременным и не привело к подъему данного вида торговли. В 1852 году, убедившись в ее нерентабельности, царская администрация передала меновые дворы в откупное содержание.

Только в 1840–1850-х годах вслед за относительной стабилизацией традиционных отраслей хозяйства (скотоводства и земледелия) произошло некоторое оживление свободной торговли, поступление на региональные рынки зерна, продуктов животноводства и изделий кустарных промыслов из Кабарды, однако не последовало становления качественно новых принципов хозяйствования и товарно-денежных отношений. Причина этому – устойчивость, замкнутость и консерватизм вотчинной системы организации материального производства, воспроизводившей традиционные экономические отношения, основанные на использовании крепостных, и не требующей широкого применения вольнонаемного труда.

Определенное воздействие на хозяйственное развитие Кабарды пытались оказывать и царские власти. В 1840-х гг. по распоряжению начальника Центра Кавказской линии генерал-майора В.С. Голицына была предпринята обширная программа по реконструкции и возведению новых мостов, более широкому возделыванию пшеницы, ржи и картофеля, в Нальчике учрежден еженедельный базар, а также заложен казенный сад для культивирования культурных плодовых растений[151]. По сообщению начальника Кабардинского округа Орбелиани, «на 1859 г. было сделано мною распоряжение, чтобы каждый дом непременно посеял не менее 10 четвертей пшеницы, – дело прежде небывалое в Кабарде и вообще между туземным населением Кавказа, ибо на Кавказе преимущественно сеют просо… Народ кабардинский при сборе хлеба в 1859 г. почувствовал всю выгоду такого рода земледелия …»[152]. Современником отмечалось, что агрономические новации поддерживали и наиболее знатные владельцы: «некоторые из князей сами занимаются теперь улучшением земледельческой промышленности, разводят сады и огороды и начинают получать уже некоторые выгоды»[153].

Большее внимание владельческой верхушки было непосредственно связано с трансформацией межсословных отношений. Во второй четверти XIX в. выявляются новые признаки кризисного состояния крестного права в Кабарде. Обнищание владельческой верхушки вынуждало феодальных владельцев освобождать крепостных за выкуп, обеспечивавший им на непро-

должительное время сносное существование. Существенное ограничение политической власти феодальных владельцев, все большая зависимость их от поддержки царской администрации, рост самостоятельности и материального благосостояния резко увеличившегося сословия вольноотпущенников подрывали прежнюю упорядоченность взаимоотношений владельцев и крестьян[154]. Под давлением объективных обстоятельств владельцам приходилось устанавливать повинности «гораздо смягчительные, чем искони»[155]. Однако это лишь стимулировало неповиновение зависимых сословий, и в такие моменты единственно действенной силой оставались царские власти, которые накануне освобождения, по существу, обеспечивали выполнение крепостными их традиционных обязанностей.

Наряду с этими деструктивными тенденциями развитие крепостнических хозяйств вольноотпущенников, ставших к 1860-м гг. «едва ли не самыми значительными рабовладельцами»[156], а также стремление прежних владельцев вторично закрепостить бывших крепостных[157] являлись признаками регенерации крепостнических отношений.

Несмотря на высокую степень неприятия кабардинской знатью военно-колонизационных мероприятий царского правительства, со стороны Кабарды предпринимались и попытки налаживания дипломатического диалога, способного снизить негативные последствия интеграции в состав Российской империи. Важным событием в этом процессе стало кабардинское посольство в Петербург в 1811–1812 гг. Представители лояльной правительству кабардинской знати обратились к Александру I с просьбами относительно отмены ограничений местной торговли, возвращения отнятых под постройку крепостей пастбищных земель восстановления прежней власти над соседними народами и т.д. Данная императором 20 января 1812 г. грамота содержала в основном обещания учесть просьбы кабардинских владельцев в обмен на «верность престолу и охрану русских пределов от набегов соседних народов». Также в документе было озвучено намерение создать при императоре «особую гвардию из почетнейших кабардинских владельческих и узденских фамилий, по 100 человек конных, вооруженных по кабардинскому обыкновению»[158].

Идея о формировании такого воинского подразделения появилась еще в конце XVIII века. В 1801 году планировалось создание Кабардинского гвардейского эскадрона. Даже был выбран командир эскадрона – князь Измаил-Бей Атажукин, но в силу разных причин реализация этого проекта была отложена. Только в 1828 году был сформирован Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон Собственного Его Императорского Величества конвоя (1828–1882 гг.) для несения службы в Санкт-Петербурге. Из представителей кавказской знати был набран первый состав, в котором кабардинцы имели самое большое представительство. Служба здесь стала значимым социальным лифтом для представителей горской аристократии, приобщая

их к традициям российской военной и политической культуры. К тому же, находясь в эпицентре государственной жизни, они имели возможность неоднократно обращаться с ходатайствами относительно положения своего народа. Интеграция кабардинской знати в военно-политические структуры при царском дворе способствовала усилению влияния правительства на присоединяемые территории Северного Кавказа.

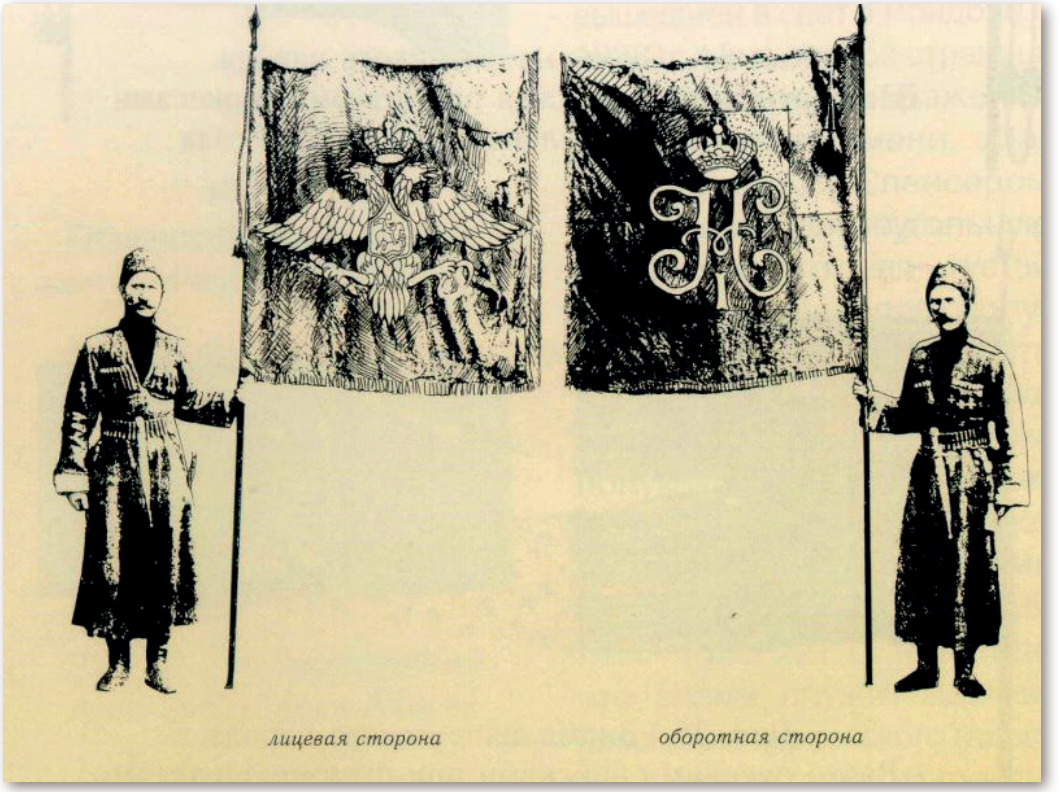
В 1827 году к генералу И.И. Дибичу поступило прошение, которое содержало просьбу вернуть кабардинской аристократии прежние феодальные привилегии и утвердить в правах российского дворянства; разрешить в Кабарде «все гражданские и народные дела решать по-прежнему, шариатом»; «восстановить подать с осетин и других горских народов», которую кабардинские князья получали прежде; вернуть исконные кабардинские земли, отторгнутые под казачьи поселения и военные укрепления, прекратить новые отмежевания и переселения кабардинских населенных пунктов. «Прошение кабардинцев не имело успеха. Те основы политики по отношению к кабардинцам, начало которым положил А.П. Ермолов, продолжали существовать и после того, как он в 1827 году оставил Кавказ. Ввиду обеспечения спокойствия кабардинцев и для предупреждения их нападений на Линию, у них, как и раньше, русское правительство брало аманатов; имели силу прокламации Ермолова; строились крепости; под постройку их отбиралась земля у кабардинцев, а они сами принуждены были переселяться или их насильно переселяли на новые места»[159].

Еще в 1822 г.[160] в ходе завершения военно-политического покорения Кабарды А.П. Ермоловым в предгорной части Кабарды была возведена Нальчикская крепость. В ней был образован Кабардинский временный суд, который сосредоточил основные административно-судебные функции в новой крепости[161]. В 1838 г. при ней было основано военное поселение.

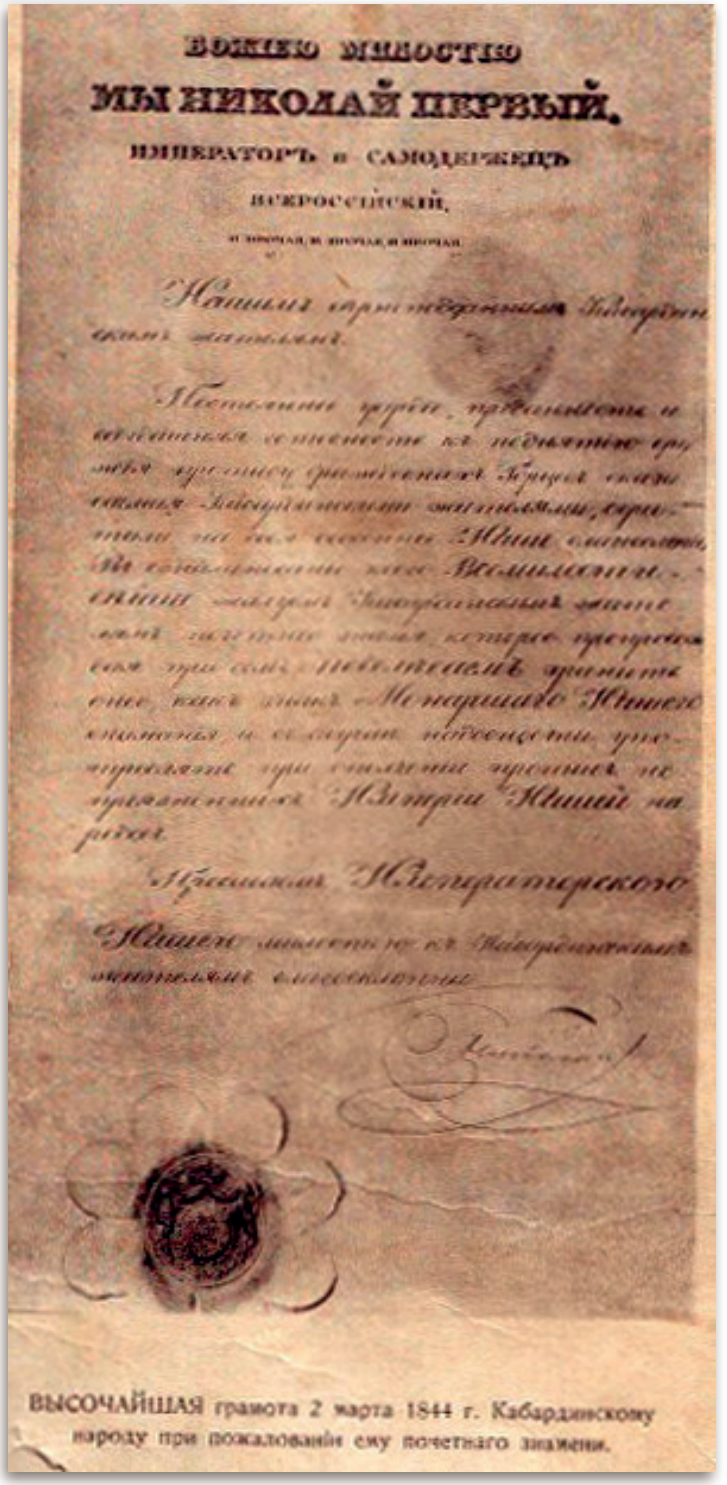
Особая роль принадлежала Нальчику как месту проведения Сборов доверенных. Впервые об организации «народных сборов» в крепости Нальчик упоминается в предписании начальника Кабардинской линии Временному суду от 25 августа 1826 г.: «когда нужно будет по каким-либо делам производить народные собрания, всегда на таковые испрашивать моего разрешения и доносить об этом заблаговременно; а собрания производить близ крепости Нальчикской и давать мне о том знать, в коих я и сам буду присутствовать и решать дела в пользу народа»[162]. В.Х. Кажаров считает это распоряжением последним упоминанием о хасе[163]. Однако правильнее вести речь о первом официальном свидетельстве встраивания народных собраний в качестве совещательного органа в новую российскую систему управления Кабардой. Например, в июле 1842 г. народным сбором «по доверенности народа кабардинского» было решено обратиться к военному министру А.И. Чернышеву с прошением о возвращении кабардинцам пастбищ по рекам Малке, Золке и Этоко[164]. Эти угодья издавна занимали важное место в поземельных взаи-

моотношениях народов Центрального Предкавказья, составляя важнейшую часть природно-хозяйственного комплекса кабардинцев и соседних с ними народов. До второй четверти XIX в. все земли, лежащие по р. Золке, Малке и Этоко состояли в безраздельной собственности кабардинских князей[165], которые предоставляли их на определенных условиях в пользование подвластным им крестьянам[166] и соседним балкарцам и карачаевцам, находившимся в своеобразной поземельной зависимости от них[167]. После возведения кордонной линии жители горских обществ получили возможность свободно занимать некоторые пастбища в предгорьях, но, выходя со стадами на плоскость, продолжали уплачивать кабардинским владельцам определенную ренту[168]. Несмотря на «высочайшее» согласие Николая I на утверждение за Кабардой Зольских и Нагорных пастбищ, эти угодья были оставлены «лишь в пользовании кабардинцев»[169].

Впоследствии сборы доверенных под председательством начальника округа собирались регулярно, не реже одного раза в год для избрания депутатов и кадия окружного суда, обсуждения проблем землепользования, местного благоустройства и просвещения, а также многих других актуальных вопро-



Знамя, врученное Николаем I кабардинскому народу, в марте 1844 г.



ВЫСОЧАЙШАЯ грамота 2 марта 1844 г. Кабардинскому народу при пожаловании ему почетного знамени.

Грамота Николая I кабардинскому народу

сов жизнедеятельности кабардинцев и балкарцев. Финансирование местных нужд шло из средств Кабардинской общественной суммы, которая формировалась из отчислений от судебных и административных штрафов. В 1856 г. для упорядочения распоряжения общественным капиталом Кавказский наместник кн. А.И. Барятинский утвердил специальное «Положение…»[170].

Осенью 1843 г. Николай I пожаловал «кабардинскому народу» почетное знамя. По этому поводу 6 декабря 1843 г. в крепости Нальчик – административном центре Кабарды и Центра Кавказской Линии, были организованы первые массовые государственно-праздничные мероприятия. Оно также не случайно было приурочено ко дню тезоименитства Николая I. Церемония проходила с участием представителей всех кабардинских аулов и «старшин» соседних горских обществ: чегемцев, балкарцев, дигорцев и др. Было подготовлено роскошное пиршество с обильным и разнообразным угощением, которое завершалось редким и дорогим в те времена чаем. В ходе застолья каждая из четырех княжеских фамилий принимала определенных «почетных» гостей. Отдельное угощение было организовано для народа, который значительными массами прибывал на торжества. После захода солнца порядка трехсот владельцев и старшин были приглашены на прием в дом начальника Центра Кавказской линии В.С. Голицына. Здесь им была предоставлена возможность полюбоваться не только национальными, но и европейскими танцами в исполнении кабардинских и горских офицеров, проходивших службу в Санкт-Петербурге. В завершении празднества был произведен фейерверк, встреченный восторженным ликованием всех присутствующих[171].

В начале января 1844 г. лично Голицыным была составлена депутация, включавшая наиболее именитых князей, дворян и представителей духовенства. 2 марта в Петербурге Николай I лично вручил кабардинским представителям знамя и удостоверяющую ее грамоту. В наградной грамоте среди оснований для этого отмечались «постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия против враждебных горцев, оказываемая кабардинскими жителями». Знамя предлагалось «употреблять при ополчении против неприязненных Империи Нашей народов»[172].

По возвращении депутатов 4 мая 1844 г., в Нальчике была организована торжественная встреча знамени с шествием и салютом из ста одного пушечного выстрела, пока войска проходили церемониальным маршем мимо знамени. Затем знамя было установлено на почетном месте в управлении Центра Кавказской линии[173]. С почетным знаменем, подаренным кабардинцам Николаем I в 1844 г., в 1877 году участвовал в русско-турецкой войне Кабардино-Кумыкский конный полк, а в Первой мировой войне – Кабардинский конный полк Кавказской конной дивизии.

Несмотря на продолжавшуюся Кавказскую войну, видимость общественного умиротворения сохранялась до середины 40-х годов XIX века, т.е. до времени очередной активизации имама Чечни и Дагестана Шамиля. В апреле

1846 года его отряд вступил в пределы Кабарды и встретил здесь поддержу некоторых влиятельных представителей высшей аристократии. Однако энергичные действия правительственных частей и большинства князей и дворян, сохранивших пророссийскую ориентацию, предотвратили назревающий массовый переход кабардинцев на сторону Шамиля. Вынудив его покинуть Кабарду, царские власти создали Военную судебную комиссию, которая на протяжении нескольких лет руководила мероприятиями по выявлению и наказанию лиц, оказавших содействие непокорному имаму. Большинство из них, не дожидаясь репрессий, ушли в Чечню или за Кубань. Когда же и эти области в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века были заняты царскими войсками, нелояльные имперским властям и многие из вынужденных присоединиться к ним, стали выезжать в Турцию, положив начало мухаджирству. В 1860–1865 годы из Кабарды на территорию Османской империи переселилось около 15 тыс. кабардинцев.

После пленения Шамиля в 1859 г. Нальчикская крепость утратила свое стратегическое значение, а прилегающее к ней поселение в 1862 г. было преобразовано в слободу, ставшую центром Кабардинского округа. В 1863–1869 гг. слобода Нальчик сконцентрировала на своей территории основные административные функции и стала местом важнейших мероприятий по подготовке и реализации земельной и крестьянской реформ в Кабарде и балкарских обществах.

3.4. Балкарцы в системе кавказской политики России конца XVIII – первой трети XIX в. Принятие российского подданства (1827)

В последней четверти XVIII века активизировалась политика Российской империи на южном направлении, она активно включилась в передел сфер влияния. Для Кавказского региона начинается новый период, он «впервые попадает под унифицирующее воздействие одной, российско-имперской власти. Кавказский хребет, в нескольких местах «прорванный» передовыми для того времени коммуникациями, лишается разделительной функции. Происходит геополитическая переориентация Кавказского региона с юга на север, на Россию»[174]. Осуществляется переход к преимущественно насильственным методам развития отношений. В регионе появляются элементы российского военно-административного управления. Временно учреждается Кавказское наместничество (1785–1796 гг.). Внешнеполитические успехи России в Закавказье, в особенности присоединение в 1801 г. Картли-Кахетинского царства, требовали от Петербурга кардинальных решений, касавшихся в первую очередь народов Центрального Кавказа. С целью предотвра-

щения усиления влияния Ирана и Турции даже предпринимались попытки создать некое «федеративное» объединение народов Кавказа под эгидой России. Этот план был впервые предложен при Павле I, затем поддержан рескриптом Александра I на имя Кнорринга от 24 декабря 1801 года[175]. Но подобная модель устойчивой федерации горских народов и владений оказалась утопичной, поскольку не соответствовала кавказским реалиям и разрушалась гетерогенностью социокультурных систем.

В связи с политикой России на Центральном Кавказе разрушилось этнополитическое равновесие, сложившееся в предшествующую эпоху и характеризовавшееся гегемонией Кабарды в регионе. В этих условиях определилось несколько моделей реакции местных обществ на российское военно-политическое присутствие. С одной стороны, кабардинская знать начала борьбу за сохранение своих земель и владельческих прав над подданными. С другой стороны, в условиях российской протекционистской политики продолжался процесс перехода отдельных локальных этнополитических образований Центрального Кавказа в российское подданство. Подобные шаги, правда, безуспешно, предпринимали и некоторые балкарские владельцы еще в 1780-х годах[176].

В первой трети XIX в. русско-балкарские отношения можно рассматривать только в контексте развития кабардино-русских отношений. К началу XIX в. вся горная полоса Северного Кавказа, простиравшаяся к югу от линии Кубань-Терек, фактически еще не находилась под контролем русской военной администрации. Военные экспедиции в Кабарду мало затрагивали территорию Балкарии, вместе с тем кабардинцы традиционно использовали труднодоступные горные ущелья для укрытия и рассматривали балкарцев как своих союзников в антиколониальной борьбе. Поэтому царское правительство считало, что «лучшей и коренной политикой» в отношении горских народов является стремление «отвращать между ними всякое единомыслие» и пресекать все действия в той или иной степени задевавшие интересы России[177].

В 1804 году в Кабарде началось крупное восстание, в которое были вовлечены не только кабардинцы, но и соседние народы – балкарцы, карачаевцы, осетины. На его подавление была направлена карательная экспедиция во главе с командующим войсками на Кавказской линии генерал-лейтенантом Г.И. Глазенапом. 9 мая на р. Чегем произошло большое сражение, и Г.И. Глазенап в рапорте от 8 июля 1804 г. писал Александру I: «…Дрались в ущельях большей частью с 11 000 отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осетинцами, выбитыми из 12 окопанных аулов»[178]. Объединенные силы горцев потерпели поражение. Их положение еще более усугубила распространившаяся на Кавказе эпидемия чумы. Вся Кабарда была окружена кольцом кордонов и карантинных застав. С 19 мая по 6 июня 1809 года по поручению Булгакова верховья рек Малки,

Баксана, Чегема и Черека обследовал поручик Таганов, с целью «разведать как о расположении народа, так и удостовериться в совершенном пресечении язвы». Таганов наряду с другими посетил «Балкарский и Карачаевский народы, жилища которых прилегают к превысокой Кавказской горе Эльбрус». По его данным, вспышки чумы еще наблюдались в различных кабардинских селениях, но сильнее всего она свирепствовала «в горах, называемых Чегемскими, смежных с Кабардою со стороны хребта Кавказских гор, где он сам был»[179].

С 1805 по 1810 гг. должность управляющего делами Кабарды занимал генерал-майор И.П. Дельпоццо. Глубоко изучив общественно-политическую обстановку, он выдвинул ряд предложений, касавшихся дальнейшего совершенствования административно-судебной системы, упорядочения поземельного вопроса и торговых отношений, а также предложил мероприятия, направленные на дальнейшую колонизацию края. Многие из этих предложений нашли свое воплощение в последующий период. Согласно плану И.П. Дельпоццо, начать политико-административные преобразования необходимо с Кабарды, присоединить ее к Кавказской губернии, открыть там суды с общероссийскими законами и обложить население казенными податями, а затем «приступить к введению благоустройства и в осетинских народах, во внутренности Кавказских гор в ущельях обитающих, которые имеют весьма разные наименования, весьма многочисленны и одно с другим беспрестанно имеют ссору»[180]. Для исследования споров и доказательства прав кабардинцев на соседних горцев управляющий Кабардой предложил составить комиссию с целью урегулировать взаимоотношения между всеми народами. Одним из важных механизмов на пути дальнейшего продвижения российской колонизации должно было стать строительство крепостей на реках Баксан и Черек «при самых устьях ущелий». Эти форпосты наряду с построенными прежде, кроме выполнения военно-полицейских функций, должны были стать пунктами монопольной торговли солью. Полученные от продажи соли доходы должны были направляться на административные и социальные нужды жителей Кабарды. При этом торговля солью рассматривалась как один из рычагов усиления российского влияния в горских обществах. «Соль, которую оне (кабардинцы) пользуются из наших озер с заплатою з каждую арбу по 1 р. 50 к. и продают оную дорогою ценою на скот сопричастным им горским народам (как-то: Чегемцам, Малкарцам, Дигорцам, Осетинцам, Ингушам и Кисам) можно будет через 2 или 3 года отпускать за указанную цену пуд по 40 к.»[181].

Таким образом, план И.П. Дельпоцо предусматривал, во-первых, посредническую роль России в регулировании традиционных взаимоотношений Кабарды с балкарскими обществами; во-вторых, военные и экономические механизмы давления с целью наращивания военно-политического присутствия России в районе Центрального Кавказа; в-третьих, постепенное

судебно-административное переустройство региона, включая и территорию Балкарии.

Новый виток напряженности в российско-кавказских отношениях пришелся на 1808–1810 гг. Возглавлявшие борьбу кабардинские владельцы намеревались переселить подвластное им население с плоскости, прилегавшей к Кавказской линии, в горные ущелья, чтобы продолжить сопротивление. Два фактора во многом определили дальнейшее развитие событий. Во-первых, шариатское движение в Кабарде, развернувшееся после учреждения в 1807 году духовного суда (мехкеме), не смогло преодолеть социальный раскол внутри самого кабардинского общества: владельцы не приняли идеи социального равенства и держались за сохранение своих привилегий. Во-вторых, горские народы, балкарцы в том числе, явно тяготились зависимостью от кабардинских князей. Еще в начале века, анализируя причины беспорядков на Кавказской линии и изыскивая способы прекратить их, один из чинов военной российской власти указывал, что «подвластные им (кабардинцам) народы, видя их занятыми Россией, воспользовались случаем отбыть от их власти, и они, прервав узы, соединявшие их с ними, пустились во все беспорядки»[182]. В 1810 году С. Броневский по этому поводу писал: «Малкары подведомственны роду Джембулата; чегемы – родам Мисоста и Атажуки. Карачаевцы подлежат тому из кабардинских владельцев, который всех старее летами. Все три колена... несут кабардинское иго с отвращением, но в рассуждении недостатка пастбищных мест, коими пользуются в кабардинских землях, принуждены покорствовать»[183].

Несмотря на имеющиеся внутренние противоречия военно-политическая обстановка в регионе приводила к временной консолидации северокавказских этнополитических образований. По сведениям российских военных властей от 12 февраля 1810 года, «кабардинские владельцы и уздени» находились во вражде с балкарцами, но, имея «мысли самые дурные и отчаянные», т.е. готовясь к новому вооруженному выступлению, «теперь стараются они со всеми своими неприятелями, народами осетинскими и балкарцами... во чтобы то ни стало примириться и действовать совместно против России неприятельски»[184]. Факт такого объединенного антиколониального не раз фиксируют исторические документы. Вместе с тем российская администрация довольно умело использовала имеющиеся противоречия между кабардинскими владельцами и балкарскими обществами, подчеркивая независимость горских народов и стремясь принять их под «российское покровительство». В 1811 году, уже будучи начальником Владикавказской крепости, генерал-майор Дельпоцо доносил главнокомандующему на Кавказе генералу Тормасову, что кабардинцы «ищут власти владеть всеми горскими народами, покорившимися предкам их, неправильно, потому что сия часть покорности оных им относится к силе и действию войска в тогдашнее время и покровительства им от Всероссийских Государей; народы сии суть осетинцы,

балкарцы, карачаевцы, абазинцы, ингушевцы и карабулаки люди вольные и хотя они с некоторых времен и платили им подати, но сие единственно последовало от вышеописанного предмета силы оружия Российского и покровительства им, кабардинцам, данного, и когда еще Российское правительство не имело совершенного сведения о состоянии и вольности тех народов...»[185].

Россия стала претендовать на роль главного регулятора балкаро-кабардинских отношений, явно не поддерживая попыток кабардинской знати восстановить сюзеренитет над некоторыми балкарскими обществами. В это время появляется ряд работ военных чиновников, где более пристальное внимание уделяется характеристике традиционных взаимоотношений горских обществ с Кабардой. Так, офицер Генерального штаба, И.Ф. Бларамберг, нашел внутренние противоречия между балкарцами и кабардинцами, указывая, что зависимость первых от вторых «порождает частые споры и непрекращающиеся войны», а требование старинной дани у чегемцев часто встречает отказ «с оружием в руках»[186].

Контролировать ситуацию, претендовать на безраздельную посредническую роль во всех конфликтах и участвовать в решении вопроса о традиционной дани, тем самым, обеспечивая нарастание пророссийской ориентации горских обществ, царская власть реально могла, только обеспечив военное присутствие в непосредственной близости от территории Балкарии. В 1813 году был назначен новый главнокомандующий на Кавказе – Н.Ф. Ртищев, считавший более надежным средством упрочения позиций России на Центральном Кавказе переход от конфронтации к поиску союзников. В 1815 году четыре дигорских владельца, присягнувших на верность России, секретно доносили ему, что существует прямая дорога из Моздока в Имеретию, но «для безопасности оной и для пресечения разбоев и грабежей, кои могут быть производимы чрез места, называемые Басияни (Балкарское ущелье), Тагаура и Двилеты, необходимо нужно для совершенного, так сказать, порабощения их поставить часть российского войска при реке Ардоне». Новое укрепление контролировало бы выходы из горных ущелий и оставляло их жителей «верноподданными России»[187].

Реализовать далеко идущие планы по фактическому присоединению к России Центрального Кавказа смог только преемник Н.Ф. Ртищева – А.П. Ермолов, в 1816 году назначенный на пост главноуправляющего Кавказским краем. С его приходом Кавказская война приобрела наступательный характер. По замыслу Ермолова, необходимо было перенести Центр Кавказской линии поближе к горам и «вступая в сношение с некоторыми горскими народами от кабардинцев утесненными, содержать сих последних в совершенной зависимости»[188]. В декабре 1821 года в связи с не прекращавшимся сопротивлением кабардинцев и их нежеланием спуститься с гор военные действия возобновились. Кабардинцы в массовом порядке уходили в горные теснины. Так, «аулы Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий направились в верховья

Уруха, Лескена и Черека, а аулы Мисостовых и Атажукиных – в верховья Гунделена и Баксана, поближе к закубанцам, оставляя свои земли»[189]. Вследствие чего военные действия разворачивались в непосредственной близости от этнической территории балкарцев. В 1822 году А.П. Ермоловым была проведена крупномасштабная военная экспедиция в Кабарде. В ходе ее царские войска несколько раз проникали в пределы Балкарии. А.П. Ермолов прошел с боями к Кашкатау и 24 мая занял узкое место на р. Черек, «где горы почти смыкались». На следующий день войска выступили вдоль подошвы гор к р. Чегем, затем весь отряд передвинулся к Баксанскому ущелью и здесь остановился в ожидании колонны Сталя, которая шла с р. Кумы на соединение с отрядом Ермолова. Ермолов решил осмотреть Баксанское ущелье, еще неизвестное в топографическом отношении. Во второй половине июня был предпринят поход к вершинам р. Баксан, в этом ущелье царским войскам «пришлось испытать беспримерные трудности». Отряды под командованием Ермолова и Сталя маршем прошли вверх по обоим берегам реки до самых истоков. «Свирепый и шумный Баксан, теснимый со всех сторон громадными утесами, с ревом и грохотом падал каскадами, с поражающей силой ворочая огромные каменные глыбы, отторгнутые от гор. Дорога лепилась по карнизам скал, висевших над безднами, и была так узка, что несколько казачьих лошадей сорвались с кручи в волнующуюся бездну»[190]. В самом узком месте Баксанского ущелья кабардинцы и помогавшие им урусбиевцы, соорудив громадный завал на правом берегу Баксана, предприняли попытку остановить русские войска. Однако ночью солдаты из отряда Ермолова подняли на гору четыре орудия, что заставило сопротивлявшихся очистить завал, а посланные в обход команды, заняв ближайшие к дороге места, затруднили отступление кабардинцев в земли карачаевского народа и за Кубань. «Заняв оставленные кабардинцами завалы, войска продолжали двигаться вперед. Батальоны шли по одному человеку, так как во многих местах тропинки на страшной высоте извивались по скалам, нависшим над Баксаном, будучи шириной не больше аршина... И такой путь шел на протяжении целых трех верст. В одном месте даже горные орудия пришлось перетаскивать на желобах, окованных железом; снаряды же розданы были людям и переносились на руках»[191]. Царские войска дошли до самых верховьев Баксана и после столкновений с «уруспийцами» вернулись в лагерь на р. Гунделен[192]. Эти события в мельчайших подробностях нашли отражение в описании Платона Зубова о «Подвигах русских воинов в странах кавказских с 1800-го по 1834 год»[193].

24 июля 1822 года военная экспедиция Ермолова была завершена, и отряд возвратился на линию. Делясь своими впечатлениями по этому поводу, А.П. Ермолов в одном из писем А.В. Казадаеву сообщал: «Недели две как возвратился из Кабарды, которую прошел два раза с храбрыми моими легионами. Наказал своевольных и дерзких, но главный предмет был обозреть землю и богатством и красотою редкую и которая, к стыду, была нам мало

доселе известна. Я проходил места, где еще не бывали войска наши от лености и бездействия моих предместников; учредил во многих местах укрепления, расположил часть войск для надзора за порядком и спокойствием, отдалил от большой части прежней Линии нашей разбои и хищничества, а на будущее лето оставлю старую линию и местоположением не здоровым и знойности климата убийственную и переношу к подошве Кавказа в страну прелестнейшую»[194].

После летних событий 1822 года один из Урусбиевых обратился к А.П. Ермолову с ходатайством о разрешении ему с подвластными переселиться с р. Баксана в глубь российских земель, на правую сторону р. Кубани. В ответном предписании начальнику Кавказской области от 10 октября 1822 года генерал А.П. Ермолов отклонил эту просьбу[195].

Однако сопротивление кабардинцев усиливающейся колонизации на этом не прекратилось. Уже после отъезда А.П. Ермолова в Тифлис, начальник всех войск в Кабарде Кацырев провел еще одну карательную экспедицию в балкарских горах. Узнав из донесения, что в «верховьях Чегемского ущелья скрываются семейства беглых кабардинцев», он 20 ноября 1822 года направил туда войска и все, «что осмелилось сопротивляться, было истреблено... Все имущество и стада их составили военную добычу; жилища, запасы хлеба и сена были сожжены»[196]. Затем царские войска переправились через Чегем и трудной горной дорогой перешли в Баксанское ущелье, там от урусбиевцев Кацырев взял аманатов, которых доставили в крепость Нальчик.

Поселение в Чегемском ущелье

Покорение Кабарды, потеря ее суверенитета имели долгосрочные последствия и для балкарских обществ. В том же 1822 г. А.П. Ермолов заложил Урухское, Пришибское, Нальчикское, Чегемское, Баксанское и Каменномостское укрепления, тем самым передовая кордонная линия была перенесена с Малки и Терека к подошве Черных гор, а кабардинские аулы переселены на плоскость. Укрепления, построенные у самых выходов из горных ущелий, стали контролировать сношения горцев с жителями внутри линии. В силу естественно-исторических условий балкарские горы всегда были политически и экономически связаны с кабардинской плоскостью, поэтому реаль-

ное включение горских обществ в состав Российской империи было лишь делом времени.

Сведения о начавшемся в это время сближении балкарцев с российской военной администрацией можно почерпнуть из прошения мусульманского духовного служителя Баксанского общества Гази Эфенди[197]. Его сообщение о желании урусбиевцев принять подданство России, которое они заявили генералу Ермолову, когда тот еще находился в Екатериноградe, можно считать вполне достоверными, так как нашли свое подтверждения и другие факты, изложенные этим священнослужителем в указанном прошении.

Мурзакул Урусбиев, стоявший тогда во главе Баксанского общества, пользовался полным доверием российским военных властей. На это обстоятельство указывал позднее и один из его потомков – Хамзат Урусбиев, оспаривавший у казны владельческое право на все Баксанское ущелье. По его свидетельству, «до принятия аульным владельцем Мурзакулом Урусбиевым русского подданства, трое, один за другим, начальников крепости Нальчик, имевшие наблюдение за тем, чтобы горские тогда враждебные племена не могли объединяться и сосредоточиваться в одних местах, отступили от этого правила», и «будучи уверены в совершенной верности и честности Урусбиева, позволили ему принимать к себе в аул разных лиц и давать им место под поселение по своему усмотрению»[198]. А начальник войск в Кабарде подполковник Ушаков в билете, выданном Мурзакулу Урусбиеву 6 июня 1829 года, дал разрешение распоряжаться землей Баксанского ущелья, с условием содержать там в военное время караул[199]. Это были первые документы, в которых не нормами обычного права, а имперским актом закреплялись владельческие права горских князей Урусбиевых, что позволило им вплоть до начала XX в. довольно успешно вести судебные тяжбы за Баксанское ущелье.

Аул Урусбиевых

Среди других законодательных инициатив, которые некоторым образом коснулись и балкарского населения, следует назвать Прокламации Ермолова к кабардинскому народу 1822 г. Чтобы ослабить власть мятежных кабардинских владельцев, наместник обещал свободу и независимость отошедшим от них крестьянам. По свидетельству архивного документа, в 1824 г.

кабардинский князь Ислам Атажукин бежал за Кубань и насильно взял с собой «холопьев, присвоенных им из горских племен Чегемской Осетии». Последние вернулись назад в Чегем, однако обещанной свободы не получили и были проданы через Кабардинский суд братом беглого кабардинца новому владельцу – чегемскому старшине Каншау Кучукову. Начальник Кабарды Подпрядов признал эту сделку вполне законной, т.к. «не простирается прокламация генерала Ермолова на *асетинских холопьев* (имеются ввиду балкарцы. – *Ред.*) и не имеет влияния на них, а издана таковая для кабардинского народа и их холопьев, выбегающих из-за Кубани от своих владельцев»[200]. Приведенные документы демонстрируют неоднозначность социально-правового статуса различных категорий зависимого населения и еще раз указывают на сложный характер межэтнического взаимодействия.

П.А. Гаврилов считал, что с обнародованием в 1822 году прокламаций генерала Ермолова начались споры балкарских обществ с кабардинскими владельцами за право первых пользоваться осенними и весенними пастбищами на плоскости, споры, затянувшиеся потом не на одно десятилетие. Со времени создания Кабардинской передовой кордонной линии «горцы без стеснений от кабардинцев могли занимать необходимые им пастбища; но все-таки и в это время, как и прежде, горские овцеводы, выходя со стадами на плоскость, по установившемуся обычаю, одаряли влиятельных кабардинцев, принадлежавших обыкновенно к высшим кабардинским сословиям. Отсюда также явилась претензия кабардинцев на право взимания с горцев ясака за пастьбу стад на плоскости»[201].

Уклонение балкарцев от привычной платы вызвало недовольство кабардинских князей и узденей. Они, воспользовавшись проездом через Кабарду в 1827 году начальника Главного штаба генерал-адъютанта Дибича, подали ему жалобу на действия А.П. Ермолова с требованием сохранения их прав и обычаев старины. В прошении содержался пункт о сохранении дани с тех народов, с которых они брали ее раньше. Прошение кабардинских князей, апеллировавшее к традиционному праву, было оставлено царскими властями без каких-либо последствий. Предыдущий опыт покорения Кабарды подсказывал российскому правительству, что его политика может быть успешной, если, во-первых, будет поддержано стремление балкарцев освободиться от этих платежей, и, во-вторых, им будет обеспечен свободный выход на плоскость.

Проводимая кавказская политика вскоре дала свои результаты. 11 января 1827 года представители урусбиевских, чегемских, хуламских и собственно балкарских таубиев, к которым присоединились также представители от дигорских бадилят, прибыли в Ставрополь к командующему русскими войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Эмануэлю и подали прошение о принятии их в русское подданство. Они выразили готовность принести присягу и поступить на военную службу, обязались выдать аманатов.

В частности, в обращении уполномоченных старшин в переводе с турецкого языка говорилось: «…быв отправлены к вашему превосходительству для испрошения покровительства и защиты всероссийского великого государя императора Николая Павловича яко поставленного от него наместника с тем ежели наше прошение принято буде, то мы равно и весь народ за отдачею уже аманатов детей наших принес и на верность подданства присягу всероссийскому великому государю Императору Николаю Павловичу и наследнику его государю великому князю Александру Николаевичу и затем буде готовы и на службу его величества, если в том мы востребованы будем...». Тогда же была составлена «Ведомость о числе дворов дигорских и прочих народов, новопокорившихся русскому правительству», в которой были зафиксированы имена депутатов от различных балкарских обществ. Среди них значились от Балкарского общества (400 дворов) Арслан аджи Жанхотов; от Чегемского (200 дворов) – Кельмамбет Баймурзов; от Хуламского и Безенгиевского (100 дворов) – Магомет Шакманов и от Урусбиевского (100 дворов) – Мурзакал Уруспиев[202].

При подаче прошения представители балкарского народа ходатайствовали о сохранении всех их древних прав и обычаев, шариатского суда, свободного исповедания ислама и «получения издавна установленной владельцам с подданных дани»[203]. Генерал Эмануэль привел балкарских и дигорских старшин к присяге и, отпустив депутатов по домам, поручил им привести к присяге свои народы. В его обращении к уполномоченным старшинам, в частности, говорилось: «… по возращении к своим народам тотчас привести оные на верноподданство к присяге доставив оные ко мне сколь возможно поспешнее чрез господина полковника Швецова и объяснив в оных согласно желанию народа готовность к службе его величества по первому востребованию Российского правительства если бы в том предстояла надобность аманатов от всех народов – разделяющихся на разные фамилии как-то: дигорцев от пяти – одного, балкарцов от двух одного, чегемцов от трех одного и холамцов и бизингов одного, взять с тем, чтобы переменять ежегодно, я не могу согласиться, но доставить от каждой фамилии порознь по одному. О прочих же просьбах ваших по рассмотрению в след за сим последует особенное решение»[204]. Уже 16 марта

Аул Былым.
Натуральная зарисовка Э.Б. Бернштейна

1827 года Эмануэль доносил, «что старшины горских народов Балкарского, Урусбиевского и Чегемского присягнули на верноподданство»[205]. После доклада об этом знаменательном событии командующему армией генерал-адъютанту Паскевичу и императору Николаю I, генерал-лейтенант Эмануэль получил «высочайшее благоволение за приведение балкарцев к подданству[206].

Летом 1828 г. обстановка на Кавказе вновь обострилась, Россия готовилась к войне с Оттоманской Портой. Российское командование было обеспокоено активностью турецкой агентуры и попыткой создания единого антироссийского фронта в северокавказском регионе. В этих условиях, по донесению Эмануэля, спокойствие сохранила Кабарда и «также *дигорские народы, недавно присягнувшие* государю императору на верноподданство, вполне сохранили оное…»[207].

В условиях продолжавшейся Кавказской войны российское правительство воздерживалось от прямого вмешательства в вопросы внутреннего управления балкарскими обществами. Они находились в ведомстве начальника центра Кавказской линии. Ввиду формального характера подданнических отношений традиционные балкарские и российские властные институты на этом этапе практически не взаимодействовали; до 60-х годов XIX века шел поиск приемлемых форм управления горскими территориями.

В 1829 году генерал Эмануэль организовал военную экспедицию к Эльбрусу с участием ученых Российской Императорской Академии наук под руководством академика Купфера. В ходе этой экспедиции учеными кроме естественно-научных изысканий в области геологии и биологии Приэльбрусья были собраны этнографические и исторические материалы. В архиве Адольфа Яковлевича Купфера сохранилось «Описание Кабарды», которое содержит интересные сведения о балкарских обществах. Характеризуя положение на Кавказской линии в 1827 году, составитель документа пишет: «Болкарские, Холамские и Безенгиевские татары, ведут себя в отношении и к русским и к кабардинцам покойно… Чегемские татары, половина была покорена прежде русскими и имела аманатчиков, другая же столь же сильная находилась не под зависимостью нашею, приставшая к одному старшине Кучуку Коншаовову, который имел тесную связь с карачаевцами заграничными жителями, часто допускал закубанцев проходить через свои земли и доставлял способ им делать набеги в Кабарде осенью прошлого года, от него силою взят сын его малолетний в аманаты, а сам с народом на верность подданства приведен к присяге с приличным для правительства российского условиями. Урусбиевские татары, до 70 домов, народ мирный и подчиненный России. Старшина оных по происхождению из княжеских фамилий – Мирза Кул, один из преданнейших Правительству нашему»[208].

Акт присяги балкарских владельцев 11 января 1827 года на верность российскому престолу может расцениваться как начало вхождения Балкарии в состав Российской империи. Преследуя цели только военно-политическо-

го контроля, но не экономической интеграции региона, правящие круги крепостнической России не предусматривали на этом этапе ни глубокого вторжения в традиционный общественный и хозяйственный уклад народов Северного Кавказа, ни их полной социокультурной ассимиляции[209]. С другой стороны, в этнических сообществах, в которых уже сформировалась олигархическая знать, ощутим был спрос на российскую власть, как на третью силу, нередко выступавшую регулятором межэтнических столкновений и внутренних социальных противоречий[210]. Последнее обстоятельство со всей очевидностью проявилось как внутри балкарских обществ, так и в их взаимоотношениях с кабардинскими князьями. Процесс вхождения Балкарии в состав России может быть в целом типологизирован как лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи. Это было обусловлено далеко зашедшей социальной стратификацией, устойчивым статусом этнической элиты и наличием достаточно зрелых форм политической самоорганизации общественных единиц. Взаимодействие российской власти и этнического социума балкарцев, конечно же, носило характер «навязанного диалога», но она нашла здесь социального контрагента, способного участвовать в таком диалоге, что обеспечило совместимость данного локального сообщества с российской государственностью, а в дальнейшем позволило сформулировать идеологему «добровольного вхождения в состав России». 1827 год вошел в историю как начало этого союза.

3.5. Включение балкарских обществ в российскую административно-судебную систему: опыт косвенного управления (вторая треть XIX в.)

Планы покорения Кавказа, появившиеся во второй половине 1830-х годов, имели одно принципиальное отличие от более ранних замыслов. Больше внимания начали уделять мирным, политическим способам решения проблемы. Не отказываясь от военных программ, которые продолжали доминировать, разработчики подчеркивали важность административно-судебных, просветительских и т.п. аспектов кавказской политики. При этом задача организации покоренного пространства, построение административной вертикали, доходившей до самого удаленного ущелья, имела приоритетное значение по сравнению с хозяйственным и культурным освоением. Поэтому судебно-административные преобразования, как правило, предшествовали земельным и социальным реформам.

В первой трети XIX века Балкария, в отличие от других районов Центрального Кавказа, оставалась «не освоенной» российскими административ-

ными учреждениями. Установление российской системы управления в горах Балкарии начинается только с 30-х годов XIX в. В предписании командующего на Кавказской линии генерала от кавалерии Эмануэля командующему 3-й дистанции Центра Кавказской линии генерал-майору Горихвостову от 27 мая 1831 года в частности говорилось: «Для приведения в известность народов, живущих по ущельям рек Уруха, Черека, Чегема и Баксана, для снятия местоположения и других поручений командирован мною состоящий при мне подпоручик Горшков. Посему предлагаю Вашему Превосходительству вызвать в крепость Нальчик старшин: из дигорцев, болгарцев, чегемцев, оруспиевцев и хуламцев, более известных Вам своею преданностью к Российскому правительству, кои бы приняли его как своего кунака, или приятеля, и служили бы ему его проводниками в означенных местах и равным образом [отвечали] и за безопасность его»[211]. Исполнение этого предписания натолкнулось на определенные трудности. В Балкарском обществе было неспокойно, представители знати отказались ехать в Нальчик из-за отправления в Георгиевск находящегося под арестом балкарского старшины Алибека Абаева. Кроме того, в Балкарии объявился известный абрек Нашхо Мамышев, который «сжег у старшины Умара Кучукова, а у прочих хутора, изыскивает будто бы случай мстить всем преданным правительству нашему, а в особенности русским, а посему опасаются принять к себе подпоручика Горшкова…»[212]. Приказ Горихвостова удалось исполнить только в июле 1831 года. До этого времени подпоручик Горшков находился на горячих минеральных водах, всячески торопил местные власти и просил обеспечить его отправление в горы[213]. Наконец, в крепость Нальчик вызвали таубиев из Балкарского общества, которым долго внушали «пользу народную быть послушными правительству и начальству». После чего они дали поручительство о безопасном проезде посланника кавказской администрации через их земли и отправились с ним в Черекское общество. «…из Балкарии г. Горшков проехал к хуламцам, оттоль чрез Чегемскую Осетию до оруспиевцев. Возвратившись благополучно в Нальчик, исполнил все сделанные ему от начальства поручение». В Урусбиевское общество Горшков не поехал, не получив поручительства от старшин за свою безопасность, несмотря на то, что князь Мисост Атажукин дал ему в проводники через земли урусбиевцев своего брата[214].

Есть и другие свидетельства военных чинов кавказской администрации о балкарских обществах. В сочинении И. Бларамберга, относящегося к началу 1830-х годов отмечается, что «Чегемы и балкарцы находятся в ведении командующего Кабардинской линией, но они считают себя независимыми и редко ему подчиняются»[215]. Такого же рода примечания встречаются и в «Ведомости о численности народонаселения Кавказа и степени их покорности царскому правительству». Относительно Чегемского общества (2000 душ) и Балкарского общества (4000 душ) там сказано, что они «управляются командующим Кабардинскою кордонною линиею»[216]. Вряд ли для 30-х годов

XIX века стоит преувеличивать значение военно-административного контроля России над территориями балкарских обществ. Так, в 1833 году по приказу военного министра кн. Чернышева, давая оценку степени покорности правительству, военные власти на Кавказской линии сообщали, что «чегемцы и балкарцы мало повинуются, а прочие довольно покорны»[217].

В этот период с целью приведения в известность всех народов, находящихся в управлении командующего Кабардинской кордонной линией, через балкарские территории было организовано несколько экспедиций, которые оставили статистико-географические и военно-топографические описания. 27 апреля 1834 г. барон Розен отдал приказание штабс-капитану Генштаба князю Шаховскому, находившемуся в Сванетии, «проникнуть в Карачай или земли Уруспиевцев». Выполняя это поручение, Шаховской, по его словам, «перешел снеговой хребет…спустился в Баксанское ущелье», затем побывал у «чегемцев, хуламцев, безенгиевцев и малкарцев, где имел случай рассмотреть быт сих народов и отношения к Русскому правительству»[218]. Закончив исследования, Шаховской докладывал барону Розену, что «урусбиевцы, жители верховья Баксана, изъявляли большое усердие, приняли весьма ласково и оказывали должное уважение как русскому офицеру»[219], вместе с тем он пришел к выводу, что балкарцы «слишком много полагают свою надежду на горы, в коих поселены, а не попытав сами сил наших, довольно самонадеянны и готовы оспаривать оружием всякое невыгодное, по их мнению, предприятие со стороны русского правительства, но впрочем, они кротки и спокойны, набегов делать не могут, ибо большая часть не имеет лошадей, а если случаются хищничества, то более из молодечества или из нужды»[220]. На основании данных экспедиции Шаховского в Генеральном штабе были составлены карты. На одной из них пунктирными линиями были нанесены границы Сванетии с балкарскими обществами и последних с Кабардою. В 1852 году, когда от балкарских обществ была отправлена депутация в Санкт-Петербург «для выражения верноподданнических чувств Государю Императору», этот картографический материал использовался для определения места жительства балкарцев и характеристики их взаимоотношений с соседними народами. В 1838 году описание дороги, ведущей от укрепления Нальчик по ущелью реки малого Черека через Кавказский снеговой хребет, и карту с географическим изображением балкарских обществ составил унтер-офицер Тенгинского пехотного полка Позднышев[221]. В 1841 году предписание на командировку по составлению политического обзора карачаевского народа было дано прапорщику Ежову от начальника Центра Кавказской линии Пирятинского[222]. В результате подобных экспедиций расширялись представления российской военной администрации об образе жизни, численности и степени лояльности балкарцев и карачаевцев к новой власти, разрабатывались основные подходы к политико-административному управлению горным районом.

В 1839 году капитан Вольф представил командующему на Кавказской линии П.Х. Граббе проект «Положения об управлении мирными горскими народами». Согласно этому проекту, северокавказские народы, жившие вдоль всей линии военных укреплений, подчинялись начальнику Кавказской линии и Черномории и разделялись на 6 управлений. В свою очередь каждое из управлений делилось «по племенам» на приставства и округа. Интересующие нас балкарские горские общества должны были относиться к управлению начальника Центра Кавказской линии, которое капитан Вольф разделил на три главных приставства: Велико-кабардинское приставство (Атажукинский и Кайтукинский округи), Мало-кабардинское приставство (Кажантиновский и Елисановский округи) и Кабардино-осетинское приставство (Чегемский, Балкарский и Дигорский округи)[223]. В итоге обсуждения этого проекта с командующими частями Кавказской линии появился проект П.Х. Граббе об управлении «мирными» горцами, но и его рассмотрение было отложено до более благоприятного времени. Тем не менее, основные идеи по административному управлению «покорными горскими народами Кавказа», высказанные в проектах первой половины 40-х годов XIX в. были востребованы при совершенствовании системы приставского правления.

В 1841 г. Шора Ногмов, исполнявший в то время должность секретаря Кабардинского временного суда и собиравший предания о горских народах, докладывал на запрос начальника Центра Кавказской линии о численности и племенной принадлежности живущих в горах балкарцев[224]: «Входящие в состав народов, обитающие в Большой Кабарде, некоторые называются Малкарцами, а другие Балкарами, а эти племена составились из остатка племени Болгарских народов, и между ними находится несколько из Мажарского племени, и они до учреждения в Кабарде крепостей платили дань кабардинцам, но никогда не были с ними единого племени и разделяются на общества Балкарское, Чегемское, Хуламское и Безенгиеское. Жителей же считается обоего пола 4450 душ»[225].

Удаленные и труднодоступные горские общества слабо подчинялись администрированию, сохраняли привычный, веками сложившийся строй социальной жизни и самоорганизации. Ведомости следственных дел 1840-х, производившихся в Кабардинской линии, практически не содержат обращений балкарцев или привлечение их по каким-либо делам[226]. Попытки начальника Центра Кавказской линии князя Голицына наладить в начале 40-х годов XIX в. русское делопроизводство при оформлении судебных решений внутри отдельного общества также натолкнулись на существенные препятствия. Так, в одном из предписаний Чегемским старшинам Голицын указал: «Вы просили у меня для разбирательства своих тяжебных дел писаря и переводчика. Вы меня заставили думать, что точно хотите порядка и устройства, но вышло совсем другое, дела не решаются и посланные мои живут по-пустому, умирая с голоду, почему предписываю Вам или переме-

нить с ними обращение, или прислать их назад»[227]. К тому же этот документ указывает на укрывательство русских пленных в Чегемских горах.

«В 1843 г. по распоряжению бывшего начальника Центра Кавказской линии князя Голицына из Чегемской Осетии от старшины Кучука Беймурзова вытребован пленный, показывающий себя московским жителем Дементием Хохловым. Этот человек при допросе показал, что он взят в плен еще в 1800 г. хищниками близ г. Пятигорска..., его доставили в Чегемскую Осетию и продали старшине Беймурзову...»[228]. Этот случай не единичный. В «Краткой записке о горских народах», напечатанной в «Северном архиве», отмечалось: «Должно полагать, что вообще между оными горцами есть много пленных солдат, которые туда перепродаются, потому что не могут выбегать обратно»[229].

В 1846 году, по сведениям российских властей, три беглых солдата нашли убежище у одного из горских таубиев, прапорщика Урусбиева[230]. Еще в 30-х гг. XIX в. по два экземпляра воззвания на турецком и арабском языках были переданы урусбиевцам, чегемцам, безенгиевцам, хуламцам и балкарцам, «чтобы они все меры употребляли на изловление беглых русских солдат», за что была обещана награда в десять рублей серебром[231]. В 40-х гг. XIX в. уже через пристава балкарских обществ не раз повторялись требования начальника Центра Кавказской линии узнать «с большой подробностью, кто из беглых в Баксане и в Бизингах с которого времени в горах проживает, и если обнаружится, что они солдаты беглые, то требовать их выдачи и доставлять в Баксанское укрепление»[232]. Архивные документы зафиксировали факты выдачи вознаграждения за доставку дезертиров из горных ущелий на Линию[233].

Деревянный мост через реку Баксан

Таким образом, в рассматриваемый период административная власть начальника Центра Кавказской линии на территории Балкарии была в определенной степени номинальной. Дифференцированный подход в способах осуществления административной власти в рамках Центра Кавказской линии нашел свое отражение в записке о политическом состоянии кавказских горских народов, составленной офицером Генерального штаба в 1842 году. К этому времени в составе Центра зна-

чилось восемь подразделений: «1) великокабардинцы, 2) малокабардинцы, 3) дигорцы, 4) балкарцы, 5) бизингиевцы, 6) хуламцы, 7) чеченцы (следует читать чегемцы. – *Ред.*), 8) уруспеевцы. Великокабардинцы управляются учрежденным генералом Ермоловым в 1822 году в крепости Нальчике Временным кабардинским судом. Суд сей состоит из князей и первостепенных узденей, начальством назначаемых, под председательством Валия или старшего кабардинского князя и непосредственным надзором начальника правого фланга. Малокабардинцы имеют пристава, *прочие племена, осетинского происхождения, получившие названия от ущелий, в коих расположены их аулы, управляются старшинами*»[234]. В таком виде административное устройство просуществовало до 1858 года, когда Кабардинская линия была упразднена, и создан Кабардинский округ, а Кабардинский временный суд, учрежденный Ермоловым еще в 1822 в укреплении Нальчик, преобразован в окружной. Некоторые изменения в политико-административном управлении связаны лишь с введением в середине 40-х годов XIX в. приставства горских обществ, что специально будет рассмотрено ниже.

В своей деятельности Кабардинский временный суд руководствовался обычным правом и российским законодательством. Разбор дел балкарских жителей, по-видимому, также находился в компетенции этого учреждения. Н.Н. Муравьев в 1855 году писал о нем А.П. Ермолову: «Я был в Нальчике, где устав ваш и прокламации служат единственным руководством для дел, встречающихся не только между кабардинцами, но даже и *между племенами, живущими в горах*»[235]. Вместе с тем требуют уточнения функциональные ограничения в деятельности этого учреждения относительно балкарских обществ. До учреждения в Балкарии специального приставства именно Кабардинский временный суд был тем административным институтом, через который осуществлялась трансляция распоряжений российских властей на горские территории. В Центральном государственном архиве КБР отложились единичные дела, касающиеся обращения балкарцев в Кабардинский временный суд. Так, в марте 1836 года чегемский старшина Шарахмат Балкароков обратился с просьбой к командующему Кабардинской линией генерал-майору Сергееву разобрать в суде спорное дело «об удовлетворении его за кровь подвластного его»[236]. Примечательно, что это дело касалось традиционных правоотношений между членами владельческой фамилии и их подвластными и регулировалось обрядами Чегемского общества. Несмотря на всю «поверхностность» российского судебно-административного управления горскими обществами, этот прецедент указывает на деформирующее воздействие колониальной администрации на властные структуры и традиционную саморегуляцию балкарских общин. Лояльно настроенные представители владельческих фамилий начинают апеллировать к российским властям при разрешении внутренних конфликтов. Однако, судя по архивным документам, в основной своей массе балкарцы, не имевшие в Кабардин-

ском временном суде своего представителя, не спешили туда обращаться и ограничивались традиционным судебным разбирательством в своих обществах. Например, за 1846 год в Кабардинском суде было обнаружено только 3 дела, подлежащих разбирательству с балкарскими жителями[237]. Эти дела касались урегулирования взаимоотношений с соседними народами, кабардинцами и осетинами, или предписывали взимание штрафов, т.е. выходили за пределы юрисдикции локального сообщества того или иного ущелья.

Разбор судебных дел, касавшихся жителей отдельного балкарского общества по-прежнему находился в компетенции старшин этого общества и эфенди. Однако теперь для исполнения судебных функций они приводились к присяге в Кабардинском временном суде «о правильном разбирании жалоб»[238] и клялись в том, что будут рассматривать все дела «по справедливости, не делая поправки ни по какому случаю и никакому лицу»[239], о чем Кабардинский временный суд доносил в управление Центра Кабардинской линии. Вместе с тем, архивные материалы свидетельствуют о том, что к середине века участилась практика балкарских жителей апеллировать к начальнику Центра Кавказской линии в случае несогласия с судебными решениями, принятыми в соответствии с адатом или шариатом.

Введение российской системы управления на Северном Кавказе проводилось поэтапно, в 30–50-х годах XIX века не все присоединенные территории в одинаковой степени были интегрированы в административную систему Российской империи. В отношении балкарских обществ наблюдается постепенность и глубокое изучение нравов, обычаев, социально-экономических основ жизни, организации власти и судопроизводства. Балкарские общества обнаружили лояльный тип социально-политической адаптации к новым историческим реалиям, а балкарские владельцы изложили свое видение интеграции горских обществ в административно-политическую систему Российской империи.

В первой половине XIX в. Россия придерживалась достаточно прагматичной политики: постепенно шло формирование системы специфических административных и судебных учреждений для управления горскими народами. «Одним из первых и важнейших институтов управления стал институт приставов, который позволял в обстановке политической нестабильности, содержать в горских обществах небольшой аппарат, и не вмешиваясь до поры до времени во внутренние дела горских народов, изучать процессы, происходившие в горских обществах. Приставы должны были не только сдерживать, но и предотвращать недовольство горцев политикой властей, постоянно шаг за шагом распространять свое влияние на другие институты управления, такие как суды, военное и гражданское управление, образование, торговлю, податную систему и т.д.»[240]. Еще в 1769 году система приставского надзора была введена в Кабарде. Однако на «подвластные кабардинцам общества, каковы суть балкарцы, чегемцы и карачаевцы» подобные учреждения еще не распро-

странялись[241]. Вероятно, это объяснялось удаленностью и труднодоступностью территорий этих обществ, а также малочисленностью населения в них. Слабое представление российских военных властей о балкарцах, их социально-политическом устройстве требовало постепенности и осмотрительности.

Со временем установление института, выполнявшего функции посредника между балкарскими обществами и царской администрацией, стало настоятельной потребностью. Шел поиск одного из вариантов системы косвенного управления, когда балкарские таубии сохранили бы за собой значительную часть своих социально значимых функций и властных прерогатив, а назначенный пристав, подчинявшийся военным властям, контролировал бы сферу судопроизводства и осуществлял полицейские функции.

В 1839 году по поручению царской администрации Я. Шарданов, до 1838 года являвшийся секретарем Кабардинского временного суда и фактически заведовавший всеми делами внутреннего управления Кабарды, составил «Дополнительный проект». В этом документе он изложил собственное видение реформы по управлению Кабардой на основе традиционных форм правления и впервые высказал мысль о необходимости усиления административного контроля над горскими обществами путем учреждения специального приставства. В одиннадцатом параграфе «Дополнительного проекта» Я. Шарданов констатировал, что «народы дигорский, балкарский, хуламский, безенгиевский, чегемский и дурдурский до покорения русскому правительству управляемые были кабардинскими князьями, которые и получали с них за то подать и штрафовали их по разным случаям сами собою. Но по покорении оного в 1822 году генералом Ермоловым от управления ими отказано князьями, и штрафы взыскивать запрещено, а предназначено словесно для управления оными определить пристава, но таковой по сие времени определен не был»[242]. Я. Шарданов, ссылаясь на то, что дигорцам уже пристав назначен, предлагал привести в исполнение предписание Ермолова – определить и балкарским обществам одного русского чиновника приставом. По его мнению, он должен исполнять те же административные функции, что и пристав кабардинского народа. Это способствовало бы упрочению связей между российской администрацией и балкарскими старшинами, выявило бы степень лояльности последних. Второе предложение Я. Шарданова сводилось к тому, чтобы дать балкарскому народу «особую прокламацию о запрещении смертоубийства», подобную той, которая была дана Ермоловым для кабардинцев. Таким образом, предлагалось постепенное вмешательство в традиционную систему судопроизводства и отправления наказаний.

Помимо Кабардинского временного суда роль посредника для передачи распоряжений кавказской военной администрации на территорию балкарских обществ иногда выполняли представители кабардинской княжеской знати, традиционно покровительствовавшие тому или иному ущелью. В частности, в рапорте начальника Центра Кавказской линии князя Голицы-

на Командующему войсками от 17 ноября 1842 года в отношении чегемцев говорилось, что «за неопределением пристава все требования начальства к ним обращались через фамилию Атажукиных, которым они повиновались по привычке, укоренившейся в продолжение нескольких столетий до такой степени, что они долго не переставали платить часть прежней дани, но с некоторого времени прекратилась уплата эта, вместе с ней и влияние Атажукиных над народом, который с тех пор являл неоднократно неповиновение самому правительству. В таковых обстоятельствах я считаю необходимым назначить пристава над малкарским племенем, составленным из Балкарцев, Чегемцев и Хуламцев, присоединив к ним и Уруспиевцев, без чего нельзя надеяться со стороны их совершенного повиновения»[243].

Представление о необходимости установления пристава для горских обществ, находившихся в горах, за Кабардой, было подано командующему Отдельным Кавказским корпусом в январе 1843 года. Полковник Голицын направил главноуправляющему генерал-адъютанту Нейдгардту рапорт, в котором сетовал на то, что балкарцы, хуламцы, уруспиевцы, чегемцы и малкарцы не имеют пристава, «через то затрудняется присмотр за ними центрального управления Кавказской линии»[244]. Малочисленность горских обществ позволяла назначить одного общего для них местного начальника. Инициатива начальника Центра Кавказской линии получила одобрение высокого начальства. Однако назначение специального пристава «балкарских народов» фиксируется по архивным документам только с середины 1846 года. Этот институт закрепил результаты, достигнутые в деле политико-административного освоения горного района, и одновременно расширил сферу российского административного влияния, поскольку определенная формализация управления (к этому времени институт приставства уже был введен в Чечне, Ингушетии и Осетии) вела к централизации и, следовательно, упрочению российской власти в этом регионе. На основании Записки Главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе, можно заключить, что с 1847 года «по смете Министерства Внутренних Дел ежегодно ассигнуется на приставство Урусбиевского, Чегемского, Хуламского и Балкарского народов – 300 рублей»[245]. Ежеквартально из Ставрополя, из канцелярии по управлению мирными горцами, балкарскому приставу поступало на экстраординарные расходы около 83 рублей и на канцелярские расходы около 17 рублей. Расход этой суммы он должен был фиксировать в беловой шнуровой книге, которую в конце года отправлял на ревизию в контрольное отделение, учрежденное при интендантстве отдельного Кавказского корпуса[246]. Начиная с 1848 года рапорты, военные штаты и счета расходов по приставскому правлению Балкарских, Чегемских, Хуламских и Урусбиевских народов регулярно поступали на ревизию в Ставропольскую счетную палату, а затем в Штаб войск Кавказской линии и Черномории, где об этом имеются соответствующие отметки[247].

Обычно приставы назначались из русских офицеров, знакомых с обычаями и жизнью соответствующего народа, но иногда ими становились «благороднейшие и достойнейшие из горцев»[248].

Первым приставом Балкарских, Чегемских, Хуламских и Урусбиевских народов был назначен войсковой старшина Хоруев, родом из осетин. До этого назначения он имел опыт такого рода службы, находясь в должности пристава горских народов в г. Владикавказе[249]. К Хоруеву была прикомандирована команда казаков из Баксанского укрепления[250]. Смотрителю Нальчикского военного поселения было приказано отвести для этого пристава и находившейся при нем команды казаков удобную квартиру[251]. С его именем связано становление этого административного института в Балкарии.

Немногим более года, в 1851 году, в должности пристава балкарского народа находился миссионер Захарий Исааков, возможно, грузин по происхождению[252]. Еще будучи при Хоруеве помощником, он в 1849 году занимался проповеднической деятельностью в Балкарии и окрестил двух детей холопки таубия Кучука Мисакова, после чего те отказались нести своему господину повинности, предусмотренные обрядом[253].

С 1852 года должность балкарского пристава стал исполнять выходец из дигорских баделят – Абисалов. В апреле 1855 года, будучи уже в чине майора он по распоряжению высшего начальства получил 200 десятин земли в Дигории[254]. В это же время при балкарском приставе в качестве помощника находился урядник Афанасьев, который составлял прошения от имени жителей балкарских обществ к различным чинам кавказской администрации, а зачастую, за отсутствием пристава и по поручению сам исполнял его функции[255]. Находясь на службе, Афанасьев довольно часто совершал сделки, покупал холопов и был участником различных судебных разбирательств[256].

В конце 50-х годов XIX в. должность Управляющего Балкарским приставством занимал Бекмурза Шарданов, сын известного общественно-политического деятеля Кабарды Якуба Шарданова, бывшего секретаря Кабардинского временного суда. Его имя встречается не только в официальной переписке, но даже в тексте клятвенных обещаний жителей горских обществ. «Мы, нижеподписавшиеся, клянемся Великим Богом, пророком его и книгами… в том, что не будем скрывать подлежащих людей оштрафованию от Бекмурзы Шарданова, а мы скажем ему, Шарданову, не скрывая никого из виновных нашего аула, кого только мы знаем, несмотря на дружбу, родство…»[257]. В феврале 1859 г. корнет Шарданов сдал «в надлежащей исправности» дела по управлению Балкарским приставством майору Коноплянскому, назначенному помощником к Начальнику Кабардинского округа кн. Орбелиани[258].

Краткий обзор должностных лиц приставского правления Балкарии позволяет заключить, что низовые административные должности, как правило, занимали выходцы из местных народов, принадлежавшие к привилегированным социальным группам горского общества, волею судьбы ока-

завшиеся на русской военной службе и получавшие от этого социальные и материальные дивиденды. В «колониальном» административном аппарате, особенно в его низшем звене, роль и доля «туземных» элементов различного этнического происхождения и вероисповедания была весьма значительной. Российское имперское государство в собственных интересах стремилось не просто механически инкорпорировать местные социальные элиты, а органично срастить их с российской властью и русским обществом. Именно для этого им давали возможность получить образование, воспитание и сделать карьеру на престижном поприще.

Пристав должен был, во-первых, осуществлять сбор информации через преданных людей и переводчиков о намерениях и настроениях подведомственного народа. В одном из предписаний начальника Центра Кавказской линии приставу Балкарских народов за 1846 год говорилось: «Старшинам их общества (Чегемского. – *Ред.*) объявить, что они должны спомоществовать Вам искоренять зло и не стараться скрывать людей вредных своими действиями для правительства и собственного спокойствия, обнаруживать противозаконные поступки их и представлять виновных ко мне»[259]. Ответственность за вину несколько человек, в случае их невыдачи, возлагалась на все общество. Пристав должен был осуществлять полицейский контроль на подведомственной ему территории и всех приходивших в балкарские общества для торговли и по другим делам людей, живших в горах и на Восточном берегу Черного моря и не имевших «письменных видов от своего начальства, арестовывать и доставлять за караулом в Нальчик, без малейшего им оскорбления и отнюдь не касаясь их собственности…»[260].

Во-вторых, приставу полагалось обеспечивать спокойствие в горских обществах, не допускать туда «немирных горцев» в условиях продолжавшейся Кавказской войны и формировать в случае необходимости «конницу и караулы» из местного населения. Уже с начала XIX в. российские военные власти стали собирать сведения о количестве вооруженных людей, которое могут выставить в случае военной необходимости балкарские общества. Эти данные достаточно разноречивы, тем не менее, дают определенное представление не только о военном потенциале балкарцев, но и об общей численности населения. По данным источника, относящегося к первому десятилетию XIX в., все балкарцы могли выставить более 3 тысяч вооруженных воинов[261]. В записке князя Шаховского за 1834 г. содержатся сведения, что в случае военной опасности урусбиевцы могут дать до 70, хуламцы – до 60, безенгиевцы – до 50, чегемцы – до 100, а жители Балкарского общества – до 350 пеших вооруженных людей, исключая таубиев, которые могут выехать на конях[262]. По данным И. Бларамберга, жители Черекского ущелья могут выставить около 500, а чегемцы – 300 воинов[263]. Н. Забудский в военно-статистическом обозрении сообщал, что на случай отражения неприятеля, вторгнувшегося в пределы Центра Кавказской линии, балкарцы могут собрать 500 воинов[264].

Чтобы постепенно усовершенствовать и приспособить к локальным условиям российские управленческие институты, среди горских народов создавались местные полицейские органы в виде воинской стражи. Одной из первых задач, возложенных на Балкарского пристава, являлась организация местной милиции и выставление в случае необходимости караулов, готовых «на битву со своими немирными собратьями»[265]. С наступлением холодов в условиях гористой местности эти караулы снимались, и выставлялись разъезды на проходах, «удобных для хищников и неблагонамеренных» с целью «открывать убежища и уничтожать этих вредных преступников»[266]. Создание подобных формирований предусматривалось еще «Высочайше утвержденным учреждением для управления Кавказской областью» от 6 февраля 1827 года. Параграф 153 регламентировал создание «местной полиции из воинской стражи, сперва непосредственно у народов к линии прилегающих, а потом обитающих далее»[267]. В приказе начальника Центра Кавказской линии помощнику Балкарского пристава от 14 марта 1851 г. говорилось: «По случаю наступившего весеннего времени, которое благоприятствует к укрывательству неблагонадежных людей, я прошу Вас... выставить караулы... от балкарцев, хуламцев и безенгиевцев в удобных местах...»[268]. В другом предписании говорилось: «... имею честь покорнейше просить Вас немедленно собирать из подведомственных Вам народов милицию в значительном числе для защиты своих границ»[269]. Смысл этих мероприятий заключался в том, чтобы Кавказская линия перестала играть роль границы между Кавказской областью и территориями, занимаемыми горским населением, и приобрела характер «временного учреждения», за которым следовало бы окончательное включение горских территорий в административно-политическую систему Российского государства[270].

И, наконец, в компетенцию пристава входило осуществление посреднических административно-судебных функций между горскими обществами и кавказской администрацией. Из переписки начальника Центра Кавказской линии Хлюпина и пристава балкарских народов Хоруева становится ясным механизм этого взаимодействия в 40-х годах XIX в. Судебное разбирательство велось старшинами отдельного общества или эфенди в зависимости от характера дела. Штрафы, взимаемые деньгами или скотом за различные виды преступлений, делились между судьями. Такой порядок, вполне соответствовавший традиционным правоотношениям, признавался российскими военными властями вполне справедливым, поскольку судьи несли «общую повинность без пособия от казны»[271]. В то же время пристав должен был перед взысканием штрафов доставить начальнику Центра ведомость «в каком обществе, кто сделал какой поступок, подвергающий его штрафу, уличен ли он, в чем именно, кем, или сам сознался, было ли обсуждено дело старшинами общества, и какое кем наложено взыскание»[272]. Взимать штрафы за правонарушения можно было только после разрешения начальника Центра

Кавказской линии. Ему поступала полная информация о том, «в каком обществе и кто облачен в права судей для разбирательства дел», рассматриваются дела «по обрядам или исключительно какие шариатом, в последнем участвуют ли старшины, или решаются одними эфендиями»[273].

Среди прочих приставских правлений балкарские горские общества уже в начале 50-х гг. XIX в. считались достаточно спокойным местом. Так, подыскивая должность пристава для раненого ротмистра Моршани, командование на Кавказской линии предложило ему Балкарию, «где он будет совершенно покоен от излишних движений, и где нужны только самостоятельность и настойчивость при требовании исполнений от туземцев распоряжений начальства»[274].

В 1857 году в связи с готовившимися административными изменениями на Кавказской линии все балкарские общества и Дигория оказались под начальством одного пристава, штабс-капитана Масловского. Управляющий бывшим центром Кавказской линии А.П. Грамотин в ответ на просьбу одного из чинов Владикавказского линейного казачьего полка о назначении его дигорским приставом ответил, что «начальство желает для сохранения расходов уменьшить число приставских мест, на этом основании и для горских народов, в смежных с Кабардою… избрал одного пристава и до сих пор не видит надобности ставить другого, а только находит нужным дать ему двух или трех дельных помощников»[275]. Тем не менее, рациональное администрирование на такой большой и труднодоступной территории было невозможно. Отправляясь в отдаленное Баксанское ущелье, пристав Масловский требовал, чтобы его сопровождал горский народный эфенди Али, «ибо дела баксанского племени не разобраны за пять лет». По его словам, если духовный судья не будет с ним, то поездка пристава на Баксан будет бесполезной[276]. Недостатки приставского правления отмечали и сами жители балкарских общин. Так, представители таубиев и «черного народа» из Балкарского общества подали прошение генералу Грамотину, в котором указывали, что, во-первых, разбор междоусобных дел и удовлетворение обиженных затягивается на три-четыре месяца, пока пристав добирается из одного общества до другого, и, во-вторых, дигорцы и все балкарские общества «имеют каждый свои права и народные обычаи особые», что затрудняет решение дел. Поэтому жители самой народонаселенной из горских общин просили назначать в свое общество «особого пристава», а его помощником – балкарца, который знал бы их обычаи. Решение этого вопроса было оставлено за приставом Б.Г. Масловским: в случае затруднений в управлении всеми горскими обществами резолюция командующего краем предписывала ему назначить помощников от балкарского, чегемского, безенгиевского, хуламского и урусбиевского народов[277]. Со временем институт пристава трансформировался сначала в должность Управляющего Балкарией, а затем в институт участковых начальников.

Итак, становление российской системы управления в Балкарии начинается только с 30-х годов XIX в., постепенно в горских обществах, как и в других районах Северного Кавказа, вводились специфические политико-административные институты, нацеленные на их изучение, полицейский контроль и косвенное управление новыми территориями. С 1846 года на Балкарию был распространен институт приставства, чиновники которого назначались кавказской военной администрацией. Как представляется, это событие положило начало конструированию административно-политического пространства Балкарии в составе Российской империи. Социально-политическое развитие балкарских этнических сообществ в этот период определенным образом было связано с деятельностью пристава и новых судебных учреждений, а также с усилением российского административного присутствия в регионе. Совмещение государственных ограничений с гарантиями невмешательства во внутренние дела может расцениваться как политический компромисс, в рамках которого осуществлялся диалог между локальными сообществами и военными властями.

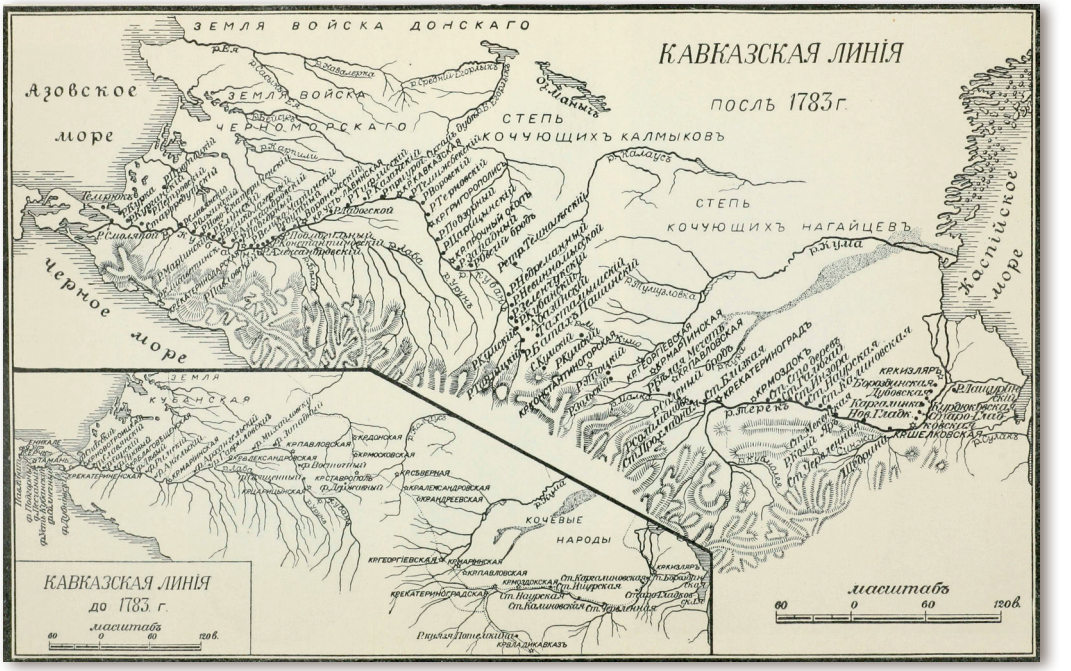
3.6. Казачья и крестьянская колонизация территории Кабарды во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

Со второй половины XVIII в. российское правительство стало обращать особое внимание на дальнейшее усиление своей власти на Северном Кавказе, рассматривая как одну из основных задач создание здесь многочисленного и сильного кавказского казачества. Так, в документах того времени отмечалось, что «единственно надежным средством для прочного утверждения нашего владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением»[278].

Ускорению темпов русской колонизации способствовало и строительство военно-оборонительных укреплений. Причем, если в XVI–XVII вв. военные крепости имели исключительно оборонительное значение, то теперь они становятся форпостами царизма в наступлении против горских народов. В 1762 г. кабардинскому князю Кургоко Канчокину было разрешено с крещенными подданными переселиться в урочище Мездогу на левом берегу Терека. Вскоре здесь началось строительство русской крепости.

Строительство Моздока вызвало недовольство в Кабарде. Однако все протесты и даже вооруженные выступления кабардинцев не заставили правительство отказаться от Моздока. Напротив, на Кавказе стали появляться все новые укрепленные поселения. В 1770 г. для усиления терской кордонной линии на левобережье от Моздока до Червленной были поселены 517 семей волжских казаков с Царицынской кордонной линии, образовавшие Моз-

докский казачий полк. Их расселили в пяти новых станицах: Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской и Калиновской[279]. Эти станицы соединили единой военной линией города Моздок и Кизляр. В дальнейшем для охраны «заведенных станиц» с Дона перевели донских казаков по 50 семей в каждую станицу и 100 семей для обслуживания моздокской крепостной артиллерии, основавших станицу Луковскую[280]. В 1800 г. была основана станица Стодеревская, где была поселена милиция, переведенная из Саратова, и 200 семей крещеных калмыков, вошедшие в состав Моздокского полка[281]. Всего в составе Моздокского гарнизона в 1770 г. насчитывалось 1800 человек[282].



Кавказская линия до и после 1783 г.

Осуществлению захватнических планов царизма на Северном Кавказе способствовали и внешнеполитические успехи России. По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. кабардинский вопрос был решен в пользу России. Это должно было укрепить русское влияние среди горских народов, которые были связаны вассально-подданническими отношениями с кабардинскими князьями. Договор полностью развязал руки царизму. Уже в 1777 г. князь Г.А. Потемкин представил императрице Екатерине докладную записку с конкретным планом колонизации Северного Кавказа и Предкавказских степей. По этому плану предполагалось сомкнуть линию от Азова до Моздока путем строительства по этой линии и заселения ее новыми поселенцами-казаками. Как утверждал Г.А. Потемкин: «Оная линия прикрывает от набегов соседних племен границу между Астраханью и Доном… отделит разного звания гор-

ских народов… от тех мест, коими нашим поданным пользоваться следует; положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, хлебопашество…»[283].

Первоначально новые крепости требовалось заселить казаками по примеру уже созданной Кизляро-Моздокской линии. В 1777 г. для заселения крепостей Азово-Моздокской линии с Волги был переселен остаток Волжского казачьего войска. Казаки заложили свои станицы при крепостях: Екатерининской при урочище Бештамак, Павловской на р. Куре, Марьинской на р. Золке, Георгиевской на р. Подкумке и Андреевской на р. Карамыке[284]. Переселенцы составили Волжский казачий полк. В 1781 г. в станицах этого полка проживало 4637 человек[285].

Станица Екатерининская была первым русским поселением на современной территории Кабардино-Балкарии, существующим и в настоящее время. Рядом с крепостью была основана станица волжских казаков. Уже через год, в ноябре 1778 г., в ней проживало около 740 человек[286]. В последующие годы численность населения быстро возрастала и в 1784 г. достигла 940 человек, в числе которых было 912 казаков и 28 человек, «зашедших из разных мест»[287]. Большую часть волжских казаков, живших в станице Екатерининской, составляли выходцы с Дона и их потомки. Кроме того, в крепости несли службу солдаты и офицеры регулярной армии – Кабардинского егерского батальона, но, в отличие от казаков, большинство из них находилось на Кавказе временно. Однако часть отставных солдат после окончания срока службы селилась рядом с крепостью, где впоследствии образовалась особая слободка.

В 1783 г. крепость Екатерининская была преобразована в Екатериноград. Два года спустя новый город стал центром Кавказской губернии[288]. Рядом с казаками поселились чиновники, ремесленники, торговцы. Но уже через 5 лет, в 1790 г., город Екатериноград был упразднен, административные учреждения были переведены в Астрахань, а жившим в Екатериноградe купцам и мещанам (всего 90 человек) было «дозволено» перейти на жительство в другие города[289]. На месте губернского города осталась крепость и станица Екатериноградская.

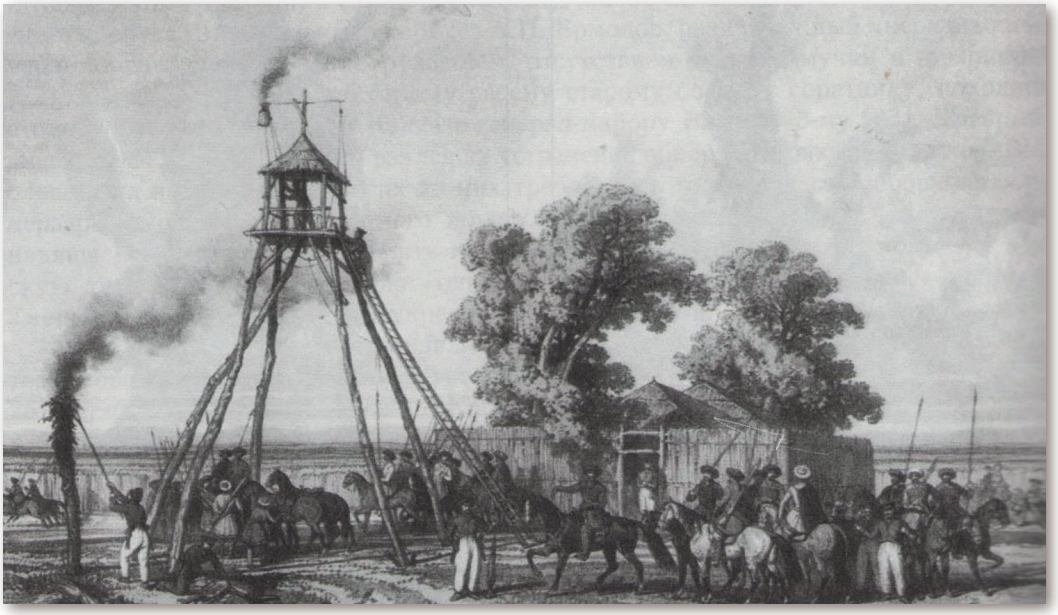
В 80-х гг. XVIII в. на территории Кабарды также появилось несколько населенных пунктов, которые заселялись русскими и украинцами. К их числу относится и слобода Прохладная, которая раньше именовалась поселение «Займище», основанная в 1784 г.[290] Некоторые исследователи относят основание Прохладной к 1765 г.[291], однако эта дата не находит документального подтверждения.

В слободе Прохладной большую часть жителей составляли украинцы, имевшие статус экономических крестьян. В 1789 г. здесь проживало 1030 человек [292].

Осенью 1785 г. П.С. Потемкин приказал приступить к строительству новой слободы на р. Малка, между Георгиевском и Екатериноградом, «под име-

нем слобода Малка»[293]. Впоследствии ее стали называть Солдатская Малка, поскольку жили в ней отставные солдаты, а еще позже – просто Солдатская.

Еще одно село – Близкое, а затем Приближное – было основано, видимо, в 1786 г.[294] В селах Близком и Малке большинство жителей составляли русские, в числе которых были однодворцы и отставные солдаты. В 1789 г. в Близком числилось 95 человек, в Малке – 401[295]. В общей сложности в Прохладной, Близком и Малке проживало свыше полутора тысяч человек. Если же прибавить к ним жителей тогдашнего города Екатериноградa, то общая численность русского и украинского населения на территории Кабардино-Балкарии превышала 2,5 тысячи человек[296].



Казачий укрепленный пост на Кавказской линии.
Рис. Л.Е. Дмитриева-Кавказского. (*1887 г.*)

В слободе Прохладной большую часть жителей изначально составляли «малороссияне», т.е. украинцы, в селах Близком и Малке – русские. В основном переселенцы этих трех сел были свободными людьми, направлявшимися на Кавказ с ведома и при поощрении властей. Что же касается беглых крепостных, то их практически не было.

Новые села, как и станица Екатериноградская, располагались на левом берегу Малки, т.е. на тогдашней границе с Кабардой. В конце XVIII – начале XIX в. царская администрация шаг за шагом подчиняла Кабарду, ограничивала ее самостоятельность, занимала земли под крепости и русские поселения. Эти действия вызывали протесты и неоднократные вооруженные выступления кабардинцев. В таких условиях жизнь переселенцев на границе была далеко не безопасной.

В 20-е гг. XIX в. политическая ситуация на Северном Кавказе коренным образом изменилась. Когда Кавказская война приняла особенно острый характер, царское правительство в значительно больших размерах открыло возможность к поступлению в казаки выходцев из внутренних губерний. Рядом указов в казачье звание стали приниматься даже без представления увольнительных от обществ. Вследствие этого в состав казачества просачивалась значительная часть беглых крепостных.

Все предпринимаемые к увеличению казачьего населения меры не могли дать желаемых результатов. Выходом из создавшегося положения правительство считало перевод многих казенных селений в казачьи станицы, а казенных крестьян в казаки.

В 1821 г. генерал Ермолов предложил «перечислить в казачье звание все те селения гражданского ведомства», которые были расположены вдоль рек Кубани и Малки[297]. План Ермолова был осуществлен, и 11 декабря 1823 г. был принят указ, согласно которому слободы Прохладная и Солдатская, село Приближное, как и другие села на Кавказской линии, стали станицами, их жители были «обращены в казаков»[298]. Новые станицы вместе со станицей Екатериноградской и некоторыми другими вошли в состав Горского казачьего полка. Численность казачества на территории Кабардино-Балкарии почти удвоилась, его этнический состав стал очень разнородным: в казаков превратились потомки однодворцев, отставных солдат, украинских крестьян.

Ермолов не ограничился усилением уже существовавшей Кавказской линии. По его предложению в 1822 г. в Кабарде была основана новая Линия укреплений, протянувшаяся у подножия так называемых Черных гор от верховьев Кубани до Владикавказа. В состав этой Линии вошли четыре крепости (Баксанская, Нальчикская, Черекская и Урухская), четыре укрепления (Каменномостское, Чегемское, Урванское и Лескенское), а также несколько военных постов[299].

В 1825 г. в укреплениях новой Линии служило уже около двух с половиной тысяч офицеров, солдат, казаков[300]. Создание этой Линии явилось причиной вооруженных выступлений кабардинцев в 1822 и 1825 гг. В ходе восстания 1825 г. была почти полностью разорена станица Солдатская. Свыше 100 ее жителей были уведены в плен. Но в 20-х гг. XIX в. покорение Кабарды завершилось.

«Умиротворение» Кабарды позволило изменить направление того участка Военно-Грузинской дороги, который соединял станицу Екатериноградскую с Владикавказом. Первоначально дорога шла от Екатериноградской на восток, к Моздоку, но в 1825 г. по предложению Ермолова был проложен новый маршрут на юг, по берегу Терека, через кабардинские земли. Для охраны дороги было построено укрепление Пришибское в 13 верстах от Екатериноградской и еще одно укрепление в низовьях Уруха. Одновременно была упразднена старая Урухская крепость, Лескенское и Аргуданское укрепления.

В 30-х гг. усиливалась охрана Военно-Грузинской дороги и Кабардинской линии. Николай I в 1837 г. разрешил водворять солдат, выслуживших сроки и поселять их на Кавказе под именем военных поселян[301]. В этом же году было решено образовать несколько новых станиц и военных поселений на Кавказе. В их числе было военное поселение рядом с Нальчикской крепостью, станица Пришибская на месте упраздняемого укрепления и военное поселение Александровское.

В июне 1840 г. в Нальчикском военном поселении проживали уже 156 человек. Это были «нижние чины» Кабардинского егерского полка, а также те, «кои сами пожелали» вступить в это сословие – уроженцы самых разных губерний: Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Полтавской, области Войска Донского и т.д.[302]

Станица Пришибская на Военно-Грузинской дороге была заселена в 1838 г. «малороссийскими казаками». Два малороссийских казачьих полка были сформированы в Полтавской и Черниговской губерниях и направлены в Польшу во время восстания 1830 г. В 1837 г. два Малороссийских казачьих полка были поселены на Северном Кавказе восемью станицами. Полки эти были усилены частью линейными казаками, а частью переселенцами из Воронежской, Черниговской и Харьковской губерний. Восемь новых станиц образовали Владикавказский полк в 6 строевых сотен[303].

В 1842 г. в станице Пришибской проживали 248 человек[304].

Между станицами Владикавказского полка возводились военные поселения. В одном из них, Александровском, основанном в 1838 г., жили женатые «нижние чины», прослужившие более 15 лет в Кавказском корпусе[305]. Первоначально предполагалось переселить в Александровское 200 семей, но отмежеванный для этого поселения участок земли был вытянут вдоль дороги почти на 16 верст, обрабатывать его было бы сложно, поэтому его разделили на две части и образовали еще одно военное поселение – Котляревское, которое начали заселять в 1840 г.

Военные поселения и новые станицы были образованы на землях кабардинских дворян Анзоровых. Под постройку станиц Котляревской, Александровской было отобрано 6300 десятин земли, а деньги в виде вознаграждения в сумме 18 500 рублей были присланы только через 15 лет[306].

Казак Моздокского полка Чеботарев. Рис. Г.Г. Гагарина

В 1842 г. было принято решение присоединить к Владикавказскому казачьему полку несколько военных поселений, в том числе Александровское и Котляревское, «с переименованием военных поселян в казаки»[307]. Таким образом, в конце 30-х – начале 40-х гг. на территории Кабардино-Балкарии появились еще три станицы – Пришибская, Котляревская и Александровская. В состав терского казачества вошли «малороссийские казаки» и бывшие солдаты Кавказского корпуса. Новые станицы образовали еще одну укрепленную Линию вдоль Терека и Военно-Грузинской дороги. Они вклинивались между Большой и Малой Кабардой, разделяя их.

С тех пор новые станицы в Кабарде больше уже не появлялись, но численность населения в уже существовавших 7 станицах продолжала непрерывно возрастать. Сюда переселяли как казаков из старых терских и кубанских станиц, так и выходцев из Полтавской, Харьковской, Черниговской губерний. Большую часть переселенцев составляли украинские крестьяне, которых гнало из родных мест малоземелье. На Кавказе их зачисляли в казачье сословие. В некоторых станицах, например, в Екатериноградской и Солдатской, они селились компактно и долгое время сохраняли украинский язык и культуру.

В течение 15 лет, с 1830-го по 1845 г. численность населения в станицах, расположенных на территории Кабардино-Балкарии, увеличилась в 2,3 раза, в первую очередь за счет миграции. В 1851 г. в станицах проживало уже немногим менее 10 тысяч человек – на 42 % больше, чем в 1845 г.[308]

В середине XIX в. фактически завершился процесс формирования казачества, начавшийся во второй половине XVIII в. За это время на территории Кабардино-Балкарии было образовано 7 станиц, располагавшихся двумя Линиями вдоль рек Малки и Терека. Казачество сложилось из различных социальных и этнических групп: украинских крестьян и «малороссийских казаков», однодворцев, волжских казаков и отставных солдат. Казаки станиц Прохладной и Пришибской были украинцами, в остальных станицах преобладало русское население.

Российское правительство, осуществляя свои социальные, экономические и политические задачи на Северном Кавказе, настойчиво наращивало здесь силы линейного казачества. В связи с этим в рассматриваемый период в большей степени действовали механизмы «искусственного» роста казачества за счёт приписных.

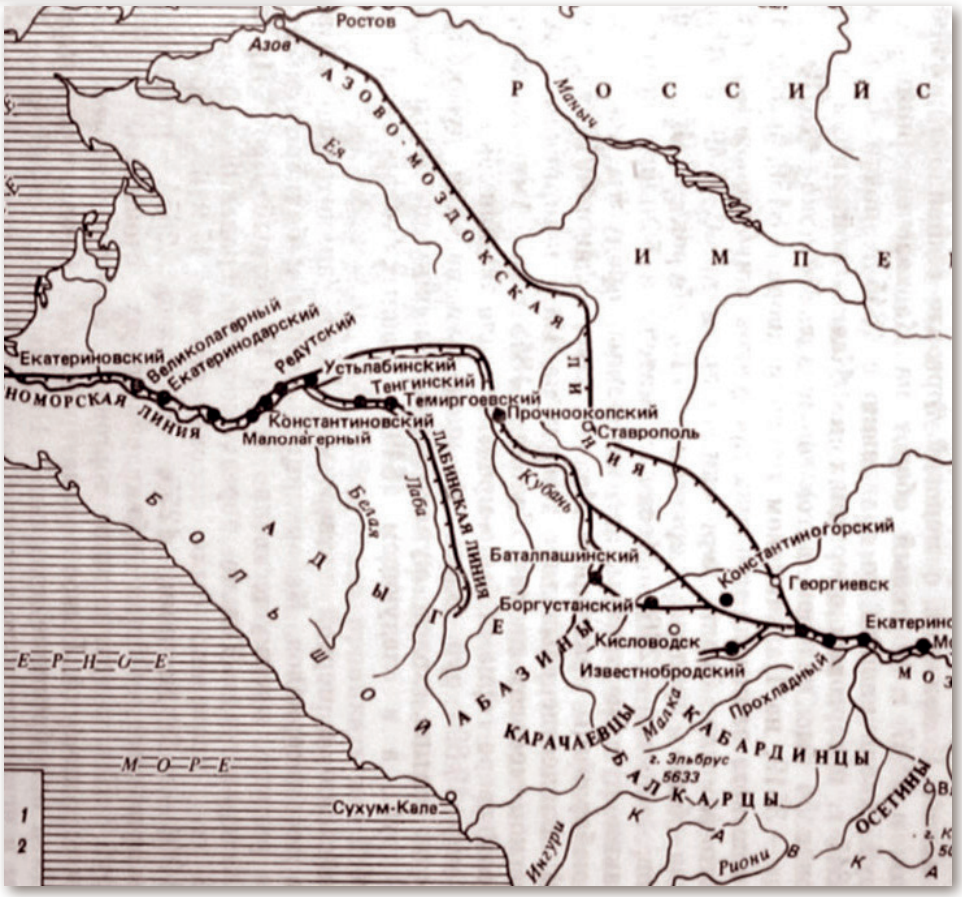
3.7. Торговые отношения между коренными народами и русским населением

Начало торговых сношений между казаками и горцами относится еще к XVI в., то есть ко времени, когда появились первые русские поселения на

Тереке. Первые акты обмена были результатом случайных встреч горцев с новыми соседями – гребенскими казаками. Но потом обмен товаров стал для тех и других до известной степени потребностью и приобрел характер более регулярных сношений.

В XVII веке центром меновой торговли с горцами являлся построенный русскими в восточном Предкавказье город Терки. В нем были русские ряды с лавками и гостиные дворы – старый, новый, гилянский, где торговали русские люди и тезики – восточные купцы из Ирана, Закавказья и Дербента. Два раза в неделю в городе были базарные дни, был и конский базар. В период интервенции начала XVII века, когда прекратился подвоз в Терский город хлебных запасов по Волге и Каспийскому морю, жители города покупали хлеб «у кабардинских черкас, и у кумыкских людей в Тарках, и в Карабудаках, и у гилянских и у дербентских тезиков, привозивших хлебные запасы для продажи на Терек»[309]. Подвоз хлеба из этих районов не прекращался и позднее. Привозили так же сушеные фрукты, орехи, марену. К изделиям местного производства относились такие товары, как ковры, попоны, овчина, шубы бараньи. Наконец, пригоняли скот, особенно овец, и приводили на продажу лошадей[310]. Казаки поставляли на обмен соль, рыбу, домашние холсты, продукцию своих огородов. В XVIII веке главными пунктами торговли с горцами стали новые русские города на Тереке – Кизляр и Моздок.

Торговые сношения казаков с Кабардой всегда были активными. В казачьи городки приезжали кабардинские уздени и владельцы. В 1745 г. атаман гребенцов сообщал в Астрахань, что, в свою очередь, «казаки часто ездят в Кабарду и горские жилища». Так, он рассказывает о поездке казаков Каргалинской станицы в Кабарду: «а для мены при них имеются рыбы 500 спинок, икры 30 кулей, соли 8 пудов». В пути к ним присоединились гребенские казаки, и дальнейший путь они совершили вместе «до сказанной Кабарды, для той означенной мены хлеба, платья, воску»[311]. Как мы уже отмечали, в Кабарде казаки особенно часто покупали лошадей под верховую езду, т.к. лошади кабардинской породы очень высоко ценились. Кроме того, предметом особой торговли были арбы, так как отсутствие у казаков развитого ремесла вынуждало их пользоваться повозками, сделанными горскими мастерами. Так, в 1738 г. в Малую Кабарду были посланы казаки по распоряжению атамана Ауки для покупки «черкесских арб… в гребенские, семейные и терские станицы»[312]. В свою очередь и кабардинцы весьма активно торговали с русским населением. Причем Россия придавала торговле с Кабардой немаловажное значение. Так, в рапорте кизлярского коменданта Н.А. Потапова говорится о мерах по развитию через Кизляр торговли с кабардинцами. «В горских местах и в Кабарде» разрешалось беспошлинно торговать и жителям Моздока, для чего Коллегия предписывала моздокскому коменданту выдавать им для проезда туда «билеты без всякой проволочки»[313].



Меновые дворы на Кавказских линиях (первая половина XIX в.)

Царское правительство использовало торговлю с горскими народами в целях своей колонизаторской политики. Стремясь развить торговлю с горскими народами, в 1725 г. Сенат издал указ «о беспошлинной торговле в Дербенте, Баку, кр. Святой Крест»[314]. Указом Коммерц-коллегии 1765 г. предписывалось, чтобы «кабардинцы и кумыки, привозимые ими в Кизляр на продажу разные вещи собственнаго их продукта и скот» продавали в Кизляре беспошлинно[315].

Надзор за торговлей должны были осуществлять особые чиновники; покупать товары горцы могли только за деньги, а сбывать путем обмена. Таким образом, меновая торговля с горцами приняла сразу такой урезанный, ограниченный и колониальный характер, что говорить о какой-то «свободной» торговле фактически не приходится.

Торговые связи русских с горцами крепли, но с началом Кавказской войны, осуществлять эти связи становится сложнее. Русская военная администрация на Кавказе берет торговлю с горцами под свой контроль. Царизм

этим хотел с одной стороны приобрести доверие местного населения, а с другой – добиться «укрощения нрава горцев». Именно для этих целей были учреждены меновые дворы[316].

Царское правительство поставило вопрос об учреждении постоянных меновых дворов на Северном Кавказе еще в конце XVIII века. Но лишь в 1811 г. за счет казны на Кавказской линии было открыто 6 меновых дворов, в том числе и в слободе Прохладной. На Кавказской линии было образовано четыре соляных магазина, а один из них находился в слободе Прохладной (с 1809 г.)[317].

Горским народам разрешалось вывозить продукты земледелия и животноводства, а также изделия крестьянской промышленности. Ввозили же к ним хлеб и товары русской обрабатывающей промышленности. На меновых дворах северокавказские народы могли покупать товары и за деньги, а сбывать продукцию – только путем обмена товара на товар, преимущественно на соль. Горцы, нуждающиеся в соли, в хлебе, были стеснены в своих действиях обязательностью обмена своих товаров только на меновых дворах под непосредственным присмотром представителей администрации. Поэтому основная масса горского населения в поисках соли и других товаров искала непосредственных контактов с русским населением. Остановить этот процесс властям было невозможно.

Тем не менее, меновая торговля способствовала развитию экономики и торговых связей. За 9 месяцев 1815 г. кабардинцами было вывезено через Прохладненский карантин и продано жителям Ставропольской губернии 1277 пудов меда, 65 пудов воска, 77 пудов говяжьего жира и масла[318]. Но уже к началу 20-х гг. XIX в. меновая торговля начала заметно падать. Она все больше сдерживалась установленными и почти не меняющимися правилами, постоянным повышение цен на соль и другие товары. О ее сокращении свидетельствуют данные по Прохладненскому меновому двору. В 1830 г. здесь было продано соли 5883 пудов, а в 1835 г. лишь 1854 пуда[319].

Несмотря на строгие запреты, связанные с меновой торговлей, кабардинцы скрыто входили в непосредственные контакты с русскими. Офицер Головин сообщал в 1842 г. «о проложенных малокабардинцами и казаками через Терек по льду дорогах и производимой между ними торговле»[320].

Для оживления деятельности меновых дворов в 1846 г. было принято новое «Положение о меновой с горцами торговле»[321]. Главная цель меновых сношений с горцами – удовлетворение спроса сторон и «приобресть доверие горцев и ознакомить их с разными полезными и необходимыми для них потребностями»[322]. Меновые дворы были открыты в 11 пунктах, значительно расширялся круг горских товаров, которые допускали к беспошлинной и свободной продаже.

Принятие нового Положения о меновой торговле на какое-то время оживило торговлю на местах. Но это продолжалось недолго. В феврале 1848 г. смотритель Прохладненского менового двора писал, что «жители Прохлад-

ной станицы продают секретно соль приближенным горцам кабардинским жителям, тогда как для этих народов существует здесь казенный магазин, из которого в настоящее время расхода соли почти не бывает»[323]. С 1853 г. меновые дворы были отданы на откуп купцу первой гильдии Крутицкому[324]. Откупная система еще более сковывала развитие торговых сношений русских с горцами. Поэтому горцы предпочитали свободную торговлю строго регламентированной меновой торговле.

Во второй четверти XIX в. значительно возросла продажа лесоматериалов. Кабардинцы и балкарцы вывозили лес через Известный Брод, Прохладную и Екатериноград[325].

Горское население принимало активное участие в ярмарочной торговле в русских городах, селениях и станицах, куда все больше поставлялось им скота, изделий ремесла и продуктов питания. Участие горцев в ярмарочной торговле началось с открытием первых ярмарок в Георгиевске и Ставрополе в 1781 г.

Кроме периодического торга на ярмарках торговля велась в лавках. Много лавок было в станицах Приближной, Екатериноградской, Александровской, Котляревской, в Нальчикской слободе[326]. Еженедельно в Нальчике устраивались базары. «Предметами торговли на этих базарах бывают преимущественно произведения сельского хозяйства туземцев, как то: масло, сыр, домашний скот, птицы и т.п., а также произведение Линии: мука, овес и те огородные овощи, которые не сеют нальчикские жители»[327].

Проживавшие в Нальчике купцы доставляли сюда «разного рода произведения российских фабрик и заводов, потребные для жителей и служащих, из него вывозят и сбывают на ближайшие ярмарки и в Россию меха: куниц, лисиц, волков, диких кошек, медведей, баранов, воловьих и лошадиных кож, говяжье сало, меду, воску, полстей, шитых черкесок и т.п., которые приобретают от туземцев меною на красный товар, сахар и напитки... Отставные нижние чины и казенные крестьяне, живущие в Нальчике, занимаются сбытом на Линию и на ярмарки разных лесных материалов, добываемых в кабардинских лесах»[328].

Таким образом, и русское население региона и местные народы были заинтересованы в развитии торговых отношений. Более того, развитие товарно-денежных отношений все больше втягивало горцев в общероссийскую экономику.

Примечания

1. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 107–108.

2. Акты Кавказской археографической комиссии (в дальнейшем АКАК). Тифлис, 1904. Т. 12. № 583.

3. До недавнего времени в советской историографии к оценке Кючук-Кайнарджийского договора подходили лишь с точки зрения научного экстраполирования. Это

привело к тому, что взаимоотношения северокавказских народов (Кабарда, Чечня, Ингушетия, Осетия) и Россия с 1774 г. стали трактоваться как процесс окончательного присоединения этих народов к России, оформленный юридически вышеназванным договором.

4. См.: *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 36–37; *Дзамихов К.Ф.* Гъуэгуанэ хьэлъэ // Уашхъэмахуэ. 1991. № 4. С. 73.

5. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 1. С. 32.

6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы / Сост. В.М. Букалова. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 324–327.

7. См.: *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI–XVIII вв. Нальчик., 1984. С. 84.

8. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. С. 139–148.

9. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. 2. С. 562.

10. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 34.

11. *Дзамихов К.Ф.* Новые факты о жизни и деятельности Измаила Атажукина // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дорев. пер.). Нальчик, 1989. С. 167.

12. Ленинградское отделение Архива Академии наук (в дальнейшем: ЛО ААН). Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/5. Л. 89–98; Ф. 99. Оп. 2. Д. 42. Л. 138–144.

13. ЛО ААН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/5. Л. 89–98; Оп. 2. Д. 42. Л. 138–144.

14. Цит. по: *Туганов Р.У.* Страницы прошлого. Нальчик, 1989. С. 144.

15. Российский государственный военно-исторический архив (в дальнейшем: РГВИА). Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 33. Л. 124 об.; Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 1. С. 54.

16. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 1. С. 56–68.

17. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 61, 83. Л. 105.

18. Цит. по: *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 178.

19. Ленинградское отделение Института истории (в дальнейшем: ЛОИИ). Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 173–173 об.

20. *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.–Л., 1939. С. 20.

21. См.: *Романовский*. Кавказ и Кавказская война, читанные в зале Пассажа в 1860 г. СПб., 1860. Приложения. С. 25.

22. ЦГА КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Лл. 124, 125, 130.

23. Записки *А.П. Ермолова.* С. приложениями. М., 1868. Ч. 2. С. 163.

24. Материалы по обычному праву кабардинцев. Нальчик, 1956. С. 11–15; *Кумыков Т.Х.* Указ. раб. С. 166–169; *Касумов А.Х.* Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX в. Ростов н/Д., 1989.

25. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 2. С. 117–122.

26. *Кумыков Т.Х.* Указ. раб. С. 174.

27. *Касумов А.Х.* Указ. раб. С. 84–85.

28. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 2. С. 230–246.

29. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6448. Л. 25–26.

30. ЦГА КБР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 36. Л. 1; Ф. 16. Оп. 1. Д. 388. Л. 3–3 об.; Д. 1224. Л. 107; Д. 1188. Л. 1.

31. *Воропанов В.* Национально-религиозный вопрос в политике Екатерины II // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Востоковедение, евразийство, геополитика. 2006. № 3(76). С. 72. (С. 72–80).

32. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. 2. С. 264; *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825 гг.). Нальчик, 1998 С. 126; *Ставровский.* Записки о Кабарде. СПб., 1865 // Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 34. *Л.* 73.

33. Центральный государственный архив Республики Дагестан (в дальнейшем – ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 3. *Д.* 138. *Л.* 15–16.

34. Из документальной истории… С. 50.

35. АКАК. Т. 2. С. 1125.

36. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик, 2000. С. 53.

37. Там же. С. 59.

38. АКАК. Т. 1. С. 743.

39. Там же. Т. 2. С. 1140.

40. *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в… С. 78.

41. Русско-осетинские отношения в XVIII в.: сборник документов. Орджоникидзе, 1976. Т. 2.

42. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе... С. 109.

43. АКАК. Т. 1. С. 747.

44. АКАК. Т. 2. С. 920.

45. Там же. Т. 2. С. 934.

46. ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 555. *Л.* 2; Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. … С. 365.

47. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 90–91.

48. *Волконский П.И.* Кавказ в 1787–1799 г. ... С. 31.

49. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. *Д.* 138. *Л.* 12–23 об.; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 244. *Л.* 3.

50. Там же. *Д.* 138. *Л.* 15–16.

51. Там же. *Л.* 15.

52. Там же.

53. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе... С. 118.

54. Акты кавказской археографической комиссии (в дальнейшем – АКАК). Т. 2. С. 1123.

55. Там же.

56. Там же. С. 1124.

57. Там же. С. 1127.

58. АКАК. Т. 1. С. 743.

59. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 10. *Д.* 1633. *Л.* 9 об.; Там же. Ф. 54. Оп. 1. *Д.* 14. *Л.* 63.

60. Цит. по: *Воропанов В.* Национально-религиозный вопрос… С. 77.

61. Там же.

62. ЦГА Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 3. *Д.* 138. *Л.* 13–13 об.

63. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. *Д.* 10. *Л.* 34.

64. *Волконский П.И.* Кавказ в 1787–1799 гг. С. 31.

65. Сведения приведены на основании данных Указа Екатерины II «Об учреждении родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде». – *Ред.*; ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. *Д.* 138. *Л.* 15–16. Имена и фамилии даны в соответствии с оригиналом документа. – *Ред.*

66. *Волконский П.И.* Кавказ в 1787–1799 гг. … С. 31.

67. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. *Д.* 138. *Л.* 12–23 об.

68. *Мальбахов Б.К.* Указ. соч. С. 125.

69. *Кумыков Т.Х.* Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1963. Вып. XIX. С. 91.

70. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. *Д.* 141.

71. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. *Д.* 30. *Л.* 22.

72. *Ладыженский А.М.* Адаты горцев Северного Кавказа / Подготовка текста и комментарии И.*Л.* Бабич. Под общей редакцией А.С. Зейналабидова и В.В. Черноуса. Ростов н/*Д.*, 2003. С. 37.

73. Это предположение было высказано специалистом по обычному праву народов Северного Кавказа, д.и.н. Х.М. Думановым в ходе личной беседы с А.А. Абазовым.

74. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. *Д.* 138. *Л.* 15–16.

75. *Грабовский Н.Ф.* Присоединение… С. 117.

76. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. *Д.* 281. *Л.* 90 об.

77. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. *Д.* 141. *Л.* 183 об.

78. АКАК. Т. 1. С. 131.

79. АКАК. Т. 2. С. 951.

80. Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Нальчик: Эльбрус, 2000. С. 59.

81. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. *Д.* 10. *Л.* 30; *Афаунова М.И.* Попытки установления родовых судов и расправ в Кабарде (1793–1807) // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 42.

82. *Афаунова М.И.* Попытки установления… С. 42.

83. АКАК. Т. 1. С. 719.

84. АКАК. Т. 2. С. 1129.

85. ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. *Д.* 234. *Л.* 2–3.

86. Там же. С. 943.

87. Там же.

88. Читай – аулах. – *Ред.*

89. АКАК. Т. 3. С. 155; Из документальной истории… С. 187–188.

90. *Афаунова М.И.* Попытки установления… С. 50.

91. *Воропанов В.* Национально-религиозный вопрос… С. 79.

92. *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Освободительная борьба адыгских народов в XIX веке // Черкесия в XIX веке (Материалы 1 Кошехабьского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991. С. 44; *Кумыков Т.Х.* Из истории судебных учреждений… С. 93; Неизвестный автор. Описание Кабарды в 1815–1818 гг. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1957. Т. XIII. С. 387; *Туганов Р.У.* Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799–1807 гг. // Живая старина. 1991. № 1. С. 8–18.

93. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 1–72.

94. Там же.

95. *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, 2014. С. 681.

96. Там же.

97. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 43.

98. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. С. 163.

99. *Ногмов Ш.Б.* История Адыхейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 152–169. Опубликовано: Антология памятников права народов Кавказа. Т. 1. Памятники

права адыгов (черкесов) и акты органов Российского государства. Ростов н/Д., 2009. С. 97–105.

100. *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 164.

101. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 1–72.

102. *Думанов Х.М.* Якуб Шарданов... С. 31.

103. Неизвестный автор. Описание Кабарды 1815–1818 гг. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1957. Т. XIII. С. 47.

104. *Ногмов Ш.Б.* История Адыхейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 152–169. Опубликовано: Антология памятников права народов Кавказа. Т. 1. Памятники права адыгов (черкесов) и акты органов Российского государства. Ростов н/Д., 2009. С. 97–105.

105. Там же.

106. Там же.

107. АКАК. Т. 6. Ч. 4. С. 838; Из истории Кабардинского временного суда 1822–1858 гг.: Сборник архивных документов. Нальчик, 2008. С. 9.

108. *Маремкулов А.Н.* Юридические формы политики российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов н/Д., 2005. С. 266.

109. ЦГА КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 88. *Л.* 1.

110. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 1. Памятники права адыгов (черкесов) и акты органов Российского государства. Ростов н/Д., 2009. С. 141–142.

111. Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 13.

112. Из истории Кабардинского временного суда... С. 186.

113. Документальное наследие рода Кармовых: Историко-архивное издание / Сост. Р.К. Кармов. Нальчик, 2013. С. 29.

114. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Восточного и Северного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 268.

115. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты… С. 420.

116. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев... С. 265.

117. Там же.

118. *Маремкулов А.Н.* Юридические формы… С. 270.

119. Там же.

120. *Гарданов В.К.* Материалы… С. 14.

121. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Ед. хр. 298. *Л.* 3.

122. *Леонтович Ф.И.* Адаты… С. 33.

123. Документальное наследие рода Кармовых... С. 28.

124. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев / Сост. Х.М. Думанов и Ф.Х. Думанова. Майкоп, 1997. С. 172.

125. Там же. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 120. *Л.* 6.

126. Там же. Ф. Р-1209. Оп. 13. Ед. хр. 30. *Л.* 6.

127. Там же. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 31. *Л.* 2.

128. Из истории Кабардинского временного суда 1822–1858 гг. … С. 23.

129. Там же.

130. Там же.

131. Там же. С. 152.

132. Там же.

133. ЦГА КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 48. Т. 1. *Л.* 28 об.

134. Там же.

135. Там же. *Л*. 29.
136. Там же.
137. ЦГА КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Ед. хр. 48. Т. 1. *Л*. 29.
138. Там же. *Л*. 29 об.
139. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 10. *Л*. 13; ЦГИА Грузии. Ф. 1083. Оп. 6. *Д*. 1136. *Лл*. 2–8.
140. *Кокиев Г.А.* Кабардинский временный суд // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик, 2005. С. 605.
141. Там же.
142. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 521. *Л*. 87.
143. Там же. *Л*. 86–86 об.
144. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 10. *Л*. 162.
145. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 264. *Л*. 7.
146. Там же. Ед. хр. 96. *Л*. 4.
147. Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 383.
148. Там же. С. 315.
149. Там же. С. 14.
150. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 72. *Л*. 9.
151. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 170–177.
152. Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. Нальчик, 1959. С. 72.
153. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии / Сост. Забудский. 1851 // Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. М., 2008. С. 113.
154. См.: *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 108–110.
155. ЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д*. 777. *Л*. 14 об.
156. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. *Д*. 27. *Л*. 3.
157. См.: *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты… С. 195–197; *Хубиев Э.Ю.* Указ. соч. С. 311–313.
158. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 98.
159. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 111–117.
160. *Тютюнина Е.С.* Сколько лет Нальчику? // Краеведческая мозаика: Статьи. Документы. Фотографии. Нальчик, 2014. С. 7.
161. *Абазов А.Х.* Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. М., 2015. № 9(41). С. 150–170.
162. ЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. *Д*. 48. Т. 1. *Л*. 24.
163. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992. С. 109.
164. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX в. / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1992. С. 39–42.
165. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 105–108.
166. *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. Нальчик, 1990. С. 207–211.
167. *Клапрот Г.Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. С. 161–162; *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные иссле-

дования в 2-х томах. Нальчик, 2006. Т. I. С. 71; *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. 4. С. 91; *Кожев З.А.* Система землепользования в кабардино-горских отношениях (вторая половина XVIII в.) // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. Материалы научно-практической конференции. Нальчик, 2005. С. 26–27; *Кузьминов П.А.* Аграрная и социальная политика российского правительства в Кабарде и Балкарии в 50–70-е годы XIX века // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования в 2-х томах / Сост. П.А. Кузьминов. Нальчик, 2008. Т. II. С. 488–489.

168. *Гаврилов П.А.* Указ. соч. С. 72.

169. *Гаибов Н.Д.* О поземельном устройстве горских племен Терской области // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования в 2-х томах / Сост. П.А. Кузьминов. Нальчик, 2008. Т. II. С. 66.

170. *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. Владикавказ, 1908. С. 31–32.

171. Документы по истории адыгов 20–50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. Нальчик, 2011. С. 145–147.

172. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 126–127.

173. См.: *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 165–170.

174. *Панарин С.А.* Позиционно-исторические факторы Кавказской политики // Полис. 2002. № 3. С. 16.

175. Внешняя политика России XIX и нач. XX в. М., 1960. Т. 1. С. 160–163.

176. РГВИА. Ф. 482. *Д.* 192. *Л.* 140–141.

177. АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 100

178. АКАК. Т. II. С. 940.

179. Из документальной истории кабардино-русских отношений: Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Нальчик, 2000. С. 242.

180. Русские авторы XIX вв. о народах Центрального и Северо-западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 34.

181. АКАК. Т. II. С. 976.

182. Из документальной истории... С. 127.

183. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999. С. 218.

184. АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 860.

185. АКАК. Т. IV. С. 879.

186. АБКИЕА. С. 431.

187. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., 1998. С. 442.

188. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959. С. 26.

189. *Туганов Р.У.* Кабарда и Балкария в период ермоловщины. Ч. 1. (1816–1822) // Живая старина. 1992. № 2. С. 10.

190. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 370.

191. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 373.

192. *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. IV. С. 94.

193. Русские авторы XIX вв. … Нальчик, 2001. Т. 2. С. 91–95.

194. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 325. *Д.* 33. *Л.* 78–78 об.

195. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 459.
196. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 379.
197. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 440. Т. 1. *Лл*. 220–221.
198. Там же. Ф. Р-1209. Оп. 7. *Д*. 77. *Л*. 34–35.
199. СПб., ФА РАН. Ф. 103. Оп. 1. *Д*. 328. *Л*. 12.
200. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 885. *Л*. 1–1 об.
201. *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 11.
202. Документальная история… С. 450–451.
203. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. *Д*. 77. *Л*. 38.
204. Документальная история… С. 452.
205. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. *Д*. 77. *Л*. 38.
206. *Кудашев В.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 242.
207. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сб. документов и материалов. Тбилиси, 1953. С. 4.
208. СПб., ФА РАН. Ф. 32. Оп. 1. *Д*. 63. *Л*. 2–8 об.
209. *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф.* Россия и Северный Кавказ: этапы взаимоотношений // Известия КБНЦ РАН. 1998. № 1. С. 143.
210. *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX в. Дисс… док. ист. наук. Владикавказ, 2004. С. 30.
211. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Нальчик, 2000. С. 13–14.
212. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. С. 336–337.
213. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 6. Т. 1. *Л*. 83–83 об.
214. Там же. *Д*. 4. Т. 2. *Л*. 243–243 об.
215. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 324.
216. Документальная история… С. 491.
217. *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч. 1. С. 135.
218. АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 380.
219. Там же. С. 635.
220. РГВИА. ВУА. *Д*. 19247. *Л*. 32 об.
221. Там же. *Д*. 24783.
222. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 90. Т. 2. *Л*. 323.
223. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. *Д*. 233. *Л*. 16–19.
224. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 90. Т. 2. *Лл*. 231–232.
225. Там же. *Л*. 334.
226. Там же. *Д*. 619.
227. Там же. *Д*. 311. *Л*. 3.
228. Там же. Ф. 31. Оп. 1. *Д*. 2. *Л*. 30–30 об.
229. Краткая записка о горских народах // Северный архив. СПб., 1826. С. 26.
230. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 604. *Л*. 32–32 об.
231. Там же. Ф. 23. Оп. 1. *Д*. 48. Т. 1. *Л*. 53 об.
232. Там же. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 604. *Л*. 39.
233. Там же. *Д*. 783. *Л*. 1, 4.
234. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. *Д*. 4675. *Л*. 14–14 об.
235. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 377.
236. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 2. *Д*. 2. *Л*. 2–4.

237. Там же. Оп. 1. *Д*. 440. Т. 2. *Л*. 117 об.
238. Там же. *Д*. 90. Т. 1. *Л*. 2 об.
239. Там же. *Л*. 47.
240. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001. С. 125.
241. АКАК. Т. VII. С. 890.
242. Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века. Нальчик, 1986. С. 282.
243. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. *Д*. 296. *Л*. 6 об.–7.
244. Там же. *Д*. 386. *Л*. 15 об.
245. АКАК. Тифлис, 1905. Т. XII. С. 646.
246. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 604. *Лл*. 79–82.
247. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. *Д*. 576. *Лл*. 81, 89, 90.
248. Там же. Ф. 38. Оп. 7. *Д*. 68. *Л*. 2 об.–3.
249. ЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. *Д*. 2. Т. 2. *Л*. 202.
250. Там же. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 604. *Л*. 77.
251. Там же. *Д*. 925. *Л*. 153 об.
252. Там же. *Д*. 1360. *Л*. 31 об.
253. Там же. *Д*. 1563. *Л*. 2.
254. ЦГА РСО-Алания. Ф. 254. Оп. 1. *Д*. 5. *Л*. 34–35.
255. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 1185. *Л*. 1–5.
256. Документы по истории Балкарии. 40–90-е гг. XIX в. Нальчик, 1959. С. 54–55.
257. Там же. Ф. 2. Оп. 1. *Д*. 16. *Л*. 6.
258. Там же. Оп. 3. *Д*. 39. *Л*. 43.
259. Там же. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 604. *Л*. 38–38 об.
260. Там же. *Л*. 72–72 об.
261. РГВИА. Кол. 414. *Д*. 300. *Лл*. 76 об.–77.
262. РГВИА. ВУА. *Д*. 19247. *Л*. 33 об.
263. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 322-–323.
264. *Забудский Н.* Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. СПб., 1851. С. 119.
265. АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. II. С. 500.
266. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 604. *Л*. 54.
267. ПСЗРИ. СПб., 1830. Собр. I. Т. II. № 877.
268. ЦГА КБР. Ф. 31. Оп. 1. *Д*. 2. *Л*. 40.
269. Там же. *Л*. 62–62 об.
270. *Блиева З.М.* Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в 20-х гг. XIX в. // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С. 80.
271. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 604. *Л*. 40 об.
272. Там же. *Л*. 41.
273. Там же. *Л*. 41е.
274. Там же. *Д*. 1273. *Л*. 4 об.
275. Там же. *Д*. 1878. *Л*. 11.
276. Там же. Ф .2. Оп. 2. *Д*. 2. *Л*. 4.
277. Там же. Ф. 16. Оп. 1. *Д*. 1878. *Л*. 1–1 об.
278. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т. 12. № 583.

279. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 372.

280. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. *Д*. 580. *Л*. 41 об.–42.

281. Там же. *Л*. 46.

282. Город Моздок. Исторический очерк / Отв. ред. А.Г. Кучиев. Владикавказ, 1995. С. 39.

283. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 24.

284. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 89.

285. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Издание второе, переработанное. Нальчик, 2001. С. 171.

286. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. *Д*. 8. *Л*. 229–244.

287. Там же. *Д*. 19. *Л*. 2.

288. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 22. С. 389. (№ 16194).

289. Там же. Т. 23. С. 128, 166. (№ 16858, 16898).

290. *Алферов В., Чекменев С.* Степная вольница. Ставрополь, 1978. С. 167; *Крушельницкий В.* О людях и делах земли Прохладненской. Нальчик, 1997. С. 7.

291. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 373; *Диденко А.Ф.* Два века (к 200-летию города Прохладного). Нальчик, 1965. С. 9; История КБАССР / Под ред. Т.Х. Кумыкова. М., 1967. Т. 1. С. 353.

292. КГАСК. Ф. 235. Оп. 1. *Д*. 104. *Л*. 8–9; См. также: *Прозрителев Г.Н.* Первые русские поселения на Северном Кавказе и нынешней Ставропольской губернии. Ставрополь, 1912. Приложение 1. С. 1.

293. ПСЗРИ. Т. 22. С. 606 (№ 16401); РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. *Д*. 22. Ч. 3. *Л*. 120, 139.

294. *Алферов В., Чекменев С.* Указ. соч. С. 167; *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. С. 23.

295. КГАСК. Ф. 235. Оп. 1. *Д*. 104. *Л*. 8–9.

296. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 24.

297. АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 609.

298. ПСЗРИ. Т. 38. С. 1303 (№ 29682).

299. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 28.

300. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. *Д*. 345. *Л*. 17, 17 об., 89.

301. *Варивода Н.В.* Терское казачество во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: состав, динамика численности, расселение // Материалы международной научной конференции «Россия и Кавказ». Владикавказ, 2010. С. 37.

302. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. *Д*. 617. *Л*. 11–24.

303. ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 1. *Д*. 109. *Л*. 15 об.–17.

304. РГВИА. Ф. 38 Оп. 7. *Д*. 82. *Л*. 207.

305. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. *Д*. 634. *Л*. 142–143; *Д*. 644. *Л*. 270 об.

306. *Дзагов Р.Н.* Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX – начало XX века). Нальчик, 2009. С. 35.

307. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. *Д*. 644. *Л*. 279.

308. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 33.

309. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.). М., 1963. С. 299.

310. Там же.

311. Цит. по: *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 239.

312. Там же. С. 240.

313. *Якубова И.И.* Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40–70-е гг. XVIII в. Нальчик, 1993. С. 73.

314. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988. С. 54.

315. КРО. Т. 2. С. 251.

316. *Дзагов Р.Н.* Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX – начало XX века). Нальчик, 2009. С. 102.

317. Там же.

318. ЦГА КБР. Ф. И-49. Оп. 1. *Д*. 101. *Л*. 1.

319. ЦГА КБР. Ф. И-49. Оп. 1. *Д*. 8. *Л*. 2, 8, 10.

320. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. *Д*. 163. *Л*. 23–24; Оп. 2. *Д*. 42. *Л*. 2.

321. *Чекменев С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967. С. 264.

322. ЦГА КБР. Ф. И-48. Оп. 1. *Д*. 1. *Л*. 5.

323. ЦГА КБР. Ф. И-49. Оп. 1. *Д*. 4. *Л*. 26.

324. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.*Л*. Нарочницкий. М., 1988. Т. 2. С. 82.

325. Там же.

326. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. *Д*. 6. *Л*. 75 об.

327. *Тхамокова И.Х.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик, 2014. С. 53.

328. Там же.

ГЛАВА 4

КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (1860-Е ГГ. – НАЧАЛО XX В.)

4.1. Административные и судебные преобразования

Административные преобразования. На основании Высочайше утвержденного положения Кавказского Комитета от 2 декабря 1857 г. функции приставов были переданы начальникам отдельными частями Кавказской линии. Вопрос об упразднении приставств был рассмотрен в «Записке главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе»[1]. В 1858 г. более двадцати приставств на Центральном Кавказе были ликвидированы и вместо них созданы шесть округов[2]. Это повлекло за собой изменения в иерархии судебных учреждений в регионе. Положение Кавказского Комитета «О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» от 10 декабря 1857 г. регламентировало учреждение в составе Левого Крыла Кавказской линии четырех округов (Кабардинского, Военно-Осетинского, Чеченского и Кумыкского)[3]. В этом же документе были зафиксированы правовые основания создания в каждом из перечисленных округов народных судов под председательством окружных начальников. Для согласования действий военных властей на местах в апреле 1858 г. при Главном штабе Кавказской линии было создано Отделение по управлению горскими народами.

В рамках складывающейся административной системы округа делились на участки, приставства и наибства. В 1858 г. в состав Кабардинского округа вошли Большая Кабарда, бывшее малокабаринское приставство и приставство уруспиевского, балкарского, чегемского и хуламского народов, и, временно, Дигория[4]. Местопребывание начальника Кабардинского округа – Нальчик.

Переименование Левого крыла Кавказской линии в Терскую область состоялось на основании Именного указа, объявленного Сенату министром

юстиции 8 февраля 1860 г.[5] В рапорте генерал-адъютанта князя В. Орбелиани от 18 августа 1860 г. на имя военного министра генерал-майора Сухозанета сообщалось о переименовании Военно-Осетинского округа, в котором помимо осетин проживали еще кистины, карабулаки, назрановцы, жители Малой Кабарды и др., во Владикавказский[6]. Кроме того, с образованием Терской области и Терского казачьего войска, в их состав вошел и Гребенской (с 1882 г. – Кизляро-Гребенской) полк, казаки перешли в подчинение начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска[7].

В 1860 г. «Терская область разделялась на 6 округов: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский и Кумыкский и на два отдельных наибства: Ауховское и Салаватовское, временно причисленных к Кумыкскому округу»[8]. Начальниками участков также назначались военные. Участковыми начальниками, как правило, назначались помощники окружных начальников.

На основании Положения 1862 г. Терская область в административном плане была разделена на три военных отдела (Западный, Средний и Восточный), одно Отдельное Управление и одно Городовое Управление. Кабардинский округ, состоявший «из Большой и Малой Кабарды и горских обществ: Балкарского, Безенгейского, Хуламского, Чегемского и Уруспийского» входил в состав Западного отдела Терской области[9].

Кабардинский округ с 1858-го по 1862 год состоял из двух участков. Кабардинские селения и балкарские общества (Балкарское, Хуламское, Безенгиевское), лежавшие по правой стороне реки Шалушки, составляли Черекский, а кабардинские селения и балкарские общества (Чегемское и Урусбиевское), лежавшие по левой стороне, – Баксанский административные участки. Малая Кабарда в 1862 году была выделена из состава Осетинского округа и стала третьим административным участком Кабардинского округа. В 1866 году из балкарских обществ Черекского и Баксанского участков образован новый, четвертый по счету, административный участок – Горский.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
„Утверждаю."
Въ С.-Петербургѣ. 15 Марта 1873 г.

Гербъ
ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Въ черномъ щитѣ серебряная волнообразная перевязь влѣво, за которою въ перевязь вправо, Императорскій штандартъ на золотомъ древкѣ. Щитъ увѣнчанъ древнею Царскою короною и окруженъ золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою.

Герб Терской области

В 1870 г. Кабардинский округ Терской области был реорганизован. Этническая территория кабардинцев и

балкарцев входила в состав Георгиевского округа, а с 1875 по 1882 гг. – Пятигорского округа Терской области. В 1882 г. был образован Нальчикский округ Терской области, который просуществовал вплоть до ликвидации Терской области в 1920 г.

Во главе округа стоял начальник округа (полковник или генерал)[10]. В п. 20 Положения 1862 г. устанавливалось, что «по внутреннему управлению подведомственными им отделами Терской области им принадлежит начальство по всем отраслям управления»[11]. От окружных начальников зависело решение вопросов общественного, экономического, политического, культурного характера. В подчинении начальника округа находилась окружная администрация, в состав которой входили: окружной суд, начальники участков, полиция и т.д.[12] Начальники округов Терской области являлись и председателями окружных судов. Они имели право голоса при вынесении судебного решения. Кроме того, они имели право решающего голоса, в случае, если мнение судей во время голосования разделялось поровну. Окружные начальники в Терской области назначали на должности сельских старшин и их помощников.

В результате административных и судебных реформ, проведенных правительством в 50–80-е годы XIX в. в Кабарде и Балкарии высшей административной инстанцией стало Окружное правление во главе с начальником округа. Начальника округа обычно назначал начальник Терского областного управления из числа офицеров Кавказской военной администрации. Помощники начальника назначались из числа офицеров Кавказской армии или казачьих войск. Кроме помощников, при управлении числились два делопроизводителя, два врача, один переводчик. До начала XX в. на должности начальника Нальчикского округа и его помощников не назначались представители местных народов. Начиная с 1890-го по 1910 год в должности начальника Нальчикского округа служили подполковники Вырубов, Попов, Страхов и полковник Тизенгаузен. В начале XX в. эта ситуация стала меняться. В 1910–1917 гг. начальником Нальчикского округа был подполковник Султанбек Клишбиев, его младшим помощником капитан Мамышев. Некоторое время начальником второго административного участка служил корнет Мисост Абаев.

В последней трети XIX – начале XX в. первичной инстанцией Нальчикской окружной системы управления являлось сельское общество с его так называемым сельским общественным управлением. Оно состояло из сельского схода, сельского правления и сельского суда. Значительная часть административных функций в пределах села была возложена на сельское правление. Во главе сельского правления стоял старшина, в подчинении которого находились все без исключения жители в пределах данного селения. Кроме старшины, в сельское правление входили и другие должностные лица, которые избирались на сельских сходах. Это помощники старшин, сельские

казначеи, сельские эфенди, общественные доверенные и санитарные попечители. Вспомогательный персонал сельского правления состоял из сельского писаря, рассыльного, сельского глашатая, сторожа, телефониста (в случае наличия телефонной связи) и лесного сторожа.

Старшина назначался сроком на три года. В зависимости от воли окружных властей старшина мог занимать свой пост три, четыре и более срока. Старшины избирались на сельских сходах тайным голосованием и утверждались начальником Терской области.

После укрупнения аулов в Кабарде и наделения их землей в 1868 г. в Кабардинском округе было введено сельское общественное управление. С этого времени, сельская администрация состояла из сельского схода, сельского правления и сельского суда. Деятельность сельских обществ регламентировалась «Положением об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении». В работе сельского схода с правом решающего голоса допускались главы самостоятельных хозяйственных единиц. Сельский сход был призван регулировать некоторые имущественные отношения внутри сельского общества, с одной стороны, между сельским обществом и властью – с другой. На нем выносились решения о порядке пользования общественными землями и лесами, о переделах пахотных и сенокосных угодий между крестьянами, о сдаче в аренду части своих общественных земель, о структуре посевных культур, о строительстве и ремонте общественных зданий, дорог, школ, мечетей. На сельских сходах утверждались сметы расходов из общественных касс, которые ежегодно пополнялись за счет так называемых мирских сборов с населения. Из этой суммы назначались жалованья должностным лицам сельского правления и учителям сельских школ. На сельских сходах обсуждались вопросы об уплате налогов, задолженностей по ним, объявлялись правительственные распоряжения и т.д.

Сельские сходы по каждому обсуждаемому вопросу составляли приговоры, которые заносились в специальную книгу и подписывались участниками схода или сбора. Решения принимались открытым или тайным голосованием. Помощников старшин, сборщиков податей и других должностных лиц сельского правления выбирали на сходе простым открытым голосованием. Решения схода и сбора выборных приобретали законную силу, если за них проголосовали $^{2}/_{3}$ жителей села, имеющих право голоса.

Судебная система.

Терский областной народный суд (*1864–1870*). Учреждение Терского областного народного суда в первой половине 60-х гг. XIX в. является важным событием в истории судебной системы Терской области по ряду причин. Во-первых, оно совпало с завершающим этапом Кавказской войны, когда регион находился в состоянии постоянных административно-политических и социально-экономических трансформаций. Во-вторых, учреждение суда представляет собой первый опыт создания в регионе территориального органа,

который выступал в качестве апелляционной инстанции по отношению к окружным судам, сформированным по этническому принципу еще в 1858 г.

Следует отметить, что в 1864–1870 гг. иерархия судебных органов в Терской области была представлена следующим образом: Терский областной народный суд – окружные народные суды (Кабардинский, Осетинский, Чеченский, Кумыкский и т.п.) – участковые суды.

Главный народный суд Терской области был учреждён в 1864 г. во Владикавказе на основании «Положения об управлении Терской областью» от 1862 г. (далее. – Положение 1862 г.) и на основании Высочайшие утверждённого 21 мая 1864 г. дополнения к положениям об управлении городом Владикавказом и Терскою областью[13]. Официальной датой его открытия считается 28 октября 1864 г. – дата издания Высочайшего повеления о его открытии, о чем было сделано оповещение в специальном приказе начальника Терской области[14].

На основании п. 27 Положения 1862 г. Терский областной народный суд учреждался: «1) для рассмотрения поступающих к нему жалоб на неправильные решения Окружных Судов, и 2) для обсуждения всякого рода дел, которые Начальник области сочтет нужным передать на заключение Суда»[15]. Решения принимались большинством голосов и вступали в законную силу после их утверждения начальником Терской области. В особых случаях решения суда передавались на утверждение Главнокомандующего Кавказской армией[16].

В состав Терского областного народного суда входили выборные из числа местного населения лица[17]. Помимо него в состав суда в обязательном порядке входил главный кадий региона[18]. Первоначально штат Терского областного народного суда составляли: «восемь депутатов от народа, т.е. по одному от каждого из округов; 3 кадия; делопроизводитель; 4 переводчика; 2 писаря»[19]. На основании одобренного в 1864 г. Наместником Кавказским штатного расписания Терского областного народного суда[20], его структура была представлена следующим образом: 1) председатель суда; 2) от Осетинского, Ингушского и Кабардинского округов – 2 кадия и 12 депутатов; 3) от Чеченского, Ичкеринского и Аргунского округов – 2 кадия и 8 депутатов; 4) от Кумыкского и Нагорного округов – также 2 кадия и 8 депутатов; 5) один офицер-делопроизводитель[21]. Он создавался для рассмотрения в качестве апелляционной инстанции жалоб на решения окружных народный судов Терской области и для решения любых вопросов по усмотрению начальника области[22].

Решения Терского областного суда принимались простым большинством голосов и вступали в законную силу после их утверждения начальником области. Начальник Терской области имел право утвердить решение суда самостоятельно или перенаправить дело для согласования решения с Главнокомандующим Кавказской армией[23].

Кабардинский окружной народный суд (*1858–1870*). Кабардинский окружной народный суд был учрежден на основании Высочайше утвержденного положения Кавказского Комитета от 10 декабря 1857 г. Для «судопроизвод-

ства, разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени, в каждом округе [предполагалось] учредить Народный Суд из постоянных членов»[24]. Термин «народный» «означал – отличный от общероссийского, использующий обычное право горцев (адат) и духовное мусульманское право (шариат), а также присутствие в суде представителей горских народов в качестве депутатов»[25]. В это время окружной народный суд был высшей судебной инстанцией в Кабардинском округе.

Председателем Кабардинского окружного народного суда был начальник округа. В состав суда входил кадий и по несколько депутатов, назначаемых от всех отдельных обществ, входящих в состав округа. М.К. Абаев отмечал, что «в окружной народный суд кадием и депутатами назначались самые лучшие и влиятельнейшие люди, которые и раньше управляли народом, заседали в Махкеме и Тере, и в народной жизни они продолжали играть значительную роль, поэтому их посредничеством пользовалась администрация в более или менее серьезных правительственных начинаниях»[26]. Кроме того, в штате судов в обязательном порядке числились адъютант начальника округа и делопроизводитель суда[27].

Депутаты и кадий суда после утверждения в должности, прежде чем приступить к исполнению основных обязанностей, в установленном порядке приводились к присяге на верность службе[28].

В обязанности служащих Кабардинского окружного народного суда возлагалось «принятие мер для исполнения всех относящихся до народа распоряжений правительства, надзор за благосостоянием и нравственностью кабардинцев и разбирательство тяжебных дел между ними»[29]. С образованием Кабардинского окружного народного суда, кроме «депутатов от кабардинцев предполагалось включить в его состав одного от остальных поименованных горских народов, известных под названием балкарцев»[30]. В 1858 г. для депутатов от горских обществ Кабардинского округа было отведено 2 места и «для заседания в Кабардинском окружном народном суде от горских обществ были назначены балкарского племени прапорщик Исхак Балкароков и Кайтмирза Айдебулов»[31]. Кроме того, после образования Кабардинского округа и преобразования Кабардинского временного суда в Кабардинский окружной народный суд в 1858 г. возникла необходимость расширения его штата за счет введения депутатов от Малой Кабарды, Дигории и горских обществ[32]. Кабардинский окружной народный суд располагался в Нальчике.

Важные дела были изъяты из компетенции областных народных судов Терской области. К ним относились: 1) измена; 2) возмущение против властей; 3) личное неповиновение начальству; 4) разбой; 5) похищение казенного имущества; 6) убийство и ранение с увечьем. Хотя в этом отношении администрация допускала небольшое отступление. Уголовные дела, связанные с убийством и поранением, оставались в ведении народных судов, если они не были совершены по политическим мотивам.

П. 30. Положения 1862 г. определял подсудность окружных народных судов Терской области. В нем устанавливалось, что «разбирательству Окружных Судов принадлежат: 1) дела, возникающие по гражданским спорам и тяжбам всякого рода, по воровству, ссорам, дракам, по ранениям без причинения увечья, похищениям и грабежам; 2) по несогласиям между супругами, родителями и детьми; 3) по религиозным делам, и 4) все те дела, которые будут переданы на разбирательство их по распоряжению Военных или Окружных Начальников»[33].

В целом, учреждение Кабардинского окружного народного суда и его функционирование в рамках судебной системы Терской области имело ряд особенностей. Во-первых, в это время появились специальные нормативно-правовые акты, которые содержали унифицированные правила отправления судебного процесса, обязательные для исполнения представителями всех проживавших в Терской области народов. Во-вторых, новая система судопроизводства оставляла большие возможности для сохранения основных элементов и институтов традиционной соционормативной культуры кабардинцев и балкарцев. В-третьих, были расширены возможности привлечения местных этнических кадров в деятельность создаваемых в то время судебных учреждений (в качестве судей, кадиев, переводчиков и т.п.).

Участковые суды Кабардинского округа Терской области. Участковые суды стали учреждаться лишь спустя 4 года после введения в регионе системы военно-народного управления. До этого судебными полномочиями, как и в условиях приставского управления, были наделены начальники административных участков[34].

После образования Терской области в целях усовершенствования системы военно-народного управления на уровне организации деятельности участковых правлений возникла необходимость разделения административных и судебных полномочий участковых начальников. В этих целях на Высочайшее утверждение императора Александра II был предложен проект учреждения на данном уровне специальных участковых судов. Принципы и особенности судопроизводства в участковых судах были сформулированы еще во Временных правилах 1863 г. На основании п. 2 этого документа устанавливалось, что «участковые суды [Терской области] состоят под председательством участковых начальников или наибов тех участков, в которых учреждены»[35].

Положение 1862 г. определяло правовой статус участковых судей. В нем указывалось, что участковые судьи выводятся за штаты гражданских и военных служащих Терской области и не пользуются содержанием от казны. В основном участковыми судьями назначались представители местного населения. Определения состава участковых судов вменялось в обязанность начальнику Терской области. После чего его предложения передавались для утверждения Главнокомандующему Кавказской Армией[36]. В некоторых случаях, порядок комплектования участковых судов приобретал определен-

ную специфику в зависимости от этнической карты региона и особенностей общественного строя у народов, проживавших в конкретных участках. В частности, еще в середине 60-х гг. XIX в. штат участкового суда Балкарского участка Кабардинского округа Терской области планировалось утвердить в составе «одного участкового кадия, по одному члену от Балкарского, Чегемского и Урусбиевского общества и одного от Безенгиевской и Хуламской общин, а также по одному депутату от простого народа на каждого члена суда, всего 9 человек»[37]. Члены участкового суда Балкарского участка избирались из таубиев (князей), а депутаты – из числа вольноотпущенников. Проживавшие на территории этого участка общества сами «должны были содержать своих участковых судей и кадия: каждый двор, кроме самих бедных, платил по 50 копеек серебром в пользу членов участкового суда, которые делили эту сумму поровну, и по 25 копеек в пользу кадия»[38]. Депутаты от простого народа за работу в суде не получали никакого вознаграждения, они лишь освобождались от уплаты некоторых общественных повинностей.

В это время в созданных на территории Кабардинского округа Терской области участковых судах «выборы депутатов в участковые суды от Балкарского, Хуламского, Бизенгиевского, Чегемского и Урусбиевского обществ не проводились по причине удалённости горских общин от участковых правлений»[39]. В каждом из этих обществ были учреждены особые местные суды, состоявшие из двух членов и эфенди. «По компетенции эти судебные учреждения были аналогичны участковым судам»[40]. При этом, в Чегемском обществе был установлен особый порядок назначения судей: «ими становились поочередно все имеющие на то право лица без какого-либо содержания от общества»[41].

Как и в окружном суде, основу судопроизводства в участковых судах составляли обычное право кабардинцев и балкарцев и нормы шариата. На основе обычного права участковые суды разбирали мелкие гражданские дела по имущественным искам, кражам, увозу женщин, мошенничеству. По шариату – семейные споры, дела о разводах, наследстве и калыме[42]. В компетенцию участковых судов входили дела, сумма иска или ущерба по которым не превышала 30 руб.[43] Однако участковые суды могли принимать к производству дела, сумма иска которых превышала указанную, если стороны сами заявляли об этом ходатайства. При этом из подсудности участковых судов исключались следящие категории правонарушений: «а) воровство, если оно сделано лицами высшего сословия или простолюдинами во второй раз, б) похищение или грабеж, когда они учинены с насилием или угрозами, хотя бы насилие и угрозы не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья жалобщика, и в) по увозу женщин, если при этом были нанесены кому-либо увечье или смерть»[44]. В этих случаях дела подлежали разбирательству в окружном народном суде.

Особенности территориальной организации деятельности участковых судов в полной мере зависели от характера и динамики административных

преобразований. В частности, в 1862 г. в Кабардинском округе было образовано всего 2 участковых суда, т.к. сам округ состоял из Баксанского и Черекского участков. А по состоянию на 1866 г. в Кабардинском округе уже функционировало 4 участковых суда: Малокабардинский, Баксанский, Горский и Черекский.

Система участковых судов стала приходить в упадок к концу 60-х гг. XIX в. Например, в 1867 г. в Кабардинском округе были упразднены все участковые суды, за исключением малокабардинского. Объясняя это, Н.Ф. Грабовский акцентировал внимание на том, что «по географическому положению Черекский, Баксанский и Горский участки находятся в таком расстоянии от Окружного суда, что не встречает необходимости в отдельных местных судах»[45]. В целом, ликвидация участковых судов осуществлялась в основном в тех регионах Терской области, в которых в середине 60-х гг. XIX в. было проведено укрупнение аулов. Это создавало базу для учреждения сельских (аульных) судов, в связи с чем функционирование участковых судов в этих условиях теряло смысл.

Владикавказский окружной суд. С начала 70-х гг. XIX в. высшее звено судебной иерархии в Терской области составлял *Владикавказский окружной суд*. Его деятельность распространялась на всей территории Терской области. Его разбирательству подлежали совершенные в области уголовные и гражданские дела, отнесенные судебными уставами 20-го ноября 1864 г. к ведению окружных судов.

Однако, *по уголовным делам*, подсудным Владикавказскому окружному суду, до передачи дела в суд производилось предварительное следствие судебным следователем. Жалобы и заявления подавались в простой письменной форме ближайшему полицейскому, начальнику или судебному следователю того следственного участка, в пределах которого совершилось правонарушение. Жалоба должна была содержать следующие позиции: «когда и где именно совершилось преступление, кто обвиняется или подозревается и по каким причинам; если потерпевший ищет при том вознаграждения за причиненный ему вред или убыток, то должен указать, в чем состоят убытки или вред и как велико требуемое им вознаграждение»[46]. В ходе предварительного расследования потерпевший имел право привлекать своих свидетелей и представлять доказательства в пользу своего иска, лично присутствовать при всех следственных действиях и задавать, с разрешения следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям. Стороны имели право подавать жалобы на следственные действия, нарушавшие их права. Такие жалобы подавались на имя прокурора Владикавказского окружного суда, а на действия следователя – окружному суду. По окончании следствия судебный следователь передавал его прокурору, о чем объявлялось сторонам[47].

Гражданские иски подавались во Владикавказский окружной народный суд в письменной форме на русском языке. По каждому иску должно быть

подано особое прошение[48]. Прошение подавалось в суд истцом, его поверенным или по почте. Доверенность на его подачу могла быть отмечена на самом прошении. Исковое прошение должно было содержать следующие позиции: «1) означение суда, в который подается; 2) имя, отчество и фамилия или прозвище, звание и место жительства как истца, так и ответчика; 3) означение цены иска за исключением дел, оценке не подлежащих; 4) изложение обстоятельств дела, из коих иск проистекает; 5) указание доказательств и законов, на коих иск основан; 6) просительный пункт, заключающий в себе точное изложение требований истца или определительное указание того, чего истец ищет, о чем просит суд постановить решение»[49]. По мере необходимости к исковому заявлению могли быть приложены различные документы. Копии искового заявления и приложений предоставлялись по количеству ответчиков. В случае несоблюдения требований к форме исковые заявления могли быть отклонены без рассмотрения.

Вышестоящей инстанцией для Владикавказского окружного суда была Тифлисская судебная палата. Апелляционные отзывы на приговоры суда по уголовным делам могли быть поданы в двухнедельный срок со дня его объявления. Для гражданских дел в зависимости от порядка судопроизводства устанавливался месячный или четырехмесячный срок подачи апелляционных жалоб[50]. Срок обжалования начинал исчисляться со дня объявления решения в суде. Апелляционные отзывы и жалобы подавались во Владикавказский окружной суд для передачи их в Тифлисскую судебную палату. Решения судебной палаты считались окончательными и могли быть обжалованы только в кассационном порядке.

28 октября 1871 г. во Владикавказе был создан мировой отдел Окружного суда. Отдел объединил 10 следственных участков[51]. Дела об уголовных правонарушениях, совершенных на подведомственных горским словесным судам территориях, передавались соответствующему судебному следователю. Он, в свою очередь, после проведения необходимых следственных мероприятий передавал дела для дальнейшего производства во Владикавказский окружной суд. В том случае, если следственные материалы возвращались в горский словесный суд по подсудности, то «последний определял меры наказания, исходя из заключения следователя Владикавказского окружного суда»[52].

Нальчикский горский словесный суд. В 1870–1917 гг. в Терской области на фоне мероприятий, направленных на реализацию судебной реформы 1864 г., были сохранены основные формы отправления правосудия у местных жителей по нормам обычного права и шариата. Определенным изменениям подверглась лишь их институциональная база. Так, например, вместо окружных народных судов в горских округах Терской области были созданы словесные суды.

В 1871 г. создан Нальчикский горский словесный суд. Председателем этого суда являлся начальник округа. С 1885 г. Горский словесный суд состоял из

двух отделений: одно для кабардинцев, другое – для балкарцев. В состав кабардинского отделения входило 12 человек: по пять депутатов и кандидатов в судьи, а также два кадия. Балкарское отделение состояло из двух депутатов, двух кандидатов в судьи и одного кадия, всего – 5 человек.

Большая часть дел в Нальчикском горском словесном суде подлежала разбирательству на основании норм обычного права кабардинцев и балкарцев.

Согласно п. 7 «Временных правил для горских словесных судов…», им были подсудны все уголовные дела, указанные в Уставе «О наказаниях, налагаемых мировыми судьями», за исключением проступков, отнесенных положением к подсудности аульных (сельских) судов[53]. Эти преступления не подлежали рассмотрению в Горском словесном суде, если в их совершении участвовал человек, не принадлежащий к горскому населению, или же когда преступление совершено не против горцев. В этих случаях дело подлежало рассмотрению мировыми судьями или Владикавказским окружным судом в зависимости от подсудности[54].

Согласно ст. 25 «Временных правил...», в компетенцию этих судов помимо уголовных входили гражданские, религиозные и опекунские дела. Гражданские дела могли быть рассмотрены только по исковой жалобе, а уголовные – как по исковой, так и без нее, например, по рапорту сельского старшины. Исполнение решений этого суда возлагалось на чиновников окружного и участкового управлений по взаимодействию с сельскими административными органами[55].

В последней трети XIX – начале XX в. в практике Нальчикского горского словесного суда особо выделялись гражданские иски по уголовным делам. В некоторых случаях имело место наложение двойной ответственности, как, например, в деле об убийстве М. жителями сел. Касаево в конце 80-х гг. XIX в. В этом деле Нальчикский горский словесный суд приговорил убийцу Л. к восьмимесячному заключению в тюрьме, после чего родственники потерпевшего выдвинули гражданский иск о назначении материальной компенсации за «кровь» и убытки, понесенные в ходе организации и проведения похорон[56].

По шариату рассматривались дела о разводе, законности рождения, калыме, наследстве и др.[57] Кадий входил в состав суда, утверждался в административном порядке из числа кандидатов, избранных населением. Но формы их участия в судебном процессе и при разрешении дел по шариату были одинаковы не во всех горских словесных судах Терской области, несмотря на то, что в п. 51 «Временных правил» устанавливалось, что «после объяснений сторон, допроса свидетелей и рассмотрения всех представленных по делу доказательств и пред постановлением решения, суд выслушивает мнение кадия об относящихся к рассматриваемому делу шариатских постановлениях и о способе применения их»[58]. Н.М. Рейнке писал, что «в иных судах дела (особенно бракоразводные) производятся и разрешаются кадием лично, вне суда, в других – лишь в присутствии суда или, наконец, при деятельном

участии суда в разъяснении обстоятельств дела и по совещании с судом»[59]. По остальным категориям дел, отнесенным к подсудности шариату, решение принимали судьи. Кроме того, Н.М. Рейнке отмечал, что «в некоторых областях влияние светского элемента так велико, что решение кадия получает законную силу лишь по утверждении его председателем суда»[60].

В Нальчикском горском словесном суде в обязанности избранного на съездах доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды кадия входило в основном толкование конфессиональных норм по делам, отнесенным к разбирательству по шариату. Мнение кадия заносилось в настольный журнал и служило основанием для принятия соответствующего решения членами суда. Часто случалось, что это правило не соблюдалось, и кадии принимали самостоятельные решения. В материалах Нальчикского горского словесного суда сохранились документы, в которых канцелярия начальника Терской области указывала начальнику Нальчикского округа или председателю Нальчикского горского словесного суда на эти нарушения и требовала их устранения[61]. В этой сфере исключение составляли бракоразводные дела, где духовные лица могли принимать самостоятельное решение.

В Нальчикском горском словесном суде решение по конкретному делу принималось большинством голосов. Если же голоса судей разделялись поровну, право решающего голоса имел председатель суда[62]. Кроме того, «Временными правилами...» был определен круг правонарушений, которые решались председателем горского словесного суда единолично. К ним относились проступки «против порядка управления, против благочиния, порядка и спокойствия, против общественного благоустройства, против народного здравия и все нарушения уставов: о паспортах, строительного и путей сообщения, пожарного, почтового и телеграфного»[63].

Члены суда избирались сроком на три года на Съезде доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ[64]. Основным нормативным документом, регулировавшим процедуру выборов судей, являлась инструкция «О порядке избрания депутатов, кадия и кандидатов для заседания в горских словесных судах Кубанской и Терской областей». Порядок комплектования Нальчикского горского словесного суда был следующим: судей и кандидатов в судьи избирали на Съездах доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. Причем судьи и кандидат избирались по отдельности от каждой группы доверенных соответствующего порядка. Так, например, судьи и кандидаты в судьи от Большой Кабарды избирались отдельно на Съезде доверенных сельских обществ Большой Кабарды, от Малой – соответственно, на Съезде доверенных Малой Кабарды. После образования временного отделения Нальчикского горского словесного суда судьи и кандидаты к ним избирались отдельно на съезде доверенных сельских обществ Пяти горских обществ. Все решения съездов доверенных направлялись в администрацию округа, где формиро-

вались сводные списки, которые впоследствии при сопровождении рапорта Начальника округа направлялись на утверждение начальника Терской области. Судьи официально приступали к исполнению своих должностных обязанностей после вступления в силу соответствующего приказа начальника Терской области. Приказы начальника Терской области об утверждении судей в должностях публиковались в газете «Терские ведомости»[65].

В 70-е – первой половине 80-х гг. XIX в. выборы в Нальчикский горский словесный суд проходили с соблюдением этнического, сословного и административно-территориального принципов. Так, в 1874 г. начальник Терской области предлагал начальнику Пятигорского (Нальчикского) округа избрать состав Нальчикского горского словесного суда таким образом: один судья был от всей Большой Кабарды, другой – от Малой Кабарды, третий – от горских обществ, а четвертый – от простого народа всего населения округа[66].

Одной из причин образования Временного отделения Нальчикского горского словесного суда была его чрезмерная загруженность. В отчете о движении дел в Нальчикском горском словесном суде за 1881 г. отмечалось, что за отчетный период «окончательно решено дел – 194; осталось к 1 января сего 1882 г. нерешенных дел 1095»[67].

Все расходы по содержанию этого отделения, а именно: жалование председательствующему, если он будет хотя и лицо, занимающее какую-либо штатную должность государственной службы, но получающее от казны содержание, – 900 руб., жалование одному депутату от населения – 600 руб. с тем, что второй депутат будет командирован в Нальчикский округ из горского суда, жалование помощнику народного кадия, избранного нами для заседания во временном отделении суда, – 600 руб., жалование переводчику – 300 руб., жалование писцам – 360 руб., жалование сторожу – 120 руб. и на канцелярские расходы – 300 руб., всего в количестве трех тысяч четырехсот тридцати рублей мы принимаем на себя и просим начальника округа, как уполномоченные на это всем населением Кабарды и Горских обществ, вносить вышеупомянутый расход в ежегодную подымную книгу раскладку»[68]. В постановительной части этого документа также отмечалось, что балкарские сельские общества приняли на себя все перечисленные расходы[69]. Так в 1885 г. в было учреждено одно временное отделение Нальчикского горского словесного суда для окончания старых нерешенных дел. Для председательствования в нем в слободу Нальчик был командирован Есентукский участковый пристав подполковник Ловен[70].

Нальчикский горский словесный суд был упразднён решением Нальчикского окружного Совета от 26 марта 1918 г.

Сельские (аульные) суды. Согласно указу «О сельском суде» от 1869 г. в каждом административно-территориальном образовании учреждались сельские (аульные) суды[71], которые, по сути, являлись базовым звеном судебной системы Терской области. При этом сохранялись некоторые институты тра-

диционного судопроизводства кабардинцев и балкарцев и были выработаны модели их функционирования в судах, создаваемых по российскому образцу. Сами же сельские суды, функционировавшие в Нальчикском округе Терской области, осуществляли правосудие в основном по нормам обычного права местного населения.

В Нальчикском округе Терской области в состав сельских судов входили три выборные судьи, один кандидат в судьи (суд къуэдзэ) и один сельский эфенди. По «Правилам о выборах сельских судей» кандидаты на эту должность должны были хорошо знать народные обычаи и пользоваться авторитетом в своей общине. Срок полномочий сельского судьи равнялся 3 годам с возможностью последующего переизбрания. Выборы проходили на сельском сходе. Сельский старшина не являлся членом сельского суда, однако судьи находились в его подчинении[72]. Члены сельского суда обладали равными правами, в этом учреждении не предусматривалась должность председательствующего (судышхьэ)[73]. Как правило, в состав сельского суда входили два человека – представителя привилегированных сословий кабардинского общества, и один – из простолюдинов[74]. Средний возраст сельского судьи колебался от 40 до 60 лет[75]. Сельские судьи при вступлении в должность давали клятвенные обещания, схожие с теми, которые давали в аналогичной ситуации члены Нальчикского горского суда. К присяге их приводил, как правило, сельский эфендий в присутствии сельского старшины[76]. Иногда сельского эфендия приглашали на заседания сельского суда для разъяснения некоторых положений шариата и для проведения присяги. Также он принимал участие в заседаниях в роли делопроизводителя[77].

Отстранение от должности сельских (аульных) судей по различным причинам (болезнь, невыполнение обязанностей и т.д.) могло произойти по решению начальника Терской области на основании рапорта начальника округа[78].

После проведения выборов списки сельских судей от каждого аула направлялись начальнику округа. В окружной администрации формировался сводный список, направляемый на утверждение начальнику Терской области. После утверждения сельские судьи приступали к исполнению своих обязанностей.

Основным предметом разбирательств в сельских судах являлись имущественные споры, нарушение договорных обязательств и возмещение ущерба по искам, сумма которых в 1869–1870 гг. не должна была превышать 100 руб.[79] Поводом для начала судопроизводства являлись жалоба потерпевшего, требование старшины или его помощников, либо заявление свидетеля какого-либо правонарушения. Разбирательство осуществлялось устно и гласно, а решение суда оформлялось в письменной форме[80].

Круг вопросов, входящих в компетенцию сельских судов Нальчикского округа Терской области, был очерчен следующим образом: 1) принятие ре-

шений об удалении из селения так называемых «порочных лиц»; 2) право назначения опекунов; 3) рассмотрение имущественных споров, сумма иска по которым не превышает 30 руб.; 4) разбирательство по делам об оскорблениях и драках без применения оружия и подручных средств; 5) принятие решений о взыскании долгов; 6) дела о кражах имущества на сумму до 10 руб., либо кражах, совершенных впервые[81]. В сельских судах не разбирались дела, одной из сторон в которых выступали князья, знатные уорки, сельские старшины и эфендии[82]. Дела с их участием рассматривались в Нальчикском горском словесном суде.

Апелляционной инстанцией для сельских судов был Нальчикский горский словесный суд[83].

О том, что сельские суды еще функционировали в первой половине 20-х гг. XX в., свидетельствует произнесенная Б.Э. Калмыковым в январе 1923 г. речь, в которой он ставил вопрос о необходимости их ликвидации[84].

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. сельские (аульные) суды были базовым звеном судебной системы Терской области. Будучи интегрированными в имперское правовое пространство, они вплоть до упразднения в своей деятельности сочетали наряду с российским законодательством основные принципы соционормативной культуры кабардинцев и балкарцев.

Посреднические (*третейские, медиаторские*) *суды.* Разбирательство споров с помощью посредников у народов Центрального Кавказа в конце XVIII–XIX вв. имели схожие черты с традиционными судебными институтами, функционировавшими у них до начала российского влияния в регионе. Некоторые элементы третейского судопроизводства черкесов были описаны еще европейскими путешественниками начиная с XV в. Так, итальянский путешественник, географ и этнограф Дж. Интериано, посетивший Черкесию во второй половине XV в., писал, что «нет у них (черкесов. – *Ред.*) ни судей, ни каких-либо писанных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешают споры между ними»[85]. Большинство же исследований о судопроизводстве, например, у кабардинцев в XVII–XVIII вв. основываются на сведениях Ш.Б. Ногмова, который указывал на народное предание о создании в первой половине XVI в. судов «хеезжа» и «хе» («хей») верховным князей Кабарды Бесланом Джанхотовым[86]. Он отмечал, что «Беслан (Б. Джанхотов. – *Ред.*) в продолжение управления своего кабардинским народом желал улучшить и упрочить его благосостояние, и для оказания всякому правосудия первый учредил в своих аулах, в каждом по одному, «хеезжа», т.е. третейский суд, в котором разбирались все дела, кроме уголовных, и жалобы местных жителей... Жалобы же на судей, также и относящиеся до всего народа дела решались под председательством самого князя «хе», т.е. главном суде, учреждавшемся в постоянном месте жительства князя»[87]. На рубеже 60–70-х гг. XIX в. исследователь истории судебных учреждений в Нальчикском округе Н.Ф. Грабовский обращал внимание на тот факт, что «у кабар-

динцев издавна существует обычай отдавать свои дела на решение выбираемых тяжущимися сторонами посредников-медиаторов»[88]. Если вследствие преступления пострадало имущество группы людей или целого общества (дороги, мосты, пашни), любой общинник имел право ходатайствовать о проведении разбирательства с участием медиаторов. Если же спор затрагивал интересы всей общины, «медиаторский суд мог быть создан и по просьбе сельского старшины»[89].

В конце XVIII–XIX вв. некоторые элементы традиционного судопроизводства кабардинцев и балкарцев стали применяться в различных судах, создаваемых российскими властями в регионе. Кроме того, в этот период не была нивелирована и традиционная форма медиаторских разбирательств. Основным условием их функционирования в то время было то, чтобы они в своей практике не нарушали российское законодательство.

Медиаторы (судьи, посредники) в своей деятельности руководствовались нормами обычного права и шариата. Кабардинцы для обозначения медиаторских судов применяли термин – «мэндэтыр»[90]. Медиаторский суд, в котором дела разбирались на основе норм шариата, обозначался как «шэрихьэт суд»[91]. Кроме того, в исторической памяти кабардинцев сохранился специальный термин, который применялся для обозначения этой категории участников процесса. Независимый член медиаторского суда обозначался как «хьэнэпий (ханапий)»[92]. Кандидатов в медиаторы называли лIы губзыгъэ (букв. умный мужчина) – уважаемые, авторитетные жители аула, которые хорошо знали народные обычаи и традиции. Кроме того, из их числа в 1869–1917 гг. избирались сельские судьи и кандидаты в сельские судьи[93]. И, наоборот, в последней трети XIX в. медиаторами иногда выбирали членов сельского суда[94] или членов Нальчикского горского словесного суда[95]. В этих случаях участники разбирательств давали соответствующие расписки.

Деятельность медиаторских судов не носила постоянного характера. Заседания назначались по мере поступления жалоб или просьб о производстве разбирательств. Заявителями традиционно могли быть как потерпевший и его близкие родственники, так и любое заинтересованное лицо. Состав этого суда также не был постоянным. Для каждого отдельного разбирательства, как правило, назначались по пять медиаторов: по два от каждой стороны-участницы процесса и одноаульца, занимавшего нейтральную позицию[96]. В определенных случаях медиаторов могло быть и больше. И.Л. Бабич отмечала, что «их количество зависело от важности или сложности рассматриваемого дела»[97]. Существовало правило, согласно которому «одна сторона не могла дать отвод тем медиаторам, которых выбрала противоположная, и наоборот»[98].

Медиаторами избирались, как выше сказано, наиболее авторитетные жители аула. Кандидатом в медиаторы становились сельчане независимо от их сословной принадлежности. Суд посредников, как правило, принимал к

рассмотрению дела о возмещении ущерба за воровство и причинение телесных повреждений. Были случаи, когда медиаторами назначалась материальная компенсация за убийства («цена крови»)[99].

Считается, что до начала российского влияния в регионе решения медиаторских судов были безапелляционными и окончательными[100]. Однако в последней трети XIX в. недовольные их решением участники процесса подавали жалобы и повторные иски в Нальчикский горский словесный суд или сельские суды. В некоторых случаях решения медиаторских судов вступали в законную силу после их официального утверждения в Нальчикском горском словесном суде[101].

С течением времени были выработаны негласные правила, регламентировавшие порядок и процедуру принятия решений медиаторскими судами. Так, прежде чем приступить к разбирательству, медиаторы в устной форме получали от сторон подтверждение согласия на рассмотрение дела и обязательство исполнить постановление суда независимо от его исхода. В большинстве случаев разбирательства в медиаторских судах проходили тайно. Стороны не извещались о времени и месте заседания. Обычно разбирательство продолжалось в течение одного дня, после чего решения суда посредников подлежали обнародованию[102].

В нормах обычного права и шариата не устанавливалось строгих сроков производства медиаторских разбирательств и исполнения решений медиаторов. Как правило, отправление медиатороского правосудия по одному делу не превышало четырех месяцев[103]. По делам о назначении «цены крови» процессуальные сроки не превышали двух-трех месяцев. Сложнее дело обстояло с урегулированием конфликтов о причинении ран и телесных повреждений. В этих случаях разбирательства могли длиться от шести месяцев до года. Иногда медиаторы ждали полного выздоровления потерпевшего[104]. Часто в самом медиаторском решении указывалась причина такой задержки[105].

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. роль посреднических судов в судебной системе Нальчикского округа Терской области постоянно возрастала, а обычное право проживавших здесь народов оставалось одним из основных социальных регуляторов в их системе правосудия. В данном случае, нормы обычного права сохраняли регламентирующую роль в той степени, в которой это не противоречило законодательству Российской империи. Они применялись как в практике Нальчикского горского словесного суда, так сельских (аульных) и посреднических (медиаторских) судов.

4.2. Социально-экономические преобразования в Кабарде и Балкарии

После пленения Шамиля в 1859 г. утверждение политического господства на большей части Северного Кавказа позволило царским властям приступить к масштабным преобразованиям, призванным приспособить внутреннюю жизнь коренного населения к социально-экономической и административно-политической системе России. Реформы в Кабардинском округе не в одинаковой степени повлияли на поземельный уклад в Кабарде и Балкарии, но существенно изменили прежние поземельные отношения между ними.

В Кабардинском округе первой реформой стала земельная. В ее основу был положен проект кавказского главнокомандующего князя В.В. Орбелиани (1861 г.), исходивший из невозможности сохранения прежних форм феодальной земельной собственности. Преобладавшая прежде феодальная земельная собственность должна была быть заменена частной и казенной, в сочетании с общинной формой пользования. Это повлекло за собой коренные изменения и в поземельных отношениях кабардинцев с соседними народами и правительственной властью. Все это потребовало формирования новых административно-правовых механизмов регламентации землепользования и урегулирования множества противоречий, обусловленных усложнением земельного вопроса.

Проект Орбелиани был одобрен Правительством и стал реализовываться Комиссией по разбору личных и поземельных прав жителей Терской области, учрежденной в мае 1863 г. вместо упраздненных окружных земельных комитетов. Ее председатель – кабардинец Д.С. Кодзоков, приняв за основу положение о том, что плоскостные земли Кабарды являются государственной собственностью, и следуя указаниям начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова, оказал решающее влияние на процесс реализации земельной реформы.

Актом 20 августа 1863 г. доверенные от свободных сословий признали: «земля кабардинского народа составляет общее наше достояние, и мы желаем ею пользоваться на общинном праве владения и в тех взаимных отношениях, при каких издревле жили мы, кабардинцы, по нашим народным обычаям»[106].

Содержание Акта искажало действительный характер поземельных отношений, существовавших в феодальной Кабарде. Произвольное распоряжение кабардинскими землями, осуществлявшейся царскими властями предшествующие 100 лет, получило формальное юридическое обоснование. Кабардинские доверенные были дезориентированы обещаниями сохранить прежние обычаи и традиционные межсословные отношения, плохо представляя себе юридические последствия этого Акта. По-видимому, под «об-

щинным правом владения» они понимали те формы общинного землепользования, которые существовали в рамках прежней феодальной вотчины.

Юридически оградив себя от возможных притязаний кабардинских высших сословий на земельную собственность, российская администрация приобрела официальное право на беспрепятственное распоряжение земельным фондом Кабарды. Вслед за этим она начала разграничение общинных и частных землевладений, руководствуясь принципами проекта Орбелиани.

Но в Балкарии объявить землю общинной не удалось, несмотря на то, что начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов при активном участии Кодзокова делал попытки склонить балкарцев к принятию такого решения. Он вызвал представителей таубиев к себе во Владикавказ и убеждал признать балкарские земли общинными, но таубии решительно отказались[107].

Поэтому земельная реформа в Балкарии пошла другим путем. Ее решено было начать с определения границы между Кабардой и горскими обществами. Население Балкарского, Безенгиевского, Хуламского, Чегемского и Урусбиевского обществ, ссылаясь на сложные климатические условия Нагорной полосы Терской области и единственный источник своего благосостояния – скотоводство, постоянно обращалось к кавказской администрации с просьбой предоставить ему возможность весной и осенью беспрепятственно пасти скот на более низких пастбищных местах по долинам рек Баксана, Чегема и Черека. Кабардинцы, владея этими пастбищами, оставляли за собой право не допускать выгона стад горских обществ, что вызывало столкновения и нескончаемые споры. Возникшие противоречия российская администрация стремилась разрешить на основе компромиссов, в которых она играла роль посредника.

Все дела комиссия вела в тесном контакте с населением, решения принимались после длительных консультаций с представителями северокавказских народов. Уже в августе 1863 года Д.С. Кодзоков сделал попытку ослабить земельный кризис в Балкарии и для смягчения существующих противоречий пригласил доверенных от заинтересованных сторон в аул майора Туганова. Но при полном разногласии показаний депутатов от кабардинцев и балкарцев относительно права владения и пользования спорными землями и при отсутствии письменных документов, определяющих границу, комиссия не смогла провести бесспорную пограничную линию. Кабардинцы определяли ее «по своим поселениям и старым могилам», а балкарцы готовы были присягнуть в том, «что они землями ниже кабардинских поселений и аулов владели до пришествия в край кабардинцев и пользовались ими в последнее время без платы и границ с Кабардой не имели». Тем не менее, председателю удалось склонить споривших предоставить самой комиссии право проведения границы, которая удовлетворяла бы обе стороны. О согласии на такое решение дела доверенные от балкарских обществ заявили формальной подпиской и просили принять во внимание, что без предостав-

ления земли на плоскости они лишатся возможности сохранить свое скотоводство[108].

Комиссия по разбору личных и поземельных прав, убедившись на деле в крайне стесненном положении горских обществ, сочла возможным для развития скотоводства предоставить им в свободное пользование часть пастбищных мест по долинам рек (до 40 тысяч десятин) и предложила отодвинуть условную границу кабардинских земель, а взамен укрепить за Кабардой участки, лежащие по Золке и Этоке, а также занятые кордонными войсками между реками Малкой, Кич-Малкой и Эшкаконом. С этими предложениями комиссии Кодзокова и приложенной к ним картой командующий Кавказской армией вышел к Военному министру с докладом от 13 апреля 1864 года[109].

В высших государственных учреждениях России предложения о ходе земельной реформы были утверждены, и относительно Балкарии действующей комиссии было дано распоряжение: в присутствии депутатов со стороны кабардинцев и каждого из горских обществ приступить к проведению в натуре и съемке пограничной линии[110].

8 января 1865 года в слободе Нальчик был созван сбор доверенных всех сословий и старшин аулов Кабарды и Горских обществ. Начальник Терской области Лорис-Меликов лично объявил собравшимся о проведении границы между горскими обществами и Кабардой весной текущего года. В распоряжение комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области было командировано 30 депутатов, 16 из них – балкарцы. Давая пояснение такому обширному представительству горцев, начальник Кабардинского округа отмечал, что в Балкарском и Чегемском обществах «дворянство делится на несколько фамилий, и поэтому от каждой фамилии избраны особые представители и независимо от сего от черного народа (каракиши)»[111].

Однако в ходе практической реализации предложенного проекта и дальнейшего изучения вопроса Кодзоков столкнулся с определенными трудностями. Во-первых, балкарские депутаты, обязанные присутствовать при проведении пограничной черты, под разными предлогами всячески от этого уклонялись, опасаясь, что прибавка земли будет недостаточной для развития скотоводства[112]. Во-вторых, некоторые жители стали предъявлять председателю комиссии свои права на владение участками земли и обещали представить документы, подтверждающие эти права собственности[113]. В-третьих, оказалось, что предложенные изменения границы не удовлетворяют потребности балкарских обществ в осенних и весенних пастбищах, «потому что смежные с землями горских обществ кабардинские земли, из которых предполагалось отделить названным обществам необходимое количество пастбищ, служа продолжением ущелий, занятых горскими обществами, во многих местах покрыты сплошным лесом и вообще подвержены сильным холодам, через что неудобны для осенней и весенней пастьбы стад,

Слобода Нальчик

в чем главным образом и нуждаются жители названных обществ, имея достаточное количество летних пастбищ в районе своих земель»[114].

С целью разрешения возникших трудностей Комиссия по правам личным и поземельным туземцев Терской области проделала большую работу по сбору сведений о составе земель и земельных отношениях в горских обществах. Об этом свидетельствуют обстоятельные доклады, представленные в Кабардинский отдел комиссии от ее членов, которым было поручено обследование Хуламского, Безенгиевского, Чегемского, Баксанского и Балкарского обществ. Кроме сведений, показанных под присягой выбранными из всех сословий «почетными людьми», члены комиссии на основе собственных обследований включили в свои рапорты подробнейшие обзоры земельных участков в горских обществах, указывая их названия, характер угодий, примерные размеры и форму собственности[115].

В 1865–1866 гг. было проведено укрупнение селений: сгруппирование 116-ти небольших аулов Большой и Малой Кабарды в 39 населенных пунктов. 300 тыс. десятин земли было распределено между новыми селениями и передано в распоряжение их жителей на общинном праве[116]. Укрупнение селений в Кабарде лишь в незначительной степени коснулось балкарского населения. С одной стороны, горцы, живущие по Хасауту и верховьям Малки, должны были либо вернуться в свои общества, либо образовать один общий Хасаутский аул, «где издавна и постоянно бывало многочисленное и богатое хозяйство и население». При этом они должны были подчиниться тем условиям, которые распространялись на кабардинцев, т.е. пользоваться землей на общинном праве. С другой стороны, аул Кобан, состоящий на по-

ловину из дигорцев и балкарцев, решено было расселить, его жителям было приказано возвратиться в свои общества[117].

С 1866 г. члены сельских обществ были обложены подымной поземельной податью, размер которой в Кабарде составлял 5 руб. Тогда же окружной отдел Терской сословно-поземельной комиссии наделил 199 аристократических семейств Кабарды участками размером от 100 до 1500 десятин в частную собственность. В течение 1870–1879 гг. дополнительно 60 местных уроженцев, отличившихся на государственной службе, стали собственниками земельных участков. Всего в ходе земельной реформы за кабардинскими князьями и дворянами была закреплена 121 тыс. десятин. В 1879 г. по представлению Кавказской администрации 33 семьи таубиев «за заслуги перед правительством» получили 7550 дес. земли в частную собственность «из свободной части Эшкаконского участка, между рр. Кумой и Подкумком»[118].

Помимо этого, несколько тыс. десятин в Кабардинском округе было отрезано в частное пользование некоторым военным чиновникам округа, под организацию транспортной и полицейской инфраструктуры, а также передано осетинским, казачьим и немецким поселениям.

К 1868 г. был разработан проект поземельного устройства, в котором в частности предполагалось оставить в нераздельном бесплатном пользовании всего населения Большой Кабарды и Горских обществ пастбищные земли в количестве 225840 десятин. А для наделения безземельных жителей Балкарии отвести 4000 десятин земли. Относительно поземельного устройства балкарских общин было предложено закрепить за ними все земли, которыми они до того времени пользовались и границы которых достоверно известны. Кроме того, вследствие крайнего недостатка весенних и осенних пастбищ в порядке временной меры предложено разрешить горцам пасти скот на общественных землях Большой Кабарды, не вошедших в районы аульных дач и наделов частных собственников[119].

В журнале Кавказского Комитета от 28 декабря 1869 года о распределении земель Большой Кабарды было постановлено: для водворения образовавшихся в соседних с Кабардой Горских обществах безземельных крестьян предназначить четыре тысячи десятин земли. Определение наделов предоставлялось на усмотрение Главнокомандующего Кавказской армией. Во исполнение этого начальник Терской области 30 октября 1877 года в рапорте по межевой части докладывал в Главное управление Наместника Кавказского об образовании двух селений для малоземельных и безземельных жителей пяти горских обществ Нальчикского округа: одного при урочище «Кашкатау» с наделом в 800 десятин, другого при урочище «Гунделен» с наделом в 3200 десятин и с поселением в сел. Кашкатау 72 дворов безземельных, а в селении Гунделен – 246 дворов[120].

Порядок пользования запасными пастбищными землями «сообразно местным условиям и нуждам как кабардинцев, так и сопредельных с ними

горских обществ» определялся главнокомандующим. Законодательное оформление этих правил растянулось более чем на 20 лет.

Проведенные реформы несколько изменили поземельное устройство Балкарии. Работы комиссий, ведавших размежеванием земель между частными лицами, фамилиями и обществами, продолжались вплоть до начала XX в. Всем земельным собственникам было предложено к определенному сроку представить в горский словесный суд документы, удостоверяющие их право владения участками.

Но, как правило, письменные акты такого рода отсутствовали, и в качестве доказательства оснований иска на земельные участки выдвигалась клятва давности владения. Подобная практика вела к огромному количеству злоупотреблений и узурпации общинных земель. По этому поводу землемер Н.П. Тульчинский высказался следующим образом: «Нет надобности подробно останавливаться на фактах захватов отдельными лицами общественной земли – захватов, покоящихся, так сказать, на льготной почве, так как они совершались в наше время через посредство горского словесного суда, с одной стороны, путем купли и продажи таких земель, которые на основании акта 20 августа 1863 г. не составляли частного владения, и с другой стороны, путем судебных процессов, своеобразно решаемых»[121].

315 тыс. десятин т.н. «запасных» кабардинских земель, включающих Зольские и Нагорные пастбища, а также лесные участки и поляны в предгорьях, оставались собственностью казны и были предоставлены во временное пользование кабардинцев и балкарцев. Преобразования в землепользовании этими важнейшими сельхозугодьями продолжались до начала XX в.

В результате земельной реформы 60-х гг. XIX в. Кавказская администрация предоставила Зольские и Нагорные пастбища в совместное пользование Кабарды и пяти горских обществ. Распределением пастбищных участков занимались уже не кабардинские князья, а совместная комиссия из доверенных с обеих сторон, действовавшая под контролем царской администрации. Тогда же, по настоянию Терской сословно-поземельной комиссии было прекращено взимание платы за пастьбу овец на летних пастбищах как несовместимой с общинным правом владения[122].

Некогда иерархическая система распределения пастбищных угодий была ликвидирована, а все местные общества оказались равными субъектами пользования землей, фактическим собственником и распорядителем которой стало государство. Формируется новая традиция поземельных отношений, которая опиралась уже не иерархический характер, обусловленный географической оппозицией равнина (Кабарда) – горы (балкарские общества), а на совместное использование земельного пространства предгорных и альпийских пастбищ и лесов, с чем впоследствии с определенным сопротивлением мирились кабардинцы и чего последовательно стали добиваться горские общества.

Примерный порядок пользования пастбищами, выработанный в период земельной реформы, был закреплен в 1879 г. комиссией из кабардинских и балкарских доверенных[123]. На его основании в 60–80-х гг. XIX в. доступ к пастбищам получал каждый, имевший лошадей, коров или овец, и заплативший определенную поголовную плату в Кабардинскую общественную сумму[124].

Параллельно продолжилось перераспределение пастбищных угодий административным порядком. В 1879 г. по указу Кавказского наместника из Нагорных пастбищ было выделено в пользование балкарским обществам более 43 тыс. десятин[125]. В том же году был составлен проект распределения между жителями Большой и Малой Кабарды Зольских пастбищных земель, но когда в 1881 г. приступили к межеванию угодий, начались «пререкания по определению границ между кабардинскими депутатами, с одной стороны, частными лицами – с другой, и Пятью горскими обществами – с третьей». Границы же между горскими обществами и пастбищами были согласованы только 19 мая 1884 г.[126] Тогда же начались дискуссии по поводу экономической обоснованности нового распределения пастбищ. Причем, если кабардинские доверенные апеллировали главным образом к исторически прошлому представлению о распределении пастбищ, то представители балкарских обществ аргументировали действующими потребностями их хозяйственного развития[127].

После длительного процесса обсуждения и утверждения новых пастбищных правил, 21 мая 1889 г. Зольские и Нагорные пастбища были «дарованы» Александром III в «вечное пользование» жителям Кабарды и Горских обществ, «пока население будет вести себя как приличествует верноподданным»[128]. Тем самым были подтверждены две земельные традиции, сформированные царской администрацией: обусловленность пользования пастбищами лояльностью российской власти, и ставшее фактическим общинное равноправие в пастбищном землепользовании кабардинских и балкарских скотоводов и коневодов.

Пастбища распределялись между пятью «фамильными» группами кабардинских сельских обществ, а также пятью балкарскими обществами и тремя селениями – Хасаут, Абуковское и Гунделен пропорционально количеству дворов. Впоследствии представители русской администрации потом неоднократно напоминали, что «запасные пастбищные земли… предоставлены кабардинскому населению и сопредельным с ними пяти горских обществам не в собственность, а в условное пользование, и что распределение этих земель между населением, согласно его нужде, может, от времени до времени, подвергаться изменению». Также признавалось «крайне неудобным производить формальное размежевание участков, предоставленных в пользование той или другой группы»[129].

В январе 1890 г. новые пастбищные правила были утверждены главноначальствующим гражданской частью на Кавказе князем А.М. Дондуко-

вым-Корсаковым, а впоследствии с небольшими изменениями опубликованы в собрании узаконений и распоряжений правительства[130]. Тем самым документ, разработанный Съездом доверенных, приобрел силу закона Российской империи. Аналогичный статус приобретали и последующие правила пастбищного землепользования.

С утверждением государства в качестве верховного распорядителя земельного фонда, представители местных этнических сообществ стали предпринимать попытки дальнейшего перераспределения земельных угодий. Появившаяся возможность поземельной эмансипации актуализировала в этническом сознании земельный вопрос в соответствии с современными социально-экономическими нуждами, но аргументация его пространственных характеристик апеллировала к более или менее далекому прошлому. У кабардинцев – до прихода российской администрации и начала перераспределения земли с пришлым населением (казаками, крестьянством, военными поселениями и т.п.). У балкарцев же – до прихода кабардинцев на современную территорию проживания.

Особую сложность земельной реформе в Кабардинском округе придавало то обстоятельство, что историческая память кабардинцев и балкарцев несла в себе отдельные, существенно разнящиеся как в пространственном измерении, так и в его аргументации, представления о земельных правах. Причем, до межевых работ, осуществленных в ходе проведения земельных реформ середины XIX в., письменные документы, подтверждавшие права землевладения и землепользования, у сторон отсутствовали. Кроме того, в практике землепользования конца XIX – начала XX в. наблюдаются апелляции к нововведениям уже пореформенного периода, юридически отменявшим именно тот образ землепользования, который сохранял в исторической памяти кабардинцев значительно более обширные пространства жизнедеятельности.

В пореформенный период в смежных территориях землепользования (главным образом пастбищах и лесах), известных в документах под названием «Кабардинские общественные земли», номинация «кабардинские», также как и распределение пастбищ между кабардинскими обществами на пять групп по княжеским фамилиям (Атажукинской, Мисостовской, Бекмурзинской, Кайтукинской и Таусултановской[131]) были прежде всего данью традиции, ретроспективно поддерживаемой исторической памятью. Однако память, как аргумент в обосновании фактического пространства землепользования недостаточно устраивала представителей Кавказской администрации. Не удивительно, что в середине 1880-х гг. апелляция кабардинцев к историческим параметрам землевладения и землепользования вызвала следующее заключение: «вопрос о том, что составляло прежде территорию Кабарды, может иметь только историческое значение, и, на основании прежней принадлежности, не могут быть одним лишь административным распоряжением возвращаемы кабардинцам оставшиеся вне их надела земли»[132].

В этих условиях кабардинские представители все чаще прибегают к административным средствам защиты уже того пространства землепользования, которое было им определено реформами 1860–1870-х гг. Характерным проявлением этого стала ситуация с распоряжением «излишними» пастбищами. Согласно пункту 2 Правил 1890 г. они должны были предоставляться за минимальную плату в пользование «нуждающимся коневодам и скотоводам из кабардинцев и горцев»[133]. В начале XX в., с принятием в 1905–1907 гг. новой редакции правил пользования пастбищами, более явственно обозначились разночтения в понимании тех норм, которые значились в правилах пастбищного землепользования. В 1908 г. отвергая притязания горцев на «излишние» пастбища, присяжный доверенный, кабардинец М.-Г. Шипшев объяснял отказ кабардинских доверенных следующим: «так называемые Зольские и горные пастбища представляли испокон веков собственность кабардинского народа, и именно *Большой Кабарды, и пять горских обществ никаких прав на них не имели* почти до высочайшего повеления от 21 мая 1889 года (подчеркнуто в источнике. – *Ред.*)»[134]. В этот день произошло символическое «Высочайшее дарование» Зольских и Нагорных пастбищ в «постоянное и неотъемлемое пользование» кабардинцев и сопредельных с ними пяти горских обществ. Тем не менее, кабардинцы продолжали мыслить себя распорядителями пастбищ, даже после того, как горским обществам были выделены определенные участки. За их исключением, все остальное пространство осознавалось кабардинским, распоряжаться которым должны представители кабардинского народа (через доверенных, поземельных депутатов, от которых земля предоставлялась в пользование скотоводов и коневодов, арендаторов и даже субарендаторов). Есть основание считать, что такое представление поддерживалось и представителями царской администрации. Так, например, в 1909 г. начальник Нальчикского округа отверг очередные притязания балкарских доверенных, посчитав, что их потребности в пастбищных угодьях уже были достаточно удовлетворены[135].

В 1912 г. Правила пользования пастбищами были вновь пересмотрены. Лучшую часть Зольских равнинных пастбищ разделили на хуторные участки, которые «стали сдаваться в аренду на 12 лет крепким кабардинским и горским хозяйствам, главным образом в интересах коневодства»[136]. Наиболее удобные Горные пастбища на аналогичных условиях предназначили для «поддержания крупного и среднего скотоводства во всех его видах»[137]. Остальные были распределены между сельскими обществами пропорционально количеству дворов в каждом из них.

Примечательно, что противоречия между кабардинцами и балкарцами вокруг пастбищ носили конкретно-хозяйственный характер или ограничивались дискуссиями на Съезде доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, но не приводили к серьезным межэтническим инцидентам. В то же время представление об «общенародности» пастбищ оказалось на-

столько значимым, что покушение на него со стороны уже кабардинских коннозаводчиков вызвало Зольское восстание 1913 г. В ходе этого крупнейшего социального конфликта восставшие заявляли, что «пастбищные земли являются достоянием всего кабардинского народа, что «Новые правила» лишили все население лучшей части пастбищной земли, чем причинили огромный ущерб скотоводству и овцеводству, что вновь отведенные им участки неудобны и значительно меньше прежних и что они хотят пользоваться землями на одинаковых правах с коннозаводчиками»[138]. Идеологической мотивацией этого конфликта стало острое противоречие между исторической памятью, сохранявшей образный стереотип общедоступности Зольских пастбищ для всех категорий скотоводов и коневодов, и юридически оформленной новыми Правилами 1912 г. социально-экономической действительностью, в которой эти пастбища были изъяты из оборота общедоступного хозяйственного оборота в пользу крупных коннозаводчиков.

Закрепив за собой право распоряжаться главным средством производства, Кавказская администрация активизировала подготовку к отмене крепостного права.

Освобождение зависимых сословий на Кавказе имело много общего с крестьянской реформой 1861 г., проводившейся в центральных российских губерниях, и было нацелено на унификацию социально-экономического строя. Но на Северном Кавказе не было внутренних причин для осуществления сословной реформы. Местные традиционные общества обладали достаточным запасом прочности и демонстрировали органичное единство сословий, несмотря на имевшиеся социальные напряжения. Однако существование «рабского сословия» у северокавказских горцев вступило в противоречие с начавшейся либерализацией общественно-политической жизни России и потребовало имперской инициативы для решения сословного вопроса. Принципы компромисса и посредничества, использованные российской администрацией в ходе земельной реформы в регионе, были применены и при освобождении зависимых сословий.

Проведению крестьянской реформы предшествовала огромная подготовительная работа. С 40-х до середины 60-х гг. XIX века действовало множество сменяющих друг друга комитетов и комиссий по выяснению сословных прав и обязанностей горского населения[139]. Например, в созданный еще в 1857 г. во Владикавказе «Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев Левого фланга Кавказской линии» было представлено по два депутата (из владельцев и «черного народа») от каждого балкарского общества[140]. А в 1860 г. член комитета по разбору личных и поземельных прав туземцев Военно-Осетинского округа Корнеев докладывал председателю М.А. Кундухову о сборе сведений в Балкарии по специальной программе. Избранные от таубиев Шаулох Жанхотов, Кучук Барасбиев, Исса Шахманов, а от простого сословия Хацеп Гушимов и Дока Докубаев под присягой давали показания, раскрыва-

ющие суть сословных отношений[141]. В 1861 году открыл свои действия Комитет для разбора личных и поземельных прав жителей Кабардинского округа. Но деятельность разрозненных комитетов и комиссий была признана неэффективной, поэтому в мае 1863 г. частные комитеты были заменены Комиссией по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области, которая в августе того же года приступила к работе. Вклад комиссии Кодзокова в решение сословного вопроса был весьма значительным. Ее отделам был поручен сбор сведений о повинностях крестьян различных категорий. В балкарских обществах комиссия выделила четыре разряда зависимых сословий: 1) каракиши, 2) ясакчи, 3) чагары и 4) казаки и караваши. В представленных материалах до мельчайших подробностей были зафиксированы различные виды платежей и работ в пользу владельцев. В примечании даже указывалось, что чагары в Урусбиевском обществе отбывают повинности своим владельцам одинаковые, а в Чегемском обществе – с некоторыми различиями, в зависимости от принадлежности к той или иной владельческой фамилии[142]. В Кавказском Горском управлении все зависимые сословия были подведены под три основные категории. Каракиши были выделены в особую правовую категорию лично свободных, они находились в административной зависимости от таубиев. Ясакчи и чагары отнесены к когорте так называемых обрядных холопов, или холопов с правами. Принадлежавшие к этим сословиям, оставаясь в личной зависимости от владельцев, несли им повинности в строго установленном обычаем размере. И, наконец, третью категорию составляли «безобрядные холопы» – казаки и караваши, в отношении которых обычай не устанавливал никаких прав, ограждающих их личность, предоставив их полной власти хозяев[143]. Из 9108 жителей Горского участка – 363 являлись таубиями (около 4 %), 4722 – каракишами (51,8 %), 2987 человек (32,8 %) были отнесены к категории обрядных холопов и 1036 (11,4 %) – к категории безобрядных[144]. Эти данные незначительно отличаются от сведений, приводимых в ведомостях о фактически освобожденных в горских обществах.

М. Ковалевский со слов Измаила Мирзакуловича Урусбиева записал в своем дневнике, что «освобождение крестьян в 1865 г. началось с Урусбиевского аула, по примеру которого Лорис-Меликов предложить изволил начала реформы: выкуп происходит под условием уплаты за семью кула 200 рублей в пять лет. Земли освобожденные не получают»[145]. Однако это сообщение не находит подтверждение в других источниках.

Для осуществления крестьянской реформы на Северном Кавказе была создана целая система государственных учреждений. Все действия координировал образованный весной 1866 г. при наместнике Кавказа Особый комитет по крестьянским делам под председательством генерал-адъютанта А.Г. Карцева[146].

Источники сообщают о всеобщем общественном возбуждении, достигшем своего пика в 1866 г. С одной стороны, ограничение таубиев относи-

тельно купли и продажи холопов, постоянные заявления о невозможности оставить зависимых крестьян у владельцев при состоявшейся уже отмене крепостного права в России – все это, – как писал начальник Терской области, – «мало-помалу вселяло в класс владельцев убеждение в неизбежности решения этого вопроса и для туземцев Северного Кавказа». С другой стороны, «и сами холопья не могли оставаться равнодушными и, подстрекаемые доходившими до них вестями о даровании крестьянам свободы, глухо волновались, протестуя против существующего порядка вещей учащенными случаями неповиновения владельцам»[147].

31 июля 1866 г. была запрещена продажа крепостных крестьян. Намерение властей вызвало серьезное беспокойство среди владельцев. Большинство из них, оценив бесперспективность сопротивления реформе, согласились предоставить свободу крепостным крестьянам на основе их добровольных соглашений с владельцами за гарантированный выкуп [148]. Под давлением внешних обстоятельств кабардинские и балкарские владельцы пошли навстречу правительственной инициативе и в докладной записке Начальнику Терской области от 8 августа 1866 года высказали свои пред целью аргументации они, в частности, отмечали, что «холопское и зависимое сословие в Кабарде, Большой и Малой, и *в соседних горских обществах*, гораздо многочисленней и в видах своих разнообразней, чем во всех других округах». Обычай, установившийся у них веками, «определяет ясно права владельцев и обязанности зависимых». Между ними «принят один вид освобождения: выкуп, подробности которого указываются народным нашим обычаем, выкупившиеся холопы получают название вольноотпущенников со свойственными их сословию правами…»[149]. Поэтому владельцы просили предоставить им возможность в течение от одного до двух лет самим освобождать своих холопов путем добровольных с ними соглашений на основе обычая. А в случае невозможности достижения такового, они обязывались через своих выборных и выборных от холопов определить нормы обязательного выкупа. Что касается дворовой прислуги, то для них владельцы просили определить более продолжительный срок выкупа – от 6 до 8 лет. Среди 52 выборных, подписавших этот документ, от имени горских обществ выступили три балкарских владельца – Кайсын Суншев, Мусса Барасбиев, Исмаил Момошев[150].

Докладная записка выборных Большой, Малой Кабарды и горских обществ от 8 августа 1866 г. явилась основой для освобождения зависимых сословий как в Кабарде, так и в балкарских обществах. Таким образом, компромисс был найден. Освобождение должно было состояться на основе добровольных соглашений, в основание которых легли нормы обычного права, предусматривавшие определенные размеры вознаграждения при продаже зависимых и рабов.

Размер выкупной платы для трудоспособного крестьянина составил 200 рублей. Несовершеннолетние (до 15 лет) освобождались с уплатой пре-

дельного выкупа – 150 рублей (из расчета 10 рублей за каждый год возраста). При освобождении владелец получал половину или две трети крестьянского имущества, сакля и домашняя утварь оставалась за крестьянами. Если крестьянин не мог внести свой выкуп сразу, он оставался во «временнообязанном» состоянии в течение шести лет. Годовой труд мужчин оценивался в размере от 35 до 70 рублей, а женщин – от 25 до 40 руб. Специальные статьи Правил о безобрядных холопах предусматривали их обязательную работу в хозяйстве владельцев в течение шести лет[151].

Н.Ф. Грабовский уточнил, что эти правила применялись при освобождении кабардинских холопов, а в балкарских обществах «при добровольных соглашениях горских холопов со своими владельцами, были приняты следующие условия: движимое имущество холопов делилось на три части (а земля, сакли и прочие постройки – пополам), из которых две поступали в пользу владельца, и в таком случае холоп освобождался без денежного выкупа, или из имущества, в том числе и земли, выделялась владельцу часть, соответствовавшая, по оценке, выкупной плате за семейство, и потом остальное имущество делилось на две части: одна поступала владельцу, а другая оставалась холопу. Менее состоятельные отдавали свое имущество и обязывались оставаться еще в обязательной работе, смотря по количеству причитавшихся с них денег… Людям же,…совсем неимущим назначалась выкупная плата, по оценке, не превышавшая 200 рублей за душу. Эту плату холопы обязывались отработать владельцу до 6 лет включительно, причем годовой труд оценен от 10 до 50 рублей, сообразно возрасту и здоровью освобождавшихся. Изъятием из этих правил было сословие ясакчей, живущие только исключительно в Балкарии (одно из горских обществ): им владельцы оставляли все имущество, назначив прямо выкуп от 90 до 450 рублей за семейство; последний срок уплаты выкупной суммы был назначен ясакчам в декабре месяце 1867 года»[152].

И хотя в предписании Главнокомандующего Кавказской армией от 1 октября 1866 г. начальнику Терской области указывалось «при утверждении условий по добровольным соглашениям между владельцами и крестьянами в горских обществах Кабарды надлежит иметь ввиду, чтобы освобождаемые крестьяне не остались без обеспечения поземельного надела»[153], именно осуществление крестьянской реформы привело к образованию в горских обществах огромного отряда безземельных. Решение вопроса об обеспечении их землей Лорис-Меликов увязывал с проведением границы между Кабардой и Горскими обществами: «тогда соразмерно потребности будет отделен особый участок, из числа проектированных к прирезке от 35 т. до 40 т. десятин»[154].

В Кабарде был создан окружной комитет, в состав которого входили выборные от владельцев, холопов и члены Кабардинского окружного суда. Этот комитет приступил к работе осенью 1866 г. и обязан был заниматься вопросами «выкупных платежей по имуществу обрядных холопов, обеспече-

ния быта бесправных холопов и установления порядка приведения выкупа сделок Комитета по приведению их в действие…». Одновременно с Окружным комитетом были созданы посреднические суды при участковых начальниках, которые «обязаны были следить за точным исполнением правил и решать возникавшие недоразумения между или несогласия между владельцами и холопами при освобождении последних и исполнении обязательных ими условий»[155]. В Кабарде было организовано четыре посреднических суда: по количеству участков. Таким образом, проведение сословной реформы в балкарских обществах непосредственно курировал посреднический суд Горского участка, в который входили: начальник участка, один депутат Окружного народного суда и по два депутата от владельцев и холопов[156]. Посреднические суды должны были «принять деятельное участие к соглашению владельцев на уступки в пользу освобожденных в той мере насколько признается возможным», холопам выдавать акты условий освобождения, написанные на арабском языке в 2-х экземплярах с объяснением в подробности условий, на которых холопы освобождаются[157].

Условия освобождения несколько отличались в отдельных обществах. Так, в Урусбиевском обществе чагары получали одну треть земли и имущества с уплатой уменьшенной выкупной суммы; в Чегемском – одну треть земли и половину имущества со взносом уменьшенного выкупа; в Хуламском и Безенгиевском – одну треть земли и имущества без выкупной платы; в Балкарском – половину земли, одну треть имущества без выкупной платы, малолетние и старцы освобождались бесплатно[158].

Проведение реформы вызвало в Балкарии социальную напряженность. В ноябре 1866 г., еще до официального объявления освобождения зависимых сословий, 120 семей Балкарского общества, минуя местную власть, обратились с прошением к главнокомандующему Кавказской армией с прошением: «таубии… требуют, чтобы мы все свое достояние отдали им, а местное начальство… требует, что для окончательного избавления от помещиков мы должны отдать им из всего нашего имущества две части, а при себе оставить только одну часть»[159]. В ответ начальник округа признал доверенных «злонамеренными людьми» и арестовал их.

18 ноября 1866 года начальник Терской области Лорис-Меликов официально предписал начальнику Кабардинского округа «приступить к освобождению холопов посредством полюбовных сделок между ними и владельцами соглашений»[160]. По данным Н.Ф. Грабовского, «горские же холопы освободились все до этого срока»[161].

14 марта 1867 г. начальник Кабардинского округа уже докладывал о том, что «освобождение холопьев во вверенном округе окончено». По данным Н.Ф. Грабовского, из 21 221 представителей зависимых сословий Кабардинского округа было освобождено бесплатно 1238 человек. За выкуп с рассрочкой до шести лет – 9044[162]. Результаты реформы по Горскому участку, в составе ко-

торого находились все балкарские общества, сводились к следующему. Было освобождено 3336 обрядных крестьян, из них за выкуп – 2799, с оставлением в обязательной работе – 452, бесплатно – 85 чел. (56 – для спасения души + 29 – за увечьем); был освобожден 871 безобрядных холоп, из них за выкуп – 40, с оставлением в обязательной работе – 776, бесплатно – 55 человек (все – для спасения души). Таким образом, всего было освобождено 4207 человек[163].

4722 каракишей освобождено на совершенно иных основаниях. «Так как зависимость каракишей в горских обществах была, – по определению начальника округа, – чисто административной, совсем не то, что зависимость других сословий», то при освобождении крепостных начальник Кабардинского округа Нурид сам решил вопрос о каракишах: он «освободил их без всяких условий, о чем и выдал тогда же установленные свидетельства»[164].

Освобождение предоставило зависимым сословиям «однообразные права со всем свободным населением Кабарды»[165]. Формально устанавливалось равенство бывших владельцев и зависимых крестьян в поземельных, административных и прочих отношений. В целом же, отмена крепостного права, в комплексе с ликвидацией вотчинной системы, феодального землевладения, и, наконец, так и не произошедшим утверждением российским правительством прав потомственного дворянства за кабардинской знатью[166], лишили последнюю традиционных атрибутов привилегированности в сравнении с крестьянским населением. Вместе с тем ускорились процессы социальной деградации как владельческого слоя, так и бывших крепостных, о чем еще накануне реформы предупреждал М.Т. Лорис-Меликов[167]. Одним из последствий освобождения стало обнищание многих бывших крепостных крестьян, обернувшееся ростом воровства[168].

Временнообязанных крестьян на 8 лет освобождали от взноса казенных повинностей[169]. Несмотря на это, многие из освобождаемых намеренно избегали отрабатывать выкуп, выказывая неприкрытое пренебрежение своими материальными обязательствами перед бывшими владельцами[170]. В заключении кабардинского отдела Терской сословно-поземельной комиссии сообщалось: «Освобожденные холопы за свою свободу отказываются давать бывшим своим господам какое-либо вознаграждение. Продолжая занимать прежние свои помещения не дают владельцам возможности поместить близ себя вольнонаемных рабочих. Отказываются от всякого повиновения владельцам, и домашний скот, а также движимое свое имущество считают своей собственностью, вопреки обычая, существующего между кавказскими инородцами. Бывшие владельцы холопов, застигнутые врасплох реформою, затрудняются обязательный труд заменить вольнонаемным и лишась своих крепостных, без всякого вознаграждения, считают себя несправедливо обиженными правительством»[171]. Отвечая на просьбы кабардинских владельцев, в письме начальнику Кабардинского округа А. Нуриду начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов писал: «Везу с собой в Тифлис пись-

менное ходатайство об ассигновании в распоряжение мое 40 000 рублей для вспомоществования тем из беднейших владельцев, которые с освобождением холопов подверглись слишком резким лишениям»[172]. При этом рекомендовалось выплачивать пособия «особенно теряющим владельцам» в размере от 100 до 150 руб.

Без содействия царских властей бывших крепостных невозможно было принудить к выполнению условий выкупной сделки. И здесь вновь в качестве наиболее действенной силы проявляли себя русские власти, которые различными средствами оказывали давление на временнообязанных крестьян. В отношении самых нерадивых применялись совсем уж нетрадиционные меры: направление на казенные работы (например, на сооружение горных дорог), а из полученных ими денег уплачивали задолженность перед владельцем[173]. В селениях Малой Кабарды из 65-ти семей временнообязанных должников 35 не вносили выкупную сумму из-за собственной лености и небрежности, а потому находились на контроле у полицейских властей[174].

Из более 21 тыс. представителей зависимых сословий в Кабардинском округе 288 остались во временнообязанной работе[175]. За период до 6-ти лет они должны были оплатить свое освобождение деньгами или возместить трудом. Даже если по истечении срока к ноябрю 1872 г. выкупная плата не была внесена владельцу, все временнообязанные отношения прекращались, крепостной официально приобретал статус свободного крестьянина, а его долг подлежал взысканию в обычном судебном порядке[176]. Для некоторых владельцев этот процесс растянулся на десятки лет[177]. В январе 1867 г. более 200 кабардинских князей, дворян и представителей духовенства организовали собрание в районе Шалушки, где единодушно выступили с намерением воспрепятствовать освобождению крепостных, а в случае неудачи переселиться вместе с подвластными в Турцию. Затем они разъехались по своим населенным пунктам и в короткое время волнения охватили свыше 30-ти аулов, но не приняли вооруженного характера. В условиях крайнего обострения ситуации в Нальчик прибыл начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, который отдал приказ ввести в Кабарду регулярные армейские части. Лишь под угрозой применения военной силы предводители акции неповиновения сдались властям, а их сторонники разошлись по аулам. Виновных подвергли аресту, главных зачинщиков выслали в центральные российские губернии, а с нескольких десятков кабардинских аулов были взысканы крупные денежные штрафы.

Упразднение феодального землевладения, освобождение зависимых сословий, территориальная реорганизация традиционных кабардинских селений и учреждение институтов общинного самоуправления повлекли за собой фактическое упразднение вотчины. Укрупненные населенные пункты получили официальное название сельских обществ, ставших первичными ячейками административной системы империи. Принципы организации

общественного быта в сельских обществах Кабарды и Балкарии приводятся в соответствие с моделью сельской общины, установленной крестьянской реформой 1861 г. в России, и закрепляется «Положением о сельских (аульных) обществах... Кубанской и Терской областей» 1871 г. Отныне община приобретает статус основной социальной единицы, выступает в качестве юридического лица, субъекта российского административного законодательства, обладающего комплексом прав и обязанностей, а на ее жителей возлагалась коллективная ответственность перед государством за их осуществление.

В ходе реализации реформ 1860-х гг. царская администрации созывала сборы доверенных, своеобразные совещания с кабардинскими и балкарскими представителями, которые становятся универсальным форматом при выработке важных решений по проведению мероприятий земельной реформы, освобождению зависимых сословий и других преобразований в Кабардинском округе. Акт 20 августа 1863 г., положивший начало земельной реформе в Кабарде, подписали, как сказано в документе, «кабардинские князья, уздени, вольные люди и черный народ, *доверенные от наших аулов*, приглашенные … для обсуждения общественных наших дел»[178]. В сентябре 1866 г. при выработке положений крестьянской реформы в Нальчике был организован «общий сбор народа» в лице его представителей «по 2 человека от каждого аула уполномоченных»[179].

Сборы (съезды) доверенных как совещательный орган представителей кабардинского и балкарского общества стали одной из важнейших новаций 1860-х гг. Их деятельность оказала значительное влияние на обсуждение условий и обеспечение реализации земельных и сословных преобразований, а в дальнейшем – на социокультурное развитие кабардинцев и балкарцев до 1917 г.

Отличительной особенностью съезда доверенных являлось то, что он не был организован по чисто административному принципу. В его работе не участвовали представители русских и казачьих общин Нальчикского округа. Наименование – Съезд доверенных сельских обществ Кабарды и пяти горских обществ, – отражало не административную принадлежность съезда, а этнический состав его представительства, выходивший за рамки существовавших в определенное время административных единиц. Например, в работе Съезда доверенных, принимали участие и представители Малой Кабарды, которая с 1888 по 1905 г. входила в состав Сунженского отдела Терской области[180]. Таким образом, съезд доверенных поддерживал и воспроизводство внутриэтнических интеграционных связей. Они действовали в сфере поземельных и административно-судебных отношений, прежде всего, основанных на общности поземельных интересов.

4.3. Социокультурное развитие пореформенной Кабарды

Социально-экономическое развитие конца XIX – начала XX века показало ограниченность воздействия модернизационных процессов на традиционные общества Северного Кавказа, что объяснялось их замкнутостью, религиозной обособленностью, доминированием традиционализма и слабой восприимчивостью к социокультурным новациям.

Эти обстоятельства тормозили воздействие внешних модернизационных процессов, и, строго говоря, до начала XX века их проявления в социально-культурной жизни кабардинцев были практически незаметны. По наблюдениям современника, разрушительный характер общественных изменений не способствовал формированию новой системы ценностей[181], которая столь же органично могла бы обеспечивать относительно стабильное функционирование обществ, остававшихся сугубо традиционными. Административно-политическая система, сложившаяся в крае, дестабилизируя систему традиционных общественных институтов, окончательно их не разрушила. Поэтому во второй половине XIX – начале XX века в кабардинском обществе в несколько измененном виде продолжали действовать многие элементы традиционной, дореформенной социокультурной системы[182]. Сложность их воспроизводства состояла в том, что реформы 60–70-х годов XIX века и последующая политика царской администрации существенно изменили их привычную среду функционирования.

Определяющая роль в экономическом развитии принадлежала внешним факторам: мероприятиям Кавказской администрации и процессам модернизации в России. Одно из основных изменений в хозяйственном быту кабардинцев, как и других народов Северного Кавказа в пореформенный период, определялось фактом вовлечения их в систему всероссийского экономического развития[183]. Интенсификация хозяйственных контактов с «окружающим миром», усвоение агротехнического опыта пришлого населения, благоприятная конъюнктура развивающегося сельскохозяйственного рынка Северного Кавказа и прогресс региональной транспортной инфраструктуры в связи с вводом в эксплуатацию железной дороги Ростов–Владикавказ (1875) обусловили отраслевые сдвиги в скотоводстве и земледелии.

Традиционная культура хозяйствования приспосабливалась к новым социально-экономическим условиям и системе податного обложения, ежегодно требовавшей весомых денежных отчислений на казенные, земские и общинные нужды. В пореформенные годы началось изменение принципов организации сельского хозяйства и освоение новых форм экономической деятельности.

Результатом экономической адаптации кабардинцев к реалиям пореформенной эпохи и колониального режима стало формирование смешанных типов хозяйственной деятельности. В животноводстве, земледелии и домашних

промыслах сочетались элементы традиционализма и частного предпринимательства, что было естественно для экономики в состоянии перехода от феодальных принципов хозяйствования к товарному производству.

Изъятие всего земельного фонда Кабарды в собственность государства и последующее создание общинного и частного землевладения, упразднение вотчины и передача ее административно-хозяйственных функций общинному самоуправлению привели к становлению новых принципов хозяйствования и поземельных отношений. Среди общинников, преимущественно привилегированных, сложилась немногочисленная категория обладателей крупных скотоводческих и земледельческих хозяйств, которые арендовали (иногда – захватывали) землю у односельчан или частных владельцев, использовали вольнонаемный труд и ориентировали свою деятельность на запросы региональных рынков.

Новым элементом экономической системы стали помещичьи хозяйства. Еще в 60–70-х годах XIX века сложились определенные особенности организации хозяйственной деятельности частных землевладельцев. Первоначально начальник Кабардинского округа запрещал им селиться одиночными хуторами на отведенных участках[184]. Впоследствии многие из частных землевладельцев (в основном, князей и дворян) оставались пользователями общинных угодий. Основой их хозяйственной деятельности было коневодство, в котором использовались не столько частные, сколько общинные угодья (прежде всего пастбища), а главное, хозяйственный персонал из общественных пастухов, сторожей и т.п.

Собственно помещичьи хозяйства не играли в пореформенной экономике доминирующей роли. Это объяснялось тем, что переход кабардинских князей и дворян от вотчины к новому типу помещичьего хозяйства для большинства из них оказался чрезвычайно трудным[185]. Без рабочей силы, знаний и опыта такого хозяйствования, они не знали, как правильно распорядиться полученными землями, и поэтому вынуждены были сдавать их в аренду или продавать[186]. Кризисное состояние помещичьего землевладения и связанного с ним коневодства отмечали в конце XIX века Е. Максимов[187] и Е. Баранов[188]. К началу XX века из более чем 110 тыс. десятин от 50[189] до 80 % земель кабардинских помещиков были проданы, а свыше 70 % хозяйств разорились. Темпы этого процесса значительно опережали общероссийские, а главными покупателями помещичьих земель выступали зажиточные крестьяне[190]. Только за долги кредитным организациям и недоимки по поземельному налогу в начале XX века 122 частных владельца потеряли более 42 тыс. десятин[191].

Отмена крепостной зависимости положила начало перевороту в традиционных хозяйственных отношениях. Разделение экономических функций, при котором основные виды домашних и сельскохозяйственных работ выполняли зависимые сословия, ушло в прошлое, заставив прежних владельцев обратиться к производительному труду. В пореформенные годы расши-

рилась сфера применения вольнонаемного труда, который затронул и традиционные формы хозяйствования, основанные на принципах кооперации и взаимопомощи. Начинает складываться рынок рабочей силы. Отходники стали осваивать близлежащие области России, хотя кабардинцам и балкарцам это явление было свойственно меньше, чем осетинам[192].

Отмена крепостного права сократила число рабочих рук, находившихся в распоряжении владельцев-коннозаводчиков. Неоднократные пересмотры правил пользования пастбищными угодьями и попытки установить на Зольских и Нагорных пастбищах общинное распределение земли пропорционально количеству дворов в селениях, но не поголовья, экстенсивный характер коневодства, зависящего от обширности пастбищных угодий, не способствовали заботам о сохранении и улучшении породы лошадей. С конца XIX века наблюдается расширение социального состава лиц, занимающихся этой некогда элитарной отраслью, стал наблюдаться ее количественный прогресс, в том числе за счет появления небольших конских заводов «бывших табунщиков и даже крепостных»[193]. Развитие коневодства стимулировалось участием представителей Кабарды в региональных выставках и учреждением в 1905 году кабардинского поощрительного скакового общества[194].

Произвольное обращение царской администрации с пастбищным фондом, неоправданное изменение порядка его использования, вовлечение части угодий в субарендные спекуляции и их хищническая эксплуатация привели к необратимым нарушениям природно-хозяйственного баланса и качественному упадку традиционно-приоритетного для Кабарды коневодства. На этом фоне возросло значение товарного скотоводства и овцеводства и, особенно, возделывания зерновых культур – пшеницы и кукурузы. Критические отзывы о качестве кабардинского земледелия в основном указывали на его второстепенную роль, по сравнению со скотоводством[195]. Но, как писал в 1899 году Г. Баев: «Нужно отдать полную справедливость Кабарде: она весьма разумно воспользовалась своими пастбищами и землями, создав такое скотоводство, которое является недостижимым идеалом для почти всего сельского населения Европейской России. Они не увлеклись подобно соседям своим – казакам, осетинам и русским крестьянам-поселенцам – высокими ценами на хлеб, культурой льна и других хлебов, не выпахали хищнически свою территорию, а напротив, создали скотоводство, продукты которого не только одевают все население, но дают ему и денежный доход, так как Кабарда является поставщиком скота почти для всего Северного Кавказа»[196].

Активизация торговых связей с другими регионами России способствовала развитию торговли промышленными товарами и сельскохозяйственным инвентарем. Это вело к падению собственного кустарного производства кабардинцев и вместе с тем к определенной интенсификации земледелия[197]. Но в массе своей горское крестьянство оставалось «при прежних отсталых способах труда»[198].

В конце XIX – начале XX века торговым предпринимательством в Нальчикском округе в основном занимались русские, горские евреи и армяне. Между тем в 1894 г. «Терские ведомости» писали: «Почти в каждом ауле найдется лавочка, содержимая кабардинцем, в которой можно найти предметы первой необходимости сельского быта»[199]. А уже в 1912 г. здесь насчитывалось около 10 крупных мануфактурно-торговых предприятий с оборотом более 20 тыс. руб. каждое, которые принадлежали кабардинцам. Большинство из них располагались в пос. Муртазовском и сел. Кучмазукино[200].

Расширение сети частных торговых заведений и базаров в сельских обществах, увеличение разнообразного товарообмена с другими регионами стимулировали рыночное производство местных промыслов, связанных с переработкой продуктов животноводства, но привели в упадок некоторые виды кустарной металлообработки, не способной конкурировать с привозными фабричными изделиями. Активизация денежного обращения сопровождалась распространением ростовщичества. С начала XX века в противовес им стали создавать кредитные товарищества и сельскохозяйственные кооперативы, организационно и финансово содействовавшие развитию индивидуальных хозяйств.

В начале XX века на Северном Кавказе, как и по всей России, развивается сельская кооперация. Выход на новый уровень хозяйственных связей обозначился с формированием кооперативного движения в форме кредитных товариществ, объединявших несколько селений. Оно рассматривалось как одно из перспективных направлений хозяйственного развития, его проблемы оживленно обсуждались в региональной прессе, а в «Терских ведомостях» действовала специальная колонка «Кооперативная жизнь»[201]. В основном эти организации предоставляли кредитно-финансовую помощь в приобретении фабричных орудий труда. Ее необходимость подчеркивалась тем обстоятельством, что Кабардинская общественная сумма не использовалась для нужд сельского хозяйства[202], а местные ростовщики взимали непомерные проценты. Первое товарищество в Кабарде было создано в 1906 году в с. Ахлово. Булатовское и Атажукинское товарищества объединяли жителей нескольких сельских обществ при учредительном капитале в 90 тыс. руб. Крупнейшим было Нальчикское товарищество, куда входили 7 селений[203]. К 1917 году в Нальчикском округе их было уже 22[204].

Отмена крепостного права поставила перед традиционными обществами проблему перехода к хозяйственной системе без использования труда зависимых сословий. Вольнонаемные трудовые отношения затронули практически все сферы хозяйства – от скотоводства и земледелия до традиционных промыслов. Наибольшим спросом наемный труд пользовался у представителей привилегированных сословий. Важным нововведением конца XIX – начала XX века стало хозяйственное делопроизводство и формализация трудовых отношений, в том числе и в области найма рабочих. В годы

Первой мировой войны больше всего наемных работников было в селениях с наиболее развитым товарным земледелием[205], хотя при этом их труд нередко оплачивался не деньгами, а частью урожая[206].

Один из самых важных качественных сдвигов в культуре хозяйствования заключался в переходе от обеспечения «себя в продолжение одного года»[207] к товарному производству. К началу XX века постепенно стал приходить в упадок «патриархальный, в высокой степени оригинальный жизненный уклад этических и экономических взаимоотношений различных классов в Кабарде»[208]. Вместе с тем, постепенно адаптируясь к новым формам экономической деятельности, культура хозяйствования пореформенной Кабарды во многом сохраняла некоторые традиционные черты. Наряду с деньгами на протяжении пореформенного периода сохранялась практика использования их натуральных эквивалентов, преимущественно крупного и мелкого скота. До начала XX века в пережиточной форме продолжали действовать элементы внеэкономического принуждения, при котором в хозяйствах некоторых князей и знатных дворян на безвозмездной основе использовался труд их бывших крепостных крестьян.

В пореформенный период происходило становление новых форм социальной стратификации, которые не совпадали с сохраняющейся традиционной сословной иерархией. Важнейшим фактором формирования новой общественной структуры и индивидуальной социальной мобильности стала имущественная дифференциация, затронувшая все слои общества. Материальный успех способствовал повышению общественного авторитета многих разбогатевших крестьян. Тем не менее, подавляющее большинство кабардинцев, добившихся успехов в аграрном предпринимательстве и отмеченных наградами региональных хозяйственных выставок, были представителями привилегированных сословий. С другой стороны, процессы обнищания вели к образованию категории сельских пролетариев и деструктивно отражались на положении наименее адаптированных представителей кабардинской знати, сделав необратимым их маргинализацию, а во многих случаях и растворение в крестьянской среде.

В 1870-х годах по рекомендации Терской сословно-поземельной комиссии в правительственных учреждениях России начал рассматриваться вопрос о предоставлении высшим кабардинским сословиям (пши, тлекотлеш и диженуго) права потомственного российского дворянства. Однако после долгих обсуждений в различных инстанциях этот вопрос не получил разрешения, в отличие от представителей ряда других мусульманских народов Российской империи[209]. Тем не менее их фактический общественный статус по-прежнему оставался очень высок. В административном и судебном делопроизводстве сохранялось вошедшее в употребление после реформ 60-х годов XIX века понятие «привилегированные лица». Так обозначали членов сельских обществ из высшей аристократии и офицеров царской армии, которые имели некото-

рые привилегии, главным образом, в сфере налогообложения. Вместе с тем в социальных отношениях продолжали соблюдаться отдельные принципы межсословной субординации, внутри кабардинского общества сохранялись, хотя и формально, аристократические титулы и традиционные представления о сословных различиях.

Все наиболее влиятельные привилегированные лица имели собственное хозяйство, занимали руководящие должности в сельском правлении, либо совмещали экономическую и административную деятельность. Многие княжеские и первостепенные дворянские фамилии обладали господствующим влиянием в своих селах, даже не занимая никаких должностей в общинном самоуправлении. Такое положение позволяло им и эксплуатировать односельчан, и развивать свое хозяйство, нередко в ущерб остальным общинникам, произвольно пользуясь общественной землей, пастбищными и лесными угодьями. Именно они стали основой формирующейся сельской буржуазии и заняли первенствующее положение в социальной структуре. Лишь немногие крестьяне вошли в состав этой новой социальной группы. Даже наиболее преуспевающие из них не имели объективных возможностей достигнуть уровня крупнейших скотоводов и землевладельцев из аристократических фамилий.

Резкая ломка традиционного жизненного уклада традиционных обществ и трудности их адаптации к новым административно-политическим и экономическим условиям жизнедеятельности обострили социальные противоречия. Сопротивление пореформенным преобразованиям выражалось в многочисленных акциях неповиновения официальным властям, несоблюдении правительственных распоряжений и полицейских распорядков, саботаже податных сборов и т.д. Серьезной проблемой в процессе социокультурной адаптации являлось негативное отношение к нововведениям: освобождению зависимых сословий, земельной реформе, вопросу о воинской повинности, попыткам централизовать и упорядочить «по-имперски» религиозную жизнь. Неприятие российских преобразований проявилось в устойчивом стремлении «уйти»[210] от новой, во многом враждебной традиционным представлениям кабардинцев, социокультурной среды. Такой формой протеста явилось мухаджирство – переселенческое движение в Османскую империю, предвосхитившее депортации XX века[211]. Для многих народов Северного Кавказа оно стало «специфической формой «катастрофического» восприятия нагрянувших перемен и стремления уйти от их пугающей новизны»[212]. Переселенческое движение второй половины XIX – начала XX века нанесло непоправимый ущерб этнокультурному развитию народов Северного Кавказа, препятствовало их адаптации к новым социально-политическим условиям, усугубив трагические итоги Кавказской войны. Вместе с тем оно явилось невосполнимой утратой для социокультурного развития северокавказских провинций[213], поскольку лишило Российское государство значительной массы потенциальных подданных.

В отличие от Западной Черкесии, где мухаджирство совпало с трагическим финалом Кавказской войны и обернулось депортацией большей части адыгов, массовые переселения из Кабарды и Балкарии были вызваны начавшимися еще в первой половине XIX века ограничениями свободы вероисповедания и шариатского судопроизводства[214], а также введением репрессивных распорядков колониального режима.

«Переселенческие волны питались и неприятием осуществляемых российской властью реформ, и влиянием религиозного фактора»[215]. В январе 1867 года в Кабарде часть владельцев отказалась освобождать крестьян, угрожая переселиться вместе с подвластными в Турцию. В ходе и результате реформ одной из основных форм мухаджирства стало паломничество к мусульманским святыням. Многие не возвращались обратно[216] и затем исключались из числа населения Кабарды «как не возвратившиеся из отпуска в г. Мекку»[217].

Опасение потери религиозной идентичности стало одним из решающих аргументов к переселению горского населения на протяжении всего рассматриваемого периода. Его следует учитывать вместе с другими факторами потери этнокультурной самобытности: введением воинской повинности или записью в казачество, обращением в православие. Например, в августе 1883 г. на специально созванном Съезде доверенных представители кабардинцев и балкарцев с тревогой обсуждали слухи о распространении на туземцев всеобщей воинской повинности. Некоторые депутаты во избежание этого «поговаривали о переселении в Турцию»[218]. В 1887 г. вопрос был решен введением денежного налога «взамен отбывания воинской повинности для мусульманского населения»[219].

Мисост Абаев

До конца XIX века мысль о выселении поддерживалась некоторыми представителями привилегированных сословий[220]. В 1888 году для современника было очевидно, что продолжающееся переселенческое движение в Турцию «указывает на то, что туземное население Терской области недовольно своим положением, что оно не освоилось с новым порядком жизни»[221].

Социальное самочувствие, в том числе и в религиозном плане, было низким у значительной части общества. Сохранялось стремление избавиться от опеки российской администрации и обрести религиозную свободу в единоверной Турции[222], даже несмотря на то, что и там они зачастую попадали в еще бо-

лее «ненормальные условия»[223]. Понимая это, начальник Терской области в 1898 году тем не менее был убежден, что необходимо устранить препятствия к переселению всех желающих[224].

Новые волны мухаджирства вызывали озабоченность среди общественных деятелей, указывавших на истинные причины стремления горцев в Турцию. Балкарский просветитель М. Абаев в 1910 году не отрицал, что среди переселенцев были люди, которых «тянут в мусульманское государство и религиозные чувства». Но главной причиной этой трагедии он справедливо считал «экономические, политические и иные условия»[225]. Учитывая, что с каждой новой волной переселения Россия теряла своих потенциальных подданных, мухаджирство можно по праву отнести «к числу крупнейших геополитических неудач»[226] царского правительства.

Важнейшим фактором устойчивости общественной ситуации в Кабарде являлась сельская община, обеспечивавшая оптимальные условия для сохранения этнокультурной самобытности кабардинцев при взаимодействии традиционного уклада с социально-экономическими и политическими новациями. Даже после введения к началу 1870-х годов новых принципов общинной организации в пореформенных сельских обществах Кабарды сохранялись многие элементы ее прежнего дореформенного устройства. Главным образом, они действовали в организации сельской власти, общинном землепользовании, социальной структуре и системе управления. Их сохранение в неформальной сфере общинной жизни способствовало эффективной деятельности официальных общинных структур и их взаимодействию с окружной администрацией.

В хозяйственной жизни сельской общины сохранялись многие традиционные черты, и вместе с тем возросла самостоятельность семьи при выборе характера хозяйственной деятельности и форм использования земельного пая, выделенного общиной. Наиболее трудолюбивые хозяева находили возможность проявления экономической инициативы, не ограничиваемой жестко регламентирующей опекой коллектива. Происходит становление принципиально новых экономических функций общины. Община стала юридическим лицом, сдающим в аренду земельные угодья и общественные здания, отвечающим по налоговым и другим финансовым обязательствам. Складывается хозяйственное делопроизводство, которое отличало общину в качестве хозяйствующего субъекта от отдельных общинников, которые при различных сделках по-прежнему ограничивались устными договоренностями при свидетелях. В экономической жизни сельских обществ закрепляются вольнонаемные трудовые отношения, рыночная и лавочная торговля, товарный и денежный кредит, а также новые формы сельскохозяйственной кооперации[227]. В конце XIX – начале XX века во внутриобщинной интеграции возрастает значение экономических интересов и новых форм стратификации, связанных с имущественным положением, должностями в общинном прав-

лении, уровнем образования и так далее. Несмотря на существенные изменения социально-политических и административно-правовых условий жизнедеятельности во второй половине XIX – начале XX века, в кабардинском обществе не произошло окончательного разрыва с традиционными основами. Большинство пореформенных преобразований воспринимались кабардинцами через призму традиционных представлений о принципах хозяйствования, управления, судопроизводства и соционормативного регулирования.

В определенной степени соблюдалась сословная субординация, прежде всего в отношении представителей княжеских и знатных дворянских фамилий. Учитывая частично сохранявшуюся традиционную сословную иерархичность, окружная администрация использовала авторитет привилегированных сословий при назначении сельских старшин, формировании Нальчикского горского словесного суда и Съезда доверенных сельских обществ. Однако далеко не все смогли найти себе место на административной службе. Значительная часть оказалась не готова к новым правилам организации экономического быта. Чрезвычайно сложный характер адаптации к новым условиям жизни обладал существенным деструктивным потенциалом. В частности, представители привилегированных сословий, не сумевшие приспособиться, становились вдохновителями новых волн переселений в Османскую империю. Они покидали не комфортную для них социально-экономическую среду, увлекая за собой бывших зависимых крестьян. Некоторые из тех, кто не смог найти своего места в новом социокультурном контексте, пополняли криминальную среду[228].

В пореформенный период более масштабными и регулярными становятся торжественные мероприятия, к участию в которых привлекали представителей этнических элит и широкие народные массы. Это проявлялось в организации регулярных общественных молений, собраниях и скачках в общероссийские праздничные дни, а также в событийных торжествах.

Памятным событием стало закрепление в совместном пользовании за Кабардой и балкарскими обществами Зольских и Нагорных пастбищ. Решение было принято Александром III 21 мая 1889 г. Впоследствии эта дата была объявлена общенародным праздничным днем[229]. Как отмечалось в телеграмме кавказского главнокомандующего А.М. Дондукова-Корсакова, «вслед за объявлением совершено было мусульманским духовенством торжественное молебствие о здравии и долгоденствии всемилостивейшего монарха и всего царствующего дома». Съезд доверенных, «желая увековечить день столь благоприятно разрешившегося для них поземельного вопроса, заявили, что они определили ежегодно, 21 мая, в день состоявшегося высочайшего соизволения, совершать торжественные молебствия во всех аульных мечетях»[230]. В память об этом событии из Кабардинской общественной суммы были учреждены специальные стипендии[231]. Из кабардинской общественной суммы были учреждены следующие ежегодные расходы: «на содержание проектируемаго

училища в память дарования кабардинцам запасных земель – 6100 р., на четыре стипендии в средних и высших училищах имени Их Величеств – 1200 р., на стипендию имени кн. Дондукова-Корсакова – 450 р.; на призы на скачках, устраиваемых ежегодно в день дарования запасных земель (21 мая) в Нальчике – 400 р., на стипендию – имени гр. Лорис-Меликова – 450 р.[232]

В 1891 г. князю А.М. Дондукову-Корсакову, содействовавшего принятию «высочайшего согласия», по инициативе Съезда доверенных предлагалось присвоить звание «почетного представителя кабардинского народа»[233]. Однако это ходатайство не было поддержано военным министром.

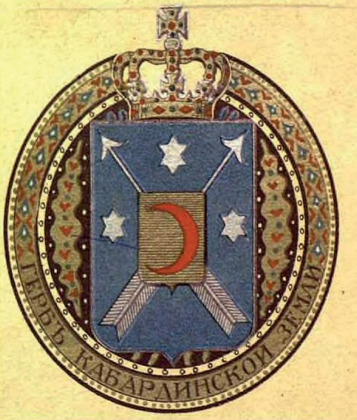
В деятельности Съездов доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ продолжали развиваться новые формы поземельной, хозяйственной, административной и судебно-правовой интеграции, которые оказали существенное влияние на социокультурное развитие кабардинцев и балкарцев. Съезд доверенных выступал важнейшим институтом, интегрировавшим усилия передовых представителей кабардинского и балкарского общества по решению разнообразных вопросов в поземельных и хозяйственных отношениях, местном благоустройстве и просвещении, а также усвоении новаций общероссийской политической культуры. Самыми активными носителями этой культуры становятся наиболее интегрированные в систему иерархических политических связей представители национальной интеллигенции и местных административных структур.

На протяжении XIX в. ключевые события в процессе интеграции кабардинского общества в социально-политическую систему Российской империи сопровождались символическими актами, увязанными в общественном сознании с именем царствующих монархов.

К моменту празднования 300-летия династии отношения с Романовыми стали неотъемлемой частью образа прошлого, на котором были основаны отношения кабардинцев с русским правительством и нахождение в составе Российского государства. К юбилею правящей династии известный краевед Терской области П.Л. Юдин подготовил работу «Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху Смутного времени» (Владикавказ, 1913). Важным этапом в развитии интеллектуальной культуры кабардинцев стало также приуроченное к 300-летию дома Романовых издание В.Н. Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе». Этой книгой кабардинский и российский дворянин, коллежский советник В.Н. Кудашев обосновывал сословные привилегии традиционной кабардинской знати и добивался признания ее в правах русского дворянства.

В работах Юдина и Кудашева утверждались идеи исторической общности кабардинцев и русских, насчитывающей много веков. Тем самым в исторической памяти читающей российской публики начала XX в. «традиция преданности» представала частью политической культуры Кабарды, ее длительной совместной истории с российским государством и ныне правящей династией.

Историческія свѣдѣнія о Кабардинскомъ народѣ.



Къ 300лѣтію дома Романовыхъ

Изданіе
Владиміра Николаевича Кудашева.
1913 г.

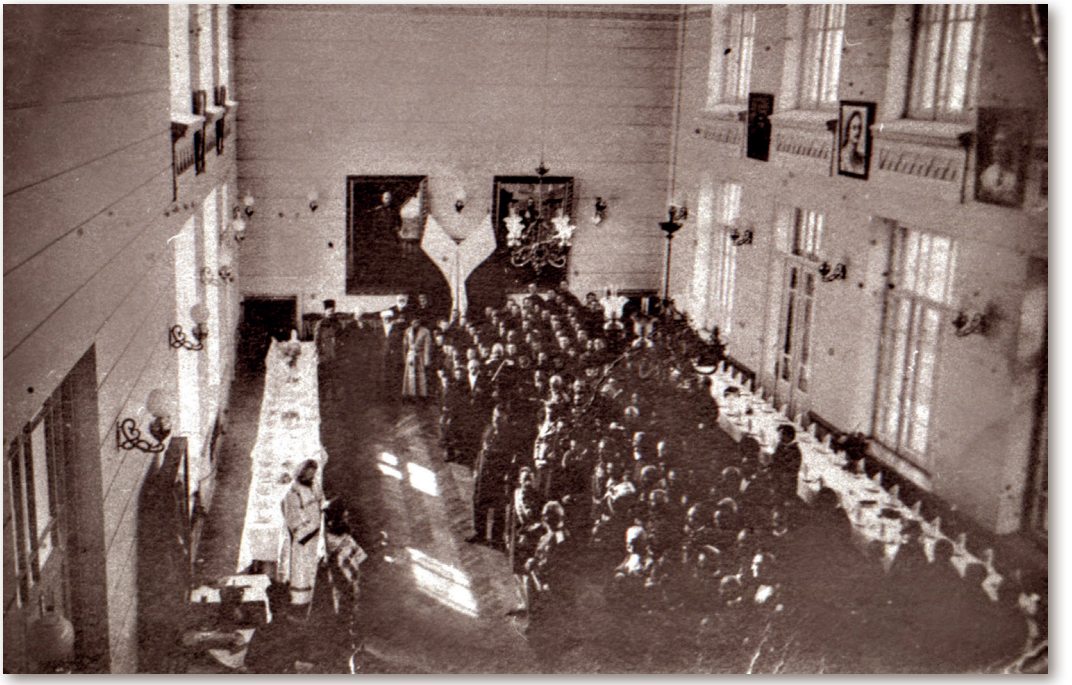
Закреплению подданнических политических ориентаций способствовало проникновение в общественный быт элементов общегосударственной праздничной культуры. Начиная со второй четверти XIX в. в практику входят торжественные мероприятия, к участию в которых привлекали представителей этнических элит, а впоследствии и широкие народные массы. Это проявлялось в организации регулярных общественных молений, собраниях и скачках в общероссийские праздничные дни.

Тщательной организацией и особой помпезностью были окружены «депутации» представителей кабардинцев и балкарцев в Петербург для участия в празднествах, приуроченных к коронации Александра III в Москве[234], 300-летию царствования династии Романовых[235], по случаю пребывания на Кавказе Николая I в 1836 году[236], цесаревича Александра Николаевича в сентябре 1850 года[237] и Николая II в декабре 1915 г.[238], а также посещения Кабардинского округа Кавказским наместником великим князем Михаилом Николаевичем летом 1869 г.[239] В духе отлаженных патерналистских политических взаимоотношений эти мероприятия были возможностью «репрезентовать себя, свой народ, напомнить о нем», и одновременно, для представителей императорского семейства, средством реализовать символический ресурс власти через «внимание и милость» к подданным[240].

В Нальчикской слободе с приглашением представителей от сельских обществ отмечались празднества по случаю коронации в 1883 году Александра III[241]. Коронация Николая II в 1896 г. сопровождалась самыми роскошными мероприятиями, призванными продемонстрировать всему миру могущество главы Российской империи[242]. Торжества по этому поводу проходили и в сельских обществах Нальчикского округа. Из рапорта старшины селения Тыжево Т. Балкарова в Управление Нальчикского округа Терской области: «Вследствие предписания оного Управления, по случаю священного Коронования Их Императорских Величеств Государя и Государыни, 19-го сего мая месяца, все жители вверенного мне селения были собраны в местной мечети, где, во главе сельского эфенди, приносили сердечные благодарственные молитвы о здравии и долгоденствии Их Императорских Величеств и всего Августейшего дома, после чего жителям, на общественный счет, было устроено приличное угощение, с неоднократными провозглашениями тостов в честь Их Императорских Величеств»[243]. В селении Атажукино-III при сельском правлении, украшенном флагами, был устроен общий обед и «гуляния при танцах и других увеселениях»[244]. В селении Кармово во всех мечетях совершено молебствие, после которого устроены за селением на горе Курман, народные гуляния и скачки[245].

При проведении в Нальчикском округе общественно значимых мероприятий устойчивой этикетной нормой становятся верноподданнические комплименты, подчеркивающие сопричастность представителей Романовых к определенным достижениям местной жизни. Во время пребывания

на Кавказе царской семьи в 1888 в г. Владикавказе была устроена встреча с участием представителей народов Терской области. Описывая ее, В.А. Потто приводил слова «почтенного старого кабардинца», обращенные к Александру III: «Мы, кабардинцы, смотрим на появление среди нас Императора, как на сошествие Святого Духа: Он все животворит собою»[246]. Разумеется, такое обращение являлось обязательной частью «верноподданического протокола» и вряд ли отражало риторику повседневных политических ориентаций кабардинцев. Тем не менее, как ситуативный речевой оборот, подобные выражения становятся неотъемлемой частью локальных общественно-политических мероприятий. В 1911 г. на торжествах, приуроченных к закладке нового здания Нальчикского реального училища, юрисконсульт Кабарды и Пяти горских обществ Нальчикского округа Басият Шаханов подчеркивал, что «Белый царь» Николай II проявляет постоянное внимание к народам округа. «Чувствуя себя спокойно под защитой его твердой власти и только благодаря его просвещенному руководству, продолжал он, мы могли нормально развиваться и духовно и экономически... Не будь его высокого покровительства, мы вследствие своей малочисленности, может быть, давно уже были бы стерты с лица земли окружавшими нас более многочисленными народами. Сознавая это, мы чутко будем прислушиваться к желанию русского царя и не остановимся ни перед какими жертвами, которые окажутся нужны Его Величеству»[247].



Освящение Реального училища в слободе Нальчик (1913 г.)

В октябре 1913 г. сооруженное на средства Кабардинской общественной суммы новое здание Реального училища им. Александра III было торжественно открыто[248]. С этого же времени в его актовом зале стали проводиться заседания Съездов доверенных. На внеочередном заседании 24 июля 1914 г. от имени кабардинского и балкарского народов было принято решение «за счет населения» сформировать из добровольцев четырехсотенный Кабардинский конный полк для участия в боевых действиях в составе российской армии. Это положило начало формированию легендарной «Кавказской туземной конной дивизии», командиром которой был назначен младший брат императора великий князь Михаил Александрович[249].

Новое, наиболее представительное здание стало ключевым пространством в слободе, концентрирующим самые значимые события в жизни окру-

Празднование 300-летия дома Романовых в с. Хапцево

га: от празднования 300-летия дома Романовых, к которому было приурочено открытие здания, до провозглашения политических изменений после Февральской революции 1917 г.

Таким образом, неоднократные обращения к царю и Кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу, депутации, участие в «династийных» мероприятиях (коронация, рождение наследников, встречи и сопровождение путешествующих представителей царской фамилии, 300-лет-

ний юбилей династии) и, вместе с тем, участие Романовых в важнейших событиях в жизни кабардинского общества, выступали значимым механизмом закрепления патерналистской традиции, пришедшей на смену феодально-договорных отношений XVI–XVIII вв. Представители правящей династии становятся ключевыми персонажами социально-политического контекста, в котором решались важные вопросы жизнедеятельности в XIX – начале XX в. Прямые и опосредованные отношения с домом Романовых выступали существенным фактором интеграции кабардинцев и балкарцев в политическое и социокультурное пространство Российской империи и способствовали формированию у них общероссийской гражданской идентичности.

4.4. Изменение поземельных отношений в Балкарии

Земельная реформа и отмена крепостного права в Кабардинском округе привели к перераспределению земельной собственности в балкарских обществах, но не придали ей юридической определенности, что создавало существенные сложности при урегулировании разнообразных земельных конфликтов. Земельные преобразования в Балкарии растянулись на полстолетия, но к 1917 г. так и не были завершены.

В «Записке по горным землям Терской области» 1874 г. Д. Кодзоков отмечал, что «споры по земле в горной полосе между обществами, селениями и частными собственниками преимущественно бывают из-за границ и наследственных прав… Вот почему и является необходимость, каким бы то ни было путем освятить право собственности в горах, для чего прежде всего и представляется необходимость привести в известность самый вопрос горного землевладения»[250].

В пореформенное время произошли существенные изменения в системе общинного землепользования внутри самих горских обществ. В общественном владении остались далеко не самые лучшие земли, при этом споров об их использовании было настолько много, что русская администрация в инструкции начальнику Горского участка от 19 декабря 1868 г. предложила привести в известность все общественные земли, подробно их описать: в каких местностях они расположены и в каком количестве, для чего пригодны и в чьем пользовании находятся. Было предложено со всех пользующихся общественными землями взыскивать плату в общественный фонд[251]. Согласно этой инструкции, во всех балкарских обществах обсудили обозначенные вопросы на сходах, и оказалось, что земель, находящихся в общественном пользовании, ничтожно мало, а остальные узурпированы сильными фамилиями.

Споры между сельскими обществами и частными владельцами, захватившими общинные земли, – типичное явление для Балкарии второй по-

ловины XIX в. Так, в 80-х гг. XIX в., вступив в тяжбу с государством, таубии Урусбиевы высудили у него почти все Баксанское ущелье 35 тыс. десятин соснового леса и альпийских пастбищ. Крестьяне общества, составлявшие около 3 тыс. человек, были лишены права пользования этими угодьями, ибо Урусбиевы стали их полноправными владельцами. Даже начальник Нальчикского округа был вынужден признаться в том, что Баксанское общество оказалось «в крайне стесненном положении в отношении пользования лесом, и что это будет служить причиной вечных недоразумений и столкновений между обществом и таубиями Урусбиевыми»[252]. В продолжившихся многочисленных тяжбах в конце XIX – начале XX в. Урусбиевы отстаивали земельные интересы в Баксанском ущелье против своего сельского общества, представителей кабардинского общества и даже казны. Причем, все эти споры рассматривались по нормам российского гражданского права в рамках официального судопроизводства вплоть до Владикавказского окружного суда, а также в административных инстанциях, включая Кавказского наместника и министерство государственных имуществ[253].

К концу XIX в. участились захваты общинных пастбищ крупными скотоводами. В одном только Балкарском обществе с 1888 по 1897 г. было захвачено 26 участков из общественной земли в размере около 9 тыс. десятин[254].

Исторические и естественно-географические факторы обусловили существование общинного землепользования в различных его формах. В пореформенный период можно говорить о трех видах общественной собственности на землю.

Первый – собственность одного селения. Эту категорию собственности составили приаульные выгоны и частично простые покосы, расположенные в неудобных местах близ аула. Такие небольшие выгоны имелись в каждом поселке и составляли поселковую собственность. Располагались они рядом с селом на склонах гор, по руслам речушек, в оврагах, на лесных полянах. Общинные покосные участки также чаще всего принадлежали одному поселку. Кроме того, надо отметить, что пахоты и поливные покосы после снятия урожая служили одним общим поселковым выгоном для выпаса рабочего скота. В пользовании этим выпасом принимали участие лишь те домохозяева, которые имели хотя бы небольшой участок собственной земли.

Второй вид общинной собственности – это собственность двух или нескольких селений, иногда целого общества, на пастбища, неорошаемые сенокосы, леса. Материалы Абрамовской комиссии содержат заключение, что «обыкновенные покосы и пастбища стали опять под влиянием топографии местности, достоянием не всего племени, а одного какого-либо рода, поселившегося близ этих угодий... только леса составляли общие владения всех родов, осевших в одном и том же ущелье»[255]. Исключение составило Баксанское общество, где Урусбиевы оспаривали право собственности на лес и на ущелье в целом.

Третья форма общинного землевладения – земли, принадлежавшие почти всем сельским обществам. Она подразумевала совместное пользование землей со стороны целого народа. Это, прежде всего, общественные кабардинские земли, находившиеся в Нагорной полосе и использовавшиеся в качестве осенних и весенних пастбищ. В документе, датированном 1884 г., говорится, что «был установлен следующий порядок между Кабардой и горцами относительно пользования землями: пастбищными местами пользовались на одинаковых условиях за исключением Золки – куда сами горцы не пожелали гнать свой скот по причине отдаленности этого места от их жилища»[256]. В 1885 г. распоряжением Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе было предложено начальнику Терской области «немедленно приступить к распределению кабардинских запасных пастбищных земель между жителями Большой и Малой Кабарды и пятью горскими обществами»[257]. Запасные пастбища хотя и находились в пользовании кабардинцев и балкарцев, но горцы постоянно высказывали опасения, что эти земли будут изъяты из общественного пользования и получат другое назначение. Вопрос требовал своего скорейшего разрешения, поскольку, с одной стороны, при отсутствии уверенности в непоколебимости прав на эти земли кабардинцы и балкарцы не могли успешно развивать свое скотоводство, с другой стороны, российская казна несла убытки, так как плата за пользование пастбищами не взималась.

Наконец, в 1889 г. были разработаны правила пользования запасными пастбищными землями. Первый параграф определял принцип распределения пастбищ и лесов. Пастбища распределялись по обществам пропорционально количеству дворов.

Но даже строгое распределение пастбищных земель не снимало многочисленные споры об их практическом использовании. Если у какой-либо группы селений оказывался избыток земли, то допускался переход на эти пастбища скота из других балкарских обществ. По свидетельству официальных документов того времени, «вместе со скотом передвигаются и владельцы его с пастухами, которые устраивают на местах временного пребывания крытые помещения или так называемые «кутаны» для укрытия от непогоды. Такого рода временное пользование пастбищными местами отнюдь нельзя рассматривать как фактическое владение занятым участком, потому что пастбищная земля находится в общинном владении местного населения, и временное пользование тем или иным лицом какой-либо частью этой земли не прекращает прав общины на постоянное владение…»[258].

По сведениям С.И. Месяца, раздел пастбищных мест между Кабардой и Балкарией был формальным. Еще во второй половине 70-х годов XIX в. балкарские общества вместо наделов на Зольских пастбищах получили в пользование более 15 тысяч десятин на всех крупных лесных полянах, а для того, чтобы их пастбищные угодья соответствовали нормам, установленным правилами 1889 г., им выделяли по соседству с юртовыми землями в поль-

зование участки на запад от реки Баксан[259]. Жители селений должны были пользоваться отведенными участками на общинном праве, устанавливался десятикопеечный сбор за десятину.

Очевидно, что этими землями преимущественно пользовались крупные скотовладельцы. «Значительная часть более беднейших жителей Кабарды не имеют своих табунов лошадей и овец, а потому и не будет пользоваться пастбищными землями нагорной полосы, и они принесут пользу лишь более зажиточным», – указывалось в справке, составленной в Азиатской части Главного Штаба[260]. Лес, в количестве 63 592 десятин, составлял общее нераздельное пользование всех жителей округа.

В начале 1900-х гг. изменился порядок пользования общественными пастбищами. Съездом доверенных Кабарды и Горских обществ было составлено прошение о новом распределении Зольских и Горных пастбищ «по числу скота и лошадей»[261]. Весной 1907 г. был утвержден порядок разверстки пастбищ пропорционально поголовью скота. Ввиду этого и общественные пастбищные земли находились в фактическом пользовании крупных скотоводов.

Что касается частновладельческих участков, то все поливные покосные и пахотные земли в Балкарии находились в частной собственности. Когда кавказская администрация решала вопрос о земельных преобразованиях в балкарских обществах, она пришла к выводу, «что было бы незаконно и несправедливо лишать векового права частных лиц на эти земли..., и что такие участки по праву обычной собственности имеют все горцы без различия сословий и положения в обществе, и что с уничтожением этого обычного права собственности положение большинства населения ухудшится»[262].

Как тенденцию во второй половине XIX в. следует отметить дальнейший рост землевладения таубиев. По мнению М. Абаева, при освобождении крестьян балкарские владельцы сильно пострадали экономически, так как потеряли часть своих земельных участков[263]. В действительности же наблюдалось массовое обезземеливание крестьян, ибо за свое освобождение они отдали таубиям 2/3 земли, которой пользовались до отмены крепостного права. Таким образом, произошел значительный рост землевладения таубиев. Анализируя земельные отношения в горском обществе до и после реформы 1867 г., Н.П. Тульчинский заметил, что богатство таубиев нажито было ими именно в ходе крестьянской реформы. «Вместе с уничтожением крепостной зависимости к бывшим владельцам перешло от их бывших подвластных очень много пахотных и покосных участков, а также зимовники и пахотные пространства», – писал он[264].

Кроме того, царское правительство в 1877 г. пожаловало 116 семействам таубиев 7440 десятин из горных Эшкаконских земель «за знатность и заслуги перед империей»[265]. Некоторые из этих семейств получили в потомственную собственность по 250, 100 и 50 десятин. Следовательно, в руках таубиев и после реформы находилась большая часть земли в Балкарии. Они владели

крупными земельными участками и за ее пределами. Например, в Чегемском обществе большая часть земель принадлежала 6–7 знатным фамилиям[266]. Среди крупных земельных собственников этого ущелья М. Кипиани назвал Балкароковых, Барасбиевых, Кучуковых и Келеметовых[267]. А в Хуламском обществе крупные земельные участки принадлежали членам владельческой семьи Шакмановых[268]. Реформой и наделением землей социальной верхушки Балкарии царское правительство закрепило крупную земельную собственность таубиев. По сведениям правительственной комиссии, обследовавшей Балкарию в 1906–1907 гг., в руках 139 дворов таубиев, или 6 % всего населения в четырех балкарских обществах, сосредоточено 20 % всей имеющейся у общества пахотной, 43 % покосной и 30 % пастбищной земли[269].

Важно отметить, что собственность на землю сложилась как фамильная, иначе говоря, определенными участками распоряжался близкий круг родственников. Анализ имеющихся источников показывает постепенное разрушение фамильной формы собственности на землю и зарождение частносемейного порядка владения землей. Эта тенденция усилилась во второй половине XIX в. Состав совместных владений землей стал ограничиваться уже узким кругом ближайших родственников. Но даже отдельные из них стремились к выходу из общей семьи с получением доли имущества, в том числе и земли. Эта тенденция была подмечена и членами Абрамовской комиссии, которые констатировали, что «благодаря неуживчивости отдельных семей под одним кровом и происходящих вследствие этого частых семейных разделов, земельная собственность стала сосредотачиваться в руках отдельных пар или индивидуальных семей»[270].

Землепользование в рассматриваемый период уже приобрело частноиндивидуальный характер. Часть таубиев и крупных земельных собственников, перестроив свое хозяйство на новый лад, расширяло его, эксплуатируя труд временнообязанных крестьян и наемных работников. Другая часть собственников свертывала свое хозяйство, продавала землю, сдавала ее в аренду. Продажа и покупка земли усилились к концу XIX в. Н.П. Тульчинский отмечал, что «по словам старожилов, никогда в горах не было такой купли-продажи, как за этот период времени»[271]. Очевидно, что приобрести земли могли только очень состоятельные люди, так как она ценилась чрезвычайно дорого. Вс. Миллер и М. Ковалевский отметили, что земля в Балкарии ценится даже дороже, чем в горной Осетии, «где клочок земли, на котором может стоять бык, стоит быка»[272].

Развитие товарно-денежных отношений способствовало тому, что земля превращалась в товар, несмотря на то, что патриархальные формы хозяйства задерживали модернизационные процессы в горских обществах. Торговля землей являлась одним из способов сосредоточения земельных участков в руках состоятельных лиц, которые скупали земли у разорившихся крестьян и таубиев, не сумевших в новых условиях организовать свое хозяйство.

В 1906 г. под председательством юрисконсульта при совете Кавказского военного округа, действительного статского советника И.Г. Абрамова была создана специальная комиссия для выяснения характера землевладения и землепользования в Нагорной полосе. Главная задача этого учреждения сводилась к установлению права на землю, которое следует признать за горским населением с точки зрения российского законодательства. Мнения членов комиссии по основному вопросу разделились. «Большинство» пришло к выводу, что право собственности на земли нагорной полосы Терской области принадлежит казне, а народам, там проживающим, все земли и леса предоставляются лишь в постоянное пользование. «Меньшинство» комиссии высказалось за право горцев на земельную собственность и свободное отчуждение земли.

В 1908 году Абрамовская комиссия завершила свою работу, а ее проекты решения земельного вопроса в Нагорной полосе Терской области, были вынесены на публичное обсуждение. 22 октября 1908 г. представителям балкарских обществ, собравшимся в Нальчике, было объявлено, что по истечении месяца «уже никакие заявления не будут принимаемы»[273]. Проекты комиссии Абрамова вызвали бурную реакцию, прежде всего со стороны крупных земельных собственников. Особенно много нареканий получил проект № 1. «О земельных правах сельских обществ, отдельных членов и лиц, не принадлежащих к этим обществам». В связи с чем, за подписью 490 землевладельцев пяти горских обществ Терской области, в комиссию не позднее ноября 1908 г. была представлена большая записка под названием «Объяснение в комиссию по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области».

Этот обширный документ был составлен выдающимся общественным деятелем Басиатом Шахановым. Аргументируя свои возражения на заключение Абрамовской комиссии, он указал, что игнорировать обычай в разрешении земельного вопроса у народов, лишенных государственности, а, следовательно, и норм положительного права – нельзя. Тщательно препарируя исторический материал, ссылаясь на действующие законоположения Российской империи, Б. Шаханов доказывал существование института частной собственности в горах Балкарии.

Его мощная критика трудов Абрамовской комиссии, подкрепленная неоспоримой, хорошо выстроенной аргументацией с опорой на действующее законодательство Российской империи, сыграли важную роль в принятии новых проектов, разработанных в 1909–1911 гг. в Тифлисе Особым межведомственным совещанием.

В 1911 г. в сотрудничестве с представителями горских народов администрация Наместника на Кавказе выработала новый проект закона о землеустройстве населения Нагорной полосы Терской области и Карачая Кубанской области. Его разработка может быть оценена как попытка применить к местным условиям положения столыпинского аграрного законодательства

с учетом специфики землевладения в горах. Наместник предлагал земли Нагорной полосы укрепить в собственность их действительным владельцам. Однако порядок владения земельными угодьями должен быть сохранен тот же, что и до укрепления их в собственность: личный или общинный[274].

Переработанный в Тифлисе проект Абрамовской комиссии был рассмотрен в 1911 году в Петербурге на совещании под председательством сенатора Никольского. Совещание не только подтвердило, но и конкретизировало формы распространения столыпинских аграрных законов на жителей Нагорной полосы[275]. Однако утверждение этих правил в законодательном порядке и на этот раз не произошло, хотя окончательный проект закона был внесен в Государственную Думу 9 февраля 1913 г.[276] Начало Первой мировой войны и последующие революционные потрясения выдвинули иные актуальные задачи, а земельный вопрос в Балкарии еще более обострился.

4.5. Демографические и социокультурные процессы в Балкарии пореформенного периода

После отмены крепостного права сельская община балкарцев формально стала всесословной. Отныне и бывшие чагары, и патриархальные рабы, выкупившиеся на свободу, стали считаться полноправными членами общества. Однако сословные перегородки продолжали сохраняться и проявлялись в различных областях общественной жизни и в быту. Один из русских путешественников конца XIX в. писал: «Теперь, после уничтожения крепостного права, такого разграничения между жителями не существует, хотя деление на классы в обиходе наблюдается, и теперь встречаются понятия «высший круг» и «низший круг»[277].

Во второй половине XIX в. происходил определенный рост населения балкарских обществ. С 1851 г по 1897 г. балкарское население увеличилось с 8870 до 23184 человек, т.е. в 2,6 раза[278]. Рост населения шел преимущественно за счет естественного прироста. Приток людей извне был незначительным. Если в первой половине XIX в. пришлое население в основном формировалось за счет людей, купленных в рабство или захваченных в плен в ходе вооруженных столкновений, то во второй половине XIX в. миграционные процессы были связаны с отходничеством и притоком людей из соседних районов на сезонные работы, а также с паломничеством в Мекку. Определенная часть балкарцев переселилась в Турцию во время мухаджирского движения.

Источники позволяют дифференцированно рассмотреть прирост населения в отдельных горских обществах. В Балкарском обществе население увеличилось с 5 до 7,6 тыс. чел.; в Чегемском – с 3 до 4,5 тыс. чел, в Безенгиевском – с 800 чел. до 1,6 тыс. чел.; в Хуламском – с 1150 чел. до 3 тыс. чел. и в Урусбиев-

Балкарская княжеская семья Урусбиевых

ском – с 1300 чел. до 3700[279]. Сравнительно медленное увеличение численности жителей Балкарской и Чегемской общин, вероятно, связано с большим оттоком их населения в другие общества, а также с образованием новых сел для безземельных горцев в предгорных районах в 70-х гг. XIX в.

Наибольший удельный вес жителей балкарских обществ приходился на поселения с численностью от 500 до 1000 человек, при том, что в конце XIX – начале XX века эти поселения составляли не более 15 % от общего количества. В то же время, в маленьких поселках с численностью до 50 человек, составлявших 12–14 % всех населенных мест, проживало в этот период не более 2 % всех жителей горских обществ[280]. В 70-х гг. XIX в. все балкарские общества, занимая площадь около 3600 км^2, имели среднюю плотность населения около 3,8 чел. на 1 кв. км[281].

Внутри сельских обществ Балкарии и в XIX в. сохранялись пережитки более архаичных форм родовой и семейной общины, причем настолько рельефно, что в 80-х гг. XIX в. список жителей общины составлялся не по аулам, а по родовым группам. Однако в этот период от родовой общины остались только те пережитки, которые не определяли все стороны социально-экономической жизни, а лишь напоминали о былом единстве родов. Таковы совместные поселения членов бывших родов – родовые кварталы внутри сельской общины, родовые тавро, родовые кладбища, строгая экзогамия патронимии, взаимопомощь родственников. Но если родовая община стала в XIX в. лишь пережиточной формой, то семейная община с коллективной собственностью на скот и землю, с коллективным трудом и совместным уравнительным потреблением занимала заметное место в структуре общины. Однако и она претерпевала изменения в течение XIX в. В пореформенный период семейные общины постепенно приходят к упадку, о чем свидетельствуют увеличившееся количество разделов, сокращение численности и поколенного состава большой семьи, изменение их удельного веса. К концу XIX в. основной формой семьи в Балкарии становится малая семья – «аз юйюр», состоявшая от 3–4 до 7–8 человек и включавшая в себя два поколения. По своему внутрисемейному укладу она почти не отличалась от большой.

К 1916 г. численность балкарцев уже превысила 30 тысяч. Рост населения шел преимущественно за счет естественного прироста. Мужское население всех балкарских обществ численно несколько превышало женское, что является особенностью демографической ситуации региона. Анализ возрастной структуры по данным 1886 г. показывает, что самую многочисленную группу составляли дети до 10 лет (свыше 30 %), возрастная группа от 10 до 20 лет составляла около 20 %; от 20 до 60 лет находилась в пределах 40 %; лица старше 60 лет составляли от 4 до 7 % населения в разных балкарских обществах. Это распределение возрастных групп находит свое подтверждение и в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Первые сведения об уровне грамотности балкарцев относятся к началу 1860-х гг. и показывают чуть более 0,3 % умеющих читать и писать по-русски или по-арабски[282]. По данным 1886 г., грамотность балкарцев в среднем не превышала пол процента, а в 1897 г. этот показатель составлял около 1,5 % (2,4 % – у мужчин и 0,4 % – у женщин). Таким образом, несмотря на незначительную его величину, можно говорить о неуклонной тенденции роста числа грамотных среди балкарцев к началу XX в., притом отмечаются более высокие темпы роста арабской грамотности.

Начиная с 70-х гг. XIX века в предгорных районах для безземельных горцев стали создаваться новые селения: Гунделен, Кашхатау, Хасаут, Хабаз и Чижок-Кабак. Переселение части балкарцев из ущелий в предгорья, изменение границ расселения этноса благотворно сказалось не только на экономических условиях жизни балкарцев, но и на росте их народонаселения, на активизации консолидационных процессов. В новых поселках, где в начале XX в. проживала уже четвертая часть балкарского населения, субэтнические различия начали постепенно стираться, обнаружилась перестройка внутрисистемных связей.

Вторая половина XIX – начало XX века отмечены появлением новой социально-бытовой инфраструктуры в горских обществах. Одним из самых важных событий, разомкнувшим изолированный образ жизни горцев, явилось строительство грунтовых дорог. Запертые в труднодоступных ущельях балкарцы остро нуждались в удобном колесном сообщении с плоскостью. Еще в 1859 г. корреспондент газеты «Кавказ» писал: «Пути сообщения в этих обществах чрезвычайно трудны, а местами и вовсе неудобны, да и в трудных местах можно ехать только верхом на лошади, и то не везде, есть места, где и пешком сообщение трудно»[283]. В 1861 году Измаил Урусбиев предпринял попытку построить колесную дорогу по Баксанскому ущелью. Работы велись два года, и к весне 1863 года дорога, протяженностью 60 верст, от аула Урусбиева достигла Кабардинской плоскости[284]. В своем донесении Измаил Урусбиев сообщал: «Кроме разработанной дороги, в прошлом году я успел поставить один новый мост через р. Баксан выше аула князя Магомеда Наурузова, после чего уже было несколько колесных подвод с тяжестями из

плоскости в наше общество, и горцы до сих пор не понимавшие выгоды этой дороги теперь сплошь запаслись к весне арбами, чтобы с приведением к желаемой цели дороги бросить навсегда свои вьюки»[285]. В 1869 г. братья Урусбиевы изъявили желание продолжить дорогу вглубь ущелья до Донгуз Оруна и получили для строительства, порох, железо и необходимый инвентарь[286].

Источники, датируемые 1864 г., содержат сведения о попытках устройства удобного сообщения с плоскостью и в других горских обществах. Все расходы балкарские общества взяли на себя. По данным Н.Ф. Грабовского, уже в 1870 г. начальник округа, без особых затруднений, проехал в Урусбий на тарантасе. В Балкарии более половины дороги разработано по ущелью р. Псыган-су, а из Безенги и Хулама она доведена до теснины р. Хуламского Черека. Из Чегема дорога проводилась в Баксанское ущелье[287].

Терское областное правление отмечало особую важность разработки горных дорог, способствовавших развитию материального благосостояния населения. Строительство удобных путей сообщения исключило бы убытки, связанные с падением навьюченных животных в пропасть, и позволило бы горцам в большом количестве приобретать на базаре и в лавках слободы Нальчик соль, просо, муку, железо, сталь и другие необходимые товары[288]. Начальник Терской области в своем отчете за 1880 г. с пафосом писал: «Путь этот, представляющий ныне свободный доступ в горы, без сомнения в ближайшем будущем поднимет экономический быт массы горского населения, несколько веков не знавшего другого сообщения с плоскостью кроме вьючного»[289].

В 80-х гг. XIX в. дорожное строительство получило новый импульс. Для этого на общественных сходах принимали решения о строительстве путей сообщения, соединявших горы с плоскостью, распределяли необходимое количество средств по дворам, заключали договор с подрядчиком. В случае необходимости общество поставляло рабочую силу и обеспечивало работников продовольствием[290]. Первыми закончили строительство колесной дороги в горах Хуламское и Безенгиевское общества, пробив путь сквозь неприступные скалы. В 1884 г. и Балкарское общество последовало их примеру. В отчете начальника Терской области за 1884 г. говорилось, что Балкарское общество «обложило себя добровольным налогом от 80 до 100 руб. на каждый двор»[291]. А чиновник из областной администрации в путевых заметках с воодушевлением записал: «Попытка Балкарского горского общества проложить себе дорогу для сообщения с плоскостью – увенчалась полным успехом. Население это, не имея с плоскостью в прежнее время даже порядочной тропы для верховой езды, в настоящее время располагает для колесного сообщения весьма порядочной дорогой, разработанной населением за свой счет»[292]. Вслед за Балкарским обществом жители Чегемского ущелья также провели с гор на плоскость колесный путь на свои средства.

Когда в 1868 г. проводилась реформа местного управления, начальнику Горского участка было дано распоряжение найти по одному писарю в

каждое общество, «если нельзя из русских, то из грамотных туземцев, на жалование из общественной суммы»[293]. Но чаще эту должность при сельском правлении исправлял кто-либо из русских. Многие путешественники отмечали это обстоятельство в своих путевых заметках. Например, Вс. Миллер и М. Ковалевский сообщали, что в Чегемской общине они повстречали одного русского, который уже 8 лет живет там в качестве писаря. «Он уже года через два стал хорошо говорить по-татарски и, по-видимому, вполне освоился в ауле. Живет он при аульном правлении, получая в год 300 руб.»[294]. В 1890-х гг. о встрече в Чегеме с русским писарем и его женой упомянул В.Я. Тепцов[295].

Аульные правления начали строиться в каждом балкарском обществе в связи с циркулярным предписанием от 10 октября 1868 г. В нем, в частности, говорилось: «... построить аульные управления по прилагаемому чертежу, стараясь поставить их против середины аула, постройка управления должна быть произведена обществом, а содержание оных, ремонтирование и наем сторожей на аульные денежные средства»[296]. В 1869 г. начальник Горского участка отчитывался перед начальством, что в Балкарии, Хуламе и Безенги уже куплены места для постройки аульных управлений, а в первых двух обществах уже приступили к строительным работам[297]. Все горские общества состояли из небольших поселков, и тот поселок, где располагалось правление, считался в общине главным. Е. Баранов, совершивший в начале 90-х гг. XIX в. поездку в Урусбиевское общество отметил, что «правление состояло из двух комнат: одна судейская, другая спальня писаря и канцелярия»[298]. Дополняя это описание, другой путешественник, В.Я. Тепцов, писал: «Сельское управление помещается в частном доме одного из местных кулаков-богачей… Общественная квартира или «кунацкая» тоже нанимается»[299]. И хотя на путешественников горский аул производил в целом неблагоприятное впечатление из-за убогих саклей, узких грязных улиц и тесной скученной застройки, тем не менее, в их записках нашли отражение те новые знаковые явления, которые сигнализировали о постепенно меняющемся облике балкарских поселений, и были связаны как с реорганизацией системы местного управления, так и с социокультурными трансформациями внутри горского общества. Постепенно менялось то, что мы называем жизненной средой. Неслучайно один из бытописателей отмечал то огромное впечатление, которое произвело на жителей Урусбиевского общества, строительство деревянного домика в европейском стиле. «…Каждый день приходят группы женщин и с удивлением и любопытством осматривают устройство голландских печей, филенчатых дверей с замками, обыкновенных шкафов со стеклами…»[300].

С 60-х гг. XIX века в горских аулах постепенно налаживается медицинское и ветеринарное обслуживание. Анализ санитарного состояния аулов, здоровья населения и статистика болезней в Балкарии, попадает в медицинские

отчеты[301]. В 1863 г. в Урусбиевский аул был командирован окружной медик «для исследования там, на месте о причинах обнаружившейся болезненности и смертности между малолетними детьми и принятия необходимых медико-полицейских мер к прекращению этой болезни»[302].

В записной книжке М. Ковалевского во время его путешествия по Кавказу в 1885 г. была сделана запись о Хасаутском ауле. «Полтора года, как существует школа, в ней два учителя, учат татарскому языку, учению Корана, учеников 35 человек, только мальчики. Русскому не учат. Я встретил всего двух мальчиков, знавших по-русски, учились в Пятигорской горской школе. Аул существует всего 21 год»[303].

С целью религиозного образования в некоторых больших селениях при мечети действовали мусульманские школы-медресе, где мальчиков, а иногда и девочек, обучали арабской грамоте. Это был один из основных каналов распространения исламского вероучения и исламской культуры в горском обществе. Ученики эфенди назывались софты (или сохты). Обычно они собирались из разных селений и жили за счет общества, для этого дети ходили по аулам и собирали себе продовольствие[304]. В основном весь курс обучения состоял в заучивании наизусть арабского текста Корана, который не всегда понимался учениками. И когда, наконец, софты обнаруживали достаточные познания в богословских науках, то они получали звание эфенди. Один из путешественников конца XIX в. отметил, что в Урусбиевском ауле «при мечети обучалось около 15 софт». Учитель веры был из местных жителей, учился в Дагестане, а закончил свое образование в Стамбуле[305]. В 1890 г. в балкарских селах было зарегистрировано 20 школ-медресе, в которых обучался 151 человек[306]. В конце XIX – начале XX века в примечетских медресе произошли некоторые изменения. На смену простому заучиванию Корана и арабской графики, пришли более современные методики, больше внимания стали уделять изучению естественных наук, религиозной литературы, истории и риторики; повысился уровень образования служителей исламского вероучения. По данным участкового начальника за 1915 год в балкарских селениях действовало 17 школ-медресе, в них работало 18 учителей и обучалось 164 человека. Эти школы содержались на частные средства[307].

Надо сказать, что все побывавшие в 1880-е гг. в горских обществах, обращали внимание на красивые, недавно построенные мечети[308], которые к концу века были практически в каждом населенном пункте. Причем крупные аулы обзаводились несколькими квартальными мечетями, при наличии главной соборной. «Список населенных мест по сведениям 1874 года» фиксирует мечеть уже практически в каждом балкарском обществе[309]. Первое, на что обратили внимание путешествовавшие по Чегемскому ущелью в 80-х гг. XIX в. академики Вс. Миллер и М. Ковалевский – это «новая, довольно обширная деревянная мечеть, русской постройки, окруженная крытой галереей»[310]. Как достопримечательность ее отметил и В.Я. Тепцов, добавив что

Слева направо: *С.И. Танеев, М.М. Ковалевский, И.М. Урусбиев, Суюнчев, Н.К. Михайловский, И.И. Иванюков*

«вблизи мечети тоже на средства общества, выстроены аульные ватер-клозеты. В них правоверные делают свои омовения из ручья»[311]. Наиболее интенсивно строительство мечетей в балкарских обществах велось в 1880–90-е гг. В целом в Балкарии сложилась ситуация, благоприятная для сохранения, воспроизводства и трансмиссии мусульманской культуры. Этому способствовала и организация хаджа в святые земли.

Что касается светского образования, то сеть министерских школ была сформирована в Терской области только к 1914 году. В балкарских селах находилось только три начальных учебных заведения. Наряду со школой в Кашкатау, действовавшей с начала XX в., в 1913 г. были открыты еще две – в Урусбиевском и в Хасаутском аулах. В 1915 г. во всех школах Балкарии обучалось только 110 человек[312].

С 1860-х гг. отмечается проникновение в горское хозяйство товарно-денежных отношений, в балкарских аулах появляются стационарные торговые лавки, постепенно вытесняя меновую торговлю. М. Кипиани, в 1881 г. осматривая селение Чегем, «нашел здесь лавку с красным товаром, где торгует русский человек из Нальчика»[313]. Естественно, что уровень развития социально-бытовой инфраструктуры в том или ином ауле напрямую был связан с численностью его жителей. Вместе с тем важную роль играло местоположение селения и время его возникновения. По сведениям за 1897 г. в Хасауте имелась 1 мелочная и 1 мануфактурная лавки[314], в Хуламе 1 мелочная и 3 временных мануфактурных лавки[315], в Гунделене – 1 мелочная и 3 мануфактурных лавки[316], в Урусбиевском поселке – 3 мануфактурных лавки[317], в Чегеме – 2 мелочные и 7 мануфактурных лавок[318].

В 70-х XIX в. Хамзат Урусбиев, изучив швейцарскую технологию производства сыра, открыл в Баксанском ущелье сыроварню, которая «в 1874 г. выработала от 150 коров до 400 пудов швейцарского сыра. Затрудняло дело отсутствие рынков. Урусбиев сдавал сыр на комиссию в Пятигорске в магазине Эрина, а во Владикавказе начал недавно продажу на базаре», – сооб-

щала газета «Терские ведомости»[319]. Это предприятие было закрыто в связи с эпидемией чумы. В 1887 г. Александр Урусбиев возобновил производство сыра «в весьма скромных размерах». Но случаи такой предпринимательской активности были единичны. В начале XX века в Чегемском обществе Балкароков организовал сыроваренный, а Барасбиев – маслодельный завод, куда население этого общества сбывала часть молока. Отхожим промыслом население не занималось, за исключением жителей Черекского ущелья, которые отправлялись на заработки в другие общества во время уборки сена, а также для устройства каменных изгородей вокруг загонов. Средства к жизни население получало, главным образом, от продажи скота в Закавказье и на рынке слободы Нальчик; кроме того, некоторый доход давала выделка простых сукон и полстей.

В условиях развернувшейся во второй половине XIX – начале XX в. «горнопромышленной лихорадки» в Балкарии началась интенсивная разведка месторождений полезных ископаемых. Еще в начале 60-х гг. XIX в. сообщалось об открытии подпоручиком Чекаловым месторождения серебросвинцовой руды, находящейся «в горах Большой Кабарды на казенной пустопорожней земле от укр. Нальчика приблизительно верстах в 60-ти»[320]. В 1870-х гг. геологическая разведка в горских ущельях велась действительным статским советником Абихом[321]. Мещанин Житомирской губернии Зейпик Фрахтман и кабардинец Измаил Лиев хлопотали о разрешении добывать каменный уголь на землях, принадлежавшим частным собственникам Балкарукову, Кучукову и Барасбиевым[322]. В конце века Гунделеновское общество предоставило право присяжному поверенному Ф.И. Тимченко-Ярещенко производить геологическую разведку на своих общественных землях и устраивать технические сооружения для добычи полезных ископаемых[323]. Этот предприниматель получил подобные приговоры также от Хуламского и Чегемского обществ[324]. Но местная администрация наложила запрет на сдачу в аренду земли и разработку руд в горских обществах. В 1900 году возникло дело о предоставлении учредителю «Русско-кавказского горнозаводского общества» Вендровскому права «войти в соглашение с жителями обществ селений Балкарского и Безенгиевского» по использованию их земель «под разведку и разработку рудных месторождений»[325]. Но самое примечательное то, что отдельные представители балкарского народа активно включились в промышленную разработку полезных ископаемых и проявили выдающуюся предприимчивость. Так, источники свидетельствуют о предпринимательской деятельности братьев Муллаевых, занимавшихся «изысканием и разведкой полезных ископаемых в Нальчикском округе в пределах Балкарии» в конце XIX – начале XX века. Студент Харьковского технологического института Магомед Муллаев получил разрешение Хуламского общества на разработку киноварной руды[326], а его брат Исхак Муллаев добился от безенгиевцев разрешения производить разведку горных богатств на землях общества, прокладывать для

Общая молитва в Верхней Балкарии

заводских надобностей дороги, ставить мосты, пользоваться силой рек, камнем и песком для построек[327].

Таким образом, с 60-х гг. XIX в. можно констатировать складывание в балкарских обществах качественно новой социально-бытовой инфраструктуры, включавшей такие несвойственные для горских поселений начала XIX в. элементы, как колесные дороги, медицинское обеспечение, образовательные учреждения, культовые мусульманские сооружения, административные и общественные здания, торговые и промысловые заведения. Развитие инфраструктуры усиливало эффективность механизмов воздействия государства на традиционные институты самоорганизации. Основными каналами влияния на локальное сообщество становились местное чиновничество, инкорпорированные органы самоуправления и хозяйственная практика.

Изолированность горских обществ была нарушена участившимися экскурсиями с познавательными и научными целями. Определенная предпринимательская активность в удаленных ущельях внесла свежую струю в замкнутый традиционный образ жизни. Новые виды деятельности были освоены незначительной частью балкарской элиты, которая тем не менее сформулировала и вынесла на повестку дня наиболее актуальные вопросы социальной, культурной и экономической жизни горского населения. Под руководством И.А. Урусбиева создан музыкальный кружок, дававший публичные концерты в слободе Нальчик[328]. В 1908 г. в Нальчикском округе «г. Урусбиевым открыта первая в слободе типография и при ней переплетная мастерская и писчебумажный магазин»[329].

Тем не менее, масштабы включения горского населения в систему всероссийского рынка оставались весьма ограниченными. Балкарцы втягивались в рыночные отношения почти исключительно через реализацию продуктов традиционных промыслов и животноводства. Случаи предпринимательской активности по переработке сельскохозяйственной продукции, в строительстве дорог и разработке полезных ископаемых носили единичный характер. Сохранялось безусловное доминирование традиционных видов деятельности. По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской импе-

рии, в сельском хозяйстве было занято – 90 % а в обрабатывающей промышленности и городских промыслах только 1,2 % балкарского населения[330].

4.6. Формирование полиэтничного населения на территории Кабарды

В пореформенный период характерным явлением стало массовое переселенческое движение в северокавказский регион, достигшее апогея в конце XIX в. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток.

В дореформенный период преобладающий характер носила военно-казачья колонизация, с 60-х гг. XIX в. – гражданская, главной целью которой стало хозяйственное освоение присоединенных к России земель, то есть возобладала мирная земледельческая и торгово-промышленная колонизация. В связи с развитием капитализма в данном регионе колонизация меняет свой характер, сливаясь с таким общественно-политическим явлением, как развитие капиталистических отношений. Кроме того, правительство надеялось, что «приток русского земледельческого населения... окажет значительное культурное влияние на ... туземное население в смысле приобщения его к мирному занятию земледелием, а также, что в смеси с русским населением скорее забудут свое обособление от русских и взаимную вражду»[331]. Одним словом, вслед за казачеством и одновременно с ним на присоединенных землях Северного Кавказа крестьянство служило закрепляющим материалом политического господства российского государства, участвуя в широком экономическом освоении региона.

Переселенческое движение стало одним из важнейших каналов формирования и развития среди многонационального населения Кабардино-Балкарии русской национальной группы. Крестьянская колонизация была важнейшим шагом для экономического освоения края, ослабления напряженности в центральных губерниях, где особенно острым было малоземелье, для развития российского капитализма. Казачье население хотя и превышало сначала по своей численности крестьян, но постоянно находилось на военной службе, уступало им в хозяйственном развитии, как отмечал Г.Н. Прозрителев, казачьи «станицы сильно отстали от хозяйственных «мужичьих» сел»[332].

Гражданская колонизация была представлена двумя направлениями – плановым переселением жителей из центральных и южных районов России и стихийным колонизационным движением из тех же районов.

Важной предпосылкой аграрной колонизации края явились реформы 60-х гг. XIX в., в результате которых огромные земельные площади перешли

в частную собственность. Одним из факторов притока русского населения в Терскую область стало также строительство в 1875 г. Владикавказской железной дороги.

Переселенцев привлекали земли, находившиеся в частной собственности, которые можно было довольно легко купить или арендовать. Арендные цены и посаженная плата здесь были невысоки. Объектом купли и продажи становились земли частного владения, а объектом аренды – войсковые запасные, и с конца 70-х гг. – станичные общинные земли[333].

Массовая крестьянская колонизация началась в 80-е гг. XIX в., после завершения земельной реформы и размежевания земель в Кабарде. В результате реформы земельными собственниками стали кабардинские князья и дворяне. Кроме того, землю в Большой Кабарде получили некоторые офицеры Владикавказского казачьего полка[334].

В 80-х гг. XIX в. появилось много новых населенных пунктов, основанных переселенцами в Кабарде: в 1885 г. переселенцы из Кременчугской губернии основали поселок Кременчуг-Константиновский, (на купленной у князя Иналова с помощью поземельных банков земле), в 1886 г. украинские крестьяне из села Радионовка Харульского уезда Полтавской губернии основали поселок Новополтавский (на земле, купленной у полковника Алтудова), в том же году крестьяне разных уездов Полтавской губернии основали поселок Новоивановский (на земле, купленной у подполковника Цугулиева)[335]. Некоторые из этих поселений были довольно крупными. В поселке Новополтавском в 1889 г. проживали 252 человека, в Новоивановском – 561[336].

Самой распространенной формой новых поселений стали хутора – Ново-Троицкий, Ново-Курский и др. Они размещались чаще на арендованной, но иногда и на купленной земле. В Нальчикском округе в 1889 г. было 25 хуторов с русским и украинским населением, в которых проживало 1630 человек[337].

На протяжении второй половины XIX в. численность казачества края возрастала. Увеличение численности казачества происходило в основном за счет естественного прироста, а не за счет миграции, как это было в первой половине века.

Общая численность казачества во всех 7 станицах и хуторах, расположенных на территории Кабардино-Балкарии, в 1889 г. достигла 12 686 человек, т.е. увеличилась по сравнению с 1880 г. на 17,1 %. Точную численность неказачьего русского и украинского населения подсчитать трудно, поскольку население некоторых сел и хуторов, не говоря уже о слободе Нальчик, было этнически неоднородным, а сведения о национальном составе в большинстве случаев не сохранились. Но можно определить приблизительную численность восточных славян на территории Кабардино-Балкарии. В станицах в 1889 г. проживало 1127 иногородних (вдвое больше, чем в 1880 г.), крестьянские хутора при станицах насчитывали 222 жителя, хутора Малой Кабарды – около 1000, хутора и поселки Нальчикского округа – 2864, Нальчик (без

горско-еврейского поселка) – 2503, итого 7,7 тысячи человек. В большинстве своем это были русские и украинцы. Общая численность восточных славян на территории Кабардино-Балкарии, включая и казаков, составляла в 1889 г. более 20 тысяч человек[338]. Казачество по-прежнему оставалось крупнейшей группой русского населения, и все же численность других сословий, особенно крестьянства, в 80-х гг. XIX в. существенно возросла.

Значительное число переселенцев устраивалось на положении иногородних. После окончания в 1864 г. Кавказской войны дальнейшее пополнение рядов казачества за счет других социальных групп стало ненужным. С прекращением приписки в станичные общества неказачье население, которое служило раньше источником пополнения строевого казачества, превратилось теперь в так называемых «иногородних», занимавшихся трудом по вольному найму, арендой и обработкой земли, торговлей, различными промыслами и т.д. Лица, приобретавшие в собственность усадебные постройки в пределах казачьих станиц с правом потомственного пользования находящейся под этими постройками землей и обязательством уплачивать за это посаженную плату, стали именоваться «иногородними, имеющими оседлость». Все лица невойскового сословия, проживающие в станицах на квартирах или на частновладельческих землях в качестве арендаторов, стали именоваться «иногородними, не имеющими оседлости».

В 1899 г. в Терской области проживало 113898 иногородних, из них почти половина не имела оседлости[339]. В Терской области не было почти ни одной казачьей станицы, в которой не проживали бы «иногородние», арендующие станичные наделы.

Иногородние все более и более сосредоточивали в своих руках казачьи наделы, покупали усадебные постройки, и при таких условиях бедные, а преимущественно нерадивые и ленивые казаки, быстро растратив деньги, полученные за продажу или аренду земли, попадали к ним же в кабалу и не имели никакой возможности снарядиться на службу собственными средствами. В связи с этим последующие узаконения были направлены на сокращение всех предшествовавших льгот переселенцам. По мнению Государственного Совета, утвержденного 13 мая 1883 г., иногородние обязаны были нести все земские повинности, связанные с постоянной оседлостью[340]. Согласно Положению об общественном управлении станиц, принятому в 1891 г., «Лица не войскового сословия», жившие в станицах, а также казаки, «принадлежавшие к обществам других станиц», тоже посылали на станичный сбор своих выборных, по 1 от каждых 10 дворов, однако эти выборные могли принимать участие «в обсуждении и решении только дел, по существу своему касающихся вышеупомянутых лиц»[341]. От решения всех остальных станичных дел они были отстранены.

Были введены ограничения и в пользовании станичными пастбищами и сенокосными местами. Ограничивалось количество скота, которое вправе

были пасти иногородние на общественных выгонах. Иногородние не имели права приобретать недвижимое имущество, землю, ограничивались правом пользования рыбной ловли и в большинстве случаев занимались ремеслами, торговлей и работой по найму в хозяйствах зажиточных казаков и старшин.

Сведений об этническом составе населения станиц, сел и хуторов сохранилось очень немного, но все же имеющиеся материалы показывают, что в станицах жили почти исключительно русские (точнее – русские и украинцы, которых статистика того времени обычно не разделяет). Едва ли не единственной станицей, в которой проживали также и представители других национальностей, была Прохладная, среди жителей которой упоминаются армяне – 21 человек, а также евреи, персы и татары – всего 8 человек[342]. Этнически неоднородным было и население Нальчикской слободы, где жили немцы, армяне, евреи и др. Среди жителей вновь образованных сел и хуторов было много украинцев.

На протяжении 90-х гг. XIX в. продолжался быстрый рост численности русского и украинского населения на территории Кабардино-Балкарии. В Нальчикском округе появилось много новых населенных пунктов, а существовавшие ранее хутора разрослись, некоторые из них превратились в поселки. Если в 1889 г. на реке Куркужин было только несколько русских хуторов, то в 1897 г. – одно село (Новоконстантиновское) и 8 поселков с русским и украинским населением: Коновский, Наурузовский, Новоандреевский, Новоникольский, Полтавский, Тяжговский, Новобогословский и Расторгуевский, а кроме того, несколько хуторов[343].

Материалы переписи 1897 г. содержат сведения о родном языке, что позволяет установить точную численность восточнославянского населения в пределах Нальчикского округа – 9572 человека. Из них в Нальчике проживали 3155 человек, а вне Нальчика – 6417 (приблизительно в 2,2 раза больше, чем в 1889 г.). В те времена под этнонимом русские объединяли всех восточных славян: не только русских в современном понимании, но также украинцев и белорусов, поэтому определить численность каждого из этих народов в отдельности, как правило, не удается. Но итоги переписи 1897 г. дают такую возможность, поскольку подразделяют русский язык на

Казаки и казачки Терской области

великорусский, малорусский и белорусский. В Нальчикском округе в 1897 г. проживали 4811 русских, 4745 украинцев и 16 белорусов. Украинцев было почти столько же, сколько русских. За пределами Нальчика проживали 4273 украинца и 2132 русских, а в Нальчике на 2679 русских приходилось всего 472 украинца[344]. Таким образом, свыше 90 % украинцев и менее половины русских были жителями сел и хуторов. В сельской местности преобладало украинское население, в Нальчике – русское. В связи с этим различалась и социальная структура русского и украинского населения. Более 90 % украинцев и только 63,7 % русских занимались земледелием. Зато среди русских было намного больше ремесленников, торговцев, чиновников, военнослужащих, учителей, медицинских работников и т.д.[345]

Основными районами, из которых в тот период шла миграция русского и украинского населения на территорию Кабардино-Балкарии, были: Полтавская губерния, где родились 1683 жителя Нальчикского округа, Харьковская (658), Екатеринославская (606), Киевская (233), Херсонская (185), Черниговская (115) и Таврическая (112). В округе проживало также довольно много уроженцев Кубанской области (694) и Ставропольской губернии (167), области Войска Донского (172).

Император Николай II в Терском войске

В меньшую по численности группу входили уроженцы центрально-черноземных и поволжских губерний: Воронежской (221), Курской (158), Саратовской (125), Пензенской (45) и Орловской (25). Выходцев из других регионов России было еще меньше[346].

Вплоть до Первой мировой войны численность русского населения округа увеличивалась, хотя новые населенные пункты в этот период почти не появлялись. В 1914 г. в русских селах и хуторах Большой Кабарды проживали 12 944 человека[347]. В Нальчике в 1913 г. проживали 4380 русских и украинцев[348], таким образом, общая численность восточнославянского населения Большой Кабарды составляла в 1914 г. приблизительно 17 тыс. человек. К этому времени изменились границы Нальчикского округа – в его состав была включена Малая Кабарда. На ее территории (в современных границах) проживало около 20 тысяч русских и украинцев[349], а в Нальчикском округе в целом – до 19 тысяч.

За пределами округа по-прежнему оставались все казачьи земли, на которых проживало около 35 тысяч человек[350] (включая 11 245 «иногородних, не имеющих оседлости» или «временно проживающих»), а общая численность восточнославянского населения на территории Кабардино-Балкарии приближалась к 54 тысячам человек, что в 1,8 раза больше, чем в 1897 г.

Из них казаков было менее 22 тысяч человек, т.е. около половины. Численность крестьянства и других сословий на территории Кабардино-Балкарии сравнялась с численностью казачества, что и явилось результатом крестьянской колонизации конца XIX – начала XX в. В этот период в Кабарде появилось множество сел, поселков и хуторов с русским и украинским населением. В отличие от станиц, получавших земельный надел от государства, эти населенные пункты размещались чаще всего на земле, купленной или арендованной у частных собственников. Села отличались от станиц и этническим составом населения: среди крестьян преобладали украинцы, среди казаков (кроме станиц Прохладной и Пришибской) – русские.

К началу Первой мировой войны фактически завершился процесс формирования восточнославянского сельского населения на территории Кабардино-Балкарии. Как мы могли заметить, на первых этапах территорию республики заселяли казаки, позднее – крестьяне.

Еще в 20-х гг. XIX в. в Кабарде поселилась первая группа горских евреев. В поселке Вольный Аул поселились выходцы из аула Эндери, но получили лишь временный вид на жительство. Миграция была следствием известных событий, связанных с Кавказской войной.

Состав еврейского населения поселка постоянно менялся. Согласно «Посемейного списка…» 1865 года, лишь две семьи из первых переселенцев перешли на жительство в горско-еврейскую колонию[351]. Это свидетельствует об активных миграционных процессах, происходивших в горско-еврейском поселении, складывающейся при крепости Нальчик.

В 1847 г. с разрешения начальника центра Кавказской линии генерала князя Голицина при крепости Нальчик были поселены 245 человек горских евреев выходцев из Дагестана, составлявших 72 семьи[352]. Окончательно «водворены» они были при Нальчике по распоряжению Штаба войск Кавказской линии и Черномории начальнику Центра от 30 июня 1848 г., в котором говорится, что «Главнокомандующий Армией разрешил горских евреев…, занимающихся выделкою кож и овчин, поселить вне военного поселения за Нальчикским разгонным постом»[353]. С этого времени история горско-еврейского поселка неразрывно связана с историей Нальчика.

В 1860 г. в поселке проживало 410 человек[354], а через 6 лет горско-еврейская община насчитывала уже 512 человек[355].

В 1862 году была образована слобода Нальчик со слободским управлением. После упразднения крепости, население Нальчика, в том числе и горско-еврейское в количестве 1047 человек[356], поступает в гражданское ведомство.

Горско-еврейский поселок подчинялся Нальчикскому слободскому правлению, и жители поселка принимали участие в общественном сходе наравне с коренными жителями.

В судебных отношениях горские евреи до общей судебной реформы в Кавказском крае «ведались» в горских народных судах, а затем подчинились общим государственным законам[357].

В 1908 году численность горских евреев Кабарды составляет 1307 человек[358], через два года достигает 1418 человек[359].

В середине XIX в. в Кабарде появляются первые немецкие переселенцы. В 1852 году 20 семейств из Саратовской губернии с разрешения наместника Кавказа графа М.С. Воронцова поселились близ укрепления Нальчик. Впоследствии колонию назвали Александровской в честь императора Александра II. Официально статус колонии был узаконен в 1858 году причислением его жителей в качестве государственных крестьян к Ставропольской конторе Государственных имуществ.

В 1862 году по распоряжению окружного начальника Ставропольской палаты государственных имуществ в колонии Александровской были поселены еще «59 душ» из Саратовской губернии[360].

Цель поселения кавказскими властями немцев, как и отставных русских солдат в Кабарде, видна из переписки начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Эристова с командующим войсками на Кавказской линии и Черномории Заводовским, где говорится, что немецкие колонисты, поселившись здесь, принесут краю пользу «как народ смирный, трудолюбивый, и у которого промышленность уже стоит на высокой степени развития», и с течением времени «сами туземцы обратятся к занятиям более полезным, домашний их быт примет более оседлости и через это самый характер их улучшится»[361]. Таким образом, немецкому населению, как и русским переселенцам, отводилась «культуртрегерская» роль.

В конце XIX – начале XX века на территории Кабардино-Балкарии появляются несколько новых немецких поселений. На «высочайше дарованном» участке земли, принадлежавшем бывшему начальнику Терской области генерал-лейтенанту Смекалову, в 1881 году была образована колония Гнаденбург[362], где обосновались сторонники «движения исхода». Оно возникло на территории Германии в начале XIX века в результате дальнейших трансформаций протестантизма, связанных с распространением апокалиптических настроений. Основателем движения считается пастор гессельбергской общины Самуэль Г.К. Клетер, который считал, что «Россия… предназначена Господом дать убежище преследуемым верующим членам церкви Иисуса Христа»[363].

Северный Кавказ в соответствии с эсхатологическими представлениями последователей этого движения был определен «как одно из мест спасения на Земле», и часть последователей переселилась на территории Терской, Кубанской областей и Ставропольской губернии, основав 8 колоний. «Центром

«движения исхода» стала колония Гнаденбург», а в мае 1882 года колония «получила статус немецко-российской общины Исхода, подчиняющейся в светских делах законам России. Общинники объявили себя последователями догматов веры гернгутских братьев и ввели строгую регламентацию всех сторон жизни, основанную на религиозно-этических нормах»[364].

В 1884 году на землях князей Магомета и Пшемахо Атажукиных образовалась другая колония из 22 семейств немцев, которые арендовали земли. Колония была названа Куркужино-Атажукинской[365]. Жители Малокановского, основанного, по одним данным, в 1888, по другим – в 1864 году были выходцами из немецкой колонии Канова (ныне в Ставропольском крае). В отличие от Канова – крупного населенного пункта – хутор (несколько семей немцев) был назван Малое Каново или Малокановское. До 1917 года хутор административно относился к колонии Каново.

Таким образом, к концу XIX века в Кабарде существовало 4 немецких поселения – это Александровская немецкая колония, колонии Гнаденбург, Куркужино-Атажукинская и Малокановская.

В 1905 году общее количество немцев, проживающих только в Нальчикском округе, составляло 1404 человека. Для сравнения в 1902 году в Нальчикском округе насчитывалось 46 русских населенных пунктов, в которых проживало 14661 человек[366], а к 1912 году на покупных землях было образовано 76 русских хуторов и поселков с населением около 19,5 тысячи человек[367].

В начале XX века появляются еще два немецких поселения. В 1908 году переселенцы, купив земельный участок у Василия Калмыкова, который в свою очередь купил землю у дворян Абаевых, поселились отдельной колонией. Поселяне дали ей название Гофнунсфельд[368]. Начиная с 1909 года в документах встречается расположенная в 1-м участке Нальчикского округа колония Эбен-Эцер, жители которой, купив земли у князя Иналова, переселились из колонии Эллаус и поселились близ селения Иналова[369]. Куркужино-Атажукинская колония, упоминавшаяся в документах 1884 года, больше не встречается и ее дальнейшая судьба нам пока не известна.

Немецкое население Кабарды конца XIX – начала XX века кроме переселившихся потомков первых иммигрантов, имевших российское гражданство, было представлено и подданными Германии и Австро-Венгрии. Часть из них сохраняло иностранное подданство в течение всей жизни, а часть после изъявления желания получала российское подданство. Например, жительница колонии Гнаденбург германско-подданная Берта-Луиза-Матильда Шенфельд, проживающий в колонии Гофнунсфельд австрийскоподданный Карл Филиппович Шнайдер[370] и другие в 1915 году получили российское подданство.

В 1910 году численность немцев в Кабарде составляла 2171 человек. Так, в самой слободе Нальчик было 52 немца[371], в хуторах селения Ахлово – 4[372] и т.д. В немецких колониях проживало и относительно небольшое число русских, чаще всего не имеющих оседлости. К примеру, в Александровской

колонии насчитывалось 1356 коренных жителей и 31 иногородний, из которых 20 были немцами, а 11 – русскими [373], в колонии Гнаденбург – 595 немцев и 21 русский[374] и т.д.

В начале XX века в российском обществе распространяются антинемецкие настроения, связанные с ухудшением российско-германских отношений, что проявляется в первую очередь в принятии различного рода запретительных и ограничительных законодательных актов в их отношении.

После начала Первой мировой войны правительством России было принято решение о переименовании немецких поселений по всей империи. В циркуляре министра внутренних дел от 15 октября 1914 года говорится, что «ввиду войны России с Германией и Австрией, я нахожу своевременным поставить на очередь вопрос о переименовании тех селений и волостей, кои носят немецкие названия, с присвоением им наименований русских…»[375].

Александровская колония сохранила свое название. Колония Гнаденбург была переименована в селение Смекаловское, по имени бывшего владельца земли генерал-лейтенанта Смекалова. Эбен-Эцер к 1915 году переименовали в Алексеевскую, а затем в немецкий поселок Иналова, также по имени бывших владельцев участка князей Иналовых и с селением которых соседствовала. Колония Гофнунсфельд, также ввиду того, что находилась вблизи селения Абаевского, и что земля, на которой располагалось поселение, принадлежала Абаевым, была переименована в немецкий поселок Абаевский.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX века Кабарда стала ареной активных миграционных движений, приведших к формированию многонационального населения. Переселения в значительной степени регулировались и определялись Российским правительством. Наиболее многочисленными переселенцами были русские, украинцы и другие народы, преимущественно христианского исповедания.

4.7. Взаимовлияние в сфере материальной и духовной культуры восточнославянского и местного населения

Появившееся еще в середине XVI в. на Тереке терско-гребенское казачество, становится продуктом антропологического и культурного синтеза и начинает играть посредническо-передаточную роль в цивилизационно-культурном диалоге России и Северного Кавказа. Казачество являлось обществом, для которого был характерен коллективный культурный билингвизм, основанный на постоянных контактах личного уровня[376]. Казаки выстраивали свои отношения с северокавказскими народами на основе практики взаимодействия. Ведь жизнедеятельность казаков протекала на Кавказской линии, в эпицентре столкновения и взаимодействия культур.

Стихийная колонизация отдельных территорий Северного Кавказа на ранних этапах не приводила к серьезным столкновениям между горцами и выходцами из России. Но форсирование правительством с XVIII в. колонизации привело к возникновению принципиально новых условий взаимодействия столь различных культур, что осложняло их постепенную адаптацию друг к другу. Но Кавказская война в горско-казачьих отношениях являлась внешним фактором. И в этих условиях общение русских переселенцев с горцами не прекращалось. Кавказская война поставила это взаимодействие в жесткие рамки, но данный позитивный опыт продолжал занимать важное место в отношениях казаков и горцев. Такие отношения диктовались соседством, необходимостью выживать в сложных условиях Кавказа. Даже во время Кавказской войны продолжало развиваться хозяйственное и культурное взаимодействие русских с коренными народами.

Следы взаимодействия славянских переселенцев и коренного населения региона прослеживаются в быту. Переселенцы сначала старались сохранить этнические традиции в планировке, строительстве жилища, выборе одежды, системе питания. Но многие характерные особенности их системы жизнеобеспечения в новых условиях оказывались не пригодными. В таких случаях использовался опыт и знания соседних народов[377].

В ходе тесных отношений казаков и кабардинцев происходил взаимный обмен хозяйственным опытом, заимствование различных элементов материальной культуры. Гребенские казаки в земледелии использовали кабардинский плуг, осваивали новые сроки посева и уборки, долго выращивали просо, как основную зерновую культуру, разводили скот кабардинской породы, приспособленный к местным природно-климатическим условиям[378]. Русские переселенцы способствовали развитию в регионе садоводства и огородничества, строительных навыков и т.д.[379]

В контактной зоне взаимообогащение традиционной славянской и северокавказской культур происходило и в военно-бытовой сфере. По прибытии на Кавказ казаки стали заимствовать горское вооружение и костюм, так как они были лучше приспособлены к местным климатическим и боевым условиям. Заимствуя у горцев форму одежды, казаки прекрасно понимали, что таковая возникла не по произволу, а является следствием векового боевого и жизненного опыта, благодаря чему она столь удобна в походных условиях.

«Рыцарская Кабарда была законодательницею мод и вкуса для всех воинственных адыгских обществ от Сунжи до Черного моря»[380]. Влияние кабардинцев было значительно и выражалось в подражании им окружавших их народов в одежде, вооружении, нравах и обычаях. Не осталось в стороне от этого влияния и славянское население Кавказа. Первыми подверглись кабардинскому воздействию терские казаки, жившие рядом с Кабардой и имевшие оттуда много выходцев в своей среде. Но уже в первой половине XVIII в.

донской атаман Савва Кочетов «сказывал», что казаки даже на Дону носят платье и русское, и татарское, и калмыцкое, и черкесское[381].

В.А. Потто писал о казаках: «Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка сделались их любимым оружием. Даже казацкие жупаны, и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя»[382]. Горский костюм, состоявший из скроенных в талию бешмета, черкески и суживающихся книзу штанов, с высокими мягкими сапогами, действительно был удобен как при верховой езде, так и на дежурстве.

Кавказская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, впоследствии в силу ее удобства была узаконена и стала форменной для терского и кубанского казачьего войска. 16 января 1831 г. в полках и войсках, поселенных на Кавказской линии, впервые устанавливалась форма обмундирования. В принятом в 1845 г. Положении о Кавказском линейном казачьем войске была закреплена форма как офицерской, так и казачьей одежды.

Казаки заимствовали у своих соседей и всю конскую сбрую. Седло и все конское снаряжение были доведены до высшей степени изящества и легкости. «Седелечко черкесское» славилось в казачьих песнях и рассказах[383]. Лошади у казаков, как правило, были кабардинской породы, считавшейся лучшей на Кавказе. Военное воспитание, игры, скачки, выправку и все приемы наездничества казаки заимствовали также у горцев. «Приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, – пишет М. Арнольди, – находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями... не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещеголяли черкесов»[384].

Влияние соседних горцев на быт казаков нашло яркое отражение в песенном творчестве этих поселенцев:

Бедную саклю твою разукрашу кругом,
Стены в ней обобью я персидским ковром;
Галуном твой бешмет по краям разошью,
И тебе пистолет свой заветный отдам;
Дам и шашку тебе с дагестанским клеймом
И лихого коня с кабардинским седлом[385].

Русские и украинские крестьяне также заимствовали некоторые элементы одежды народов Северного Кавказа. Так, они носили полушаровидные шапки с низким меховым околышем и выпуклым донышком из ткани, называемые восточными славянами кабардинки, которые были распространены и у многих народов Северного Кавказа. Летом головным убором русского населения была войлочная шляпа с широкими полями, которая также заимствована у коренных народов, в частности у кабардинцев[386].

В женском костюме горское влияние в большей степени прослеживается у гребенских казачек, поскольку те нередко были по происхождению из коренных жительниц. Казачки носили платье горского покроя с широкими рукавами, металлическими нагрудными застежками, кавказскую шапочку и большой, спадающий на спину платок[387]. Обувью служили сафьяновые чувяки горского покроя. Зимою носили вязаные шерстяные носки[388].

Примером восточного влияния на женскую одежду русского населения региона был и женский бешмет, сшитый из ситца, распространенный в первой половине XIX в.[389]

Влиянием горского быта объясняется и пристрастие казачек к косметике и металлическим украшениям. Казачки носили серебряные пояса, монисты, кольца, браслеты. По кавказским рецептам готовились косметические средства, казачки красили сурьмой брови и ресницы, отбеливали и румянили лицо[390].

С проникновением в аулы русской культуры начинает трансформироваться и традиционная горская одежда. Во второй половине XIX в. в национальном костюме произошли некоторые изменения. По мере втягивания народов региона в новые рыночные отношения увеличивается ввоз фабричных товаров, в том числе и тканей, готовой одежды и т.д. Фабричные ткани начали шире использовать для изготовления мужской и женской одежды. При сохранении прежнего покроя использовались новые материалы, упрощались некоторые части костюма. В конце века идет сближение горского костюма с костюмом городского фасона. Среди горцев получили определенное распространение новые виды одежды: кофты, юбки, платки, различные шарфы и косынки, туфли, ботинки, мужские сапоги[391]. Однако общий силуэт и стиль национального костюма сохранялся.

Пища является у каждого народа наиболее консервативным элементом материальной культуры, однако и в этой области у казаков, крестьян и горцев было немало заимствований. Казаки научились изготовлять из просяной муки саламату, квашу или кулагу, заменявшую хлеб, и напоминавшую по способу приготовления и использованию пIастэ – пшенную кашу соседних адыгских народов[392].

В установлении мирных, добрососедских отношений между горцами и казаками немалую роль играли беглецы из среды кавказских народов. Горские крестьяне находили у казаков приют, хороший прием, волю и свободу, возможность трудиться на себя[393]. Естественно, что в русских крепостях и казачьих городках с их смешанным русско-северокавказским населением взаимное проникновение различных элементов культуры и быта было более интенсивным и стабильным.

Весьма заметную роль во взаимоотношениях между казаками и местными народами играла женщина. Горские, гребенские казаки в силу того, что изначально представляли исключительно мужское население роднились с местными народами, фактически ассимилируя вливающиеся в их среду инородческие

Портрет казака Гребенского полка Федула Федюшкина и его жены. Рис. Г.Г. Гагарина

элементы, и в результате появился особый генотип – гребенской казак. Гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения. А.Ф. Щербина отмечал, что «... русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе»[394].

Отношения между членами семьи у казаков носили ярко выраженный патриархальный и авторитарный характер, как это было принято в традиционных кавказских семьях. Команды старшего в семье и даже наказание никогда не подвергались сомнению. Разводы у терцев были очень редкими. Это можно объяснить особым престижем брака у казаков, более высоким социальным статусом семейного человека в станицах и, несомненно, влиянием горских народов, где разводы также были крайне редкими.

Межэтнические браки наряду с укреплением экономических и культурных связей между казаками и горцами способствовали складыванию традиций куначества – этого своеобразного обычая кавказского побратимства. Он связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Этот институт имел двойное значение: социальное, для укрепления социальной стабильности в обществе, и этническое, для установления и поддержания межэтнических контактов. Оно было так прочно усвоено казаками, что стало составной частью их стереотипа поведения. Проявлением дружеских связей между казаками и кабардинцами можно считать и общую практику такого древнего семейно-общественного института, как аталычество. В соответствии с этим обычаем между семьями ребенка и его воспитателя устанавливались родственные отношения. И в начале XX в. бывало, что кабардинцы отдавали своих сыновей на несколько лет в русскую семью, чтобы они выучили русский язык, закончили русскую школу, что позволяло им в дальнейшем рассчитывать на успешную карьеру. Тем самым в новых условиях и в иной форме возрождался обычай аталычества[395].

В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обычаи, ценила добрососедские отношения. Конфликт, в который они были вовлечены, являлся своеобразной формой межэтнического контакта, в ходе которого «происходило сопоставление-противопоставление по ряду направлений (хозяйственно-культурный тип, языковая, конфессиональная принадлеж-

ность, стадиальный уровень и пр.), при этом выяснялись многие общие черты материальной и духовной культуры»[396].

Новый этап в заселении региона приходится на 60-е годы XIX в., которые ознаменовались важными политическими событиями, судьбоносными для всех народов России, в том числе и Северного Кавказа, куда в эти годы усиливается массовое переселение, достигшее апогея в конце XIX в. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Этот этап заселения края совпал с «экономическим завоеванием» Кавказа. С переселением большого числа русского населения в Предкавказье еще более заметным стало хозяйственное заимствование и взаимовлияние культур. Под влиянием русских крестьян, поднимавших целину в предкавказских степях, земледельческая культура стала шире распространяться и в предгорной зоне Северного Кавказа. Горские народы стали увеличивать посевы, перенимать от русских более совершенные приемы полеводства, более высокую технику земледелия, стали применять озимые посевы, высеивать новые для них культуры (гречиху, рожь, подсолнухи). «Кабардинцы... стали сеять хлеб вместо одного проса, иные завели даже плуги, сакли и усадьбы их улучшились, и вообще хозяйство многих кабардинцев стало приближаться к русскому»[397]. Семена для посева кабардинцы покупали или получали в подарок от русских крестьян. Постепенно обогащалась и сельскохозяйственная техника горцев: у русских соседей заимствовали более совершенные фабричные орудия труда – плуг, борону, литовку.

Традиционный кабардинский мужской костюм

Под влиянием общения с русским населением и расширения рыночных связей происходило дальнейшее развитие горских кустарных промыслов, которые в большей степени стали приобретать характер ремесла. Особенно это относится к производству бурок, черкесок, оружия.

У коренных народов происходили перемены в области домашнего обихода, построек. В постройках прослеживается славянское влияние. Еще в документах XVII–XVIII вв. встречаются упоминания о рубленых деревянных постройках на манер восточнославянских, принадлежащих местной знати, влившейся в состав населения русских крепостей на Северном Кавказе (Терки, Моздок, Кизляр и др.)[398]. Дома знати местных народов в конце XIX в. все

больше походили на дома русских и украинцев. Так, кабардинцы в конце XIX в. вместо традиционного длинного дома начали строить четырехкамерные дома с русской печью[399]. Горцы шире стали применять привозные строительные материалы, в срубовых домах появились большие окна, которых не было в традиционном горском жилище. Крышу стали покрывать черепицей или жестью. Строили такие дома обычно русские плотники, печи клали русские печники, которые приходили на заработки в горские аулы.

В результате общения с русским населением вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в домах кабардинцев и балкарцев стали появляться русская печь, железная кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы и другие бытовые предметы. У некоторых народов сама комната с печью стала называться «печ». «Кабардинцы – говорилось в корреспонденции газеты «Кавказ» за 1848 г., – особенно легко принимают у себя в хозяйстве всякое нововведение... Свободные жители губернии, казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям, богатым узденям на работу, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания»[400].

В свою очередь, в постройках русского населения прослеживается горское влияние. У славян происходили перемены в области построек и домашнего обихода. Они проявлялось в самом характере построек, их внешнем виде, технике строительства. В русских селах и хуторах в пореформенный период строили чаще всего турлучные и саманные дома, наподобие распространенных среди кабардинцев. Например, в 1899 г. в селе Новоивановском было всего 6 деревянных домов, 37 турлучных и 189 саманных, в селе Кременчуг-Константиновском – 5 деревянных, 12 турлучных и 337 саманных, в поселке Новополтавском – 1 деревянный, 2 турлучных и 272 саманных[401]. Планировка двора славянского населения не имела сильных отличий от других народов региона.

Горское влияние ощущалось и в интерьерах русских жилищ. По словам И. Попко, «по стене было развешано оружие и доспехи, в углу горкой возвышались постели и одеяла, сложенные на кавказский манер ровными кипами; на полочках красовалась медная посуда…»[402].

Более сложным процессом было взаимовлияние в области духовной культуры. Особые трудности здесь создавали глубокие различия в языке и религии. В духовной культуре русского и украинского населения Кабардино-Балкарии можно обнаружить лишь единичные кавказские заимствования[403]. Свободолюбивый дух кавказских народов отражала лезгинка (исламей), являясь общекавказским танцем. Казаки, причем не только терские, перенимали у кавказских народов, в частности черкесов, танцевальные движения. Среди терских казаков с давних времен сохранился термин «танцевать Шамиля», что значит – танцевать лезгинку. В настоящее время в некото-

рых казачьих станицах на свадьбах и торжествах можно услышать: «А теперь давай Шамиля!». Казаки позаимствовали узнаваемые движения, то есть форму, но, по сравнению с черкесами, в их лезгинке движения более свободные, широкие, темп более медленный[404].

Не исключено, что народы Кавказа оказали влияние на музыкальный фольклор русских и украинцев, что у них можно обнаружить кавказские по происхождению сказочные сюжеты, легенды или предания.

Таким образом, с появлением восточнославянского населения на территории Кабардино-Балкарии, между ним и коренными народами налаживаются устойчивые взаимоотношения, основанные на хозяйственном и культурном взаимодействии. Терские казаки не только долгое время проживали в непосредственном контакте с горцами, но и формировались как общность, в которой большую роль играл местный социокультурный субстрат. Империя рассчитывала инкорпорировать регион не только силами казачьей, но и крестьянской колонизации. С переселением большого числа крестьян в Предкавказье, еще более заметным стало хозяйственное заимствование и взаимовлияние культур. Традиционные культуры переселенцев и местных народов оказались достаточно динамичными и пластичными, что обусловило позитивный и взаимовыгодный характер их социокультурного взаимодействия.

4.8. Достижения интеграции в культурно-просветительской практике и общественной мысли кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX в.

Развитие светского и мусульманского просвещения. Интеграция Кабарды и Балкарии в политическую и социально-экономическую систему Российской империи сопровождалась трансформацией традиционной культуры. Решающее воздействие на это оказывали принадлежность кабардинцев и балкарцев к исламскому миру и нахождение их в подданстве Российской империи. Результатом этих процессов стало формирование альтернативных направлений народного просвещения и новых форм культуры, основанных на идеях сосуществования традиционализма и модернизации, ориентированной на европейские и мусульманские ценности.

Одной из ключевых задач просвещения в Кабарде и Балкарии в XIX века становится создание национальной письменности. Начало этого процесса было связано с двумя источниками иноязычного влияния. С одной стороны, это исламская культурная традиция, которая вместе с религией принесла также письмо на арабском и тюркских языках. С другой – Россия, которая после своего утверждения на Кавказе занялась систематическим введением в крае элементов европейской цивилизации в ее русском выражении.

Наиболее ранние свидетельства о попытках создания письменности у адыгов и карачаево-балкарцев относятся к первой половине XIX века и подтверждают, что две названные тенденции были ясно выражены еще в это время. По официальным данным, письмо появилось у балкарцев и карачаевцев несколько позже, чем у кабардинцев. Но, принадлежа по языку к тюркскому миру, они имели возможность понимать и аккумулировать в свою культурную орбиту литературу родственных по языку народов – турок, татар, кумыков. Поэтому до фактического появления письменности в их среде имели хождение не только книги, но и сделанные первыми грамотными людьми из числа балкарцев и карачаевцев списки с сочинений восточных авторов, нередко адаптированные к родному языку. Со временем это привело и к авторскому письменному творчеству (С. Чабдаров, Д. Шаваев, К. Мечиев).

В первой половине XIX века были, по меньшей мере, две серьезные попытки введения письменности на родном языке. Ш. Ногма (Ногмов) при помощи ученых Петербургской академии наук П. Шармуа, академика Шегрена сначала составил алфавит на русской графической основе, затем на арабской[405], и написал «Грамматику…»[406].

Ш.Б. Ногмов

Поскольку арабская письменность пришла к кабардинцам и балкарцам раньше, вместе с исламом, она получила широкое распространение. В каждом селении были люди, знающие арабскую или турецкую грамоту, а подчас и обучающие на ней детей в духовных школах. Известно, что письмом на основе арабского алфавита пользовались черкесы, служившие в Кавказско-горском полуэскадроне в Петербурге. Это объясняет многочисленные случаи перехода одних и тех же образованных людей то на кириллицу, то с нее обратно на использование арабского шрифта: причина была не столько в более удачной системе знаков для обозначения фонем (в данном плане кириллица предпочтительнее), сколько в ориентации на как можно более широкий круг читателей. Н. Шеретлук обращается к арабице. У. Берсей издает на той же основе первую книгу на адыгском языке[407], но впоследствии почти тут же, вместе с П.К. Усларом собирается составить кабардинскую азбуку, основываясь на кириллице. Эта идея доводится до завершения при участии ученика и сподвижника Берсея – К. Атажукина. Так называемый «усларовский алфавит» затем использовался в первых книгах на кабардинском языке.

В начале 1860-х годах К. Атажукин составил кабардинский алфавит на основе кириллицы. Он придерживался мнения, что «алфавит из русских

букв облегчит народу изучение русской грамоты и этим ускорит сближение кабардинцев с русским и их просвещение»[408]. С использованием этого алфавита в 1860-х гг. были выпущены первые книги на кабардинском языке, которые служили основой преподавания на педагогических курсах, организованных К. Атажукиным для подготовки местных учительских кадров.

В конце XIX века другой вариант кабардинского алфавита на русской графической основе был создан П. Тамбиевым совместно с Л. Лопатинским. В начале XX века изданная ими азбука использовалась в преподавании родного языка в сельских школах округа и Нальчикском реальном училище[409]. Однако эти успехи носили ограниченный характер, поскольку создававшаяся письменность использовалась только в практике отдельных учителей и учебных заведений. Наряду с этим распространению русской графики как основы кабардинского алфавита способствовали представители российской академической науки, которые занимались изучением языков и культуры Кавказа, многочисленные публикации фольклорных и этнографических материалов на русском языке и на языке оригинала с переводом на русский, достаточно большое число представителей горской интеллигенции, получившей образование в Российских учебных заведениях.

В 1870 году А.-Г. Кешев, размышляя о более подходящей графической основе, отмечал недостатки мусульманского образования. И, тем не менее, он отдавал предпочтение арабской графике, потому что она «пустила между горцами слишком прочные корни». Он писал, что «если посредством письменности на горских языках желают достигнуть первоначального образования массы горцев, то нельзя ни минуты колебаться в выборе между двумя системами письменности, из которых одна имеет за собою все шансы проникнуть в народ без всякого затруднения», имея ввиду «арабско-горскую письменность»[410].

В начале XX века собственные варианты кабардинской азбуки на арабской графической основе создают М. Фанзиев, Б. Пачев, Н. Цагов. Алфавит последнего сыграл выдающуюся роль в развитии национальной культуры, получив широкое использование в преподавании в новометодных мусульманских школах Нальчикского округа и национальной издательской деятельности. Усилиями А. Дымова литература на родном языке начинает издаваться отдельными книгами, сначала в типографиях Казани и Темир-Хан-Шуры, а затем и Баксанского просветительского центра (1917–1918 гг.)[411]. В 1917 году на ее базе стала издаваться газета «Адыгский голос».

Созданием письменности на родном языке занимались многие карачаево-балкарские просветители конца XIX – начала XX века. Первая попытка была предпринята С. Урусбиевым в 1879 году[412]. В 1908 г. И. Урусбиев не успел довести свое начинание до конца в связи с преждевременной смертью[413]. Письменность, созданная И. Крымшамхаловым и А. Батчаевым, не получила широкого распространения в связи с невозможностью наладить издательское дело на национальном языке.

В 1908 году в типографии Темир-Хан-Шуры была издана «Книга наставлений» на основе арабского письма[414]. Значительным достижением стало создание старшим эфенди Тебердинского аула и учителем сельской школы И. Акбаевым первого печатного учебника по родному языку – «Родная речь», вышедшего в 1916 году, а также еще нескольких учебных пособий. Их графической основой стал аджам – алфавит, разработанный в Дагестане на основе арабицы[415].

И.А. Урусбиев с женой и сыном

Пути становления национальной письменности во многом отражали сложные процессы развития национального просвещения кабардинцев и балкарцев.

Со времени установления в Кабардино-Балкарии царской власти были предприняты меры по организации обучения детей местной знати с целью приобщения их к просвещению и русской культуре, воспитания в них верноподданнических чувств. С этой целью в Нальчике действовали аманатская (20–50-е годы) и Кабардинская дворянская школы (50-е годы XIX в.)[416].

В 1860 году была открыта Нальчикская горская школа, которая состояла из четырех классов и по статусу приравнивалась к уездному училищу. Выпускники школы могли поступить в 4-й класс российской гимназии, а также получали право работать учителями сельских школ. Горские школы должны были служить проводниками новых понятий и реформ на Кавказе, сближая коренное население с русской культурой. Тем самым «средствами русского образования начинала формироваться особая европейско-русская идентичность просвещенных представителей Кавказа»[417]. Однако ограниченность программы Горской школы и слабая оснащенность учительскими кадрами, по мнению П. Коцева, во многом были причиной малого числа интеллигенции в Кабарде[418]. После нескольких обращений представителей кабардинского общества только в 1909 г. Нальчикская окружная горская школа была преобразована в Реальное училище[419].

В целом царская администрация оказывала минимальное содействие протекающим культурным процессам, в частности, просвещению коренного населения, оставляя их заботам местных энтузиастов и финансовому попечению общественного капитала. Поэтому созданные в 1875 году три начальные школы, содержавшиеся за счет Кабардинской общественной суммы, уже в 1878 г. по решению Съезда доверенных прекратили финансироваться и были закрыты в связи с неэффективностью обучения и нехваткой средств[420].

Новый этап в развитии начального образования начался в 1896 г. По рекомендации Дирекции народных училищ Терской области и окружной администрациии в ознаменование коронации Николая II в селениях Докшоково, Аргудан, Кайсын-Анзорово, Хату-Анзорово и Коголкино на общественные деньги были учреждены одноклассные министерские школы[421]. К 1902 году они действовали уже в 25 кабардинских селениях[422]. Однако в них местное население находило больше недостатков, чем достоинств. В начале XX века министерские школы рассматривались как средство «…обрусить и охристианить питомцев…», что, разумеется, только усиливало неприязнь к ним[423]. В конце 1907 года доверенные от сельских обществ обратились к начальнику округа с просьбой упразднить сельские школы, учредив взамен их три участковые[424]. Помимо неудовлетворения их работой, в нежелании развивать сельские светские школы сказывалось сопротивление как сельских властей, предпочитавших свободные средства направлять на погашение недоимок или другие сельские нужды, так и мусульманских священнослужителей, конкурирующих с министерскими школами в сфере начального образования[425]. Попытки начальника округа С. Клишбиева директивной политикой переломить ситуацию[426] не дали положительных результатов. Несмотря на то, что школы упразднены не были, переменить к ним отношение так и не удалось.

С критикой сельских школ выступали и представители светской интеллигенции. Размышляя о причинах «бесполезности» этого вида образования, П. Коцев подчеркивал «совершенное несоответствие и неприспособленность начальной школы к местным условиям». Основой начального обучения он считал «преподавание предметов на родном языке с постепенным переходом к изучению на русском»[427]. Тем не менее вплоть до 1910-х годов все попытки ввести базовое обучение на родном языке не удавались.

Отличительной чертой пореформенного периода стало увеличение численности кабардинцев и балкарцев, знающих русскую грамоту[428]. Однако их уровень владения языком, освоенный в одноклассных школах, был не высок[429], поэтому количество знающих русских язык можно рассматривать как признак медленной адаптации кабардинцев и балкарцев к пореформенной социокультурной ситуации, в которой вся официальная сторона их общественного быта оформлялась на русском языке. В этом же направлении с Шоры Ногмова, преподававшего в аманатской школе, и К. Атажукина, который в 1866 году открыл педагогические курсы для подготовки сельских учителей, начинается формирование светской учительской интеллигенции. В конце XIX – начале XX века ее видными представителями были И. Кармов, Т. Кашежев, Х.-М.Б. Тавкешев, З.-Г. Керефов, К. Кудашев, Б. Хуранов, И.А. Урусбиев, А. Джабоев.

Если в официальной сфере прочно установилось господство русского письменного языка, то в неформальной сфере сохранялось значительное влияние арабской грамоты. По данным 1886 года среди грамотных жителей многих селений преобладали лица, знающие арабский язык[430], на котором по-преж-

нему оформлялись отдельные судебные решения, большинство брачных договоров, завещаний и т.п. Это свидетельствовало о сохранении значительной роли мусульманского образования в деле народного просвещения.

Интерес к духовному образованию в Кабарде резко возрос еще в конце XVIII века. В 1841 г. Ш. Ногмов, как секретарь Кабардинского временного суда в рапорте начальнику Центра Кавказской линии писал, что «назад тому более 60 лет, после принятия магометанской веры, некоторые кабардинцы начали заниматься науками на арабском диалекте и по магометанскому обряду устроили для моления мечети и при оных [медресе], т.е. общественные особые сакли для обучения арабскому языку малолетних детей: княжеских, узденских и прочих, желающих читать и писать»[431]. До конца XIX века школы при сельских мечетях оставались наиболее доступной формой начального образования в Нальчикском округе. В середине XIX века, по словам К. Атажукина, несмотря на низкий уровень получаемого образования, «…каждый кабардинец поставляет в обязанность себе отдать сына своего в медресе на учение, почему аульный мулла никогда не имеет недостатка в учениках»[432]. Появление сельских школ общероссийского типа создало конкурентную среду в сфере начального образования.

В этих условиях позицию интеллигенции в процессах взаимодействия традиционной и российской культуры точно выразил адыгский просветитель С. Сиюхов: «…народ желает воспринять от русской культуры… все хорошее, полезное, нужное, практически ценное и сохранить строго религиозную и национальную физиономию»[433]. Реализация этой программы стала возможна только в рамках новометодного исламского просвещения начала XX века. Оно проявилось в качестве активной субкультуры, достигло ведущих позиций в просветительском движении и оказало ощутимое влияние на формирование мировоззрения немногочисленной еще национальной интеллигенции. В его рамках наглядно проявились возможности органичного взаимодействия традиционной культуры с исламской цивилизацией.

Просветительские тенденции этого направления в Кабарде и Балкарии, также как в Адыгее[434] и Дагестане[435], развивались в русле новометодного исламского просвещения («Усуль ал-джадид» (от арабского «джадид» – новый)), сложившегося на рубеже XIX–XX веков. Его основоположником был Исмаил-бей Гаспринский, который выдвинул идею сочетания светских и религиозных предметов и перевода обучения с арабского на родной язык на арабской графической основе[436] У мусульманских народов Поволжья и Крыма джадидизм значительно расширил сферу, в которой он добивался обновления, охватил художественную литературу, искусство, и культуру в целом, и даже быт, семейные отношения и т.д.[437] «Стратегической целью джадидов... было приобщение мусульман к достижениям передовой европейской науки и культуры, средством ее достижения — создание «новометодных школ», в

которых молодое поколение мусульман могло получать соответствующее, пригодное для восприятия новаций образование»[438].

В 1910-х годах в Нальчикском округе создаются новометодные медресе, где наряду с религиозными преподавали общеобразовательные дисциплины. В составе учащихся были представлены широкие слои кабардинского и балкарского общества. Крупнейшее из медресе действовало в сел. Кучмазукино (ныне г. Баксан) под руководством Н. Цагова и А. Дымова. В большинстве селений действовали медресе, где обучались не только мальчики, но и девочки, привлекая учеников из светских министерских школ. В 1915 году учитель М.Г. Варлыгин из сел Атажукино II писал начальнику Нальчикского округа: «Обучение в медресе началось, как видно, с большим рвением, так как привлекаются туда дети из наших школ... самые знатные люди оторвали своих детей из русских школ и послали изучать арабскую грамоту»[439].

В начале 1915 года в Нальчикском округе функционировали 97 мусульманских[440] и 50 светских школ, содержавшихся за общественный счет[441]. Из них в балкарских обществах действовало 26 примечетских школ, в том числе 17 – содержавшихся за частный счет[442].

Царское правительство[443] и Кавказская администрация[444] настороженно относились к новометодному образованию. Несмотря на это, начальник Нальчикского округа С. Клишбиев, по крайней мере, не препятствовал становлению в Кабарде и Балкарии системы новометодного мусульманского образования. Последнее являлось одним из свидетельств поступательной интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство «российского мусульманства», феномен которого сложился в значительной мере под влиянием идей джадидизма.

Наряду с доминировавшим прежде российским влиянием, мусульманско-реформаторское просветительство становится важным стимулятором культурных процессов в Нальчикском округе. Новометодное мусульманское образование оказалось в большей степени соответствующим традиции и потребностям социокультурного развития кабардинцев и балкарцев в рамках Российской империи, нежели образование, получаемое в начальных школах общероссийского типа, базирующихся на изучении русского языка. Однако в наибольшей степени, но на непродолжительное время, оно получило развитие уже после Февральской революции, когда сложились новые социально-политические условия.

Формирование национальной интеллигенции. Важнейшим результатом включения кабардинцев и балкарцев в культурное поле России стала возможность получения хорошего образования и приобщения к русско-европейским и мировым культурным достижениям.

Среднее образование получали в Ставропольской (А.-Г. Кешев, К. Атажукин) и Владикавказской гимназиях (М. Абаев), Закавказской горийской учительской семинарии (П. Тамбиев, С. Клишбиев, А. Джабоев). Высшее

образование оставалось доступным в основном представителям кабардинской и балкарской знати. В XIX – начале XX века кабардинцы и балкарцы обучались в Харьковском технологическом институте (Т. Блаев, М. Муллаев и Т. Шакманов); в Санкт-Петербургском университете (М. Абуков, Г. Сохов, Х. Чежоков, П. Коцев), в Санкт-Петербургском политехническом институте (И. Алтудоков, М. Паштов, Л. Хуранов), в Киевском университете (М. Кудалиев, А. Кармов, И. Шаков, Б. Шогенов), в Московском университете (Д. Кодзоков, К. Жогишев, В. Кудашев и М.-Г. Шипшев)[445], Петербургском институте инженеров путей сообщения (Б.Шарданов) и др.

Мусульманское образование в Дагестане, Крыму и Поволжье, а при особо благоприятных условиях – и в религиозных центрах мусульманского зарубежья получили А. и Г. Дымовы, Н. Цагов, М. Гугов, И. Тлигуров, А. Тамбиев, И. Купов, Т. Губашиев, Х. Хаконов[446], Л. Асанов[447], И. Эфендиев, С. Чабдаров, А. Энеев, Д. Шаваев и др.[448] В 1916–1917 гг. в школе «Усул-Джедит-мектебе», основанной в Бахчисарае И. Гаспринским, учился основоположник кабардинской литературы А. Шогенцуков[449]. Учеником этой же школы был один из основоположников карачаево-балкарской филологии и педагогики Исмаил Акбаев[450], просветители и общественные деятели У. Алиев, С. Шахмурзаев.

Привлечение к службе в военной и гражданской администрации выходцев из привилегированных сословий способствовало формированию национальной, разносторонне образованной интеллигенции и бюрократии. Ее представители к началу XX века стали играть ведущую роль в общественной и духовной жизни своего народа, принимая активное участие в деятельности региональных просветительских организаций. «Таким образом налаживался диалог местных этносоциальных общностей со светскими формами российской культуры»[451]. В Кабарде и Балкарии появились профессиональные юристы, инженеры, медики и педагоги, которые вывели культуру кабардинцев и балкарцев на новый уровень, аккумулируя в ней этнические и религиозные традиции, в сочетании с культурными заимствованиями.

Все это способствовало формированию слоя региональной интеллигенции, включавшей образованную часть привилегированных сословий и средних слоев горского общества и русского населения края. Она выступала движущей силой национального просветительства, осуществлявшегося через работу в сфере образования и различные формы пропаганды просветительских идей, представляла интересы народа в органах администрации, правосудия и общественного самоуправления, развивала национальную полиграфию и журналистику.

Развитие сельских форм начального образования, более активное обучение в региональных учебных заведениях способствовали появлению в сельских обществах Кабарды и Балкарии небольшого, но достаточно влиятельного слоя сельской интеллигенции, преимущественно состоявшей из мусульманского духовенства, а также грамотных должностных лиц сельского

правления и преподавателей министерских школ. Возникновение в 1910-х годах новометодного просвещения сделало образование национальным и общедоступным не только для представителей привилегированных сословий, но и для выходцев из крестьянской среды. В начале XX века к образованию приобщается и женское население.

Повышение уровня образованности кабардинцев и балкарцев (прежде всего среднего и высшего уровня) в существенной степени обеспечивалось благодаря обучению за пределами Нальчикского округа. В содействии просвещению наиболее талантливых кабардинцев и балкарцев большое значение имели Съезд доверенных и находившаяся в его ведении Кабардинская общественная сумма, за счет которой финансировалось обучение и выплачивались стипендии обучающимся в Нальчикской горской школе[452] и за пределами Нальчикского округа[453]. Видную организационную и финансовую роль сыграли общественно-просветительские благотворительные организации Терской области[454] и «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа»[455], созданное в 1907 году. Весомой поддержкой в деле новометодного просвещения являлись связи Баксанского центра со своими единомышленниками в Дагестане, Поволжье и адыгской диаспорой в Турции[456].

В начале XX века процессы обновления, прогрессивные тенденции и веяния в духе джадидизма объединили мусульманских реформаторов-просветителей из числа «нового духовенства» и представителей светской интеллигенции, которым были близки идеи национального возрождения[457]. Баксанские просветители представляли собой подлинно народную интеллигенцию, возникшую на местной почве и выражавшую глубинные потребности этноса в сохранении своей идентичности. Баксанские просветители видели смысл просвещения в синтезе традиционной культуры с исламской цивилизацией. Оценивая деятельность этой части кабардинской интеллигенции С. Сиюхов отмечал, что благодаря её заботам кабардинцы, «нисколько не утратив своей самобытности, далеко ушли по пути экономического и культурного развития среди других мусульманских народов России»[458].

К сожалению, значительная часть деятелей Баксанского просветительского движения, как и многие из представителей светской и духовной интеллигенции, сформировавшейся до 1917 года, с приходом к власти большевиков оказались вынуждены покинуть Россию или были репрессированы Советской властью[459].

Проблемы интеграции в интеллектуальной культуре кабардинцев и балкарцев. С окончательным включением Кабарды и Балкарии в состав российского государства основной проблемой общественной мысли становится выработка условий органичной интеграции кабардинцев и балкарцев в новую социокультурную систему. В этой связи характерным выражением общественной мысли становятся коллективные и индивидуальные обращения к представителям

царской администрации, в которых содержался перечень проблем, актуальных в изменяющихся условиях жизнедеятельности традиционных обществ. Авторами проектов были офицеры и чиновники из коренных жителей.

У истоков этой традиции стоял Измаил-Бей Атажукин[460], который сформулировал просветительское понимание условий интеграции. В его «Записках…» и прошениях, обращенных к представителям высшей власти в Российской империи, проявилось «патриотическое стремление облегчить положение кабардинского общества в условиях надвигающейся колонизации и достижение этого мирными средствами»[461].

В замечаниях С. Хан-Гирея «о мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданственное состояние кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития» с пониманием особенностей общественно-политического строя «аристократических» и «демократических» адыгов представлены возможные меры по их «мирному включению» в состав Российской империи в составе специально образованных «махчематств», действующих под контролем царской военной администрации[462].

В 1829 году кабардинский князь на русской военной службе генерал-майор князь Тембот (Ф.А.) Бекович-Черкасский представил проект, в котором предложил комплекс мер по стабилизации общественно-экономической

Ученый-просветитель Кабарды Шора Ногмов читает свои произведения А.С. Пушкину. С картины художника И.В. Балицкого

ситуации в Кабарде. Они включали: размежевание феодальных владений и наделение крестьян земельными участками, осуществление переписи зависимых сословий, упорядочивание феодальных повинностей, расширение состава и компетенции Кабардинского временного суда и основание около крепости Нальчик города[463]. Проект Ф. Бековича-Черкасского остался достоянием только лишь административной переписки. Тем не менее, некоторые интеграционные стратегии, предложенные в нем, были реализованы по мере развития Нальчика, как административного центра Кабарды.

Просветительские взгляды на перспективы самосохранения кабардинцев в новых социально-политических условиях высказывались в «Истории адыхейского народа» Ш. Ногмова[464]. В административной практике конкурировали взгляды членов Кабардинского временного суда Я. Шарданова и У. Шеретлокова на перспективы развития Кабарды в рамках российской государственной системы[465]. Их полемика о роли шариата в общественной жизни во многом продемонстрировала сохранявшийся раскол в кабардинском обществе, наглядно проявившийся на фоне очередной активизации Кавказской войны в 30–40-х гг. XIX в.

Коллективные прошения как форма диалога с царской администрацией сопровождали едва ли не каждое ее нововведение и первоначально содержали просьбы о сохранении и даже восстановлении традиционных условий жизнедеятельности в поземельных, судебных, межсословных, религиозных и др. отношениях. В частности, это были обращения в связи с земельной реформой и отменой крепостного права, просьбы о предоставлении прав российского дворянства привилегированным кабардинцам и балкарцам и т.п.

С осуществлением реформ в 60–70-х годах XIX века проекты приобретают более конкретный характер и ориентируются уже на оптимизацию различных сторон хозяйственного и общественного быта. В документах Терской сословно-поземельной комиссии, проекты улучшения земледелия и скотоводства Д. Кодзокова[466], в историческом очерке М. Абаева[467] и «Возражениях землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области на проекты разрешения земельного вопроса», составленных юрисконсультом Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ Б. Шахановым[468], докладной записке помощника присяжного поверенного М.-Г. Шипшева наместнику кавказскому графу Воронцову-Дашкову[469], о реформировании кабардинского коневодства и пастбищного землепользования П. Коцева[470], предложения о преобразовании местной административно-судебной системы К. Атажукина[471]. Содержание этих документов, переданное средствами русского бюрократического языка, превращало преимущественно устные интерпретации пространства землепользования кабардинцев и балкарцев в делопроизводственные факты, на которые ориентировались региональные власти при осуществлении земельных мероприятий.

Большое значение в общественной активности сыграла деятельность народных сборов, преобразованных в 60-е гг. XIX в. в Съезды доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Со второй четверти XIX в. они санкционировали обращения от имени народа к царским властям. С 1890-х гг. в. от наиболее деятельных участников съездов доверенных исходят инициативы о реформировании поземельных и административно-судебных отношений (Т. Шипшев[472], М.-Г. Шипшев[473], Б. Шаханов[474]). Опыт регулярной деятельности съездов доверенных в Нальчикском округе послужил одним из аргументов в проектах введения земств на Северном Кавказе, подготовленных Г. Баевым[475] и М.А. Карауловым[476].

Басият Абаевич Шаханов и его жена Джан Балкарукова

Общественная мысль выходит на новый уровень с возникновением русскоязычной публицистики, в которой нашла отражение разносторонняя социальная активность первых представителей национальной интеллигенции. Они выступали в печати по различным проблемам социально-экономического и культурного развития кабардинцев и балкарцев, да и в целом, народов Северного Кавказа. Проблемной постановкой злободневных вопросов общественной жизни отличалось их художественное творчество. Не имея достаточного контингента читателей из среды носителей родного языка, до 1917 года они преимущественно писали на русском, ориентируясь на региональную и даже общероссийскую аудиторию.

Их творчество протекало в исторических условиях, сложившихся после окончания Кавказской войны. Признавая прогрессивное значение России и русской культуры в судьбах горцев, они, однако, осуждали колониальную политику царизма. От критики социальных противоречий горской действительности отдельные из них поднимались до критики общественно-политического строя в государстве[477].

В публицистике начала XX века было заметно влияние джадидизма. Ключевую роль в распространении этих идей сыграл издававшийся в Париже журнал «Мусульманин»[478], с которым сотрудничали П. Коцев и С. Озроков[479], Б. Хуранов, М. Абаев и др. В их статьях выражалось видение перспектив развития народов в рамках синтеза мусульманской и светской европеизированной культуры в социокультурной системе российского государства.

После Февральской революции 1917 года эта традиция получила развитие в деятельности первой газеты на кабардинском языке «Адыгэ макъ». Ее создатель – А. Дымов по праву считается родоначальником кабардинской национальной журналистики[480].

Параллельно с литературным и публицистическим творчеством создавались первые обобщающие работы по истории кабардинцев (Ш. Ногмов «История адыхейского народа», В. Кудашев «Исторические сведения о кабардинском народе»[481], А. Мисостов[482], Б. Шарданов[483]) и балкарцев (М. Абаев, «Балкария. Исторический очерк»). Сохранению историко-культурных традиций способствовали этнографические очерки и художественные переводы фольклорных материалов Ш. Ногмова, К. Атажукина, А.-Г. Кешева, Т. Кашежева, Н. Урусбиева. Большое значение формированию исторического сознания придавали деятели Баксанского культурного центра. Исторические реконструкции Н. Цагова[484] содержат много неточностей и зачастую граничат с художественным вымыслом. Тем не менее, впервые национальная история писалась на адыгском языке и была включена через мусульманскую историческую традицию во всемирную историю в качестве ее органической составной части[485].

Особое беспокойство в среде национальной интеллигенции вызывало продолжавшееся в конце XIX – начале XX века переселенческое движение в Турцию. В связи с ростом переселенческих настроений в годы русско-турецкой войны 1877–1878 годов Д.С. Кодзоков обратился к Кавказской администрации с просьбой «остановить готовящееся бедствие кавказскому племени, проявившимся снова направлением к переселению в Турцию». Переселенческие настроения он считал «вопросом жизни и смерти для Северного Кавказа»[486]. Н. Цагов, предостерегая соотечественников от роковой ошибки, писал: «... Не обманывайтесь и не соблазняйтесь мнимым благополучием тех, кто уже давно живет в Турции. Они и рады бы вернуться назад, но боятся людской молвы. Эти бедные мучаются всю жизнь, плачут по Родине...»[487].

В работах, издававшихся в журналах «Мусульманин» и «В мире мусульманства», «много места отводилось... раскрытию трагедии горцев в Турции»[488]. Балкарский просветитель М. Абаев в 1910 году призывал горскую интеллигенцию, всех тех, «которым дорого благополучие своих племен», работать серьезно над выяснением и устранением причин переселения, ибо недостаточно, по его мнению, сказать: «не переселяйтесь»[489]. С ними были единодушны представители зарубежной адыгской интеллигенции, один из которых предостерегал своих соотечественников: «... берегитесь, дорогие единоверцы, приезжать в Турцию, там неминуемо ждет вас холодная могила… Крепко держитесь за свою родину, и никогда не бросайте ее»[490].

В начале XX века в общественной мысли ставятся вопросы о том, что такое горская интеллигенция[491], какова ее роль в жизни своих народов и задачах,

которые она должна решать в деле просвещения и улучшения материального положения соотечественников[492], предотвращении новых переселений в Турцию[493], урегулировании межэтнических противоречий в Терской области»[494] и др. В начале XX века, благодаря деятельности благотворительных и культурно-просветительских обществ, изданию региональной прессы и журнала «Мусульманин» происходит консолидация северокавказской интеллигенции, что являлось частью интеграционных культурных процессов в рамках северокавказских сообществ.

Баксанские просветители до 1917 года не декларировали свои политические взгляды, ограничивая свою деятельность культурно-возрожденческой проблематикой[495]. Отстаивая духовный суверенитет народа, баксанские просветители, без сомнения, учитывали новые реалии, возникшие в ходе вовлечения народов России в процессы модернизации. Более того, они всячески пропагандировали необходимость усвоения достижений современной европейской цивилизации. В значительной степени это осуществлялось через адыгскую (черкесскую) диаспору в русле процессов обновления ислама в Османской империи, причем в лояльной к России форме. Это был своеобразный латентный период идеологического обоснования права народа на самоопределение, когда он через просвещение уяснял для себя свою самоценность и неотъемлемость прав на сохранение своей этнокультурной самобытности. В другом историческом контексте, возникшем после Февральской революции 1917 года, все это послужило основой для достижения определенных форм суверенитета, которые должны были обеспечить реализацию духовных ценностей, идеологически обусловивших основные вехи национально-государственного строительства в Кабарде и Балкарии в 1917–1920 годах[496].

Вместе с тем важно отметить, что активизация интеллектуальной деятельности по осмыслению и претворению в жизнь интеграционных возможностей затрагивала очень незначительный слой кабардинского общества. Расширение сферы охвата происходит только на рубеже XIX–XX вв., когда увеличивается количество субсидируемых Кабардинской общественной суммой стипендий для обучения за пределами Нальчикского округа, более широко запускается система начальных сельских школ, налаживается работа Нальчикского реального училища, и Баксанского просветительского центра. Существенным толчком к активизации деятельности последнего послужила Февральская революция 1917 г., но лишь непродолжительный период времени. Произошедшее впоследствии развитие революционного процесса и сопутствующих им деструктивных факторов периода Гражданской войны вывел проблемное поле интеллектуальной культуры в совершенно иные социокультурные условия.

Интеллектуальная рефлексия интеграционных процессов, проблем взаимодействия с российской и исламской культурными традициями, оказы-

вала определенное воздействие на гражданскую идентичность представителей кабардинской интеллигенции, приближала их к осознанию себя частью социально-политического и культурного пространства Северного Кавказа и России. Однако, представляя собой межцивилизационную прослойку духовной элиты, они в незначительной степени оказывали влияние на отношение к модернизационным изменениям подавляющего большинства кабардинцев и балкарцев. Их этнокультурная идентичность оказалась затронута в значительно меньшей степени и оставалась преимущественно традиционалистской, с настороженностью и сопротивлением воспринимавшей социокультурные новации.

Примечания

1. *Мальцев В.Н., Чирг А.Ю.* Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII века – 1860 г.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Вып. 2. 2012. С. 86. (С. 86–96).

2. *Калмыков Ж.А.* К вопросу о судебной реформе на Северном Кавказе в середине XIX в… С. 64, 65.

3. ПСЗ–II. Т. XXXII. Отд. 1-е. № 32541. С. 995–996. Опубликовано: Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии): Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахизде. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 183–185.

4. АКАК. Т. XII. С. 645.

5. ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35421. С. 122. Опубликовано: Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе... С. 206–207.

6. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. *Д.* 390. *Л.* 1–1 об.

7. *Великая Н.Н.* Система самоуправления у гребенского казачества в XVIII–XIX вв. … С. 7.

8. *Эсадзе С.Э.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1… С. 197.

9. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38326. С. 497–502. Опубликовано: Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе… С. 237–248.

10. Там же.

11. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38326. С. 497–502. Опубликовано: Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе… С. 237–248.

12. *Дзидзоев В.Д.* Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995. С. 65.

13. ЦГА РСО-Алания. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 12. *Л.* 1.

14. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 427. *Л.* 107 об.–109 об.

15. Административная практика Российской империи… С. 237–248.

16. Там же.

17. Административная практика Российской империи... С. 245.

18. ЦГА РСО-Алания. Ф. 112. Оп. 1. Ед. хр. 31. *Л.* 1.

19. Административная практика Российской империи... С. 267.

20. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Ед. хр. 8. *Л.* 64.

21. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Ед. хр. 8. *Л.* 76.

22. Административная практика Российской империи... С. 245.
23. Там же.
24. Там же.
25. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления… С. 239.
26. *Абаев М.К.* Балкария. Исторический очерк (1911) // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 11… С. 394.
27. Там же.
28. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Ед. хр. 41. *Л*. 4.
29. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. Вып. 9. Тифлис, 1876. С. 1–72.
30. *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии… С. 258.
31. Там же.
32. АКАК. Т. XII. С. 645.
33. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38326. С. 497–502. Опубликовано: Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе... С. 237–248.
34. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе... С. 186.
35. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Ед. хр. 41. *Л*. 3.
36. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38326. С. 497–502. Опубликовано: Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе... С. 237–248.
37. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Ед. хр. 26. *Л*. 8 об.; Цит. по: *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии… С. 258–259.
38. *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии… С. 259.
39. Там же.
40. Там же. С. 259–260.
41. Там же. С. 260.
42. История многовекового содружества… С. 212.
43. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Ед. хр. 41. *Л*. 46.
44. Там же.
45. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. Вып. 9. Тифлис, 1876. С. 1–72.
46. Там же. *Л*. 23.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же. *Л*. 24.
51. Материалы по обозрению горских словесных судов Кавказского края... С. 163; Терский календарь на 1898 год. Владикавказ, 1997. С. 122–123.
52. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 242. Т. 1. *Л*. 48 об.; История многовекового содружества… С. 216.
53. Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей, утвержденные наместником кавказским 18 декабря 1870 года // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 135.
54. ЦГА РСО–Алания. Ф. 12. Оп. 3. *Д*. 1477. *Л*. 20.
55. *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в административное пространство Российской империи (конец XVIII–XIX в.). Нальчик, 2007. С. 108.
56. ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2510. *Л*. 13.

57. *Рейнке Н.М.* Кавказско-горские суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 2. С. 4–71. Опубликовано: Антология памятников права народов Кавказа. Т. 3. Памятники права черкесов (адыгов). Ростов н/Д., 2011. С. 483.

58. Временные правила для Горских словесных судов... С. 140.

59. *Рейнке Н.М.* Кавказско-горские суды Кавказского края... С. 483.

60. Там же.

61. См., например: ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2175. *Л.* 109–110.

62. Временные правила для Горских словесных судов... С. 137.

63. Там же. С. 135.

64. *Рейнке Н.М.* Горские и народные суды Кавказского края… С. 16; *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии… С. 105.

65. ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 154. *Л.* 5.

66. Там же. *Л.* 1–1 об.

67. ЦГА РСО–Алания. Ф. 12. Оп. 3. Ед. хр. 1061. *Л.* 12.

68. ЦГА РСО–Алания. Ф. 12. Оп. 3. Ед. хр. 1279. *Л.* 1–1 об.

69. Там же. *Л.* 1.

70. Там же. *Л.* 8.

71. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 198.

72. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 27. Пасп. № 39.

73. *Думанов Х.М., Кушхов Р.С.* К вопросу о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX века // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1986. Вып. IV. С. 43.

74. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Ед. хр. 1766. *Л.* 5.

75. *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999. С. 102.

76. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. *Д.* 588. Т. 3. *Л.* 96.

77. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 27. Пасп. № 26.

78. См., например: ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Ед. хр. 1254. *Л.* 157.

79. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Ед. хр. 1769. *Л.* 69; *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии... С. 109.

80. *Прасолов Д.Н.* Сельская община в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. Дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 2002. С. 130–137.

81. ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 1; *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 102.

82. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 27. Пасп. № 43.

83. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. *Д.* 1477. *Л.* 19.

84. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д.* 74. Т. 1. *Л.* 1–2; *Думанов Х.М., Кушхов Р.С.* К вопросу о судоустройстве… С. 49.

85. *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, называемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 48.

86. *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев (Напечатана с подлинной, исправленной рукописи и дополнена предисл., биографией автора, прим. и прил. Ад.П. Берже. Тифлис, 1861. С. 113.

87. Там же. С. 62.

88. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 19.

89. *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999.

90. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 14. *Л.* 1.

91. *Абазов А.Х.* К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сб. ст. к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009. С. 268.

92. *Думэн Хь.М.* Адыгэхэм я дауэдапщэхэр… С. 162.

93. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 27. Пасп. № 39.

94. Архив КБИГИ. Ф. 10: Оп. 1. Ед. хр. 27. Пасп. № 25.

95. ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 158. *Л.* 6.

96. *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 80.

97. Там же.

98. Там же.

99. *Абазов А.Х.* К вопросу о формировании... С. 259.

100. *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право... С. 59.

101. ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 402. *Л.* 12.

102. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 14. Пасп. № 13

103. *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 97.

104. ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 272, 1531, 1943. Т. 4. 2181.

105. *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов... С. 97.

106. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 131.

107. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 207.

108. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX. Сб. документов. Нальчик, 1992. С. 90–95.

109. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. *Д.* 462. *Л.* 1–3 об.

110. РГИА. Ф. 1268. Оп. 12. *Д.* 105. *Л.* 83.

111. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д.* 739. *Л.* 3, 9–9 об., 12 об.

112. Там же. *Л.* 58–60об.

113. Там же. Ф. 30. Оп. 1. *Д.* 3. *Л.* 3.

114. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев… С. 148.

115. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. *Д.* 12. *Лл.* 19–32.

116. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)... С. 264.

117. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д.* 739. *Л.* 72–77.

118. История многовекового содружества… С. 197.

119. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. *Д.* 1254. *Л.* 13–13 об.

120. Там же. Ф. 1300. Оп. 4. *Д.* 1626. *Л.* 3 об–4.

121. *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 175.

122. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее – ЦГА КБР). Ф. 40. Оп. 1. *Д.* 4. *Л.* 168.

123. *Месяц С.И.* Зольские и нагорные пастбища. С. 159.

124. *Месяц С.И.* Указ. соч. С. 158; См. также: *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1976. С. 38; *Прасолов Д.Н.* Пастбищное и лесное общинное землепользование в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. Нальчик, 2005. С. 81–82.

125. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – нач. XX веков: Сборник документов / Предисловие и составление Х.М. Думанова. Нальчик, 1992. С. 8–9.

126. *Гаибов Н.Д.* Указ. соч. С. 73–74.

127. Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. Нальчик, 1959. С. 165–166.

128. *Гаибов Н.Д.* Указ. соч. С. 117.

129. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. *Д*. 736. *Л*. 34.

130. *Кудашев В.Н.* Указ. соч. С. 148–150.

131. *Кудашев В.П.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 230–231.

132. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 608. *Л*. 96–96 об.

133. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 150.

134. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 709. *Л*. 95 об.

135. Там же. *Л*. 103.

136. *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды: историко-этнографический очерк. Воронеж, 1925. С. 100.

137. Цит. по: *Думанов Х.М.* Указ. соч. С. 45.

138. *Цораев М.М.* Восстание кабардинских и балкарских крестьян в 1913 году. Нальчик, 1963. С. 37.

139. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов. В 2-х т. / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. М., 2005.

140. Документы по истории Балкарии. (40–90- гг. XIX в)… С. 62.

141. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века… Т. 2. С. 101–103, 128–132.

142. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сб. ст. и док. / Сост. Г.Х. Мамбетов. Нальчик, 2005. С. 737.

143. РГИА. Ф. 1268. Оп. 11. *Д*. 138. *Л*. 28–35.

144. Документы по истории Балкарии.(40–90-х гг. XIX в.)… С. 101.

145. СПб., ФА РАН. Ф. 103. Оп. 1. *Д*. 339. *Л*. 10.

146. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. *Д*. 70. *Л*. 11.

147. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году. Нальчик, 1947. С. 77.

148. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы… С. 763–773.

149. РГИА. Ф. 1268. Оп. 11. *Д*. 138. *Л*. 13 об., 14 об.

150. Там же. *Л*. 16–17 об.

151. Крестьянская реформа в Кабарде… С. 142–144.

152. *Грабовский Н.Ф.* Указ. соч. С. 3.

153. Крестьянская реформа в Кабарде…. С. 151.

154. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. *Д*. 71. *Л*. 30.

155. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева… С. 872.

156. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. *Д*. 71. *Л*. 73.

157. Там же. Ф. 2. Оп. 1. *Д*. 1678. *Л*. 2–2 об.

158. Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. С. 99.

159. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) … С. 272.

160. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. *Д*. 71. *Л*. 1.

161. *Грабовский Н.Ф.* Указ. соч. С. 2.

162. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 201.

163. Там же. Крестьянская реформа в Кабарде… Вклейка между страницами 214 и 215; Документы по истории Балкарии. 40–90-х гг. XIX в. … С. 103.

164. Крестьянская реформа в Кабарде. … С. 200.
165. Крестьянская реформа в Кабарде. Сост. Г.А. Кокиев. Нальчик, 1947. С. 192–193.
166. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 130.
167. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы… С. 692–694.
168. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССКГ. 1870. Вып. IV. С. 58.
169. Там же. С. 197, 198.
170. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д.* 40. *Л.* 11, 12, 14, 16, 20 об.
171. ЦГА РСО-А. Ф. 256. Оп. 1. *Д.* 26. *Л.* 2–2 об.
172. Крестьянская реформа в Кабарде. Сост. Г.А. Кокиев. Нальчик, 1947. С. 166.
173. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д.* 1706. *Л.* 4–4 об., 38 об.; *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие… С. 313–314.
174. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д.* 40. *Л.* 18.
175. *Кудашев В.Н.* Указ. соч. С. 105.
176. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д.* 1680. *Л.* 37.
177. Там же. Ф. 22. Оп. 1. *Д.* 218. *Л.* 2; *Д.* 140. *Л.* 1.; *Д.* 1083. *Л.* 1; *Д.* 1087. *Л.* 1–1 об.; *Д.* 1089. *Л.* 1.
178. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. *Д.* 4. Т. 1. *Л.* 13.
179. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сб. статей и документов. Нальчик, 2005. С. 700–704.
180. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 109.
181. *Ардасенов А.Г. [В.-Н.-Л.]* Переходное состояние горцев Северного Кавказа // Избранные труды. Владикавказ, 1997. С. 108–110.
182. *Кушхов Х.С.* Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик, 2011. С. 172–178.
183. *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. С. 120.
184. Крестьянская реформа в Кабарде. С. 167.
185. *Дышеков М.В.* Трансформация традиционной элиты Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. С. 127–160.
186. ЦГА КБР. Ф. 22. Оп. 1. *Д.* 340. *Л.* 13–13 об., 18–18 об.
187. *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып.1. Осетины, ингуши, кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 160–161.
188. *Баранов Е.* По поводу эксплуатации кабардинцами частновладельческих земель // Терские ведомости. 1891. № 99.
189. *Месяц С.И.* Население и землепользование Кабарды. Воронеж, 1928. С. 79.
190. *Баев Г.* Из жизни горцев: Кабарда // Казбек. 1899. № 440; *Цораев М.М.* О помещичьем землевладении в конце XIX – начале XX в. // УЗ КБНИИ. 1965. Т. 23. С. 284.
191. *Мамбетов Г.Х.* К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961. Вып. 9. С. 121.
192. *Шнайдер В.Г.* Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005. С. 104.
193. *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды: Историко-этнографический очерк. Воронеж, 1925. С. 57.
194. Местные известия // Терские ведомости. 1905. 3 марта. № 48.

195. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 237. *Л.* 56; *Тульчинский Н.* Кабарда // Казбек. 1899. № 456.
196. *Баев Г.* Из жизни горцев: Кабарда // Казбек. 1899. № 440.
197. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 364–365.
198. *Ардасенов А.Г.* Переходное состояние горцев… С. 79.
199. *Кумыков Т.Х.* Указ. соч. С. 300–301.
200. Терский календарь на 1914 г. Владикавказ, 1913. С. 169–170.
201. *Баев Г.* Об организации кредитных учреждений среди горцев // Терские ведомости. 1900. № 67, 68; *Д.К.* Селение Куденетово 1-е // Терские ведомости. 1913. № 28; В Баксанском кредитном товариществе // Терские ведомости. 1914. № 240; *Игнатов В.* Общества потребителей в Терской области // Пятигорское эхо. 1914. № 67, 71; Общее собрание Баксанского кредитного товарищества // Терские ведомости. 1915. № 27.
202. *Тульчинский Н.* Кабарда // Казбек. 1899. № 456–458.
203. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. *Д.* 38б. *Л.* 2, 3.
204. *Казаков И.И.* Из истории Кабардино-Балкарской потребкооперации // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1965. Т. 23. С. 285.
205. *Крикунов В.П.* К истории социально-экономического развития Кабарды в период мировой империалистической войны // УЗ КНИИ. Нальчик, 1953. Т. 8. С. 21.
206. ЦГА КБР. Ф. 34. Оп. 1. *Д.* 4. *Л.* 4.
207. *Кригер Б.* Состояние хозяйства и промышленности у туземцев Терской области // Терские ведомости. 1864. № 34; *Бирюлькин А.* Кое-что о сельском хозяйстве в Кабарде // Терские ведомости. 1989. № 63.
208. *Пожидаев В.П.* Указ. соч. С. 104.
209. *Арапов Д.Ю.* Мусульманское дворянство в Российской империи // Международный исторический журнал. 1999. № 3.
210. *Боров А.Х.* Северный Кавказ… С. 24.
211. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. С. 136.
212. *Боров А.Х.* Северный Кавказ… С. 25.
213. *Шнайдер В.Г.* Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. С. 98.
214. *Кудашев В.Н.* Указ. соч. С. 84, 88.
215. *Боров А.Х.* Северный Кавказ… С. 25.
216. См.: *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. С. 83.
217. См.: *Думанов Х.М.* Вдали от Родины. С. 38–47.
218. Терек. 1883. 31 августа. № 103.
219. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 131. *Л.* 8 об.
220. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 167 *Л.* 17; *Касумов А.Х, Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. С. 190.
221. *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч. 2. С. 3.
222. РГВИА. Ф. 330. Оп. 46. *Д.* 1291. *Л.* 9 об.; *Абдуллаева Н.И.* Проблемы «мухаджирства» в современной турецкой историографии // Тарих. 1998. № 2. С. 84.
223. *Абрамов Я.* Кавказские горцы // Из истории Русско-Кавказской войны (документы и материалы). Нальчик, 1991. С. 211.
224. РГВИА. Ф. 330. Оп. 46. *Д.* 1291. *Л.* 9 об.
225. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 259–260.
226. *Матвеев В.А.* Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства: Дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 173.
227. *Кушхов Х.С.* Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик, 2011. С. 35–40.

228. См.: *Дышеков М.В.* Трансформация традиционной элиты Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. С. 106–126.

229. Нальчик // Терские ведомости. 1889. 2 июля. № 53.

230. Архив КБИГИ. *Д.* 1. Оп. 2. *Д.* 29. *Л.* 22.

231. *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // Известия СОИГСИ. 6(45). 2011. С. 122.

232. *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып. 1. Осетины, ингуши, кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 163.

233. *Шумков А.А.* «За все заботы о благе кабардинского народа». О несостоявшемся присвоении почетного звания князю А.М. Дондукову-Корсакову // Проблемы генеалогии и этнонимики народов Северного Кавказа. Материалы круглого стола памяти Анатолия Ахмедовича Максидова (г. Нальчик 17 октября 2014 г.). Нальчик, 2015. С. 138–149.

234. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 29. *Л.* 37.

235. *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. 1999. С. 65–66.

236. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 95.

237. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 2. *Д.* 124. *Л.* 7–8 об.

238. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 2. *Д.* 75. Т. 1. *Л.* 177.

239. Приезд его императорского высочества государя великого князя Михаила Николаевича в Кабардинский округ Терской области // Терские ведомости. 1869. 4 июня. № 23.

240. *Трепавлов В.В.* Роль и значние символики и ритуалов в этнической политике России XVI – XIX вв.// Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2015. С. 246–247.

241. Из слободы Нальчик // Терские ведомости. 1883. 4 июня. № 23.

242. *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х томах. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. Т. 2. С. 17–18.

243. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 347. *Л.* 113–113 об.

244. Там же. *Л.* 115.

245. Там же. *Л.*116–116 об.

246. *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. СПб., 1889. С. 16.

247. Терские ведомости. 24 июля. 1911.

248. *Опрышко О.Л.* Указ. соч. С. 180–181.

249. Кабардинцы и балкарцы в составе Кабардинского конного полка в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / Сост., автор комментариев О.Л. Опрышко. Нальчик, 2014. С. 5–6.

250. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 4. *Д.* 115. *Л.* 24–24 об.

251. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д.* 888. *Л.* 14.

252. Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.). Нальчик, 1959. С. 203.

253. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. *Д.* 736. *Л.* 91–131.

254. *Кучмезова М.Ч.* Классовая борьба в Балкарии в пореформенный период // УЗСОГПИ. Орджоникидзе,1967. Т. 27. Вып. 1. С. 147.

255. Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 38.

256. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. *Д.* 500. *Л.* 158 об.

257. Там же. *Д*. 668. *Л*. 55–56.
258. Там же. Ф. 1300. Оп. 4. *Д*. 1622. *Л*. 14 об.
259. *Месяц С.И.* Пастбищное хозяйство Кабарды. Воронеж, 1928. С. 17.
260. Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.)… С. 170.
261. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 608. *Л*. 27.
262. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. *Д*. 1993. *Л*. 9 об.
263. *Абаев М.* Балкария // Азаматов К.Г., Хутуев Х.П. Мисост Абаев: общественно-политические взгляды. Нальчик, 1980. С. 111.
264. *Тульчинский Н.П.* Указ. соч. С. 183.
265. *Кучмезова М.Ч.* Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 64.
266. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. *Д*. 4. *Л*. 318.
267. *Кипиани М.* От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1884. С. 45.
268. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. *Д*. 12. *Л*. 20.
269. Труды комиссии… С. 52.
270. Там же. С. 38.
271. *Тульчинский Н.П.* Указ. соч. С. 184.
272. *Миллер Вс., Ковалевский М.* Указ. соч. С. 548.
273. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 685. *Л*. 70–71.
274. Письмо Кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова председателю Совета министров И.В. Горемыкину // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 358.
275. *Невская Т.А.* Проведение столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906–1917 гг.). Автореф. дисс…док. ист. наук. СПб., 1998. С. 36.
276. Письмо Кавказского наместника… С. 359.
277. *Леонтьев И.* Поездка к Баксанскому леднику // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 2. Отд. 3. С. 134.
278. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. *Д*. 190. *Л*. 3; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 68. С. 60.
279. ЦГА КБР.Ф. 2. Оп. 1. *Д*. 439. *Л*. 10 об.; Труды комиссии… С. 68–69.
280. *Гераев Х.К.* Этнодемография Балкарии XIX – начала XX века. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. Нальчик, 2003. С. 25.
281. Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1878. Т. 4. С. III–IV; Терская область. Список населенных мест по сведениям 1874 года. Тифлис, 1878.
282. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д*. 654. *Л*. 1–6.
283. М. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 91.
284. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. *Д*. 42. *Л*. 18.
285. Там же. Ф. 2. Оп. 1. *Д*. 1105а. *Л*. 49.
286. Там же. *Д*. 158. *Л*. 33–53.
287. *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 7.
288. ЦГА КБР. Ф. И-3. Оп. 1. *Д*. 289. *Л*. 16, 19–19 об.
289. РГИА. Ф. 1268. Оп. 25. *Д*. 297. *Л*. 366 об.
290. Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.)... С. 135–153.
291. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. *Д*. 4477. *Л*. 583 об.
292. *Кипиани М.* От Казбека до Эльбруса (Путевые заметки о нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1884. С. 4.
293. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д*. 888. *Л*. 14.

294. *Миллер В., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. Кн. 4. 1884. С. 583.
295. Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 134. С. 152.
296. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. *Д*. 888. *Л*. 9.
297. Там же. *Л*. 19 об.
298. *Баранов Е.* Поездки в Урусбиевское общество горских татар // ТВ. 1891. № 56. С. 4.
299. *Тепцов В.Я.* Указ. соч. С. 134.
300. *М.И-ев.* Урусбиевское общество. Нальчикский округ // Терские ведомости. 1890. 24 июня. № 51. С. 4.
301. Живая старина. 1992. № 2. С. 148–153.
302. ЦГА КБР. Ф. И-30. Оп. 1. *Д*. 2. *Л*. 22 об.
303. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 103. Оп. 1. *Д*. 319. *Л*. 18 об.
304. *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 193.
305. *Леонтьев И.* Поездка к Баксанскому леднику // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 2. Отд. 3. С. 138.
306. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 347.
307. *Биттирова Т.Ш.* Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. Карачаевск, 1999. С. 16.
308. *Кипиани М.* Указ соч. С. 44.
309. Терская область. Список населенных мест по сведениям 1874 года. Тифлис, 1878.
310. *Миллер В., Ковалевский М.* Указ. соч. С. 558.
311. *Тепцов В.Я.* Указ соч. С. 165.
312. *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. Нальчик, 2001. С. 112.
313. *Кипиани М.* Указ. соч. С. 45.
314. РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. *Д*. 2384. *Л*. 34–34 об.
315. Там же. *Л*. 67–67 об.
316. Там же. *Л*. 114–114 об.
317. Там же. *Л*. 115–115 об.
318. Там же. *Л*. 196–197.
319. Терские ведомости. 1875. 9 июля. С. 2–3.
320. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 2. *Д*. 29. *Л*. 2.
321. Там же. Ф. И-3. Оп. 1. *Д*. 190. *Л*. 8–9, 27.
322. Там же. *Л*. 17–18, 40–40 об., 57–60.
323. Там же. Ф .2. Оп. 2. *Д*. 29. *Л*. 29–29 об.
324. Там же. *Л*. 40; Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 427. *Л*. 3.
325. *Крикунова Е.О.* К истории промышленной разработки минеральных богатств в Кабардино-Балкарии // Краеведческие записки. Нальчик, 1961. Вып. 1. С. 69.
326. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 2. *Д*. 29. *Л*. 39.
327. *Крикунова Е.О.* Указ. соч. С. 71.
328. Живая старина. 1991. № 1. С. 133.
329. Терские ведомости. 1908. 8 августа. № 172.
330. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 68. С. 140–141, 146–147.
331. *Долгушин А.А.* О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Владикавказ, 1907. С. 8.

332. *Прозрителев Г.Н.* Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях. (Хозяйство). Ставрополь, 1925. Ч. II. С. 7.

333. *Варивода Н.В.* Особенности пореформенной колонизации Центрального Предкавказья // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Владикавказ, 2009. Вып. 2. С. 14.

334. *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. С. 37.

335. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. *Д.* 210. *Л.* 12; Ф. И-6. Оп. 1. *Д.* 88. *Л.* 14; Ф. И-6. Оп. 1. *Д.* 498. Т. 2. *Л.* 242; Ф. И-6. Оп. 1. *Д.* 473. *Л.* 4.

336. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 37.

337. Там же.

338. Там же. С. 39.

339. Терский календарь на 1901 г. Владикавказ, 1900. Вып. 10. С. 8.

340. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 5. *Д.* 294. *Л.* 97.

341. Полное собрание законов Российской империи. СПб.,1894. Собрание третье. Т. 11. С. 331 (№7782).

342. *Любов А.* Прохладная станица // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 120.

343. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 41.

344. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 68. С. 58–59.

345. Там же. С. 168–175.

346. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 42.

347. Список населенных мест Терской области. Владикавказ, 1915. С. 350–377.

348. ЦГА КБР. Ф. Р-151. Оп. 1. *Д.* 686. *Л.* 1 об.–2.

349. Список населенных мест... С. 378–385.

350. Там же. С. 36–41, 128–135.

351. *Туганов Р.У.* Давние связи // История и этнография горских евреев Кавказа: Материалы научно-практической конференции. Нальчик, 1998. С. 5–6.

352. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. *Д.* 2. *Л.* 12; Ф. И-35. Оп. 1. *Д.* 1. *Л.* 1.

353. Там же. Ф. И-35. Оп. 1. *Д.* 1. *Л.* 1.

354. Там же. Ф. 2. Оп. 1. *Д.* 179. Т. 1. *Л.* 449.

355. Там же. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 195. Т. 1. *Л.* 8.

356. Там же.

357. Б.Ф. Кавказские горские евреи (Даг-Чуфут) // Кавказ. 1885. 22 марта; История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829–1917) / Сост. С.А. Данилова, Е.С. Тютюнина. Нальчик, 1999. С. 113.

358. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 741. *Л.* 149–149 об.

359. Там же. *Д.* 791. *Л.* 61 об., 62.

360. *Дзагов Р.Н.* Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX – начало XX века). Нальчик, 2009. С. 56.

361. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. *Д.* 5. *Л.* 36.

362. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. *Д.* 875. *Л.* 61 об.

363. Там же. *Л.* 27.

364. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): Сборник документов / Сост., предисл. Т.Н. Плохотнюк. Ставрополь, 2002. С. 7.

365. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 80. *Л.* 15–18.

366. Там же. *Д.* 690. Т. 1. *Л.* 33–34.

367. *Цораев М.М.* О помещичьем землевладении в Кабарде в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1965. Т. XXIII. С. 282.
368. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 875. *Л.* 61 об.
369. Там же. *Л.* 25, 25 об., 60, 61.
370. Там же. *Л.* 61 об.
371. Там же. *Д.* 791. *Л.* 61 об., 62.
372. Там же. *Л.* 127 об.
373. Там же. *Д.* 781. *Л.* 60, 61 об., 62.
374. Там же. *Л.* 127 об., 128.
375. *Дзагов Р.Н.* Указ. соч. С. 62.
376. *Урушадзе А.Т.* Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв: дис…канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 98.
377. *Дзагов Р.Н.* Русское население Кабарды: опыт экономической и культурной адаптации и интеграции в XIX–начале XX в. // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2012. Вып. 1(19). С. 24.
378. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. *Д.* 1015. *Л.* 3.
379. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 100.
380. *Попко И.* Терские казаки со стародавних времен. Вып. V. Гребенское войско. Нальчик, 2001. С. 117.
381. *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 240.
382. *Потто В.А.* Два века терского казачества. Ставрополь, 1991. С. 284.
383. *Попко И.* Указ. соч. С. 118.
384. Цит. по: *Вилинбахов В.Б.* Указ. соч. С. 241.
385. *Востриков П.А.* Песни, поющиеся в станице Наурской Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 34.
386. *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. С. 91.
387. *Невская Т.А.* Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. Материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 187.
388. *Калоев Б.А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1. С. 48.
389. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 95.
390. *Заседателева Л.Б.* Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Вып. VIII. С. 54.
391. *Дзагов Р.Н.* Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX – начало XX века). Нальчик, 2009. С. 130.
392. *Заседателева Л.Б.* Указ. соч. С. 51.
393. *Тотоев М.С.* Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1948. Т. XII. С. 152.
394. Цит. по: *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 63.
395. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 179.
396. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001. С. 225.

397. Цит. по: *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 100.
398. *Заседателева Л.Б.* Указ. соч. С. 45.
399. *Дзагов Р.Н.* Русское население Кабарды... С. 25.
400. Кавказ. 1848. № 22.
401. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 454. *Л*. 18; Ф. 6. *Д*. 473. *Л*. 18; Ф. 6. *Д*. 478. *Л*. 19.
402. *Попко И.* Указ. соч. С. 122.
403. *Тхамокова И.Х.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в. Нальчик, 2014. С. 67.
404. *Кешева З.М., Варивода Н.В.* Черкесские (адыгские) танцы-состязания: этнографический обзор // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. URL:http://www.science-education.ru/129-22443 (дата обращения: 2.05.2016).
405. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик, 1959. Т. 2. С. 153.
406. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1; Нальчик, 1959. Т. 2.
407. Букварь черкесского языка. Тифлис, 1853.
408. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев вXIX – начале XX в. Нальчик, 2002. С. 206–207.
409. Паго Тамбиев: к 110-летию со дня рождения / Под ред. Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 230.
410. *[Кешев А.Г.].* Библиография // Терские ведомости. 1870. № 30.
411. Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение… С. 393.
412. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Нальчик, 1996. Т. 2. С. 73.
413. *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская публицистика рубежа веков и ее представители // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Нальчик, 1993. Т. 1. С. 14.
414. *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская публицистика … С. 9.
415. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Нальчик, 1996. Т. 2. С. 73–75.
416. *Саблиров М.З.* Кабардинская дворянская школа // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2003. № 4.
417. *Стрелов В.И.* Ставропольская мужская гимназия как этнокультурная контактная зона: опыт обучения горцев в русской школе середины XIX в. // Новая локальная история. Новая локальная история: Материалы второй Международной Интернет-конференции. Ставрополь, 2004. Вып. 2. С. 287.
418. *Коцев П.* Народное образование в Кабарде // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX в. / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик, 2005. С. 176.
419. Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX вв. Сб. документов. Сост. М.З. Саблиров. Нальчик, 2001. С. 217.
420. Народное образование в Кабарде и Балкарии… С. 94–100.
421. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 343. *Л*. 22–23, 153–153 об.
422. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение…С. 358.
423. *Сиюхов С.* Избранное. Нальчик, 1997. С. 296.
424. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 723. Т. 1. *Л*. 6.
425. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение… С. 280–281.
426. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 858. *Л*. 34–35.
427. *Коцев П.* Народное образование в Кабарде. С. 175–177.
428. Посемейные списки... Т. 2. С. 459–468.
429. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д*. 723. Т. 1. *Л*. 6.

430. Посемейные списки... Т. 2. С. 459–468.

431. Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX века. Сборник архивных документов / Сост. М.З. Саблиров. Нальчик, 2001. С. 19.

432. *Кумыков Т.Х.* Указ. соч. С. 388.

433. Цит. по: *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение… С. 342.

434. *Бузаров А.К.* Отклики джадидизма на Северном Кавказе и генезис черкесской новометодной школы // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. История, этнология, археология. Майкоп, 2002. С. 302.

435. *Мамедов С.М.* Становление и развитие народного просвещения в дореволюционном Дагестане. Дисс. ... канд. пед. наук. Махачкала, 1998. С. 62–69.

436. *Беннигсен А.И.* Гаспринский (Гаспрали) и возникновение джадидизма в России // Этнографическое Обозрение. 1992. № 6; *Исхаков Д.М.* Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань, 1997.

437. См.: *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). Уфа, 1972. С. 263.

438. Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России: Сб. статей / Под. ред. А.Б. Юнусовой и А.В. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М.,1998. С. 11–12.

439. *Кумыков Т.Х.* Указ. соч. С. 374.

440. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. *Д.* 362. *Л.* 15.

441. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX вв. Нальчик, 1995. С. 93.

442. *Биттирова Т.Ш.* Из истории религиозного просвещения в Балкарии и Карачае // Образец служения науке: сборник статей в 80-летию Г.Х. Мамбетова. Нальчик, 2005. С. 109.

443. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 470–475.

444. Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 610.

445. *Саблиров М.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XX – начале XX вв. Нальчик, 2001. С. 125–126.

446. Живая старина. № 2. 1992. С. 124; *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1996. С. 270.

447. *Биттирова Т.Ш.* Из истории религиозного просвещения в Балкарии и Карачае. С. 110.

448. *Биттирова Т.Ш.* Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. Карачаевск, 1999.

449. Шогенцуков А. Страницы биографии / Предисл., составл. и комментарии М.К. Шаковой. Нальчик, 1994. С 5.

450. *Биттирова Т.Ш.* Из истории религиозного просвещения в Балкарии и Карачае. С. 111.

451. *Боров А.Х.* Северный Кавказ… С. 25.

452. *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая... С. 215–216.

453. Там же. С. 381–383.

454. История Кабардино-Балкарской АССР. Москва, 1967. Т. 1. С. 421–422.

455. Учредителями этого общества были действующий начальник округа В.А. Тизенгаузен, будущий начальник Нальчикского округа С.К. Клишбиев, И.М. Кармов, М.- Г. Шипшев, И.И. Мулаев, Б.Б. Шарданов и др.

456. *Налоев З.М.* Из истории Баксанской учительской семинарии // Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985. С. 177–180.

457. Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 607.

458. Цит. по: *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии... С. 47.

459. См.: Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение … С. 395–396; Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 612–613.

460. *Туганов Р.У.* Измаил-бей. Нальчик, 1972. С. 66–67.

461. *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 58–63.

462. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 306–318.

463. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис (далее – АКАК). 1878. Т. VII. С. 871–872.

464. *Кажаров В.Х.* Альтернативы общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX в. // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 500–511; *Он же.* «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 326–345.

465. *Мукожев А.Х.* Народный эфенди Умар Шеретлоков // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 354.

466. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение… С. 181–181.

467. *Абаев М.К.* Балкария // Мусульманин. 1911. № 14–17.

468. Возражения Абрамовской комиссии // Этюды о Балкарии. Сост. и комм. Т. Ш. Биттирова. Нальчик, 2007. С. 286–349.

469. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 709. *Л.* 97–99.

470. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение… С. 329–331.

471. *Кумыков Т.Х.* Кази Атажукин. Нальчик, 1969. С. 165–172.

472. *Кумыков Т.Х.* Кази Атажукин. С. 230–231.

473. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. *Д.* 723. Т. 1. *Л.* 48 об.

474. *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика / Сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик, 1991. С. 119–121.

475. *Караулов М.А.* Земство в Терской области // Терские Ведомости. 1914. № 17.

476. *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // Известия СОИГСИ. № 6(45). 2011. С. 121.

477. Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 750.

478. *Бессмертная О.Ю.* Русская культура в свете мусульманства: мусульманский журнал на русском языке, 1910–1911 // Одиссей. Человек в истории. РАН. Ин-т всеобщ. истории / Гл. ред. А.Я. Гуревич. М., 1996. С. 268–286; *Бузаров А.К.* Отклики джадидизма на Северном Кавказе и генезис черкесской новометодной школы // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. История, этнология, археология. Майкоп, 2002. С. 303.

479. Адыгская публицистика конца XIX – начала XX в. / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик, 2005.

480. *Ошнокова Ф.Ш.* Дымов Адам – педагог, первопечатник и журналист // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2003. Вып.10. С.288.

481. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991.

482. См.: *Жемухов С.Н. Мисостов А.А.* У истоков адыгской историографии // ИВ КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 302–325.

483. Работа Б. Шарданова называлась «Черкесы и их прошлое» и отличалась типичной для историографии тех лет идеализацией «Золотого века» адыгского феодального общества. См.: *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 250–251.

484. *Цагов Н.* Мусульманская история // Адаб баксанского культурного движения / Сост. З.М. Налоев (далее – Адаб…). Нальчик, 1991. С. 175–197; *Он же.* Адыгская история // Адаб... С. 216–233.

485. *Кажаров В.Х.* Исламское просвещение в Кабарде // Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 612.

486. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 185.

487. *Цагов Н.* Как мы, адыги, исчезаем // Трагические последствия Кавказской войны. С. 429.

488. *Хашхожева Р.Х.* Кази-Бек Ахметуков. Жизнь и творчество // Избранные произведения. Нальчик, 1993. С. 38.

489. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 259–260.

490. Цит. по: *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Указ. соч. С. 194.

491. *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика. С. 49–51, 116–119.

492. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение… С. 321.

493. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Нальчик, 1993. Т. 1. С. 171.

494. *Хаджетлаше М.-Б. (Ахметуков К.).* Наша обязанность перед народом // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века. С. 312.

495. *Кажаров В.Х.* Исламское просвещение в Кабарде // Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 611.

496. См.: *Кажаров В.Х.* Исламское просвещение в Кабарде. С. 612.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятая в данном исследовании попытка обобщения исторического опыта совместного с Россией развития народов Кабардино-Балкарии рассматривается его авторами как часть работы по приданию нового вектора всей общественно-политической динамике Кабардино-Балкарской Республики. В силу этого, существо стоявшей перед ними задачи не сводилось к написанию некоего «юбилейного» текста. Для того чтобы достичь целостного видения исторического процесса совместного развития России и народов Кабардино-Балкарии, соответствующего и требованиям научной объективности и современным общественным запросам, оказалось необходимым предложить если не новое решение, то, по крайней мере, собственное прочтение практически по всему кругу аспектов проблемы.

С точки зрения сегодняшнего дня ключевым является вопрос об общности исторических судеб народов Кабардино-Балкарии в контексте их отношений с Россией. Авторы настоящей работы исходят из того, что общность судеб и интересов народов Кабардино-Балкарии представляет собой одновременно неоспоримую историческую данность и безусловную ценность для их настоящего и будущего существования. В контексте рассматриваемой темы эта общность присутствовала уже на ранних этапах развития отношений с Россией, нарастала с углублением этих отношений и приобрела неразрывный характер вместе с их интеграцией в единый государственный организм в составе России.

Прежде всего, по меньшей мере, с XVI века можно говорить об исторической Кабардино-Балкарии в территориальном аспекте как об устойчивой области жизнедеятельности и упорядочения взаимных отношений кабардинцев и балкарцев. Неправомерно описывать и интерпретировать социально-политическую организацию этой территории в терминах современной этнополитики, относимых к формам политических отношений, участниками которых выступают этнические общности как целостные потестарно-политические субъекты[1]. В рамках традиционной эпохи здесь не сложилось какого-либо централизованного «национального» государственного образования – ни кабардинского, ни балкарского. Историческая Кабарда и истори-

ческая Балкария представляли собой совокупность этносоциальных и этнопотестарных единиц («уделов», «обществ»), обладавших определенной самодостаточностью. Хозяйственные, феодально-иерархические, родственные, аталычество, куначество взаимосвязи между кабардинскими и балкарскими социально-потестарными образованиями и их владетелями были достаточно интенсивны и типологически не отличались от социальных отношений внутри соответствующих этнических обществ. В целом на территории исторической Кабардино-Балкарии поддерживался устойчивый качественно однородный общинно-феодальный порядок.

На этом фоне следует рассматривать вопрос о месте Балкарии в системе отношений России с Кабардой в XVI–XVII веков. Отсутствие до определенного периода прямых документальных свидетельств о степени и формах приобщения балкарских владетелей к этим отношениям или связанным с ними политическим коллизиям, отнюдь не доказывает, что они не знали о русско-кабардинских контактах, не ориентировались в кабардинских делах, не испытывали влияния политических процессов на Центральном Кавказе или не играли в них никакой роли. В то же время, от состояния кабардино-русских отношений зависели и возможности установления первых прямых контактов балкарских владетелей с Россией в XVII веке, и проявление первых самостоятельных инициатив в этой сфере. Обстоятельства, связанные с русской экспедицией 1628 года в Балкарию, русской дипломатической миссией начала 50-х годов XVII века в Имеретию, новым посольством 1655 года из Москвы в Имеретию и т.д. показывают, что все эти контакты происходили при посредничестве или прямом участии кабардинских владетелей. Кабарда в XVI–XVII веках, бесспорно, была узловым пунктом, в котором сходились основные линии политики России на Северном Кавказе. Но и тогдашняя Балкария занимала свое особое место в этой политике, в частности благодаря стратегическому положению на пути в Грузию.

В еще большей степени переплетались судьбы Кабарды и Балкарии на завершающем этапе установления прямого военно-политического контроля Российской империи над Центральным Кавказом. Не следует преуменьшать значение акта верноподданической присяги, принесенной представителями всех балкарских обществ ген. Эммануэлю в 1827 году. С точки зрения царской военной администрации это могло рассматриваться как простая формальность, но для балкарской феодальной элиты и всей массы населения балкарских обществ это было формой внутреннего признания новой политической реальности и необходимым условием легитимации Российской государственной власти в общественном сознании.

События и акты, знаменовавшие вхождение Кабарды и Балкарии в состав Российского государства, взаимосвязаны и являются звеньями единой цепи предшествующего и последующего развития. Они лишний раз свидетельствуют, что кабардинский и балкарский народы двигались одним историче-

ским путем. Важно помнить, что нас отделяет от этих событий не пропасть и вакуум, а почти двухвековой процесс совместного социального и культурного развития, постепенной и поэтапной интеграции народов Кабардино-Балкарии в единое гражданское сообщество современного Российского государства.

В связи с этим следует указать на глубокую общность символических функций, которые несет для формирования современного гражданского самосознания кабардинского и балкарского народов память об установлении дружественных отношений с Россией в 1557 году и память о присяге России 1827 года. И в том и в другом случае народы Кабардино-Балкарии выступают как сознательные субъекты исторического действия, ведущего к их единению с Россией. Легитимация Российской государственной власти в их современном гражданском самосознании подкрепляется ее исторической легитимацией – опорой на выбор предков.

Вопрос об исторических предпосылках политического сближения России и народов Центрального Кавказа исследован достаточно подробно. Обобщенная характеристика культурно-исторического контекста международно-политических процессов вокруг региона может быть представлена следующим образом. К XV–XVI векам складывается в основных чертах современный этнический состав населения Северного Кавказа. Вместе с завершением процессов этногенеза северокавказских народов образовался и более широкий культурно-исторический контекст, который в решающей степени предопределил пути их дальнейшего развития.

В X–XV веках на Руси сложилась восточнохристианская цивилизация (Киевская, затем Московская Русь), завершалось формирование централизованного государства. На востоке – мусульманский мир обрел устойчивую государственно-политическую структуру, сохранившуюся в основных чертах на всем протяжении нового времени. Северный Кавказ в целом так и не был включен в орбиту ни одной из великих современных цивилизаций, которые оформились к XV–XVI векам В социокультурном плане он остался самостоятельным, самобытным, но при этом как бы задержался в предыдущей эпохе. Необычайная устойчивость традиционных социальных институтов, норм и ценностей блокировала запуск механизмов цивилизационного саморазвития местных народов.

Вместе с тем, регион все глубже втягивается в орбиту геополитических интересов крупнейших соседних государств, принадлежащих к различным цивилизациям. Таким образом, обозначились предпосылки складывания специфических форм взаимодействия народов Северного Кавказа с окружающим миром, связанные с необходимостью каждый раз преодолевать цивилизационные расхождения и дисбалансы.

С конца XV и в XVI веке вокруг кавказского региона возник своеобразный силовой треугольник в лице Османской Турции и её вассала – Крымского ханства, Сефевидского Ирана и Русского государства. С XVI до первой половины

XVIII века доминирующим процессом в рамках противостояния держав в регионе было ирано-турецкое соперничество, сопровождавшееся войнами и периодическими переделами сфер влияния. Россия поначалу не включалась напрямую в военно-политическое противоборство с другими державами, но реализовала политику, позволившую ей постепенно наращивать влияние и укреплять свое присутствие на Северном Кавказе. Важнейшим фактором в этом процессе выступило установление в середине XVI века отношений России с Кабардой, оформленное по результатам кабардинского посольства в Москву 1557 г.

Проблема нахождения строгой историко-политической формулы для обозначения смысла и значения акта 1557 года остается предметом научных дискуссий. Даже его официальная оценка советского периода была довольно неоднозначной. С одной стороны, речь шла о «присоединении Кабарды к России», а с другой – оговаривалось, что это еще не означало окончательного включения Кабарды в состав Российской империи. В 1990-е гг. доминирующей в исторической науке КБР стала точка зрения, связывающая акт 1557 года с началом эпохи военно-политического сотрудничества («союза») между Кабардой и Россией. Видимо и дальше продолжатся научные дискуссии о конкретном политическом смысле акта 1557 года в терминах феодального «договорного права» той эпохи, о наличии или отсутствии изначально одинакового и однозначного толкования этого акта обеими сторонами и т.п. Но если смотреть на дело с позиций не только XVI века, но и наших дней, то основные его аспекты представляются бесспорными.

Главное, это была собственная политическая инициатива Кабарды в лице одной из влиятельных группировок господствующей феодальной элиты. Иными словами, это был акт сознательного и самостоятельного выбора наших предков, основанный на понимании своих жизненных интересов и на трезвом анализе реальной обстановки, складывающейся вокруг Кабарды.

Итоговая оценка союзнических отношений должна базироваться не столько на формальных аспектах их регламентации, сколько на политической практике, воспроизводившейся на протяжении длительного времени и претерпевавшей неизбежную эволюцию. Кабардинское посольство в Москву 1557 года было лишь началом длительного исторического процесса – с момента первых политических контактов и до окончательного включения народов Кабардино-Балкарии в состав Российской империи прошло почти 300 лет. В рамки этого периода уместились противоречивые события: политическое и военное сотрудничество в борьбе с общими врагами, покровительство с одной стороны и служба – с другой, военно-колонизационный натиск и вооруженное сопротивление. Вместе с тем, на этом длительном историческом отрезке прослеживается определенная направленность эволюции русско-кавказских отношений и выделяются три крупных этапа, которые различаются объемом, характером и интенсивностью установившихся связей.

Таким образом, авторы настоящего издания интерпретируют кабардино-русские отношения, сложившиеся с 1557 года как разновидность военно-политического союза. Однако они сознают необходимость учитывать специфичность данного явления. Прежде всего, к нему неприменимы представления, сложившиеся на почве современного международного права. Но и в рамках феодального «договорного права» той эпохи русско-кабардинский союз характеризуется существенными особенностями. Их общую основу составляет глубокая асимметричность союза, обусловленная цивилизационным дисбалансом, качественными различиями в политических системах, в положении на международной арене, в характере политических интересов и целей сторон, которые, к тому же, эволюционировали под воздействием внутренних и международных сдвигов.

Проблема взаимопонимания социоцивилизационных систем и эволюция кабардино-русских взаимоотношений в XVI-XVIII веках стала привлекать повышенное внимание исследователей. Кабарда и Россия с XVI века взаимодействовали не просто в качестве государственно-политических единиц, а в качестве «сложных социальных субъектов» взаимных отношений. При всех принципиальных различиях, их социоцивилизационные системы сохраняли традиционный характер и сходство черт феодальной социально-политической организации, что делало возможным их взаимопонимание.

Но уже в этот период проявились проблемы и трудности, которые впоследствии приобрели трагический характер. Неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и самодержавной властью имело место изначально. Все эти элементы разночтений и асимметрии в союзнических отношениях усугубляются на этапе взаимоотношений, который начался вместе с «петербургским» периодом российской истории. Он охватывает практически весь XVIII век и может быть охарактеризован как переходный.

С первой четверти XVIII века в государственно-политической системе России происходит принципиальный модернизационный сдвиг. Возникает бюрократическое государство квазисовременного типа, выступающее как один из имперских центров в европейском «концерте» держав. У народов Кабардино-Балкарии сохраняется сугубо традиционная социальная и политическая организация. В результате углубляется стадиальный разрыв уровней их социокультурного развития. Нахождение общего языка для оформления взаимных отношений становится все более затруднительным.

В конечном счете, в основе этих сдвигов лежала активизация политики России на южном направлении. После успешного завершения Северной войны и укрепления ее территориального, военно-экономического потенциала, она напрямую включается в передел сфер влияния в кавказском регионе. Для набирающей мощь России становится реальной цель установления полного военно-политического контроля над Северным Кавказом. Противоречивый итог почти векового развития отношений России с народами региона

после 1700 года заключался в том, что культурная дистанция между ними существенно увеличилась, а пространственная и политическая – были стерты. В непосредственное взаимодействие вступили общества с различной социальной структурой и хозяйственными традициями, с качественно разнородными системами организации власти. Культуры этих обществ различались теперь не только по цивилизационной принадлежности и религии – в то время как в русской культуре уже присутствовали и развивались элементы модернизации, культура народов Кабардино-Балкарии оставалась сугубо традиционной.

Следующий этап российско-кавказских отношений совпадает с тем, что обозначается в исторической науке понятием «Кавказская война». Самой яркой особенностью этого понятия является то, что по всем основным его аспектам сталкиваются различные и, зачастую противоположные подходы, это касается и причин войны, и хронологии, и характера, и оценки последствий. Если все же вычленить общее содержание различных подходов, то оно сводится к растянувшемуся на десятилетия утверждению в крае российской администрации путем военного подавления сопротивления местных народов. В этом процессе играли свою роль геополитические цели и устремления Российской империи, культурно-цивилизационная дистанция между Россией и народами региона, социальный уклад и социальные процессы в местных обществах.

Большинство историков Кабардино-Балкарии рассматривает переход Российской империи к установлению своего прямого политического контроля над территориями региона с использованием военно-колонизационных методов как начало Кавказской войны. В силу географического положения на Центральном Кавказе Кабарда первой стала испытывать военно-политическое давление со стороны империи, что воплотилось в постройке крепости Моздок (1763). В этих условиях кабардинские феодальные круги начинают борьбу за сохранение своих земель, права суда и управления подвластным населением. С точки же зрения кабардинского общества в целом, это была борьба, направленная не на достижение внешних целей, а на защиту суверенности своего жизнеустройства, традиционного социально-политического порядка на своей территории.

Однако общий ход событий конца XVIII – начала XIX вв. показывает, что достижение или закрепление геополитических целей не обязательно строилось на применении военной силы. Механизм, порождающий напряжение во взаимодействии геополитических устремлений с культурно-цивилизационными факторами был заложен как раз в «не колониальном» характере политики имперских верхов России. Имперская идеология несла установку на административно-правовую интеграцию региона – Кавказ должен был стать не колонией, а неотъемлемой частью империи[2]. Преодоление этого напряжения происходило уже в рамках периода Кавказской войны в процессе

развития хозяйственного и социально-культурного взаимодействия народов региона и России. В целом же значение Кавказской войны для настоящего и будущего России и народов Северного Кавказа можно определить, только рассматривая ее на фоне всего длительного исторического цикла российско-кавказских отношений от их истоков до сегодняшнего дня. В этом случае обнаруживается, что различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга, а главное, становится очевидным, что проблема Кавказской войны – это проблема диалога и взаимопонимания культур.

Окончательное включение народов Кабардино-Балкарии в социально-экономическую, административно-политическую и культурную среду российского общества и государства привело к радикальному изменению основ и механизмов их исторического развития. Можно сказать, что между эпохой автономного общественного бытия на основе собственной социокультурной традиции и эпохой их пребывания в составе России действительно существует глубокий разрыв исторической преемственности. С другой стороны, их историческое развитие, начиная с эпохи великих реформ 1860-х гг. и вплоть до наших дней характеризуется принципиальным единством своего содержания.

В рамках этой эпохи тема «Россия и Кабардино-Балкария» приобретает качественно новое звучание. В XVI–XVIII вв. основным мотивом в ней являлась проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность. В период Кавказской войны – проблема совместимости в одном государственном организме существенно различных социокультурных систем. А с 60-х гг. XIX в. основным мотивом становится проблема совместного развития, т.е. органичного включения народов Кабардино-Балкарии в процессы российской модернизации[3]. Ключевым для государственной политики России на Северном Кавказе с этого времени становится вопрос о соотношении системы власти и управления в регионе с процессами преобразования местных обществ.

Не случайно, в центре внимания исследователей истории региона второй половины XIX – начала XX вв. находятся условия и результаты социально-культурного развития народов Кабардино-Балкарии в составе Российской империи. В оценках имперской правительственной политики в регионе выделяются две ее характерные черты – компетентность и прагматизм. Россия скорее сама приспосабливалась к «периферийным» реалиям, нежели приспосабливала их к какому-то единому управленческому стандарту. Правительство осуществляло реформы на Северном Кавказе не по шаблону, а на основе тщательного изучения и с учетом всей специфики местных условий. Сталкиваясь с трудностями, реформаторы не форсировали осуществление преобразований, а откладывали нерешаемые вопросы. Но это имело и другие, негативные, последствия, т.к. консервировало архаические социальные структуры местных этносоциальных общностей и затрудняло их включение в модернизацион-

ные процессы социально-экономического характера, которые постепенно охватывали регион. Те аспекты реформ, в которых выражалась либерализация и демократизация общественной жизни России, вообще не распространялись на коренное население Северного Кавказа (земская, городская, военная, судебная реформы).

В результате, масштабы и глубина воздействия реформ на внутренний строй местных обществ, на хозяйственно-бытовой уклад и религиозную жизнь сельских общин были не столь незначительны. Но при этом происходили динамичные сдвиги в окружающей экономической, социальной и культурной среде. Для народов региона они выступали в своей совокупности как изменение всей картины окружающего мира. С этого времени фундаментальной чертой социального бытия народов Кабардино-Балкарии становится дуализм, двойственность социальной структуры и социальных институтов, в которых и через которые они осуществляют свою жизнедеятельность. Привычные, «естественные» институты, представления и нормы, коренящиеся в этносоциальной и этнокультурной традиции каждого народа, включаются теперь в современный, («имперский», «русский») социокультурный и правовой контекст, взаимодействуя с ним, испытывая его мощное воздействие. Был запущен процесс органичного и позитивного усвоения социальных и культурных инноваций, успешной адаптации к общественной динамике модернизирующейся России.

Таким образом исторический процесс вхождения народов Кабардино-Балкарии в состав России, начатый в середине XVI века, завершился в первой трети XIX века, а к началу XX века были достигнуты определенные результаты в деле их социально-культурной интеграции в развивающееся российское общество и государство. Но нельзя забывать, что в XX веке дважды возникали исторические ситуации, когда в условиях крайнего ослабления либо прямого распада Российской государственности народы Кабардино-Балкарии на основе самостоятельного осознанного выбора (то есть национального самоопределения) подтверждали неразрывность своих отношений с Россией. Первый в XX веке опыт национального самоопределения кабардинского и балкарского народов, связан с крушением Российской империи в 1917 году, со всем периодом революций и гражданской войны в России. Он положил начало современной форме их национальной государственности. Кризис, а затем крушение СССР, последующие трудные процессы общественной трансформации и государственно-политической реконструкции в Российской Федерации вновь поставили Кабардино-Балкарскую Республику и ее народы перед необходимостью фундаментального выбора и явного выражения своей политической воли, то есть перед необходимостью национального самоопределения. Осуществленный многонациональным народом Республики в конце XX века политический выбор в своих наиболее существенных аспектах соединял глубокую историческую преемственность и принципиальную новизну. С одной стороны, он

означал: выбор перспективы дальнейшей модернизации, перспективы общественного и культурного прогресса, а не попыток возврата к прошлому; выбор в пользу неразрывного государственного единства с Россией; выбор в пользу национальной государственности, а не региональной «конфедерации»; выбор в пользу государственного единства народов Кабардино-Балкарии. С другой стороны, впервые в истории наших народов сделан осознанный выбор в пользу построения демократической системы власти в республике и системы демократического федерализма в России.

Сегодня народы Кабардино-Балкарии проявляют осознанную волю торжественно отметить 460-летие своего единения с Россией. Они делают этот выбор не потому, что испытывают безоговорочную удовлетворенность современной ситуацией в экономической, социально-политической, культурной жизни страны, а потому, что сознают свою сопричастность и роль в деле восстановления достойных позиций России в мире, в деле обеспечения благополучия и процветания всех ее граждан.

Примечания

1. *Боров А.Х.* Кабардино-Балкария в XX в.: История и этнополитика // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 65–76.

2. *Боров А.Х.* Кавказская война в современных дискуссиях и интерпретациях // Российская история. 2016. № 3. С. 83–90.

3. *Боров А.Х.* Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. 1996. № 2. С. 83–92.

Знаменский храм Ново-Спасского монастыря

Усыпальница князей Черкасских и Романовых

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Из дополнений к Никоновской летописи о сношениях кабардинцев с Москвой, и об установлении военно-политического союза России с Кабардой в 1557 г.

1557 (7065) г. июль

...О присылке из Асторохани. Того ж году, месяца июля, прислал из Асторохани Иван Черемисинов да Михаило Колупаев Ваську Вражского с черкаскым мурзою с Кавклычем Кануковым, а пришел от братии от кабартынских князей черкаскых от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им собе служити и в холопстве их учинил, а на Шавкал бы им государь пожаловал, астороханьскым воеводам велел помощь учинити. Да говорил Кавлыч-мурза Черкаской. – Только их государь пожалует, учинит у себя в холопстве и помочь им учинит на недругов так же, как их братью пожаловал, черкаскых жаженьских князей Машука и Себока з братьею с их, и с карбатинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверскаа и государю с ними же бьют челом, чтоб государь царь и великий князь их по тому же пожаловал, как и тех всех. Да Иван же писал, что пришли многие гости из Шамахеи, из Дербени, из Шевкал, ис Тюмени, из Юргенча, из Зарайчика со всякыми товары; и Иван и Михаило им торговати велели и пошлины у них на государя емлют; да из Асторохани же пришли послы от крым шевкала и от всей земли Шевкальскые да от тюменского князя с поминкы бити челом, чтоб государь пожаловал их и велел быти в своем имени, и в холопстве у себя учинил, и приказал бы астороханскым воеводам беречи их от всех сторон, и торговым бы людем дорогу пожаловал государь, велел чисту учинить; и что ся государю у них полюбит и что велит к собе прислати, ино все то к государю присылати станут ежегод.

Полное собрание русских летописей (в дальнейшем ПСРЛ). Т. 13. 1-я половина, СПб., 1904. С. 284.

№ 2

1558 (7066) г. январь

*...О отпуске Вишневецкого на Крымского улусы***.** Того же месяца царь и великий князь отпустил на Крымские улусы князя Дмитрея Ивановича Вишневецкого, да с ним Черькаского мурзу Кабартиньского Канклыча Канукова государь отпустил в Кабарту в Черкасы, а велел им, собрався, ити всем ко князю Дмитрею же на пособь; а отпущен в Черкасы на Казань да на Азсторохань судном, а из Черкас им ити ратью мимо Азов. Да со князем Дмитреем же государь отпустил Игнатиа Заболоцкого з жильцы, да Ширяа Кобякова з детми з боярьскыми, да и Данила Чюлкова да Юрья Булгакова и иных атаманов с казакы, да сотцких с стрельцы; а велел ему государь ити прямо, а во Псле велел суды поделати и з запасы ити на Днепр. И велел государь князю Дмитрею стояти на Днепре и беречи своего дела над крымским царем, сколько ему бог поможет.

ПСРЛ). Т. 13. 1-я половина, СПб., 1904. С. 288.
Опубликовано: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. XVI–XVII вв. (в дальнейшем КРО) / Ред. Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. Т. 1. С. 3–5.

№ 3

1554 г. сент. 6 – дек. 14. Посольство от царя Ив. Васильевича к королю Сигизмунду Августу с сеунчем сына боярского Федора Васильевича Вокшерина

… и после тово, как велел его (т.е. Крым. – *Ред.*) государь воевати своим холопом Черкасом Пятигорским, то вам, чаю ведомо ж. И нечто молвят: а Черкасы почему государя вашего холопи? И Федору говорити: Черкасы государей наших старинные холопи, а бежали с Резани, а тому два года, как сопасились, приезжали бити челом государю князи черкасские сами, Бугашик, да Танашук, да князь Иван; и государь наш их пожаловал, и они ныне все служат государю нашему, и как им государь велит, и они так и делают.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 449.

№ 4

1555, июля 30 – ноября 13. Переписка литовских панов Рад с московскими боярами о продолжения перемирия

[Память наказная Савлуку (Турпеев, митрополичий сын боярский, был послан в Литву от митрополита)].

А не одна та земля к государю приложилася: язъ поехал сюды, а к государю приехали черкасские князи Пятигорские: а наперед сего приезжали к государю князи черкаские Алклыч князь Езбулдуков сын княжой и иные князи ото всех бити челом, чтоб их государь пожаловал, и посылал к ним посла своего Ондрея Щепотева, и Ондрей у них был и всю землю к правде привел. И прислали, все согласясь, к государю бити челом Сибока князя, а Цимгука князя и иных князей; и Сибок князь з братьею и с своими лучшими людми, человек их со сто; били челом и том же, чтобы их государь с всею землею взял за себя и дань на них положил имати на всякой год по тысяче аргамаков, да ходити князем на всякые государевы службы, а с ними людем их быти на войну по двадцати тысяч. А шавкалской царь и тюменской князь прислали к государю своих послов, дань жо на себя кладуд и на службы на государевы ходити хотят с государевыми воеводами вместе; и яз поехал, а государь ещо им своего жалованья не сказал, поколку с них дани имати и колких их людем на службу ходити с государевыми людми вместе. А вспросят Савлука: сколь далече те земли от государя вашего украйны? И Савлуку сказати: от Рязани до Черкас пятнадцать день ходу, а Шавкалская земля и Тюменская земля поряду с Черкаскою землею и с Астороханскою, а Асторохань вам ведомо, что государя ж нашего; а Черкаси сошлися с крымскими улусы, а от Крыма подле море с Астороханью и Шевкалы и с Тюменью с одново…

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 480.

№ 5

Из кратких летописных записок эпохи опричнины

1556 г. В лето 7074-го году. Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич Московский и всея России самодержец учинил у себя на Москве опричнину, перешел из Кремля города из двора своего переверзся житина Неглинку реку на Воздвиженскую улицу, на Арбат, на двор князь Михайловской Темрюковича, и изволил Государь на том дворе хоромы себе строити царские и ограду учинити, все новое ставити. Такожде повелел и в слободе ставити город и двор свой царский, и князем своим и бояром и дворяном

велел в слободе дворы ставити и избы разрядные и почал государь в слободе житии князь великий Иван Васильевич со всеми боляры своими, а к Москве стал приезжати з боляры своими на время как ему годно…

Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 226.

№ 6

1558 г. октябрь – 1567 г. июля 29-го. –
Из дополнений к Никоновской летописи
о сношениях кабардинцев с Москвой,
о женитьбе царя Ивана Васильевича на дочери кн. Темрюка Идарова,
о постройке русской крепости у устья р. Сунжи и др.

1558 (7067) г. октябрь

...Месяца октября писал из Юрьева князь Дмитрей Иванович Курлятев, что маистр собрався и арцыбискуп со всеми людьми, и заморскиа люди с ними, пришел к Рынголу-городку, а в нем седит голова Русин Игнатьев, а с ним сорок сынов боярских да пятьдесят стрельцов. И царь и великий князь велел ити к Рынголу из Ракобора князю Михаилу да Семену, а изо Пскова – черкасским князем, князю Ивану Маяшику да князю Василию Сибоку з братьею, а с Вышегорода – Федору Шереметеву, а из Красной – Фоме Третьякову, а из Юрьева государь велел ити князю Петру Щепину да Михаилу Головину; и ити им велел на три полки: в большем князь Михайло Петрович да князь Петр Щепин, в передовом Федор Васильевич да Семен Ярцов, в сторожевом Фома Третьяков да Михайло Петров; а черкасским князем велел быти в передовом же полку; а велел воеводам съеждаться в передовой полк ко князю Ивану Маашику Черкасскому.

ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13. 2-я половина. С. 312.

№ 7

1558 (7067) г. октябрь

...Того же месяца приехали из Черкас ко царю и великому князю Темирюковы княжиа дети большово князя из Кабарды Булгерук-мурза да Сал-

нук-мурза бити челом, чтобы государь их жаловал, своих холопей, и оборонь учинил от шевкальского государя, а с ним приехал посланник государьской служилой татарин Байбера.

...О крещении черкасских князей. И царь и великий князь Салтану-мурзе по их челобитью велел жити у собя на дворе и крестить его велел, и нарекли ему имя князь Михайло, и велел его государь грамоте учити, а Булгарьи-мурзе велел молвить государь, что им оборонь учинит от шевкал, как его царской довол будет.

Там же. С. 312, 313.

№ 8

1560 (7068) г. август

...Того же лета августа в 14 [день], в среду, приходил ко царю и великому князю бити челом отец его и богомолец Макарей митрополит всея Русии да владыка Матфей Сарский и Подонский и архимандриты все и бояре все и били челом царю и великому князю, чтобы государь скорбь о своей царице и великой княгине отложил, а положа упование на бога, помыслил, чтобы ему женитвою не длити, занеже он, государь, во юностом возрасте, тех еще лет не дошол, чтобы ему мошно без супружества быти, и он бы, государь, для крестиянские надежи женился ранее, а себе бы нужи не наводил. И царь и великий князь митрополиту и бояром отказал, что себе о том помыслит да им ведомо учинит.

Того же месяца августа в 16 день велел царь и великий князь митрополиту и владыкам и архимандритом и бояром всем у себя быти и говорил митрополиту и архимандритом и бояром, что он детей для своих возрасту мыслил был не женитися, да для митрополича прошения и земли для хочет то дело о женитве совершити, а искати бы ему невесты в ыных землях. И митрополит царя и великого князя благословил и мысль его возблагодарил, что государь то дело помыслил добро. И царь и великий князь Иван Василиевич всея Русии приговорил послати искати себе невесты в Литву х королю о сестре, да к свейскому королю дочерей смотрити, да в Черкасы у черкаских князей дочерей же смотрити. И примыслил царь и великий князь послати в Литву х королю напомянути его о вечном миру и о сватовстве окольничего Федора Ивановича Сукина да дворцового дьяка Григория Шапкина, а прислал бы король того дела делати к царю и великому князю своих больших послов; а к свейскому королю послати [дочерей смотрити Федора Григорьева сына Беклемишева да подьячего Лашу Зиновиева; а в Черкасы у черкасских князей дочерей смотрити и привести их к Москве Федора Васильева сына Вокшери-

на да подьячего Семейку Мякинина. Тогда же царь и великий князь повеле к своей радости украшати пречюдные образы, и окладывати повеле их златом и сребром, и яхонты ко многим образом повеле делати, и жемчюгом садати з дробницами, и многих святых на дробницах воображати, не токмо древних святых, но и всех руских новых чюдотворцов и святителей, преподобных и мученик, и брачная вся повеле готовити.

Там же. С. 329, 330.

№ 9

1561 (7069) г. июнь–август

...Того же лета июня в 15 день, в неделю, приехала к Москве из Пятигорских черкас кабардинского княже Темрюкова Айдаровича дочь княжна Кученей. А посылал царь и великий князь Иван Василиевич всея Русии в Черкасы для того Федора Васильева сына Вокшерина да подьячево Семена Мякинина. А со княжною же приехали ко царю и великому князю брат ее Темгрюков же княжой сын Доманук-мурза да Бекбулат-царевич, Тахтамышев царевичев родной брат, а Тахтамыш служит царю и великому князю, а за Бекбулатом Темгрюкова же княжая дочь Алтынчач царица. А Бекбулат-царевич приехал с сыном Саил-царевичем, приехали государю служити. А встречал княжну на Волге Иван Ондреевич Бутурлин и к Москве с нею приехал Иван же Бутурлин, и поставили княжну в городе старом у Ризположенских ворот на Игнатьеве дворе Вешнякова.

Того же месяца царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии княжне черкаской велел быти на своем дворе, смотрел ее и полюбил.

Того же лета июля в 6 день, в неделю, черкаскую княжну Андрей протопоп Благовещенской огласил ко крещению и нарек ей имя во имя святыя Марии Магдалыни. А царь и великий князь Иван Василиевич всеа Русии нарек ее себе невесту.

Того же месяца в 20 день, в неделю, на память святаго пророка Илии, крещена черкаская княжна Мария, а крестил ее Макарий митрополит всеа Русии в соборной церкви Успения пречистыя богородица на Москве, а архиепископ Ростовский Никандр и владыки все в то время пели молебны в церкви архистратига Михаила, где лежит отец царя и великого князя князь великий Василей Иванович всеа Русии и дед его и прародители его все. А царь и великий князь того молебного пения слушал, до коего времени и крещение вершилося. А как митрополит крещение совершил, и царь и великий князь шел в церковь Пречистые богородицы и с своими детьми со царевичи Иваном и

Феодором, а брат его князь Юрий Василиевич с ним же. И благословил царь и великий князь новопросвещеную свою невесту, дал ей крест золот с мощми, а царевичи ее благословили кресты же золоты с камением и з жемчюги.

Того же лета августа в 21 день, на память святаго апостола Фаддея, в четверг, царь и великий князь Иван Василиевич всеа Русии женился вторым браком, а взял за себя кабартинского из Черкас Темгрюка-князя Айдаровича дочь, нареченную во святом крещении царевну Марию; а венчал его в соборней и апостольстей церкви Успения пречистыя богородицы преосвященный Макарий митрополит всеа Русии. На радости же его тогда были брат его князь Юрьи Василиевич да князь Володимер Ондреевич и бояре и вельможи многие.

Там же. С. 333.

№ 10

1561 (7070) г. сентябрь

...Лета 7000 седмьдесятого сентября послал царь и великий князь в Кабардинские черкасы х Темгрюку-князю посольством Ивана Борисова сына Федцова да Никиту Григорьева сына Казаринова з Доманоком-мурзою вместе, а послал с ними к Темгрюку-князю и к его княгине и к детем его свое великое жалование, платье и суды, и свою радость им сказати, что царь и великий князь пожаловал, дочерь их взял за себя.

Там же. С. 339.

№ 11

1562 (7071) г. сентябрь

...Того же месяца в 8 день приехал ко царю и великому князю из Черкас Пятигорских в Боровеск в Пахнутиев монастырь Никита Казаринов сын Голохвастова. А посылал царь и великий князь в Черкасы Ивана Борисова сына Федцова да Никиту Казаринова сына Голохвастова посольством к тестю своему к Темгрюку-князю Айдаровичю свою радость сказати, как его пожаловал, дочерь его княжну Марию взял за себя, и с ними послал к нему и ко княгине его и к детем их и к племяни их свое великое жалование, платье и деньги и купки и ковши и иные суды серебреные. И Иван Федцов разболелся в Асто-

рохани, туды идучи, и у Темгрюка князя был Никита един. И Темгрюк-князь со всею своею братию и з землею учинился государю в службе. А которые черкаские князи Темгрюку-князю были непослушны, и те, заслыша царское жалование к Темгрюку-князю, что царь и великий князь Темгрюка-князя пожаловал, дочерь его взял за себя, и они Темгрюку-князю учали быти послушны и дани ему учали давати и во всей учинилися в Темгрюкове княжой воле.

Там же. С. 343, 344.

№ 12

1562 (7071) г. сентябрь

...Того же месяца в 23 день царь и великий князь Иван Василиевич всеа Русии послал в Черкасы Пятигорские к Темгрюку-князю Айдаровичю посольством Григория Семенова сына Плещеева, а з Григорием велел послати ис Казани и из Астороxани для бережения стрельцов и казаков пятьсот человек. А велел государь Григорью Плещееву с стрельцы и с казаки жити у Темгрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куды его Темгрюк-князь учнет посылати.

Там же. С. 344.

№ 13

1563 (7071) г. июнь

...Того же месяца в 20 день царь и великий князь Иван Василиевич всеа Русии послал из слободы Александровские в Черкасы Пятигорские к Темгрюку-князю Айдаровичю посольством Семена Ярцова сына Нарматцкого с своим жалованием, а приказал к Темгрюку-князю. – Которые ему будут тесноты от его недругов, и он бы о том приказывал ко царю и великому князю с его послом с Семионом. Да с Семеном же царь и великий князь отпустил в Черкасы к Темгрюку-князю черкаских князей, которые служили государю, а жили на Москве, Кечмезюна-князя да Тюмку-князя с товарыщи, по Темгрюкову челобитию. Да с Семеном же отпущены Темгрюковы люди Иван Кабанук да тотарин Колыбай.

Там же. С. 367, 368.

№ 14

1563 (7072) г. октябрь

...Того же месяца октября в 3 день приехал ко царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русии Григорей Семенов сын Плещеева ис Черкас Пятигорских, а посылал его царь и великий князь в Черкасы к Темгрюку-князю Айдаровичю посольством и оберегати его от его недругов от черкас, которые от него отступили и которые ему тесноту чинили. А сказывал Григорей. – Пришел он в Астрохань в 71-м году ноября в 3 день, а Темгрюк-князь был в то время от своих недругов приехал в Астрохань и с сыном своим з Доманук ом. И Темгрюк-князь и сын его Доманук-мирза в Черкасы пришли декабря в 6 день, а Григорей в Черкасы с ними же пришел, а с ним голова стрелецкая Григорей Вражской, а с ним стрельцов 500 человек да пять атаманов казачьих с казаки, а казаков с ними 500 человек. И Темгрюк со государьскими людьми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков, и взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван, и мирзу Телишку убили и людей многих побили. А те городки были Шепшуковы княжие, и люди тех городков добили челом Темгрюку-князю, и дань Темгрюк-князь на них положил. И воевали землю их одинатцеть дней, и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака, Дудыля. А отпустил Темгрюк Григориа ко царю и великому князю.

Там же. С. 370, 371.

№ 15

1564 (7072) г. июнь

...Того же лета июня в 21 день послал царь и великий князь в Черкасы Кабардинские к Темгрюку-князю Айдаровичю Ивана Петрова сына Новосильцова с своим жалованием.

Там же. С. 383.

№ 16

1565 (7073) г. июнь

...Того же месяца июня в 17 день приехал из Черкас к Москве Мастрюк-князь Темгрюкович. И царь и великий князь велел ему за собою ехати в Олександровскую слободу. И челом ударил царю и великому князю Мастрюк в Олександровской слободе, и бил челом царю и великому князю от отца своего от Темгрюка-князя, что Темгрюку-князю пришли многие тесноты от черкас, и ему непослушны во всем, и государь бы пожаловал, послал свою рать в Черкасы и от непослушных его велел оборонити.

Там же. С. 397.

№ 17

1565 (7074) г. сентябрь

...Того же месяца сентября царь и великий князь отпустил в Черкасы с Мамстрюком-князем Тюмгрюковичем по отца его челобитью и по его челобитью рать свою на черкасских князей, которые им непослушны, на кавардейских князей на Шопшука з братиею да на Тазрита да на Маита: полем послал воеводу своего князя Ивана княже Дмитреева сына Дашкова, а с ним детей боярских муромцов да мещерян, да Ивана Фестова с казаки с Михайлова города да с Разского и з Шацкого и со всеми казаки Рязанские украины. А Мамстрюка-князя отпустил царь и великий князь в судех, а с ним в послех послал к Темгрюку-князю Матфея Дьяка Иванова сына Ржевского с черкаскими казаки и стрельцы. И Мамстрюк со всеми судовыми тое осени до Астрахани не дошел, что Волга стала, а зимовал под Девичьими горами на усть Куньи. А князь Иван Дашков с конными людьми зимовал в Асторохани.

Там же. С. 398, 399.

№ 18

1566 (7075) г. октябрь

...Того же месяца октября пришли из Черкас Пятигорьских от Темгрюка-князя Айдаровича князь Иван княже Дмитреев сын Дашков да Дьяк Ива-

нов сын Ржевского с товарыщи, а посланы были в Черкасы государскою посылкою для Темгрюкова челобитья, беречи его от недругов его. А жили в Черкасех у Темгрюка-князя от Рожества Ивана Предотечи до Госпожина дни, и черкасские места, Шапшуковы кабаки з братьею, многие воевали и полону и животов имали много. И черкасские князи многие собрався на князя Ивана Дашкова и на Матфея Дьяка с товарыщи приходили и дело с ними делали. И государьские люди черкас многих побили, а иных поранили.

Там же. С. 405.

№ 19

1566 (7075) г. декабрь

...Того же месяца декабря в 22 день приехал ко царю и великому князю из Черкас Матлов князь Темгрюкович, шурин царя и великого князя, а людей с ним 30 человек, бити челом государю царю и великому князю от отца своего Темгрюка-князя Айдаровича, чтобы государь пожаловал, для бреженииа от недругов его велел город на реке Терке усть Сююнчи реки поставити.

Там же. С. 405.

№ 20

1567 (7075) г. февраль

...Того же месяца февраля во 2 день отпустил царь и великий князь в Черкасы Мазлова князя Темгрюковича, а с ним по Темгрюкову челобитью послал царь и великий князь для городовово дела князя Ондрея Семенова сына Бабичева да Петра Протасьева со многими людьми, да и наряд, пушки и пищали, с ними в Черкасы послал, а велел на Терке-реке Темгрюку-князю по его челобитью город поставити.

Там же. С. 407. КРО. Т. 1. С. 7–13.

№ 21

1558 февр. 19 – мая 3.
Посылка от царя Ив. Васильевича к королю Сигизмунду Августу с грамотою Романа Васильевича Олферьева

…а ныне казанские люди и астараханские люди многие и черкасы Пятигорские многие пошли войною на Ливонскую землю; а послал государь наш на Ливонскую землю рать свою за их многие неправды…

И ныне государь наш послал на крымского князя Дмитрея Вишневецкого со многою ратью, да и черкасом кабартинским и ногайским мурзам многим.

…а с ним (т.е. Вишневецким. – *Ред.*) велел сниматися нагайским мирзам многим со многими людми, да черкаским князем Пятигорским, Ташбузруку з братьею, и со всеми Черкасы, и снявся, вместе велел над крымским промышляти…

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 542–543.

№ 22

Выписки из «ногайских дел», опубликованных в древней российской вивлиофике

(1562 г.) декабрь. Выписка из посольства ближнего дворянина Михайла Колупаева сына Приклонского к Исмаилу князю

Что Казый мирза посылал х Крымскому царю дву мирз рати просити, а хочет Асторохань воевати.

А хоти и придет, и наших людей в Асторохани столко есть, как против Крымских людей стояти. И что еси поговорил с тестем моим с Темгрюком князем, и мы ныне к тестю своему к Темгрюку послали посла своего ближнего своего человека Семена Степановича Ярцова о всех наших делех с ним поговорити. И ты б с тестем с моим с Темгрюком князем о своих делех обослался, как нам против своих недругов стояти. Да что уложить, и тыб тогды ко мне о своих делех приказал…

Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1795. Ч. X.

№ 23

(1563 г.) 22 декабря.
Из грамоты ногайского князя Исмаила царю Ивану IV

Всего крестьянства, что обрели отец мой и яз другу и брату моему Великому князю Белому царю от Исмаилева княжово сына от Тинехмата князя челобитье.

…А что нам с тобою меж себя не отступным быти, тому пособство есть. А пособство тому твоя и моя жены наши обе одного отца дочери не отступлению нашему. И в том способство будет, того для, в нашей земле только два человека у одного человека женятца; и те два человека как одного человека детми учинятца, так говорят….

…А Крыма нам воевати не мочно за Казыем, того для, как мы пойдем на Крым, и он придет на наши домы. Только бы Казый с промежка сшел Крымской бы минять на нас был, как ни иметца чтобы еси Казыя с промежка згонил. А Черкаскому князю Шигапсуку пособляет, а Темгрюка князя обидит Казый же. А отец мой князь с Темгрюком князем зговорилися были, на весне хотели от толе Темгрюк князь, а от селя отец мой князь хотели Казыя воевати. И мы даст Бог на весне как от тебя к нам весть будет, с Темрюком князем содиначимся. А от тебя рать и мы Казыя учнем воевати.

№ 24

Грамота к Царю и великому князю
и к Царице и Великой княгине от Тинехматовы княжие
от Малхуруб княгини Черкасской

Божию милостию Царю и Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси Государю Белому царю послужение волново человека от великие Малхуруб Царевны рукою в лоб челом молвя, да Гошевне царице поклон молвя слово то.

Мы здесь здорово живем, а ивы бы на многие времена в счастье были.

А мы и день и ночь зятя своего Белого царя и твое родимые свое благотворные и светлость еси очеи моих, и веселство еси сердца моего, и радость еси души моей родимая Гошевне Царица. И мы хотим того, чтобы оба вы здоровы были. А вы со государем своим Белым царем оба вас поговоря нас себе богомолным племенем назвав милость свою учинив многое жалованье свое учинити, вы ведаете Государи есте. А сего году вы свое жалование учинив прислали. И мы здъ перед друзи и недрузи своими честны, и лица наши были учинились вашим счастьем, а вас бы Бог миловал. И после бы сего от

сего дни почан свыше бы того жалованье учинив за все бы перед други и недруги нашими нас честных учинили и лица бы наши белы были.

Государи есте, вы ведаете. А тем есте своим нынешним жалованьем перед Государем мужем моим и перед Государем Свекром моим, и нашими служилыми людьми и передо всеми лице мое бело и честно учиним есте. И после сего свыше того свое жалованье учинив за все перед други и недруги нашими лице наше бъло и честно нас учинить. Государи есте, вы ведаете. Чтобы веселому сердцу вашему ведомо было жалованье ваше, что есте прислали к нам, шуба соболья, две шубы горностайны, две шубы хребтовы бельи, три шубы облячны, шапка черна, поставь сукна то нам дал. А о прочь того иного нет. Ведомо бы было. Другинам и не други есть. Жалованье прибавите, государи есте. Вашим счастьем хотим казну скопить, злата и серебра много пожалуете, вы ведаете. Да еще челобитье мое то. И милдешь моя в полон взята. А въселъ де она в Коротаеве в Салтыкех. А полонянке той имя Янъдевлет, а держит дей съ у себя что живет у Аракчея, да Яналея Казанец Дирбышем зовут. Толко съ сыскав отпустишь, Государь еси. Послала есми к вам здоровья отведати Имилдеша своего Бекбаша не так бы еси его смотрили, как иных людей, почтишь его гораздо, Государь еси, ты ведаешь. Молвя грамоту написала. А которого есте своего человека к нам прислали, и мы его чтили как вас смотря; а он нас не потому чтил как вас смотря, чтоб ведомо было, написали есмя. Да еще челобитье мое то. Только пожалуете меня себъ племянем назовете и выб пожаловали посла ко мне прислали особноно. Еще слово то. Друг и недруг мне есть, только будет ко мне прямое ваше жалованье, и вы бы пожаловали десят сот рублев денег. Только пожалуете слуги наши, которые от нас отъехали, опять к нам хоитят ехати, и недруг мой другом хочет бытии, передо всеми ими лице мое бело учините, Государе есте, вы ведаете. Еще вам ведомо Були Ивану Безсонову дала есми два аргамака, смотря его, как и вас смотря чтила есми. А он меня не почтил, и не дал мне ничего, Государи ести, вы ведаете…

А се позади у грамоты писано: Князя у Белового Царя челобитье мое то. А Гошеня бы Царица мое челобитье сказала. Которой сю грамоту написал Мола мой, чтобы ему свое жалованье учинили. Друг и недруг нам есть, лице мое бело учините. А он мой Молла особной опричь иных. Так бы въедали.

А что мне свое государское жалованье учините, и вы тому человеку прикажите, ково к нам пришлете, Государи есте; молвя челобитная писана…

Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1801. Ч. XI.

№ 25

Письмо от Тинехматовой княжой Малхуруб княгини Черкасской

Всего Христьянства Государю зятю нашему Белому царью от волного человека Царицы многом много поклон молвя, в то еси земле ты здоров был на многие лета, и на многие месяцы. Лица наше светлости еси. А очей наших зраки еси. Здесь живучи твоего здоровья хотим, легкой поминок наш конь. Хотя будет и худ, и тыб за добро взял чего у тебя нет. А шерстью конь гнед. Чтобы зять наш Белой Царь много жалованье свое нам учинил. Твоим здоровьем не без казнич есмя, а от злата и от серебра у нас есть. А на ъству запасу и на питье и медубъ еси пожаловал. Слуг у меня много, и убогих многоже. Чтоб еси нам пожаловал прислал пять сот рублев денег пожаловал бы еси.

А шестьдесят семей у меня Базарцов есть, да шестьдесят семей от нас не отхожих наших люде есть. И они надежду держати у нас же хотят. Мы надежду имели от Бога и улусом Государя от Белово царя надежи нам много, что бы нам пожаловали много. А человек мой, которой послан, зовут его Байсамаком, Карачъй наш доброй, гораздобъ его почтил. Только нас почтишь, и тыб его почтил. Только нас почтишь, и тыб шубы добрые и однорятки добрые по прежнему смотрилъ.

А здесе Богомолец есмя Ябкей, писана грамота.

Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1801.Ч. XI.

№ 26

Запись о Марии Темрюковне

Здесь по порядку следовало быть второй свадьбе царя и великого князя Ивана Васильевича; но как описания оной не отыскано, по сему за нужное суждено сообщить только, что царя и Вел. Кн. Ивана Васильевича вторая супруга была Мария Темрюковна дочь Черкасского кн. Темрюка Айдаровича, ради красоты своея заступившая место первыя супруги, которые отец не задолго пред тем подвергнулся в подданстве к царю, и единый сын и едина дочь его должны были быть залогом верности его. Они были окрещены в Москве, и сыну дано имя Михайло, а дочери Марья. Время бракосочетания не ближе можно определить, из Дженкинзонова второго путешествия в Персию. (собр. Российских повестей, V ч. стр. 451), как в 1561 г. августа 20 числа; ибо когда Дженкинзон прибыл в Москву, тогда намерялся Царь сочетаться браком с оною княжною. При том то подтверждается и сим, что когда в

1563 году взял Царь-град Полоцк, о взятии оного послал в Москву с радостным известием нарочного вестника к супруге своей Марье Темрюковне и к брату ея Боярину Михайлу Темрюковичу, в 1568 году, уповательно, что брат и сестра его кончили жизнь свою несчастным случаем. Она погребена также в Вознесенском монастыре, но дня ее кончины в монастырских известиях не показано…

Древняя Российская Вивлиофика. М., 1790. Ч. XIII.

№ 27

Выписки из местнических дел

… В том же 70 году, как Государь Царь и Великий князь Иван Васильевич всеа Русии стоял в Можаеску, а готовил свой Государев поход под Полатеск, и были у Государя Рынды от Москвы до Можаеска: у большово саадака князь Михайло Темрюкович Черкаской, у большово копья князь Александр Черкаской…

Лета 7071 поход Государя Царя и Великого князя Ивана Васильевича- всеа Русии к Полоцку, и были у Государя Рында: с большим саадаком князь Михайло Темрюкович Черкаской с другими саадаком князь Борис Васильевич Серебряной, с третьим саадаком князь Иван Иванович Лыков.

Лета 7076 Государь Царь и Великий князь Иван Васильевич всеа Русии на весну расписал воевод: в большом полку князь Михайло Темрюкович Черкаской, в сторожевом полку боярин Захарья Иванович Плещеев, да Окольничий Василий Иванович Умного-Колычов.

Местничество.
Дела, собранные действительным членом П.И. Ивановым //
Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских / Под. Ред. Погодина. М., 1838. Т. II. С. 263, 280, 283.

№ 28

Из «Записи целовальной»

Запись целовальная, как целовали крест царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, и его царице, и великой княгине Марье, и его детям царевичу Ивану, и царевичу Федору князь Иван Мстиславский, Василий Михайлов, Иван Петров, Федор Умново, князь Ондрей Телятевской, князь Петр Горенской, Данило Романов, Ондрей Васильев, и у записи руки их приложены, что они по той же записи крест целовали писана запись на харитье, а году не написано.

Опись Архива Посольского приказа, 1626 г.
М., 1977. Вып. 1. Ч. 1–2. Л. 54.

№ 29

Из Духовной грамоты митрополита Макария. 1563 г. Декабрь

Также оставляю мир и благословение и прощение боголюбивой и христолюбивой царице его великой княгине Марии, о Святем Духе порожденной во святой купели от нашего смирения крестной ми дщери, а сам от нея тогож прошу получити, мира и благословения и прощения...

Акты исторические, собранные и изданные
Археографическою комиссиею. (1334–1598). Т. 1. СПб., 1841. С. 330.

№ 30

1569 г. декабря. – Из наказной памяти, данной в посольском приказе русскому гонцу в Турции И.П. Новосильцеву, об ответе на вопрос о причине постройки Терского города

…А нечто вспросят Ивана чего для царь и великий князь на Терке реке велел город поставити, и Ивану говорити: государь наш царь и великий князь Темгрюка князя Айдаровича Черкас // кого пожаловал, взял у него за себя дочерь его, государыню нашу царицу и великую княгиню, и Темрюк князь присылал бити челом государю нашему, которые черкасы ему были

послушны, и те учали ему многие убитки делати, и государь бы пожаловал на его земле велел для его недругов город поставити для Темгрюкова челобитья, чтоб ему от своих недругов жити безстрашно. И государь наш по Темгрюкову княжому челобитью того для и город велел поставити.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Турцией. Кн. № 2. лл. 25 об.–26. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 25.

№ 31

1570 г. декабрь. – Грамота царя Ивана Васильевича крымскому хану Девлет-Гирею об освобождении кабардинских мурз Мамстрюка и Беберюка Темрюковых, захваченных царевичем Адыл-Гиреем

Божиею милостью великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русию Великие орды великому царю, брату моему, Девлеть-Кирею царю.

Слух нас дошел, слуги нашего, кабардынского князя Темгрюка, впали сыну твоему Адыл-Гирею царевичю в руки Темгрюковы княжие два сына, Мамстрюк да Беберюк, и ты б для любви Темгрюковых княжих детей Мамстрюка да Беберюка к нам отпустил с моим послом с Офонасьем с Нагим, не постоял бы еси за них для любви, отпустил бы еси их к нам, а у нас чего попросишь, и мы тебе против не постоим, зане же они слуги нашего Темгрюковы дети княжие.

Писан в слободе лета 7079-го декабря месяца.

РГАДА. Ф. Сношения России с Крымом. Кн. 23. Л. 348–348 об. Список XVI в. с отпуска. КРО Т. 1. С. 26–27.

№ 32

Повесть о свершении большия церкви Никитского монастыря. 1564 г.

И приказал государь царь и великий князь игумену обители тоя ждати себе на освящение церкви и со святейшим Афанасием митрополитом и с благоверною царицей новоспросвященною Мариею и с благоверным царевичем Иванном, по Пасце шестые недели...

Благочестивый ия царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси и со благоверною царицей Мариею, и со своим сыном благородным благоверным царевичем Иванном, и с братом своим благоверным князем Владимиром Андреевичем, и со всем свои царьским синклитом, князьми и бояры, всеношного слушав, и на заутрени первую статью сам благочестивый царь пел и божественная литоргия слушал и крестным пением с своею станицею...

Последи же благовернаго царя Ивана Васильевича, его благоверная царица Мария тако же молебнов слушала у Христова мученика Никиты переславьскаго чюдотворца и милостынею братию довляше от своея царския ризницы. Игумен же обители тоя соборне молебны пел и благоверную царицу со священници и со клирицы, и со всею бритиею по обычаю царьскому проводил до врат монастырьских. Благоверная же царица и великая княгина Мария во вратах монастырских учала наказывать игумену и всей братии и молебно глаголати сокрушенным сердцем, чтоб-де есте молили всемилостива Бога и пречистую его матерь пречистую Богородицу и великих чюдотворцев русских Петра и Алексея и Ионы и преподобных чюдотворцев Сергия и Никона, и Никиту переславьскаго чюдотворца о здравии благочестиваго царя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца и о нашем здравии, и о благоверные царевичев Иванне и Феодоре и впредь бы есте молили Бога и пречистую его матерь, и великих чюдотворцев русских, и преподобнаго чюдотворца Никиту, чтоб наш господь Бог даровал плод чреву в наследие царствия нашего, и о долголетствии нашем, и о чадех наших. И паки молили бы есте господа Бога и пречистую его матерь, и всех святых о устроении земстем, и о тишине, и о мире всего православнаго христианства.

И по наказу своего царьскаго обычая благословение восприим благоверная царица Мария от игумена обители тоя и мир подав игумену и всей братии и вдася благоверная царица путному шествию за благоверным царем. Игумен же и вся братия вельнею радостью обвеселяшеся и о наказе благоверныя царицы, что в новейшем сосуде излияся такова благодать христова, новоизбранное семя благочестия, и воздаши слава богу о всем, и угодником ея великим чюдотворцем, и преподобному чюдотворцу Никите, что в сия времяна такова благочестия сподобилася своима ушами слышати и очима видети.

И пошел государь благоверный царь Иван из Переаславля, и с благоверною царицей, и с сыном своим благоверным царевичем Иваном в новую Александровскую слободу.

Опубликовано в книге: Тихомиров М.Н. «Российское государство в XV–XVII вв.». М., 1973. С. 389–391.

№ 33

Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне
Извлечение

В лето 7072-го повелением царя Ивана Васильевича ходил из Свияжска царь Шихалей Касимовской Волгою-рекою на стругах под Астрахань, на Кутумовской остров, с силою многою. А в те поры Астрахань была дерновая, в верх 9 сажен. А мурза был в то время черкасов горских в Астрахани Теврюг Юнгичь. И много Шихалей, царь касимовский, ратовался со астраханцы, и ничево не починил, лишь московские сил и казанские много потерял.

И пишет мурзе черкаскому Шихалей: «Теврюг Юнгичь! Покорися грозному и сильному царю государю нашему Ивану Васильевичу. Он тебя, государь наш, не ведаешь чем пожалует. Аз и царь, да ему, государю, покорен и слуга его волный». Мурза же глаголит Шихалею: «Царю Шихалей! Отпиши царю своему Ивану Васильевичу: аще единородную мою и прекрасную и любезную дщерь Марию Теврюговну поимет за себя царицею, то с нею и до устья реки Волги, до моря, и в верх по Яику и с черкасы поклонюся ему, государю».

…Минувшим же трием днем звание прииде царю Шихалею в полаты Теврюговы. И пойде царь и с ним сто человек от воинства его храбрых людей. И прииде в полату, иде же образ написан Марии Теврюговны. Царь же, пад перед образом ея, сице рече: «Господине Теврюге! Аще сицевая доброта дщери твоея, а нашия великий государыни Марии Теврюговны, то государю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу любима будет, а нас он, государь, за сие великое дело жаловать станет, а сия дщерь твоя с ним, государем, царствовать в велицей славе станет». Теврюг же рече Шихалею: «Иди и зри на дщерь мою». Царь же рече: «Не возможно никому от слуг царевых на царицу прежде царева видения зрети, но уверения ради да увижу». И поведоша царя Шихалея в полату, иде же она сидяше на престоле высоце.

Царь же поклонися ей и возре на ея, и удивися. И не мног час размышляя о лепоте ея лица и доброте возраста ея. И рече: «Достойна сия красота государю нашему, царю Ивану Васильевичу, с ним царствовать в пресветлом ево величестве и государстве». И паки Шихалей паде на землю и пойде ис полаты. И приемлет образ написанный и посылает его к царю Ивану Васильевичу в радости велицей. И даде борзоходцем, повеле скоро отвести.

Царевна же Мария Теврюговна за своею печатью посла с ними же, борзоходцы, ларец злат, а в нем ширинка златотканная с каменьем драгим жемчюгом великим. Царь же Шихалей образ лица ея и лепоты в той же ларец положи и устрои его утвердо, и запечатав златым своим гербом, и вскоре повеле гнати к царю к Москве. И грамоту посла с тем же борзоходцы, сице

написано: «Грозному и сильному царю Ивану Васильевичу. Слуга твой Шихалей-царь рабское поклонение творит твоему пресветлому царскому величеству до лица земнаго. По твоей государевой грамоте все повеление твое исполних и о чем ты, великий государь, повелел еси прислал к тебе, и вся наказанная тобою твердо снабдех и испытах со опасением, и послах в руце твои. Царствуй, государь, вовеки и навеки».

…И посем царю Ивану Васильевичю в похотение прииде, ежи пояти за себя великую государыню Марию Теврюговну. И посла по митрополита Филиппа всеа Росии, да приидет к нему в полату. Митрополит же Филипп скоро прииде к нему. И советовав с ним царь много, и поведа хотение свое, рече: «Благослови мя, честный отчет». Митрополит же повеле ему по воли его быти и благослови его честным крестом маия в 7 день в 3 час дни. Царь же митрополиту великии духовный праздник сотвори и угости, и дары великия даде, и с честью его проводи в патриархию его.

…Внидоша же послании в полаты Теврюговы и узреша дщерь его, великую государыню Марию Теврюговну, сидящу на престоле превознесение злате, и сама златотканными одеждами оболчена, и от драгих камени светится вся полата, от красоты ея. И, падше, поклонишася ей вси послании от царя Иоанна Васильевича и даша ей венец и перстень царев злат. Она же, востав со престола своего и облобызав венец и пер-стень, и паки сидя на престоле своем. Брат же ея Мастрюк стоя подле ея на правой стране, мати же ея подле ея сидяще, на ином престоле. И рекоша послании: «Госпоже царице! Время створите повеленное нам». Она же повеле им прибыти до заутрия и угостити любезно, и всех их выслала из полаты своея.

…Вестники же к царю Ивану Васильевичу приидоша и поведоша ему пришествия великия царицы Марии. Он же радостен бысть зело и повеле всем бояром своим и князем, и воинству своему изыти во стретение ея, и корету свою царскую извести и привести ея скоро. Привезоша же послании без всякого медления великую царицу введоша ю во светлую полату. И держаху ея жены велможские под руце ея. Царь же седя на престоле своем.

Царица же повеле подсолнешник сняти с себя и поклонися пред образом всех бога трижды, и паки паде пред царем и поклонися ему дважды. Царь же зря на нея и во изумлении велицем бе, дивяся красоте лица ея и доброте тела ея. И рече: «Блаженна сия красота, яко в велицей радости веселитися имаши». Емю за руку ея и посади на престоле своем подле себя. И любезно облобызася, и всем велможам повеле поклонитися ей. Они же падоша на землю пред нею. По всем повеле царь нянькам своим вести в светлицу ея и нарядити в порфиру и венец, сам же нарядися во одеяние светло и венец возложи на главу свою.

И нача с царицею своею царь и великий князь Иван Васильевич, с великою княгинею Мариею Теврюговною царствовать любезно. Сокровища же ея, их же из Астрахани привезе, повеле с великим утвержением и снабдением пред себя поставить. И тако град Астрахань покорена бысть сим делом, яко же о ней зде писано есть. Царя же Шихалея многими одарив дарми: даде ему град Казань в снабдение его и в веселие и Астраханью ему же повеле, Шихалею, владети и попечение о нем творити.

И тако поживе царь Иван Васильевич с царицею своею Марьею 8 год и месяц 6. И окормлена бысть от изменников отравою от столника Василия Хомутова с товарыщи, их же царь Иван Васильевич злой смерти предаде: в котле свари. А род их весь перевешал и з женами и детми.

Опубликовано С.К. Росовецким в книге «Памятники культуры. Новые открытия 1975». М., 1976. С. 31–37.

№ 34

Грамота царя Ивана Васильевича старшей жене хана Давлет-Гирея Айшебрат Масалтан о посылке ей жалованья для поездки в Мекку. 1570 г. Декабрь

...И в нашем законе христианском обычай и по смерти тело разлучаетца, а душа от любви духовнаго совета не отлучаетца. А мы спамятуя свою царицу и великую княгиню Марию и по смерти с кровных ее беречи и жаловати и вперед ради есьмя к тебе с своим гонцом з Богданом Шапкиным 300 рублев, так бы еси ведала. Писан в слободе лета 7079-го декабря месяца...

Архив КБНИИИФЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 26. Копия.

№ 35

Из Духовного завещания царя Иоанна Васильевича 1572–1578 гг.

А что, по грехам, жон моих Марьи да Марфы не стало, и вы б жон моих Марью да Марфу, а свои благодатныя матери, поминали во всем, потому как аз уставил, и поминали бы есте их со всеми своими родители незабвенно...

Дополнения к 1 тому Актов исторических. СПб., 1846. С. 378.

№ 36

1588 г. июль. – Шертная запись на верность Кабардинской земли Русскому государству

Запись шертная, как приведены черкасы Мамстрюк-князь да Худенек мурза Канбулатов сын Черкаской и черкасы Елбуздук с товарыщи

Даю шерть по своей вере по мусульманскому закону государю царю и великому князю Феодору Ивановичу всеа Русии и его детем, которых ему бог дасть вперед, на том, что приезжали есмя бити челом государю царю и великому князю Феодору Ивановичу всеа Русии ото князя Канбулата князя и ото всех кабардинских черкас, чтоб государь нас пожаловал, взял под свою царскую руку по тому ж, как их держал в своем жалованье отец государя нашего царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии. И нас, Канбулата князя, и меня, Мамстрюка-князя; и Куденека-мурзу, и всех братью нашу и племянников царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии пожаловал, взял нас под свою царскую руку и во оборону ото всяких наших недругов. И нам, Канбулату-князю, и братье нашей Думануку-князю и всей братье нашей и детем нашим и племянником и всем нашим лутчим людем со всею Кабардою черкасскою государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии служити, и от государя царя и великого князя быти нам всем неотступным и до своего живота и х Турскому и х Крымскому и к Шевкальскому и к иным государевым недругом ни х кому не приставати. А хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии друг, тот и нам будет друг, а хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии недруг, тот и нам будет недруг, и на того нам со государевыми воеводами с астараханскими и с терскими воеводами с ратными людьми ходити и приводити во государеву волю. И жити Канбулату-князю и мне, Мамстрюку-князю, и Очикану-князю и Куденеку-мирзе и братье моей Даманук да Избулдуку-князю да Анзаруку да Синчалею-князю Канглычевым да князю Битемрюку и всей братье нашей, племянником и детем и лутчим нашим людем переменяясь жити в государеве в Терском городе со государевыми воеводами и государю служити и стояти нам всею землею Черкаскою с терскими воеводами на государева недруга на всякого заодин. А хто будет государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии его государским воеводам астараханским и терским воеводам непослушен будет и к Терскому городу не пристанет и в государеве жалованье с нами быти не похочет, шевкальской князь или тюменской князь или горские князи или кумыки или иверские князи или из нашего роду которой черкаской князь от государева жалованья отстати похочет, также которые черкаские князи с своими улусы, Тоилостанов род Шолох-князь Ташбзаруков з братьею и племянники и з детьми да Каитуков род Тапшнук-князь да Ослонбек да Жансох , служат

Крымскому и Шевкальскому, и нам с Канбулатом-князем и з братьею своею и со всею Черкаскою землею на тех на всех на государевых непослушников вместе з государевыми воеводами ходити ратью, и во государеву волю их ко государеве вотчине к Астарахани и к Терскому городу в государеву волю их приводити и заклады у них поимати, и стояти нам всем черкаским князем и мурзам з государевыми воеводы заодин на всякого недруга и на них ходити ратью, и государю прямити о всем по тому, как в сей шертнои записи написано, которые недруги, Турского рать и Крымской или иные которые недруги, поидут ко государеве вотчине к Астарахани или к Терскому городу, и нам будучи в Терском городе со государевыми воеводами за город стояти и битись с ними до смерти и государевых воевод не выдати и хитрости и оману над государевыми воеводами и над ратными людьми и над городом хитрости никоторые не учинити. Также, коли государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии велит нам итти на которого своего недруга, на Литовского или в Немцы, и нам и нашим братьям и детем итти на государеву службу, кольким коли государь велит итти на свою государеву службу. И о всем нам со всею Черкаскою землею государю служити и прямити и к недругом государевым х кому не приставати, о всем по тому, как в сей шертной записи писано.

На л. 10 после текста отметка: Июля в 25 день по сей записи приведен к шерти Мастрюк-князь да Куденек-мурза да черкасы лутчие их люди Илбуздук с товарыщи.

РГАДА. Ф. Кабардинские дела, 1588 г. Д. 1. Л. 7–10. Подлинник. Опубл.: С.А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. С. 47, 48.

№ 37

1588 г. июль. – Жалованная грамота царя Федора Ивановича кабардинскому кн. Камбулату Идарову и всей Кабардинской земле

Всемогущего безначального бога неизреченным милосердием христьянского закона един правый мы, великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, владимерский, московский, новгородцкий, царь казанский и царь астороханский, государь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермский, вятцкий, болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, черниговский, резанский, полотцкий, ростовский, ярославский, белоозерский, лифлянский, удорский, обдорский, кондинский и всеа Сибирския земли и Северные страны государь и иных многих земель государь и облаадатель, Черкаские земли начальнику кабардин-

скому князю Канбулату Айдаровичю, да князю Домануку Темрюковичю, да князю Очикану Канбулатовичу, Илбуздуку Битуевичю, да князю Онзаруку да Сиюнчелею князю Канклычевым, да князю Битемрюку и всее Кабардинские земли князем и мурзам.

Присылали естя к нашему царскому величеству ото всее земли Черкаские Кабардинские князя Мамстрюка да князя Куденека бить челом, чтоб нам всех вас пожаловати, всю землю Черкаскую Кабардинскую держать в своем царском жалованье под своею царскою рукою и во обороне ото всяких ваших недругов и за вас бы велети стояти нашим воеводам астораханским по тому, как отец наш, блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, вас держал в своем царском жалованье под своею царскою рукою, и грамота бы нам своя царская жаловальная з золотою печатью дать вам, как в нашем царском жалованье и вперед быти, а для обереганья вашее земле от ваших недругов велеть бы нам на Терке город поставити и людей своих в том городе держати с вогненым боем, и вас, всех князей кабардинских всее земли Кабардинские, ото всяких ваших недругов из нашие отчины из Астороxани и из Терского города воеводам нашим оберегати велети, чтоб вам, будучи в нашем царском жалованье, под нашею царскою крепкою рукою быть безстрашно от ваших недругов. А вы, Канбулат князь и князь Доманук и князь Мамструк Темрюковы, и дети твои Канбулатовы князь Очикан и князь Куденек, и князь Синчалей и князь Бетемрюк и все князи черкаские братья ваши и дети и племянники и уздени ваши и всякие люди всей земли Черкаские в нашем жалованьи хотите быти и от нашего царского жалованья неотступны.

И мы, великий государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии, выслушав вашего челобитья, Канбулата-князя да Доманука-князя и Мамстрюка князя Темрюковых и твоих Канбулатовых детей князя Очикана и князя Куденека и князя Албуздука и князя Онзарука и князя Синчалея и князя Битемрюка и ваших детей и братью и племянников и всех князей и мурз и всее вашю Черкаскую землю Кабардинскую по вашему челобитью пожаловали есмя, взяли в свое царское жалованье под свою царскую руку и хотим вас держати всее Черкаскую землю под своею царскою крепкою рукою [в службе и во обороне] и защищати вас хотим ото всяких ваших недругов. И на Терке-реке, на устье Терском, велели есмя город поставити своим воеводам. А вам, Канбулату-князю кабардинскому, или иной которой по тебе князь будет на Кабарде из нашие царские руки, детем твоим, Очикану-князю да Куденеку-князю, и братье твоей, Домануку-князю да Мамстрюку-князю, да Илбуздуку-князю, да князю Онзаруку, да Синчалею-князю Канклычевым, да князю Битемрюку и всей братье вашей и племянником и детем и лутчим вашимлюдем переменяясь в том нашем городе с нашими воеводами жити и нам служити и опричь нас к иному ни х которому государю не приставати. А хто нам будет недруг, тот бы и вам

был недруг, и стояти вам всею землею Черкаскою Кабардинскою на нашего недруга с нашими воеводами с астораханскими и с терскими заодин. А хто будет нашим воеводам астораханским и терским непослушен и о нашему царскому жалованью к нашему к Терскому городу не пристанет и в [на]шем жалованье быти у нас не похочет, шевкальской князь или тюменской князь или горские князи или кумыки или иверские князи или из вас которой черкаской князь от нашего жалованья отстанет хто, и тебе, Канбулату-князю, и детем твоим и племянником и всей Черкаской земле на тех на всех на наших непослушников с нашими воеводами на них ходити и в нашу волю к нашей вотчине к Асторахани и к Терьскому городу под нашу царскую руку приводити, чтоб они были неотступны от нашего жалованья и к иным ни х которым государем к нашим недрузем им не приставати и быть в нашем жалованье с нашими с астораханскими и с терскими воеводами и с вами вместе и стояти с нашими воеводами заодин на всякого нашего недруга и города нашего Терского ото всяких наших недругов оберегати с нашими воеводами вместе. А которые черкаские князи с своими улусы, Тойлостанов род Шолох-князь Ташбзаруков з братьею и с племянники и з детьми да Кайтуков род Тапшиук-князь да Ослонбек да Жансох Осланбековы, служат Крымскому и Шевкальскому, и тебе, Канбулату-князю, и детем твоим князю Очикану и Куденеку-князю, и Думунуку-князю и Мамстрюку-князю и всем братье твоей и племянником со всею своею Кабардинскою землею тех черкас со всеми их улусы привести х Терскому городу под нашу царскою руку и в наше жалованье и заклады у них в Терской город для укрепленья взяти, чтоб они от Крымского и от Шевкальского отстали, а были в нашем царском жалованье. А которые будут непослушны и с вами к нашему царскому жалованью х Терскому городу не пристанут, и тебе, князю Канбулату, з братьею и з детьми и с племянники тех черкас приводити под нашу царскую руку и заклады у них для укрепленья поимати, чтоб они были с вами в нашем царском жалованье и в службе. А будет пойдет которой наш недруг х Терскому городу, и тебе Канбулату-князю, и детем твоим, Очикану-князю да Куденеку-князю, и Темрюковым детем, Дамонуку да Мамстрюку-князю з братьею, и всей Черкаской земле и тем черкасом, которых оне ныне с собою приведут под наше царское жалованье, за город за Терской с нашими воеводами с астараханскими и с терскими и [со всеми нашими ратными людьми стояти сообща заодин] и над нашим городом над Терским хитрости и оману не учинити и с нашими недруги ни с кем сложась оману никоторым обычаем никоторою хитростью не учинити и с наши недруги со всеми, хто к тому нашему городу к Терскому придет, битись досмерти. А будет которой наш недруг поидет к нашей отчине, к Асторохани , и тебе Канбулату князю и детем твоим и Домануку-князю и Мамстрюку-князю и братье их и племянником и детем и всей Черкаской земле сослався с терскими воеводами итти к Асторохани конною ратью с нашими воеводами и Асторохани помогати обсылаясь

с астороханскими воеводами. А коли мы велим итти на службу черкаским князем на которого своего недруга, и тебе, Канбулату князю, детем твоим и Домануку-князю и Мамстрюку-князю и братье их и племянником и всем князем черкаским посылати к нам на нашу службу на наших недругов братью свою и детей и племянников с ратными людьми, скольким коли велим итти ратным людем, стольким и итти. А тем вашим детем и племянником и их людем наше жалованье будет без оскуденья, а тебе, Канбулату-князю, и детем твоим, Очикану-князю и Куденеку-князю, и Темрюковым детем, Домануку-князю и Мамстрюку-князю, и всей братье вашей и детем и племянником всем лутчим людем и всей Черкаской земли быти в нашем жалованье под нашею царскою рукою неотступным от нашего жалованья и нам служить в Терском городе с нашими воеводами и стояти на всякого нашего недруга заодин с воеводами нашими. И где вам велим идти на свою царскую службу на которого своего недруга, и вам детей своих и племянников с ратными людьми посылати, сколько с ними коли ратным людем итти велим, и прямить вам нашему царскому величеству и служити с нашими воеводами и стояти на всякого нашего недруга о всем по тому, как в сей нашей царской жаловальной грамоте писано.

Дана сия наша царская жаловальная грамота, и золотую свою печать велели к сей грамоте привесити, в государствия нашего дворе града Москвы лета от создания миру 7096-го июля месяца.

РГАДА.Ф. Кабардинские дела, 1588 г. Д. 1. Л. 12–21.
Отпуск. В.Ф. Кабардинские дела. Оп. 2 (грамоты).
Д. 2. Л. 1–4 имеется копия той же грамоты конца XVIII в.
с публикуемого отпуска. Ошибочно датирована 1585 г.
Опубл.: С.А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. С. 48–51.

№ 38

1629 г. января 11. –
Отписка терского воеводы И.А. Дашкова с товарищами
в Посольский приказ о разведках залежей серебряной руды

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Ивашко Дашков, Богдашко Приклонской челом бьют.

В прошлом, государь, во 136-м году указал ты, государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, быти нам, холопем твоим, на своей государеве службе на Терке, а с нами, холопи твоими, посланы с Москвы на Терек для серебряные и меденые руды выезжие иноземцы Цесарские земли золотознатец Самойло Фричь да рудокопец Анца Арлот, да немецкой пе-

реводчик Тимофей Фаннемин, да для дела всякие снасти служилой немчин Юрьи Бем, да толмачь Анца Кашпиров...

И мы, холопи твои, приехали на твою государеву службу на Терек августа в 22 день. И князь Пшимаха мы, холопи твои, на Терке не заехали, а прежние, государь, воеводы князь Василей Щербатой да Стапан Татищев сказали нам, холопем твоим, что князь Пшимах живет в Мулдаровых кабакех, а на Терек де он приезжает на время, и ныне де в Мурдаровых кабаках моровое поветрее, и за тем де он, князь Пшимах, на Терек не бывал. И для, государь, того морового поветрея до нас, холопей твоих, приезду князь Василей Щербатой да Степан Татищев поставили заставы. И о том моровом поветрее мы, холопи твои, к тебе, ко государю, писали октября в 7 день.

И против твоего государева наказу мы, холопи твои, терских старожильцов детей боярских и земских иосадцких людей и стрельцов, которые бывали посыланы в горы для твоих государевых дел и которые езживали с товары, допрашивали, знают ли они землицу Абасту, про которую сказывал на Москве диаком в Посольском приказе Коншов-мурза, Ибаковы дети Илдар з братьею тою землицею владеют ли, и есть ли в той Абастс землице руда серебреная и медная. И те, государь, старожильцы в роспросе нам, холопем твоим, сказали по твоему государеву кресному целованью, что живут они на Терке истари, как твой государев Терской город стал, а про землицу Абасту и ни про какую руду, есть ли в той землице какая руда или нет, и владеют ли тою землицею Ибаковы дети Илдар з братьею или нет, того они нечего не ведают и ни от кого не слыхали. А из гор от черкас из Мурдаровых кабаков, а не из-Ыбаковых кабаков, прученой свинец на Терек, и то в давных летех, приваживали не от велика, а отколь они тот свинец имали, и того они не ведают. А в горы де, государь, коли ездят, и ход тяжол, ездят в одну лошадь летом, а зимою ходу нет.

Да терской ж старожилец конной стрелец Иванова приказу Кошкодамова Девятко Савельев в роспросе нам, холопем твоим, сказал. — Езживал де он сТерка к черкасом в горы и в горах под Грузинскою землею в Колканех да в Мылкыцех свинец покупывал и на Терек приваживал, а где они тот свинец делают, и того он, Девятко, не ведает. А про Ибаковых детей землицу Абасту не знает, ни от «кого не слыхал, и руды в ней никакой не ведает.

И по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу мы, холопи твои, велели призвать в твою государеву съезжую избу Коншов-мурзу Битемрюкова и допрашивали, в которых местех та руда и кого для тое руды послати, чтоб тое руды достать, для опыту, про которую он сказывал на Москве твоим государевым диаком в Посольском приказе. И Коншов-мурза сказал, что мимо его, Коншова, иному никому тое руды достать нельзе. И сентября, государь, в 18 день мы, холопи твои, но твоему государеву наказу того Коншов-мурзу Битемрюкова для той серебреной и меденой руды послали в Кабарду, чтоб ему для опыту тое руды привести и Ибаковых детей

Илдара да Сыхава да Ил[мамет]-мурз, Ибак-мурзы узденя Мамика Ажедаева да Канмурзина узденя Иналука, которые в прежних годех делали серебро, призвати в Терской город к твоему государеву жалованью. А с ним мы, холопи твои, послали служилых новокрещенов Ондрюшку Офонасьева стоварыщи и татар и окотцких людей, выбрав лутчих людей, которые ему надобны и кому мочно верить.

И ноября, государь, в 24 день приехал ис Кабарды терской Коншов-мурза Битемрюков, а в роспросе нам, холопем твоим, сказал. – По твоему государеву указу посылан он, Коншов-мурза, в Кабарду Ибаковых детей в кабаки для серебряные и меденые руды. И привез с собою на Терек на опыт тое руды с фунт, а сказал, что он ту руду взял в землице в Абасте из горы, где живут Ибак-мурзы дети Илдар з братьею, про которую руду извещал твоим государевым диаком в Посольском приказе на Москве. Да сверх того привез с собою ж такие ж руды в том же фунте из гор из Годыр ис трех мест, а живут до в тех горах ясачные люди кабардинских мурз Илдара з братьею Ибаковых детей, да из Баркаркар, и тем де местом Балкары владеет его, Кошнов-мурзы, племянник Абшита Взреков, да промеж тех же, государь, кабаков с пустого места Хазыни. А в тех до, государь, местех та руда делати мочно с твоими государевыми ратными [людьми]. А буде, государь, твоих государевых ратных людей не будет, и в тех местех кабардинские люди тое руды делати не дадут, потому что приехав с Терка в горы Нарчов-мурза Ебузлуков всем мурзам и черкасом ездя сказывал, что он, Коншов-мурза, приехал и хочет за- весть золотое и серебреное дело и хочет Кабардою завладети. И ево де, Коншов-мурзу, за то Парчов-мурза с кабардинскими людьми хотел убити, и от того убойства берег ево князь Пшимах. А Илдар де хотел ехати в город, да за тем не поехал, бутто их на Терке хотят засадити и узденей Мамика Ажедаева да Иналука, которые делывали в прежних годех серебро. А оманатов они в город дати отнюдь не хотят за тем же, что их хотят в городе засадить, и блюдясь того, что у них хотят делати серебряную руду. А про моровое, государь, нам, холопем твоим, поветрее он, Коншов, сказал, что их в князь Пшимахиных кабакех морового поветрея не бывало, а было де моровое новетрее в Мурдаровых кабакех, и тому де ныне месяца с три то моровое поветрее и в Мурдаровых кабакех поминулося.

Да мы ж, холопи твои, перед немцы перед Самойлом Фричем с товарыщи Коншов-мурзу допрашивали, в каких он местех тое руду взял для опыту, и блиско тое руды вода и дрова есть ли, и сколько от Тереново города до той руды ходу, и какими месты до тое руды ходу. И Коншов-мурза нам, холопем твоим, сказал. – До тое руды от Терсково города на коне поспеть в шестой день, а ходу до той руды пять ден степью, а шестой день до той руды по Сюгунсу реке по поду в одну лошедь версты с три, а будет ехати до той ж руды в Кабу по Черехе -реке версты с три в одну ж лошедь, а только ехати по Хазыне реке до тое же руды версты с три ж в одну ж лошедь. А опричь тех

дорог к том рудам иных дорог нет. А от тое де, государь, руды большие реки и дрова версты по две и по полуторе, а меж тех больших рек текут ручейки малые. А руду он, Коншов, имал по тем рекам из гор, где де и тутошные люди делают свинец. А ходил де он, Коншов, по ту руду пеш один не по тем дорогам, которыми х той руде ездят, бояся кабардинских людей убойства, чтоб его нихто не видал. А что он, Коншов-мурза, про Абасту тебе, государю, на Москве сказывал, и в той де Абасте руда есть по Ардане реке. И по той реке до той руды ехати меж гор в одну лошедь, да в дву горех, по Урухе итти меж гор в одну ж лошедь. А теми реками брести лошедьми версты з две, лошеди в четыре и в пять. А от Терсково де, государь, города до той руды поспеть в шестой день. А которые ясачные мужики ис Кабарды носят хлеб, покупаючи, в мешках на себе в горы для того, что телегами проехати теми месты немочно. А про мастеров, государь, нам, холопем твоим, Коншов-мурза сказал. – Которые мастеры не в давных летех в той землице Абасте делали серебро, Ибак-мурзин уздень Мамик Ажембаев да Канмурзинь узден Иналук, и они де государь, в Терской город с ним, Каншов-мурзою, не поехали за тем, боясь кабардинских людей убойства, а живут де они в кабакех: Мамик Ажемаев живет у князь Пшимаха, а Иналука живет у казлара у Канмурзы в Шолоховых кабакех.

Да Коншов же нам, холопем твоим, сказывал. – Говорил деи с ним, Коншов-мурзою, в Кабарде князь Пшимах, что в те места, отколь он, Коншов-мурза, руду привез, без ратных людей тое руды достать нельзе, а надобно де, государь, твоих государевых ратных людей два приказа конных стрельцов, пятьсот пеших стрельцов, две тысечи юртовских астараханских татар. Да к тем же, государь, людем быти терским черкасом и окочаном и татаром и новокрещеном и казаком. Да с теми ратными людьми сперва острастить кабардинских князей и мурз, и острастя де взяти у них аманатов казлар и больших узденей. А которые де, государь, оманаты на Терке, и тем аманатом верить нечему нельзя. А приходить бы, государь, на них с ратными людьми в пахотную пору, чтоб им, кабардинским людем, не дать хлеба пахать, да в те деи поры мочно и руда достать. А отнюдь деи, государь, без ратных людей острогу поставити и тое руды, что он, Коншов, привез на опыт, взять немочно.

А новокрещенов, государь, которых мы, холопи твои, посылали с Коншов-мурзою в Кабарду, Ондрюшку Офонасьева с товарыщи, роспрашивали порознь. – Посылапы они с Коншов-мурзою в Кабарду для серебреные и медные руды, и ныне Коншов-мурза привез с собою руду, в каких он местех тое руду взял.

И новокрещен Ондрюшка Офонасьев сказал. – Как он будет с Коншов-мурзою в Кабарде в Парчовых кабакех, и ис Кабарды де он, Коншов-мурза, поехал в горы для того твоего государева дела серебреные руды, а с собою взял Нарчовова брата Илдара Ебузлукова, да новокрещеного Сидорка да Марка, да князь Пшимахиных узденей Шагану Каташова да Бека Урдашова, да сво-

его узденя Шаганука Барчова, а ево Ондрюшку з достальными людьми оставил в Кабарде. А в кое место он, Коншов, ездил и откуды тое руду взял, того он не ведает.

А новокрещены Сидорко Семенов, Марко Иванов сказали нам, холодам твоим, которые ездили в Кабарду с Коншов-мурзою. – И как деи они приехали в Кабарду в Нарчовы кабаки, и Коншов деи мурза поехал для твоего государева дела серебреные руды, а с собою взял Нарчовова брата Илдара Избулукова да их, Сидорка да Марка, да князь Пшима-хана узденя Шаганука Ташова Барчова, а достальных деи оставил в Кабарде. А ехали деи, государь, они ис Кабарды лесом и горами на лошедях болыни полудни, а в ыных деи, государь, местех шли стешкою по каменю верст с семь пеши, а лошеди вели за собою, потому что ехати было нельзе, что все гребени. И как деи, государь, они приехали до горских кабаков за дватцать верст, и Коншов-мурза, Нарчовова брата Илдара и их, Сидорка и Марка, и своего узденя и лошеди покиня, пошел пеш с князь-Пшимахиными узденями горами, что на лошедях ехати немочно. А про иные, государь, дороги они не знают, есть ли или нет иные дороги к той руде, что привез на Терек руду на опыт Коншов-мурза, опроче тое дороги, да и потому, что они преж сего в тех местех не бывали. И жили де они в горах три дни, а на четвертой день пришел к ним Коншов-мурза, а для чего деи, государь, он, Коншов, ходил, того им не сказал. А князь Пшимах на Терек не бывал и узденя Мамика Ажимаева, которой в прежних летех руду серебряную делал, не присылывал генваря по 11 число.

А которую, государь, руду Коншов-мурза привез с собою на Терек, и ту руду немцы Самойло Фричь с товарыщи перед нами, холопи твоими, и перед Коншов-мурзою делали опыт на золото и на серебро и на медь и на олово и на свинец, и ис той, государь, руды делали все свинец, а ис [с]винцу выделали не со много серебра. И тот, государь, опыт серебру и свинцу и достальную руду, ис которой делали опыт, и опыту роспись, сколько ис тое руды свинцу и из свинцу серебра вышло, послали мы, холопи твои, к тебе, ко государю, к Москве за их руками и печатьми с неметцким толмачем с Анцою Кашпировым да с новокрещеном с Сидорком Семеновым да с Марком Агапитовым, которых Каншов-мурза имал с собою для тое руды в Кабарду.

Да против твоего государева наказу мы, холопи твои, велели немцом Самойлу Фричю с товарыщи росмотрить и сметить накрепко, какова ис тое руды будет прибыль и почему будет в плавке ис пуда или ис фунта серебра или свинцу и...лавцы станет не чаяли в том твоей государеве казне убыли, только деловцов дать много, а ис тое руды столько прибыли не будет. И немцы нам, холопемтвоим, Самойло Фрич с товарыщи сказали, что им такова великого дела сметити немочно, потому что Коншов-мурза привез руды мало, да и потому, что они в тех местех сами не бывали и мест той руде не видали, много ли в тех местех тое руды, того они не ведают. И мы, холопи твои, Коншов-мурзу роспратпивали, мочно ль в те места, послать

немец, откуль он тое руду привез, и мест досмотрить тое руды, что он, Коншов, привез. И Коншов-мурза нам, холопем твоим, сказал, что немец к той руде послати без ратных людей немочно, и опричь деи его тое руды достать некому и нихто не знает.

И о том нам, холопем своим, как укажешь.

На л. 1 об. отметка о подаче: 137-го марта в 18 день с толмачем с-Ыванком Кашпировым.

ЛОИИ, колл. Гамеля. Д. № 31. Л. 1, 4–18.
Подлинник. Ветхий. КРО. Т. 1. С. 120–122.

№ 39

1629 г. не ранее февраля 21. — Отписка терских воевод И. А. Дашкова с товарищами в Посольский приказ о разведке месторождения серебряной руды.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичи) всеа Русии холопи твои Ивашко Дашков, Богдашко Приклонской челом бьют В нынешнем, государь, во 137-м году генваря в 11 день писали мы, холопи твои, к тебе, ко государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ... (Опущено изложение док. № 1). И февраля, государь, в 21 день приехал на Терек ис Кабарды князь Пшимах Канбулатовичь Черкаской, и мы, холопи твои, по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велели быть в твою государеву сьезжую избу князь Пшимахе Конбулатовичю и твое государево жаловальное слово ему, князь Пшимахе, сказали, что ево, князь Пшимахи, служба и раденье к тебе ко государю многая есть и твое государево жалованье шубу и шапку ему князь Пшимахе, дали.

И по твоему государеву указу ему, Пшимахе, говорили. — Приезжал к тебе, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичи) всеа Русии, с Терка Коншов-мурза Битемрюков и сказывал на Москве в Посольском приказе твоим государевым диаком, что проведал он, князь Пшимах, и он, Кошнов-мурза, в Кабарде землицу невелику, словет Таабаста, а владеют де тою землицею Ибак-мурзины дети Илдар да Сыхав да Илмамет мурзы. А родитца де в той землице серебряна и меденая многая руда. И не в давных летех делали в той землице серебро Ибак-мурзин уздень Мамик Ажедаев да Канмурзин уздень Иналук, и ныне те уздени в лицах, да и после деи того ис тое руды серебро они делывали, а ныне де они не делают для того, что боятца твоей государевы опалы. А ходу деи до той землицы от

Терки Суншею-рекою и сухим путем шесть ден. И только деи ты, государь, изволишь послать для тое руды, и тебе, государю, будет прибыль. А для береженья будет надобно ратные люди многие, чтоб тем людем, которые для того твоего государева дела будут, быть бестрашным. А без ратных деи людей быть нельзя, потому что Ибак-мурзины тебе государю служат и заклады их в Терском городе есть, только деи они некрепки, и чтоб от них какие шатости не было. А в прошлых де, государь, годех был в аманатех брат их двоюродной Сыхав-мурза, и ис Терского города переменен, а в его место ныне на Терке брат же им Шейбак-мурза по матери, а отца с ними не одново, итого деи, государь, опасатца, чтоб one его не отступились. И ныне деи бы с теми мурзами укрепитца гораздо, взять бы у них в Терской город аманатов добрых, что было кому мочно верить. А как деи Ибак-мурзины дети в том укрепятца, заклады добрые дадут, и в той до землице серебро делати мочна. А в которое де, государь, время в том месте серебро делать, и в то время для обереганья от черкаских людей надобно на Сунше-реке поставити крепость, зделати острог в прежнем месте, где бывал наперед сего острог.

А как в том месте острог поставят, и меж деи того места, где острог поставят, и Ибак-мурзиных детей кабаков кочуют терские казаки, которые живут в Гребенях с пятьсот человек, и твоим деи, государь, людем будет на них надежно. И для того дела серебряные руды присланы с нами, холопи твоими, с Москвы на Терек Цысарские земли немцы рудознатец Самойло Фрик с товарыщи.

И князь Пшимах Канбулатовичь против твоего государева указу нам, холопем твоим, сказал. — Посылал он, князь Пшимах, Коншов-мурзу к тебе, ко государю, к Москве, что он, князь Пшимах, проведал землицу Таабасту, а сказывают деи в той землице Таабасте, что в ней серебряная руда есть, а сам он, князь Пшимах, в той землице Таабасте не бывал и тое землицы не знает, а слышал деи он, князь Пшимах, от сторонних людей. А ходу деи, государь, до топ землицы Таабасты от Терсково города на коне поспеть в семой день, а з запасом деи, государь, ехати на телегах двенатцать ден, а от гор, только ехати з запасом на лошедях верхи или пешим на себе нести запас, и поспеть де в полтора дни. А будет деи ты, государь, изволишь острог поставить под теми горами, где та руда, и от того острогу через горы будет ходу пешими людьми полтора дни. А от старого дои, государь, Суншенского прежнево острогу к той руде водяным путем ходу нет. А про ту деи, государь, землицу Таабасту он, князь Пшимах, сам но ведает и с Коншов-мурзою того он, князь Пшимах, к тебе, ко государю, к Москве о мастерех и будет ли тебе государю в той руде прибыль или нет, о том он не писывал. Лише деи, государь, он, князь Пшимах, Коншов-мурзе велел тебе, государю, известить, что он, князь Пшимах, от сторонних людей проведал, что есть землица Таабаста, а в ней родитца серебреная руда, и будет ты, государь, производишь в той землице серебряной руды отведать, и тебе б, государю, послати многих ратных лю-

дей для тое руды опыту, потому что Ибаковы дети тебе, государю, некрепки. А сам деи он, князь Пшимах, в той землице не бывал и руды не видал. А как в прежних годех Ибак- мурзин уздень Иналук в той землице серебро делали, и то он, князь Пшимах, подлинно ведает, а того он, князь Пшимах, не упомнит, которой из них серебро делывал, потому что он, князь Пшимах, в те поры был молод. Да боясь деи от тебя, государя, опалы, те мастеры то серебряное дело покинули, а ныне мочно ли тех прежних мастеров сыскати. И князь Пшимах нам, холопем твоим, сказал, что тех прежних мастеров Мамика да Иналука сыскати немочно, потому что они ныне живут в Кабарде старого Шелоха в кабакех у Ибаковых детей у Илдара з братьею.

Да князь Пшимаха ж нам, холопем твоим, сказал. – Как деи ты, государь, велел отпустить с Москвы Коншов-мурзу, а наперед деи его отпущен с Москвы терской сын боярской Борис Станиславов, и приехав тот Борис на Терек, сказал про ту серебряную руду Фадею Волошенинову, а Фадей деи Волошенинов сказал Баруке мурзе з братьею, что в Кабарде в руде делати серебро. И Барука приказывал в Кабарду про ту серебряную руду х Казыевым детем х Акатожуке з братьею с Хатожукиным узденем с Кулахматом. И по их приказу во всей Кабарде князем и мурзам и всем людем учинилося ведомо.

Да князь Пшимах же сказал. – Как деи Коншов деи мурза с Москвы еще не бывал, а он деи, князь Пшимах, поехал в Кабарду, и в Кабарде ему, князь Пшимахе, говорили князи и мурзы про серебряную руду, что он, князь Пшимах, такое дело затевает, а прежние деи князи и мурзы такова дела не затеивали. А как деи приехал в Кабарду Каншов-мурза для тое серебреные руды, и хотел деи он, князь Пшимах, с Коншов-мурзою ехати в горы, и они деи, князи и мурзы, догадались, что они едут в горы для серебреные руды, и им, князь Пшимахе и Коншову, князи и мурзы: говорили: только деи они поедут в горы, и им деи, князь Пшимахе и Коншову, быть убитым. Да после того с неделю спустя послал он, князь Пшимах... Коншов-мурза привез тое руды на опыт, и он, князь Пшимах, тое руду послал к нам, холопем твоим, на Терку. И как деи, государь, с Терки в Кабарду приехала Барукина сестра Хабаз, и про ту серебряную руду, что Коншов-мурза привез, в Кабарде росказала, и они деи ее веры поняли, и рнясь деи тому, кумытцкой Айдемир Салтан-Мамутов да Ибаковы дети Илдар да Суркаи, собрався с ратными людьми, пошли в горы в Балкары 1 в то место, где ту серебреную руду имали, на его, князь Пшимахиных, ясачных людей да на Коншов мурзы племянников на Абшины з братьею Тазримовых детей на ясачных людей кабаки войною. И Апшика деи, государь, з братьею против Аидемиря да Илдара да Суркая стоят и с ними бьютца.

Да князь Пшимах же сказал, что он привел под твою государеву высокую руку Казыевых детей и Шолоховых и всех кабардинских кабаков, и почели было кочевать блиско города. А ныне деи, государь, послышали про ту серебряную руду и на весну деи хотят итти с того места в горы.

Да князь Пшимах же нам, холопем твоим, сказал. – Только деи ты, государь, изволишь в той землице Таабысте делати сереб... мочно делати с твоими государевыми со многими ратными людьми, сперва острастя кабардинских и горских князей и мурз и всех кабардинских и горских людей, да постояв годы з два, то деи мочно та серебреная и руда достать.

А которые, государь, немцы водоприводные мастеры присланы с нами, холопи твоими, на Терек Самойло Фрик с товарыщи, и те, государь, немцы Самойло Фрик с товарыщи за то водоприводное дело нялись делати. И мы, холопи твои, тем водоприводным мастером немцом Самойлу Фрику с товарыщи то водоприводное дело велели делати до твоего государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии [указу] 2.

ЛОИИ. Колл. Гамеля. Д. № 36. Л. 1, 7–16. Отпуск. Ветхий.

Опубликовано: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. XVI–XVII вв. / Ред. Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. Документ № 77. С. 124–125.

№ 40

1629 г. не ранее марта 18. — Расспросные речи в Посольском приказе черкас новокрещен Сидора Семенова и Марка Агапитова о месторождении серебряной руды.

А на Москве новокрещены Сидорко Семенов да Марко Агапитов, которые присланы с Терки, допрашиваны, чтоб они сказали достаточно, как то место, где они с Каншов-мурзою для руды ездили, зовут, и кто тем местом владеет, и послушны ль они государю, и будет послушны, и аманаты у них в Терском городу есть ли, и сколько от Терки до тово места ходу, и как итти, конными ль людьми или пешими, и каков ход, не нужен ли добре, и то они место, где Каншов-мурза землю имал, сами видели ль, и будет видели, и каково место, горы ль или реки пришли, и угодно ль место, и только учнут руду копать, и будет ли в том государю прибыль, и без ратных людей тут быть мочно или немочно, и будет ратным людем быть, и многи ль люди надобны, и не будет ли им тесноты от тутошних людей, которые тем местом владеют, и есть ли к той землице иные дороги, оприч того, которою дорогою они с Каншов-мурзою ехали.

И черкасы по допросу сказали. — То место, где они с Каншов-мурзою ездили, владеют черкаских мурз Аиши да Абдауллы мурзы Болкарских князей, а которого мурзы дети, того они не ведают, а князь Пшимаху они

Канбулатовичю Черкаскому по сестре племянники, мать их князю Пшимаху сестра. А государю до те мурзы не послушны, живут о себе, и закладов их в Терском городе нет, а слушают они черкаского Алегука-мурзы Шеганукова 1. А люди с ними живут небольшие, только де по сторонам около их в горах людей много иных мурз. А государю Алегук-мурза послушен и заклады его в Терском городе есть, сын ево Темир-Аксак, и двор де у Алегука-мурзы для его приезду есть. И только де Алегук-мурза пошлет к ним о том, и чают того они, что они в том ево послушают, а подлинно того сказать не умеют, послушают ли те мурзы Алегука-мурзы и дадут ли в том месте руды искать или нет, того они не ведают. А только будет изволит государь в то место послать для того дела, и они чают, что без ратных дюдеи быть пользе; только ратным людем не быть, и опасатца того, чтоб от тутошних людей государевым людем, которые для того дела посланы будут, тесноты не было. А сколько ратных людей послать, и в том волен бог да государь, им того знать не уметь, а что людей послать больши, и лутче.

А ходу де до того моста, где про руду сказывают, куды они с Каншов-мурзою ездили, ден с семь степью итти, день с пять без нужи, два дни итти нужно, пришли горы великие и гребени, только итти в один конь, а в две лошади ехать пользе, также и пешим итти в один человек, а двема человеком в ряд итти немочно. А В котором месте Коншов-мурза землю имал, и каково то место угоже ль, и реки блиско есть ли, и руды и прибыли в нем государю часть ли, того не ведают, потому что они сами в том месте не были, для того что Кашпов-мурза до того места оставил их у лошадей, а сам пеш ходил с половину днища, а они ево дожидались в том месте, где их оставил. И где он землю имал и каково то место, того они не ведают, что сами не были, а слышали, что Каншов-мурза шел так же нужно по гребеням. А иные дороги к тому месту есть ли, того они сказали не ведают.

ЛОИИ. Колл. Гамеля. Д. № 33. Л. 6–8. Подлинник. Ветхий.

Опубликовано: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. XVI–XVII вв. / Ред. Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. Документ № 78. С. 126.

№ 41

1641 г. сентября 12. – Челобитная кн. Бабасупхи с жалобой на разорение мурзами Казыевой Кабарды и с просьбой о защите от них

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом раба твоя князь Куденетовская женишка Бабосупхица Черкаскова.

В прошлом, государь, во 148-м году били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии детишка мои Келмаметко да Илдарко мурзы в обидах своих на князь Сунчалеевых детей на Будачея да на Муцала з братьею, что по их, государь, наговору Алегука да Хотогжука з братьею и Малова Ногаю Солтан-мурза Касаев сын з братьею, пришод с своими ратными людьми, кабачишка наши развоевали и выжгли, а меня, рабу твою и з детишками полонили и узденишек наших со всеми нашими животишки в полон поимали и перевели к себе в Кабарду. И ты, государь, детишек моих пожаловал, велел итить на свою государеву службу твоему государеву воеводе князь Дмитрею Горчакову с ратными людьми на тово Алегуку и на Хотогжуку мурз Казыевых з братьею, чтоб он, Алегук и Хотогжук, по твоему государеву указу кабачишка наши и меня, рабу твою, и з детишками от себя ис Кабарды выпустил. И он, Алегук и Хотогжук, по наговору недругов наших князь Сунчалеевых детей Алегуки с товарыщи твоего государева указу не послушали и кабачишков наших и меня, рабу твою, от себя не выпустили. И твой государев воевода князь Дмитрей Горчаков с твоими государевыми ратными людьми на них, Алегуку и Хотогжуку, ходил и меня, рабу твою, и кабачишка наши от нево, Алегуки и от Хотогжуки, вывел за боем и перевел в Шелохову Кабарду к Илдару-мурзе Ибакову.

И в прошлом, государь, во 149-м году, умысля князь Сунчалеевская жена кнеиня Желегоша з детьми своими, с Олегук-мурзою Сунчалеевым, посылки, наговорили племянника своего роднова Кафыр-кумыцкова Чючелова-мурзу и послали в Казыеву Кабарду к Алегуке и х Хотогжуке, а велели, государь, на сынишка моево Келмаметка накупить воровских людей, чтоб известь. И по ее, государь, умышленью Алегук и Хотогжук и сын ее Алегук с тем Чючелов-мурзою накупили Малова Ногаю татарина Чанкирейка и прислали ево в нашу Кабарду и велели сынишка моево Келмаметка убить. И в то, государь, время сынишка мой отъехал в Терской город х твоим государевым воеводам для твоего государева дела. И тот племянник ее с тем татарином по их наученью приехал х брату моему родному к Мундару-мурзе Алкасову в Кабарду и заводом тово брата моево убили, рняся тому, что он тебе, государю, служил и на твоих государевых непослушников на Олегук и на Хотогжук мурз стоял заодно ж с сынишком моим с Келмаметком. А в которое, государь, время сынишко мой Келмамет был в Терском го//роде и по ее ж кнеине Желегошину веленью, и по наговору сына ее Алегуки князь Сунчалеева Алегук да Хотогжук Казыевы з братьею и Малова Ногаю мурзы, собрався с своими ратными людьми, и он, Алегук-мурза князь Сунчалеев сын, с своими будачеевскими и с терскими муцаловскими уздени приходили на нашу Кабарду и многих, государь, у нас людей побили и в полон поимали и конские стада и кобылицы и животину всю отогнали. И в том, государь, их приходе убили уздени наши у нево, Алегуки князь Сунчалеева, Муцалова узденя Бишкина брата Бакая и тела ево привезли в Терской город. И слыша, государь, то сынишка мой Кел-

маметка в Терском городе бил челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а твоим государевым воеводам князь Семену Ивановичю Шаховскому с товарыщи в съезжей избе подал челобитную, чтоб ты, государь, ево пожаловал против прежнова своего государева указу, велел дать своих государевых ратных людей, чтоб кабачишка наши от недругов наших оберечь и перевести, где ты, государь, указал. И твои государевы воеводы князь Семен Иванович Шаховской с товарыщи по твоему государеву указу сынишки моему Келмаметку дали твоих государевых ратных людей для обереганья кабачишков наших. Да в то ж, государь, время пришли к сынишку моему х Келмаметку в Кабарду андреевской Айдемир-шевкал со многими с кумыцкими мурзы, да кабардинские мурзы Илдар Ибаков з братьею, да Казый Мундаров, да Ахлов Айтеков с своими ратными людьми, ведая обиду и неправду того Алегук и Хотогжук мурз Казыевых з братьею, к сынишку моему, и плаков по брате моем по Мундаре Алкасове и даговарясь пошли на твоих государевых непослушников на Малой Ногай, а то оне тебе, государю, учинилися непослушны, а кабачишка наши воюют беспрестанно. И милостию божиею и твоим государевым счастьем сынишка мой Келмаметка и Айдемир-шевкал с товарыщи своими Малова Нагаю многих людей побили. И в то ж, государь, время и по присылке с Терка кнеини Желегоши и по наговору сына ее Алегуки князь Сунчалеева, Алегук Шагонуков да Хотогжук Казыевы з братьею, собрався с своими ратными людьми, и он, Алегука князь Сунчалеев сын, с своими будачеевыми и с терскими муцаловыми уздени, которые в то время были у них в Кабарде, пришли на сынишка моево и на твоих государевых ратных людей с тылу, в то время как были все люди в розъезде, и Айдемир-шевкала и сынишка моево Келмаметка и Илдара Ибакова и многих кумыцких и кабардинских мурз и твоих государевых ратных людей побили, а иных разогнали и в полон поимали и многих запродали в горы и х крымскому царю послали в подарках, а ин/ых/, государь, у себя держат в великой неволе и по се число. А как, государь, сынишка мой пошол с ратными людьми, а кнеиня Желегоша послала в той жа рати узденя своево Иналучку Маленькова и приказала, государь, ему узнав какое безлюдное время учинит Алегук да Хотогжук мурзам да Алегук-мурзе князь Сунчале// еву ведамо и Иналучка Маленькой расмотрев тово как государевы ратные люди, побив Малой Ногай, розъехались по загонам, и он, государь, в то время отъехал к Олегук и х Хотогжук мурзам и к Олегук-мурзе князь Сунчалееву и учинил им ведамо, что ратные люди все в розъезде. И по той, государь, ево весте Алегук и Хотогжук Казыевы и Алегук-князь Сунчалеев сын с своими ратными людьми на сына моего и на твоих государевых ратных людей пришли и их побили и меня, рабу твою разорили да скончанья.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, рабу свою, вели, государь, от своих государевых непослушников, а от наших недругов от Алегук и от Хотогжук мурз з братьею

и от кнеини Желегоши и от детей ее меня, рабу свою, оберечь и в убойстве сынишка моево и в моем, государь, конешном разоренье свой царьской указ, чтоб мне, рабе твоей, и с последним своим сынишком, живучи в твоей государевой отчине в Терском городе, от недругов своих в конец не погинуть.

Царь государь, смилуйся.

На *лл.* 161 об. – 163 об. по склейкам рукоприкладство на языке тюрки.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1641 г. Д. № 1. Лл. 161–163. Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Лл. 155–159.

№ 42

(1642 г.) (Выписка из местнических дел)

Того же месяца апреля в 17 день сказал думной разрядный дьяк Иван Гавренев боярину князь Ивану Андреевичу Голицыну: был государь при иноземцах в золотой полате, и ты князь Иван в ту пору хотел сесть выше боярина князь Дмитрея Мамстрюковича Черкаского, и называл его своим братом, и тем ты его боярина князь Дмитрея Мамстрюковича Черкасского безчестил: боярин князь Дмитрей Мамстрюкович человек Великой и честь их старая, и в прежних летах блаженные памяти при Государе Царе и Великом князе Иване Васильевиче всеа Русии дядя его, боярин князь Михайло Темрюкович Черкаской, был в великой чести и бывали с ним многие; и за боярина князь Дмитрея Мамстрюковича Черкаского безчестье, велел Государь тебя князь Ивана Голицына послать в тюрьму. А отводил в тюрьму Петр Лихарев.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1851. Т. II. 1628–1645 г. С. 679.

№ 43

Дело по челобитным Муцала мурзы Черкасскаго на стольника князя И.А. Хилкова и дьяка Г. Углева, «по заводу» которых казаки погромили торговых людей и его узденей, ехавших из Дербента в Терский город. 1642 г.

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России бьет челом холоп твой, Муцалка Черкасский. Жалоба, государь, мне, холопу твое-

му, на твоего государева стольника на князь Ивана Андреевича Хилкова да на дьяка Григорья Углева. В прошлом государь, в 148 году, ехали в твою государеву отчину в Терский город, торговые тезики из Дербней, да и мои, холопа твоего, Муцалковы людишки ехали с теми же торговыми тезиками с моими животишки и с своими товары; и как будут они у перевозу на Быстрой реке, и у того, государь, перевозу тех торговых тезиков и моих, холопа твоего, людишек по его князь Иванову заводу, и по заводу дьяка Григорья Углева, и по наказной их памяти, казаки погромили и товары и всякие животы поимали все, а в наказной государь у них памяти было написано: велено им казакам Кумыцкую и Кабардинскую дороги застать и по тем дорогам велено им всяким проезжим людям, кто теми дорогами поедет, большую тесноту чинить и грабить, а как, государь, тех торговых тезиков и моих, холопа твоего, людишек казаки пограбили, и я, холоп твой, бил челом тебе государю, а ему князю Ивану в съезжей избе говорил, чтобы за теми казаками послать ратных людей, и он князь Иван, норовя им ратных людей не послаль, а послаль к ним одного Терского сына боярского Игнатья Прохорова, да с ним пять человек стрельцов, да моего узденишка, и те, государь, казаки того моего узденишка хотели убить до смерти, насилу у них ушел. И по его, государь, того погрому он князь Иван Хилков да дьяк Григорий Углев прислали съезжия избы толмача Ивашка Иванова к тем погромным людям просить трехсот рублев денег, а ялись им тот погромный живот сыскать весь, а, сыскав, отдать, и в тех, государь, в трехсот рублях, взяли у тех погромленных людей заклады, ссуды серебряные, и шелк, и платья, а положили тот заклад у него, толмача Ивашка. И я, холоп твой, Муцалка, послыша, хотел о тех своих животах тебе, государю бити челом, и он, князь Иван, сведав то, что хочу я, холоп твой о тех своих животах тебе, государю, бити челом, те их заклады велел тому толмачу Ивашку отдать им назад, а животов, государь, погромленных ничего не отдал, взял, государь, у казаков те погромленные животы, а поделился он теми погромленными животами с дьяком с Григорьем Углевым, а моих животишков и узденишек моих товару взято на пятьсот рублев. Милосердный государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России! Пожалуй меня холопа своего, вели государь мне в тех моих погромленных животишках и узденишек моих в товар, что по его князь Иванову заводу и дьяка Григорья Углева казаки взяли живота моего и узденишек моих товару на пятьсот рублев, свой царский указ учинить. Царь, государь смилуйся! На обороте помета думного дьяка Гавренева: «150 г. апреля в 18 день, государь пожаловал, велел дать на него суд боярину князю Борису Александровичу Репнину, да окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да диаку Григорью Ларионову».

И 150 г. апреля в 18 день, государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России, слышав Муцаловы челобитныя Черкасского, пожаловаль его, Муцала, велел ему на князя Ивана Хилкова в его Муцалове иску дати

суд, а судить князя Ивана с Муцалом указал государь боярину князю Борису Александровичу Репнину, да окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да диаку Григорью Ларионову; и окольничий князь Федор Волконский в нынешнем во 150 же году в мае послан в Путивль для межеваго дела.

И 150 же августа в 9 день, государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России указал Муцалу мурзе Черкасскому иску своего искати на князе Иване Хилкове перед одним боярином пред князем Борисом Александровичем Репниным да перед диаком перед Григорьем Ларионовым.

И по приказу боярина князя Бориса Александровича Репнина Муцалу мурзе Черкасскому да князю Ивану Хилкову велено быти к суду августа в 10 день.

И князь Иван Хилков бил челом боярину князю Борису Александровичу Репнину, что ему к суду августа в 10 день не успеть и ему б дать сроку на два дни, чтобы ему к суду поизготовиться, и князю Ивану Хилкову и Муцалу мурзе Черкасскому велено к суду быть готовым августа в 12 день.

И августа в 12 день, говорил боярину князю Борисе Александровичу Репнину да дьяку Григорью Ларионову Черкасскаго мурзы Муцалов пристав Патрикей Исупов, что велел ему Патрикею боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский объявить, что племянник его Муцал мурза Черкасский со князем Иваном Хилковым в его князь Иванове доле помирился, и до князя Ивана Хилкова в его Муцалове иску дела ему Муцалу нет, а на дьяка на Григорья Углева племянник его Муцал мурза в своем иску учнет бить челом государю с особною челобитною.

И боярин князь Борис Александрович Репнин ту Патрикееву сказку Исупова велел записать , а к боярину ко князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому боярин князь Борис Александрович Репнин приказал с Патрикеем же Исуповым, чтобы боярин князь Дмитрий Мамстрюкович племянника своего Муцала мурзы со князем Иваном Хилковым прислал мировую челобитную.

И августа в 19 и в 23 день, бил челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России Муцал мурза Черкасский и подал три челобитныя, а в челобитных пишет.

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России бьет челом холоп твой Муцалка Черкасской. Бил я челом тебе государю на стольника на князь Ивана Андреевича Хилкова да на дьяка Григорья Углева в иску своем в пятисот рублях в том, как ехали из Дербеней торговые тезики гилянцы и дербенцы да и мои холопа твоего Муцалковы людишка, и тех государь торговых людишек на перевоз у Быстрой реки по их заводу и по наказной их памяти тех торговых тезиков и моих людишек казаки погромили, а взяли государь у тех моих людишек по их заводу и по наказной памяти живота моего на пятьсот рублев; и ты государь пожаловал меня холопа своего, велел на него князь Ивана Хилкова и на дьяка Григорья Углева дати свой государев суд, и князь Иван Хилков, не ходя со мною холопом твоим в суд, помирился в половине иску моего в двусот в пятидесать рублях, а дьяка государь Григорья

Углева нынеча на Москве нет, живет на твоей государеве службе в Терском городе, а нынча ты государь указал его Григорья переменить, а меня холопа своего указал с Москвы на Терек отпустить. Милосердный государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России! пожалуй меня холопа своего, вели государь мне дать на того дьяка Григорья Углева свою государеву грамоту против прежнего моего челобитья, как я холоп твой бил челом тебе государь в иску своем на князь Ивана Хилкова и на него Григорья, вели государь мне холопу своему указать на него Григорья в том моем иску свой государев суд воевод, в котором городе я холоп твой его, Григорья съеду, и по своему государеву Уложенью вели то наше судное дело вершить. Царь, государь смилуйся! На обороте помета думного дьяка Гавренева: «150 г. августа в 13 день, государь пожаловал, велел на него дать суд в Астрахани».

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России бьет челом холоп твой Муцалка Черкасской. Бил я челом тебе государю на стольника на князь Ивана Хилкова да на дьяка Григорья Углева в погромных своих животах, что по их заводу и по наказной их памяти казаки взяли живота моего на пятьсот рублей, и ты государь пожаловал, указать нам холопам своим суд дать, и я бил челом тебе государю, что стольник Иван Андреевич Хилков, не ходя со мною холопом твоим в суд, помирился половине иску моего в двухсот пятидесять рублях, а дьяка государь Григорья Углева на Москве нет, живет на твоей государеве службе в Терском городе, а нынеча государь по твоему государеву указу велено его переменить, и я бил челом тебе государю, чтобы ты государь пожаловал меня холопа своего, велел мне на него Григорья в тех моих погромных животах дати свой государев суд, в котором городе я холоп твой его Григорья съеду, и против государь того моего челобитья пожаловал ты государь, указать дати на него Григория суд в Астрахани своему государеву стольнику и воеводе князю Федороу Андреевичу Телятевскому с товарищи. Милосердный государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России! пожалуй меня холопа своего, вели государь мне в тех моих погромных животах дати на него Григорья свой государев суд в том городе, где я холоп твой его Григорья съеду, и вели государь тому нашему судному делу по своему государеву Уложенью вершенья учинить. Царь, государь смилуйся, пожалуй! На обороте помета думного дьяка Гавренева: «150 г. августа в 19 день, государь пожаловал, велел ему дать на дьяка Григорья Углева по городам, где его не съедеть, и боярину князю Борису Александровичу Репнину да окольничьему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьяку Григорью Ларионову учинить по сему государеву указу».

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России бьет челом холоп твой Муцалка Черкасской. Милосердный государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России! пожалуй меня холопа своего,

вели государь меня и братью мою ведать мимо Посольскаго приказа и думного дьяка Федора Лихачева, где ты государь укажешь, потому государь, что у него не дружба с дядею с нашим с боярином с князь Дмитрием Мамстрюковичем. Царь, государь смилуйся! На обороте помета думного дьяка Гавренева: «150 г. августа в 21 день, государь пожаловал, велел их ведать боярину князю Борису Александровичу Репнину, да окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьяку Григорью Ларионову».

По делу об ограблении разных вещей казаками у людей Муцалка Черкасского грамота по городам стольникам нашим и воеводам изготовлена 150 г. августа в 24 день и отослана к боярину ко князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому, а в ней написано…И по нашему указу Муцалу мурзе Черкасскому на дьяка на Григорья Углева в его иску в двусот в пятидесять рублях велено суд дати, в котором городе Муцал мурза дьяка Григорья Углева встретит, и в которых в наших в понизовых городех Муцал мурза Черкасской дьяка на Григорья встретит, учнет Муцал мурза Черкасской на дьяка на Григорья Углева в своем иску бить челом, и вы б воеводы наши у Муцалки мурзы сю нашу грамоту взяли и против сей нашей грамоты Муцалу мурзе Черкасскому на дьяка на Григорья Углева в его Муцалове иску в двусот в пятидесят рублях дали суд….

Акты XVI – XVIII вв. Извлечены А.Н. Зерцаловым. М., 1897. С. 75–80.

№ 44

Государева грамота боярину, князю Ив. Б. Черкасскому о турских, крымских, нагайских и азовских вестях

От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии на Тулу бояром нашим и воеводам, князю Ивану Борисовичу Черкасскому с товарищи. В нынешнем, в 146 году мая в 2 день, писали к нам с Терки стольник и воеводы наши, князь Василий Ромодановский с товарищи, с терским станичником, с сотником стрелецким, с Алексеем Бредихиным про турския, про крымския, и про нагайския и про азовския вести; и по нашему указу с тое терской отписки, какову о тех вестях к вам прислали в посольской приказ, и с крымскаго царя грамоты, какову он прислал к Касаю князю, посланы к вам для ведома списка слово в слово, запечатав в столбец. писан на Москве лета 7146-го, мая в 3 д.

Список с отписки, какову отписку прислали к государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии к Москве с Терка стольник и во-

еводы, князь Василий Ромодановский с товарищи, с терским станичником, с сотником стрелецким, с Алексеем Бредихиным, в нынешнем, во 145 году, мая во 2 день.

Государю … бьют челом Васька Ромодановский, Ивашко Бестужев, Каллистратко Жохов. В нынешнем, в 146 году, генваря в 20 день приехали к нам на Терек из Идареевой Кабарды Келмамет мурзы Куденековича, да Будачея мурзы черкасских уздени Инжарука да Блишука в Азакмыш с товарищи; а в роспросе, государь, перед нами сказали: тому де дней с 5, прислал крымской салтан в Казыеву Кабарды Долегук мирзы и к Хотокжук и в малый Ногай к Касаю князю с детьми, и в Шелохову Кабарду к Илдару Ибакову с братьею послов своих, а с ними де прислал крымский царь ко всем к ним листы и жалованья, платья золотныя и кубки. И мы для проведыванья подлинных вестей посылали в Казыеву Кабарду к Олегук и к Хотокжук и в Шелохову Кабарду к Илдару Ибакову с братьею и в малый Ногай к Касаю князю сына боярскаго Василья Вышеславцева и служилых людей, а в Кумыки, государь, в Андрееву деревню и в Тарки и к Уцмею Кайдацкому посылали мы сына боярскаго Безсона Неголова, а с ним толмача и служилых людей, а велели мы им проведывать всяких вестей подлинно: крымский царь послов своих и листы с послами своими к ним и жалованье прислал ли, и что в листах своих к ним писал и словесно приказывал? И февраля, государь, в 1 день приехали из Казыевы Кабарды от Алегуки с братьею и из Шелоховы Кабарды от Илдара Ибакова и из малаго Ногая от Касая князя сын боярской Василий Вышеславцев и толмач, а в роспросе перед нами сказали: были де они в кабардах и в малом Ногае и про всякия, государь, вести, про турскаго царя, и про крымскаго и про большой Ногай, проведывали, и Алегука и Хотокжука и Илдар Ибаков и малаго Ногая Касай князь ему, Василью, и толмачу сказали, что крымский царь послов своих, и листы и жалованье, платья золотныя и кубки к ним с послами своими прислал, и словесно де, государь, к ним приказывал, а велел им быть к себе, а ратным де людем их владенья велел быть готовым; а идти де, государь, ему на весну под Азов, и о всем де у него с ним договор будет под Азовом; да под Азов же де, государь, будут турские люди морем каторгами. И крымской де царь с турскими людьми под Азовом, оставя ратных людей, сам де хочет идти на Русь; а турский де царь с воинскими людьми на весну сбирается, а куды де, государь, турскому царю идти, про то они не ведают. Да сын боярский же, Василий Вышеславцов и толмач сказали: слышали де они в Кабардах и в малом Ногае ото многих людей, что де от крымскаго царя и в Кумыки в Андрееву деревню и в Тарки к Уцмею Кайдацкому послы и листы и жалованье, платье и кубки, присланы ж, а Андреевский де салтан Магмут ныне в Крыму у крымскаго царя; а просит де он, салтан Магмут, у крымскаго царя под Терской город ратных людей; и говорил де салтан Магмут крымскому царю: «только де крымской царь даст ему, салтану Магмуту, под Терской город ратных людей, и с ним де, с салтан Магму-

том, будут под Терской город горские и кумыцкие князи и мурзы со всеми людьми готовы». Да февраля ж, государь, в 3 день приехали из Кумык из Андреевы деревни и из Тарков и от Уцмея сын боярский Безсон Неголов да толмач, а в роспросе перед нами сказали те ж всети, что и сын боярский Вышеславцов. Да февраля ж, государь, в 18 день приехал к нам на Терек из малаго Ногая от Касая князя с братьею внук его родной Арасланбек-Мурза Каспулатов сын, а с ним улусные люди; и мы велели ему, Арасланбек-мурзе быть в съезжей избе. И Арасланбек в съезжей избе подал нам от Касая князя два листа, а сказал: «лист де, государь, касая князя к нам, а другой де лист, что прислал к Касаю князю и к сыну его к салтану мурзе крымский салтан Гирей, и дед де его Касай князь и дядя его салтан мурза по своей к тебе, великому государю, службе и правде тот лист крымскаго царя с ним, Арасланбеком, прислали к нам»; а Касаев, государь, лист, что писан к нам, велели мы перевесть. И в листу, государь, своем Касай князь к нам писал и Арасланбек мурза нам вестей сказал: прислал де к Касаю князю крымский царь посла своего Кадыша-агу с товарищи, а с ним к Касаю князю и к сыну его к салтану лист, а в листу, государь, крымский царь писал и с послом своим, с Кадышем-агою словесно к ним приказывал, чтобы он, касай князь, прислал к нему, царю, сына своего салтана для подлинного договору, а ратным своим людей малаго Ногая велел быть к весне готовым, а идти де на весну крымскому царю под Азов, и о всем де, государь, у крымскаго царя договор будет под Азовом. Да к касаю ж де, государь, князю и к салтану мурзе приказывал крымский царь словесно с послом своим, с Кадышем-агою, что де под Азов же будут ныне на весну турские люди морем каторгами, а он де, крымский царь, под Азовом с турскими людьми, оставя своих ратных людей, сам хочет идти на Русь. Да Касаю ж де, государь, князю и салтану мурзе сказывал крымскаго царя посол Кадыш-ага, что де и турский царь сбирается на весну с воинскими люьдми, а куда де, государь, ему идти, про то они не ведают. А Касай де князь и сын его салтан мурза крымскому царю отказали: «холопи они твои, великаго государя», и в аманаты салтан сына своего в твою, государеву вотчину, в Терской город дали, а к нему де, к крымскому царю, он салтан мурза ехать не хочет. И по тем, государь, вестям, февраля в 19 день, послали мы сына боярскаго, Андрея Молхокова с товарищи в Казыеву Кабарду к Алегуке мурзе и к Хотокжуке и в малый Ногай и в Шелохову Кабарду к Илдару Ибакову с братьею, а велели, государь, им говорить, чтоб они, Алегука и Хотокжука и Шелоховы Кабарды Илдар с братьею тебе, великому государю, службу свою показали и правду свою совершенну учинили, крымскаго царя листы, что прислал к ним с своими послами и словесно к ним приказывал, те листы присали и про всякие вести про турскаго и про крымскаго и про Азов словесно с ним к нам приказали подлинно; а как, государь, сын боярский Андрей Молхоков из Казыевой Кабарды и из Шелоховой и из малаго Ногая приедет, и что нам про всякия вести и крымскаго государя про листы скажет и мы к тебе, госу-

дарю … отпишем. А который, государь, лист прислал к нам с мурзами и с улусными людьми Касай князь, что де тот лист прислал к нему крымский царь, и мы тот лист послали к тебе, государю… с сею отпискою. Да февраля, государь, в 21 день писали к нам из Шелоховой Кабарды терский сын боярский Родион Горбатов с товарищи; послан он, Родион, от нас в Шолохов Кабарду к Илдару Ибакову с братьею и к Козларом к Иналуке Хотову с братьею для договору аманатного дела и для проведывания вестей про турскаго и про крымскаго и про большой Ногай; и при нем де, Родионе, приехал в Казыеву Кабарду к Алегуке-мурзе с братьею и Шелоховы Кабарды к Козларом к Иналуке Хотову с братьею от салтана Магмута Андреевскаго уздень его Тагатовка с товарищи, а вестей, государь они им сказали: прислал де их из Крыму к ним салтан Магмут Андреевский, и приказывал де, государь, с ними салтан Магмут к Алегуке мурзе с братьею, что де они, Алегука с братьею к крымскому царю не ездили, а ждали бы крымскаго царя в Кабарде с своими людьми, а к Козларом, государь, Иналуке Хотову с братьею приказывал салтан Магмут же, чтоб де они совсем шли в крепкия места, в горы, для того что де крымскому царю и турским людем и большому Ногаю идти вскоре мимо их кабардов под Терек и под Астрахань; а он де, салтан Магмет, под Терек и под Астрахань будет с крымским царем. И по тем, государь, вестям только будет под Терской город приход воинских людей, и в Терском, государь, город твоих государевых служилых людей мало, и в осадное, государь, время осады нам укрепить не кем; а по твоему государеву указу велено на Терек быть конному приказу да пешим двум приказом полным, по 500 человек в приказ, да по твоему государеву указу велено быть на Терке астраханским годовальщикам стрельцом полному приказу, 500 человеком, и на Терке, государь, по стрелецким в конном приказе 296 человек, да в двух пеших приказех 589 человек. И из того, государь, числа терских стрельцов коннаго приказу побито на море от воровских казаков, и от кумычан и от черкас, и померло и розбежалось 41 человек, да в двух, государь, пеших приказех побитых, и померло и розбежалось 92 человека, а на лице, государь, стрельцов ныне на Терке в конном приказе 250 человек, да в двух пеших приказех 497 человек; да астраханских, государь, стрельцов, терских годовальщиков, было на лицо 466 человек, и из того, государь, числа беглых, и мертвых, и побитых и слободчиков, и оставлено в Астрахани 70 человек, а ныне их на лицо 396 человек, а вновь, государь, на Терке стрельцов прибрать не откуда; а которые, государь, и старые стрельцы, и те бредут розно, что им твоего государева жалованья хлебных запасов за астраханскою недосылкою на прошлые годы додать и на нынешний на 146 год дать нечего. А твоего государева денежнаго жалованья терским служилым людем другой половины марта с 1-го числа нынешняго 146 года дать нечего за астраханскою недосылкою, а твоих государевых запасов кладоваго хлеба в житницах нет ни одной чети. Да за рекою, государь, за Тюменкою около черкасских слобод был преж сего сделан в острога место плетень, и тот, государь, плетень

сгнил, а хотя, государь, около черкаских слобод плетень и устроить по прежнему, и в приход, государь, больших воинских людей черкасом и татаром в том плетеном остроге без твоих государевых служилых людей руских сидеть будет нельзе, а нам послать служилых людей будет к ним в осаде некого. А на городскую, государь, сторону в острог, опричь мурз и их лучших узденей немногих, пустить черкас и татар нельзе, потому что чаять от них шатости и дурна большаго. Да февраля, государь, в 23 д. писал к нам из малаго Ногая Кемамет Куденекович да Муцал-мурза черкасские: приехал де, государь, при них из Крыму малаго ногаю Арасланбек мурзы Каспулатова сына улусу, татарин Хорошай, послан де, государь, был татарин в Крым для проведыванья вестей про крымскаго и про турскаго и про большой Ногай; и при нем де, Хорошае, пришли в Крым 7 пашей, а с ними де, государь, пришло турских людей 70 000 конных, а пешие де, государь, турские люди каторгами морем под Азов будут вскоре; а большаго де, государь, Ногая мурз и улусных людей крымский царь взял к себе в Крым, а велели де им быть с собою, а сам де крымский царь и турские люди и большой Ногай хочет из Крыму идти вскоре, а куда де, государь, ему, крымскому царю и турским людем и большому Ногаю идти, того он не вдает; а что де, государь, в малом Ногае и в кабарде про турскаго и про крымскаго и про большой Ногай каких вестей впред объявится, и они де, государь, Келмамет и Муцал на Терек будут вскоре, а Келмамет, государь, мурза и Муцал мурза поехали в малый Ногай и в Кабарду для своих дел не на большое время».

Перевод с татарского письма, что писал крымский богатырь Гирей царь к Касаю князю. Богатырь Гиреево царево слово.

Большому карачею нашему Касаю князю и ближнему карачею нашему салтан мурзе, обоим вам с честью и с любовью сю нашу любительную грамоты и повеленье наше послав, вам объявляем: которую есте грамоту к нам послали, и до нас та грамота дошла и служба ваша и карачейство нам любительна и ведома, и только велит Бог, и мы с вами о добре поговорим. И отцом нашим и дедом вы всякое добро делали, и вам за то от нас наше жалованье будет Магметева закону людем во всяком месте помощь и служба от нас будет, тому подлинно верьте. Ныне люди наши пошли вскоре и время то не сталось, что к вам о кочевье и о бытье вашем некоторого слова вам о том не умели приказать, а с весны рано пойдем под Азов; и как Бог даст нам Милость свою, и к вам наше жалованье будет, как от дедов и от отцов наших бывало, да и свыше дедов наших к вам наше жалованье будет. А вам бы прямым сердцем своим к повеленью нашему ухо свое держать, и как будет время, и вы по своему сердечному прошенью все свои слова переговорите по своему жалованью, слово свое исполните; а под Азов дорога наша будет подлинно, и в нашем бы повеленьи быть бы вам крепко и неподвижно, и где ныне вы живете, на котором месте и вам бы мненья себе никакого не держать тут жить, холопи вы наши и карачеи, и на нашу б службу, опоясовся, вам,

готовым быть, и к нам бы ухо свое вам держать. А только похотите с нами поговорить и карачейство свое нам объявить и салтан мурзу похотите только с Алиюком князем к нашим благосчастным дверям прислать, и он доброе наше слово по вашему жалованью услышить и наше жалованье будет. Так вам буди ведомо, с тем грамота в Бакчисарае писана. А в печати у грамоты написано: богатырь Гирей, государь. Салмамет Гиреев, царев, сын.

Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук. Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1894. Т. II. (1635–1659). С. 50–53.

№ 45

1650 г. 22 мая – 1651 г. 20 июля. Статейный список А.И. Иевлева о пребывании посольства в Имеретии. Извлечение

Лета 7158 мая в 22 день г.ц. и в.к. А.М. в Р. велел Микифору Матвеевичу Толочанову да дьяку Алексею Иванову сыну Иевлеву иттить в меретийскую землю к Олександру царю с своим государевым жалованьем с соболиною казною и для иных своих государевых великих дел посольством.

И Микифор Матвеевич Толочанов и дьяк Алексей Иевлев в посольском приказе у дьяков у думного Михаила Волошенинова да у Алмаза Иванова государев наказ, и государеву грамоту к меретийскому к Олександру царю, и роспись соболиной казне, и на казенном дворе государеву казну соболи к Олександру царю по росписи приняли. А по наказу велено Микифору и Алексею иттить с Москвы с меретийскими послы вместе, в судах, на Коломну, на Переславль-Резанской, на Касимов, на Муром, на Нижней Новгород, и в Казан, и в Астрахань. А для береженья послов и государева казны посланы проводить с Москвы до Переславля-Резанского московские стрельцы; а от Переславля-Резанского велино имать провожатых в городех, от города до города, и до Казани. А от Казани до Астарахани, где будет по вестем надобно людей больши, и им имати у бояр и воевод людей с прибавкою, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестем. А и с Астарахани ехать на Терек, а с Терека в меретийскую землю к Олександру царю. И от г.ц. и в.к. А.М. в. Р. с. правити поклон, и подать Александру царю ц-ого в-ва грамоту, и против наказу говорить речь, всякие государевы посольские слова справить, и объявить государево жалованье соболи. А что против посольских речей Александра царя ответы будут и ближних ево людей речи, и послом велено те Александровы ответы и ближних ево людей речи писати в статейный список подлинно.

И июня в 9 день Микифор и Алексей на отпуске у г.ц. и в.к. А.М. в. Р. были у руки за переградою. А с ними были у государя у руки: дьячей Алексеев сын

жилец Клим Иевлев, да переводчик Иван Боярчиков, да толмач Лаврентей Пиригов. И быв у руки, Микифор и Алексей отпустилися с Москвы, с государеву соболиною казною и с меретийскими послы в стругах июня 10 числе, а с Коломны в Переславль-Резанской, в Касимов, в Муром Нижней, в Казань. А из Казани отпустилися июля в 23 день.

7159 сентября в 6 день Микифор и Алексей с государевою казною и с меретийскими послы пришли в Астарахань. И с государевою грамотою были у боярина у князь Ивана Ондреевича Голицына сентября в 7 день. И боярин князь Иван Ондреевич велел отвести послом струги того ж числа и приказал починить и совсем изготовить. И стояли в Астрахани за судовою поделкою девять дней.

А из Астарахани Микифор и Алексей с государевою казной и с меретеинскими послы отпустились сентября в 15 числе. И пригребли к волоскому устью, на учюг, к Урслобе сентября в 21 день. И стояли пять дней за погодою.

Сентября в 27 день отпустилися на море и прибежали морем к Брянцове Косе сентября в 28 день. И стояли послы и меретинские послы врозни: разнесло погодою.

Октября в 1 день Микифор и государева казна, и меретинские послы, поднев по погоде парусы побежали к городу Терку и прибежали того же числа.

А дьяка Алексея Иевлева отнесло погодою в море, и носило по морю, и погодою било сентября с 28 числа до октября по 11 число. И от морские большие погоды многие запасы пометал в море для легости. И того же 11 числа на море приправила погода по пути И дьяк Алексей, подняв парус, прибежал к Терскому устью того же числа. И стоял на устье семь дней за мелью.

И октября в 18 день дьяк Алексей Иевлев с Терского устья пригреб под Терской город и перевезся в город, на двор.

И октября в 24 день Микифор и Алексей послали в меретинскую землю толмача астраханского Ивашку Тезиченка, а от Александровых послов отпущен поп Симон, да Мундаровы Кабарды черкашенин Загар, да три человека стрельцов, да два человека окочен с вестью, что ц-ого в-ва послы и их Александра царя послы с Москвы на Терек пришли, чтоб прислал Александр царь навстречю подводы.

И генваря в 21 день приехали из Меретии в Терской город астараханской толмач Ивашка Тезиченок, что посылан был от послов, а с ним приехал от Александра царя азнаур Костентин Каншов с листом. И приехав, толмачь Ивашко от Александра царя послом правил челобитье, а сказывал: Ехал де он Ивашко с Терского города Мундаровы Кабарды с черкашенином с Загаром, и с меретинским попом, и с терскими стрельцы на Кабарду Казыя мурзы Мундарова. И стояли в Кабарде пять дней за тем, что ездил черкашенин Загар в Хапсу проведывать дороги, куда бы итить лутче и бесстрашно. И тот де черкашенин сказал ему толмачю Ивану, что на Хапсу ехать нельзя, дорога не чиста, живут государевы непослушники. И из Мундаровы де Кабарды по-

ехали на Онзорову Кабарду, к Зазаруке мурзе. А Зазаруке де велел их проводить до Балхар и велел их отдать болхарским мурзам Алибеку, да Чеполову да Канбулатову дядьке Черкасского Андабалу мурзе. И те де балхарские мурзы проводили их до меретийских деревен на Бугу, а из Буги проводили царя Александра к азнауру к Костянтину Каншову. И жили де у него шесть дней. А в те де поры посылали они к царю Александру с вестью. И взяли его к Александру царю в город в Кутатись. И был он толмач у царя Александра и от послов Александру царю правил челобитье. А царь де Александр спрашивал про здоровье про послов и сказал ему толмачю, что посылает он Александр царь к послом навстречю азнаура своего с листом, Костянтина Каншова.

Генваря в 22 день Александра царя азнаур приехал в Терской город.

А генваря в 23 день Александра царя азнаур Костянтин Каншов был у Микифора и у Алексея на съезжем дворе, и подал от царя Александра лист, и речью говорил: Прислан де был от вас послов Александру царю Иван Тезиченок и сказывал Александру царю про ваш посольской приезд. И царь де Александр, услыша ц-ого в-ва про вас послов, обрадовался, и послал де к вам послом на встречю азнаура, ево Костянтина Каншова, и велел вам ц-ого в-ва послом челом ударить. И прислал к вам царь Александр лист. А приказал де царь Александр ц-ого в-ва вам послом итить к себе с Терского города после Святые надели, в апреле месяце.

И после Святые недели пошли послы с Терека в Меретию апреля в 15 день. И терские воеводы князь Михаило Щетинин с товарыщи отпустили с Терека с послы и за государевою казною в провожатых сотника стрелецкого Михаила Молчанова, а с ним терских конных стрельцов пятьдесят человек, да новокрещенов тридцать человек, да окончен шестьдесят человек. А Канбулат мурза Мшимахович Черкасской отпустил от себя дву уздней добрых, Чепана да Залегашта, провожать. И вели дорогою вверх по Тереку реке и до Анзо/л. 8 ровы/ Кабарды безстрашно.

И апреля в 25 день послы и александровы послы пришли к Келмаметевым кабакам Ибакова и перешод Терек, стояли на лугу под Келмаметевыми кабаки. И Келмаметь Ибаков государевых послов сам не встретил и встретить никово не высылал.

И апреля в 26 день послов Микифора и Алексея, и государеву казну, и меретинских послов Канбулатовы узденя проводили до Анзоровы Кабарды к Зазаруке мурзе, дал Бог, здорово и безстрашно.

И встретили Анзоровские мурзы владелец Зазорука мурза да брат его Келмаметь с братьями и с племянники, выехав за своими кабаками, и поставили послов Микифора и Алексея и меретийских послов у себя в кабаках, по-русски в селех. Да сказывал послом Зазарука мурза Анзоров: Только де впредь государь укажет послом своим ходить в меретийскую землю к Александру царю и в Грузии, и на ево де Анзорову Кабарду дорога прямая. А с его Кабарды к Александру царю на горских людей, на дигоры да на сти-

горцы, близко; поспевают со вьюшными лошадьми в Меретию, в первую деревню Александра царя, к азнауру к Юрью Каншову в два дни. Только де ныне тою дорогою ходить нельзе, потому что близко живет шахов посаженик, Аристоп сонской владелец, и с Александром царем не в миру. А только де того Аристопа государь изволит с царем Александром замирить, и та де дорога будет близка и хороша. И можно сделать и тележной ход. А те де горские люди, дигоры и стигорцы, государю противны не будут; во всем слушают, и мочь большую имеет над горскими и над черкасскими людьми он Зазарука мурза Анзоров.

Апреля в 29 день послы Микифор и Алексей отпустили из Анзоровы Кабарды перед собою с вестью к меретийскому царю Александру московского толмача Лаврентья Пирогова, а с ним терского стрельца; да с ними поехал Александра царя азнаур Констянтин Каншов. А провожать их поехали балхарские мурзы Хабитин да Бута до Болхар и в Меретию.

Маия в 5 день приходили из гор в Анзорову Кабарду, к Зазаруке в кабаки, два человека дигорцов смотреть государевых послов, а имена их Смаил да Чибирка. И были у Микифора, а от Микифора приходили к дьяку к Олексею. И Алексей их спрашивал, отколе пришли, какова владенья люди, и для чево пришли. И они сказались дигорцы. Жилище их в горах, вверх по реке по Урухе, а владелец у них Алкас мурза Карабгоев; а владенья его четыре кабака. И за ними же де, позади дигор, другое владенье, стургорцы, двадьцать кабаков. А в кабаке, сказали, жильцов дворов по двести и больше. А для де оберегания ясак дают Алегуке да Ходождуке мурзам Черкасским и Зазаруке мурзе Анзорову, с кабака по десяти коров или быков, да по ясырю, да по лошади по доброй, да с двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, до по четверику проса. А до первого де их владенья, до дигор, от Зазарукина кабака половина дни ходу, а от их владенья, до стиргорцев день ходу. А от стиргорцев до грузинские до первые деревни до Гези половина дни ходу. А ныне де та деревня за Александром царем. А до Александра де царя от той деревни от Гези два дни ходу. А переход де от их владенья до Александра царя через горы не нужной, можно итить на лошадех и со вьюки. А только де порасширить дороги, и то де можно сделать и телегами ходить. Только де ныне тем путем государевым людям ходить страшно от сонских людей и от их владельца Аристопа. Да они же дигорцы говорили: только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроить, и они де дигорцы и все горские люди будут ево государевы холопи. И что дают черкасским мурзам ясак, и тот ясак учнут давать московскому государю.

Мая в 13 день государевы послы Микифор и Алексей и грузинские и меретинские послы пошли от Зазаруки в Болхары, а с ними в провожатых терские служилые люди, стрельцы, и новокрещены, и окоченя. И ночевали под горами, на реке Суенсу. И наутрея с того места послы, государеву казну подняв на вьюки, пошли той же речкою Суенсою меж гор, узкою и нужною до-

рогою и шли половина дни. И вышед из гор, ночевали под теми же горами, на той же речке Суенсу, две ночи. А едучи, перебродили тое речку во многих местах с большою нужею, и лошади со вьюки попадали многие.

Маия в 17 день с того места пошли послы Микифор и Алексей с государевою казною в Болхары. И везли казну послы на своих лошадех, а сами шли пеши. И пришли в Болхары того же дни. И приняли государевых и меретийских послов болхарские мурзы с честью. А те мурзы не под государевою рукою, живут сами о себе.

Маия в 29 день пришли в Болхары от царя Александра к послом навстречю два азнаура, Мамука Джепариц да Юрья Каншов, и подали от Александра царя лист. Да с ними ж пришло пеших людей и под государеву казну, и под посольскую рухледь двести семьдесят три человека.

Маия в 31 день государевы и меретийские послы пошли из Болхар поз горы пеши, а государеву соболиную казну и свою посольскую рухлядь роздали по ноше нести пишем людем, которые присланы навстречю, и своим. И начевали послы с государевою казною, перешед Креху реку, под горами, под каменем.

Июня в 1 день пошли с того стану под другие горы и начевали близко снежных гор, под горами же. А провожали до тех мест болхарские владельцы, Алибек да Чеполов с братьями и с детьми; и из под-гор воротились к себе в Болхары.

Июня в 2 день государевы и меретийские послы, встав изутра до солнечнего всходу, пошли. И государеву казну и посольскую рухлядь понесли через снежную гору меретийские пешие люди. И перешли тое снежную гору на вечер с великою нужею и с большою страстью. И сошед снежные горы, начевали на реке на Реони, под горами. А та река течет из-под снежные горы под стольной по Александров царя город под Кутатис.

РГАДА. Дела грузинские 1650 г. № 2.

Опубликовано:Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652 гг.) / Док. изд. М. Полиевктов. Тифлис, 1926; Статейный список посольства в Имеретию 1650–1652 гг., составленный Алексеем Иевлевым. Тбилиси: Мецниереба, 1969. С. 28–33.

№ 46

1650 г. 22 мая – 1651 г. 9 октября. Статейный список Никифора Толочанова о переговорах с царем Теймуразом. Извлечение

*Л*ета 7158 году маия в 22 день г.ц. и в.к. А.М. в. Р. велел Микифору Матвеевичю Толочанову да дьяку Олексею Иевлеву итти в посланниках в меретинскую землю к грузинскому Теймуразу царю с своим государевым жалованьем и для иных своих государевых дел.

…

В Астарахань пришли во 159 году сентября в 6 день. А шли с Москвы мешкатно, потому что погоды были все противные, встрешные; итти было никакими мерами не мочно. А приехав в Астарахань, говорили боярину и воеводам князю Ивану Ондреевичю Голицыну с товарыщи, чтоб их и грузинских послов из Астарахани отпустили на Терек тотчас морем и проводить их послали, как к ним о том в государеве грамоте писано.

И боярин и воеводы князь Иван Ондреевич Голицын с товарыщи сказали, что их на Терек отпустят тотчас. И отпустили посланников и грузинских послов из Астарахани на Терек морем в судех сентября в 15 день. Да из Астарахани ж послан с посланники по государеве грамоте астараханской талмач Иван Тезиченок.

Из Астарахани морем шли до Терека пять недель, потому что на море были встрешные погоды великие.

На Терек пришли октября в 10 день. И говорили столником и воеводам князю Михаилу Щетинину с товарищи, чтоб они по государеву указу и по грамоте послали о провожанье к черкасским князьям и мурзам, к Мундар мурзе кабардинскому и к иным мурзам, на которые места им итти, или к кумыцкому шевкалу, хто ныне шевкалом учинен, и к мурзам, на которые места им итти меретинскую землю (в меретинскую землю (?)), что в г.ц. и в.к. А.М. в. Р. с. и м.г.г. и о. послал к грузинскому Теймуразу царю посланников своих Микифора Толочанова да дьяка Олексея Иевлева, и они б шевкал и черкасские мурзы ц-ому в-ву тем службу свою показали, их государевых посланников проводить послали братью свою или детей до меретинские земли или до коих мест пригоже, чтоб им от воровских людей, которые государю не послушны, пройти было безстрашно. Да Микифор же Толочанов и дьяк Олексей Иевлев говорили столником и воеводам князю Михаилу Щетинину с товарищи по государеву указу, чтоб они с ними послали терских стрелцов, которые в меретинской земле бывали и дорогу знают достаточно, человек трех или четырех, которые б из них умели говорить по меретински.

И столники и воеводы князь Михаило Щетинин с товарищи Микифору и дьяку Олексею сказали, что они по государеве грамоте о их провожанье учнут говорить с Муцалом князем, куды б им посланником пройти здорово и безстрашнее.

Да Микифор же и дьяк Олексей говорили грузинским послом, чтоб они с Терка послали к Теймуразу царю с вестью своих верных людей нарочно, скольких человек пригоже, и о том к грузинскому к Теймуразу царю от себя отписали, что они от ц-ого в-ва отпущены, а в.г.е. ц-ое в-во послал к Теймуразу царю посланника своего Микифора Толочанова да дьяка Олексея Иевлева со многим своим государевым жалованьем, и грузинской бы Теймураз царь велел их стретить где пригоже к подводы под государское жалованье, что к нему ц-е в-во с ними шлет казны, и под них ц-ого в-ва посланников, и подо всех государевых людей, на чем им ехать, прислали. И грузинские послы Микифору и дьяку Олексею говорили, чтоб им итти с Терка не мешкая, чтоб горы снегами не закинуло. А как они с Терка пойдут, и они с дороги наперед себя людей своих пошлют с вестью. А будет им с Терка послати людей и дожидатца на Терке, и в том де будет мешкота и зимовать будет на Терке. И Микифор и дьяк Олексей грузинским послом говорили, что им по государеву указу, не дождався вести от Теймураза царя, с Терека итти не велено. И они б послы послали людей своих, а они Микифор и дьяк Олексей от себя пошлют талмача.

И послы, говоря много, чтоб ехать без обсылки, а гонцов послать с дороги.

И Микифор и дьяк Олексей говорили столником и воеводам князю Михаилу Щетинину с товарищи, что они Микифор да дьяк Олексей посылают от себя в меретинскую землю с вестию толмача, а грузинские послы посылают человека своево; и они б стольники и воеводы тому толмачю и посолскому человеку дали подводы и провожатых против прежнева.

И столники и воеводы Михаило Щетинин с товарищи Микифору и дьяку Олексею сказали, что они велят сыскать прежние отпуски, и будет наперед сего провожатые и подводы таким гонцом даваны, и у них де провожатые и подводы готовы.

Октября в 19 день приезжал к посланником к Микифору и к дьяку Олексею грузинской посол князь Иван а говорил: приехал де на Терек от государя его Теймураза царя черкашенин Загар, Мундаровы Кабарды уздень, и они б посланники его роспросили.

И посланники того черкашенина Загара спрашивали, где ныне грузинской Теймураз царь, и на которые места он из грузинские земли ехал, и в сколко дней он до Терека поспел.

И черкашенин Загар посланником сказал: был де он у Теймураза царя в меретинской земле тому ныне с месяц, и грузинской де Теймураз царь послал ево на Терек проведать про послов своих, живы ли они или нет. И он де ехал от себя из Мундаровы Кабарды до Терека шесть дней. А Теймураз-царь

живет ныне у зятя своего у меретинского царя Александра, и даден ему город особной.

Да тот же черкашенин сказал: нынешнего де лета присылал кизылбаской Аббас шах к Теймуразу царю послов своих с тем, что хощет он шах Аббас городы ему Теймуразу царю отдать и землю ево очистить, и хана, которой от него посажен, свесть.

А Аббас де шах ныне бьетца с индийским царем и взял у него город Кандагар.

Октября в 24 день столники и воеводы князь Михаило Щетинин с товарыщи присылали к посланником под толмача да грузинских послов под человека две подводы да трех человек провожатых терских стрелцов.

И посланники велели, те подводы взяв, отвести к грузинским послом, а велели им говорить, что они посланники толмача своего отпускают сегодня октября в 24 день, а они б по тому ж людей своих отпустили с тем толмачом.

И отпустили посланники астараханского толмача Ивана Тезиченка и грузинских послов человека с провожатыми с терскими стрелцы с Терка того ж дни; да с ними ж поехал до Мундаровой кабарды черкашенин Загар, которой приезжал, от Теймураза царя к послом ево на Терек.

Генваря в 21 день приехал к посланником на Терек астараханской толмач Иван Тезиченок, которой послан в Грузи, а в роспросе посланником сказал. Как де он поехал с Терка с грузинскими людми, и ехал до Мундаровы Кабарды четыре дни на спех. И в Мундарове Кабарде жил пять дней для того, что ездил черкашенин Загар дороги проведывать. А из Мундаровы Кабарды приехали в Арасланбеков кабак, ехали до того кабака день. А от Арасланбекова кабака ехали до Зозоруки день. А от Зозоруки до Болхар ехали полтара дни и жили в Болхарех два дни. А из Болхар пошли горами и шли день, и лошеди их попадали, потому что снега велики. И перешод горы, ночевали, и ночевав, пришли в деревню к Буге; от гор шли пеши день и у Буги жили день, отдыхали. И от Буги шли полтретья дни до Констянтиновой деревни меретинского царя человека и тут жили шесть дней.

А от Костянтина поехали и ехали до города Кутатиса, где Александр царь живет, три дни. А как приехали в город, и ево де Ивана поставили на посаде, у архиепископа в монастыре и жил в монастыре неделю. И после того ево Ивана позвали в город к Теймуразу царю, а Теймураз царь в те поры был в соборной церкве у обедни. И Теймураз де царь звал ево к руке, и он у руки был. И спрашивал Теймураз царь про твое государево царево и в.к. А.М. в Р. многолетное здоровье. И он де Иван про твое государево царево и в. к. А.М. в Р. многолетнее здоровье Теймуразу царю сказал. И Теймураз де царь спрашивал ево, где ныне государевы послы. И он де Иван сказал, что государевые послы на Терке, и от них де Теймуразу царю челобитье правил. И Теймураз царь отпустил ево на подворье и прислал к нему корм, рыбу, и лепешки, и виноград. И после того, две недели спустя, отпустил ево Ивана из Меретии

на Терек. А с ним послал Теймураз царь человека своего, столника Юрья. И ехали оне из Меретии до Болхар десят дней, потому что снеги велики. И от Болхар, перешодчи гору, ночевали и приехали к Зозоруке и жили три дни. А от Зозоруки ехали день до Арасланбека. А от Арасланбека ехали день до Мундара и жили у Мундара двадцать ден. А от Мундара ехали до Терка двенадцать ден.

И генваря в 22 день прислал грузинский посол князь Иван Григорьев с товарищи к посланником обвестить: приехал от государя ево от царя Теймураза к вам навстречю столник его Юрья Зурам Бидичин с листом, и чтоб вам посланником с ними видетца или принять. И посланники приказали им быть к себе на съезжей двор того ж числа. И посол грузинской князь Иван с товарыщи, и столник, которой приехал от царя Теймураза, с ним же, приехал. И как приехали на двор и вошли в избу, и столник Юрья Зурам Бидичин, встав, учал говорить. Прислал царь Теймураз к вам ц-ого в-ва к послом меня столника своего, а велел вас спрошать о здоровье и велел вам поклонитися. И посланники на цареве Теймуразове жалованье били челом, а говорили, что божиею милостью и в. г. ц. и А. М. в. Р. жалованьем ехали до Терка дорогою, даст Бог, здорово. И спрошали Юрья про Теймураза царя, а говорили речь Юрью: как господь сохраняет государя твоего царя Теймураза, и как пребывает от неприятелей своих, и в котором государстве теперво. И столник Юрья говорил: как я; поехал от нево царя Теймураза, и он живет у зятя своего у меретинского царя Александра в городе ево в Рачи. И прислал меня, а велел вам послом царь Теймураз обвестить. А что вы послы прислали к нему от себя с вестью талмача, и Теймураз тому обрадовался. Да подал лист Юрья Зурам Бидичин.

И посланники велели тот лист перевести. А в переводе написано, пишет Теймураз царь в листу своем, что им посланником подождать на Терке до весны, покаместа будет путь. А ныне с Терка к нему в Грузи ехать нелзе, потому что горы запали снегом. А как путь будет, и им бы посланником ехать до Алибека и до Айдабула в Болхары. А и он Теймураз царь посланников у Алибека встретит и приимет и проводит до себя чесно. А дале де того ему против государевы казны и их посланников встретить ехать не уметь, потому что не ево владенье. И посланники Микифор и дьяк Алексей и грузинские послы и с приезжим азнауром жили на Терке апреля по 15 число. И живутчи, терским воеводам сами говорили и переводчика и талмачей к ним посылали, чтобы они под них посланников и под грузинских послов дали подводы. И терские воеводы в подводах отказали и подвод не дали. И посланники Микифор и дьяк Олексей и грузинские послы лошади, и телеги, и седла покупали на Терке дорогою ценою. А искупя и совсем изготовясь, пошли с Терка апреля 15 день. А в провожатых отпустили терские воеводы сотника стрелецкого Михаила Молчанова, а с ним пятдесят человек, да шестдесят человек новокрещенов, да тридцать человек окончен. Да в Терской же

город прислал Канбулат Пшимахович Черкасской лутчих своих кабатцких дву человек узденей, Чепана Давыдова да Желегашту, а велел им посланников и грузинских послов проводить до казачьих городков, а из казачьих до Онзоровы Кабарды. А на Мундарову Кабарду не повели, что многие горские люди в сборе, Аристоп сонской с товарищи. И посланники Микифор Толочанов и дьяк Олексей Иевлев с грузинскими послами пришли на Кенмаметеву Кабарду апреля в 25 день

Апреля в 29 день присылал грузинской посол князь Иван Григорьев переводчика Ивана Боярчикова к посланнику Микифору Толочанову говорить, чтоб ево отпустил назад из Онзоровы Кабарды в Мундарову Кабарду к Айдемирю мурзе в гости, а для какова дела, тово мы не ведаем. И посланник ему в том отказал, что ему назад в Мундарову Кабарду ехать не попригожу, потому что подъехали под горы близко меретинскова государства. А се близко ево Мундара живет ему князь Ивану неприятель Аристоп.

Апреля в 30 день, часу в четвертом дни тот князь Иван и игумен Василий, стакався с Мундаровым сыном с Айдемирем мурзою и с ево уздени, переседлали лошади свои, и вьюки на лошади навьюча, хотели из Онзоровы Кабарды ехать в Мундарову Кабарду. И посланник Микифор Толочанов им говорить князь Ивану Григорьеву и игуменй Василью послал сотника стрелецкого Михаила Молчанова да переводчика Ивана Боярчикова, что они из Онзоровы Кабарды не ездили, потому что она, Мундарова Кабарда, стала назади днишках в дву и болше. Да тут же близко Мундаровой Кабарды ведомой им неприятель Аристоп сонской владелец. И они, не послушев, седчи на лошади, хотели ехать, А Михаилу Молчанову да переводчику Ивану Боярчикову оне в том отказали: Мы де люди волные, куды хотим, туды и едим. А кому де нас унеть? Хотя де и Теймураз царь, и меня де не неволит. И Михайло Молчанов и переводчик Иван Боярчиков посланнику Микифору Толочанову те их речи сказали. И посланник Микифор, вышедчи, учал сам им говорить, что вы делаете не гораздо, не против государева указу, своим самовольством. И князь Иван да игумен ему посланнику отказали и почели говорить невежеством: Мы де люди волные, а вас де не слушаем.

И посланник Микифор Толочанов указал; государевым людем стрелцом стоять у ворот в Онзоровой Кабарде на дворе у Зозоруки, где у нас были станы, чтобы их из кабаков не пропустить против государева указу. И посол князь Иван Григорьев, сваляся с лошади, вынев стрелу, да разволокся из лука, хотел посланника и государевых людей стрелять за то, что ево князь Ивана да игумена против государева указу в Мундарову Кабарду не отпустили. Потому ведомо учинилось, что в сборе под Мундаровою Кабардою Аристоп сонской владелец и с кумыциим со многими людми.

И князь Иван и игумен Василей, седчи на лошади, с Мундаровым сыном Айдимирем выехали из кабаков силою. И посланник Микифор товарыщам их архимариту Пахомью учал являть, что он князь Иван не послушел

государева указу, учинился силен и поехал в Мундарову Кабарду. И архимарит Пахомей сказал: вижу де я сам, что он делает не гораздо, не против их государева приказу. И князь Иван поворотил назад в Онзорову Кабарду до Зозоруки.

И того ж числа посланники Микифор Толочанов и дьяк Олексей Иевлев послали из Онзоровы Кабарды в грузинскую землю к Теймуразу царю перед собою с вестью талмача Лаврентья Пирогова, а с ним конного стрелца ондрюшку Филипьева, прозвищем Отешку, да с ними же ево Теймураза царя человек, столник Юрья Зурам Бидичин. А в провожатых с ними поехали до Болхар болхарской владелец Хабим да Бута; а хотели их отпустить из Болхар вскоре в грузинскую землю, не задержав. А в Болхары они приехали из Онзоровы Кабарды на другой день, а в Болхарех они жили два дни. А в грузинскую землю их отпустили на третий день. А лошади они покинули под снежною горою, пошли пеша.

Маия в 10 день посланники Микифор Толочанов да дьяк Олексей Иевлев отпустились из Онзоровы Кабарды в Болхары мая 13 день (А лошади они покинув под снежною горою, пошли пеши маия в 10 день. Посланник Микифор Толочанов да дьяк Олексей Иевлев отпустились из Онзоровы кабарды в Болхары мая в 13 день (?) стат. спис. С.). И государеву соболиную казну поднели на вьюках, а телеги пометали. И шли вьюками межи гор самою нужною дорогою.

И пришли в Болхары маия в 17 день. А провожали из Онзоровы Кабарды посланников Микифора Толочанова и дьяка Олексея Иевлева Зозорука мурза с братьею до Болхар. Да с ними болхарские владельцы Алибек да Чаполов с братьею и с детьми и принели в Болхарех посланников Микифора Толочанова и дьяка Олексея Иевлева и грузинских послов и поставили по свои дворам. А новокрещены и окоченя побежали с дороги назад, учинились силны, а посланников Микифора Толочанова и дьяка Олексея покинули в горах на пустом месте, а до Болхар не проводили. И посланники Микифор и дьяк Алексей шли с великим опасеньем и государеву казну везли на своих лошедех.

Маия в 25 день приходил в Болхары меретинского царя Александра азнаур его Накил да принес лист от царя Теймураза князь Ивану Григорьеву да к архимариту Пахомью, а сказывал речью, что им готовлены де под государеву козну и под посланников под Микифора Толочанова, да под дьяка Олексея Иевлева, и под грузинские послы, и под государевых людей, вместо подвод через горы, пешие люди двести сорок человек в Болхары, потому что лошадми через горы итти нельзя. А с ними де с пешими людми будут четыре человека азнауров. Да он же сказывал, что в меретинском государстве Теймураза царя нет: поехал де Теймураз царь в Дидьяны, а для какова дела поехали, того он не ведает. А талмач де Лаврентей Пирогов царя Теймураза в Меретие не застал же.

Июня в 4 день приехал Теймураз царя азнаур ево к посланником Лавурсап и подал посланником Микифору и дьяку Олексею лист и от Теймураза царя правил посланником челобитье.

РГАДА. Дела грузинские 1650 г. № 2. Л. 1–71.
Опубликовано: Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652 гг.) / Док. изд. М.Полиевктов. Тифлис, 1926;
Статейный список посла Толочанова в Имеретию 1650–1652 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1970. С. 178–188.

№ 47

1651–1652 гг. Статейный список дворянина Никифора Толочанова (посла в Имеретию к царю Александру III Имеретинскому). Извлечение

…Да велел царь Александр послом к себе к руки итти. И посланники у руки царя Александра были. Да после того стал царь Александр говорить, чтобы вам до ц-ого в-ва доехать здорово. А нынеча вы, ночуйте здесь в меншем Кутатисе, да утре рано поедете. И посланники не ослушались, ночевали. Октября в 10 день прислал царь Александр духовника своево митрополита Захарья, да думнова своего дьяка Пешенгу, да азнауров, приставов, которые приставлены были у посланников, Захарья да Сахнея, а с ними пошеди в педводы под посланников и под государевых людей, и телеги под рухледь под посольскую. А провожать Захарью до Ломгацы от Кутатиса. А у Ломгацы встретят посланников азнауры Мамука да Юрья Каншов, а с ними пеших людей, которым рухледь нести через горы до Болхары, будет триста человек.

И посланники того ж часу из Кутатиса пошли и пришли в Сканду ночевать того ж числа.

А из Сканды пошли и ночевали на дворе царевича Мамуки, где виноград давят, октября в 11 день.

Из тово двора пошли и пришли в село Мамукино ж, где живет азнаур Захирей, октября в 13 день.

А из того села пошли и пришли в село Рачи октября в 15 день.

Из того села из Рачи пошли и пришли в село к боярину Кайкострову, а по-грузински тавади. А под селом город Квара, каменной, на камени стоит на одном межу гор, один въезд и выезд. А встретил посланников версты за две от села с своими азнауры, и посланником честь болшая была. Октября в 15 день.

Из того села от него пошли и пришли в село Аристоп Папуна. А он у царя Александра первой человек под царем. И он Аристоп посланников государевых встретил с болшою честию, и с азнауры своими, от села своево

версты с три. А у него посланники и обедали, да у себя унел и ночевать. Октября в 16 день.

А из того села от него пошли и пришли в село Ломгаце Джепарице, что едет к ц-ому в-ву в послах от царя Александра, октябри в 17 день. А приехали раней обеда и у него и ночевали да и обедали посланники, и честь была большая.

Того ж числа в вечерни приехал от царя думной ево дьяк Пешенга, привез от царя дары, что посылает к ц-ому в-ву с своим послом с Ломгацею, а сказал, что поехал он вчера от царя перед вечернеми. И от Ломгацы Пешенга, и приставы, и азнауры с телегами воротись к царю в Кутатис.

Того ж числа у Ломгацы в селе приняли на руки посланников азнауры, которым провожать посланников через снежные горы до Болхар, Мамука да Юрья Каншов, а с ними триста человек пеших людей, которым нести посольская рухлядь. А от Ломгацы пошли и пришли в село к азнауру Тамкрелицы. А в селе церковь каменная, поодаль его двора, во имя Михаила архангела. А сказали, что в ней лежат власы Дейнары царицы. Октября в 18 день.

Из того села пошли и пришли в последний город, к Юрью Каншову. А супротив его, за Реонью за рекою, городок пуст, каменой, что имал Алибек, болхарской владелец. У него и ночевали октября в 19 день.

Октября в 20 день от Юрья Каншова посланники пошли под горы под снежные и приехали под горы на лошедях, которые даны лошади от царя Александра из Кутатиса. И ночевали под снежными горами. А из под гор лошади отпустили в Кутатис. А Реонь вышла из под той горы снежной, где ночевали; а по другую сторону вышла река из под снежной же горы Пасули.

Октября в 21 день поднелись посланники на снежные горы в Болхары, пеши, через горы. И дьяк Олексей перешол снежную, гору с Ломгацою и с архимаритом Ардемоном. Позно, часу в третьем ночи пришли и ночевали на Черехе реже, мостку, что течет под Болхары.

А Микифор Толочанов остался за снежною горою с переводчиком, да с ним азнауры Мамука да Юрья Канашов. Того дни перейти не успели. Перешли через гору на завтрее на Череху, к тому мостку, где ночевал дьяк Алексей Иевлев.

Октября в 22 день от мостку поднелся дьяк Алексей Иевлев, пеш же, в Болхары позно. А послы Ломгаца с архимаритом остались у мостку дожидатца Микифора Толочанова.

А в Болхары дьяк пришел того ж дни гораздо позно, в вечеру.

А посол Микифор Толочанов пришел в Болхары позно гораздо октября в 23 день.

А из Болхар посланники азнауров Мамука да Юрья Канашова отпустили в меретинскую землю к царю Александру и спешими людми совсем, дал Бог, здорово.

А что в Болхарех было оставлено, как пошли в грузинскую и меретинскую землю через смежные горы, рухледи своей, и лошеди, и седла, и узд,

и войлоков и государевы люди, и переводчик, и. подъячей, толмачей, и целовальник и стрелцы терские, и из тех лошадей, у посланников Микифора Толочанова взяли в Болхарах черкасы десеть лутчих коней и иноходцев, у дьяка Олексея Иевлева вязли два коня да иноходца лутчих, у переводчика у Ивана Боярчикова два коня лутчих, у толмачей и у стрелцов по лошади. А что оставленой рухледи, седел и узд, треног и войлоков, и тово всево не отдали. А что и отдали, которое ни им, ни нам негодно уж было. А сказали про лошеди, будто у них покрали. А последние лошади, которые почели отдавать, и за те вязли за всякую лошедь по киндяку, а им владельцам, и братве, и детям, и племянником, и женам их по дорогам. А без тех даров и самих не хотели совсем отпустить.

Октября в 28 день из Болхар посланники подвелись в Онзорову Кабарду к Зозоруке мурзе с братею вьюками. А лошеди под себя, и под рухледь, и государевы люди нанимали у Болхарцев до Онзоровы Кабарды. А от лошеди ото всякой давали найму по два кумача.

А пришли в Онзорову Кабарду к Зозоруке с братьею октября в 29 дань. А самово Зозоруки дома в Кабарде не было.

Октября в 31 день сказывал у Зозоруки в Кабарде уздень его Таймас, что Чебан мурза без вас послов с Терека бежал сам восмь в Крым, к крымскому царевичу. И как он Чебан мурза прибежал при мне в Крым, и царевич ево крымской пожаловал и учел ему говорить: скажи ты мне, Чебан мурза, что тебя надыбет, и яз за то тебе не постою. И он Чебан ему отказал: мне не надыбет ничево, толко мне дай людей своих рати, и я с ратью пойду под Терек. И он ему людей дал, сколко ему надыбет. И Чебан сбирает рать в Крыму, а хочет итти с ратью под Терек нынешнею зимою или весною.

Ноября в 12 день послали посланники государеву грамоту к Мундарову сыну с узденем его с Мурзобеком Ардашевым, от Зозоруки из Кабарды назад едучи. И жили у Зозоруки в Кабарде три недели за тем, что сказали на Тереке кумыцкую рать под Борагунами и под Суншенским городком тарковской Суркай шевкал да Казанап мурза Ондреевской. А Зозорука у них же в кумыцкой рате был. А рать была в сборе болшая. А с Терека против Барагун был в казачье городке князь Муцал Черкасской с русскими ратными людми, и с казаками, и с иноземцами. И приехал ис кумицкие рати Зозорука в Онзорову Кабарду со всеми узденями своими. А сказал, что Кумыцкая рать пошла вся домой, и тапере де степь стала чиста. А от Зозоруки пошли на четвертой неделе. И учал Зозорука говорить: на меня не покручиньтеся, потому что меня дома не было, А был у шевкала тарсковскова в рате. И яз нынеча государеву казну и вас послов совсем провожу до Терка от себя здорово и бзстрашно. Только будете послы готовы, а поноровите дни за два и болши.

Ноября в 20 день поехали посланники от Зозоруки из Онзоровы Кабарды. И государеву казну повезли на своих телегах. А подводы под себя и телеги наймывали до Терека все. А Зозорука мурза поехал посланников из своих

кабаков провожать сам с узденями своими, и с братом Темирханом, и люди. Выехав от Зозоруки, ночевали на сабанах на степе, на речке на Чеголе, не доехав Шолоховы Кабарды Кенмаметя Ибакова. И с той реки пошли.

Ноября в 21 день пришли в Шолохову Кабарду, не доехав Татартупа. А ночевали в Шелохове Кабарде у Арсланбека мурзы в кабаке, на Белой речке. А пала та речка в Терек. И с того места пошли из кабака.

Ноября в 22 день приехали рано по утру к Татартупу, где живет Кенмамет Ибаков сын, и перешли Терек против ево кабака по мосту. А не Доехав Татарупа, выезжал посланников встречять из кабака своего князь Муцалов племянник Черкаского Казамалп мурза Илдаров сын. А Кенмаметь Ибаков не выезжал к посланником. И пошли посланники от Татартупа и пришли того ж дни ночевать на реку на Курпу, где схоронили подячего Ивана Мартынова. И с того места поутру стали посланники подниматца, и прислал к посланником Зозорука мурза узденя: дайте вы послы, Кенмаметю Ибакову почесть. А не дадите вы почести ему и вы, волен Бог да вы, чтобы не было какова худа вам; а мне не помочь. И посланники ему сказали: присланы мы от ц-ого в-ва, не боясь никово, а не что нам давать из неволи подарки им. Он Кенмаметь называется государевым холопом, а не то делает, что к нам присылает с грозами. Как мы ехали от ц-ого в-ва в меретинскую землю, и он к нам не показался, а ныне тож ево не видали. За что нам ему давать не из воли подарки. И Зозорука сказал: поедете вы, послы, с своими людми, а мне нам не помочь, что сделаетца. И посланники отказали: тем нам ты не грози; идем и с своими людми. Да велели телеги впрегать. И хотели подиматца, ажно в степи показалися люди. И Микифор Толочанов с государевыми людьми на степь выехал проведать, ажно приехали из города с Терека на встречю сотник стрелецкой Любим Халезов, а с ним пятьдесятник Иван Табанран да пятдесят человек конных стрелцов, и новокрещен, и окочен. И посланником подали отписку от сотника и воеводы от Василья Волынскова с товарыщи. А сами сотник и стрелцы били челом посланником, чтобы велели отпустить для проса в Шелохову Кабарду к Кенмаметь Ибакову купить на едеру, что не стало у них хлеба. И посланники велели отпустить неболших людей. И поехало двадцать человек стрелцов, и новокрещен, и окочен. И поизгодя, Зозорука с братом приехал к посланником. А после их с того места посланники пошли по Курпе речке на низ и ночевали на Курпе ж, пониже мостику немного. А с того места поднялись в полночь и пришли до свету к Тереку реке, к урочищу к Моздоку.

Ноября в 24 день подневали у Терка, у урочища у Саскулу. А с того места пошли и пришли ночевать того ж дни на урочища у Терка реки, на Ишеру, повыше немного казачьего городка.

Ноября в 25 день с того места с Ишеры поехали посланники, рано встали ночью, и пришли к обеду к Терку реку, к урочищу повыше казачьего городка у Науры. Да того ж дни ночевать пришли к Терку на Калиново, повыше казачьего городка, не доехав Ибакова мояку.

Ноября в 26 день с того места поехали посланники рано ночью, как взошел месяц, и пришли к Терку реке в казачьи городки в Аристово, пониже верхнева казачьяго городка, Чёрланова. До того ж дни в вечерни перевезлись через Терек реку посланники, государеву казну, аргамаков и меретинских послов совсем здорово.

Ноября в 28 день поехали посланники из Оскина городка ночью рано, по месяцу, и пришли к обеду к Терке реке, на урочище на Шивостоков яр. Того ж дни пришли на ночь повыше Яковлева городка казачьего, против Муратханова городка, где делают государев шолк. И с того места встали рано и пришли к обеду на Кизлар реку, где бывал прежней перевоз. И с того места отослали посланники к воеводам стрельца в город для дворов, чтобы очистили дворы, где стоять послом царя Александра Ламгаце и архимариту Ардемону.

Да того ж числа пришли ночевать на Кизлярский перевоз, где стоит застава для перевозу, не доехав Терскова городка. Из Кизлярского городка встали рано ночью, по месяцу, и пришли на капань, от города верст с восемь. И послали посланники стрелцов в город к воеводам перед собою с вестью, чтобы для послов учинили встречю. И поизгодя, посланники с того места, с копони пошли в город и пришли к городу от князь Муцалова двора, к мосту против города. И тут посланников поставили. И выслали столник и воеводы Василей Волынской с товарыщи к государевым посланником со здоровьем и царя Александровым послом к Ломгаце и к архимариту Ардемону голову стрелецкова Воина Голикова, а с ними толмача Ивана Ратманова. А Воину воеводы указали быть у послов в приставстве до отпуску. И пошли послы в город по мосту, а в городе поставлена для посол искало приезду от мосту стойка. А стояли все стрелцы от мостовых ворот до двора, где стоять меретинским послом Ломгаце и архимариту Ардемону. А дворы им очищены на большой улице, у болшова кабака, близко Воскресенских ворот, у Васки Сторошкова. А архимариту очищен двор у стрелца у Серешки. А государевым аргамаком двор близко их, послов.

А государевым посланником Микифору Толочанову очищены два двора близко их, у Воскресенских ворот, у Ивашка Зубова да у Митьки Зубова ж.

А дьяк Олексей Иевлев стал за городам, близко монастыря, у конного стрельца у Мишки Вязанова да у Васки Архипова. А в город пришли ноября в 30 день. …

РГАДА. Дела грузинские 1650 г. № 2. Л. 72–189.
Опубликовано: Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652 гг.) / Док. изд. М. Полиевктов. Тифлис, 1926; Статейный список посла Толочанова в Имеретию 1650–1652 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1970. С. 257–262.

№ 48

1652 г. ок. 20 сентября. Отчет в денежных расходах посольства в Имеретию Никифора Толочанова и Алексея Иевлева. Извлечение

Роспись государевым денгам, что из Большого Приходу дано посланником Микифору Толочанову да дьяку Алексею Иевлеву для меретейской посылки на всякие расходы 100 рублев. А на какие расходы те денги вышли и то писано в сей росписи подлинно по статьям.

Посланники Микифор и Алексей на Терек приехали, и взял Микифор у Алексея тех государевых денег себе на расход 15 рублев.

А за тем осталось 85 рублев.

И на те государевы денги куплено в Астрахани и на Тереке сукон, и соболей, и дорогов, и ефимок для роздачи от береженья государевы соболиной казны, которая послана с посланником к царем в меретийскую землю.

А как приехали посланники на Терек, и посланы наперед в Меретию астраханскова толмача Ивашка Тезиченка да с ним черкашенина Загара, которой приезжал от Мундара мурзы Ибакова к посланником с вестью, и велели им проведывать дороги, куды бы итить было с государевою казною лутче и безстрашнее. И от того дано черкашенину Загору 2 аршина сукна, да пара соболей, да вершок шапошной багрецовой; того дано на 3 рубли на 21 алтын на 4 де, оприч своих подарков. А что дано своих подарков, и то писано будет в своих росписях.

Да как посланники почели с Терка подыматьца в Меретию, и для провожанья прислал Канбулат мурза Черкаской дву человек узденей своих добрых, Чапана да Залегашта, а велел им государеву казну проводить на Анзорову Кабарду. И тем узденям дано от провожанья по 3 аршина сукна англинского, да по дорогам, да по паре соболей; и того на 11 рублев на 10 алтын, опричь своих подарков.

Приехали в Анзорову Кабарду к Зазаруке мурзе с братнею в кабаки, и говорили они мурзы посланником о государеве жалованье: идет де с вами государева казна болшая; а к нам де мурзам государево жалованье с вами прислано ль? И посланники о том отговаривались, что государева жалованья к ним ничего не послано. И те мурзы в кабаках держали у себя посланников три недели и государевой казны и посланников провожать не хотели. И им мурзам от государевы казны от провожанья дано 5 человеком по 2 аршина сукна, да по соболю, да по вершку по шапошному; и того на 14 рублев на 25 алтын.

Да в Анзорову Кабарду приезжал князь Яковлев брат Куденетовича Черкасского, Канбулат мурза Черкасского и говорил посланникам, что к нему государево жалованье прислано ль; а он государю служит и узденей своих за государевою казною провожать отпускал. И зато ему государево жалованье дано 4 аршина сукна дороги; и того на 6 рублев.

Приехали к горским мурзам в Балхары, к Чаполову с братьею; а те мурзы не под государевою рукою. И говорили они посланником, чтоб им дать государево жалованье, а они государеву казну проводят. И за тем держали государеву казну и посланников десять дней. И посланники им говорили, чтоб отпустили и государеву казну проводили. И от того дано 3 человеком мурзам по 3 аршина настрафилю красного доброго, да по дорогам, да по соболю; и того на 10 рублев. …

Дела Грузинские 1650 г. № 2. Л. 191–195.
Опубликовано: Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652 гг.) / Док. изд. М. Полиевктов. Тифлис, 1926; Статейный список посольства в Имеретию 1650–1652 гг., составленный Алексеем Иевлевым. Тбилиси: Мецниереба, 1969. С. 97.

№ 49

1655 г. – Из статейного списка бывших в Имеретии посланников Василия Жидовинова и дьяка Федора Порошина

…Апреля в 14 день царского величества посланники Василий Степанович и дьяк Федор с государевой казной из Касбулатовой Кабарды Черкасковой пошли в Болхары и Касбулатова мать Бабасупху с узденями своими и их посланников и государеву казну проводила до болхарской щели. А …Каспулат мурза в тое пору занемог.

Апреля в 16 день царского величества посланники Василий Степанович Жидовинов да дьяк Федор Порошин с государевой казной до щели до Болхар шли одни наняли подводы под государеву казну. А терского стрелецкого …сотник Михайло Молчанов…и с новокрещен и с окочан государеву казну иж посланников покинули учинили …до болхарской щели не проводили.

И посланник Василий и Федор с государевой казной до Болхар шли с великим опасением и с большою нужею. Только с ними были государевы люди переводчик из подьячие креченики толмачи собольщик да четыре человека терских стрельцов которым по государеву указу велено быть в Имеретии…

Мая в 5 день посланники Василий Степанович да дьяк Федор и государевы люди пошли из Болхар по горе, а государеву казну и посланников рухледь понесли грузинцы пеши на себе и провожали посланников до гор Болхарского владельца Ендабулова дети Жембулат да Газы. Да болхарский же владелец с горы воротился к себе в Болхары и у посланников у государевых людей лошади принял к себе в корм…

РГАДА. Ф. 110. Сношение России с Грузией. Оп. 1. 1655. Д. 2. Л. 33–35.

№ 50

1658 г. сентября 20. — Из «памяти» из Посольского в Сибирский приказ о жаловании соболями на отпуске грузинского царя Теймураза Давидовича и приехавших с ним духовных и чиновных лиц, а также балхарского владельца и владельцев Тушинской и Шибутской земель

…Лета 7167 сентября в 20 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малый и Белыя оссии самодержца указу боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому, да дьяком Григорию Протопопову, да Федору Иванову.

Пожаловал великий государь царь и великим князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя оссии самодержец, подданного своего грузинского царя Теймураза Давидовича, и митрополита, и архимарита, и игумнов, и чиновных ево людей, и болхарского, и Тушинские, и Шибутцкие земли владельцов, велел им дать своего государева жалованья на отпуске при себе, великом государе…

Да при себе же, великом государе, дати своего государева жалованья болхарскому владельцу, да Тушинские земли владельцем дву человеком, шибутцкому одному человеку по сороку соболей по 40 рублев человеку, да от казны достальным тушинцом шти человеком и шибутцким дву человеком по сороку соболей по 20 рублев сорок человеку.

На л. 333–334 по склейкам и под текстом припись: Диак Дмитрий Шубин.
На л. 334 об. Справа: Справил Ивашка Истомин.

РГАДА. Ф. Грузинские дела, 1658. № 1. Ч. 2. Л. 333–334 об. Отпуск. Опубликовано в книге «Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв» , М. 1997. С. 194.

№ 51

1658 г. сентября 21. – Из церемониала отпуска царем Алексеем Михайловичем грузинского царя Теймураза Давидовича и приехавших с ним лиц, в их числе болхарский владелец Артут

Архимарит Герман царское величество жалует тебя своим государским жалованьем. Камка вишнева, сорок соболей, денег 20 рублев.

Иегумены Диомид и Мефодий и старец Феофан царское величество жалует вас своим государским жалованьем по сороку соболей.

А попу и дьякону сказал государево жалованье от казны.

А бояром сказал

царя Таймураза Давидовича бояре
князь Отар Романов
князь Юрьи Мамуков
князь Томас Жаиданов
князь Шерма Загназаров
князь Люарсабхай Костров

Царское величество жалует вас своим государским жалованьем по шубе соболье.

Царев крестник, и крайчей князь Сачина Сулханов и Болхарский владелец Артут, и чиновные люди царское величество жалует Вас своим государским жалованием по сороку соболей.

А дворяном царя Теймураза Давидовича жалует царское величество своим государским жалованьем от казны.

А после того думной дьяк к великому государю молвил.

Великий государь на вашем государское (…) жалованье митрополит и архимарит и игумены и старец и бояре и чиновные люди вам великому государю челом ударили.

И великий государь велит думному дьяку сказати царское свое государево жалованье от своего царского стола яству и питье и отпустил великий государь царя и чиновных ево людей на подворье.

РГАДА. Ф. 110 Сношение России с Грузией. Оп. 1. 1658. Д. 5(1). Л. 64 об.

№ 52

Письмо шамхала Тарковского Сурхая к астраханскому воеводе князю Г.С. Черкасскому. Около 1660 г.

Перевод с кумыцкого письма, что пишет к боярину и к воеводе ко князю Григорию Сунчалеевичу Черкасскому Суркай шавкал Тарковский.

Благодатному, храброму, милостивому, исконному брату нашему, великого государя воеводе князю Григорию Сунчалеевичу Гирей хан, шавкалов сын, с любовью покланяется. Потом слово мое то – С тобою у нас сходство не внове, при предках наших повелося; вами Русь познали, а мать твоя княгиня мне мать названная; головы наши и дома были заодно, и по вашему слову аманатов в Русь давали. А как Терский город погибал, в то время и я сам был городом и караулом, да и ныне берегу. Учинился было холопством, да и в Терском городе несколько недобрых воевод перебывало, о чем мы говорили, того не учинили. Узденей наших, товарыщей наших люди бежали

в Терский город, и они их крестили, нам не отдали. И караван наш терские казаки погромили, и мово человека 100 тюменов живота взяли и донским казакам продали, мы у них выкупали. Многие животы у нас погромили и поимали. Меж вами шерть была издавно; терским воеводам говорили, шерть нарушили, шерть стала на них. А шерть была наша: а московских русских людей нам у себя неволею не держать, им иных наших холопей не примать и не держать. Перед отцем моим Гиреем и при дяде Ильдар-хане, как была честь нам и детям нашим, того не чинили. Много нам грубости чинили. А Терский город и ныне оберегаю, великому государю служу. А ему великому государю учинился холопем, хотячи кумыцкую землю в целости соблюсти.

И ныне божием изволением, великого государя повелением приехал ты всю украину, в Астрахань, служить государю. И божиею милости вельми твоему здоровью и пришествию мы обрадовались, и хвалу богу воссылаю. А ныне у сына моего Казбулата с Магометовыми детьми учинилась ссора и убийства. И приехал ко мне, и я ту кровь утолить велел и замирил. А с тобою голова моя и дом мой заедино, а не врозь, на то Бог свыше зритель. Великому государю служу, а отлучили нас и кумычен терские воеводы. А про мои слова скажет тебе сын мой Казбулат, а я желаю твоему здоровью, а которые наши дела будут с сей стороне, и вам бы отписать, и твое слово будет исполнено, а терские воеводы нашего челобитья государю не доносят, и грабежного взятого живота моего и убекских [убеглых] холопей не отдают, дружбы не чинят, и листов наших государю не доносят.

Дела Кумыцкие: (около) 1660 г. № 2. Перевод с письма от Тарковского Сурхая Шевкала к астраханскому воеводе князь Григорию Черкасскому о бережении города Терек; о невыдаче оттуда узденей и о унятии терских казаков от нападения.

Опубликовано в книге: Академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 754–755.

№ 53

Спор князя Лыкова с князем Черкасским

140-го [1632] года в апреле бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и отцу его государеву великому государю Святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея Руси боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский на боярина на князя Бориса Михайловича Лыкова. Сказана ему боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Государева служба на их Государева недруга на Польского и на Литовского короля, а с ним в товарищах боярину князю Борису Михайловичу Лыкову,

и боярин-де князь Борис Михайлович с ними ся князем Дмитрием в товарищах не хочет, а говорит будто им князем Дмитрием люди владеют и тем его бесчестит.

И государь царь и Великий князь Михайло Федорович всея Руси и отец ево государев великий Государь Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси указали боярину князю Андрею Васильевичу Хилкову да дьяку Михаилу Данилову допросити боярина князя Дмитрия Мамстрюковича, при ком боярин князь Борис Лыков ему говорил, что с ним быти не хочет и что им люди владеют.

И апреля во 26 день князь Андрей Васильевич Хилков да дьяк Михайло Данилов боярина князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского допрашивали: бил он челом государю царю и Великому князю Михаилу Федоровичу и... на боярина на князя Лыкова Борис Михайловича, что будто он говорил, что тобою люди владеют, и в товарищах с тобою быти не хочет; и он бы боярин князь Дмитрий сказал, при ком князь Борис про то говорил.

И Дмитрий Мамстрюкович Черкасский говорил: и то им государем и самим ведомо, что князь Борис Лыков им государем в прошлом году и ныне бил челом, что с ним со князем Дмитрием в товарищах быти не хочет, и тем его князя Дмитрия обесчестил; а он князь Дмитрий на их государеву службу готов; и они б Великий государь ево князя Дмитрия пожаловали велели ему на князя Бориса Лыкова, что он ево своим челобитьем опозорил и в товарищах быти не хочет, дати оборонь.

И майя во 27 день Государь царь и великий князь Михайло Федорович велели князю Борису Лыкову сказати: в прошлом в 139 году ему велено на службу; и наряжался он на государеву службу год, а как службе время дошло, что итти на службу, и он князь Борис для своей бездельной гордости и упрямства и не прямой службы бил челом на боярина Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, что ему князю Борису на государевой службе быти с ним неможно, что у боярина князя у Дмитрия Мамстрюковича нрав тяжелый и прибыли, как ему быти с боярином, в государевом деле нечает, и тем своим гордостным бездельным челобитьем и упрямством службу свою отказал, и боярина Дмитрия Мамстрюковича обесчестил, и в государевой службе учинил многую смуту.

И государь царь и великий князь Михайло Федорович указали боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому на боярина князя Бориса Лыкова доправити бесчестье оклад князя... 1200 рублев; и деньги на боярине Борисе Лыкове взяты, и по их государеву указу отданы боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому.

Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М. 1850. Кн. 7. С. 65–66.

Челобитье подано князем Черкасским именно тогда, как ему с Лыковым было сказано в поход к Дорогобужу и к Смоленску, и когда уже они сделали смотр ратным людям.

См: Очерки русской истории XVII в. М., 1979. Ч. 2. С. 16.

№ 54

Духовное завещание князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского

Во имя Отца и Сына и Святого Духа сей аз раб Божий духовную целым своим умом и разумом а душу свою приказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу Черкасскому да отцу своему духовному спаскому Протопопу Силу. И как судом Божьим меня не станет и приказчиком моим пожаловать, похранить мое грешное тело у Спаса на Новом, где родители мои лежат, а в кладу дать по моей душе грешной к Спасу на Новое шестьсот рублев денег, да в Симонов монастырь дать по мне и по Царю Симеону Бекбулатовичу двести рублев да сорокоусту раздать на сорок храмов да нищим в милостину раздать на третины и на девятины и на полусорочины и на сорочины двести рублев, да отцу своему духовному спаскому Протопопу Силу челом сто пятьдесят рублев денег да после своего живота благословляю брата своего Боярина Князя Якова Куденетовича Божиим милосердием образ Спаса обложен серебром отказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу выслуженные свои вотчины в Суздальском уезде село Васильевское з деревнями да села же Васильевскова поместные деревни и починки и пустоши, что Государь мне пожаловал велел продать в вотчину и после своего живота то е купленную вотчину со всяким угодье отказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу за долг за две тысячи за тридцать за семь рублев да в Клинском уезде выслуженные и купленные вотчины сельцо Новое на реке Волге з деревнями и с пустошьим и со крестяны... и те выслуженные и купленные вотчины после своего живота отказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу и ему теми вотчинами владеть и мою душу помянуть до своего живота, а как Бог по душу сошлет брата моего Боярина Князя Якова Куденетовича, а после его останутся дети и ему после своего живота те вотчины отказать детям своим, а будет после его живота детей не останется, и ему те вотчины отказать в род, а что моя выслуженная вотчина в Нижегородском уезде село Панино, да село Золино, да село Лесуново з деревнями и с пустошами и с починки и со крестьяны и з бобыли и то вотчина продана брату моему Боярину Князю Якову Куденетовичу да что я взял по свой живот и по племянники Князь Григория Сунчалеевича.

Из Воскресенского монастыря, что на Тверской улице, в Московском уезде пустошь Мясищево на строение и я на той пустоши построил три дворы крестьянских да после моего живота построить на тои пустоши двор монастырской, а на дворе поставить избу да клеть и двор огородить и ворота поставить и тое деревню Мясищево после моего живота отдать в Воскресенский монастырь, а племяннику моему Князю Григорию Сунчалеевичу до тое деревни дела нет потому, что не он ее строил, а что в вотчинах моих в селах и в деревнях всякова хлеба и то продать и... после же своего живота отказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу большие стоилы с лошади, что на Москве... в селе Васильевском жеребцы аргамачьи припускные и литовские и ногайские и кобылицы аргамачьи и литовские и ногайские старые и молодые и жеребятка пяти и четырех и трех и двух лет и селетки и ношевые мерины и в селе Новом служивые кони и кошевые мерины, а росписи лошадям взять у приказчиков кому лошади приказаны да племяннику своему Князю Григорию Сунчалеевичу отказываю после своего живота двор свой, что в Белом городе, а что на хоромное строение и на всякое дворовое же строение в Московском уезде в Филипкове в деревнях лес выронен и тот лес перевезть хоромной и всякой дворовой ис Филипкова с Москве и хоромы на дворе построить и всякое дворовое строение а что Государь меня пожаловал огородным местом за Чертолскими Вороты под Хомовниками и о том огородном месте племяннику моему Князю Григорию Сунчалеевичу и Государю бить челом, чтоб тем огородным местом Государь его пожаловал, да людям моим после моего живота служивым и всяких чинов мелким дать воля хто куды похочет, а кобалы им выдать, а наделу им выдать.

Хто по чему жалование имал годовое, а будет жалованию годовому срок дойдет и им сверх наделу и жалования годовое выдать, а которые казенные люди служивые и мелкие и им тоже наделу дать по чему кому что доведется, да что есть у людей моих хором на моем дворе, что в городе и на загородных дворах и те хоромы с места им отдавать, да после своего живота отказываю сыну своему крестному Князю Семену Андреевичу Урусову чепь золотая... да князь Ивану Ярославовичу после своего живота отказываю из больших лошадей лошадь моего седла, дя Боярину Борису Ивановичу Морозову отдать заемного хлеба... а у духовной сидели окольничей Князь Иван Иванович да Стольник Князь Петр Григорьевич Рамодановские, а сию духовную писал по приказу Государя своего Боярина Князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасскова человек Ганка Савельев лета 7158 году декабря в 28 де у подлиной духовной написано тако отец духовной Протопоп Сила руку прилож, и к ней приложена красная печать.

На обороте написано тако:

Велел подписать и за своею святительскою рукою запечатать и отдать брату его и приказчику души его Боярину Князю Якову Куденетовичу Черкасскому, а список за своею святительскою рукою велел оставить в своей Па-

триаршей Казне, а что на тое изусную умершаго Боярина Князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского бил челом святейшему Иосифу Патриарху племянник его родной Князь Григорий Сунчалеевич Черкасской, что он вотчины свои все не жалуючи его отказал брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу Черкасскому не против государева указу и соборного уложения мимо его племянника родного и чтоб тои духовной видя его умершаго Боярина князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасскаго не свидетельствовать и не печатать и в тех бы служеных и в купленых вотчинах велеть по правилом святых апостол и святых отец и по государеву указу и соборному уложению указ учинить и о вотчинах родовых и выслуженых и купленых по правилом святых апостол и святых отец и по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси указу и соборному уложению в поместном приказе и ся изустная и список подписана и запечатана лета 7160 год декабрь в 5 день.

Духовное завещание
князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. М., 1907.

№ 55

1661 г. ранее декабря 21. – Запись в Оружейной палате о посылке грамоты в Астрахань о высылке черкасских оружейников

Послать государева грамота в Астарахань к боярину, чтоб из горо[дов] мастеров прислал на время, которые бы умели пансыри делать и которые сабли куют черкаские и заколывают, а корм бы им дал большой, чтоб им государю послужить, учеников выучить. А как учеников выучат их отпустить с Москвы тотчас.

Послать грамота с … мурзою князь Ханаевым.

РГАДА. Оружейная палата. Ст. № 7849. Л. 5.
Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Лл. 267.

№ 56

1661 г. апреля 24. – Грамота из Оружейной палаты астраханскому воеводе Г.С. Черкасскому с товарыщами о приглашении в Москву черкасских оружейников

От царя и великого князя Алексея Михайловича в нашу отчину в Асторохань боярину и воеводам нашим князю Григорью Сунчелеевичу Черкаскому, да окольничему Василью Семеновичу Волынскому да стольнику Андрею Яковлевичу Дашкову, да дьяком нашим Павлу Сишановскому да Петру Ковелину.

Указали мы, великий государь, в Асторохани тебе, боярину, и воеводам нашим, князю Григорью Сунчелеевичу с товарыщи призвать и прислать к нам, великому государю, черкас пансырного дела самых добрых мастеров да булатного сабельного дела сварщиков, самых же добрых мастеров.

И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и тебе б боярину и воеводам нашим князю Григорью Сунчалеевичу с товарыщи призвать милостиво и прислать к нам, великому государю, к Москве черкас пансырного дела мастеров да булатоного сабельного дела сварщиков самых добрых же мастеров. А скольких человек тех мастеров призвав к нам, великому государю, пошлете, и тебе б боярину и воеводам нашим князю Григорью Сунчечеевичу с товарыщи их мастеров нашею государьскою милостию обнадежить: как они будут у нас, великого государя, на Москве, и мы, великий государь, их, мастеров, пожалуем, велим им учинить свое государево годовое денежное жалованье и корм большой. А в дорогу там мастером указали мы, великий государь, дать поденного корму, пансырного дела мастеру по 8 алтын по 2 деньги, а булатного сабельного дела сварщику по 5 алтын.

А которого числа и с кем имянем тех местеров пошлете, и вы б о том к нам, великому государю, отписали, а отписку велели подать и мастером явиться в оружейной полате окольничему и оружейничему нашему Богдану Матвеевичу Хитрово да стольнику нашему Афонасью Ивановичу Нестерову, да дьяку нашему Богдану Арефьеву.

Писан на Москве лета 7169 апреля в 24 день.

РГАДА. Акты исторические. Т. IV. № 155.
Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Лл. 268–269.

№ 57

1675, сентября 6. Отписка государю царю и великому князю Алексею Михайловичу. Донских атаманов и казаков о походе под Азов и об одержанной победе

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холопи твои, донские атаманы и казаки, Корнилко Яковлев и все Войско Донское, челом бьют. В прошлом, великий государь, во 182 году, в разных месяцех и числех ходили мы, холопи твои, под Азов для поиску над неприятели и для ведомости азовских вестей во многие походы, и августа в 11 день побрали мы на Калачинском острову, на переправах, многих татар, а иных, государь, побили и руский полон отбили; а сказывали нам, что были они в руских городех и громили твои, великого государя, украйные городы. А которые, государь, браны азовские люди прежде сего и после, и те нам, холоепм твоим, сказывали, которые де каторги приходили к Азову для обереженья с воинскими людми, и они де починевали у города худыя места, и башни и роскаты и пошли за море августа в 22 день. А будут ли они еще к Азову или нет, про то неведомо; а иных, государь, крепостей по се число нигде не ставили. Да в прошлом же 182 году, августа в 28 день, по твоему, великого государя указу пришел к нам на Дон князь Каспулат Муцалович Черкаской с черкесы, и с калмыцкими мурзами и с ратными людми на твою, великого государя, службу, и мы, холопи твои, служа тебе, великому государю, ходили на твою, государеву, службу под Азов с ним, с князем Каспулатом Муцаловичем и с калмыцкими и ратными людми сообща, конная и пешая. Да с ними ходили твоего, царского величества, столник и полковник Григорий Иванович Косагов с твоими, великого государя, ратными людми, и были под Азовым в нынешнем во 183 году, сентября в 1 день, и Божиею милостию и твоим, великого государя, счастием, многих азовских людей побили, и языков поимали, и скот отогнали и многих людей християнские веры из неволи выручили. А твоего царского величества от столника и воеводы князя Петра Ивановича Хованского с товарыщи пришли к нам, холопем твоим, передовые люди сентября в 5 день. А со взятым языком послали мы, холопи твои, к тебе, великому государю, к Москве атамана своего Петра Билдина, а с ним рядовых казаков: Алексея Раскащика, Михайла Андреева. Павла Григорьева, Гавриила Григорьева, Данилу Яковлева, Еремея Игнатьева, Петра Юдина, Петра Никитина, Семена Андреева, Григория Чубарова, да татарина Есипулдайка, а станичники отпущены сентября в 6 день.

Акты, относящиеся к истории Войска Донского. (Собр. г-м А.А. Лишиным). Новочеркасск, 1894 г. Т. I. С. 90–91.

№ 58

О приеме царем
и великим князем Михаилом Федоровичем черкесских мурз

Того же дни у Государя Царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии на дворе в золотой полате Черкасские Коншева Мурзы с товарыщи на отпуске были и Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Черкаские Коншева Мурзы с товарыщи челом ударили, и государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии Черкаского Коншева мурзу с товарыщи жаловал была им подача меды, а у подачи дано им Государева жалованья платья Коншева мурзы посольского приказу по памяти и по росписи за приписью дьяка Савы Романчюкова велено изготовить шуба соболью под камкою пугвицы серебряны в 25 рублев, шапка лисья в 7 рублев. А по Государеву имянному приказу дана ему шуба камочка жолта…

Кологривов С.Н. Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII в. СПб., 1911. С. 59

№ 59

ВЫПИСКИ ИЗ ДВОРЦОВЫХ РАЗРЯДОВ

7182 г. (1673). Декабря в 25 день, на Рождество Христово…

Того ж дни послал Государь, на Саратов, на встречу к князь Каспулату Муцаловичу Черкаскому, с своим государевым жалованьем, с милостивым словом и о здоровье спрашивать, столника князь Федора княж Андреева сына Хилкова. И указал Великий Государь князь Каспулату Муцаловичу Черкасскому ехать к себе Великому Государю, к Москве по прежнему своему государеву указу.

7183 г. (1674 г.) Сентябрь

Того же числа пригнал гонец из Астрахани, от околничаго от Ивана Михайловича Милославского с товарыщи, с тем, что князь Булат Муцалович Черкасский перешел под Царицын с Калмыки, а с ним калмыков 2000 и пошел под Азов…

7184 г. (1675 г.) Майя в 4 день

Писал к Великому Государю из Черкасских городов етман Иван Серик, что вышли из Крыму хан Крымской, и царевичи, и Народын со всею Ордою и везырь Турской, а в Крыму оставили только старых и молодых, и хотят иттить собравшись под Киев. И чтоб Великий Государь изволили прислать своих государевых бояр, и воевод, и ратных людей на помочь и Шляхту Смоленскую к боярину к князь Григорью Григорьевичу Ромодановскому с товарыщи, да чтоб Великий Государь указал иттить под Киев же, против Крымских же людей, Булату Муцаловичу Черкасскому с калмыки и с товарыщи, с его государевы столники и воеводы.

7183г. (1675г.) Того же году, Майя в 6 день

Указал Великий государь послать боярину князь Михайлу Юрьевичу Долгоруково да думному дьяку Григорью Караулову на встречу, нарочно выбрав из столников или из стряпчив, с милостивым словом, и с жалованьем и своею Великого Государя грамотою князь Булату Муцаловичу Черкаскому, и велено ему сказать, чтоб он опять воротился к себе с дороги и собрався с Калмыки и с государевыми столники, и воеводы и с ратными людми, пошел против крымского хана, и царевича Калги, и народына, и Крымских людей и Турских тотчас, не мешкав. А что учиниться милостию Божиею, и их государским счастьем и его службою и раденьем, и о том ему велено отписать к Великому Государю и прислать от себя нарочно; и сколько с ним пойдет Калмык и государевых ратных людей всех будет, и ему велено тоже отписать для ведомства обо всем подлинно. А будет ратных государевых людей мало, и ему велено тоже отписать; а кого от себя станет посылать с какими государевыми делами и с отписки, и им велено явиться приехавши к Москве, в приказ Казанского дворца, боярину князю Михайлу Юрьевичу Долгоруково да думному дьяку Григорью Караулову с товарыщи…

(1675 г.) Того же году, июня в 3 день

Приехал к Великому Государю, к Москве, князь Касбулат Муцалович Черкаской , да с ним выехал к Великому Государю мурза Нагайской да его же уздени Черкасы; а поставлен за Москвою рекою на Телятевском дворе и узденям его отведены подле него же дворы посадских людей; а мурзе Ногайскому отведен двор за Москвою же рекою.

Того же году прислан нарочно из походу к боярину к Артемону Сергеевичу Матвееву да к думному дьяку посолского приказу Григорью Богданову с товарыщи конюх; а указано ему боярину Артемону Сергеевичу Матвееву

ехать самому на двор к князь Касбулату Муцаловичу Черкаскому и велено ему сказать, чтоб он ехал, по указу Великого Государя в поход на Воробьеву гору к руке и с узденями своими с Черкасы.

А сказав ему князь Касбулату Муцаловичу указ Великого государя, указано ему боярину самому быть тотчас, не мешкав в походе к себе, Великому Государю; да ему же указано боярину Артемону Сергеевичу Матвееву прислать вместе с князь Касбулатом Муцаловичем в поход же к руке мурзу Нагайского.

Того же году, июня в 4 день, по указу Великого Государя, поехал с Москвы в поход к Великому Государю на Воробьеву гору к руке князь Касбулат Муцалович Черкаской, да с ним мурза Нагайской да его уздени Черкаские. А лошади под ними даны, по указу Великого Государя , с его государевы конюшни со всем нарядом; а послал те лошади, Великий государь по присылке и по памяти из Посолского приказу боярина Артемона Сергеевича да думнаго посолского дьяка Григорья Богданова с товарыщи, яселничей Федор Яковлевич Вышеславцев до дворянин Дмитрей Кузмин сын Булгаков да дьяк Андрей Черной к нему к князь Булату Муцаловичу, да к мурзе нагайскому да к узденям с столповым прикащиком со всем нарядом; да перед ним же ехали в поход государева конюшенного чину 30 человек, на лошадях Великого же Государя, а за ним ехали уздени его и Черкасы горские, которые с ним приехали, человек с пятьдесят…

А как Великий Государь указал ему князь Касбулату Муцаловичу и мурзе Нагайскому быть к себе Великому Государю к руке, в шатры, и по него был послан, по указу Великого Государя посолский дьяк Емельян Украинцов. А как князь Касбулат Муцалович и мурза были у Великого Государя у руки, и его объявлял Великий Государь боярин Артемон Сергеевич Матвеев; и к руке их ставил к Великому Государю он же. И службу его многую чел думной дьяк посолского приказу Григорей Богданов, как он Великому государю служил, и Астрахань и Терки очистил, и воров и изменников и богоотступников Стенку Разина и с братом его Фролком побил наголову и совсем их разорил и с товарыщи.

А как Великий Государь их жаловал к руке князь Касбулата Муцаловича, и мурзу Нагайского, и узденей и Черкас, и его Великого Государя держал под руку и стоял с правой стороны боярин князь Юрья Алексеевича Долгоруково; да по обе же стороны стояли столники и ближние люди. Да его ж Великий Государь князь Касбулата Муцаловича пожаловал, велел о здоровье спрошать боярину Артемону Сергеевичу Матвееву и велел ему сесть, оприченно бояр, на особой скамье, а скамья была покрыта ковром золотным; а сидел против Великого Государя, где садятся царевичи при Великом Государе, а не с бояры. Да его ж Великий Государь жаловал за его службу медом красным, а с ковшом являлся столник князь Василей Васильевич Голицын; а как он ковш меду, Великое Государево жалованье, выпил, и его объявлял Ве-

ликий Государь он же столник князь Василий Васильевич; да ему же государево жалованье дано, за его ж службу: кубок, да шубу золотную на соболях в двесте рублев, да шапку горлатную, да 40 пар соболей до 100 рублев денгами; да ему ж государево жалованье сказано, вместо стола, что жалует Великий Государь от своего Великого Государева стола яствою и питьем. А объявлял ему Великого Государя жалованье, питье и яству, боярин же Артемон Сергеевич Матвеев. Да его же узденям пожаловал Великий Государь, указал дать свое государево жалованье из своей государевой казны, из посолскаго приказу, боярину Артемону Сергеевичу Матвееву да думному дьяку Григорью Богданову, за их службу: соболи, и сукна и денежное жалованье по указу; и им дано Великого Государя жалованья по шубе, да по шапке, да по сапогам да по 5 рублев денег. Да ему ж Великий Государь указал князь Касбулату Муцаловичу боярину Артемону Сергеевичу Матвееву да думному дьяку посолскому Григорью Богданову с товарыщи и его узденям давать поденные кормы, против своего ж государева указу, покамест ему с Москвы отпуск будет.

(1675 г.)

Того же годы посланы, по указу Великого Государя, грамоты по всем городам и воеводам: на которой город придет князь Касбулат Муцалович Черкаской, и ему указано давать, по указу Великого Государя, корм и подводы, не мешкав. А указ Великого Государя послан из посолского приказу, от боярина от Артемона Сергеевича Матвеева да от думного дьяка Григорья Богданова с товарыщи.

(1675 г.)

Того же году пожаловал Великий Государь князь Касбулату Муцаловичу Черкаскому свое государево жалованье: арганы да два кречета; а арганы велено ему отослать из посолского приказу боярину Артемону Сергеевичу Матвееву да думному дьяку Григорью Богданову.

А кречеты посланы к нему, по указу Великого Государя; с соколники, а посылал, по указу Великого Государя, с кречетами соколников столник и ближней человек Алексей Петров сын Салтыков.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его Императорского Величества канцелярии. Т.3. (1645–1670 гг.). СПб., 1852. Т. 4. (1676–1701). СПб., 1855.

№ 60

1682 г. сент.2. – Известное письмо о князьях Хованских

Ц.г. и в.к. Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу в В. и М. и Б. Р. // с. извещают московский стрелец да два человека посацких людей на воров, на изменников, на боярина князь Ивана Андреевича Хованского да на сына ево князь Андрея Ивановича: на нынешних неделях призывали они нас к себе в дом девяти человек исхотного чина да пяти человек посацких людей и говорили, чтобы мы помогали им доступити царства Московского, и чтобы мы научали свою братью, чтоб ваш царский корень известь и чтоб прийти большим собранием из невесть в город, и называть вас, в.г. еретическими детми, и убить вас, государей обоих и царицу Наталию Кириловну, и царицу Софию Алексеевну, и патриарха, и властей, а на одной ты царевне князь Андрею женитца, а достальных бы царевен постричь и розослать в дальние монастыри; до бояр побить одоевских троих, Черкасских двоих, Голицыных троих, Ив. Мих. Милославского, Шереметьевых двоих и иных многих людей из бояр.

РГАДА. Ф. 179. Оп. 2. Д. 205. Лл. 97 об., 98.
Восстание в Москве 1682 г. (Сб. докум.) М., 1976.

№ 61

Запись о приеме в Посольском приказе
кабардинского мурзы Алея Олегуковича Черкасского
***(названного после принятия им христианства Михаилом)* 1664 г. 8 ноября**

173-го, ноября в 8 день великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович указал быти у себя, великого государя, новокрещену князю Михаилу Алегукову сыну Черкасскому.

А как он войдет к великому государю в полату и явити его великому государю челом ударить думному дьяку Алмазу Иванову.

А молыть – великий государь и великий князь Алексей Михайлович новокрещен князь Михайло Черкасский вам, великому государю, челом ударил и на вашем царском жалованье челом бьет. И великий государь пожалует ево к руке и велит ево спросить о здоровье думному дьяку Алмазу Иванову.

А после того думный дьяк говорить ему речь и скажет великого государя жалованье. А молыть – князь Михайло, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович велел тебе говорити, познав ты истинную нашу православную христианскую веру греческого закона, бил челом нам, велико-

му государю, чтоб мы, великий государь, пожаловали велели тебя крестить в православную христианскую веру. И мы, великий государь, пожаловали тебя в православную христианскую веру по твоему челобитью крестить велели, и ты б в православной христианской вере был крепок и обещанье свое как обещался во святом крещении помнил всегда, соблюдал непорочно и нам, великому государю, служил и прямил и на наше государское жалованье был надежен, а мы, великий государь, учнем тебя держати в нашей царской милости и в жалованье. А что ты познал истиную православную христианскую веру добрым своим изволеньем крестился и мы, великий государь, за то тебя милостиво похваляем и жалуем тебя нашим царским жалованьем.

Шуба отлас з золотом на соболях, шапка лисья, кубок... стак... братина... ковш серебряной. Отлас золотной, бархат гладкой, 2 отласа гладких, 2 камки... камка кам... 40 соболей, денег 150 руб.

Царское ж величество жалует тебя с своей государской конюшни жеребец со всем конским нарядом, да своего, государева, жалованья велел тебе оклад учинить поместной 1200 чети, денег 150 руб. и велел тебе быть у себя, великого государя... Да сказать в стола место корм и отпустить на подворье.

АВПР. Ф. Кабардинские дела, 1664 г. Д. б/№. Л. 3–6.

№ 62

1711 г. марта 4 — Грамота Петра I кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу о согласии принять кабардинский народ в подданство России и защитить от внешних врагов

Божиею милостию от пресветлейшаго и державнейшаго великого государя даря и великого князя Петра Алексеевича [т] Татархану князю черкескому, и братьем ево, и прочим владельцам, и всему народу тому, и кабардинских и горских черкес наше царского величества милостивое слово.

Доносил нам, великому государю, брат ваш князь Александр, которой в службе нашей обретается, что вы имеете желание под нашу, царского величества, высокодержавною руку поддатись и тем себя и подданных ваших ис под ига турского и хана крымского свободити, яко ж и ныне писала к нему мать его, что крымцы вам неприятели, и частые брани между вами случаютца, и что конечно желаете быти у нас, великого) г[осударя], в подданстве. Также из ваших же стран писали к подданному нашему царю Арчилу Вахтангеевичу Меретинскому, что они постановили служить нам, в[еликому] г[осударю], а с крымцами також де завоевались и дабы вам ведомость о том дать; и мы, в[еликий] г[асударь] наше ц[арское] в[еличество], то ваше же-

ление приемлем милостиво и изволяем вас к себе в подданство и оборону принята 1. Только желаем, дабы вы показали к нам ныне свою службу и верность против салтана турского и хана крымского, которые против нас войну всчали, наруша мир неправедно против данных многих обещаний. И ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалованье давать определим, как то получает от нас подданной наш Аюка-хан и как вы прежде сего бывали у предков наших в подданстве и получали у них жалованье; и укажем вам вспомогать ему, Аюке хану, с калмыки и донским и яицким и гребенским казаком, о чем о всем ссылаемся пространнее на словесной приказ, от нас данной брату вашему, которому в том верьте.

Дан в Москве лета 1711 марта в 4 день, государствования нашего 29 году.

Помета: Взять список с статей.

РГАДА. Ф. Посольский приказ. Кабардинские дела, 1711 г. Д. 1. Л. 1. Отпуск.

№ 63

П.В. Долгоруков. Князья Черкасские

Князья Черкасские, уроженцы суроваго Кавказа, выезжали в Россию в разныя времена; принимали нашу веру, вступали в брак с дочерьми Русских Князей и бояр; служили престолу Российскому в звании боярском и в знатнейших чинах, ознаменовали себя доблестями и заслугами; стяжали имени своему блистательное место в Русских летописях, и при утверждении Императором Павлом, 30 Июня 1798 года, второй части Общаго Российскаго Гербовника знаменитый род Князей Черкасских внесен был в число родов Российско-Княжеских.

Родословие Князей Черкасских извлечено нами из бумаг архивов: Московскаго Иностранных Дел и стараго Кремлевскаго, и из портфелей Миллера, и в отношении к XVIII и XIX векам дополнительно по сведениям, доставленным Князем Владимиром Александровичем Черкасским.

Знаменитый в летописях России дом Князей Черкасских разделяется на шесть ветвей: а) Князья Черкасские ветви Темгрюка-Мурзы, угасшей в 1651 году; б) Князья Черкасские ветви Камбулата-Мурзы, угасшей в 1742 году; в) Князья Черкасские ветви Сунгулея-Мурзы, доныне существующей; г) Князья Егуповы-Черкасские, давно угасшие; д) Князья Ахамашуковы-Черкасские, давно угасшие; е) Князья Черкасские ветви Князя Александра Бековича Черкасского, доныне существующей. Ни один из членов ветви Князей Егуповых не занимал важных должностей; из ветви же Князей Ахамашуковых

один, Князь Василий Петрович, служил окольничим (6 Авг. 1635) и скончался в 1652 году. О первых же трех ветвях и о шестой ветви мы будем упоминать отдельно о каждой, по причине совершеннаго отсутствия, по сие время, всяких положительных и достоверных доказательств о взаимном родстве этих различных ветвей.

а) Ветвь Темгрюка-Мурзы

№		№ отцовский
	Колено первое:	
1.	Темгрюко-Мурза	1
	Колено второе:	
2.	Мамстрюко-Мурза	1
3.	Салтанкул-Мурза, во св. крещ. Князь Михайло Темгрюкович, боярин, казн. 1572 г.	1
	Мария Темгрюковна, ум. 1 Сент. 1569 г. вторая супруга Иоанна Грознаго	1
	Колено третье:	
4.	Каншов-Мурза, во св. крещ. Князь Дмитрий Мамстрюкович, боярин, ум. 1651 г. Жен. на Елене Александровне	2
	Дочь Темгрюка-Мурзы, в св. крещ. Мария Темгрюковна, была второю супругою Иоанна Грознаго (21 Авг. 1561) и скончалась 1 Сентября 1569 года	
	Брат ея, Князь Михайло Темгрюкович (Салтанкул-Мурза), служил боярином [1568] и казнен был, по повелению Иоанна Грознаго, в 1572 [1571] году	
	Племянник их, Князь Дмитрий Мамстрюкович (Каншов-Мурза), также служил боярином (1619) и скончался в 1651 году, в старости маститой, оставив по себе память полководца искусного и отважного	

б) Ветвь Камбулата-Мурзы

№		№ отцовский
	Колено первое:	
1.	Камбулат-Мурза	

Колено второе:

2. Корданукo-Мурза 1

3. Куденет-Мурза 1

4. Хорошай-Мурза, во св. крещ. Князь Борис Камбулатович, боярин, ум. 1604 г. Жен. на Марфе Никитичне Романовой-Юрьевой 1

Колено третье:

5. Князь Василий Корданукович, боярин, уб. 1607 г. Жен. на Княжне Мстиславской 2

6. Урускан-Мурза, во св. крещ. Князь Яков Куденетович, боярин, ум. 1666 г. Жен. на Княжне Евдокии Симеоновне Прозоровской 3

7. Князь Иван Борисович, боярин, ум. 1642 г. 4

Княжна Ирина Борисовна, за боярином Федором Ивановичем Шереметевым 4

Княжна Ксения Борисовна, за Иваном Дмитриевичем Колчевым 4

Колено четвертое:

8 Князь Михайло Яковлевич, боярин, ум. 1712 г. Жен. на Княжне Марфе Яковлевне Одоевской, ум. 1699 г. 6

Колено пятое:

9. Князь Петр Михайлович, ум. 1701 г. Жен. на Княжне Марии Борисовне Голицыной 8

10. Князь Алексей Михайлович, государственный канцлер и кабинет-министр, р. 1680 г., ум. 4 Нояб. 1742 г.

Жен. 1) 1706 г. на Агриппине Львовне Нарышкиной, ум. 1709 г., 8

2) 1710 г. на Княжне Марии Юрьевне Трубецкой, р. 27 Марта 1696 г., ум. 16 Авг. 1747 г.

Княжна Ирина Михайловна, за боярином Князем Яковом Федоровичем Долгоруковым 8

Княжна Прасковья Михайловна, за Василием Петровичем Шереметевым 8

Княжна Мария Михайловна, за Князем Яковом Ивановичем Лобановым-Ростовским 8
Княжна Анна Михайловна, за Князем Никитою Ивановичем Долгоруковым 8

Колено шестое:

Княжна Марфа Петровна, за тайным советником Графом Платоном Ивановичем Мусиным-Пушкиным 9
11. Князь Петр старший Алексеевич. ум. в младенчестве 10
12. Князь Петр младший Алексеевич. ум. в младенчестве 10
Княжна Екатерина Алексеевна. ум. в младенчестве 10
Княжна Варвара Алексеевна, камер-фрейлина, р. 11 Сент. 1711 г., ум. 2 Окт. 1767 г., за генерал-аншефом и обер-камергером Графом Петром Борисовичем Шереметевым 10

Князь Василий Корданукович служил боярином (1598) и убит был самозванцем Лжепетром в 1607 году.

Дядя его, Князь Борис Камбулатович (Хорошай-Мурза), имел честь быть женатым на Марфе Никитичне Романовой-Юрьевой, двоюродной сестре Царя Федора Иоанновича, родной сестре Патриарха Филарета и родной тетке Царя Михаила Федоровича. Царь Федор пожаловал Князю Борису Камбулатовичу в 1592 году шапку боярскую.

Сын его, Князь Иван Борисович, двоюродный брат Царя Михаила Федоровича, получил в день коронования Михаила (11 Июля 1613) шапку боярскую, управлял Стрелецким Приказом и скончался в 1642 году. Умный, мужественный, деятельный, он пользовался дружбою своего венценоснаго двоюроднаго брата и уважением современников.

Родной племянник Князя Бориса Камбулатовича, Князь Яков Куденетович (Урускан-Мурза), служил боярином (29 Сент. 1645) и скончался 8 Июля 1666 года, оставив по себе славу отличнаго полководца.

Сын его, Князь Михайло Яковлевич, служил боярином (1682) и управлял Сибирью; скончался в 1712 году.

Старший сын его, Князь Петр Михайлович, находился в Сибири товарищем отца своего.

Брат его, Князь Алексей Михайлович, также служил в Сибири при отце своем; потом управлял Городовою Канцелярией, заведывавшею устрой-

ством дворцов и садов; был губернатором Сибири (1719–1724); сенатором (1725); много содействовал, по воцарению Анны, возстановлению самодержавия; находился действительным тайным советником (4 Марта 1730); Андреевским кавалером (22 Марта 1730); Кабинет-министром (1731); президентом Коллегии Иностранных Дел со званием Государственнаго Канцлера (10 Нояб. 1740); скончался в Москве, 4 Ноября 1742 года, на шестьдесят третьем от рождения. С умом ограниченным, с сердцем добрым, Князь Алексей Михайлович сочетал чрезмерную робость и боязливость как в быту гражданском, так и в быту домашнем, но, будучи владельцем семидесяти тысяч душ крестьян, пользовался значительным весом при Дворе. Он был женат, в первом браке на двоюродной сестре Петра Великаго, а вторая супруга его, Княгиня Мария Юрьевна, была статс-дамою (1725). Его дочь от втораго брака и единственная наследница, Княжна Варвара Алексеевна, получила от Императрицы Елисаветы (25 Апр. 1742) звание каммер-фрейлины и вышла за Графа П.Б. Шереметева.

в) Ветвь Сунгулея-Мурзы

№		№ отцовский
	Колено первое:	
1.	Сунгулей-Мурза	
	Колено второе:	
2.	Желегув-Мурза, во св. крещ. Князь Федор Сунгулеевич	1
3.	Олегуко-Мурза	1
4.	Сунгулей-Мурза, во св. крещ. Князь Григорий Сунгулеевич, боярин, уб. 14 Окт. 1673 г.	1
	Колено третье:	
5.	Князь Михайло Олегуковнч, боярн.: Жен. на Княжне Евдокии Ивановне Пожарской	3
6.	Князь Данило Григорьевич	4
	Княжна Елена Григорьевна, за действительным тайным советником Князем Юрием Юрьевичем Трубецким	4
	Колено четвертое:	
7.	Князь Андрей Михайлович. Жен. на Княжне Анне Федоровне Куракиной	5

8. Князь Василий Михайлович 5
9. Князь Борис Михайлович 5

Колено пятое:

10. Князь Александр Андреевич 7
11. Князь Петр Борисович, генерал-аншеф, ум. 1768 г. Жен. на Графине Екатерине Петровне Апраксиной 9

Колено шестое:

12. Князь Петр Александрович 10
13. Князь Михайло Александрович 10
14. Князь Андрей Александрович. Жен. на Княжне Федосии Ивановне Хованской 10
15. Князь Иван Александрович 10
16. Князь Алексей Александрович. Жен. на Марии Ивановне Ларионовой 10

Княжна Варвара Александровна, за действительным тайным советником Князем Петром Никитичем Трубецким 10

Княжна Анна Александровна, за Князем Петром Александровичем Вяземским 10

17. Князь Петр Петрович. Жен. на Марфе Авраамовне Лопухиной 11
18. Князь Михайло Петрович. Жен. на Федосии Львовне Милославской 11
19. Князь Сергий Петрович. Жен. на Княжне Татияне Васильевне Мещерской 11

Княжна Марфа Петровна, за Князем Александром Алексеевичем Шаховским 11

Княжна Наталия Петровна, за Степаном Степановичем Загряжским 11

Колено седьмое:

20. Князь Александр Андреевич. Жен. На Анне Дмитриевне Арсеньевой 14
21. Князь Борис Михайлович 18

22. Князь Дмитрий Михайлович 18
23. Князь Николай Михайлович 18
Княжна Екатерина Михайловна, за генерал-майором Борисом Михайловичем Загряжским 18
24. Князь Петр Сергеевич 19

Колено осьмое:

25. Князь Александр Александрович. Жен. на Варваре Семеновне Окуневой 20
Княжна Прасковья Александровна, за действ, стат. сов. Александром Степановичем Крюковым 20
26. Князь Александр Борисович 21
27. Князь Алексей Борисович 21
28. Князь Николай Борисович 21
29. Князь Дмитрий Борисович 21
30. Князь Михайло Борисович. Жен. На Виктории Авраамовне Шаховой 21
Княжна Анна Борисовна, за генерал-адъютантом Александром Ивановичем Нейдгардтом 21
Княжна Агриппина Борисовна, за генерал-майором Графом Петром Федоровичем Букс-гевденом 21

Колено девятое:

31. Князь Константин Александрович 25
32. Князь Евгений Александрович 25
33. Князь Ипполит Александрович 25
34. Князь Владимир Александрович 25
Княжна София Александровна, за Александром Андреевичем Рябининым 25
35. Князь Борис Александрович 26

Князь Григорий Сунгулеевич (Сунгулей-Мурза), служил боярином (1673) и убит в своей подмосковной вотчине 14 Октября 1673 года.

Племянник его, Князь Михайло Олегукович, также служил боярином (1678) и ознаменовал себя отчизно-любием и всеми качествами души возвышенной.

Один из внуков его, Князь Петр Борисович, служил при Елизавете генерал-лейтенантом (5 Сент. 1753) и конной гвардии подполковником; по во-

царению Петра III оставил службу с чином генерал-аншефа (17 Янв. 1762) и скончался в 1768 году. Он женат был на родной племяннице Царицы Марфы Матвеевны, супруги Феодора III.

Российский родословный сборник, издаваемый кн. П. Долгоруковым. СПб., 1840. Кн. 4. С. 38–48.

№ 64

1743 г. не позднее конца ноября. Известия о горских народах, полученные от кабардинских владельцев Магомета Атажукина, Альдигирея Гиляксанова и костиковского владельца Алиша Хамзина в Канцелярии ассесора Бакунина

Дополнение к кабардинскому описанию

1743-го году в ноябре месяце в разных числех, по разговорам Коллегии иностранных дел, ассесора Бакунина со обретающимися в Санкт-Петербурге кабардинскими владельцами Магометом Атажукиным, Альдигиреем Гиляксановым и кумыцким костиковским владельцом Алишем Хамзиным получено от них следующее известие.

1. в Кавказских горах живут разных языков народы, а имянно первой Большая Абаза близ Чернаго моря имеет особливой язык, путь к ним лежит чрез Кубань, владельцов не имеют, а правят между ими старики. Закона никакого не имеют и ни у кого не в подданстве.

Другой народ – шапсо, соседственной абазе, имеет особливой язык и такое же правление, а закона не имеют, а дорога к ним лежит чрез кубанское владение темиргой.

Третей народ – харачаи, живет в кубанских вершинах, имеет татарской язык, а закона не имеет, дорога к ним от Большой Кабарды на кубанские вершины.

Четвертой народ – соны, живут на вершинах Баксана, блись вершин реки Кумы и Кубани, имеют особливой язык, носят платье короткое, с малыми фалдами, подобное немецкому, волосы имеют длинные, многие из оных и до ныне состоят в христианском законе, есть у них и владельцы; дорога к ним лежит чрез Баксан, где живут Большой Кабарды владельцы Магомет Кургокин с братьями, и надобно ехать 3 дни.

Пятой народ состоит в разных пяти волостях и по оным и звание свое имеет, а общаго всему народу звания нет, из оных: 1. Волость Чегем – лежит на вершинах реки Чегема, от Баксану разстояние день езды, особливых

малых владельцев имеют, и все дают дань старшему кабардинскому владельцу Магомед Кургокину. 2. Волость Безенге. 3. Волость Хулам. 4. Волость Хусырь. 5. Волость Малкарь лежит в вершинах реки Черека, и некоторые из оных дают малую подать вышеписанному Магомету Кургокину и Арасламбеку Каитукину для того, что оные, приезжая в Кабарду, покупают соль, также хлеба и рыбы по нескольку, а особливо в кабардинских угодьях, чрез несколько в году месяцев скот свой пасут, а когда у них в горах хлеб и трава родится довольная, и тогда оные соль покупают из Грузии и в горах, отъезжая в дальные места, достают воды и из оной варят и скоты свои из гор не выгоняют, и сами в Кабарду уже не ездят, и кабардинцов к себе не пускают, за что с ними бывают ссоры и драки. А оной народ, как и выше о Чегеме написано, имеют малых своих владельцев, а язык у них особливой, они ж употребляют и татарской язык издревле, оные были христианскаго закона, который и ныне многие из них содержут и для того весною 7 недель и при окончании лета 2 недели постятся и никаких мяс, молока и масла не едят, а владельцы их в махометанском законе, токмо все грамоте не умеют.

Шестой народ – дюгор. Седьмой народ – сюрдигор, живут в горах, по вершинам реки Урюха и других ближних рек, против Малой Кабарды, расстоянием от деревни владельца Альдигирея Гиляксанова день езды, и с тою Малою Кабардою постоянной имеют мир, и некоторую малую кабардинцам дают и дань и взаимно между собою женятца, дюгоры и сюрдигоры на кабардинках, а кабардинцы на их дочерях, язык имеют особливой, а закону никакого не имеют, а прежде все были христианскаго закона, и для того и ныне, как и выше упомянуто, содержат посты по християнскому обыкновению, есть у них церкви каменные, которые ныне состоят пусты. Чрез оные народы простираютца две дороги в Грузию, ис которых первая реки Терка в вершине, другая по вершине ж реки Урюха, и в некоторых местах такие тесные проходы, что не токмо на лошади верхом можно проехать, но надобно итти пешком и лошадь за собою с великою опасностию вести, и ежели где обвалитца в ущелье, то должно вскорости повод от нея бросить, дабы самого не стащила, а ездят в одно только летнее сухое время, а во время дождя и снега проезда не бывает, а до Грузии от Малой Кабарды обоими теми дорогами доезжают пятым днем.

2. Оные горские народы, как и выше написано, ни под чьею протекциею не состоят и никому ими действительно овладеть не возможно затем, что живут в крепких и непроходимых местах, и когда Большой Кабарды владельцам случаетца над ближними им народы чинить поиски, и тогда ходят на них партиями от 50 и до 200 человек, и наперед, тайным образом осмотря, захватят тесные проходы, и для охранения тех проходов оставляют несколько человек кабардинцов пеших с ружьем, и таким образом, учиня поиски, возвращаются с добычею а ежели при приходе их, кабардинцов, на тесных проходах усмотря горские караулы, и в таком случае они, кабардинцы, воз-

вращаютца в домы свои без добычи, напротиву того ис тех горских народов по нескольку человек ночным временем приходят и зажигают их кабардинские деревни, от чего им и немалые разорении приключаютца.

3. Оные народы весьма военные, имеют ружье огненное, также сабли и кинжалы и сами делают серу горючую, порох, и свинец, и железо из руд, находящихся в тех же горах, и между ими частые бывают ссоры и драки и перемирие, и к грузинам от большой части по закону склонны, а другие какие руды в тех горах есть ли они, кабардинцы и кумыки, не знают, понеже в том искуства не имеют.

4. Живут все деревнями порознь от 50 дворов и до 100 и до 300, и некоторые из оных имеют и каменные ограды.

5. Водами весьма изобилуют, хлеб у них родитца пшеница, ячмень и местами овес, а проса не родитца.

6. Скота имеют отчасти лошадей, ишаков, коров, а овец и свиней у них довольно, и все оные горские народы едят и свиное мясо.

7. Оных горских народов не только 7 языков, но гораздо есть и больше, которым имян они не помнят.

8. Вышеписанные горские народы, начав от Абазы, простираютца до чеченскаго народа, и все оные народы грузинцы на своем языке называют осии, то есть горские от чеченскаго народа и далее до Персии, в горах же живущие народы грузинцы своим языком называют лезгии.

9. Асессор Бакунин в разговорах Альдигирею Гиляксанову говорил: понеже у нас в России многие есть пустынники и для богомолия живут в горах и лесах и ежели таковые ж пожелают жить в тамошних горах не в дальности от него, Альдигирея, в дюгорском народе, то могут ли они тамо пробыть без опасности от нападения воровских людей. И на то Альдигирей ответствовал, что где упомянетца имя российскаго человека, то он по своей к ея императорскому величеству верности ни до какой противности не допустит, толь наипаче в дюгорском народе, которой по всему Альдигирею послушны и надежны, объявляя, что в 724-м году во время проезда чрез горы грузинскаго царя Вахтанга, оные дюгоры на пути в горах для добычи своей того царя отаковали, о чем оной подал ему, Альдигирею, известие, и потому он, Альдигирей, выезжал к нему навстречю, и когда дигоры его, Альдигирея, увидели, немедленно разошлись и царя грузинскаго оставили с покоем.

Вышеписанные разговоры переводил Кизлярской дворенин Алексей Тузов.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 348. Д. 7. Л. 1–4.
Опубликовано: Материалы по истории Осетии (XVIII в.) / Сост. Г.А. Кокиев. Т. 1. Орджоникидзе, 1933. С. 31–34; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х т. / Сост. М.М. Блиев. Т. 1. 1742–1762 гг. Орджоникидзе: Ир, 1976. С. 37–39.

№ 65

Описание гребенских казаков

О начале Гребенскаго войска поселения и в каком состоянии находятца. Находящиеся Кизлярскаго ведомства Гребенские казаки с котораго времени и при котором государе, или по какими-либо обстоятельствам во оном месте поселились, того при Кизляре и у них в войске никакаго писменаго известия не имеетца: токмо через старожилов объявлено, что они весма от давных лет по Терку реке жительство свое имеют, а каким случаем, по указу иль без указу, при котором государе сначала поселились, того за давностию сказать не могут. По объявлениям же настоящих терских старых жителей, или старожилов сказано, как от отцов и дедов своих верно слыхали, что оные Гребенские казаки по Терку начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов, только первоначальное жительство свое имели не на тех местах, где они ныне имеют, но за Терком в гребнях [то есть в горах] и в ущельях, а именно в урочищах голаго гребня, в ущелье Павлавом, при гребне и ущелье ж Кашланавском и при Пименавском дубе, которой и доныне ниже Балсур или Ортан реки при Терке реке ж, по коим местам Гребенскими казаками и праименавались. Но по частым и усильным на них тамо от соседственных горских народов нападением и причиняемым им всегда беспокойствам, со ущербом людей и скота, принуждены были оттоль вытти и переселится по Терку реке деревнями, а именно, Курдюкова, Глаткова и Шадрина, по прозваниям отсадчикав своих. На вышеписанных же местах по их выходе поселились и завладели балсурцы, или карабулаки, чеченцы и гребенчуки; умножение их потом стало от воровских казаков, почему и сами теми ж именовались, как то и в грамате государя царя Алексея Михайловича на Терек к князю Каспулату Черкаскому 7176 году, августа 27 дня, было писано, чтоб иметь осторожность при переноске и перестройке Терскаго города от нечаяннаго их нападения; а потом прибавилось их и от беглых стрельцов; и тако наконец, за утеснением их жилищ, хотя и целыми горотками те деревни зделались, принуждены были еще два горотка построить, Новоглаткой и Червленай, с котораго времени стало их пять станиц. Какие ж те воровские казаки были, тем свидетельствуют их известным и доныне именами находящияся по Терку, Аксаю, Канбулату и по прочим рекам запустелые городищи, яко то Стеньки Разина, Андрюшки Кильбака, Костека [Костек был атаман разбойничей из беглых донских казаков, которой по указу полковником Бушевым купно с терским атаманом Федором Киреевым с командою 1697 году пойман с немалым числом шайки его разбойников и отвезен до Астрахани, а городок разорен] и протчих разбойников, притом и бывшие кумские казаки, где ныне состоят неизвестно. В какой же силе та мата состаит и для чего тот город Терек переносить было велено, притом с кото-

раго времени на Терке началось селение, здесь для ведома ж при описании онаго сообщено ниже сего. В подданность же и покорность оные Гребенские казаки по прежнему к Рассии пришли 1721 году по приглашению бывшаго тогда астраханскаго губернатора Артемья Волынскаго, а в прибытие его величества блаженные и вечной славы достойные памяти государя императора Петра Великаго на Терек [то есть 722 году во время шествия в Низовой поход] по принесении и самими ими его величеству свою повинность, которые прощены и на жалованье с таго времени казаками записаны, с тем чтоб при оном своем месте границу от Дагестании содержали. Нынеж числом их комплекта в пети горотках состоит кроме неслужащих пять сот человек при одном атамане и обыкновенных старшин своих, которым числом и гороткаами прикрывают границу и содержут по ней объезжие караулы.

В каком порятке жительство имеют. Оные Гребенские казаки в поселении домов своих не веема против великорассийскаго построения сходственно чтоб быть могло; понеже более не строют как черную избу с приделаванием сеней, которые наиболее в чистоте имеют, нежели как в ызбах; украшают те сени старинными образами, а более литыми медными; чуланов не имеют, и делают широкие лавки, которые по азиатскому [манеру] обыкновению в подобие полатей, токмо весма ниские, в довольных постелях и подушках, на которых убранные наволочки из разных шелковых материеви лоскутов шахматно с пестротою шьют и надевают, и на тех лавках сундуки и коробь становят. Збруя их казачья, пищалис подсошками, сабли, дротики и барашен, седлы, которые обыкновенно содержут черкесские, в тех сенях по стенам развешивают. Вокруг же оных изб и сеней городьбы ни дворов не имеетца и живут так просто без дворов, и весьма строению их приезжему человеку удивлятца подлежит, нескоро найдет свою квартеру, понеже весьма нерегулярно строено, как значится на приложенных при сем планах. – Скот содержут, как лощадей, так и рогатую скотину, за горотком в клевах, коих знанию базы. – Хотя божии церкви в каждом горотке и имеютца, но токмо не весма понуждают казаки попов, дабы каждый день в церковь колкол позывал. Егда случитца воскресной день, праздник или высочайшее торжество, то накануне священник скажет атаману, атаман прикажет есаулу, чтоб ходя по тем тесным переулкам громогласно кричал, чтоб в завтрашней день в поле или в другие места для работы не ездили. – В платье обряды их не сходны с великорассейскими, на черкеской манер в чекменях ходят. Женщины нижнего платья не носят [рубах], кроме как один стеганой бурметной сарафан з большими петлями [по старине] с короткими рукавами по локоть, х которому пришиты выбойчатые рукава в подобие как у русских мужиков обыкновенно бывает, и кушаком швелковъм подпоясаваютца, ибо в каждой избе женщины шолк делают, и по большей части басиком ходят; мущины на татарское обыкновение платье носят, как значит приложенные присем рисунки. В ночное время как мущины, так и женщины безовсякаго платья

спят. – Огородных овощей в зиму не готовят. Рыбу бьют сандовью [острогою] с каюков [челноков] и сидят сежами [сетьми].

Описание гребенских казаков в XVIII веке // Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 245–247.

№ 66

Из «Описания городов, крепостей и всех селений, заведенных на Кавказской линии, по уездам, начиная от Каспийского моря, с означением, когда оные заведены, при каких речках, сколько в оных жителей и какого рода и какие имеют угодья»

12 января 1792 г.

1. Моздокского уезда селения казенные.
1. Звание городов, крепостей и селений поименно – Близкое.
2. Давно ли заведены – В 1786 г.
3. Сколько из них жителей мужского пола. Какого рода.
4. Число душ Казенных крестьян 46, Пахотных солдат 9.
5. При каких лежат реках и речках – На реке Малке.
6. Какие имеют угодья в лесе и в прочем – Леса на строение, пахотной земли и сенокоса имеют достаточно.

Слободы казенные:

1. Прохладная;
2. В 1784 г.;
3-4. Казенных крестьян 6; Малороссиян – 287.
5. На реке Малке;
6. Леса достаточно, пахотной земли и сенокоса довольно.

1. Солдатская Малка;
2. В 1786 г.;
3–4. Отставных солдат – 183; Казенных крестьян – 33;
5. На реке Малке; 6. Хлебопашенной земли и сенокосов достаточно, а лес только дровяной и то малое количество.

Крепости:

1. Екатериноградская.
2. В 1777 г. заселена станицею и наименована в то же время крепостью Екатериноградскою. В оной был губернский город Екатериноград, Кавказского наместничества. Но в этом году упразднен и осталось опять крепостью, ныне именуемою.

3–4. При ней в станице поселенного Волгского казачьего полка старшин и казаков, служилых и неслужилых – 510.

5. На реке Малке.

6. Лесу на строение и земли к хлебопашеству и сенным покосам, хотя и довольно, но еще не отмежевано и потому довольствуются всем обще с поселенными из дач, казне принадлежащих.

Тютюнина Е.С. Поселения Кабардино-Балкарии XVIII–XX вв. Документированные очерки. Нальчик, 2015. С. 24–25.

№ 67

О Гребенских казаках. Извлечение

…Обстоятельства складывались на Тереке таким образом, что Гребенцам пришлось занять пустопорожние места, очищенные от населения еще кочевниками-татарами, а потому с первых же дней между Гребенцами и ближайшими их соседями установились самые добрососедские отношения. Гребенцы куначились и с кабардинцами и с чеченцами, причем от последних часто брали себе жен, а от первых, бывших в то время законодателями мод на Северном Кавказе, переняли конское снаряжение, холодное оружие и одежду; что же касается до огнестрельного оружия («огненного боя»), то Гребенцы принесли его с собой из Руси, чем сразу завоевали себе почетное положение среди народцев Северного Кавказа, не имевших еще иного кроме «лучного боя».

…Домашний уклад быта и характер гребенца и доныне сохранил на себе отпечаток любопытного соединения чисто русских основ с основами азиатскими: русский рубленный курень и азиатская мазанка – «избушка»; старинные медные складни в киоте в переднем углу и по стенам оружие и конская сбруя; замкнутость старообрядческого религиозного миросозерцания и постоянное якшание с иноверцами – «азиятами»; сусек для засыпки хлеба и сапетка (плетеная корзина. – *Примеч. ред.*) для хранения «початки»; широкий размах русского гулливого трепака и скромная, полная грациозности и плавности движений лезгинка; мужественная стойкость в пешем бою, несмотря ни на какие потери, и лихое наездничество и безумная отвага рукопашного конного боя «по-кавказски», – все это невероятное смешение выработало из гребенца тип хозяина-воина редких качеств, всегда выделявших его из общей массы даже в среде таких войск испытанной отваги и удали, каковыми были всегда войска Кавказской армии. Граф Гудович во всеподданнейшем донесении Императрице Екатерине Великой от 7 ноября 1791 года о Гре-

бенцах писал: «Гребенские казаки отменно храбрые, хорошо стрелять умеющие и для здешнего горного края полезны; можно оных почесть конными егерьми. Они и в прошедший поход под Анапой (1788) везде себя особливо отличили».

Караулов М.А. Терское казачество. М., 2007. С. 99, 101.

№ 68

Описание надписей на гробницах, находящихся в церкви Знамения Божией Матери ставропигиального Ново-Спасского монастыря (до 1790 г.)

Под старинною прежде бывшею Знамения Пресвятыя Богородицы церковью погребены были кто и на гробницах их имелись надписи, кои при разобрании оной почти все разсыпались и надписи утратились, коих ныне и сыскать невозможно, почему и отысканы списки с реченных надписей, списанные при Архимандрите Павле, и соблюдены некоторым любителем древностей, а иные выписаны из вкладной книги означенного монастыря тем же любителем древности, кои и следуют.

1) «Лета 7109 (1601) Февраля в день 15 на память Святаго Апостола Онисима преставися раб Божий Василий Никитич Романов в заточении от царя Бориса Годунова в Сибирском городе на линии в Нырлу удавлен».

2) «Лета 7109 (1601) Апреля в 29 день на память преподобнаго Мемнона Чудотворца преставися раб Божий князь Борис Камбулатович Черкасской на Белеозере в заточении от царя Бориса Годунова в темнице, там и скончался».

3) «Лета 7114 (1606) Марта в 12 день на память Преподобнаго Феофана Исповедника погребен раб Божий Александр Никитич Романов, а преставися в заточении от царя Бориса, Кириллова монастыря в вотчине на Луде, и там по указу царя Бориса удавлен».

4) «Лета 7114 (1606) Марта в 18 день на память Кирилла Иерусалимского погребен раб Божий Михаил Никитич Романов, от царя Бориса в Перми заключен в темницу, а вскоре удавлен».

5) «Лета 7118 (1710) Февраля в 18 день на память Святага отца нашего Василия Исповедника преставися раба Божия Боярыня Князя Бориса Камбулатовича Черкаскаго жена княгиня Марфа Никитична».

6) «Лета Ев Сицкаго в заточении...» (надгробный камень растрескался), а уповательно, что под ним погребена Евфимия Никитична, бывшая в супружестве за князем Иваном Васильевичем Сицким.

7) «Князь Федор Алексеевич Сицкой».

8) «Князь Андрей Васильевич Сицкой, во иноцех Аврамий».

9) «Лета 7124 (1616) Марта в 1 день на память Свя-тыя Преподобномученицы Евдокии преставися раба Божия Боярина Федора Ивановича Шереметева жена Ирина Борисовна, дочь князя Бориса Камбулатовича Черкасского».

10) «Лета 7124 (1616) Марта во 2 день преставися раб Божий Федор Федорович Шереметев».

11) «Лета 7126 (1618) Мая в 22 день на память Святаго Мученика Василиска преставися раба Божия Боярина Даниила Юрьевича Сицкаго посестрия Феодосия Димитриевна, во иноцех Фекла».

12) «Лета 7141 (1632) Июня в 21 день на память Святаго Мученика Иулиана Тарсянина преставися раб Божий Благоверный Князь Феодор Сунтелевич Черкасской».

13) «Лета 7141 (1632) Декабря в 4 день на память Святыя великомученицы Варвары преставися раба Божия Боярина князя Алексея Юрьевича Сицкаго жена, благоверная княгиня Евдокия Димитриевна».

14) «Лета 7148 (1640) Июля в 18 день в субботу преставися раб Божий Иван Никитич Романов, от царя Бориса был в заточении в Сибири в городе Пелым».

15) «Лета 7152 (1644) Июля в 5 день на память Преподобного Отца нашего Афанасия Афонского преставися раб Божий Благоверный Князь Боярин Алексей Юрьевич Сицкой и положен в монастырь Спаса Всемилостивого на Новом, под церковью Знамения Пресвятыя Богородицы».

16) «Лета 7152 (1644) Августа против 3 числа в час нощи на память Преподобных Отцев Исаакия Далмата и Фавста преставися Благоверный Князь Боярин Георгий Андреевич Сицкой и Ярославский».

17) «Лета 7157 (1649) Июня в 21 день на память Святаго Мученика Иулиана Тарсянина преставися благоверного Князя Иакова Куденетовича дщерь княжна Анна Яковлевна».

18) «Лета 7158 (1659) Октября в 23 день во вторник, на память Святаго Апостола Иакова брата Господня, преставися раба Божия Иванова Никиты Романова жена Ульяна Феодоровна».

19) «Лета 7162 (1653) Сентября в 20 день преставися раба Божия Феодора Ивановича Годунова жена Ирина Андреевна, во иноцех Александра схимница».

20) «Лета 7164 (1655) Декабря в 11 день на память Отца нашего Даниила Столпника, преставися раб Божий Никита Иванович Романов идучи с Государевой службы».

21) «Лета 7167 (1658) Сентября в 28 день на память Преподобного Отца нашего Харитона Исповедника, преставися раб Божий Боярина Благоверного Князь Якова Куденетовича Черкасскаго сын князь Иван Яковлевич».

22) «Лета 7174 (1666) Июля против 8 числа Боярин Благоверный Князь Яков Куденетович Черкасской преставися и погребен под церковью Знамения Пресвятыя Богородицы у Спаса на Новом».

23) «Лета 7180 (1672) Апреля против 24 числа на память Святаго Великомученика Георгия преставися раб Божий Князь Михаил Петрович Черкасской, а поживе от рождения 19 лет 2 месяца и 2 дни».

24) «Лета 7180 (1672) Августа в 26 день на память Святых Мучеников Адриана и Наталии преставися раба Божия инока Схимница Феодосия, посестрия Боярина Князь Юрья Андреевича Сицкаго Ярославскаго».

25) «1701 года Января в 25 день на память иже во Святых нашего Отца Григория Богослова преставися раба Божия стольника Петра Элмуразовича Черкасскаго жена его вдова Княгиня Устинья Васильевна».

26) «1701 года Ноября в 21 день в 5 часу дни преставися раб Божий Князь Андрей Михайлович Черкасской, жития его было 33 года, 3 месяца и 3 дни».

27) «1706 Окября 4 дня преставися раб Божий князь Даниил Григорьевич Черкасской и погребено тело его здесь в Ново-Спасском монастыре с дочерью своею младенцем княжною Наталиею в одном гробе».

28) «1709 Октября против 8 числа в 9 часу на память Преподобной Пелагии преставися раба Божия Княгиня Анна Феодоровна, супруга стольника Князь Андрея Михайловича Черкасскаго, а жития ея было 47 лет 8 месяцев и 7 дней».

29) «1712 Мая в 6 день Святаго и Праведного Иова Многострадального преставися раба Божия стольника Князь Даниила Григорьевича Черкасскаго дщерь его Княжна девица Марфа Даниловна и погребена на сем месте».

30) «Лета 7220 (1712) Июня против 28 числа на память Преподобнаго Отца нашего Сампсона преставися раб Божий Боярин Князь Михаил Яковлевич Черкасской, от рождения своего на 51 году».

31) «1721 Февраля в 9 день на память Святаго Мученика Никифора, преставися раб Божий ближний стольник Лейб-Гвардии Капитан князь Борис Михайлович Черкасской, от рождения своего 42 года 5 месяцев и 15 дней».

32) «1721 Ноября против 30 числа на память Святаго Апостола Андрея Первозванного преставися раб Божий Боярин Князь Михаил Алегулович Черкасской».

33) «1723 Мая против 9 числа преставися раба Божия Стольника Князя Бориса Михайловича Черкасскаго жена его вдова княгиня Марфа Степановна, жития ея было 43 года 8 месяцев и 12 дней».

34) «1738 Декабря против 5 числа пополудни в 6 часу на память Преподобного Отца нашего Саввы Освященного преставися раба Божия Боярина Князь Михаила Алегуловича Черкасскаго жена его Боярыня вдова Княгиня Евдокия Ивановна Черкасская, жития ея было 66 лет 6 месяцев и 4 дни».

35) «1742 Ноября 4 числа преставися раб Божий Великий Канцлер и двоих Орденов Кавалер Князь Алексий Михайлович Черкасской».

36) «Погребено здесь тело дочери полковника князя Александра Александровича Черкасскаго Большого княгини Марии Александровны Щербатовой, супруги генерал-майора Щербатова Феодора Феодоровича».

37) «Здесь положено тело девицы Марии Родионовны, дочери Генерал-Поручика Шталмейстера и Кавалера Родиона Михайловича Кошелева, преставшейся Марта 26 числа 1782 года».

38) «Под сим местом лежат супруг с супругою Князь Александр Андреевич Черкасской, который скончался 1749 году февраля 1 дня, княгиня Анна Ивановна Черкасская, которая скончалась 1783 февраля 7 дни».

39) «1787 Ноября 24 числа преставися раб Божий Полтавского легко-конаго полку Подполковник Князь Дмитрий Михайлович Черкасской и погребен под сим знаком в московском Ново-Спасском монастыре под церковью Знамения Пресвятыя Богородицы».

40) «1789 Апреля 30 числа преставися раб Божий Полтавского легко-конного полка Подполковник Князь Николай Михайлович Черкасской и погребен под сим знаком в Ново-Спасском монастыре под церковью Знамения Пресвятыя Богородицы».

Знаменский храм Ново-Спасского монастыря как мемориал бояр Романовых и сродников их, пострадавших в правление царя Бориса Годунова. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2016. С. 79–84.

№ 69

Описание административного деления и управления Кавказом, быта, нравов и обычаев народов Кавказа за период 1796–1803. Составитель П.Г. Бутков. Извлечение.

Балкарцы или Малкарцы, племя татарское, употребляющее язык татарский...обитают внутри гор Кавказских большей частью в вершинах реки Черек в тылу Большой Кабарды, в одном месте с Чегемами и Осетинцами...

Пространство земли гор с точностью определить не возможно. В 1770 году кабардинцы полагали в них до 2000 семейств, 1779 году профессор Гильденштедт находил до 1200. В 1794 году генерал-майор ... – 1000, и профессор Ренних считал их 1450 семейств.

Главное селение их называется Басиат, большое и богатое, по имени коего их грузины и все позже называют Басианы. От сего селения зависит как ... селение Малкар, именем коего называется все сие племя. Причем примечаются мелкие деревни, их суть: (названия неразборчиво).

Балкарцы имеют древних собственных владельцев по имени Басиат, которых и кабардинцы в сем достоинстве почитают там, что владельцы вступа-

ют с ними в родственные связи. Балкарцы богаче всех горских ... , они живут спокойно, не воруют, ни с кем не воюют ...

Кабардинцы утверждают, что балкарцы жили на теперешних местах и тогда, как черкесы в кабардинской земле еще не поселились, и что они вместе с Чегемами .(далее неразборчиво).

В 1787 году Балкарские народные владельцы Исса, Карыулз, Мауст и Сколты явились генерал-поручику Потемкину с ... о подданстве с тем чтобы дана им была защита от нападения кабардинцев...

Чегем племя татарское, употребляющее татарский язык, обитают в горах в вершинах реки... В 1770 году кабардинцы полагали Чегемов до 1000 семей. В 1779 году профессор Гильденштедт считали 360 семей, профессор Ренних 300 семей. Чегемы веру держат магометанскую.

Селений у них считают 11. Они владельцев собственных не имеют, а принадлежат Большой Кабарде владетелям, роду Атажукиных, который подать с них берет по своему изволению...

Кабардинцы утверждают, что чегемцы были народ сильный. Они и Балкары ... зашли в горы.

Балкары, или как сами себя зовут, малкары, народ соплеменный кумыкам, и следовательно хазарский, употребляет кумыкский , заимствовавший некоторые ... их соседей. Обитают в вершинах реки Черека Большой Кабарды (в соседстве с осетинами и карачаевцами, от коих отделяют их одни Черные горы на 1/2 дня пути. Через ... снеговых гор начинается позади Балкар имеретинская область Рион, куда на реку Рион имеется из Балкарии дорога.

Население сего племени простирается до 2000 домов (у Г. – 1200).

Главное селение их называется Басиат, носит их владетелей фамилии. По сему грузины называют сие население Басианами. Зависящие от главного прочие ... селения суть: Малкар, Ишканты, Шау-арда, Хурды, Гобсарт, Адшалга, Мохаул и Холам.

Балкарцы имеют древних собственных владельцев фамилии Басиат, которые подобно владельцам ... и кабардинские владельцы вступают с ними в родственные связи. В 1794 в сей фамилии Басиат считалось до 26 человек, и старший между ними был Солтан-мит-Коншаов, а по нем Муса Ахматов, Девлетуко Алаганов и Бингор Гургокаев. Сии владельцы имеют своих узденей. Правление гор во многом подобно кабардинскому .

Балкарцы считаются богаче всех прочих горских жителей, имея изобильное хлебопашество и скотоводство. А воровством не занимаются и ни с кем не ведут войны. Будучи ... они ездят для торговли в Грузию и Имеретию. Дома имеют каменные.

Как они непосредственно граничат с Большую Кабардой и не имеют другого прохода в линию Кавказа как через Кабарду, то ... по сей причине, чтобы быть менее тревожимы от воинственных кабардинцев, балкарцы дают с давних времен в виде дани по одному барану Большой Кабарды владель-

цам... ...кабардинские владельцы должны между собою по притеснений им ... Однако по неспокойному духу кабардинцев они нередко простирали претензии свои на балкарцев, о чем особенно ... балкарцы ... свои российскому правительству 1787–1794 гг., представив себя в Российское подданство и просят дать им от кабардинцев защиту, но дело потом обошлось без сей меры.

По преданиям кабардинским и балкарским, сей народ еще до 15 века вышел из мадьяр совокупно с Чегемами...

Веру магометанскую содержат в Балкарии одни владельцы, сколько для приобретения узденей себе... но простой народ с древних времен находится в христианском ... (о посте, развалинах церквей неразборчиво).

Чегемы, народ соплеменный малкарцам или балкарцам и следовательно Хазарский, употребляет единый с балкарскими наречиями язык. Обитает в тылу Большой Кабарды в вершинах речки Чегема и по впадающей в Баксан речке Гунделен, имея соседями к востоку Малкар.

Население сего племени простирается до 1000 домов, в 11 селениях.

Чегемы поселились на настоящем месте в древности из мадьяр, были некогда народ сильный. А черкесы занимали землю хазар - кабардинскую в 15 веке, долго вели сними войну и в помощь кабардинцам пришел со своими войсками Шамхал Тарковский властитель Дагестанский. Тогда Чегемы лишились своих природных владельцев и сделались принадлежащими Большой Кабарде владельскому роду Атажукиных, который налагает на них повинности по своему соизволению, и Чегемы считаются ... имеют веру магометанскую ...

РГВИА. Ф. 482. Д. 192. Л. 135–143.

№ 70

Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев. Извлечение по судопроизводству (1807–1822).

…6. Никто ни о каком деле не может просить кадия скрытно: истец и ответчик обязаны просьбы свои и жалобы приносить оба, в чем только в состоянии разрешить их кадий; если же кто один будет у кадия просить объявления преждевременно, чем может дело кончиться, то при дознании об этом проситель подвергается штрафу 20 руб. серебром; равно и кадий тому же штрафу подлежит, при допущении просителя вопреки этого правила; эти штрафы берет в пользу свою валий, т.е. главный князь.

7. По явке к кадию просителя и ответчика в каком-либо деле кадий приказывает в доказательство выставить свидетелей, которые должны пред-

ставиться в течение 15 дней; по неявке их в срок отказывается просителю в просьбе; представление свидетелей по истечении 15 дней в уважение не принимается.

8. Когда прежде какое дело было решено шариатом, или третейским судом, или по согласию, в таких делах просьб возобновлять и разбирательства не делать.

9. Если какие-либо дела решены эфендием, недовольная сторона не вправе просить другого эфендия о перерешении, к чему он и приступить не смеет, равно не вмешиваются в деле кабардинцев посторонние эфенди из кумык и прочих, под опасением платежа в штраф 10 руб. серебром.

10. Прежде было в Кабарде два мехкемэ, то есть «суда»: один в Мисостовой и Атажукиной фамилиях, другой в Бекмурзиной и Кайтукиной, и один другому не препятствовал в разбирательствах, а всякий судил свой народ, исключая просьб, по которым решалось дело по просьбе одного просителя, при неимении ответчика; это оставлено в своей силе, с добавлением, в случае принадлежности истца к одной мехкемэ, а ответчика к другой, дело разбирать по местонахождению ответчика.

11. По решению шариата виновный обязан платой претендателю в назначенный срок, в противном случае долг этот взыскивается через продажу имущества и сверх этого берется с виновного 20 руб. серебром штрафа…

…15. Эфенди и мулл, живущих в аулах, в случае обид, обязан во всем защищать главный эфенди, в мехкемэ присутствующий.

16. Если мулла решит дело в ауле, то решение это считается равным решению к мехкемэ, и никто оному противиться и перерешать не может…

…19. Дела, решенные до учреждения мехкемэ, ни в каком случае не возобновлять.

20. Дела, оказавшиеся нерешенными с учреждения мехкемэ, разобрать для оказания обиженным удовлетворения, исключая дел черни, которые обязан решить без замедления один валий и депутат, а на будущее время всякое дело в народе решать по шариату, за исключением претензий князя с узденями, узденей с их крепостными, так как они, по желанию их, предоставлены разбирательству по древним обрядам…

…27. Мехкемэ есть суд, в котором старший судья – валий, членами два или три князя, прочие же члены из узденей, очередующихся каждый на три месяца, всех вообще 12 членов, в том числе секретарь и кадий…

Ногмов Ш.Б. История Адыхейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 152–169.
Опубликовано: Антология памятников права народов Кавказа. Т. 1.
Памятники права адыгов (черкесов) и акты органов Российского государства.
Ростов н/Д.: Изд. СКАГС, 2009. С. 97–105.

№ 71

Прокламация генерала А.П. Ермолова от 29 августа 1822 г.

Восстановляя порядок в Кабарде и учреждая чрез земли оной новую линию для охранения жилищ наших, с тем вместе признаю я полезным для собственного благословения вашего и разбора случающихся дел между вами установит суд.

Вследствие чего, составив предварительное начертание правил: для суда во временном наставлении, при сем для руководства вашего препровождаемом, членами сего суда назначаются:

Председателем владелец подполковник Кучук Джанхотов.

Судьями: кадий по выбору владельцев и узденей. Владельцы: Гаджи Мурзабек Хамурзин, капитан Темир Булат Атажукин.

Губернский секретарь Касай Картулов.

Из узденей: от малой Кабарды Али Мурза Коголка, Беслань Куденетов, Али Конов.

Секретарем: капитан Якуб Шарданов и чиновник российский для поверки журналов. Означенный суд иметь быть на р. Нальчике. Открытие его и надлежащее по управлению его со стороны начальства содействие поручено от меня артиллерии полковнику Копареву.

Чиновник сей, быв поставлен мной начальником всех войск, в землях кабардинских расположенных, будет назидать общее всех вас благо состояние и порядок и для того требуется со стороны вашей должное к требованиям его внимание и послушане.

Жалованье судьям и на прочее сумму по назначению в наставлении, имеет каждый получатель, по окончании всякой трети, от г. Коцарева.

Антология памятников права народов Кавказа. Т. 1. Памятники права адыгов (черкесов) и акты органов Российского государства. Ростов н/Д.: Издательство СКАГС, 2009. С. 141–142.

№ 72

1827 г. 11 января – Обращение к командующему войсками ген.-лейт. Эмануелю уполномоченных старшин от чеченцев [правильно – чегемцев], балкарцев, дигорцев и др. О принятии этими народами присяги на верность его имп. вел. с представлением списка присягнувших

Мы нижеподписавшиеся уполномоченные старшины от народа рузбиевцов, Мурзакул Русбиев, от чеченцов Кел-Мамбет-Баймурзов, от хуламцов и бизинги Магомет Макшанов, от болкрцов – Арслан Аджи Карабугоков, Соза Саватов и Татархан Туганов – быв отправлены к вашему превосходительству для испрошения покровительства и защиты всероссийского великого государя императора Николая Павловича яко поставленного от него наместника с тем ежели наше прошение принято буде, то как мы равно и весь народ за отдачею уже аманатов детей наших принес и на верность подданства присягу всероссийскому великому государю Императору Николаю Павловичу и наследнику его государю великому князю Александру Николаевичу и затем буде готовы и на службу его величества, если в том мы востребованы будем на что и имеем ожидать решения вашего превосходительства генваря 11 дня 1827 года.

По подлинному переводу значится за неумением нами никакой грамоты присланные от упомянутых народов посланники старшины Мурзакул Русьбиев, Кельмамбет Баймурзов, Магомет Ивакманов, Арслан Аджи Жанхотов, Касай Кубатиев, Довлотука Абисалов, Биногер Карабуков, Созо Соватов и Татархан Туганов приложили перстами чернильные знаки.

Верно: Генерал-лейтенант Емануель.

Копия

Ведомость о числе дворов дигорских и прочих народов, новопокорившихся русскому правительству

Звание народа	**Число дворов**	**Присланные от них старшины**
Дигорцы, живущие в горах и на плоскости	1000	Касай Кубатиев, Довлетука Абисалов, Бингар Карабугоков, Созо Саватов, Татархан Туганов

Балкарцы	400	Арслан Аджи Жанхотов
Чеченцы	200	Кельмамбет Баймурзов
Гуламцы и	1000	Магомет Шакманов Мурзакал
бизинги	100	Уруспиев
Уруспиевцы		
Всего:	1800	

Верно: Генерал-лейтенант Емануель.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 16–17.
Опубликовано: Материалы по истории осетинского народа.
Т. II. Орджоникидзе, 1942. С. 126–127;
Документальная история образования многонационального государства Российского.
В 4-х кн. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках /
Под ред Г.А. Бондаревского и Г.Н. Колбая. М.: Норма, 1998. С. 450–451.

№ 73

1827 г. 11 января. – Копия письма ген.-лейт. Эмануеля уполномоченным старшинам от народов дигорского, чеченского [правильно – чегемского], балкарского и др. О согласии принять эти народы в русское подданство при условии принятия ими присяги и представлении аманатов

На поданные мне сего 1827 года генваря 11 числа именем всех народов прошения о покровительстве и защите великого государя императора всея России и иных земель обладателя с тем есть ли сие даровано будет то за отдачею аманатов имеют и все народы: Дигорский, Чегемский, Болкарский, Хуланский, Бизингинский и Уруспиевский принесть присягу на верноподданство великому государю всея России и иных земель обладателю и наследнику его государю и великому князю Александру Николаевичу и затем будут готовы и на службу его величества если востребованы будут, сим ответствую зная благое желание всероссийского великого государя императора Николая Павловича с коим его величество дарует мир и благоденствие всем покорящимся его высокой державе я принимаю от вас верноподданническую присягу всероссийскому великому государю императору Николаю Павловичу и наследнику его государю великому князю Александру Николаевичу, изъявляя сим Дигорскому, Чегемскому, Болкарскому, Хуламскому, Бизингинскому и Уруспиевскому народам покровительство, всякую справедливую защиту, для чего и предоставляю старшинам Дигорским: Касаю Кубатиеву, Довлетуку

Абисалову, Биногеру Карабугокову, Созо Саватову и Татархану Туганову, Чегемскому Кельмамбету Баймурзову, Болкарсокму Арслану Аджи Жанхотову, Хуланскому и Базингинскому Магомету Шакманову и Уруспиевскому Мурзанулу Уруспиеву, по возвращении к своим народам тотчас привести оные на верноподданство к присяге доставив оные ко мне сколь возможно поспешнее чрез господина Швецова и объяснив в оных согласно желанию народа готовность к службе его величества по первому востребованию Российского правительства если бы в том предстояла надобность аманатов от всех народов – разделяющихся на разные фамилии как то: дигорцев от пяти – одного, балкарцов от двух одного, чеченцев от трех одного и холамцев и бизингов одного, взять с тем чтобы переменять ежегодно я не могу согласиться, но доставить от каждой фамилии порознь по одному. О прочих же просьбах ваших по рассмотрении в след за сим последует особенное решение. Во уверение сего, дано сие в благополучном городе Ставрополе генваря дня 1827 года.

Подлинный с переводом на турецкий язык, на подлинном полный титул, подпись и приложена печать генерала-лейтенанта Емануеля.

Верно: генерал-лейтенант Емануель.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Ф. 846. Оп. 16. Д. 6200. Л. 18–19.
Опубликовано: Материалы по истории осетинского народа.
Т. II. Орджоникидзе, 1942. С. 127–128;
Документальная история образования многонационального государства Российского.
В 4-х кн. Кн.1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках /
Под ред. Г.А. Бондаревского и Г.Н. Колбая. М.: Норма,1998. С. 452.

№ 74

1829 г. А.Я. Купфер «Описание Кабарды». Извлечение

Черек впадает в Баксан, в вершине оной живут Балкарские татары до 300 домов – Холамские и Безенгиевские татары поселены на речке Черек, которая ниже соединяется с первою, числа же домов последних не более 100 – от сих тоже находится в крепости Нальчикской аманат – от первенствующих старшинских фамилий.

Народ сих трех обществ ведет оседлую жизнь и покойно.

...Чегем в 7 верстах от Шелуха впадает в Баксан, в вершине коей живут Чегемские татары до 400 домов, от которых старшинских фамилий сего общества были взяты аманатчики, а в сем году от последних мною истребованы и все содержаться в Нальчике.

...Баксан в 7 верстах от Афебха впадает в реку Малку, в вершине которой живут Орусбиевские татары до 60 домов мирные, от коих находятся в Нальчике аманатчики из фамилии Мурза Кула.

Болкарские, Холамские и Безенгиевские татары ведут себе в отношении и к русским и к кабардинцам покойно...

Чегемские татары, половина была покорена прежде русскими и имела аманатчиков, другая же столь же сильная находилась не под зависимостью нашею приставшая к одному старшине Кучуку Коншавову, который имел тесную связь с карачаевцами заграничными жителями, часто допускал закубанцев проходить через свои земли и доставлял способ им делать набеги в Кабарде осенью прошлого года, от него силою взят сын его малолетний в аманаты, а сам с народом на верность подданства приведен к присяге с приличными для правительства российского условиями.

Урусбиевские татары до 70 домов народ мирный и подчиненный России. Старшина оных по происхождению из княжеских фамилий – Мирза Кул один из преданнейших Правительству нашему.

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПб. ФА РАН). Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 2–8 об.

№ 75

1829 г. 1 ноября – Рапорт Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерала от кавалерии Эммануэля

Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории. 1 ноября 1829 г.

Генерал Квартирмейстеру Главного штаба Его Императорского Величества Г-ну Генерал Лейтенанту Генерал адъютанту и кавалеру Сухтелену

Согласно рапорту Вашего Сиятельства от 30-го сентября на присланной Вами карте отделены граничной краской все покорные нам Горские народы живущие по сию сторону Кавказа от непреданных еще России, присовокупив к оной карте подробную Ведомость о числе присягнувших на верноподданство Государю императору Горских народов при сем к Вашему Сиятельству препроводить честь имею.

Генерал от кавалерии Эммануэль

Ведомость

О числе деревень, семейств и душ в оных Горских жителей, принявших присягу на верноподданство Государю императору Николаю Павловичу и наследнику его с прошлого 1827-го года по сие число августа 20 дня 1829 года

Означение времени принятия присяги и племени народов	**Число деревень**	**Число семейств**	**Число душ обоего пола**	**Означение числа аманатов и мест в которых они содержаться**
В том же году [1827] последовали примеру их [тагаурских старшин]	2	300	1800	
Балкарские владельцы с подвластными				аманатов выдано 2
Урусбиевцы в числе	1	88	528	аманат выдан 1
Чеченцы [Чегемцы]	1	150	900	аманатов выдано 3
Хуламцы	1	60	360	аманат выдан 1
Безенгиевцы	1	60	360	аманат выдан 1

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6244. Л. 23.

№ 76

1837 г. Документ из переписки о наделении кабардинцев землей и о утверждении древних обычаев горцев

Господину Полковнику Короткову

Флигель Адъютант Его Императорского Величества, Гвардии Полковник Хан-Гирей представил Г. Военному Министру Всеподданнейшее прошение, поданное Государю Императору депутатами от обществ в командуемой вами линии состоящих.

Прошение то Его Величество благоизволил разрешить так.

Обществам дигорцев, Балкарцев, Безенгиевцев, Хуламцев, Чегемцев и Урусбиевцев, просящих о сохранении прав их на земли, веру и обычаи предков, отвечать, что никто не думает лишать их сего, но награды всегда последуют верной службе; что касается до возвращения аманатов, солдат,

преступников, то это не иначе допускать как по усмотрению местного начальства.

Подлинное подписал генерал-лейтенант Граббе

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 20–20 об.

№ 77

1837 г. Всеподданнейшее прошение, поданное Государю Императору депутациями от обществ Дигорцев, Балкарцев, Безенгиевцев, Хуламцем, Чегемцев и Урусбиевцев. Документ из переписки о наделении кабардинцев землей и о утверждении древних обычаев горцев

Копия

Могущественный всюду прославленный Великий Государь

Мы дигорцы, Балкарцы, Безенгиевцы, Хуламцы, Чеченцы (Чегемцы) и Урусбиевцы, обрадованные вестью о твоем намерении посетить наш край, узнать наши нужды воззвали искренние мольбы всевышнему о даровании тебе Государю нашему…

Великодушный Государь! Мы дерзали повергнуть к стопам твоим всеподданнейшие наши просьбы о нижеследующем

1-е. Оставь нам …наше вероисповедание.

2-е. Дозволь нам разбирательство дел производить по древним нашим обычаям.

3-е. Дозволь нам беспрепятственно пользоваться теми землями, коими до сего времени мы пользуемся.

4-е. Оставь родовые преимущества и звание тем в наших племенах, которые таковыми с незапамятных времен доселе пользовались.

5-е. Повели возвратить к своему семейству Балкарца Алибека Абаева, назад тому 8 лет отданного в солдаты…

За неумением грамоты прилагаем своими пальцами чернильные знаки. Депутаты вышеупомянутых обществ: Касай Кубатиев, Асланмурза Туганов, Магомет Абисалов, Бинагор Карабугаев, Ислам Карасаев, Хату Мисаков, Хаджи Аслан Джанхотов, Асланбек Суншев, Актуган Шакманов, Махмет Балкароков, Каншово Кунчуков, Ибрагим Келеметов, Шампало Урусбиев.

Переводил с арабского поручик Шимхалей

Сверил управляющий Отделением Журавлев

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 13–13 об.

№ 78

Из обзора Кавказской линии о территории и управлении Центра Кавказской линии 1842 г.

Разделение в отношении кордонной части

Относительно кордонной части Центр разделяется на следующие части: Кисловодская линия, Внутренняя Кабардинская линия, Передовая Кабардинская линия, Военно-Грузинская дорога.

1. Кисловодская линия начинается от верховьев р. Кумы, верстах в 20 от Кубани и укр. Хумаринского, постом Верхне-Кумским, и идет частью сухим рубежом, большею же частью по р. Малке до поста Соленобродского, между станицами Новопавловскою Волгского и Солдатскою Горского казачьих полков, и заключает в себе все земли Волгского казачьего полка. К Кисловодской линии принадлежат следующие укрепления: Боргустанское, Кисловодское, Георгиевское и Каменный Мост на р. Малке.

2. Внутренняя Кабардинская линия начинается от поста Соленобродского и идет Малкою и Тереком до поста Озерного, находящегося в четырех верстах за городом Моздоком, и заключает в себе земли Горского казачьего полка. К Линии этой принадлежит Екатериноградское заречное укрепление и, кроме того, город Моздок в последнее время приведен жителями в оборонительное положение.

3. Передовая Кабардинская линия идет от укрепления Каменный Мост на Малке до Уруха и занимает ущелья, выходящие от Главного хребта гор на Кабардинскую плоскость. Она состоит из следующих укреплений: Баксанское, Мечетское, Чегемское, Нальчикское, Урванское и Черекское. Из числа сих укреплений Нальчик есть местопребывание начальника Центра Кавказской линии.

4. Военно-Грузинская дорога. Линия Военно-Грузинской дороги идет от Екатеринограда вверх по левому берегу Терека до впадения в оный р. Архонки, откуда уже начинается Управление Владикавказского коменданта. Сверх находящегося на Военно-Грузинской дороге поселения Владикавказского полка устроено на оной еще три военных поселения: Александровское, Котляревское и Николаевское. Поселения эти не зависят от начальника Центра, а управляются каждое своим частным начальником, которые все находятся в непосредственном ведении Владикавказского коменданта. Ныне высочайше повелено как эти поселения, так и Малороссийский № 1 полк причислить к Владикавказскому полку и все части эти переформировать в один полк, который и будет называться Владикавказским линейным.

Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сборник документов / Гл. ред. А.Х. Каров. Нальчик, 2000. С. 14, 16, 17.

№ 79

Рапорт начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Голицына командиру отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии Нейдгарту

Получив предписание Вашего Высокопревосходительства объявить кабардинцам, что за преданность ими неоднократно обнаруженную и за готовность по первому призыву начальства явиться на сборное место, Государь Император Всемилостивейше соизволил им пожаловать знамя, я собрал в Нальчик всех членов Кабардинского временного суда, князей и старших узденей, дабы поставить их в известность о новом блистательном доказательстве благоволения Его Императорского Величества к кабардинскому народу.

Я не в силах изъяснить восторга, с которым было принято это объявление, тут же решено ознаменовать событие, глубоко врезавшееся в благодарные сердца жителей всей страны, народным празднеством и 6 декабря день тезоименитства императора, было избрано для изъявления пред лицом всех горских народов, прилегающих к Кабарде, признательность её к обожаемому монарху.

За несколько дней до торжества начали съезжаться в Нальчик бесчисленные толпы кабардинцев и старшины прочих племен со свитою. Они поместились частью в форштадте, а частью в Вольном ауле, расположенном против укрепления на правом берегу реки, и были угощены роскошно из обильных запасов, приготовленных на этот случай. 6-го декабря, по окончании молебства и церковного парада, я переправился через реку к ожидающему народу и поздравил его с Высочайше оказанную ему милостью, был встречен криками восторга, потрясающими всю окрестность; более чем на квадратную версту расположены были массы гостей; мед, пиво, хлеб и разные яства, изготовленные на азиатский манер сорока поварами кабардинскими, присланными князьями в продолжении трех суток, приводили в изумление всех присутствующих неимоверным изобилием своим. Когда был подан знак к начатию пиршества, то всякая из княжеских фамилий, числом четыре, занялась угощением определенных в ее ведение гостей и с порядком, заслуживающим удивления при таком огромном сборище разнородных людей, оставила довольными с избытком от первого до последнего.

Князья, уздени и старшины других народов, как-то: малокабардинцев, чегемцев, балкарцев, дигорцев и прочих, угощались по домам также по-азиатски, но с примесью европейской роскоши, т.е. чаем, который видимо входит в число жизненных потребностей у достаточных горцев.

Беспрестанно подъезжали новые толпы народа, опоздавшие по причине отдаленности; для таковых была приготовлена пятая часть в угощении и они прямо к ней были направляемы для избегания всякого беспорядка,

особыми распорядителями, на этот предмет назначенными из почетных кабардинцев.

Наступил вечер! Приглашенные князья, уздени кабардинские и все прочие старшины, числом до трехсот человек наполнили дом мой и любовались европейскими танцами, в которых принимали участие офицеры азиатские, бывшие в Петербурге; другие плясали лезгинку, непринужденная веселость оживляла всех и каждого, а между тем народ продолжал ликовать. В девять часов ракетой был подан сигнал к фейерверку, который изготовлен в Георгиевском арсенале, и расположен был таким образом, что и народ, и находящиеся в танцевальном зале, одинаково могли видеть. Радость неподдельная разлилась по всей массе пирующих при этом неожиданном зрелище! Прекрасная погода, благоприятствующая празднеству, позволила, чтобы его из залы смотрели в открытые окна; фейерверк продолжался около часа, любопытство и восторг постепенно возрастали, но при появлении венценосного имени Высочайшего виновника торжества, «Ура!» дружно вырвавшееся из уст всех присутствующих в залах русских и горцев, повторилось на том берегу реки могучим отголоском густой массы народа, числом более семи тысяч человек.

В два часа пополуночи разъехались гости с бала, но народный пир прекратился с рассветом, и не ознаменован ни одним случаем, который бы обличил отсутствие порядка.

На другой день почетные из кабардинцев и других племен собрались у меня и благодарили снова за невиданный доселе прием и радушное угощение, о котором известие скоро долетело во внутренности гор – потом все разъехались по домам, довольные и прославляя щедрость великого монарха России, отыскивающего в отдаленнейших пределах неизмеримой империи своей, заслуги верных слуг кабардинцев для оказания им милости, которой справедливо гордиться будут их поздние потомки.

Донеся обо всем этом Вашему Высокопревосходительству, я долгом считаю присовокупить, что празднества, которым признательная Кабарда ознаменовала радость свою за Высочайшее благоволение ей оказанное, должно иметь полезное влияние на горские народы, я постарался его учредить в таком размере, чтобы оставить о нем память в крае и дабы всякий из приглашенных, от мала до велика, остался совершенно довольным; кажется я успел в этом, потому что несмотря на обильное продовольствие всех без изъятия гостей в продолжение пребывания в Нальчике, каждый из них мог увезти в дом в доказательство роскошного гостеприимства, им встреченного в Кабарде.

Подписал генерал-майор князь Голицын
№1697 14 декабря 1843 года

Екатериноград ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 252. Л. 5–7.

№ 80

Грамота, дарованная Николаем I кабардинскому народу на пожалование знамени 2 марта 1844 г.

«Божиею милостию Мы, Николай Первый, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Нашим верноподданным кабардинским жителям. Постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия противу враждебных горцев, оказываемые кабардинскими жителями, обратили на себя особенное наше благоволение. В ознаменование коего Всемилостивейше жалуем кабардинским жителям почетное знамя, которое, препровождая при сем, повелеваем хранить оное, как знак Монаршего Нашего внимания, и в случае надобности, употреблять при ополчении против неприязненных Империи Нашей народов. Пребываем Императорскою Нашею милостию к кабардинским жителям благосклонный НИКОЛАЙ»

Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 126–127.

№ 81

1852 г. Переписка о направлении в Санкт-Петербург депутации от горских племен прилежащих Большой Кабарде

Отношение Директора Канцелярии Военного Министерства от 5 мая № 3917 1852 г. Его Превосходительству В.П. Буткову

Милостивый государь, Владимир Петрович.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу отношения г. Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом от 7-го минувшего апреля №529 по просьбе прилежащих к Большой Кабарде горских племен: Балкарского, Чегемского, Хуламского, Безенгиевского и Урусбиевского, о дозволении им, по примеру окружающих их народов отправить из Среды своей депутацию в С.Петербург, дабы иметь счастие представиться Государю императору, изволит изъявить свое согласие на исполнение желания означенных горских племен.

О сей монаршей воле, сообщенной генерал-адъютанту князю Воронцову для зависящего распоряжения, имею честь, по поручению г. Военного Министра, уведомить Ваше Превосходительство, для сведения по Канцелярии Кавказского и Сибирского Комитетов.

Отношение Директора Канцелярии Военного Министерства от 21 октября №9416 1852 г. Господину управляющему делами Кавказского и Сибирского комитетов

Отношением от 5 минувшего мая №3917 имею честь уведомить Ваше Превосходительство о Высочайшем Государя Императора соизволении по прибытии в Санкт-Петербург депутатов от Балкарского, Чегемского, Хуламского, Безингиевского и Урусбиевского племен.

Ныне главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом уведомил, что означенные депутаты будут отправлены в начале будущего декабря, дабы они могли воспользоваться санным путем и успеть возвратиться в свои земли к весне для сельских занятий.

О сем отзыве генерал-адъютанта князя Воронцова, доведенном до Высочайшего Государя Императора сведения, имею честь по поручению г. Управляющего Военным Министерством, уведомить Ваше превосходительство для сведения по Кавказскому Комитету.

Директор свиты Его Императорского Величества, генерал-майор.

Отношение Управляющего Военным Министерством от 3 января №40 1853 г. Господину управляющему делами Кавказского и Сибирского комитетов

Государь Император удостоил благосклонным приемом прибывшую ныне в Санкт-Петербург депутацию от горских племен, сопредельных Большой Кабарде. Высочайше повелеть соизволил:

1. Согласно ходатайству Генерала от Кавалерии Завадского, старшин племен Чегемского : Махака Малкарова и Джулай Келеметова; Балкарского: Кучук Мисакова, Кайт Мирзу Айдебулова, Хамзу Шаханова, Бек-бий Абаева и Чепало Амерханова; Урусбиевского: Исмаила Урусбиева; Хуламского: Умара Шакманова и Безингиевского: Чекана Суншева – произвести в прапорщики с назначением всем сим лицам жалования по 75 рублей в год, и Чегемского племени прапощика Кучук Баймурзова произвести в подпоручики, с назначением ему жалования до 90 рублей серебром в год.

Управляющий Военным Министерством,
генерал-адъютант, князь Долгорукий.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 6. Д. 223. Л. 1-7.

№ 82

1853 г. января 6. – Рапорт управляющего военным министерством главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом о восстановлении титула таубий феодалам Балкарии и об отклонении просьбы обществ о земле

Прибывшие ныне в С.-Петербург депутаты от горских племен: Чегемского, Хуламского, Балкарского, Безенгиевского и Урусбиевского предъявили две просьбы, заключающиеся нижеследующем:

1. Высшее сословие их до поступления под покровительство Российского престола именовалось таубий (горский владелец); со времени же принесения верноподданнической присяги называются они старшинами; не понимая настоящего названия старшин, они просят именовать их прежним именем «тау-бий», названием понятным для подвластного им народа.

2. С постоянно увеличивающимся народонаселением, они чувствуют крайний недостаток в земле, а потому просят, дабы в распоряжение их были отданы участки земли, находящиеся близ обитаемых ими гор, выше лесов, отделяющих их племена от владений кабардинцев, и которыми в настоящее время никто не пользуется.

Государь император по всеподданнейшему докладу сих прошений, высочайше повелевает, соизволил: сообщить об оных на усмотрение Вашей светлости.

При сем его императорское величество изволил присовокупить, что со своей стороны его величество не находит препятствия к удовлетворению первой из сих просьб, а разрешение второй будет зависеть от тех соображений, которые будут сообщены Вашей светлостью.

О заключении Вашей светлости по сему предмету, я буду иметь честь ожидать почтеннейшего доклада.

Подписал: Генерал-адъютант князь Долгоруков

Скрепил: Директор свиты его императорского величества генерал-майор барон Вревский

Верно: губ. секретарь – (подпись)

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 854. Д. 14. Л. 57–58.
Опубликовано: Документы по истории Балкарии. 40–90- гг. XIX в. / Сост. Е.О. Крикунова. Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1959. С. 51–52.

№ 83

1857 г., 10 Декабря.
Высочайше утвержденное положение Кавказского Комитета, объявленное Сенату министром юстиции. – О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа

Государь Император, по представлению Наместника Кавказского и Главнокомандующего Кавказскою Армией, признав, по местным обстоятельствам, необходимым сделать некоторые изменения в управлении покорными племенами Кавказа, согласно положению Кавказского Комитета, Высочайше соизволил повелеть:

I. На правом крыле Кавказской линии, вместо существующих ныне шести Приставств, образовать четыре, и именно Приставства:

а) Нижне-Прикубанское, б) Закубанских Нагайцев, в) Тахтамышевское и г) Карачаевское.

I. На левом крыле Кавказской линии:

1. Все покорное население разделить по племенам на четыре округа: а) Кабардинский, б) Военно-Осетинский, в) Чеченский и г) Кумыкский.

2. Для управления каждым из сих округов назначить особого Начальника, в чине Полковника или Генерал-Майора, подчинив его непосредственно Командующему войсками левого крыла.

3. Для судопроизводства, разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени, в каждом округе учредить Народный Суд из постоянных членов, по примеру уже существующего ныне Чеченскаго Суда в крепости Грозной.

4. Сему Народному Суду в каждом округе состоять под председательством Начальника округа, из Главного Кадия и нескольких депутатов, назначаемых от всех отдельных обществ, входящих в состав округа. Адъютант Начальника округа есть вместе с тем и Делопроизводитель Суда;

5. Круг действия Начальника округа, обязанности его, права и власть, равно как и Помощников его и Народных Судов определить в свое время подробною инструкциею;

II. Местное управление покорными племенами Кавказа в прочих за тем частях края оставить в настоящем положении.

Вместе с сим Его Императорскому Величеству благоугодно было, в 10-й день Декабря 1857 года, удостоить Высочайшего утверждения штат местных военных управлений покорными племенами Кавказа.

ПСЗ–II. Т. XXXII. Отд. 1-е. № 32541. С. 995–996. Опубликовано: Административная политика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии): Сборник документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахизде. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 183–185.

№ 84

П. Юдин

ВЕРНОСТЬ КАБАРДИНЦЕВ РУССКОМУ ПРЕСТОЛУ В ЭПОХУ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ. Къ 300 летію ДОМА РОМАНОВЫХЪ. Извлечение

Составлено, из основаній документовъ, извлеченныхъ изъ Главнаго Московского архива Министерства Иностранныхъ делъ, П.Л. Юдинымъ, хорунжимъ Оренбургского казачьего войска. Изданіе Кабардинского Народа. Владикавказ, Электро-Типографія П.К.Григорьева, 1913 г.

Кабардинскій народъ съ давнихъ поръ тесно связанъ съ своей покровительницей Россіей не только узами взаимныхъ дружескихъ отношеній, но даже союзами родства и братскаго единенія...

И хотя черкесы пятигорскіе приняли подданство Россіи въ 1552 году, а кабардинцы – въ 1557-мъ; однако правительство московское считало ихъ «старинными холопами государя» потому собственно, будто они бежали «изъ прародителей государя нашего отчины, изъ Рязанской земли, и въ горахъ вселились»...

Само собою разумеется, что, сражаясь рядомъ съ своими покровителями противъ исконныхъ враговъ и разорителей своихъ, кабардинцы невольно должны были сближаться съ своими защитниками и заимствовать отъ нихъ семена мудрости и корни современного просвещения.

Такъ какъ Московское государство весьма милостиво относилось къ черкесамъ, то многіе изъ ихъ князей и мурзъ, подобно царевичамъ другихъ странъ, выезжали «на Москву», устраивались тамъ и принимали христіанство, утраченное ихъ предками после паденія Греческой имперіи, когда, завладевшіе Византіей, османиды и крымскіе ханы старались огнемъ и мечомъ насадить вместо него магаметанство...

Но всего больше способствовалъ сближенію Россіи съ кабардинскимъ народомъ, состоявшійся въ 1561 году, бракъ царя Іоанна съ дочерью князя Темрюка – Маріей, который заставилъ россіянъ смотреть на кабардинцевъ, какъ на близкихъ, на родныхъ своихъ. Помимо укрепленія родственныхъ отношеній, бракъ этотъ имелъ еще громадное политическое значеніе, какъ для Московскаго государства, такъ и для самихъ кабардинцевъ.

Раздираемая, вследствіе мелкихъ владельческихъ подразделеній, внутренними междуусобицами и посягательствами со стороны турокъ, крымцевъ, шамхальцевъ и персіянъ, земля ихъ могла легко подпасть подъ другое иноземное вліяніе и утратить свою родовую самобытность. Князь Темрюкъ, обладавшій, повидимому, «знатнымъ» умомъ и разсудительностью, решилъ

поступиться, можетъ быть, счастьемъ своей юной дочери, лишь бы спасти Кабардинскій народъ отъ порабощенія османидовъ и сохранить неприкосновенность исконныхъ владеній своихъ предковъ. Безъ сомнениія, онъ предвиделъ, что совершеніем такого важнаго акта сильнее упрочится связь Кабардинской земли съ Россіей, и скорее могутъ добиться обитатели ея отъ последней помощи и большаго покровительства.

Результаты этого сближенія не замедлили сказаться. Желая сделать своему тестю пріятное и выказать свое большее благоволеніе ему и подведомственному народу, царь Іоанн, по челобитью его, прислалъ въ 1563 году въ Черкасы воеводъ своихъ и съ ними многихъ московскихъ людей и 1000 стрельцовъ. «И воеводы, пришедъ, Темрюку князю городъ поставили и Темрюкъ въ томъ городе селъ».

Хотя по настойчивым требованіям султана Селима и хана Девлетъ-Гирея, городъ этотъ былъ срытъ въ 1571 году, однако царь Грозный не представлялъ покровительсьвовать родичамъ князя Темрюка, даже после смерти (1 сентября 1569) царицы Маріи Темрюковны, почему, для защиты кабардинцевъ, онъ вызвалъ съ Волги «вольныхъ» казаковъ, поселивъ ихъ станами по р. Тереку, «у Горячаго колодца».

Вместе с этими казаками и окочанами оберегали кабардинцы Кавказскій рубежъ отъ вражескихъ нашествій, не разъ ходили войною на шамхала Тарковскаго и другихъ царскихъ «непослушниковъ» и участвовали в войнахъ Россіи с Литвой, Польшей, шведами и Крымомъ.

Въ 1577 году, по челобитью князя Канбулата, былъ построенъ воеводой Лукъяномъ Новосильцевымъ другой городъ Терки на устье реки Сунжи, просуществовавшій, однако, только до 1580 года, когда по требованію Магометъ-Гирея, онъ былъ уничтоженъ, а находившійся въ немъ гарнизонъ переведенъ въ Астрахань. Темъ не менее, не смотря на интриги со стороны турецкаго и крымскаго дворовъ, не перестававшихъ заявлять свои притязанія на владенія кабардинцевъ и сманившихъ ихъ на свою сторону, последніе оставались верными Россіи и «служили и прямили» царями ея, какъ это подтверждается грамотами, данными въ апреле 1578 года мурзе Мамстрюку Айдаровичу и въ іюле 1588 г. на имя «черкаскія земли начальника, кабардинскаго князя Камбулата Айдаровича, кн. Даманука Темрюковича, кн. Очикана Камбулатовича, Илъ-Буздука Битуевича, кн. Онзарука и Сюнчалея Канклычевыхъ кн. Битемрюка и «всея кабардинскія земли князьямъ и мурзамъ».

После кончины (в 1584 году) царя Ивана Васильевича Грознаго, сынъ его, царь Федоръ Іоанновичъ также не переставалъ покровительствовать кабардинскому народу, который въ январе 1588 года опять прислалъ въ Москву посольство: князя Мамстрюка и мурзу Куденека съ изъявленіемъ преданности царю, покорности общей матери Россіи и непоколебимой верности трону русскихъ государей. Приехавшіе депутаты били челомъ, чтобъ царь Федоръ «взялъ ихъ подъ свою высокую руку», держалъ въ обороне отъ недруговъ,

«какъ ихъ держалъ отецъ его» и велелъ бы на Терке городъ поставить, а они «учнутъ служить всякія государевы службы и къ Крымскому, Туркскому и къ Шевкальскому не пристанутъ».

Не страшась угрозъ первыхъ двухъ владетелей, Федоръ Ивановичъ повелелъ построить два города: одинъ на устье р. Терека (Тюменке), другой-при впаденіи р. Сунжи. И какъ султанъ Муратъ потомъ не добился уничтоженія ихъ, желаніе его на этотъ разъ не было исполнено. Россія стала твердой ногой на Кавказе, все более и более распространяя свое вліяніе, покровительство и милость на тамошныхъ народовъ.

Съ этихъ поръ кабардинскіе князья и мурзы, съ своими узденями, по переменно, отправляютъ на службу въ Терскомъ городе, где впоследствіи (въ 1605 г.) образовалась даже особая слобода служилыхъ черкесъ, рядомъ съ другой слободой-Окоцкой.

Въ 1589-1590 г.г. терскіе воеводы, съ русскими ратными людьми, окочанами и кабардинцами, «теснили» шамхала Тарковскаго и отняли у него р. Койсу, на которой въ 1593 г. кн. Андр. Ив. Хворостининъ построилъ третій русскій городъ. Кроме того, въ 1590 г., по царскому повеленію, были отправлены на войну съ Швеціей отъ князя Солоха (Шолоха) 150 «панцырниковъ» о-дву-конь и 50 «ратныхъ людей», снаряженныхъ князьями Камбулатомъ и Мамстрюкомъ.

Съ прекращеніем царственной династіи Рюриковичей, кабардинцы остались верными трону и, по вступленіи (в 1598 г.) на царство Бориса Годунова, «также въ Терекъ с переменою аманатовъ давали». Для подтвержденія подданства своего, въ 1603 году отправился въ Москву мурза Сюнчалей Янгалычевъ и съ нимъ отъ князей Солоха и Казыя Шептуковыхъ 9 узденей, «бити челомъ, чтобъ его царь пожаловалъ, велелъ ему житии въ Терскомъ городе, а братья и племянники его живутъ своими кабаками въ Кабарде и съ узденями своими». Посольство было обласкано Борисомъ и награждено большими подарками. Сюнчалею пожалованы: «кубокъ двойчатъ серебрянъ, золоченъ» въ 3 гривенки и 20 золотн., «шуба бархатъ золотной» на соболяхъ въ 37 руб., «кафтанъ камчатъ желтъ» в 5 руб., однорядка «лундышъ червчата», съ золотнымъ кружевомъ и пуговицами серебряными» в 5 руб., в ту же цену «черная лисья шапка» и 50 руб деньгами. Девяти узденямъ дано каждому по суконной шубе на беличьемъ меху въ 5 руб., по шапке «ханененой» да по 2 руб. денегъ; а присланнымъ отъ Солоха и Казыя людямъ, кроме шубъ и шапокъ въ указанную цену, двухъ «лучшихъ» деньгами по 5 руб. каждому, а шести «другимъ» по 3 руб.

Наступившія вскоре затемъ на Руси бедственныя годины смутнаго времени, несмотря на угрозы персидскаго шаха Аббаса и непріязненные замыслы крымцевъ, не оттолкнули кабардинцевъ отъ своей покровительницы. Напротивъ, въ эту именно пору, они оставались более спокойными жителями Кавказа и не проявляли никакихъ враждебныхъ стремленій. Особенно со-

служилъ тогда большую службу, для поддержанія спокойствія на далекомъ рубеже, мурза Сюнчалей Янгалычевъ, начальствовавшій въ г. Терке надъ черкесскими служилыми людьми и пользовавшійся большимъ почетомъ и уваженіемъ среди прочихъ своихъ родичей.

Получивъ извещеніе о занятіи русскаго престола Лжедмитріем I, верный своему долгу, мурза Сюнчалей, признавая его, какъ и вся Россія, прирожденнымъ государемъ своимъ, поспешилъ въ Москву принести ему поздравленіе и засвидетельствовать о верности трону всего кабардинского народа. В сопровожденіи Батыя, мурзы Окуцкаго, своихъ и его узденей, онъ достигъ Москвы въ ноябре 1605 года. Новый «цесарь», въ воскресенье 15 декабря, принялъ его очень ласково и отпустилъ домой съ богатыми награжденіями.

Но не успелъ Сюнчалей прибыть на Терекъ, какъ тамъ уже открылось недовольсво среди русскихъ служилыхъ людей противъ царскихъ воеводъ. 300 терскихъ жилецкихъ казаковъ, во главе съ измышленнымъ ими самозванцемъ Петрушкой Муромцемъ, ринулись по Каспійскому морю къ берегамъ Волги, чтобы, соединившись съ тамошними казаками, идти на разгромъ Москвы для сверженія съ престола перваго Лжедмитрія.

Оставшіеся в Терскомъ городе ихъ сообщники, стрельцы астраханскіе, не скоро успокоились, и на первыхъ порахъ вступленія на престолъ (въ 1606 году) царя Василія Ивановича Шуйскаго отказались присягнуть ему. Дерзость ихъ дошла до того, что, когда, прибывшій изъ Казани на «годовую службу», стрелецкій голова Василій Хохловъ, съ своимъ «приказомъ», сталъ уговаривать ихъ подчиниться вновь избранному государю, – они схватили его, вместе съ братомъ Иваномъ, долго мучили и, ограбя до нога, посадили в тюрьму, где онъ просиделъ полтора года. Изменники смирились только после того, какъ получено было известіе о пораженіи подъ г. Тулой царскими войсками терскаго отряда и о захвате самозванца Петрушки. Въ мае 1607 года они принесли повинную и «царю Василію крестъ целовали».

Въ эту пору всеобщаго замешательства не принимали на Кавказе участія въ народномъ раздраженіи жившіе у «Гребеней» вольные казаки, называвшіеся Терскими, окочане да кабардинцы. В 1609 году князь Солохъ отправилъ даже посланника своего Кардана Яндарукова бить челомъ царю Василію о своей и народа своего верности. Но последній не достиг въ то время Москвы, такъ какъ ее окружали мятежные войска самозванца, избравшаго своимъ местопребываніем с. Тушино (въ 12 верс. отъ столицы). Подъ Тулой воровскіе казаки переняли Кардана, ограбили его, отняли у него грамоты отъ князя Солоха, а его самого привели к Лжедмитрію. Когда последній побежалъ к Калуге, туда потащили и кабардинскаго посланника. Только после убійства самозванца, онъ получилъ свободу и явился к воеводе Прокопію Ляпунову, который отослалъ его в Казань. Здесь пробылъ онъ до воцаренія Михаила Федоровича Романова, когда воевода князь Ив. Михайловичъ Воротынскій отослалъ его к царю в Москву, откуда в сентябре 1615 года Карданъ

былъ отпущенъ «въ свою Черкесскую землю» съ подарками и милостивой грамотой.

Однако волненія последующихъ летъ, особенно разгромъ Астрахани Заруцкимъ, отразились несколько на мирной жизни Кавказскаго рубежа. Мятежникъ намеревался возбудить этотъ населенный разнородными обитателями край, чтобы собрать рать и идти съ нею для погромовъ подъ Самару, украйные города и Москву. Выдавая себя за мужа « царицы Марины» онъ разослалъ по всемъ окружнымъ местамъ призывныя грамоты, съ требованіемъ покорности себе, ей и ея сыну. Весть о томъ достигла и Кавказа, где стрельцы и прочіе служилые люди города Терка не совсем еще успокоились. На первыхъ порахъ хотели они пристать къ волновавшейся Астрахани. Такое намереніе могло окончиться печально для тамошнего края и для мирныхъ жителей. Чтобы помочь этому горю, мурза Сюнчалей посоветовавшись с воеводой Петромъ Головинымъ, решилъ, ради успокоенія умовъ, съездить въ Астрахань, чтобы удостовериться, действительно ли именующій себя Дмитріем есть тотъ самый самозванецъ, котораго онъ зналъ лично. Поехалъ онъ туда съ «окочанами» и пробылъ «у Ивашки на дворе съ неделю». Что говорилъ съ нимъ Заруцкій, – осталось для всехъ тайной. Но повидимому, Сюнчалей понялъ, что имеетъ дело не съ «подлиннымъ» царемъ, а с мятежнымъ предводителемъ. Мурза виделъ, какія неистовства творитъ последній. По пріезде на Терекъ, Сюнчалей рассказалъ, конечно, тамошнимъ жителямъ о происходящихъ въ Астрахани злодействахъ, советуя воеводе Головину отправить противъ воровъ рать. Но терцы все еще колебались, не зная, на что решиться и что предпринять.

Прошло несколько безпокойныхъ дней самаго напряженнаго ожиданія. Наконец, выдался случай, который сразу открылъ терцамъ глаза, какія могутъ быть последствія отъ сообщничества съ Заруцкимъ.

На третьей неделе великаго поста 1614 года, они перехватили на Сухой Борозде Михалку Чернаго. Его доставили в Терку, где онъ подъ пыткой разсказалъ о злобныхъ намерінхъ Ивашки, что «на Великъ день хочетъ онъ быть на Терекъ, Петра Головина и многихъ людей казнить, а его Михалка, послалъ поднять кабардинскихъ князей и черкесъ идти на Русь войною».

Услышавъ такую весть, Головинъ, Сюнчалей и все служилые и жилецкие люди принесли присягу царю Михаилу Федоровичу и «того же часа» снарядили подъ Астрахань рать, подъ начальствомъ стрелецкаго головы Василія Хохлова, в числе 700 человекъ, въ составе: детей боярскихъ, стрельцовъ, терскихъ вольныхъ казаковъ, окоченей и новокрещенъ черкесскихъ, которые, придя туда, очистили городъ отъ мятежниковъ.

Въ то же время, после михалкина разсказа, сейчасъ же мурза Сюнчалей разослалъ отъ себя отписки «въ Кабарду и Кумыки къ ихъ князьямъ и мурзамъ» о воцареніи на Руси законнаго государя Михаила Федоровича.

Узнавъ о томъ, «князь Гирей с братьею, Алибекъ князь Казы-Кумыцкій,

Суркай князь Карабулацкій, Маметханъ-мурза съ братьею Тарковскіе и иные Кумыцкіе князи съ узденями, Солохъ, князь Кабардинскій, Казы-мурза Шентуковъ, Аитесъ мурза Алкасовъ, и Мврда мурза съ уздени – тому обрадовались и по своей вере правду дали, шертовали и государю служатъ и прямятъ».

Когда терскій воевода Петръ Головинъ донесъ о томъ в Москву, отъ государя Михаила Федоровича были присланы, «по большомъ царскомъ титуле», похвальныя за службы и верность грамоты Сюнчалею мурзе и Солоху князю съ братьею. Въ первой изъ нихъ, между прочимъ, говорилось:

«Ты, Сюнчалей мурза, помня къ себе прежнихъ великихъ государей, царей российскихъ, предковъ нашихъ, милость, и жалованье, и свою правду, и обещаніе, въ то смутное время ни къ которому нашему недругу не приставалъ и воровской смуте ведомаго вора Ивашка Заруцкаго не поверилъ, а какъ ты про насъ, великаго государя, услышалъ, что по Божьей милости и по избранію всякихъ чиновъ людей всего Россійскаго царства, учинились мы, Вел. Г-рь, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россіскаго царства Государемъ, Царемъ и Вел. Княземъ всея Русси самодержцемъ, ому есте порадовались и учинились подъ нашею царскою высокою рукою и намъ служите и прямите, и надъ воромъ Ивашкой Заруцкимъ с нашими терскими воеводами и ратными людьми сопча промышляете. – И ты бъ, Сюнчалей мурза, впредъ на нашу царскую милость и жалованье во всемъ былъ надеженъ и наше царское жалованье будетъ тебе вскоре».

По полученіи обвестительной отъ царя грамоты, присланной въ Кабарду изъ г. Терка съ боярскимъ сыномъ Петромъ Смагинымъ, черкесскіе владельцы Шолохъ – князь, Казы-мурза Шептуковъ, Мурдаръ-мурза Алкасовъ, Куденекъ-мурза Канбулатовъ, Нарчовъ-мурза Бузлуковъ, Айтековы дети, въ томъ же 1614 году дали въ его присутствіи, шершную запись «за себя, за братью свою, за детей: большихъ и меньшихъ, и за всехъ улусныхъ людей своихъ: лучшихъ, середнихъ и черныхъ», чтобъ служити великому государю царю Михаилу Федоровичу до своего живота и быть подъ его высокою рукою въ прямомъ холопстве на веки неотступнымъ, где намъ, великій государь, велитъ бытии на своей службе», общаясь при этомъ «с воромъ Ивашкомъ Заруцкимъ, и с Маринкою, и съ сыномъ ея ни на которое дурно не ссылатись, и хотя они учнутъ къ намъ присылать и наговаривать на которое дурно, и намъ того не слушати, а где будетъ наша мочь, и намъ надъ ними и надъ воры, которые государю непослушны, промышляти, сколько Богъ помочи дастъ, и везде надъ ними поискъ учинить…».

Обеими царскими грамотами была обещана присылка на Терекъ дворянина Дмитрія Погожева съ царскимъ милостивымъ словомъ и жалованьемъ. По приезде въ г. Терки, ему велено было сказать тамъ:

«А ты бъ воевода, князь Петръ Петровичъ, и Сюнчалей Янгалычевичъ, и дворяне, и дети боярскіе, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и всякіе служивые терскіе люди, видя надъ нами, Великимъ Государемъ, милость

Божію и нашу царскую милость къ себе и презреніе, какъ есте начали намъ, Великому Государю, служить, служили и прямили. И ты, Сюнчалей Янгалычевичъ, былъ подъ нашею царскою высокою рукою на веки недоступнымъ. А мы, Вел. Г-рь, васъ учнемъ жаловати и держати въ нашемъ царскомъ жалованьи и въ призреніи свыше прежняго, и учнемъ къ вамъ присылать съ нашимъ жалованьемъ ежегодно безпереводно, какъ бывало при прежнихъ великихъ государехъ, царехъ россійскихъ, предковъ нашихъ, и ту вашу службу учинимъ на веки памятну детямъ вашимъ и внучатамъ: и вы бъ намъ, Вел. Г-рю, однолично служили и на нашу царскую милость и жалованье были во всемъ надежны, а наша царская милость будетъ къ вамъ непременна».

Кроме того, грамотой 10-17 іюня 1614 года повелено выдать Сюнчалею за девять летъ неполученнаго имъ жалованья. В следующемъ году, грамотой 21 марта, «за многія службы и раденія» государь пожаловалъ его «княжимъ именемъ», и приказалъ ему «быти надъ окочаны надо всеми и надъ черкасы, которые намъ Великому государю служатъ на Терке, княземъ».

Въ конце того же 1615 года Сюнчалей, Куденекъ князь и братъ его Шегунукъ мурза Бузлуковъ съ своими узденями поехали в Москву лично принести царю поздравленіе и засвидетельствовать ему и Россіи верность ихъ и кабардинского народа. На сделанномъ имъ царемъ «пріеме» въ Дворцовой палате, 6 января 1616 года, первый произнесъ речъ князь Куденекъ. Онъ говорилъ:

«Великій Государь, Царь и Великій князь Михайло Федоровичъ, всея Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и Государь обладатель! Подданные вашего царскаго величества мы, кабардинскіе князья и мурзы, услыша про ваше царское величество обрадовались и учинились подъ твоею царскою высокою рукою въ прямомъ холопстве. А ныне мы, холопы твои, пріехали к вашему царскому величеству видети ваши царскія приветливыя очи и поздравляемъ васъ, Вел. Г-ря, на вашихъ великихъ и преславныхъ Россійскихъ государствахъ: Дай Господи, – ты, Великій Государь нашъ, здравъ былъ и многолетенъ на своихъ государствахъ, и чтобъ вамъ, Вел. Г-рю, подаровалъ Богъ счастливое пребываніе и надо всеми вашими недругами победу и одоленіе, и чтобъ на всехъ вашихъ недруговъ была ваша царская сабля, а мы, холопы твои, тебе, Вел. Г-рю, противъ вашего царскаго величества недруговъ, где ваше царское повеленіе ни будетъ, везде до смерти живота своего служить готовы».

После речи государь спросилъ депутатовъ о ихъ здоровье. Думный дьякъ Петръ Третьяковъ сказалъ царю, что кабардинскіе «князи челомъ ему бьютъ» Куденекъ подвелъ сераго аргамака, Сюнчалей жеребца – «аргамачена сивожелезъ», Шегунукъ – иноходца гнедого. Государь благодарилъ и повелелъ дьяку «молвить».

«Куденекъ, Сюнчалей, Шегунукъ! Писали къ нашему царскому величеству с Терки воеводы, какъ по воле и милости всемогущаго Бога, учинились великимъ Государемъ, и вы тому обрадовались и, похотя себе нашего жалованья, учинились подъ нашею царскою рукою и шерть дали быть на веки

неотступными. Да ты жъ, Сюнчалей князь, советовавъ с нашими терскими воеводы, посылалъ нашихъ ратныхъ людей подъ нашу отчину Астрахань на воровъ Ивашка Заруцкаго с товарищи, и Божіею милостью, и нашимъ царскимъ счастьемъ, а бояръ нашихъ и воеводъ и твоею службою, наша отчина, царство Астраханское, отъ воровскія смуты очистились. Да ты жъ писалъ и посылалъ с Терки въ Кабарду и Кумыки къ княземъ и мурзамъ, обвещаючи имъ про наше государство. И кабардинскіе князи и мурзы учинилися подъ нашею царскою рукою. А ныне пріехали къ намъ сами-служити и видети наши царскія очи… И мы, Вел. Г-рь, хотимъ васъ держати подъ нашею царскою рукою въ милостивомъ жалованьи и въ презреніи, и ото всехъ вашихъ недруговъ въ обороне и въ защищеніи свыше прежняго».

По царскому указу дьякъ Третьяковъ «являлъ», после того, кабардинскимъ посламъ «государево жалованье по росписи», произнося каждому порознь приветственную речь.

7 апреля они были отпущены въ Кабарду и имъ даны были богатыя награжденія.

№ 85

Приговор съезда доверенных Кабарды и Балкарии о формировании Кабардинского конного полка

1914 года июля 24 дня. Слобода Нальчик. Доверенные от селений Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ Нальчикского округа, собравшись сего числа в слободе Нальчик для обсуждения вопросов, связанных с существующим положением в жизни Российского государства, вознеся Господу Богу молитвы о здравии и благоденствии ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего ЦАРСТВУЮЩЕГО ДОМА, единогласно ПОСТАНОВИЛИ: обратиться к начальнику Терской области и Наказному Атаману Терского казачьего войска с просьбой по телеграфу: повергнуть к стопам ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА чувство верноподданической преданности и пожелания победы над врагом русскому оружию.

Вместе с тем просить ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА разрешить населению Кабарды и пяти Горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава. Составленный текст телеграммы одобрить и просить начальника округа отправить таковую за своей подписью.

Подписи доверенных

ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 28.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974;

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи;

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией;

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (г. Нальчик);

ВЕ – Вестник Европы;

ВВ – Военный вестник;

ВГО – Всесоюзное географическое общество;

ВИ – Вопросы истории;

ВКБНИИ – Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института;

ВУА – Военно-Ученый архив;

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края;

ГП КБР – Государственное предприятие Кабардино-Балкарской республики;

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения;

ЗИРАО – Записки императорского русского археологического общества;

ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества;

ИГИ КБНЦ РАН – Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (г. Нальчик);

ИГКНСК – История горских и кочевых народов Северного Кавказа;

ИИРАО – Известия императорского русского археологического общества;

ИКОИРГО – Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества;

ИОЛИКО – Известия общества любителей изучения Кубанской области;

ИПО СОИГСИ – Издательско-полиграфический отдел Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (г. Владикавказ);

ИСКНВШ – Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы;

ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института;

ИЧИНИИ – Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института;

КБГУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (г. Нальчик);

КБНЦ РАН – Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук;

КБПИ – Кабардино-Балкарский пединститут;

КРО – Кабардино-русские отношения;

КС – Кавказский сборник;

КЧНИИ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт;

КЧНИИ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт;

КЭС – Кавказский этнографический сборник;

ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории;

МВКЛ – Метрика Великого княжества Литовского;

МЭГ – Материалы по этнографии Грузии;

НЦ – научный центр;

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея;

ПОИВАН – Петербургское отделение Института востоковедения АН;

ПОИИ – Петербургское отделение Института истории;

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи;

ПСРЛ – Полный сборник русских летописей;

РС – Русская старина;

РАН – Российская академия наук;

РБС – Русский биографический словарь;

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов;

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив;

РГИА – Российский государственный исторический архив;

РДО – Русско-дагестанские отношения;

РИО – Русско-историческое общество;

РНБ – Российская национальная библиотека;

РОО – Русско-осетинские отношения;

СГВ – Ставропольские губернские ведомости;

СМОМПК – Сборник для описания местностей и племен Кавказа;

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный научный центр Владикавказский научный центр Российской академии наук (г. Владикавказ);

СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт;

СОНИЭЯиЛ – Северо-Осетинский институт экономики, языка и литературы;

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах;

СТКЧПИ – Сборник трудов Карачаево-Черкесского пединститута;

СЭ – Советская этнография;

ТВ – Терские ведомости;

ТС – Терский сборник;

УЗАНИИ – Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института;

УЗКБГПИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного пединститута;

УЗКБГУ – Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета;

УЗКБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института;

УЗСОГПИ – Ученые записки Северо-Осетинского государственного пединститута;

ФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук;

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики;

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан;

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания;

ЧИНИИ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт;

ЧИНИИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы;

ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА 1. КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XVI – СЕРЕДИНА XVIII вв.) 9

1.1. Территории и население 9

1.2. Общественный строй, системы власти и управления 22

ГЛАВА 2. КАБАРДА И БАЛКАРИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ С НАРОДАМИ КАВКАЗА (XVI–XVIII вв.): ИСТОКИ СОЮЗА И ЕДИНЕНИЯ 43

2.1. Исторические предпосылки сближения Русского государства и Кабарды 43

2.2. Кабардинское посольство 1557 г. и политико-правовое оформление русско-кабардинских отношений 67

2.3. Институт выезда кабардинских князей как форма политического взаимодействия 91

2.4. Военно-политическое партнерство Кабарды и России в XVII – первой половине XVIII в. 98

2.5. Формирование казачьих общин на Тереке (вторая половина XVI – середина XVIII в.) 140

2.6. Кабарда во взаимоотношениях России с народами Северного Кавказа и Грузией 148

2.7. Исторические связи и взаимоотношения балкарских обществ с соседними народами и Россией в XVI–XVIII вв. 181

ГЛАВА 3. КАБАРДА И БАЛКАРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX в.: КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАРОДОВ РЕГИОНА 211

3.1. Антиколониальная борьба Кабарды в конце XVIII – первой трети XIX века 211
3.2. Статус Кабарды в российской административно-политической системе (конец XVIII в. – середина XIX в.) 226
3.3. Экономическая и общественная ситуация в Кабарде во второй четверти XIX в. 245
3.4. Балкарцы в системе кавказской политики России конца XVIII – первой трети XIX в. Принятие российского подданства (1827) 252
3.5. Включение балкарских обществ в российскую административно-судебную систему: опыт косвенного управления (вторая треть XIX в.) ... 263
3.6. Казачья и крестьянская колонизация территории Кабарды во второй половине XVIII – первой половине XIX в. 276
3.7. Торговые отношения между коренными народами и русским населением 282

ГЛАВА 4. КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (1860-Е ГГ. – НАЧАЛО XX В.) 297
4.1. Административные и судебные преобразования 297 .....
4.2. Социально-экономические преобразования в Кабарде и Балкарии 314
4.3. Социокультурное развитие пореформенной Кабарды 331
4.4. Изменение поземельных отношений в Балкарии 345
4.5. Демографические и социокультурные процессы в Балкарии пореформенного периода 351
4.6. Формирование полиэтничного населения на территории Кабарды 360 .....
4.7. Взаимовлияние в сфере материальной и духовной культуры восточнославянского и местного населения 368
4.8. Достижения интеграции в культурно-просветительской практике и общественной мысли кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX в. 375 .....

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 405
ПРИЛОЖЕНИЕ 415
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 538

В книге использованы иллюстрации из следующих изданий:

Батирай Эдыдж. «Черкесы, Адыги» в рисунках европейских художников XVII–XIX веков. Майкоп, 2009;
Интернет-ресурсы черкесских сайтов; Черкесия в картах XIV–XVIII веков. Краснодар, 2011;
Самир Хотко. Открытие Черкесии; Картографические источники XIV–XVIII веков. Майкоп, 2015;
Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начало XVI века. Москва, 1974;
Лицевой летописный свод XVI века; Благотворительный фонд содействия развитию культуры. Москва, 2014. (Общество любителей древней письменности);
Османов Хыйса Лейлунович. Балкария сквозь века / Х.Л. Османов. Пятигорск, 2017;
Балкария: время и лица. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2004;
Интернет-ресурсы казачьих сайтов; *Бурда Э.В.* Терское казачье войско второй половины XVI – начала XX в. Нальчик, 2010; Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. Т. 11. СПб., 1913; URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 27.07.2016); *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.);
Историко-этнографические очерки. М., 1974; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988; *Тютюнина Е.С.* Поселения Кабардино-Балкарии XVIII–XX вв. Документированные очерки. Нальчик, 2015; *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913; Кабардинская семья. Серия «Типы Кавказа». https://leventkazak.files.wordpress.com/2017/05/s-dde9bc55731b646d35c4ad41fd7c7a90eae367e4.jpg?w=2000&h=1410; http://pravitelstvo.kbr.ru/novosti_ministerstv_i_vedomstv.php?month=03&year=2016&ID=4397;
ЦГА КБР. Ф. 20. № 14022.

УДК – 94(47)
ББК – 63.3(2 Каб)
В 26

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН
и Государственного казенного учреждения Кабардино-Балкарской Республики
«КБР-МЕДИА»

Руководитель научного проекта, научный редактор
доктор исторических наук, профессор ***К.Ф. Дзамихов***

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор ***З.В. Канукова***
доктор исторических наук, профессор ***А.В. Венков***

Художественный редактор ***И.Х. Кушхова***

В 26 Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.: ил.

Работа посвящена исследованию развития народов Кабардино-Балкарии в региональном и общероссийском историческом контексте с середины XVI до начала XX в. Раскрывается поступательный процесс политического сближения, исторического взаимодействия и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Века совместной истории отмечены важными вехами. С середины XVI до последней четверти XVIII в. это взаимодействие по своим функциям носило характер военно-политического сотрудничества, направленного против общей внешней угрозы, а во внутрирегиональном плане способствовало установлению и стабильному поддержанию связей России с народами Кавказа. С конца XVIII в. и до 1860-х годов длилась переходная кризисная фаза, соответствующая периоду Кавказской войны. Конец 1860-х–1917 гг. характеризуются процессом постепенного включения Кабарды и Балкарии в единую российскую судебно-административную и социально-экономическую систему в ходе модернизирующих реформ. Интеграция народов региона в состав Российской империи сопровождалась существенным обновлением и становлением новых связей в сфере хозяйственного землепользования, торгово-экономических отношений и разнообразного культурного обмена между кабардинцами, балкарцами и русским населением.

УДК – 94(47)
ББК – 63.3(2 Каб)

Научное издание

ВЕКА СОВМЕСТНОЙ ИСТОРИИ: НАРОДЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ (1557–1917 гг.)

Компьютерная верстка и техническое редактирование ***И.Х. Кушховой***

Подписано в печать 10.07.2017. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Бумага мелованная. Гарнитура Palatino Linotype. Печать офсетная. Усл. печ. *л*. 44,2. Тираж 1000 экз. (1-й завод – 500). Заказ .

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН). 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел.: 8 (8662) 42-46-97. E-mail: kbigi@mail.ru.

Отпечатано в АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий». 364026, ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35.

ISBN 978-5-91766-135-3

© ИГИ КБНЦ РАН, 2017
© Дзамихов К.Ф., составление, вступительная статья, 2017